

А. ОЛАРЪ

ПРОФЕССОРЪ ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОРАТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И КОНВЕНТЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Л. БОРИСОВИЧА.

Складъ изданія: Москва, Моховая,
д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова.
1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первомъ томѣ настоящаго труда мы изучали ораторское искусство въ періодъ Учредительнаго Собранія и дали, такимъ образомъ, первую часть новой главы исторіи французской литературы. Вторая часть этой главы, которую мы предлагаемъ нынѣ публикѣ, относится къ столь богатому разнообразными событіями періоду, простирающемуся отъ 1-го октября 1791 г. до 26-го октября 1795 г., т. е. отъ открытія Законодательнаго Собранія до закрытія Національнаго Конвента. Въ этотъ промежутокъ времени происходятъ наиболѣе, быть можетъ, исключительныя событія исторіи Франціи: война съ Европой, агонія конституціонной монархіи, паденіе трона, введеніе всеобщаго избирательнаго права, попытка демократической республики, процессъ и казнь Людовика XVI, поединокъ Жиронды и Горы, терроръ, 9-ое термидора, послѣдовавшая реакція и, втеченіе всего этого періода, гражданская война. Въ какой странѣ и въ какое время обстановка политическаго краснорѣчія была болѣе интересной и болѣе потрясающей? Если судить только по событіямъ, вдохновлявшимъ ихъ, то какіе ораторы были болѣе достойны вниманія литературной критики, чѣмъ монтаньяры и жирондисты, чѣмъ Верньо или Дантонъ? Но чѣмъ болѣе трагическимъ становится содержаніе этого краснорѣчія, тѣмъ болѣе можно опасаться, что читателю противно будетъ изучать его форму съ точки зрѣнія искусства. Многіе, даже просвѣщенные умы имѣютъ инстинктивное отвращеніе къ людямъ и дѣламъ Конвента, и имъ кажется невозможнымъ, чтобы въ разгарѣ террора можно было быть краснорѣчивымъ на манеръ грековъ и римлянъ. Если у нихъ хватить смѣлости отречься на моментъ отъ наслѣдственныхъ предразсудковъ, то эта книга убѣдитъ ихъ, что культъ формы никогда не исчезалъ во Франціи, даже въ мрачныя часы террора, что и въ наиболѣе острый моментъ кризиса сохранялась

сильная любовь къ краснорѣчію и что, далеко не впадая въ литературный санкюлотизмъ, истинные ораторы того времени, слишкомъ покорные традиціямъ классической риторики, проявили себя въ своемъ стилѣ скорѣе робкими, чѣмъ новаторами. Что же касается тѣхъ, которые презирають эту литературу и презрѣніе которыхъ является дѣломъ моды или интереса, то излишне пытаться оправдать въ ихъ глазахъ нашъ трудъ, какъ невозможно внушить правильные взгляды тому проникнутому ненавистью педантизму, который съ нѣкотораго времени старается показывать лишь отвратительную или смѣшную сторону революціи. О себѣ мы можемъ сказать, что если бы Вандея имѣла въ Конвентѣ ораторовъ, то мы бы стыдились оставить въ тѣни то, что могло бы быть интереснаго или благогоднаго въ ихъ характерѣ и ихъ монархической вѣрѣ.

Что касается плана настоящей книги, то онъ не такъ простъ, какъ планъ нашихъ очерковъ объ ораторахъ Учредительнаго Собранія. Тамъ мы изучали одинъ періодъ революціи, и рѣчи, о которыхъ мы говорили, раздавались съ одной и той же трибуны. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ двумя различными эпохами и двумя ассамблеями, продолжительность которыхъ не одинакова,—Законодательнымъ Собраніемъ, существовавшимъ только одинъ годъ, и Конвентомъ, существовавшимъ болѣе трехъ лѣтъ. Наболѣе блестящіе ораторы первой ассамблеи засѣдали и во второй. Можно ли изучать ихъ одинъ за другимъ, Конвентъ вслѣдъ за Учредительнымъ Собраніемъ, и раздѣлить, такимъ образомъ, на двѣ части исторію жирондистскаго краснорѣчія? Самое лучшее изучать каждую партію въ ея историческомъ развитіи, начавъ съ той, существованіе которой было наименѣе продолжительнымъ. Мы поэтому изучимъ раньше ораторовъ роялистско-конституціонной партіи, исчезающихъ вмѣстѣ съ Законодательнымъ Собраніемъ, затѣмъ ораторовъ Жиронды, которыхъ заставятъ замолкнуть 2 іюня 1793 г. и, наконецъ, ораторовъ Горы и партіи центра Національнаго Конвента.

Какъ мы то сдѣлали для Учредительнаго Собранія, мы каждую группу, каждаго оратора помѣстимъ въ его исторической обстановкѣ. Недостаточно сказать: это—хорошая, это—плохая рѣчь. *)

*) Къ этому исключительно сводится критика Жерюзе (Gerusez) въ его *Histoire de la littérature française pendant la Révolution*, гдѣ, впрочемъ, мало что имѣется о краснорѣчии. Маронъ, авторъ книги *Histoire littéraire de la Convention* (Paris,

Надо объяснить еще событія и идеи, составляющія матеріалъ рѣчей, и поэтому, при изученіи парламентскаго краснорѣчія, литературный критикъ долженъ быть историкомъ. Но если исторія Учредительнаго Собранія извѣстна и окончательно установлена, то не такъ обстоитъ дѣло съ исторіей Законодательнаго Собранія и въ особенности Конвента. Она во многихъ умахъ живетъ еще въ легендарномъ состояніи, и вина этого падаетъ часто именно на великихъ писателей, которые судили о революціи съ точки зрѣнія красоты словъ и дѣлъ; т. е. — съ точки зрѣнія, соприкасающейся съ нашей. Такъ, Ламартина въ написанъ о жирондистахъ романъ, который всякій, познакомившійся съ источниками, долженъ отвергнуть и который былъ, скорѣе, политическимъ актомъ, чѣмъ историческимъ произведеніемъ. Мишле, столь вѣрный выразитель революціоннаго духа, создалъ, самъ того не замѣчая, умныя легенды, соответствующія духу революціи, но часто поэтическаго характера, и, — надо ли это сказать? — онъ былъ очень не требователенъ въ выборѣ источниковъ и критикѣ текстовъ. Если бы исторію краснорѣчія задумали писать по этимъ двумъ поэтамъ, то въ результатѣ получилась бы сплошная декламация. Прибавимъ, что послѣ нихъ и послѣ точнаго и неполнаго Луи-Блана къ исторіи Конвента былъ примѣненъ истинно-научный методъ и что дѣйствительные источники ея были указаны учеными, какъ Ватель, Добанъ, Робине, Кларси, Бире, Канпардонъ, Валлонъ, монографіи которыхъ даютъ возможность исправлять общія исторіи. *) Основываясь на ихъ работахъ, мы могли возстановить или найти лица ораторовъ, преображенныя фантазіей или стершіяся, благодаря небрежности. Наши личные поиски въ печатныхъ произведеніяхъ Національной бібліотеки и въ Архивахъ позволили намъ опредѣлить не одну новую черту для характеристики Верньо, Дюко, Луве и Кувона. Но то, что мы даемъ совершенно самостоятельнаго, не наполняетъ насъ гордостью; мы были бы болѣе довольны собою, если бы имѣли силу и время прочесть большее число изданныхъ и извѣстныхъ документовъ, напр., всѣ газеты, появившіяся отъ 1791 до 1795 г. Пришлось

1860, in—12), былъ болѣе озабоченъ объясненіемъ ораторскаго вдохновенія дѣятелей Конвента; но и у него этому удѣлено лишь нѣсколько спѣшно написанныхъ страницъ.

*) Не надо забывать, что строки эти были написаны въ 1885 г., то-есть, до того періода, когда исторіей революціи занимались наиболѣе усердно и когда появилось наибольшее число книгъ о ней.

поневоля отступить передъ дѣломъ, для котораго не хватило бы и цѣлой человѣческой жизни.

Наиболѣе новымъ въ нашемъ трудѣ является критика текстовъ. Къ импровизированнымъ рѣчамъ революціонныхъ ораторовъ, дошедшимъ до насъ, въ виду отсутствія стенографіи, искаженными или изуродованными, мы старательно примѣняли тотъ методъ, которымъ пользуются для древнихъ текстовъ: сопоставляя между собою отчеты засѣданій, мы приводили тотъ текстъ, который наиболѣе приближается къ импровизированнымъ формамъ. Указаніемъ на источники и на методы, которыми мы пользовались, мы и начнемъ наше изложеніе.

Книга I.

Текстъ рѣчей.

I.

Говоря объ ораторахъ Учредительнаго Собранія, мы указали уже на причины, почему нельзя почти никогда найти дословнаго отчета о политическихъ рѣчахъ революціонной эпохи. Въ періодъ отъ 1789 до 1791 гг. представлялось уже неоднократно труднымъ опредѣлить наиболѣе близкій къ подлиннику текстъ; эта задача становится еще болѣе сложной за періодъ Законодательнаго Собранія и Конвента въ виду увеличенія числа газетъ. Но если нашъ трудъ является болѣе кропотливымъ, то онъ чаще будетъ увѣнчиваться успѣхомъ, и увеличеніе числа газетъ представитъ для насъ то преимущество, что, благодаря конкуренціи и опыту, онѣ съ каждымъ днемъ будутъ все больше приспособляться и лучше редактироваться.

Укажемъ раньше всего, что при открытіи Законодательнаго Собранія возросло число газетъ, обѣщающихъ приводить дебаты во всей ихъ сложности и въ діалогической или, какъ тогда выражались, „драматической“ формѣ. Нѣтъ уже той заботы, какую проявлялъ *Point du Jour* Барера и *Moniteur* при Маре, чтобы давать читателямъ складный, корректный, приличный резюмэ. *Journal logographique* не остался въ этомъ отношеніи безъ послѣдователей. Его издатель, de Hodey, стремясь быть вполнѣ точнымъ, а иногда и съ задней сатирической мыслью, воспроизводилъ даже ошибки, даже *lapsus*'ы ораторовъ; газеты, конкурировавшія съ нимъ или замѣстившія его, подражаютъ иногда этой ультра-дословной точности, потому что публика становится болѣе любопытной къ деталямъ и не требуетъ больше тѣхъ обобщеній, сжатыхъ отчетовъ, которыми, въ

1789 г., слѣдую ложному классическому идеалу, ограничивались первые адепты новаго искусства—журнализма. Обычай читать газеты и абонироваться на нихъ распространился вполнѣ въ провинціи только къ концу 1791 г. Къ этому времени всякій просвѣщенный и состоятельный человѣкъ получаетъ газету изъ Парижа, одоаживаетъ ее другимъ, читаетъ ее вслухъ въ своемъ домашнемъ кругу. Часть засѣданій политическихъ клубовъ или народныхъ обществъ проходитъ въ чтеніи главныхъ газетъ. Вся Франція знакомится съ парламентскимъ механизмомъ, мысленно переносится въ Манежъ или въ Тюльери, представляетъ себѣ Верньо или Робеспьера на трибунѣ. Возникаетъ интересъ къ мелкимъ подробностямъ, къ внѣшней сторонѣ дебатовъ, и публика начинаетъ оказывать предпочтеніе газетамъ, дающимъ ощущеніе зрѣлища, которое, при трудностяхъ сопряженныхъ въ то время съ путешествіями, никогда не представилось бы случая видѣть собственными глазами. Рядомъ съ серьезной исторіей, газета начинаетъ отмѣчать и анекдотическую исторію. Въ отчетахъ о парламентскихъ засѣданіяхъ рѣчь не приводится больше какъ непрерывный рядъ аргументовъ, съ величественнымъ спокойствіемъ приведенныхъ на трибунѣ; до отдаленныхъ читателей доносятся и тѣ замѣчанія, которыми прерывалась рѣчь, а аплодисменты, привѣтствующіе конецъ ея, не являются больше общимъ и приличнымъ шумомъ: къ нимъ примѣшиваются смѣхъ, шиканье, серьезные или смѣшные инциденты. Это, скажутъ, объясняется тѣмъ, что Законодательное Собраніе и Конвентъ были болѣе бурными, чѣмъ Учредительное Собраніе; совершенно вѣрно, но это объясняется еще и тѣмъ, что журналисты понимаютъ и видятъ, что читателей ихъ интересуетъ все разнообразіе парламентской жизни, обыденныя и ничтожныя детали, какъ и краснорѣчивыя диссертации. Новая литература, порожденная парламентскимъ строемъ, чувствуетъ, что она сможетъ существовать, лишь будучи реальной, и что она должна стремиться воспроизвести цѣликомъ то зрѣлище, съ которымъ она желаетъ познакомиться, а не выбирать только благородныя черты.

II.

Наиболѣе вѣрными и единственными, обнимающими весь интересующій насъ періодъ, являются отчеты *Moniteur'a* и *Journal des Débats et des Décrets*.

Мы уже говорили *) о той степени довѣрія, съ какой слѣдуетъ относиться къ отчетамъ *Moniteur*'а. Значеніе и успѣхъ этой газеты, которая станетъ официальной въ VIII году, только увеличиваются въ періодъ отъ 1791 до 1795 г. Ея парламентская хроника является въ общемъ наиболѣе удовлетворительной, хотя Маре пересталъ составлять ее со времени закрытія Учредительнаго Собранія. Но его методъ примѣняютъ и преемники его, которые, однако, расширяютъ свои рамки и желаютъ быть болѣе полными, чѣмъ то могъ быть, при возникновеніи журнализма, талантливый Маре. Бюллетень Ассамблеи, который онъ самъ составлялъ, становится скоро дѣломъ нѣсколькихъ сотрудниковъ и одного главнаго редактора, которымъ, съ октября 1791 г. до февраля 1795 г., былъ Гранвиль (*Thouau-Grandville*). Но послѣдній неоднократно уступалъ на время свое мѣсто болѣе важнымъ особамъ. Такъ, съ перваго августа 1792 г. до конца октября того же года, хроникѣ Ассамблеи редактировалъ Рабо-Сентъ-Этьенъ. Его самого втеченіе нѣсколькихъ засѣданій замѣщалъ Гара. 31 октября 1792 г. Гранвиль снова вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, относясь къ нимъ не очень добросовѣстно, если судить о томъ по письму къ Робеспьеру, приведенному въ докладѣ Куртуа и подписанному: „Гражданинъ Г***, главный редакторъ хроники Національнаго Конвента въ *Moniteur*“.

16 іюня 1793 г. Робеспьеръ потребовалъ ареста „вѣроломныхъ журналистовъ, являющихся наиболѣе опасными врагами свободы“. Тогда Гранвиль обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ слѣдующимъ образомъ защищалъ *Moniteur*:

„Лишь два мѣсяца тому назадъ существовало мнѣніе, что газета должна одинаково публиковать все, что говорится за и противъ; мы, рискуя иначе навлечь на себя непріятности и потерять довѣріе своихъ подписчиковъ, принуждены были печатать самую глупую болтовню болвановъ или интригановъ, засѣдающихъ на правой сторонѣ. Вы должны были, однако, замѣтить, что *Moniteur* воспроизводилъ всегда съ гораздо большей точностью рѣчи Горы, чѣмъ другихъ. Я привелъ только небольшой отрывокъ изъ обвинительной рѣчи, которую Луве произнесъ противъ васъ, между тѣмъ, какъ вашъ отвѣтъ я помѣстилъ цѣликомъ. Я воспроизвелъ почти цѣликомъ всѣ рѣчи, которыя были произнесены за казнь короля, и привелъ только нѣсколько отрывковъ изъ другихъ, вынужденный къ тому необходимостью со-

*) Ораторы революціи. Т. I, Учредительное Собраніе, стр. 17—18.

хранить хоть сколько-нибудь характеръ безпристрастности... Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я прилагаю всѣ старанія, чтобы разсѣять предубѣжденія, которыя могли вызвать противъ насъ нѣсколько отчетовъ о засѣданіяхъ, составленныхъ прошлою зимою и въ моемъ отсутствіи Рабо-Сентъ-Этьеномъ. Извѣстно, что Рабо сотрудничалъ въ *Moniteur*'ѣ лишь нѣсколько недѣль. Мы отказали ему, точно такъ какъ и нѣкому *His*'у, участвующему теперь въ *Républicain*'ѣ, и мы перемѣнимъ также политическаго редактора. Достаточно, впрочемъ, бросить взглядъ на нашу газету за послѣдній мѣсяць, чтобы убѣдиться, что ни одна другая газета не способствовала въ большей степени посрамленію въ глазахъ общественнаго мнѣнія интригановъ, которымъ народъ не замедлитъ воздать по заслугамъ. Благодаря этому, мы потеряли тысячу подписчиковъ на югѣ и въ Нормандіи, а въ Марселѣ *Moniteur* задержали на почтѣ, а потомъ публично сожгли. Мы думаемъ, что все это даетъ намъ нѣкоторое право на снисхожденіе и даже на покровительство патріотовъ*.

Но Гранвиль возводилъ на себя напраслину, обвиняя себя въ изуродованіи мысли жирондистовъ. Невѣрно, что *Moniteur* напечаталъ только небольшой отрывокъ изъ обвинительной рѣчи Луве, такъ какъ въ номерѣ отъ 31 октября 1792 г. она воспроизведена цѣликомъ, точно такъ, какъ въ номерахъ за декабрь 1792 г. и за январь 1793 г. воспроизведены полностью, вопреки утверженію корреспондента Робеспьера, рѣчи сторонниковъ апелляціи къ народу. Рабо же редактировалъ Бюллетень Ассамблеи втеченіе не трехъ недѣль, а трехъ мѣсяцевъ. Письмо къ Робеспьеру является, слѣдовательно, не больше, какъ собраніемъ наглыхъ неточностей, и когда Куртуа опубликовалъ его, то *Moniteur* выступилъ съ протестомъ, возстановилъ факты и успѣшилъ освободиться отъ Гранвиля*).

Значитъ ли это, что до іюня 1793 г. газета эта передавала дебаты съ полной безпристрастностью? Въ дѣйствительности Рабо велъ Бюллетень Ассамблеи въ явно жирондистскомъ духѣ, и не все является ложью въ утверженіяхъ Амара, приведенныхъ имъ въ обвинительномъ актѣ о жирондистахъ. „Рабо-Сентъ-Этьенъ, — читаемъ мы тамъ, — отличился особаго рода талантомъ. Онъ сталъ редакторомъ одной весьма распространенной газеты, называющейся *Moniteur* и о которой установилось мнѣніе, что

*) См. по сему поводу №№ 1-го и 2-го вентоза III-го года.

она съ дословной точностью приводить рѣчи ораторовъ Конвента. Занимая это мѣсто, онъ въ рѣчи патриотовъ вносилъ измѣненія, аналогичныя тому жанру клеветы, который былъ введенъ въ практику его партией: прибавляя, упуская или перемѣщая одно какое-либо слово, онъ выставлялъ на посмѣшище всей Европы защитниковъ французской республики“. Амаръ преувеличиваетъ, но, несомнѣнно, что составитель отчетовъ къ концу 1792 г. старается исправлять къ ихъ выгодѣ рѣчи жирондистовъ, между тѣмъ, какъ онъ не прощаетъ монтаньярамъ ихъ ошибокъ и неточностей. Въ началѣ 1793 г., хотя Рабо уже покинулъ газету, въ ней продолжаетъ все больше и больше преобладать жирондистскій духъ. Такъ, *Moniteur* намѣренно искажаетъ два весьма важныхъ монтаньярскихъ документа: рѣчь Робеспьера, произнесенную 10 апрѣля 1793 г., *) и знаменитый адресъ, прочитанный Руссеномъ 15 апрѣля. И хотя сами они не отказывались извращать, при случаѣ, мнѣнія своихъ противниковъ, но эта преднамѣренная неточность наиболѣе распространеннаго въ то время органа вызвала противъ него гнѣвъ побѣдителей 31-го мая, обвинявшихъ его въ продажности. Въ настоящее время извѣстно, насколько подозрѣнія эти были справедливы: сотрудники этой газеты получали деньги изъ тайныхъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ, во главѣ котораго, съ 10 августа 1792 г. до пораженія Жиронды, стоялъ жирондистъ Ле Бренъ-Тондю **). Но 3-го съ же іюня *Moniteur* предоставилъ себя къ услугамъ Горы, и своимъ усердіемъ и угодливостью по отношенію къ монтаньярамъ заставилъ забыть свое жирондистское прошлое. Такъ, онъ изуродовалъ всѣ столь краснорѣчивыя письма, которыя арестованные жирондисты написали предсѣдателю Конвента

*) Рѣчь эта, направленная противъ Жиронды, которую Робеспьеръ обвинялъ въ сношеніяхъ съ тиранами и съ Дюмурье, была однимъ изъ главныхъ актовъ въ конфликтѣ между Жирондой и Горой. Она была произнесена какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, приведенный въ ярость измѣной Дюмурье, парижскій народъ сталъ обращать свой гнѣвъ противъ жирондистовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ тайномъ содѣйствіи генералу Дюмурье. Рѣчь Робеспьера выражала, такимъ образомъ, настроеніе парижской толпы и возвѣщала грозу. Успокоившіяся-было нѣсколько страсти, снова разгорѣлись, и черезъ два дня, 12 апрѣля, жирондисты, воспользовавшись отсутствіемъ значительнаго числа монтаньяровъ, убѣдили Конвентъ принять постановленіе объ арестѣ Марата, имѣвшемъ столь печальныя для нихъ же послѣдствія.

Прим. перев.

**) F. Masson, Le département des affaires étrangères стр. 262.

и которыя, какъ литературныя произведенія, оказываютъ имъ немалую честь. Робеспьеръ, какъ мы видѣли, гремѣлъ еще, однако, на засѣданіи 16-го іюня противъ жирондистскихъ газетъ, и тогда Гранвиль, поступая, быть можетъ, такимъ образомъ по настоянію самихъ собственниковъ газеты, впоследствии порицавшихъ его, написалъ приведенное нами циничное письмо. Отнынѣ рѣчи Дантона и Робеспьера, которыя раньше приводили сокращенно *), стали печатать цѣликомъ, и возможно даже, что не одинъ монтаньяръ, если онъ не передалъ редактору *Moniteur* своей рукописи, могъ лично исправлять свою импровизацію въ корректурѣ. Когда девятаго термидора поражение Робеспьера стало несомнѣннымъ, *Moniteur* сдѣлалъ опять *volte-face* и далъ термидорцамъ неопровержимое доказательство перемѣны своего направленія, не напечатавъ столь, однако, важной рѣчи, которую побѣжденный произнесъ на засѣданіи восьмого термидора.

При изученіи текста рѣчей ораторовъ Законодательнаго Собранія и Конвента не надо, слѣдовательно, забывать, что *Moniteur* былъ жирондистскимъ до 2 іюня 1793 г., робеспьеристскимъ до девятаго термидора и термидорскимъ до конца Конвента. Я прибавляю, что въ началѣ Законодательнаго Собранія онъ на моментъ склонялся въ сторону роялистовъ — конституціоналистовъ, о чемъ свидѣлствуетъ та заботливость, съ какой онъ отъ октября до декабря 1792 г. воспроизводитъ ихъ рѣчи, между тѣмъ какъ онъ притворяется, будто плохо слышитъ патриотовъ или забываетъ ихъ имена.

Надо еще указать, что въ *Moniteur* очень неудачно составлены отчеты о первыхъ засѣданіяхъ Законодательнаго Собранія и Конвента. Онъ въ обоихъ этихъ случаяхъ во многомъ уступаетъ другимъ большимъ газетамъ. Онъ часто также коверкаетъ собственныя имена, раздѣляя въ этомъ отношеніи беззаботность всей прессы и, кажется, самой публики. Болѣе важно то, что часто и даже при наиболѣе важныхъ дебатахъ онъ упускаетъ указанія, которыя даютъ возможность слѣдить за ходомъ дебатовъ. Такъ, онъ неоднократно пропускаетъ текстъ самого обсуждающагося предложенія или внесенныхъ поправокъ. Рѣчи ничѣмъ больше не связаны между собою, и безъ помощи другихъ газетъ этотъ почтенный регистръ революціи былъ бы неудобопонятенъ даже для наиболѣе внимательныхъ читателей.

*) Въ частности длинную рѣчь Дантона отъ 21 янв. 1793 г.

Отсюда слѣдуетъ, что для исторіи парламентскаго краснорѣчія надо пользоваться *Moniteur*’омъ съ большою осторожностью, особенно, когда дѣло идетъ объ officialномъ документѣ, о проектѣ закона, декретѣ или формулѣ перехода къ дѣламъ. Не надо также забывать, что онъ не безпристрастенъ, и поэтому его надо постоянно провѣрять при помощи другихъ газетъ и относящихся къ тому времени мемуаровъ. Но такъ какъ онъ въ общемъ является наиболѣе полнымъ и наиболѣе освѣдомленнымъ органомъ и такъ какъ онъ чаще всего пользуется довѣріемъ современниковъ, то онъ будетъ намъ служить исходнымъ пунктомъ и первымъ источникомъ для нашего труда.

III.

Соперникомъ *Moniteur*’а является газета небольшого формата, плохо напечатанная на плохой бумагѣ, отвратительная на видъ и непріятная при прикосновеніи, но представляющая капитальную важность для нашего предмета; я имѣю въ виду—*Journal des Débats et des Décrets*, который превратится въ современный *Journal des Débats* *). Посвященный исключительно отчетамъ о парламентскихъ дебатахъ, онъ только довольно поздно сталъ помѣщать политическій бюллетень, который въ первое время заполняли лишь вѣсти изъ-за границы. Основанный 30 августа 1789 г. депутатами провинціи Овернь **) для оверньцевъ, онъ сначала имѣлъ очень небольшой успѣхъ у парижанъ, и, надо признаться, что его отчеты объ Учредительномъ Собраніи—самыя сухіе, самыя ничтожныя. Но онъ преобразуется съ самаго же открытія Законодательнаго Собранія, первыя засѣданія котораго онъ передаетъ съ подробностями, не имѣющимися ни въ какой другой газетѣ. Главное затрудненіе, въ виду этой толпы новопрішельцевъ, торопившихся выступить на трибунѣ, состояло въ томъ, чтобы дать имя ано-

*) Одна изъ большихъ парижскихъ газетъ консервативнаго направленія.

Прим. перев.

**) Они (Віоза, Гюге и Гренъе) начали съ того, что посылали своимъ набирателямъ письма, имѣвшія громадныя успѣхы. Театръ Клермона по три раза наполнялся народомъ, приходившимъ слушать письма Віоза. Тогда оверньскіе депутаты рѣшили печатать свои письма, а затѣмъ образовали изъ нихъ газету. См. Francisque Mège, *Les fondateurs du Journal des Débats*, en 1789 Clermont Ferrand, 1865.

нимнымъ лицамъ Кутона, Гюаде, Верньо. Но для собственника газеты, національнаго типографа Бедуэна, парламентскія дѣла не составляли секрета, и, благодаря секретарямъ Ассамблеи, онъ могъ въ этотъ младенческой періодъ репортажа узнать и указать нѣкоторыя имена будущихъ знаменитостей. Само собою разумѣется, что такое превосходство въ свѣдѣніяхъ обезпечило успѣхъ *Journal des Débats*. Въ ноябрѣ 1791 г. Рабюссонъ-Ламоть пишетъ своимъ избирателямъ: „Относительно того, что происходитъ въ Ассамблеѣ, я могу лишь сослаться на *Journal des Débats*“ *). Въ 1793 г. Барбару посылаетъ марсельскому муниципалитету тотъ же *Journal des Débats*, когда происходитъ важное засѣданіе въ Ассамблеѣ **).

Громадное преимущество этой газеты состоитъ въ томъ, что въ ней дебаты переданы очень связно. Бываетъ, что только въ ней и можно понять дебаты, принявшіе, благодаря важности самого обсуждаемаго вопроса, шумный и беспорядочный характеръ.

Названіе газеты — *Journal des Débats et des Décrets* — не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Она далеко не приводитъ всѣхъ декретовъ, изданныхъ Законодательнымъ Собраніемъ и Конвентомъ. Но она даетъ ихъ въ большемъ числѣ, чѣмъ *Moniteur*, и воспроизводитъ ихъ съ большей точностью. А самое важное, она не упускаетъ ни одного, текстъ котораго способенъ уяснить дебаты.

Съ другой стороны, она, ради этой ясности, приноситъ въ жертву не одну рѣчь, которую ея соперникъ помѣщаетъ изъ угодливости. Все, что не необходимо, она излагаетъ, сокращаетъ, не забывая предупредить объ этомъ читателя и дѣлая это мастерски и добросовѣстно. *Moniteur* даетъ въ своихъ длинныхъ столбцахъ мѣсто многимъ бездарнымъ рѣчамъ, о напечатаніи которыхъ его, безъ сомнѣнія, просили сами ораторы, и ему случается приводить рѣчи безъ указанія на инциденты, которыми онѣ были вызваны. Небольшіе размѣры *Journal des Débats* предохраняютъ его обыкновенно отъ этого излишняго матеріала, и ему остается еще мѣсто, чтобы отмѣчать иногда интересныя детали, которыя его конкурентъ обходитъ молчаніемъ. Онъ особенно отличается тѣмъ, что заботливо указываетъ на поведеніе аудиторіи, приводя иногда всѣ замѣчанія, которыми

*) Rabusson-Lamothe, *Lettres sur l'Assemblée législative*, 1870, стр. 57.

**) *Mémoires inédits de Petion, etc.*, éd. Duaban, стр. 483.

прерывали оратора. Иногда также, когда онъ излагаетъ импровизованныя рѣчи, ему въ большей степени, чѣмъ *Moniteur*у, удается сохранить въ нихъ тотъ трепеть жизни, который чувствовался въ нихъ, когда онѣ были произнесены. Это отраженіе исчезнувшей дѣйствительности заставляетъ простить этой газетѣ многочисленныя стильныя ошибки, *lapsus*'ы, всякаго рода недочеты, происходившіе, главнымъ образомъ, отъ того, что она старалась, часто успѣвая въ этомъ, опередить всѣ другіе органы и давать на слѣдующее же утро отчетъ о состоявшемся наканунѣ засѣданіи.

Газета Бедуэна даетъ слѣдовательно, болѣе вѣрное и болѣе живое представленіе о парламентскомъ краснорѣчій; но она сильно уменьшаетъ размѣры представляемой ею картины. Прибавимъ еще, что отчеты ея, болѣе безпристрастные, чѣмъ тѣ, которые печатались въ *Moniteur*'ѣ, являются, однако, слишкомъ личными, чтобы удовлетворять обѣ стороны. Въ періодъ, наиболѣе важный для парламентской исторіи революціи, именно—отъ 10 августа 1792 г. до 9 марта 1793 г., во главѣ *Journal des Débats* стоялъ наиболѣе пристрастный изъ людей, жирондистъ Луве, и трудно поручиться за то, что онъ никогда не поддавался соблазну исказить слова своихъ противниковъ. „Луве,—восклицаетъ Амаръ въ обвинительномъ актѣ о жирондистахъ,—Луве получалъ десять тысячъ ливровъ въ годъ за то, чтобы лгать передъ міромъ въ *Journal des Débats*!“ 9 марта 1793 г. былъ изданъ, по настоянію Горы, декретъ, обязывавшій Бедуэна прекратить печатаніе того, что депутатъ Моръ назвалъ „діатрибами Луве“, и имѣть свою типографію къ услугамъ Конвента. Луве и его Лодойска перестали въ тотъ же день редактировать газету, успѣхъ которой не пострадалъ, однако, отъ этого. До конца Конвента ея отчеты сохранили тотъ же характеръ вѣрности, ясности и относительной безпристрастности. Одинъ изъ рѣдкихъ историковъ, пользовавшійся ею, какъ гидомъ, былъ настолько пораженъ ея честностью, что онъ назвалъ ее „официальной газетой того времени“ *). Въ этой ошибкѣ кроется заслуженная похвала.

*) *Vatel, Charlotte Corday*, стр. 466, и *Верньо*, т. II, стр. 103.

IV.

Moniteur и Journal des Débats обнимаютъ весь периодъ революціи и переживаютъ ее. Болѣе кратковременнымъ было существованіе двухъ болѣе важныхъ соперниковъ ихъ Logographe и Republicain Français.

27 апрѣля 1791 г. Le Hodey *) слилъ обѣ свои газеты— Journal logographique, который обѣщалъ давать дословные отчеты о засѣданіяхъ по новому способу, и Novelliste de France, бывшей газетою новостей и событій. Печатаясь сначала въ форматѣ Moniteur'a, а затѣмъ въ большемъ форматѣ англійскихъ газетъ, новый органъ назывался Logograph journal national. 5 іюня Le Hodey продалъ свою газету одному обществу, предсѣдателемъ котораго былъ нѣкій А. Журданъ, но продолжалъ еще редактировать ее втеченіе нѣкотораго времени, а затѣмъ былъ устраненъ этимъ обществомъ, вступившимъ въ сношенія со дворомъ. Преемникъ его, Ж. - Н. Ducos, придалъ отчетамъ болѣе благопріятный для политики двора характеръ. Наконецъ, послѣ 10 августа 1792 г., Logographe, какъ извѣстно, былъ закрытъ Законодательнымъ Собраніемъ, какъ органъ, субсидируемый гражданскимъ листомъ.

„Въ этой газетѣ,—говоритъ Больё,—находили все, что говорилось на каждомъ засѣданіи, даже болѣе мимолетныя слова; ничто, абсолютно ничто не пропускалось“ **). Таковой, какъ мы видѣли, была претензія членовъ логографическаго общества, и въ первые мѣсяцы его существованія, т. е. до конца Учредительнаго Собранія, Logographe силился выполнять свое обѣщаніе и быть полнымъ. Но съ первыхъ же засѣданій Законодательнаго Собранія становится замѣтнымъ, что онъ отказывается отъ этого идеала, недостижимаго еще при тогдашнихъ несовершенныхъ способахъ. Постепенно онъ сокращаетъ свои отчеты и выбираетъ для логографической передачи лишь болѣе интересныя рѣчи. Самъ этотъ выборъ дѣлается не всегда удачно и безпристрастно, и, сравнивая его съ Moniteur'омъ и Journal des Débats, обнаруживаютъ въ Logograph'ѣ не мало не-

*) О Le Hodey и его Journal logographique см. Ораторы революціи, т. I, стр. 19—21.

***) Beauharnais, Essais historiques, т. II, стр. 39.

понятныхъ опушеній. Больше того: въ 1792 г. онъ часто даже въ рѣчахъ, воспроизводимыхъ имъ якобы *in extenso*, менѣе полно, чѣмъ оба соперника его, и позволяетъ себѣ, не предупреждая о томъ читателя, излагать или сокращать дебаты. Чаще всего онъ помѣщаетъ цѣликомъ лишь рѣчи, рукописи которыхъ ему были переданы. Позволительно спросить себя, — остался ли онъ къ концу своего существованія вѣренъ своему названію и не замѣнили ли въ знаменитой ложѣ обыкновенные сотрудники тѣхъ четырнадцати логографовъ, примитивные приемы которыхъ мы описали*). Несомнѣнно, что отъ 1-го января до 10 августа 1792 г. *Logographe* ни по точности, ни по обилію свѣдѣній почти никогда не превосходитъ *Moniteur'a*. Это—газета, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ и въ которой стенографія не играетъ больше никакой роли.

Но съ того времени, какъ отчеты *Logographe'a* перестаютъ быть дословными, онъ становится хорошо составленной газетой. Въ моментъ, когда онъ пользуется наибольшимъ успѣхомъ, наканунѣ своей насильственной смерти, т. е. лѣтомъ 1792 г. онъ даетъ своимъ почтеннымъ подписчикамъ**) аналитическій, какъ мы бы теперь выразились, отчетъ, очень непохожій на подробные отчеты прежняго времени, но въ которомъ порядокъ изложенія, ясность и легкость стиля становятся почти безупречными.

Ораторовъ интересовало то, какъ *Logographe* воспроизводилъ ихъ рѣчи, и они часто приходили въ ложу мнимыхъ стенографовъ, чтобы просмотрѣть исписанные ими листы. Поэтому, въ случаяхъ сомнѣнія, надо прибѣгать къ *Logographe'у*, корректуры котораго просматривались часто самими ораторами. Но, вопреки мнѣнію Болье, повторенному за нимъ Натин'омъ, не слѣдуетъ для періода Законодательнаго Собранія принимать въ серьезъ названіе этой газеты и думать, что она составляла свои отчеты по иной системѣ, чѣмъ прочія большія газеты. Что касается ея безпристрастія, то оно не напрасно было заподозрѣно. Но какая газета того времени могла похвастать полнымъ безпристрастіемъ своихъ отчетовъ? Только стенографія можетъ претендовать на точную передачу рѣчи, но и она измѣняетъ импровизированное слово куда въ большей степени, чѣмъ то думаютъ! Я не замѣтилъ, чтобы *Logographe* прикрашивалъ рѣчи, роя-

*) Ораторы революціи, т. I, стр. 20.

**) Его читали за границей.

листовъ-конституціоналистовъ. Вліяніе королевскихъ денегъ чувствуется скорѣе въ извѣстныхъ пропускахъ, сдѣланныхъ, очевидно, намѣренно.

Для трехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за исчезновеніемъ *Logographe* *), историкъ парламентскаго краснорѣчія приходится ограничиваться *Moniteur*’омъ и *Journal des Débats*, которые онъ можетъ провѣрять только по очень сокращеннымъ отчетамъ другихъ газетъ. Но съ 13 ноября 1792 г. стала издаваться, въ форматѣ нѣсколько меньшемъ, чѣмъ *Moniteur*, одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ и наименѣе извѣстныхъ газетъ революціоннаго періода, *Républicain Universel*, называвшаяся съ 24 декабря 1792 г. *Républicain Français*. Редактируемая бывшимъ сотрудникомъ *Moniteur*’а, Шарлемъ Гисомъ (His), газета эта является болѣе безпристрастнымъ *Moniteur*’омъ. Въ ней не уродуютъ документовъ и рѣчей. Рискуя своей головой, Шарль Гисъ помѣщаетъ цѣликомъ тѣ филиппики, съ которыми, въ формѣ писемъ, арестованные жирондисты обрушиваются на монтаньяровъ. Онъ не любитъ Робеспьера, котораго онъ въ маѣ 1793 г. и даже позднѣе продолжаетъ называть *Robespierre*; но послѣ термидора онъ вѣрно передаетъ рѣчи робеспьеристовъ. Важное значеніе его отчетовъ, никогда не искаженныхъ страхомъ, было уже отмѣчено Буше и Вателемъ **). Но, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ великихъ историковъ революціи не пользовался этой столь достойной уваженія газетой.

Кромѣ четырехъ названныхъ большихъ газетъ, которыя дадутъ намъ главный матеріалъ для нашего труда, мы будемъ иногда прибѣгать и къ другимъ газетамъ, менѣе авторитетнымъ и болѣе эфемернымъ, но которыя въ извѣстныхъ случаяхъ уясняютъ памятники революціоннаго краснорѣчія. Таковы, *Logotachygraphe*, возникшая въ началѣ 1793 г. и просуществовавшая мѣсяцевъ пять ***) *Révolutions de Paris*, Ра-

*) Отчеты *Logographe* прекращаются на дневномъ засѣданіи 10 августа включительно. Но сотрудниками его былъ подготовленъ отчетъ о вечернемъ засѣданіи 10-го и засѣданіи 11-го. Рукописная копія этой работы приложена къ экземпляру, имѣющемуся въ Национальной библіотекѣ (Lc. 2/140).

**) См. *Buchez*, т. XXVIII, стр. 173, и *Vatel*; *Vergniaud*, т. II, стр. 412.

***) Издатель ея, Гиро, оспаривавшій у *Le Hedeu* первенство изобрѣтенія логотрафинъ, намѣревался и обѣщалъ печатать дебаты *in extenso*.

triotе-Français, Chronique de Paris, Orateur du Peuple, Journal Universel, Journal de la Montagne, Journal de Perlet. Наконецъ, полезнымъ пособіемъ послужить намъ Сборникъ протоколовъ Законодательнаго Собранія и Конвента. Тамъ не приводятся рѣчи но имѣются точная хронологія засѣданій, перечень дебатовъ и подлинный текстъ декретовъ.

При установленіи текста рѣчей ораторовъ Законодательнаго Собранія и Конвента, мы будемъ слѣдовать тому же методу, которымъ мы пользовались для ораторовъ Учредительнаго Собранія. Для каждой рѣчи мы изъ четырехъ текстовъ (Moniteur, Journal des Débats, Logographe и Républicain Français) выберемъ наиболѣе подробный и наиболѣе ясный, указывая въ примѣчаніи на источникъ, если это не Moniteur. Мы никогда не позволимъ себѣ ни соединить нѣсколько текстовъ въ одинъ, ни сократить или исправить хотя бы такія мѣста, гдѣ это казалось бы вполнѣ извинительнымъ. Будущіе историки революціи найдутъ здѣсь подлинныя документы, и насъ нельзя будетъ упрекать въ томъ, что мы прикрасили ораторовъ Законодательнаго Собранія и Конвента: мы воспроизводимъ ихъ рѣчи такими, какими намъ ихъ передали современники *); хотя нашъ вкусъ и наше воображеніе страдали отъ этого, но мы ни разу не поддались законному иногда соблазну осторожно реставрировать попорченные памятники. Мы только выбрали текстъ и варианты: это—нашъ личный трудъ, трудъ неблагодарный и тяжелый, но, кажется намъ, полезный и новый **).

Но въ дѣйствительности онъ приводилъ цѣликомъ лишь нѣкоторыя рѣчи (напр., рѣчь произнесенную Дантономъ 21 января 1793 г.), весьма кратко излагая остальные.

*) Само собою разумѣется, что при переводѣ этихъ рѣчей мы не могли остаться насколько вѣрными подлинному тексту.

Прим. перев.

**) Въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія здѣсь приводилась библиографія газетъ, дававшихъ отчеты о засѣданіяхъ Якобинскаго клуба. Мы нашли болѣе удобнымъ выбросить ее и отсылаемъ читателя къ болѣе подробной и болѣе точной библиографіи, которую мы дали во введеніи къ нашему сочиненію: La Société des Jacobins, recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris (1889—1897, шесть томовъ in—8).

Общій характеръ парламентскаго краснорѣчія отъ 1791 до 1795 г.

I.

Ораторы Законодательнаго Собранія и Конвента черпали свое вдохновеніе въ тѣхъ же источникахъ, что дѣятели 89 г., т. е. въ философіи XVIII-го вѣка. Когда паденіе монархіи вынудило ихъ воздвигать новое зданіе, то авторитетъ Руссо выросъ въ ихъ глазахъ и Общественный договоръ сталъ библіей, на которую часто ссылались и которую всегда слушали съ религіознымъ вниманіемъ *). Вполнѣ уважая Руссо, нѣкоторые исходили, главнымъ образомъ, изъ Вольтера, другіе—изъ Монтескьё, третьи, наконецъ, слѣдовали тенденціямъ еще болѣе раннихъ авторовъ. Говоря о политикѣ отдѣльныхъ группъ, мы фактами и цитатами пояснимъ эти различныя направленія, какъ мы то слѣдали для ораторовъ Учредительнаго Собранія. Но все пріобрѣтеть большую ясность, если мы тутъ же укажемъ, что въ четырехъ крупныхъ революціонныхъ партіяхъ **), четырехъ семействахъ политиковъ и ораторовъ проявляются различныя стороны французскаго генія, какимъ онъ выразился въ прошломъ.

Жиронда—это артистическая, остроумная, подвижная Франція, это—духъ юга. Робеспьеристская Гора—это религіозная, правительственная Франція, это—духъ сѣвера. Гебертизмъ—это антирелигіозная, оппозиціонная, не поддающаяся дисциплинѣ Франція, это—духъ Парижа. Наконецъ, дантонизмъ—это чисто научный духъ XVIII вѣка. Первые, жирондисты, исходятъ изъ Монтэня (какъ Гюаде), изъ Монтескьё, Вольтера, а въ благородствѣ чувствъ своихъ—изъ Руссо-романиста. Вторые, какъ Робеспьеръ, Сень-Жюсть, Бильо и др., унаслѣдовали, сами того не зная, религіозныя и властолюбивыя инстинкты XVII вѣка и слѣдовали за Руссо-политикомъ. Третьи, какъ Геберъ и Клоотцъ, были проникнуты сатирическимъ и нечестивымъ духомъ среднихъ вѣковъ и вдохновлялись Вольтеромъ Діалоговъ, а также

*) Луи Бланъ преувеличиваетъ, когда онъ говоритъ (IV, 275), что послѣдователи Руссо были рѣдки въ Учредительномъ Собраніи; вѣрно лишь то, что политическія условія не позволили имъ слѣдовать вполнѣ мысли учителя.

**) Если можно характеризовать этими словами довольно смутныя тенденціи и мало отличныя группировки.

Вольтеромъ-космополитомъ. Четвертая партія примиряла нѣкоторыя изъ этихъ тенденцій: это была организаторская партія, дѣятельность которой была направлена на строительство и которая смутно стремилась замѣстить позитивныя религіи своего рода научнымъ синтезомъ. Она имѣла учителями Дидро и Кондорсе, который только по связямъ своимъ былъ жирондистомъ: это была партія Дантона.

Итакъ, распредѣляя ораторовъ только въ соотвѣтствіи съ великими идейными теченіями, наслѣдниками и выразителями которыхъ они являются, можно было бы сказать, что существовали четыре ораторскія школы, если бы гебертизмъ былъ представленъ въ парламентѣ кѣмъ-либо инымъ, а не непорочнымъ Анахарсисомъ. Позволительно, во всякомъ случаѣ, различать три группы, выражающія древнѣйшія тенденціи французскаго генія въ религіи и искусствѣ. Были ли эти наслѣдственныя тенденціи, благодаря обстоятельствамъ и темпераментамъ, доведены до прекраснаго или же низведены до смѣшного и отвратительнаго, онѣ, тѣмъ не менѣе, обнаруживаются въ рѣчахъ жирондистовъ, монтаньяровъ и дантонистовъ. Ихъ краснорѣчіе не является чѣмъ то случайнымъ и неожиданнымъ; идеи и инстинкты, которыми оно проникнуто чувствуются, какъ ни углубляешься въ прошлое, во всѣхъ проявленіяхъ французскаго духа.

Что касается стиля, то въ революціонный періодъ и на трибунѣ, и въ книгѣ слѣдовали, главнымъ образомъ, Вольтеру и Руссо. Вольтеръ, человекъ прошлаго, писалъ и языкомъ прошлаго. Кромѣ того, онъ — разрушитель, и его стиль является острымъ оружіемъ для того, чтобы убивать, но негоднымъ для того, чтобы оживлять, создавать. Оружіе это показалось прекраснымъ для тѣхъ, которые играли въ революціи роль отрицателей, для роялистскихъ памфлетистовъ, какъ Ривароль и Шансенецъ, и для чисто фрондерскихъ памфлетистовъ, какъ Камилль и Геберъ. Но лишь меньшинство ораторовъ пользовалось на трибунѣ столь мало ораторскими формулами автора Кандида.

Руссо же стремится то растрогать, то наводить на мысли. Его слогъ вызываетъ новыя ощущенія. Его краснорѣчіе не отрицаетъ, а утверждаетъ въ догматической формѣ. Но у него имѣются двѣ манеры: какъ романистъ и какъ моралистъ, онъ предпочитаетъ періодъ; какъ политикъ, онъ кратокъ, точенъ и сухъ. Онъ самъ теоретически опредѣлилъ эти два приѣма, когда онъ предложилъ ораторамъ двоякій идеаль. Онъ хвалитъ раньше краснорѣчіе, говорящее глазамъ: „То, что древніе говорили въ

наиболѣе живой формѣ, они выражали не словами, а образами; они не говорили это, а показывали... Звуки никогда не имѣютъ большей силы, чѣмъ когда они производятъ эффектъ красокъ *). И почти тотчасъ-же онъ говоритъ о „рѣчи безъ жестовъ, которая вызоветъ у васъ слезы“ **). Ему кажется, что впечатлѣніе, оставляемое обратнымъ краснорѣчіемъ—„сильное, но быстропроходящее“, между тѣмъ, какъ солидное и холодное разсужденіе, не вызывая волненія, оставляетъ неизгладимый слѣдъ, разъ оно понято и усвоено ***). Робеспьеръ и Сенъ-Жюсть, утонченные послѣдователи Руссо, различаютъ эти два стиля его: первый подражаетъ Руссо-романисту, выражающемуся длинными періодами, второй—Руссо-теоретикъ, говорящему краткими, нервными предложениями.

Почти всѣ остальные ораторы не считаются съ тѣмъ, что Руссо расхваливалъ и разсудительное краснорѣчіе. Они считаютъ, что истинный источникъ силы оратора заключается въ чувствѣ, и для нихъ, какъ и для публики 1793 г., идеальнымъ ораторомъ является тотъ Эмиль, котораго Руссо представляетъ упражняющимся въ ораторскомъ искусствѣ. „Благородное чувство, которое вдохновляетъ его, даетъ ему силу и возвышаетъ его: проникнутый нѣжной любовью къ человѣчеству, онъ, говоря, сообщаетъ порывы своей души. Его неподдѣльная искренность имѣетъ нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ искусственное краснорѣчіе другихъ, или, вѣрнѣе, онъ одинъ дѣйствительно краснорѣчивъ, такъ какъ ему достаточно показать, что онъ чувствуетъ, чтобы сообщить это тѣмъ, которые его слушаютъ“ ****).

*) *Essai sur l'origine des langues*, глава I.

**) *Ibid.*

***) *Emile et Sophie*, письмо второе.

****) *Emile*, книга IV.—Надо замѣтить, что нѣсколькими строками выше Руссо рѣшительно высказывается противъ разглагольствованій на римскіе и греческіе сюжеты, отъ чего никогда не могли освободиться ораторы революціи. „Всѣ правила риторики,—говоритъ онъ,—кажутся лишь пустословіемъ для тѣхъ, которые не сознаютъ ихъ пользы для себя. Что за дѣло школьнику до того, какъ Аннибалъ поступилъ, чтобы убѣдить своихъ солдатъ перейти Альпы? Если, вмѣсто этихъ прекрасныхъ рѣчей, вы скажете ему, какъ онъ долженъ говорить, чтобы убѣдить своего начальника дать ему отпускъ, то, будьте увѣрены, что онъ былъ бы болѣе внимателенъ къ вашимъ правиламъ“. Что сказалъ бы Руссо объ ораторахъ, ученикахъ его, которые смотрѣли на дѣйствительность лишь сквозь исторію Греціи и Рима?

II.

Примѣры, которые мы приведемъ, объясняютъ эти общія замѣчанія и смягчатъ ихъ, если въ нихъ есть что-либо слишкомъ абсолютнаго. Но какъ бы мы ни торопились перейти къ людямъ и фактамъ, мы должны еще предварительно указать на общія перемѣны, произошедшія въ ораторскомъ искусствѣ за время отъ 1792 до 1795 гг. Условія краснорѣчія не тѣ же въ Законодательномъ Собраніи, въ Конвентѣ, до 2 іюня, во время террора и послѣ термидора. Въ этой эпохѣ надо различать четыре періода, и вотъ въ чемъ они отличаются другъ отъ друга.

Закрывъ себѣ доступъ въ Законодательное Собраніе, члены конституанты измѣнили условія революціонной политики, а быть можетъ—и судьбы Франціи. Но отъ этого самоотреченія ораторовъ первой Ассамблеи парламентское краснорѣчіе ничего не потеряло въ своемъ значеніи. Развѣ не слово дало возможность Верньо и Иснарамъ выдѣлиться изъ среды членовъ Законодательнаго Собранія? Прибывъ со всѣхъ концовъ Франціи, они не были знакомы другъ съ другомъ, и, можно сказать, сами себя не знали. Когда, 5 октября 1791 г., Людовикъ XVI попросилъ Дюкастеля, предсѣдателя делегаціи Ассамблеи, представить ему своихъ коллегъ, то Дюкастель извинился и отвѣтилъ, что „онъ ихъ не знаетъ“. Даже столь хорошо освѣдомленный *Journal de Débats*, не даетъ, черезъ двѣ недѣли послѣ открытія сессіи, именъ многихъ ораторовъ. Одни только депутаты Парижа пользуются нѣкоторою извѣстностью; остальные составляютъ анонимную массу, изъ которой отдѣльныя личности выдѣляются и группируются лишь по мѣрѣ того, какъ онѣ выступаютъ на трибунѣ. Вниманіе своихъ коллегъ и публики эти новые люди вызываютъ раньше всего своимъ даромъ слова. Краснорѣчіе выигрываетъ отъ этого въ свѣжести и молодости: то, на что оно было способно въ маѣ 1789 г., является для него возможнымъ и въ октябрѣ 1791 г., съ той лишь разницей, что если ораторы—столь же новые, то аудиторія—менѣ жадная къ слову и болѣе трудно удовлетворимая. Люди 1791 г. должны быть болѣе талантливыми или болѣе искусными, чтобы добиться той благосклонности, которую дѣятели 89 года вызывали съ первыхъ же словъ. Эти трудныя условія не вполнѣ, конечно, обезкуражили банальную посредственность, но они развили краснорѣчіе и удалили отъ

трибуны чисто литературныхъ и академическихъ ораторовъ, тѣмъ болѣе, что постепенно установилась привычка импровизировать или дѣлать видъ, что импровизируешь. Отнынѣ каждая рѣчь будетъ актомъ, а скоро — такимъ актомъ, за который будутъ отвѣчать своей головой.

Съ другой стороны, если создатели конституціи, изгнавъ себя изъ Ассамблей, скомпрометировали свое дѣло, то изучаемое нами искусство выиграло отъ этого, такъ какъ оно не было стѣснено любовью и привычкою къ политикѣ кулуаровъ, развивающимися въ парламентахъ, гдѣ имѣются ветераны. Въ этихъ интимныхъ закулисныхъ обсужденіяхъ авторитетомъ пользуются наиболѣе опытные и наиболѣе ловкіе люди, по природѣ своей являющіеся скорѣе дѣльцами, чѣмъ ораторами. Однимъ изъ разочарованнѣй новоиэбранныхъ въ наши современные палаты является то, какъ будто, небольшое значеніе, которое въ нихъ придаютъ парламентскому краснорѣчію. Предположите, что разочарованные и пресыщенные дѣятели Учредительнаго Собранія, которые, какъ мы видѣли, предоставили трибуну какому то Д'Андре и въ концѣ своей карьеры предпочли интригу слову, сидятъ въ числѣ двухсотъ или трехсотъ на скамьяхъ новой Ассамблеи: развѣ ихъ скептицизмъ не охладилъ бы юношескую вѣру этихъ молодыхъ адвокатовъ изъ Бордо, которые не сомнѣвались еще ни въ революціи, ни въ себѣ самихъ? Развѣ престижъ краснорѣчія не пострадалъ бы въ такихъ условіяхъ?

Наоборотъ: стѣсненные на моментъ нескромнымъ присутвіемъ бывшихъ законодателей, помѣстившихся въ обоихъ концахъ залы, преемники ихъ, не охладившись отъ этого сосѣдства, изгоняютъ этихъ насмѣшливыхъ и важныхъ свидѣтелей и овладѣваютъ трибуной съ пыломъ и смѣлостью, которыми рѣчи послѣднихъ мѣсяцевъ 1791 г., несмотря на протекшее время, дышать еще и теперь. Тѣ, которые освятили парламентскую трибуну въ 1789 г., опасались ежеминутно, чтобы она не была уничтожена королевской властью, и эта боязнь заставляла ихъ иногда маскировать свой героизмъ осторожными формулами. Это опасеніе исчезло въ 1791 г.: ораторы Законодательнаго Собранія считаютъ себя гарантированными отъ государственнаго переворота; они все осмѣливаются публично высказывать о царственныхъ особахъ; они чувствуютъ себя, по выраженію ихъ любимаго Жанъ-Жака, мандатѣрами властелина-народа.

Какъ бы велика ни была вѣра этихъ ораторовъ въ свое искусство, въ ихъ вдохновеніи есть все же что то несвязное и проти-

ворѣчивое, составляющее контрастъ съ ясностью, опредѣленностью краснорѣчія Конвента. Чтеніе рѣчей, произнесенныхъ отъ октября 1791 до сентября 1792 г. доставляетъ моментами сильное умственное наслажденіе; у Верньо, Гюаде, Иснара встрѣчаются, несомнѣнно, проблески краснорѣчія; но связь, соединяющая эти рѣчи между собою, не выступаетъ ясно. Ни одинъ ораторъ не ведетъ съ силой и послѣдовательностью ораторскую кампанію, подобную той, которую жирондисты и монтаньяры поведутъ другъ противъ друга въ 1793 г. У насъ въ памяти остается отъ этого чтенія впечатлѣніе какой-то двусмысленности.

Суть въ томъ, что и положеніе великихъ ораторовъ Законодательнаго Собранія было крайне двусмысленнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ—демократы и, не будучи дѣйствительно республиканцами, проникнуты республиканскимъ духомъ. Всѣ они оторочили или забыли свои инстинктивныя предрасположенія, чтобы одобрить и защищать конституцію. Но они замѣчаютъ, что, извращенная недобросовѣстностью короля, конституція эта, въ вѣрности которой они въ первый же день торжественно поклялись, становится оружіемъ противъ свободы и противъ нихъ самихъ. Изъ лояльности и самолюбія они, несмотря на свои разочарованія, продолжаютъ, въ согласіи съ закономъ, называть себя монархистами и стараются щадить, выгораживать короля, нанося ему въ то же время наиболѣе рѣшительные удары. Король относится къ нимъ какъ къ республиканцамъ *), т.-е., какъ къ крѣпостникамъ, а они, по своей роли, обязаны отвѣчать: мы—монархисты. 7 іюля 1792 г., когда становится яснымъ, что король измѣняетъ, когда большинство не можетъ дольше отрицать этой измѣны, ловкій аббатъ Ламуреть вынуждаетъ его возобновить первую присягу конституціи, усугубляя ее антиреспубликанской формулой. „Проклянемъ, — восклицаетъ онъ, — съ общимъ отвращеніемъ и давъ ненарушимую клятву, и республику и двухпалатную систему!“ Тотчасъ же, по словамъ *Moniteur'a*, — „зала наполнилась единодушными апплодисментами Ассамблеи и неоднократно повторенными криками: „да, да, мы желаемъ лишь конституціи“. Ламуреть продолжаетъ: „Я прошу председателя поставить на голосованіе слѣдующее простое предложеніе: Пусть тѣ, которые одинаково отвергаютъ съ отвращеніемъ республику и двѣ палаты, встанутъ“. При этихъ словахъ, прибавляетъ *Moniteur*, вся Ассамблея подня-

*) При дворѣ жирондистовъ уже съ октября 1791 г. считаютъ республиканцами. См. письма Пелленка графу де-Ла-Марку, т. III.

лась. „Всѣ члены одновременно и съ жестомъ присяги заявляютъ, что никогда не допустятъ никакого измѣненія въ конституціи, не соглашаясь ни на введеніе республиканскаго режима, ни на установленіе двухъ палатъ. За этимъ первымъ порывомъ энтузіазма слѣдуетъ общій призывъ къ объединенію. Члены, только что сидѣвшіе на крайней лѣвой, направляются къ своимъ коллегамъ справа. Послѣдніе встрѣчаютъ ихъ съ распростертыми объятіями и въ свою очередь идутъ на лѣвую сторону. Всѣ партіи сливаются...“ Эта знаменитая сцена „поцѣлуя Ламурета“ была лишь удачною манифестаціей противъ республиканскихъ доктринъ, не претившихъ, однако, ни одному изъ бриссотинскихъ ораторовъ Законодательнаго Собранія.

Понятно теперь, почему ихъ краснорѣчіе лишено ясности и единства. Ихъ присяги обязываютъ ихъ бороться на трибунѣ противъ внѣпарламентской и незаконной агитаціи, вызываемой недобросовѣстностью двора и клонящейся къ республикѣ и демократіи. Но они это дѣлаютъ крайне вяло, между тѣмъ, какъ всю свою силу и весь свой талантъ они вкладываютъ въ ядовитыя обращенія къ королю, подрывающія самую королевскую власть и способствующія уличному возстанію, котораго они боятся. Чего въ сущности желаютъ эти бриссотинцы, являющіеся единственными, которые въ Законодательномъ Собраніи говорятъ, какъ ораторы на виду ничтожной правой и молчаливаго центра? Они сами этого не знаютъ, и ихъ рѣчи отражаютъ ихъ противорѣчивое поведеніе. Вынужденные защищать два противоположныхъ дѣла,—революцію и королевскую власть,—они превращаются въ ловкихъ адвокатовъ, когда желаютъ оставаться въ своей роли конституціонныхъ монархистовъ, и достигаютъ краснорѣчія лишь тогда, когда забываются до того, что сбрасываютъ съ себя маску и наносятъ удары трону, который они какъ будто хотятъ сохранить. Отсюда вытекаетъ несвязность ихъ рѣчей въ Законодательномъ Собраніи и неувѣренность ихъ слога.

III.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ на насъ краснорѣчіе членовъ Конвента до момента паденія Жиронды. Этотъ восьмимѣсячный періодъ (отъ сентября 1792 г. до іюня 1793 г.) заполненъ ораторскимъ поединкомъ между двумя партіями, проникнутыми смертельною ненавистью другъ къ другу. Двѣ полити-

ческія тенденціи, якобинская, парижская и жирондистская, департаментская, сталкиваются и вступаютъ въ борьбу. Якобинцы хотятъ, чтобы Парижъ былъ диктаторомъ Франціи, а жирондисты—чтобы каждый департаментъ управлялъ въ той же мѣрѣ, какъ Парижъ. Рѣчи монтаньяровъ проникнуты революціоннымъ духомъ, а рѣчи жирондистовъ—либеральнымъ. Эти двѣ тенденціи проглядываютъ и чувствуются сквозь всѣ маски, которыми онѣ прикрываются. Поэтому рѣчи этихъ двухъ партій производятъ на современниковъ и на насъ самое опредѣленное впечатлѣніе. Робеспьеръ и Дантонъ—съ одной стороны, Луве и Гюаде—съ другой поочередно отвѣчаютъ другъ другу, точно герои трагедій. И съ обѣихъ сторонъ стараются не медлить, не обходить трудности, какъ то было въ Законодательномъ Собраніи, а убить противника. Въ этой борьбѣ краснорѣчіе становится съ каждымъ днемъ все болѣе живымъ, потому что души съ каждымъ днемъ все болѣе, какъ выражались въ то время, электризуются. Никакое ничтожное или двусмысленное чувство не входитъ, какъ элементы, въ ораторское вдохновеніе того періода; гнѣвъ, любовь, ненависть, отчаяніе, патріотизмъ, доведенные, какъ у отвлеченныхъ героевъ Корнеля, до высшихъ, сверхчеловѣческихъ предѣловъ—вотъ страсти, которыми питалось краснорѣчіе дѣятелей Конвента до тѣхъ поръ, пока въ немъ существовали двѣ равныя по силѣ и таланту партіи, оспаривавшія другъ у друга голоса безмолвнаго и нерѣшительнаго центра. Это—самая великая эпоха революціоннаго краснорѣчія, и въ этихъ, нынѣ остывшихъ рѣчахъ, сохранились еще жаръ и свѣтъ.

Эта отчаянная борьба очищаетъ талантъ истинныхъ ораторовъ: Робеспьеръ становится болѣе сжатымъ, Верньо—болѣе точнымъ, Бюзю—болѣе колоритнымъ, нарождается Сень-Жюсть, а Дантонъ вырастаетъ.

Въ области риторики можно все смѣть, и въ литературномъ смыслѣ, говорить одинъ членъ Конвента, „ни одинъ ораторъ не испытывалъ тогда иныхъ цѣпей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ на себя налагалъ“ *).

Но посредственность, стремясь дѣйствовать на великія чувства, волновавшія Францію, не желаетъ ни съ чѣмъ считаться, и въ то же время, когда на трибунѣ раздаются рѣчи, достойныя французскаго генія, риторы кладутъ начало поэтической прозѣ, педантичной болтовнѣ, какому то миеологическому и сантимен-

*) Mercier, Nouveau Paris, т. II, стр. 206.

тальному паэосу *). Неразвитому вкусу безграмотной еще демократіи льстятъ на трибунѣ и въ книгѣ устарѣлой напыщенностью, глухимъ жеманствомъ, грубой смѣсью вѣрныхъ мыслей и искусственныхъ ощущеній. Этотъ столь трудно поддающийся опредѣленію и столь легко узнаваемый литературный жанръ процвѣтаетъ особенно съ 1793 г. въ клубахъ, секціяхъ, на улицѣ, въ газетахъ, памфлетахъ. Знакомясь съ повседневной литературой того времени и убѣждаясь, въ какой атмосферѣ жили въ этомъ отношеніи великіе ораторы, удивляешься, какъ Робеспьеръ не былъ болѣе риторичнымъ, а Верньо—болѣе напыщеннымъ; простота же Дантона кажется совершенно феноменальной.

Замѣтимъ еще, что въ эту пору любовь къ политическому краснорѣчію распространяется въ народѣ и становится маніей. „Кто не является ораторомъ? Кто не надѣется стать ораторомъ?—говоритъ Мерсье.—Въ клубахъ, въ патріотическихъ обществахъ и даже въ литературныхъ кабачкахъ всѣ упражняются въ искусствѣ говорить; при этомъ подражаютъ засѣданіямъ Законодательнаго Собранія, выбираютъ предсѣдателя и секретарей, просятъ слово, вносятъ предложенія и поправки, голосятъ“ **).

IV.

Послѣ 2-го іюня ораторскія состязанія прекращаются въ Конвентѣ, а улица, за отсутствіемъ свободы, умолкаетъ ***). Въ Ассамблеѣ нѣтъ больше двухъ партій: та, которая вышла побѣдительноницей, ведетъ за собою большинство, управляетъ Франціей и говоритъ только для того, чтобы отдавать приказанія или превозносить себя передъ странюю. Внутреннія разногласія монтаньяровъ не проявляются на трибунѣ и разрѣшаются въ революціонномъ трибуналѣ, гдѣ раздаются послѣдніе звуки боевого краснорѣчія. Диктатура Робеспьера вводитъ тогда въ моду ораторскія диссертациі, политическія проповѣди. Нѣтъ больше спо-

*) Въ этомъ именно краснорѣчій низшаго сорта господствуетъ безраздѣльно мода цитировать на каждомъ шагѣ грековъ и римлянъ. Особенно смѣшнымъ въ этомъ отношеніи является адресъ якобинцевъ о возстаніи 31 мая. См. Buchez, т. XXVІІІ, стр. 131).

***) Nouveau Paris, т. II, стр. 209.

*****) Во время террора исчезаютъ клубы, собиравшіеся подъ открытымъ небомъ, нѣтъ больше ораторовъ, взиравшихся на стулья и тумбы, нѣтъ больше того народнаго краснорѣчія, которымъ отличались 1789 и 1792 гг.

ровъ, дебатовъ, и парламентское краснорѣчіе слѣдуетъ правиламъ церковной риторики. Параллельно съ этимъ развивается особый жанръ—краснорѣчіе докладовъ. Отъ имени комитетовъ ораторы или полагаютъ программу дѣятельности, или рассказываютъ о недавнемъ событіи, чаще всего имѣющемъ отношеніе къ войнѣ. Эти доклады, которые съ большимъ умѣніемъ составляли Бареръ и Сентъ-Жюсть, положили начало развившемуся въ XIX вѣкѣ военному краснорѣчію и прокламаціонному.

V.

Паденіе Робеспьера снова открыло трибуну для ораторскихъ состязаній. Начались они поединкомъ между термидорскими реакціонерами и остатками робеспьеристской партіи; затѣмъ въ Ассамблею вернулись оставшіеся въ живыхъ жирондисты, принесшіе съ собою уже забытыя идеи и формулы; наконецъ, въ послѣдніе мѣсяцы существованія Конвента возникла ожесточенная война между всѣми якобинцами, были ли они термидорцами или нѣтъ, и умѣренными, изъ которыхъ нѣкоторые становились уже роялистами. Все это представляло для краснорѣчія весьма удобную обстановку, но главные персонажи революціонной драмы погибли отъ насильственной смерти, и не было больше ни одного великаго оратора. Въ этотъ именно моментъ нѣмые члены центра обрѣтаютъ языкъ и возвращаются къ дѣламъ. Но ихъ главарь, Сейесъ, не былъ краснорѣчивымъ, и слово ихъ было лишено всякаго моральнаго авторитета въ виду того единодушія, съ которымъ они голосовали противъ Дантона и за кровавый законъ 22 преріала *). Ихъ предпочтительной темой было порицаніе убійствъ, которымъ они способствовали, благодаря своей трусости, и тираническихъ декретовъ, которые они сами издали. Большинство рѣчей, произнесенныхъ на эту тему лишено краснорѣчія, потому что онѣ не были искренними.

*) Закономъ этимъ, выработаннымъ Робеспьеромъ и предложеннымъ Кутономъ, революціонный трибуналъ былъ преобразованъ въ простую машину для смертныхъ приговоровъ: подсудимые были лишены защиты, опросъ свидѣтелей былъ уничтоженъ, моральныя доказательства были признаны недостаточными, т. е. судьи могли вынести приговоръ на основаніи лишь своего убѣжденія, не нуждаясь въ матеріальныхъ доказательствахъ. Въ сорокъ девять дней, послѣдовавшихъ за изданіемъ этого закона, революціонный трибуналъ вынесъ 1376 смертныхъ приговоровъ.

Въ этотъ четвертый періодъ ораторское искусство подвергается любопытной перемѣнѣ: рамки рѣчей значительно, непомерно расширяются. Устанавливается обычай указывать въ деталяхъ на многіе факты, приводить цитаты, дословно прочитывать документы, и рѣчи, благодаря этому, становятся очень длинными. Обычная тема ихъ—прошлое, недавнее прошлое, но о которомъ тѣмъ болѣе любятъ распространяться, что тогда хранили молчаніе и что пріятно вознаградить себя за вынужденное молчаніе. На трибунѣ Ассамблеи читаютъ отрывки воспоминаній, нисколько, кажется, не утомляющіе вниманіе слушателей.

Хотя ораторы 1794 и 1795 гг. любятъ исходить изъ фактовъ и выказываютъ отвращеніе къ принципиальнымъ рѣчамъ, они, вѣрные духу вырожденія своего времени, отличаются многословіемъ и самымъ напыщеннымъ декламатарствомъ, такъ какъ они лишены крупныхъ талантовъ и потеряли вѣру и чистоту тѣхъ лѣтъ, когда велась борьба на жизнь и смерть. Они, видимо, устали и не столько физически, сколько морально. Отвращеніе къ жизни овладѣваетъ лучшими изъ нихъ, а отвращеніе къ добродѣтели, столь часто побѣжденной или искаженной, развращаетъ остальныхъ и увлекаетъ ихъ на путь легкихъ удовольствій, которыхъ они бы стыдились въ 1793 г. Послѣ самоубійства и казни послѣднихъ монтаньяровъ, на трибунѣ не раздаются больше корнелевскія слова, бывшія столь частыми до девятаго термидора. Какъ въ послѣдній періодъ Учредительнаго Собранія, трибуну предоставляютъ часто интриганамъ и хвастливымъ болтунамъ. Политика и само краснорѣчіе уже надоѣли.

Перемѣна, произошедшая въ ораторскомъ искусствѣ и о которой мы выше упомянули, замѣчается, однако, въ этотъ термидорскій періодъ и въ иномъ явленіи, которое, впрочемъ, можно было бы предугадать по рѣчи, произнесенной Робеспьеромъ на праздникѣ Высшаго Существа: зарождается торжественное театральное краснорѣчіе. Робеспьеръ говорилъ въ этомъ духѣ внѣ Конвента; скоро же церемоніальное краснорѣчіе проникаетъ въ самую залу засѣданій. Полагая слѣдовать въ этомъ отношеніи мысли Руссо *), Конвентъ пытается учредить въ самомъ своемъ зданіи ораторскіе праздники, которые бы льстили одновременно

*) Мысли Руссо о праздникахъ, которые слѣдуетъ устраивать для народа, развиты имъ въ *Considérations sur le gouvernement de Pologne*, гл. III, и особенно въ послѣднихъ страницахъ его письма къ Д'Аламберу.

всѣмъ чувствамъ народа. Такъ, 14 преріаля II года жирондистъ Луве произнесъ въ торжественной обстановкѣ рѣчь, посвященную памяти Феро *). Зала засѣданій была, соотвѣтственно случаю, убрана гирляндами и урнами съ надписями въ честь погибшихъ защитниковъ свободы, а передъ трибуной, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Феро, лежала мраморная плита съ военной шапкой, шпагой и депутатскимъ шарфомъ убитаго. Всѣ члены Конвента были въ формѣ, съ чернымъ крепомъ на лѣвой рукѣ. На это засѣданіе были приглашены посланники иностранныхъ державъ, а трибуны для публики были заняты представителями разныхъ правительственныхъ учреждений и народныхъ секцій.

Рѣчь Луве, слѣшно написанная и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительная, не произвела сильнаго впечатлѣнія на слушателей, удивленныхъ этой торжественной, необычной для нихъ обстановкой.

Такое же празднество было устроено въ Конвентѣ 11 вентидіа IV года „въ честь друзей свободы, принесенныхъ въ жертву децемвиральной тираніей“. Предсѣдатель Конвента, Боденъ, произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой онъ охарактеризовалъ главныхъ ораторовъ Жиронды.

Это парадное краснорѣчіе, внушенное античными воспоминаніями и являвшееся по отношенію къ парламентскому краснорѣчію тѣмъ же, чѣмъ опера является по отношенію къ трагедіи, вышло, однако, скоро изъ моды. Подобныя празднества показались архаическими и искусственными. Сама скромность рѣчи Бодена составляла контрастъ съ декорацией залы и похо-

*) Депутатъ Феро былъ убитъ во время возстанія 1-го преріаля I года (20 мая 1795 г.), когда парижское рабочее населеніе, измученное голодомъ, раздраженное роялистскими погромами и реакціонной политикой Конвента, ворвалось въ залу засѣданій, требуя „хлѣба и конституціи 93 г.“, назначенія новыхъ выборовъ и уничтоженія революціоннаго правительства, которое становилось игрушкой то одной, то другой партіи. Инсургенты втеченіе почти цѣлаго дня оставались въ залѣ. Уцѣлѣвшіе еще депутаты Горы заняли предсѣдательское бюро и въ присутствіи толпы приняли нѣсколько декретовъ въ духѣ выставленныхъ народомъ требованій. Поздно вечеромъ прибывшія войска и секціи умѣренного или роялистскаго направленія вытѣснили изъ залы манифестантовъ и возстановили порядокъ. Конвентъ отмѣнилъ принятые въ тотъ день мѣры и постановилъ арестовать 28 депутатовъ Горы, какъ зачинщиковъ или соучастниковъ возстанія.

дила на сатиру. Общественный вкус почувствовалъ это и отвернулся отъ ораторскихъ спектаклей, не привлекавшихъ публику, между тѣмъ какъ истинное политическое краснорѣчіе, даже когда сами ораторы перестали въ него вѣрить, продолжало волновать Парижъ и Францію до того дня, когда трибуна была низвергнута.

VI.

Не входя теперь въ оцѣнку, съ эстетической точки зрѣнія, краснорѣчія ораторовъ Законодательнаго Собранія и Конвента, любопытно отмѣтить здѣсь какъ о немъ судили сами современники.

Какъ и въ эпоху Учредительнаго Собранія, они въ періодъ отъ 1791 до 1795 гг. совершенно не касаются этого сюжета. Въ представленіи французовъ лишь одинъ ораторъ выдерживалъ сравненіе съ древними: это былъ Мирабо. Этотъ „атлетъ“ исчезъ, и общественное мнѣніе какъ будто не признаетъ, что его преемники прибавляютъ что-либо къ литературной славѣ Франціи. Въ атмосферѣ борьбы люди 1789 и 1792 гг., дѣйствительно, видятъ другъ друга на слишкомъ близкомъ разстояніи, чтобы правильно оцѣнивать себя. Они искренно считаютъ себя маленькими. Мирабо въ своихъ письмахъ къ Ла-Марку и госпожа Роланъ въ своихъ мемуарахъ жалуются неоднократно на то, что въ революціи дѣйствуютъ лишь пигмеи, лишеныя душевной силы, широкихъ взглядовъ, таланта. Никогда не было столь ходкимъ сравненіе характеровъ со стертymi монетами, какъ во время Робеспьера, Дантона, Сень-Жюста, Бильо! Они настолько ошибались относительно себя, что называли другъ друга трусами, положивъ всю свою жизнь за свои идеи. Больше того: страсти настолько овладѣли людьми, что монтаньяръ не былъ въ состояніи слушать рѣчь жирондиста. „Различныя партіи, раздиравшія Францію, высказывались устно или письменно, но ни одна не слушала и не читала другой. Характернымъ доказательствомъ этого служить намъ случай съ Гара, когда онъ произнесъ свою рѣчь о сентябрьскихъ дняхъ (см. его мемуары). Ни правая сторона, ни лѣвая не слушали его, и съ той и съ другой стороны ему было приписано мнѣніе, совершенно противоположное тому, какое онъ самымъ яснымъ образомъ изложилъ“ *). Настолько отдавшись

*) Buclez et Roux, т. XXII, стр. 352. Я цитирую мнѣніе этихъ историковъ, потому что они лично знали и спрашивали не одного изъ

страсти, современники не имѣли ни досуга, ни охоты заняться критическимъ разборомъ краснорѣчія ораторовъ Учредительнаго Собранія и Конвента. Только въ кружкѣ Кондорсе сохранили достаточную свободу ума, чтобы разсуждать о различіяхъ между ораторскимъ гениемъ французовъ и англичанъ. Откликъ этихъ бесѣдъ мы находимъ въ статьѣ Шарля Виллета (*Chronique de Paris* отъ 2 января 1792 г.), въ которой сравниваются парламентское краснорѣчіе Законодательнаго Собранія и Палаты общинъ. Другъ Вольтера замѣчаетъ, что французы приносятъ все въ жертву риторикѣ, между тѣмъ какъ въ Лондонѣ „искусственности и обработкѣ стиля предпочитаютъ мотивированное обсужденіе“. Но онъ любитъ и хвалитъ эту французскую риторику. „Мнѣ говорятъ, что въ собраніи образованныхъ людей, каковымъ является французская Ассамблея и гдѣ столько патріотовъ полны самага горячаго рвенія къ общественному дѣлу, не должно было бы быть позволено отдаваться пустому краснорѣчію, въ которомъ дѣльность почти всегда приносится въ жертву словамъ, суть—формѣ, а текстъ рѣчи—искусству украшать ее. Но у великой націи, которая возрождается и обрушиваетъ колоссы феодализма, эти смертоносныя деревья, стояція уже тысячу лѣтъ и вѣтви которыхъ покрываютъ тѣнью и иссушаютъ прекрасныя провинціи; во время возстанія и національной мести, когда все сводится къ патріотизму, законодательству, правамъ людей, равенству, свободѣ,—все, вопреки нашей волѣ, толкаетъ къ краснорѣчію... Какъ можно быть краснорѣчивымъ въ палатѣ общинъ, гдѣ каждый членъ—комиссіонеръ или арматоръ, гдѣ вѣчно толкуютъ о конторахъ, грузахъ, корабляхъ, тарифахъ, маркахъ, меркантильныхъ интересахъ и гдѣ опроверженія даются и принимаются какъ понюшка табаку?“ Когда же англичане хотятъ быть краснорѣчивыми, они впадаютъ въ шаржъ и грубо декламируютъ. „Въ Англіи,—прибавляетъ, какъ истый вольтерьянецъ, Виллетъ,—чтобы говорить умно, недостаточно попадать мѣтко, а надо еще ударять крѣпко. Поэтому то англичане такъ восторгаются конвульсіями Шекспира и остаются равнодушными къ нѣжнымъ и трогательнымъ трагедіямъ Расина“. Надо было цитировать эти строки, какими бы ребяческими онѣ ни были, такъ какъ въ нихъ заключается единственное нѣсколько подро-

оставшихся въ живыхъ дѣятелей Конвента.—Тѣмъ же явленіемъ они объясняютъ географическія ошибки, искажающія наиболѣе знаменитыя собственныя имена въ писаніяхъ того времени.

ное сужденіе, которое за время отъ 1791 до 1795 гг. было высказано о парламентскомъ краснорѣчїи, разсматриваемомъ какъ искусство: этой точки зрѣнія не касались ни въ газетахъ академическаго характера, какъ *Révolutions de Paris*, ни даже въ мѣсячныхъ журналахъ, посвященныхъ лишь теоретическимъ вопросамъ, какъ *Chronique du mois*. Одинъ лишь Мерсье, бывший членъ Конвента, напишетъ — и то только при Директорїи, послѣ смерти великихъ ораторовъ, — что „революціонная трибуна станетъ столь же знаменитою, какъ трибуны Аѳинъ и Рима“.

VII.

Эксцентричный драматургъ Мерсье далеко не выражаетъ въ этомъ случаѣ дѣйствительнаго мнѣнія своихъ современниковъ, большинство которыхъ сочло бы скандальнымъ возвести, такъ сказать, въ литературное достоинство столь недавнія и столь страстныя рѣчи, авторы которыхъ погибли на эшафотѣ. Этому краснорѣчію, отъ котораго трепетала ихъ душа, они приписали неправильную форму и варварскій языкъ. Послушать ихъ, такъ въ то время говорили только грубыми неологизмами, и благодаря имъ установился предразсудокъ, что революціонные ораторы создали множество бесполезныхъ и уродливыхъ словъ и отвратительнымъ образомъ обременили національный языкъ. Отрывки, которые мы приведемъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Законодательномъ Собранїи и въ Конвентѣ, покажутъ, что упрекъ этотъ столь же неоснователенъ по отношенію къ ораторамъ второго періода революціи, какъ и по отношенію къ ораторамъ Учредительнаго Собранія. Можно прочесть всѣ рѣчи Робеспьера, Верньо, Сень-Жюста, Дантона, не встрѣтивъ въ нихъ ни одного слова, придуманнаго этими ораторами. Робеспьера и Верньо слѣдовало бы даже упрекнуть въ противномъ: сталкиваясь съ недавно изобрѣтенными словами для обозначенія новыхъ вещей, ихъ академическій вкусъ колеблется, отступаетъ и классически обходитъ подводный камень при помощи перифразы. Публика поощряетъ эту осторожность ихъ, и ея тонкій слухъ отмѣчаетъ всякое сколько-нибудь новое выраженіе. 19 мая 1791 г. Мерленъ вызываетъ смѣхъ тѣмъ, что употребляетъ на трибунѣ слово публицистъ, имѣющееся у Д'Аламбера, но новизна котораго шокировала аудиторію. Пусть посмотрятъ Неологію, опубликованную въ IX году Мерсьеромъ: кромѣ неологизмовъ, предло-

женныхъ самимъ Мерсьеромъ и изъ которыхъ ни одинъ не вошелъ въ практику языка, тамъ встрѣтять очень мало словъ, придуманныхъ послѣ 1791 г. Въ первомъ томѣ настоящаго труда *) мы уже говорили о характерѣ словъ, созданныхъ въ періодъ Учредительнаго Собранія: это были, главнымъ образомъ, техническія выраженія, обозначающія различныя части новой администраціи, новыя функціи и обычаи. Въ этой изобрѣтательности перешли тогда границы необходимаго, дошли до смѣшного, но я не замѣчаю, чтобы злоупотребленіе это увеличивалось за время отъ 1791 до 1795 гг. Изъ принятыхъ уже существительныхъ тогда только производятъ имена прилагательныя и особенно глаголы, обозначающіе новые виды политической дѣятельности, какъ фельянизировать, республиканизировать, терроризировать, санкюлотизировать. Въ виду того, что сама революція представляла собою рядъ чередовавшихся революцій, то было почти неизбѣжнымъ, чтобы для каждой политической фазы возникали слова, выразительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ быстропроходящія, какъ и сами выражаемыя ими намѣренія и приемы. Эти новыя слова не всегда были гармоничными и корректными; ихъ эфемерное существованіе начиналось на улицѣ или на столбцахъ газетъ. Ничтожныя говоруны злоупотребляли ими и даже утрировали ихъ, но ораторы, достойные этого имени, лишь очень рѣдко пользовались ими, оставаясь строго-вѣрными духу языка, что было правильно, и, что было уже излишне, нѣсколько вялымъ формамъ, господствовавшимъ въ то время, когда они начали говорить и мыслить.

Парламентскіе нравы.

I.

Законодательное Собраніе, какъ Учредительное, засѣдало въ залѣ Манежа, сохранившей то же расположеніе, съ той лишь разницею, что въ декабрѣ 1791 г. предсѣдательское кресло, находившееся раньше противъ трибуны, было перенесено позади нея, такъ что депутаты, сидѣвшіе раньше направо отъ предсѣдателя, оказались налѣво отъ него. Эта перемѣна обманула наивныя надежды тѣхъ, которые сдѣлали ее: правая и лѣвая не были

*) Ораторы революціи, т. I, стр. 37.

уничтожены, и непримиримыя партіи остались. Но у оратора, находившагося на трибунѣ, не было больше соблазна обращаться, на англійскій манеръ, къ предсѣдателю, котораго онъ не видѣлъ. Мѣсто же, гдѣ раньше стояло предсѣдательское кресло, было занято скамьями, на которыхъ, желая сидѣть противъ оратора, помѣстились многіе депутаты. Зала Законодательнаго Собранія имѣла, слѣдовательно, совершенно иной видъ, чѣмъ современная палата депутатовъ. „Она представляла собою,—говорить одинъ очевидецъ,—очень удлиненный параллелограммъ, раздѣленный по серединѣ на двѣ равныя части трибуной, рѣшеткой и предсѣдательскимъ бюро. По обѣимъ сторонамъ его находилось по шесть рядовъ расположенныхъ уступами скамей, а около задней стѣны стояло по девяти рядовъ такимъ же образомъ расположенныхъ скамей“. При такомъ неудобномъ устройствѣ залы, депутаты принуждены были сидѣть и въ самомъ концѣ залы, откуда не было видно ни предсѣдателя, ни оратора. Скоро, естественно, пришла мысль покинуть это помѣщеніе. 13 августа 1792 г. Верньо представилъ докладъ, въ которомъ, указавъ на всѣ недостатки залы Малежа, весьма неблагоприятныя для оратора и мѣшавшіе поддерживать въ ней порядокъ, предлагалъ перенести Ассамблею въ церковь Madeleine. Но проектъ переустройства послѣдней показался Законодательному Собранію слишкомъ дорогимъ, и, по предложенію парижской Коммуны, обратившейся къ нему объ этомъ съ петиціей, оно рѣшило (14 сентября 1792 г.), что будущій Конвентъ будетъ съ 1-го ноября засѣдать въ театральномъ залѣ Тюльери. Конвентъ пожелалъ приспособить весь дворецъ для національнаго представительства и помѣстить въ немъ правительственные комитеты; работы по переустройству шли медленно, и первое собраніе въ новой залѣ состоялось только 10 августа 1793 г.

Построенная по приказу Людовика XIV, эта спектакльная зала или, какъ ее еще называли, *salle des machines*, въ которой Мольеръ представилъ свою *Психею* (1676 г.) и въ которой былъ увѣнчанъ Вольтеръ (1778 г.), была одной изъ самыхъ большихъ въ Европѣ. Преобразовывая ее, архитекторъ, безъ сомнѣнія, неумѣло воспользовался ея обширностью, но такъ какъ депутаты рѣдко бывали въ полномъ сборѣ, то имъ, въ общемъ, не было тѣсно на предназначенныхъ для нихъ шести рядахъ скамей, расположенныхъ амфитеатромъ противъ трибуны и эстрады предсѣдателя. Широкій кулуаръ, перпендикулярный трибунѣ, раздѣлялъ этотъ амфитеатръ на двѣ равныя половины: отсюда въ залу

входили депутаціи, представлявшіяся у рѣшетки. Современники жаловались на то, что этотъ кулуаръ раздѣляетъ Конвентъ какъ будто на двѣ палаты, такъ что „засѣдающіе на одной сторонѣ не могутъ часто слышать того, что говорится на другой“, и депутаты, отдѣленные другъ отъ друга, не представляютъ „того цѣннаго единства, столь необходимаго, когда предстоитъ при помощи мудрыхъ законовъ создать свободу великой націи“*). Мишле, слѣдовательно, ошибается, когда онъ представляетъ Конвентъ „скупеннымъ въ маленькой залѣ Тюльери, которая была раньше театромъ“. „Этотъ маленькій театръ, — говоритъ онъ, — долженъ будетъ заключать въ себѣ цѣлый міръ, міръ адскихъ бурь... И чѣмъ меньше арена, тѣмъ болѣе жестокой и неумолимо яростной будетъ борьба. Всѣ, съ перваго же взгляда, были недовольны тѣмъ, что будутъ находиться такъ близко другъ отъ друга. Маленькій промежутокъ, отдѣлявшій смертельныхъ враговъ, не позволялъ ни одному слову, ни одному враждебному взгляду смягчиться на пути. Въ своихъ ожесточенныхъ атакахъ обѣ стороны наносили другъ другу удары въ упоръ“**). Истина заключается въ томъ, что, несмотря на большіе размѣры залы, лѣвая и правая сторона, въ виду расположенія скамей амфитеатромъ, могли постоянно наблюдать другъ за другомъ, а ораторъ видѣлъ свою аудиторію и послѣдняя видѣла его, какъ въ нашихъ современныхъ ассамблеяхъ. Но говорить было утомительно въ этомъ слишкомъ длинномъ и слишкомъ узкомъ помещеніи, въ которомъ не было приспособленій для того, чтобы освѣжать воздухъ. „Голосъ заглушался и терялся въ большомъ числѣ нишъ и углубленій; стѣны были гладкія и безъ драпировокъ; голосъ оратора становился часто слишкомъ рѣзкимъ и вызывалъ эхо“***).

Видъ залы производилъ, однако, на современниковъ впечатлѣніе элегантности, что проглядываетъ и сквозь слѣдующую эпиграмму газеты *Révolutions de Paris*: „То, что артисты называютъ декорациею, тамъ очень недурно устроено. Скажемъ еще, что если у насъ нѣтъ Цинцинната, Камилла, Ликурга,

*) Докладъ Пультье 12 плювіоза III года.

***) Книга VIII, гл. 3. Та же ошибка была повторена Луи Бланомъ (VII, 223). Оба они полагаютъ, что Конвентъ съ 21-го же сентября 1792 г. собирався въ этой маленькой залѣ. Бире указалъ на ихъ ошибку въ своемъ интересномъ сочиненіи: *Journal d'un bourgeois de Paris pendant la Terreur*. Paris, 1884. Стр 6.

***) Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, т. VII, стр. 534.

Солона, Брута (надо ли прибавить Свободы?), то мы, по крайней мѣрѣ, можемъ любоваться ихъ изображеніями въ Конвентѣ...“ *).

II.

Что касается трибунъ, предназначенныхъ для публики, то онѣ, въ Манежѣ, какъ и въ Тюльери, были болѣе многочисленными и болѣе просторными, чѣмъ въ наши дни. Онѣ тянулись вдоль всѣхъ стѣнъ залы, даже (въ Тюльери) вдоль той стѣны, у которой сидѣлъ предсѣдатель. Нѣкоторыя галлерей, поддерживаемыя колоннами, вдавались въ залу, находясь надъ головами депутатовъ, которые, были ли они на трибунѣ или на своихъ мѣстахъ, имѣли такимъ образомъ въ близкомъ сосѣдствѣ публику, игравшую, какъ извѣстно, крупную роль. Больше того: въ первое время существованія Законодательнаго Собранія были устроены, рядомъ съ депутатскими мѣстами и огороженныя отъ нихъ только барьеромъ, двѣ привилегированныя трибуны для бывшихъ членовъ Конституанты. Съ иронически-покровительственнымъ видомъ Ламеты, Дюпоръ и др. слѣдили оттуда за первыми и нерѣшительными шагами ихъ неопытныхъ преемниковъ. Они смѣялись, аплодировали и, находясь вмѣстѣ съ депутатами въ кулуарахъ, поучали ихъ на правахъ старыхъ парламентаристовъ. Не сумѣвъ установить двухпалатной системы, они какъ будто осуществляли ее на дѣлѣ **). Ихъ слишкомъ ловкая дѣятельность приводила въ ярость патріотовъ: „изъ этихъ трибунъ,—говорили послѣдніе,—будутъ подавать знаки той партіи, которую не замедлятъ образовать въ Ассамблеѣ, т.-е. министерской партіи; оттуда будутъ руководить ловкими маневрами парламентской тактики“... ***). И дѣйствительно, благодаря вліянію

*) Révolutions de Paris. N° CCI, стр. 339.

**) Bouchez et Roux, т. XII, стр. 70.—Первое впечатлѣніе при вступленіи новой Ассамблеи въ залу, говорить по этому поводу Мишле, было неблагоприятное. „Заранѣе и не дожидаясь ея мнѣнія на этотъ счетъ, устроили двѣ большія трибуны, гдѣ должны были засѣдать только бывшіе члены Учредительнаго Собранія. Съ горечью замѣчали, что они какъ будто составили высшую палату, долженствующую доминировать надъ Ассамблеей. Депутаты спрашивали себя, что за цензорскій комитетъ засѣдалъ тамъ, чтобы судить и отмѣчать дѣла и слова ихъ, руководить знаками, устранивать взглядами и, кто знаетъ? чтобы выступить, быть можетъ, въ случаѣ сомнѣнія, толкователемъ конституціи, дѣлая это съ авторитетностью людей, составившихъ ее“...

Прим. перев.

***) Moniteur, 7 октября 1791 г.

этихъ трибунъ былъ отмѣненъ 6 октября привѣтый наканунѣ декретъ относительно королевскаго церемоніала *). Объ этой интригѣ депутатъ Балле разсказалъ 7 октября въ Якобинскомъ клубѣ: „Въ теченіе ночи,—сказалъ онъ,—шла усердная работа, чтобы добиться отмѣны декрета. Члены бывшаго собранія находились, благодаря расположенію залы, вперемежку съ нами и старались переубѣдить многихъ изъ насъ; нѣкоторые, какъ только былъ сѣставленъ декретъ, примкнули къ кружкамъ Палэ-Рояля, гдѣ они распространяли самые ужасные страхи относительно возможныхъ послѣдствій декрета“. Когда же рѣшено было отмѣнить декретъ, они аплодировали съ нахальствомъ, которое внушило ихъ преемникамъ желаніе и дало имъ силу свергнуть этотъ гнетъ. 9 октября народная депутація, которую поддержалъ Кутонъ, потребовала и добилась уничтоженія этихъ привилегированныхъ трибунъ, и бывшіе члены Учредительнаго Собранія сошли со сцены.

Въ Законодательномъ Собраніи были двоякаго рода галлерей: общія, куда входили безъ билетовъ, и частныя, куда допускались только по билетамъ. Въ послѣднихъ депутаты помѣщали своихъ друзей, стараясь такимъ образомъ контрбалансировать вліяніе народныхъ политикановъ, которые не пропускали ни одного засѣданія Ассамблей. Напрасно Базиръ требовалъ (11 окт. 1791 г.), чтобы всѣ трибуны стали общедоступными; большинство совершенно не желало оказать якобинскимъ надзирателямъ болѣе широкое гостепріимство. Оно уже чувствовало себя стѣс-

*) Декретъ этотъ, изданный по настоянію Кутона и другихъ депутатовъ, состоялъ въ слѣдующемъ: титулъ короля „Его Величество“ отмѣнялся и его полагалось звать „королемъ французовъ“; вставъ при входѣ его въ залу, депутаты могли затѣмъ сѣсть; для короля предназначался не тронъ, а кресло, совершенно сходное съ предсѣдательскимъ и которое должно было стоять по лѣвую сторону послѣдняго. Надо сказать, что декретъ этотъ былъ отчасти отвѣтомъ Ассамблеи на высокоумный пріемъ, оказанный королемъ ей депутаціи: онъ не принялъ ее немедленно, а черезъ три часа заявилъ ей, что и въ Ассамблею придетъ только черезъ три дня. Дворъ какъ будто желалъ этимъ показать, что королевская власть стоитъ выше власти народныхъ избранниковъ. Но декретъ вызвалъ сильное смятеніе среди конституціоналистовъ и роялистовъ. Кромѣ непосредственнаго давленія на депутатовъ, они старались взволновать и населеніе Парижа, въ чемъ имъ способствовали и финансисты, сразу сильно понизившіе курсъ государственныхъ бумагъ изъ опасенія конфликта между королемъ и только что начинавшимъ свою дѣятельность Законодательнымъ Собраніемъ.

неннымъ этой легко воспламеняющейся публикой, которая, сдѣлавъ революцію на улицѣ, желала руководить ею и въ парламентѣ; но большинство все же не рѣшалось сдѣлать ей открытый вызовъ. 24 января Дюкастель предложилъ въ презрительномъ тонѣ, чтобы законъ, воспрещающій трибунамъ выражать свое одобреніе или неодобреніе прочитывался при открытіи каждаго засѣданія. Но роялистъ Вобланъ настоялъ на томъ, чтобы ограничились только расклейкой закона. „Національное Собраніе, — сказалъ онъ, — сможетъ всегда отличить выраженія одобренія или неодобренія, не свидѣтельствующія о недостаткѣ уваженія къ ней, отъ тѣхъ движней, которыя, чтобы быть порицаемыми, не нуждаются въ иныхъ судьяхъ, чѣмъ большая часть самихъ трибунъ“. (Трибуны аплодируютъ).

Вобланъ не замедлилъ раскаяться въ своемъ либерализмѣ. Когда, 2 апрѣля, Дюгемъ рѣзко выступилъ противъ Нарбонна, галлерей привѣтствовали его радостными криками и ошикали правую. Дюмоляръ и Лагреволь потребовали удаленія публики съ трибунъ. Гранжневъ горячо возсталъ противъ этого. Поднялся невообразимый шумъ. Въ концѣ концовъ Ассамблея рѣшила, что предсѣдатель призоветъ только къ порядку всѣхъ шумѣвшихъ гражданъ. Въ дебатахъ о Лафайетѣ депутатъ Дёзи предложилъ строгія мѣры, но онѣ не были даже поставлены на голосованіе. Наконецъ, 7 августа, было разрѣшено трибунамъ выбирать четырехъ комиссаровъ, которые будутъ сами выпроваживать нарушителей порядка. Но день 10 августа лишилъ Законодательное Собраніе всякаго престижа, и гнетъ публики сталъ тяжелымъ. Этотъ постоянный надзоръ за Ассамблеей былъ одной изъ формъ парижской диктатуры, противъ которой жирондисты будутъ напрасно бороться.

Въ Конвентѣ, въ Манежѣ, какъ и въ Тюльери, будетъ то же самое. Въ новой залѣ существуютъ еще, однако, общедоступныя и привилегированныя трибуны. Народныя трибуны, говоритъ Дюлоръ, были полны „праздными рантьерами, безработными, женщинами“ *). Скоро, какъ извѣстно, эта революціонная, но смиренная публика замѣнилась офиціозными представителями Якобинскаго клуба, коммуны, революціонныхъ комитетовъ, которые завладѣли всѣми мѣстами, занимая ихъ за долго до начала засѣданія. Жирондисты, въ лицѣ Манюэля, подняли по этому по-

*) Le thermo mètre du jour 1 января 1793 г.

воду 14 декабря 1792 г. длинные и бурные дебаты. „Большое число граждан,—сказалъ Манюэль,—не имѣтъ времени придти задолго до открытія дверей залы и не можетъ, слѣдовательно, никогда присутствовать на вашихъ засѣданіяхъ, потому что трибуны всегда наполнены людьми, которымъ нечего жалѣть время“. И онъ предложилъ систему, по которой депутаціи 83 департаментовъ могли бы поочередно присутствовать на засѣданіяхъ Ассамблеи. Тюріо рѣзко выступилъ противъ этого предложенія, которое было отложено. Послѣ этого трибуны потеряли всякую мѣру. Извѣстно, какое вліяніе имѣли ихъ угрозы на нерѣшительныхъ депутатовъ во время процесса короля. И ораторы Горы обращались въ большей степени къ этимъ трибунамъ, чѣмъ къ своимъ коллегамъ, засѣдавшимъ направо и въ центрѣ. Разъ (30 апрѣля 1793 г.), при дебатахъ о продовольственномъ вопросѣ, большинство имѣло смѣлость удалить публику изъ одной публичной трибуны. Но однимъ изъ результатовъ побѣды народа въ возстаніи 31 мая было уничтоженіе, по требованію Делакруа, привилегированныхъ трибунъ. Отнынѣ въ Конвентѣ засѣдала какъ бы депутація парижскихъ „санкюлотовъ“, которая обезпечила торжество Горы.

Преувеличиваютъ, быть можетъ, роль вязальщицъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ угрожали смертью умѣреннымъ депутатамъ и наводили ужасъ на молчаливыхъ центра. Но, несомнѣнно, что ихъ нетерпимый и грубый фанатизмъ не оставлялъ никакой свободы ихъ сосѣдямъ по галереѣ. „Мы расскажем,—пишетъ Прюдомъ въ маѣ 1793 г.,—о томъ, что произошло на дняхъ съ однимъ гражданиномъ, недавно прибывшимъ въ Парижъ изъ провинціи. Онъ съ большимъ трудомъ нашелъ себѣ мѣсто на одной изъ трибунъ новой залы Конвента. Въ это время Маратъ начинаетъ говорить; нашъ провинціалъ слушаетъ его, не выражая ничѣмъ ни своего одобренія, ни неодобренія. Находящіяся возлѣ него женщины обзываютъ его бриссотинцемъ, аристократомъ и т. д. Онъ объясняется съ ними, говоритъ имъ кто онъ и ему прощаютъ на этотъ разъ. Слово беретъ Верньо. Нашъ провинціалъ естественно апплодируетъ нѣкоторымъ удачнымъ мѣстамъ рѣчи депутата правой. За нимъ наблюдаютъ; сосѣдки его опять и съ еще большимъ усердіемъ называютъ его жирондистомъ, аристократомъ. Довольный тѣмъ, что дѣло не зашло дальше этихъ ругательствъ, онъ улучшаетъ первый удобный моментъ и удираетъ, давъ себѣ зарокъ не переступать больше порога Конвента до тѣхъ поръ, пока на трибуны бу-

дуть допускаться женщины“ *). Въ бурные дни женщины являлись въ Конвентъ въ еще большемъ числѣ, и разъ, 1-го преріала, произвели на Ассамблею потрясающее впечатлѣніе трагическимъ крикомъ: Хлѣба! хлѣба! Первымъ актомъ вновь освободившагося Конвента было поэтому воспретить имъ входъ на трибуны **), которыя съ того момента перестаютъ существовать для исторіи.

Легко понять, какое вліяніе эта публика имѣла на парламентское краснорѣчіе. По отношенію къ первому времени существованія Учредительнаго Собранія можно было сказать, что делегация истиннаго народа поощряла своихъ депутатовъ присутвіемъ своимъ и своими непринужденными и искренними аплодисментами. Въ 1792 г. публика трибунъ уже болѣе исключительная и менѣе непосредственная. Въ 1793 г. ее составляютъ делегаты смѣлаго и анонимнаго меньшинства парижскаго населенія; это уже не Франція и даже не какой-либо парижскій кварталъ, а чаще всего армія фанатичныхъ клакеровъ, завербованныхъ и дисциплинированныхъ для того, чтобы силою обезпечить успѣхъ извѣстной политикѣ, цѣль которой имъ даже неизвѣстна. Благодаря своему числу, своему положенію, своему поведенію они становятся исключительной аудиторіей ораторовъ Конвента, аудиторіей пристрастной, послушной лишь данному лозунгу и которую не можетъ переубѣдить и наиболѣе сильное краснорѣчіе. Въ ней Робеспьеръ найдетъ дѣйствительную поддержку своей системѣ управленія: режимъ террора не могъ бы столько продолжаться, если бы на галлерейхъ Конвента были представлены настоящая Франція и настоящій Парижъ. Нѣтъ сомнѣнія, что незаконное вмѣшательство этой исключительной публики крайне раздражало Жиронду и довело эту героическую молодежь до неосторожныхъ выходокъ противъ Парижа и якобинцевъ. На гнѣвные крики этого лже-народа они постоянно отвѣчали вызывающе, доходя до крайностей въ своихъ мнѣніяхъ и въ своихъ поступкахъ. Центръ, между тѣмъ, молчалъ, мало-по-малу покидалъ скомпрометированную и безсильную правую и приближался къ тѣмъ людямъ, которые казались ему наиболѣе способными предохранить его отъ народной ярости. И, однако,

*) Révolutions de Paris, № ССII.

**) Декретъ объ этомъ былъ, слѣдовательно, изданъ 1-го преріала III года (20 мая 1795 г.), а не 21 мая 1793 г., какъ то говорятъ Гонкуры въ своей Histoire de la Société française pendant la Révolution, 4 изд. стр. 385.

вѣра монтаньяровъ и жирондистовъ въ силу своего краснорѣчія была настолько велика, что они до конца были убѣждены—первые въ томъ, что трибуны имъ аплодируютъ сознательно, вторые—что наступитъ день, когда онѣ поддадутся обаянію ихъ слова. Эта иллюзія позволила дѣятелямъ Конвента сохранить до 9-го термидора нетронутой всю свою ораторскую энергію, всю свою вѣру въ искусство слова, какъ если бы побѣда была обезпечена наиболѣе краснорѣчивому.

III.

Если Законодательное Собраніе и Конвентъ одобрили уставъ и почти всѣ порядки Учредительнаго Собранія, то, какъ видитъ читатель, ораторы первыхъ двухъ Ассамблей не говорили въ тѣхъ же условіяхъ, что ихъ предшественники. Не претендуя дать картину парламентскихъ нравовъ за время отъ 1791 до 1795 г., мы вкратцѣ укажемъ здѣсь на то, что отличаетъ эти два столь близкихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь несходныхъ періода.

Напомнимъ, раньше всего, что въ Законодательномъ Собраніи и въ Конвентѣ было гораздо меньше членовъ, чѣмъ въ Учредительномъ Собраніи: приблизительно 750 вмѣсто 1200. Въ Законодательномъ Собраніи, не говоря о голосованіяхъ для выбора предсѣдателя, было всегда, даже въ важныхъ случаяхъ, не меньше ста отсутствовавшихъ депутатовъ. Въ Конвентѣ, до 31 мая 1793 г., число отсутствовавшихъ было еще болѣе значительнымъ. На засѣданіяхъ 21 и 22 сентября, когда была отмѣнена королевская власть и установлена республика, присутствовало не больше 300 депутатовъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ, согласно съ Фокдеемъ, официальный регистръ. *) Правда, довольно значительное число депутатовъ не прибыло еще тогда въ Парижъ, но даже, когда всѣ уже пріѣхали, многіе, несомнѣнно, или не посѣщали засѣданій или не вотировали. При голосованіи о казни Людовика XVI было настолько компрометирующимъ не явиться въ Ассамблею, что только одинъ депутатъ отсутствовалъ безъ уважительной причины, и въ голосованіи приняли участіе 721 членъ. Но 12 апрѣля 1793 г., по вопросу объ арестѣ Марата, было подано только 360 голосовъ. Если допустить, что 200 депутатовъ

*) *Souvenirs du Conventionnel Fockedey*, въ *Revue de la Révolution*, № 5, май 1884 г.

были заняты разными миссіями или намѣренно не пришли (цифра эта, несомнѣнно, преувеличенная), то все же вѣрно, что въ разгаръ борьбы между Жирондой и Горой двѣсти членовъ Конвента не являлись регулярно на засѣданія.

Насильственной мѣрой большинство заставило явиться это напуганное и безымянное стадо: 14 іюня 1793 г. оно постановило, что, послѣ двоекратнаго констатированія отсутствія депутатовъ безъ уважительной причины, они будутъ замѣщены ихъ *surpléant's*ами. Это значило объявить ихъ подозрительными, сообщниками бѣглыхъ жирондистовъ, и большинство ихъ, какъ то видно изъ доклада Госсюэна отъ 16 іюля, не замедлило явиться. Страхъ, приведшій этихъ слабыхъ людей въ залу засѣданій, внушилъ имъ и раболѣпство и обезпечилъ монтаньярамъ хорошо дрессированное большинство *).

Кѣмъ были, въ общемъ, тѣ ораторы, которые занимали трибуну съ 1791 до 1795 г.? Благодаря декрету, лишавшему бывшихъ членовъ Учредительнаго Собранія права быть избранными, всѣ депутаты Законодательнаго Собранія были людьми новыми и, за исключеніемъ парижскихъ депутатовъ, неизвѣстными. Почти всѣ принадлежали къ прежнему третьему сословію, а малочисленные дворяне, засѣдавшіе на правой сторонѣ, какъ Станиславъ де-Жирарденъ, забыли или скрывали свои сословные предразсудки.

Кромѣ того, почти всѣ они были бѣдными. „Больше девятнадцати двадцатыхъ членовъ этой Ассамблеи,—говорилъ съ презрѣніемъ графъ де Ла-Маркъ,—имѣютъ, вмѣсто экипажей, лишь калоши и зонтики. Вычислили, что всѣ эти новые депутаты имѣютъ отъ своей недвижимой собственности не больше 200.000 ливровъ дохода“ **).

Всѣ профессіи были представлены въ Законодательномъ Собраніи, но адвокаты составляли большинство. Избиратели почти повсюду выбрали департаментскихъ и окружныхъ администраторовъ, муниципальныхъ чиновниковъ, судей, которые, будучи по своей профессіи исполнителями конституціи, уважали ее и знали ее практически. Но эти новые представители народа,

*) Понемногу, однако, эти лѣзвивые или боязливые снова перестали посѣщать засѣданія. Разъ даже (25 іюля 1793 г.) число вотировавшихъ упало до 186. См. мою *Histoire politique de la Révolution Française*, стр. 321.

**) *Correspondence entre Mirabeau et La Marck*, т. III, стр. 246.

менѣ опытные, чѣмъ ихъ предшественники, стояли въ общемъ ниже ихъ. Бриссо, Верньо и ихъ друзья были среди нихъ почти единственными выдающимися дѣятелями и не находили себѣ между ними достойныхъ противниковъ.

IV.

Куда болѣе высокимъ былъ средній уровень членовъ Конвента! Кромѣ того, что избиратели старались выбирать для этой начинавшейся второй революціи талантливыхъ представителей, почти всѣ извѣстные политическіе дѣятели, за исключеніемъ Барнава, двухъ Ламетовъ и Адріена Дюпора, были призваны въ новую Ассамблею. Въ залу Манежа вернулись вся жирондистская и бриссотинская лѣвая и небольшой кружокъ рѣшительныхъ и смѣлыхъ людей, которые образовали въ Законодательномъ Собраніи маленькую Гору. Всего было избрано въ Конвентъ 181 бывшихъ члена Законодательнаго Собранія. Они нашли тамъ 89 депутатовъ Учредительнаго Собранія, знаменитыхъ, какъ Камюсъ, Дюбуа-Крансе, Грегуаръ, Петіонъ, Рабо Сентъ-Этьенъ, Робеспьеръ, Сейесъ, Трейяръ, или же забытыхъ, но которымъ суждено было играть выдающуюся ораторскую роль, какъ Бареръ и Ланжюинэ. Среди новыхъ людей, избранныхъ въ Конвентъ, я нахожу лишь трехъ ораторовъ, дѣйствительно достойныхъ этого имени: Барбару, Луве и Сентъ-Жюсть. Я забываю Дантона; но былъ ли кордельевскій ораторъ дѣйствительно новымъ человѣкомъ? Отъ 1792 до 1795 г. политическая трибуна была, слѣдовательно, почти постоянно занята ветеранами Учредительнаго и Законодательнаго Собранія,—молодыми ветеранами, изъ которыхъ лишь очень немногіе достигли сорокалѣтняго возраста!

Въ Конвентѣ, какъ и въ Законодательномъ Собраніи, адвокаты и судьи составляли большинство. Три великихъ оратора, Дантонъ, Верньо и Робеспьеръ, были адвокатами. Среди депутатовъ имѣлись также медики, какъ Марать и Левасёръ, протестантскіе пастыри, какъ Бернаръ Сентъ-Африкъ, Жанбонъ Сентъ-Андре, Жюльенъ Тулузскій, Лазурсъ, Рабо Сентъ-Этьенъ, конституціонные епископы, какъ Фуше, Грегуаръ, Масье, ученые, изъ которыхъ четырнадцать стали членами Института, литераторы и, наконецъ, нѣсколько земледѣльцевъ *). Ни одна Ас-

*) Въ Конвентѣ было 29 дворянъ, 16 конституціонныхъ епископовъ, 10 епископальныхъ викаріевъ, 27 священниковъ или монаховъ. Я привелъ ихъ списокъ въ своей *Histoire politique*, стр. 321.

самблея не стояла выше по своему умственному развитію и не была лучше подготовлена своимъ прошлымъ къ тому, чтобы цѣнить ораторское искусство и пользоваться имъ не только въ академическомъ духѣ, какъ то слишкомъ часто дѣлалось въ Учредительномъ Собраніи, но и въ наиболѣе воинственной и наиболѣе живой формѣ.

За исключеніемъ Робеспьера и нѣсколькихъ жирондистовъ почти всѣ эти ораторы были людьми дѣла. Многіе изъ нихъ, кромѣ того, что они занимались въ комитетахъ дѣлами управленія, выполняли еще, въ качествѣ комиссаровъ, военныя функціи. Они, смотря по надобности, становились солдатами, генералами, моряками, не ограничиваясь, какъ современные депутаты, теоретическимъ обсужденіемъ вещей. Вынужденные соединить въ своихъ рукахъ всѣ функціи, они близко знакомятся со всѣмъ государственнымъ механизмомъ и практически изучаютъ наиболѣе техническіе вопросы.

Любопытно, съ точки зрѣнія специальныхъ способностей тѣхъ ораторовъ, рѣчи которыхъ намъ предстоитъ изучать, указать, въ какіе комитеты каждый изъ нихъ желалъ быть назначеннымъ, когда Конвентъ собрался. Бриссо выбираетъ конституціонный комитетъ и дипломатическій; Верньо—конституціонный и законодательный; Гюаде—дипломатическій и законодательный; Жансоне—конституціонный и дипломатическій; Кондорсе—комитетъ народнаго образованія; Луве—земледѣльческій, дипломатическій и законодательный; Барбару—конституціонный; Петіонъ—конституціонный и комитетъ общественной безопасности; Ланжюинэ—комитетъ народнаго образованія и законодательный; Фоше записывается въ пять комитетовъ—финансовый, конституціонный, дивизионный, народнаго образованія и общественной безопасности. Таковъ былъ выборъ главныхъ жирондистовъ.

Что касается монтаньяровъ, то изъ ихъ числа Робеспьеръ и Котонъ выбрали законодательный комитетъ; Дантонъ—конституціонный и дипломатическій; Марать—конституціонный и комитетъ безопасности; Сень-Жюсть—дипломатическій и безопасности; Бареръ—конституціонный, законодательный и народнаго образованія.

Изъ дѣятелей центра Сейесъ выбралъ—конституціонный комитетъ, комитетъ народнаго образованія, дипломатическій и дивизионный; Камюсъ—финансовый, контрольный и ликвидаціонный; Грегуаръ—колониальный, дипломатическій и общественной безопасности.

Слѣдуя этимъ указаніямъ самихъ депутатовъ, Конвентъ выбралъ наиболѣе видныхъ своихъ членовъ въ четыре или пять комитетовъ, которые въ концѣ 1792 г., до возникновенія комитета общественнаго спасенія, казались наиболѣе важными. Тамъ засѣдали ораторы этой Ассамблеи. Бриссо, Сейесъ, Петіонъ, Верньо, Жансоне, Бареръ, Дантонъ, Кондорсе *) находятся въ первомъ конституціонномъ комитетѣ, имѣя, какъ замѣстителей (suppléants), Барбару, Геро, Лантена, Жапа де-Бри, Фоше, Лавиконтри. Въ дипломатическомъ комитетѣ участвуютъ Рёбель, Грегуаръ, Клооцъ, Бриссо, Гюаде, Гюитонъ, Керсенъ, Жансоне, Карно, а замѣстители—Виллетъ, Дантонъ, Колло, Сейесъ, Май, Дюко. Въ комитетѣ народнаго образованія находятся Кондорсе М.-Ж. Шенье, Геро, Горса, Ланжюнна, Арбогастъ, Роммъ, Лантена, Сейесъ, Бареръ, Дюсоль, Давидъ, Дюранъ-Мальянь, Фоше, Манюэль. Въ комитетѣ общественной безопасности — Фоше, Базиръ, Горса, Грегуаръ, Шенье, Геро, Саль, Манюэль, Гранжнёвъ и Тальенъ. Въ законодательномъ комитетѣ — Гюаде, Кутонъ, Ланжюнна, Верньо, Луве, Бареръ, Дюранъ-Мальянь, Робеспьеръ, Р. Линде.

Но если Конвентъ считался съ личными вкусами каждаго, то онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постарался о томъ, чтобы и въ наименѣе замѣтныхъ и наиболѣе техническихъ комитетахъ имѣлся по меньшей мѣрѣ одинъ талантивый человекъ.

Въ этихъ часто возобновлявшихся комитетахъ, изъ которыхъ наиболѣе занятые подраздѣлились потомъ, перебивали почти все ораторы Национальнаго Конвента, подготовившіеся въ нихъ къ практической дѣятельности. Благодаря этому, они, послѣ образованія великаго комитета общественнаго спасенія, могли быть одновременно правителями и ораторами.

V.

Но и до той эпохи, когда Ассамблея стала сама управлять, парламентскіе нравы, особенно въ Законодательномъ Собраніи, значительно отличались отъ англійскихъ и современныхъ французскихъ нравовъ. Въ частности отличіе это состояло въ отношеніяхъ законодательной власти къ исполнительной. До паденія королевской власти французскій парламентъ отказывался брать въ своей средѣ министровъ и составлять отвѣтственный

*) Надо еще прибавить Пэна, который не выступалъ на трибунѣ.

кабинетъ. Благодаря непринятію этой мѣры, которая могла бы спасти свободу и предохранить Францію отъ террора и имперіи, патріотическіе ораторы оказались въ ложномъ положеніи: они поддерживали извѣстную политику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боролись противъ тѣхъ, которые проводили ее въ жизнь. Конституціонное министерство, такъ какъ оно было министерствомъ ретроградной партіи, а не выразителемъ парламентскаго большинства, явилось предпочтительною мишенью для этихъ защитниковъ конституціи. Считалось постыднымъ хвалить министра, посящать его, говорить съ нимъ *). Это недовѣріе сохранилось и послѣ 10 августа, переживъ, такимъ образомъ, тѣ обстоятельства, при которыхъ оно возникло. Члены Конвента продолжали по рутинѣ относиться подозрительно къ кабинету, хотя они сами его избрали. Когда министры были въ залѣ, то истинному патріоту не полагалось разговаривать съ ними. Такъ, 7 декабря 1792 г., предсѣдатель Бареръ послалъ пристава сообщить что то вызванному въ Конвентъ Ролану. Тотчасъ же одинъ депутатъ Горы поднялся и сказалъ: „Я прошу предсѣдателя заявить, о чемъ онъ извѣстилъ черезъ пристава министра Ролана“. И Бареръ покорно отвѣтилъ, что онъ послалъ сказать министру, просившему у него слова, что ему придется подождать немного.

Нѣкоторыя ораторскія выходки прямо необъяснимы, если не знать объ этомъ наивномъ недовѣрїи дѣятелей Законодательнаго Собранія и Конвента. По аналогичному же чувству они избѣгаютъ организоваться въ группы, а когда необходимость вынуждаетъ ихъ къ этому, имъ противно въ этомъ сознаться; взаимныя уступки, неизбѣжныя при образованіи партіи, кажутся имъ постыдною вещью. Съ внѣшней стороны политическій духъ не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи во Франціи никакого успѣха со времени Учредительнаго Собранія. Протестъ противъ всякой партійной связи является однимъ изъ общихъ мѣстъ на трибунѣ. „Я заявляю, — говоритъ Дюкастель на засѣданіи 6 октября 1791 г., — что во всѣхъ этихъ дебатахъ я слѣдую лишь внушенію моей совѣсти и что, если партіи имѣются, то я къ нимъ не принадлежу“... 10 октября „одинъ депутатъ становится посреди залы, чтобы показать, что онъ не принадлежитъ ни къ правой сто-

*) Даже для роялистовъ - конституціоналистовъ, какъ то признаетъ впоследствии одинъ изъ нихъ, „являлось какимъ то преступленіемъ знать, видѣть министровъ короля, бесѣдовать съ ними“... *Mémoires de Vaublanc*, edit. Didot стр. 187.

ронѣ, ни къ лѣвой“ *). 31 того же мѣсяца кто то упрекнулъ Иснара въ томъ, что онъ обратился къ лѣвой. Предсѣдатель Дюкастель заявилъ, „что произнесенныя слова имѣли какъ будто въ виду убѣдить, что существуетъ правая сторона и лѣвая“, и прибавилъ, что онъ „будетъ призывать къ порядку всякаго члена, который станетъ говорить объ этомъ раздѣленіи“ **). 14 ноября Иснаръ заявляетъ, что онъ будетъ бороться противъ всѣхъ партій, такъ какъ онъ не принадлежитъ ни къ одной. Въ концѣ декабря перемѣстили, какъ мы видѣли, предсѣдательское кресло, съ цѣлью перемѣстить вмѣстѣ съ тѣмъ правую и лѣвую. Но хотя роялисты-конституціоналисты оказались по лѣвую сторону предсѣдателя, они продолжали называться Правой, а Жиронда, хотя она засѣдала на правой сторонѣ, осталась, тѣмъ же менѣе, Лѣвой. Въ Конвентѣ повторяется то же самое: „Я не состою ни въ какой партіи,—восклицаетъ Фонфредъ (15 марта 1793 г.),—я не желаю никому принадлежать; мною руководятъ лишь моя совѣсть и интересы моей страны“. „Я тоже,—говоритъ Дантонъ на засѣданіи 29 октября 1792 г.,—не принадлежу ни къ какой партіи, ни къ какому сообществу. Если кто-либо можетъ доказать противное, то пусть онъ немедленно уличитъ меня“. Просвѣщенный опытомъ, одинъ законодатель признаетъ впоследствии, что истинный партійный духъ можетъ быть честнымъ и искреннимъ и что отсутствіе дѣйствительно дисциплинированныхъ партій погубило революцію ***).

Итакъ, какъ и въ Учредительномъ Собраніи, ораторы не только не станутъ говорить отъ имени своей группы, но будутъ стараться придавать совершенно личный характеръ даже тѣмъ выступленіямъ, которыя были ими подготовлены совместно съ ихъ друзьями. Больше того: рѣдко случается, чтобы докладчикъ выступалъ, какъ уполномоченный своего комитета. Онъ обыкновенно избѣгаетъ ссылаться на авторитетъ своихъ коллегъ, вмѣстѣ съ которыми онъ обсудилъ и составилъ свой проектъ: онъ дѣлаетъ видъ, какъ будто онъ писалъ его, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и слѣдуя только своему собственному уму-разуму.

*) *Moniteur, rémpr.* т. X, стр. 82.

***) *Journal des Débats et des Décrets.*

***) *Mémoires de Vaublanc,* стр. 186.

VI.

Однако, отвергая имя, дѣятели революціи сознають пользу самой вещи, и въ Законодательномъ Собраніи, особенно же въ Конвентѣ стараются соорганизоваться съ большей послѣдовательностью и большимъ постоянствомъ, чѣмъ въ Учредительномъ Собраніи. Недостаточно сказать, что Законодательное Собрание было раздѣлено на двѣ неравныя группы, якобинцевъ или бриссо-тинцевъ, бывшихъ, приблизительно, въ числѣ 300, и умѣренныхъ, которыхъ было около 450. Правая (роялисты-конституціоналисты) насчитывала, какъ утверждаетъ Матьё Дюма, ровно 160 членовъ, которые всегда вотировали одинаково. „Якобинскіе патріоты“ были, приблизительно, въ числѣ 280 и довольно покорно слѣдовали за Бриссо, Кондорсе и другими депутатами Жиронды. Крайняя лѣвая или хвостъ якобинской партіи состоялъ, приблизительно, изъ двадцати членовъ, главарями которыхъ были Базиръ, Шабо и Мерленъ (изъ Пювиля). Остальные 300 депутатовъ составляли нестройную массу, которую называли центромъ. Сами они величали себя Независимыми, и у нихъ не было и тѣни внутренней организаціи; но они обыкновенно голосовали вмѣстѣ съ правой *).

До 31 мая Конвентъ тоже казался раздѣленнымъ на три части: жирондистскую правую, центръ и монтаньярскую лѣвую. Обѣ крайнія группы съ каждымъ днемъ все болѣе и лучше организовывались; нерѣшительный же и несвязный центръ давалъ побѣду жирондистамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда послѣдніе раскалывались, какъ, напр., въ процессѣ Людовика XVI. Послѣ пораженія Жиронды, вызваннаго внѣшними обстоятельствами, а не измѣной центра, послѣдній, охваченный страхомъ, вотировалъ вмѣстѣ съ Горой, которая сама подраздѣлилась на дантонистовъ и робеспьеристовъ **). Послѣ смерти Дантона и его друзей образовалась тайная партія противъ триумвирата Робеспьера, Кутона и Сень-Жюста. Партія эта подраздѣлилась на нѣсколько группъ. Послѣ термидора, когда вернулись уцѣлѣвшіе жирондисты,

*) О численномъ составѣ партій въ Законодательномъ Собраніи см. Малле дю-Пана, т. I, стр. 429, *Les deux amis de la liberté*, т. VIII, стр. 127, и особенно Матьё Дюма, т. II, стр. 4.

**) Гебертистовъ было въ Конвентѣ немного и они иногда сливались съ друзьями Дантона.

произошла новая перетасовка партій, и небольшая группа роялистов составила крайнюю правую Конвента.

Сколько партій въ Ассамблеѣ, которая протестовала противъ всякаго подраздѣленія на правую и лѣвую! Сколько группъ и подгруппъ, какъ выражались бы въ настоящее время! Но группы эти не дѣйствовали открыто и даже организовывались тайно, почти стыдливо. Ихъ собранія нарочно придавали характеръ какъ будто случайныхъ встрѣчъ на обѣдѣ или вечерѣ у какого-нибудь друга. Далекіе отъ мысли выбирать предсѣдателей и имѣть официальныхъ главарей, депутаты наивно конспирировали и съ краской стыда отрицали вполнѣ законныя соглашенія, существованіе которыхъ было для всѣхъ очевидно.

Эта таинственность еще болѣе возбуждала недовѣріе и ненависть. Какой заговоръ составила Гора въ задней комнатѣ Дюпле или въ подвалѣ Марата? Какія измѣнническія интриги задумала Жиронда „въ будуарѣ женщины Роланъ“? Вотъ о чемъ съ искреннимъ безпокойствомъ спрашивали себя объ партіи, встрѣчаясь каждое утро въ Манежѣ, а затѣмъ въ Тюльери *). Никогда главари не могли столковаться о перемиріи и о совмѣстномъ выступленіи противъ врага. Главари? Но ихъ не было, такъ какъ не было партій, такъ какъ никто не подчинялся опредѣленному лозунгу. Если бы Робеспьеръ и Верньо позволили себѣ вести переговоры отъ имени своихъ друзей, то послѣдніе отвергли бы ихъ. Личныя сношенія между представителями обѣихъ группъ становились все болѣе и болѣе рѣдкими. Подъ недовѣрчивымъ взглядомъ трибунъ они не осмѣливаются больше разговаривать другъ съ другомъ, здороваться. Когда Дантонъ, со своимъ глубокимъ политическимъ чутьемъ, созоветъ собраніе, чтобы притти къ извѣстному соглашенію, то оно будетъ тайнымъ, какъ заговорщическое. Это не двѣ партіи, а два вооруженныхъ лагеря, и люди съ парламентскимъ смысломъ, если таковые имѣются, совершенно ослѣплены страстью и видятъ въ своихъ противникахъ только враговъ.

*) Такое же недовѣріе существуетъ въ Законодательномъ Собраніи между якобинцами и роялистами. 12 января 1792 г. въ залѣ задымили печи. Лѣвая увидала въ этомъ маневрѣ правой, чтобы сорвать засѣданіе.

VII.

Эта организація партій въ формѣ тайныхъ и одновременно свободныхъ обществъ позволяла каждому вернуть себѣ въ любой моментъ свободу дѣйствій и дѣлала сомнительнымъ успѣхъ всякой послѣдовательной политики. Это взаимное недоверіе порождало также крайнюю раздражительность ораторовъ и ихъ дѣтскую обидчивость. Кромѣ того, нервы ихъ были напряжены чрезмѣрнымъ трудомъ: утромъ и днемъ они засѣдаютъ пять часовъ, а вечеромъ около трехъ часовъ; нѣкоторые, по выходѣ изъ Ассамблеи, отправляются въ якобинскій клубъ; другіе проводятъ ночи въ комитетахъ *). Эта трудовая жизнь слишкомъ извѣстна, чтобы надо было подробно останавливаться на ней. Но она объясняетъ, почему взаимное недоверіе, о причинахъ котораго мы выше говорили, вызывало извѣстное волненіе въ дебатахъ напряженно работавшихъ людей, которыхъ къ тому же раздражали шиканья и аплодисменты трибунъ. Они ничего другъ другу не прощаютъ. 6 ноября 1791 г.***) Иснаръ требуетъ, чтобы былъ призванъ къ порядку одинъ депутатъ, прервавшій его возгласомъ: „А!“ Избираемый на двѣ недѣли, предсѣдатель не пользуется никакимъ уваженіемъ. За двусмысленный жестъ обзываютъ другъ друга злодѣемъ и мятежникомъ. Намъ придется еще встрѣчаться съ этими сценами безпорядка, въ которыхъ на отвратительныя ругательства отвѣчали иногда словами истиннаго и высокаго краснорѣчія. Законодательное Собраніе и Конвентъ неоднократно пытались ввести, при помощи статьи устава, хладнокровіе и приличіе, которыя отсутствовали въ нравахъ. Такъ, 31 октября 1792 г., одинъ депутатъ, имени котораго не приводитъ ни одна газета, меланхолически воскликнулъ: „Благодаря какому злему року, когда королевская власть уничтожена, когда постоянныя успѣхи нашей арміи предсказываютъ побѣду свободы надъ всѣмъ міромъ, когда все какъ будто сговаривается, чтобы очистить намъ путь, который могъ быть сплошь покрытымъ терніями,—по какому злему року, спрашиваю я, настоящая Ассамблея, которая должна была бы быть центромъ согласія и общаго веселья, стала очагомъ раздора и

*) Письмо Барбару къ его избирателямъ въ декабрѣ 92 г.; приложение къ Мемуарамъ, изданнымъ Добаномъ.

**) Journal des Débats et des Décrets.

возмущенія? Какимъ образомъ святилище законовъ могло превратиться въ арену лично озлобленныхъ другъ противъ друга гладіаторовъ?“ И онъ предложилъ установить наказанія за личныя выходки и обвиненія въ измѣнѣ. Ассамблея отвергла это нѣсколько наивное предложеніе. Но 25 мая 1793 г., когда Марать снова заговорилъ о злодѣйскомъ сообществѣ, одинъ жирондистъ, Эдмъ Пти, воскликнулъ: „Пора, чтобы Ассамблея прониклась подобающимъ ей достоинствомъ!.. Мы не были посланы сюда департаментами, чтобы выслушивать шутки такого скомороха, какъ Марать (раздаются продолжительные аплодисменты). Я требую, чтобы всякій членъ, который позволитъ себѣ употребить по отношенію къ своимъ коллегамъ такія имена, какъ „крамольникъ“, „злодѣй“, былъ немедленно и на основаніи декрета изгнанъ изъ Ассамблеи“ (новые аплодисменты депутатовъ и части зрителей). Это предложеніе, принятое громаднымъ большинствомъ, не успокоило страсти, не имѣло никакого вліянія, и 11 нивоза III года Дюмонъ, оскорбленный Дюгемомъ, добился изданія декрета, по которому оскорбленіе наказывалось заключеніемъ въ Аббатствѣ. Отъ ругани не трудно было перейти къ актамъ насилія. Обѣ стороны были убѣждены, что наступитъ день, когда поединокъ перестанетъ быть только словеснымъ, и большинство имѣло при себѣ шпагу или палку со шпагой. Въ самый разгаръ междуособной борьбы, 11 апрѣля 1793 г., одинъ жирондистъ, де-Перре, выхватилъ шпагу и ринулся съ ней на монтаньяровъ; якобинецъ Калонъ (изъ Уазы) заставилъ его отступить, угрожая ему пистолетомъ *).

Читатель спроситъ себя, можно ли дать имя ораторовъ этимъ изступленнымъ людямъ. Но сами эти угрозы и оскорбленія имѣли свое краснорѣчіе, такъ какъ они были внушены одной лишь страстью. А затѣмъ, рядомъ съ нѣсколькими бурными дебатами, сколько въ Законодательномъ Собраніи и въ Конвентѣ было спокойныхъ и величественныхъ засѣданій! Монтаньяры даже при общемъ волненіи добивались тишины, а жирондисты достигали ея силою своего генія. Эти крики, примѣры которыхъ мы привели, были бурными интермедіями, характеризующими ораторовъ того времени почти въ той же степени, какъ ихъ длинныя рѣчи, и приходится сожалѣть, что газеты не всегда даютъ о нихъ по-

*) *Moniteur*, reimpr., т. XVI, стр. 122.—*Journal des Debats*

дробное представлѣніе. Если нынѣ мирный французъ краснѣеть за эти рѣзкости, то онъ не долженъ забывать, что онѣ не являлись неблагопріятными условіями для политическаго краснорѣчія. Не сказано ли у Тацита, котораго люди той эпохи любили переводить, что даже бури свободнаго форума давали пищу великому краснорѣчію? *Quæ singula etsi distrahebant rem publicam, exercebant tamen illorum temporum eloquentiam* *).

VIII.

Но какое краснорѣчіе могло существовать при красномъ колпакѣ, карманьолѣ, сабо **) и тыканьи? Я отвѣчаю, что значительно преувеличили свободу манеръ членовъ Законодательнаго Собранія и Конвента. Пусть возьмутъ какую-нибудь изъ гравюръ, представляющихъ процессъ Людовика XVI, и тогда убѣдятся, что въ январѣ 1793 г. ни одинъ депутатъ не носилъ еще краснаго колпака. Да, въ 1792 г. Бриссо рекомендовалъ красный колпакъ и прическу à la Titus. Прическа была въ общемъ одобрена, но я сомнѣваюсь въ томъ, явился ли самъ Бриссо въ Конвентъ съ колпакомъ на головѣ. Было бы, конечно, столь же педантично оправдывать эту безвредную моду, какъ и критиковать ее. Но фактъ все же таковъ, что большинство депутатовъ до конца воздерживалось отъ нея. Что касается карманьолы и сабо, то, въ разгаръ террора, ничтожное меньшинство дѣйствительно облачилось въ этотъ костюмъ, сдѣлавъ это изъ страха, а не по вкусу ***). Изъ трусости былъ данъ суровый урокъ самими главарями Горы, большинство которыхъ, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, отнеслось презрительно къ этому маскараду, бывшему грубой ложью по адресу публики трибунъ. Что же касается тыканья, въ которомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего анти-ораторскаго и которое было даже краснорѣчивымъ въ свое время, то тоже ошибочно думать, будто оно было общеупотребительнымъ у революціонныхъ ораторовъ. Оно стало

*) De oratoribus, XXXVI.

**) Кромѣ знаменитой пѣсни, карманьолой называлось еще короткая куртка особаго покроя, которую носили пришедшіе въ Парижъ марсельцы. — С а б о (sabots) называются башмаки изъ дерева или только съ деревянными подошвами, которые и теперь еще многіе крестьяне и рабочіе носятъ на работѣ.

Прим. перев.

***) Однимъ изъ первыхъ, опустившихся до этого, былъ Леонаръ Бурбонъ.

официальнымъ обычаемъ *) только во второй половинѣ 1793 г., но въ парламентскомъ языкѣ оно никогда не было обязательнымъ, и многіе ораторы не слѣдовали этой народной модѣ или умѣли обходить ее. Болѣе распространенной была манера называть другъ друга просто по имени, не прибѣгая къ слову „monsieur“ („господинъ“), которое въ Конвентѣ употреблялось только съ ироніей. Но надо прибавить, что если парламентскіе ораторы согласились отчасти на тѣ упрощенія, которыя революція внесла въ формы обращенія, то это не столько изъ желанія правиться рабочему и крестьянскому люду, сколько изъ подражанія благородной простотѣ грековъ и римлянъ, съ которыми они познакомились въ коллежѣ. Одни согласились на тыканье и на упраздненіе слова „monsieur“ изъ чувства братства или по расчету; другіе же, я въ этомъ увѣренъ, нашли новыя формулы болѣе красивыми, потому что онѣ были болѣе классическими. Есть, несомнѣнно, и такіе, которыхъ и красный колпакъ соблазнилъ своей древней формой, и Бриссо, напр., совѣтуя ввести его въ употребленіе, торжественно ссылается на Римъ и Грецію **).

Изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній слѣдуетъ, что ошибочно считать, будто эти манеры одѣваться и говорить были общепотребительными въ Законодательномъ Собраніи и въ Конвентѣ. Если бы Робеспьеръ былъ единственнымъ, оставшимся вѣрнымъ въ одеждѣ и въ рѣчи приличіямъ стараго режима, то его роль была бы несносной. Верньо, Дантонъ, Бильо, Сень-Жюсть, Камилль Демуленъ, Кутонъ—я случайно называю наиболѣе мягкихъ и наиболѣе крайнихъ—были также чужды указаннымъ новшествамъ. Но наивно видѣть въ этомъ тыканьи и въ этомъ красномъ колпакѣ добровольный возвратъ къ варварству и какъ бы „мантію преступленія“; въ этомъ проявляли педантизмъ, который доставлялъ даже удовольствіе, но это не считалось признакомъ маловоспитанности.

*) Тыканье было въ обычаѣ въ Конвентѣ съ середины брюмера II года до конца преріала III г. См. мои *Etudes et Leçons sur la Révolution*, т. III, стр. 25—35.

**) *Patriote français* 6 янв. 1792 г.

Книга II.

Конституціонные роялисты и независимые.

Политика группы.

Правая сторона Законодательнаго Собранія имѣла, до извѣстной степени, характеръ организованной партіи. Эти роялисты-конституціоналисты, какъ они сами охотно себя называли, сгруппировались на первыхъ же засѣданіяхъ: „мы сосчитали своихъ сторонниковъ,—говоритъ одинъ изъ ихъ ораторовъ, Матьё Дюма,—насъ было 160 и намъ нечего было опасаться никакой измѣны“ *). Скоро большое число членовъ центра примкнуло къ этой внушительной по своей численности и по своему поведенію группѣ, главарями которой были Вобланъ, Матьё Дюма, Рамонъ, Теодоръ де-Ламетъ, Станиславъ де-Жирарденъ. Въ февралѣ 1792 г. правая насчитываетъ 250 человекъ и къ концу, въ важныхъ случаяхъ, въ дѣлѣ, напр., Лафайета **), она имѣетъ большинство, увлекая за собою весь центръ.

Можетъ казаться, что такая партія, постоянно усиливавшаяся

*) *Souvenirs de Mathieu Dumas*, т. II, стр. 4.

**) 28 іюня, т.-е. черезъ недѣлю послѣ возстанія 20 іюня, когда народъ манифестировалъ въ Ассамблеѣ, а затѣмъ отправился въ Тюльери и заставилъ короля принять себя, Лафайетъ, видѣвшій опасность только слѣва и намѣревавшійся, какъ говорятъ, укрѣпить все болѣе и болѣе шатавшуюся королевскую власть вооруженной силой, представился передъ Ассамблеей и произнесъ, по отзыву Мишле, „вызывающе-смѣлную“ рѣчь, въ которой, отъ имени покинутой имъ арміи, требовалъ наказанія винов-

и съ извѣстнаго момента знавшая только побѣды, должна была быть руководима перворазрядными политическими дѣятелями, великими ораторами. Ничего подобнаго въ дѣйствительности: ея политика внушала чаще всего самая посредственныя рѣчи, которыя такъ же мало достойны были гнѣва патріотовъ, какъ онѣ недостойны того, чтобы на нихъ долго остававливалась литературная критика. Объясняется это неблагодарной, двусмысленной, бѣдной ролью, на которую интриги двора обрекли дѣятелей правой и изъ которой они не вышли, благодаря своему малодушію, своему ослѣпленію, своимъ ошибочнымъ расчетамъ, а также благодаря излишней лойяльности большинства изъ нихъ.

Чего, въ сущности, добивались они своей недалновидной честностью? Точнаго соблюденія конституціи 1791 г. Между тѣмъ, какъ якобинскіе патріоты и король соглашались на эту конституцію и соблюдаютъ ее неохотно и съ тайной мыслью уничтожить ее; между тѣмъ, какъ общественное мнѣніе постепенно, хотя и слишкомъ поздно, разбирается въ значеніи бѣгства въ Варренсъ, роялисты-конституціоналисты не понимаютъ, что король не можетъ забыть позора, которымъ его покрыла неудача его предпріятія, а у народа, проникнутаго отвращеніемъ и недовѣріемъ, не хватить такта, чтобы облегчить Людовику XVI возвратъ къ лойяльной политикѣ. Они любятъ конституцію за то, что она—конституція, за ту мудрую и умѣренную свободу, которую она должна установить; они считаютъ ее живой и даже въ концѣ своей карьеры горятъ еще тѣмъ же наивнымъ жаромъ, съ которымъ, 4 октября 1791 г., былъ принятъ представленный Camus'омъ и двѣнадцатью старцами конституціонный актъ. Ихъ девизъ—превозносить этотъ культъ, и они предполагаютъ, что высшій исполнитель закона будетъ всегда столь же добросовѣстнымъ, какъ они сами. Чтò бы ни говорили якобинскіе листки, правая сторона не была, конечно, цѣликомъ стороною короля.

ныхъ въ оскорбленіи короля и уничтоженія крамольной якобинской секты. Жирондистъ Гюаде, въ отвѣтъ на эту рѣчь, спросилъ Лафайета, на какомъ основаніи онъ покинулъ армію и получилъ ли онъ на это разрѣшеніе отъ военнаго министра. Затѣмъ онъ предложилъ допросить объ этомъ самого министра. Поименнымъ голосованіемъ предложеніе это было отвергнуто 339 противъ 234. Но эта побѣда Лафайета не дала ему возможности осуществить своихъ плановъ, такъ какъ онъ натолкнулся на сопротивленіе ненавидѣвшаго его и недовѣрившаго ему двора, возлагавшаго все свои надежды на вооружившихся противъ Франціи иностранныхъ державъ.

Прим. перев.

Видно и извѣстно, что Матьё Дюма и Жирарденъ не добиваются быть и не являются довѣрителями тайнъ двора. Духъ 1789 г. живетъ въ большинствѣ изъ нихъ, а этотъ духъ является мятежнымъ въ глазахъ котеріи, которая заправляетъ королевской политикой. Нѣкоторые изъ этихъ роялистовъ, въ частности Жирарденъ, служатъ не Людовику XVI-му, а какому-то возможному или идеальному королю, сердцемъ и вѣрой преданному новой Франціи, неспособному на лицемеріе и вѣроломство, не имѣющему наслѣдственныхъ предрасудковъ, не питающему никакой тайной злобы королю,—однимъ словомъ, вполне соответствующему чистой и конституціонной доктринѣ. Вотъ въ какомъ смыслѣ многіе и далеко немаловажные дѣятели правой стороны являются сторонниками исполнительной власти: они предполагаютъ ее искренней и поэтому-то они скорѣе стѣсняютъ ее, чѣмъ помогаютъ ей. Съ другой стороны, они своей любовью къ конституціи не менѣе мѣшаютъ якобинцамъ, претендующимъ на вѣрность закону. Тотъ текстъ, къ которому они заставляютъ безпрестанно возвращаться своихъ противниковъ, является въ ихъ рукахъ оружіемъ, которое не убиваетъ, но колетъ, царапаетъ, раздражаетъ. Этимъ объясняются крики ярости, съ которыми крайняя лѣвая и галереи встрѣчаютъ осторожныя и холодныя заявленія роялистовъ-конституціоналистовъ.

Но было бы нѣсколько наивно думать, что вся правая, безъ исключенія, отличалась такой добросовѣстностью, такъ искренно чтила законъ и была такъ далека отъ интригъ, которыми занимались въ Тюльери. Несомнѣнно, что нѣкоторые оказывали поддержку отчаяннымъ маневрамъ двора. Сношенія короля съ эмигрантами встрѣчали сочувствіе кой у кого изъ членовъ правой, а къ концу іюня 1792 г. стали извѣстны и остальнымъ. Послѣдніе, люди добродѣтельные и искренніе, были, безъ сомнѣнія, опечалены и даже встревожены. Но якобинцы ужасали ихъ умѣренность не въ меньшей степени, чѣмъ дворъ скандализировалъ ихъ лояльность. Они оставались вѣрными королю даже тогда, когда король не былъ болѣе конституціоннымъ, и въ то самое время, когда Тюльери требовалъ отъ иностранныхъ державъ анти-революціоннаго манифеста, они, чтобы ничего не видѣть, закрывали глаза текстомъ конституціи, за которую они продолжали бороться изъ чувства чести, не питая никакихъ иллюзій.

Какъ эта безнадежная политика могла внушить истинное краснорѣчіе робкимъ людямъ, рожденнымъ для мирнаго и установившагося режима, для цвѣтущихъ временъ какой-нибудь ли-

беральной монархіи? Ихъ роль на трибунѣ состояла въ томъ, что они съ точностью прочитывали этотъ клочокъ бумаги, разорванный обѣими сторонами, и въ силу котораго они одни вѣрили. Но какимъ бы холоднымъ ни было ихъ слово, въ немъ не чувствуется всегда, какъ-то слишкомъ увѣряють историки, интрига и придворное раболѣпіе. Эти роялисты, подвергшіеся столькимъ оскорбленіямъ со стороны своихъ противниковъ, — сыны революціи. Они умѣютъ говорить языкомъ новаго времени и за ихъ неловкостью, вызываемою ихъ ложнымъ положеніемъ, чувствуется отвращеніе къ старому порядку, солидный буржуазно-либеральный духъ. Стилъ ихъ, въ общемъ, корректный, какъ ихъ поведение, и искренній, какъ ихъ намѣренія. Они особенно умѣли въ техническихъ дебатахъ по финансовымъ, военнымъ, юридическимъ вопросамъ. Это—парламентское краснорѣчіе іюльской монархіи, водвореніе которой они, черезъ тридцать лѣтъ, готовятъ своей либеральной оппозиціей режиму реставраціи.

Ихъ главными ораторами были Рамонъ, Вобланъ, Матьё Дюма, Станиславъ де-Жирарденъ. Что касается Федора де-Ламета, то онъ представлялъ въ Законодательномъ Собраніи вліяніе и интриги своихъ братьевъ и Барнава; но онъ не говорилъ. Другіе, какъ Лемонте, Жокуръ, Дюкастель, Бенъ выступали иногда на трибунѣ, но не подымались выше посредственности.

Рамонъ. *)

I.

Въ глазахъ яacobинскихъ патриотовъ Рамонъ олицетворялъ одновременно и неистовую и вѣроломную реакцію. Когда, въ Конвентѣ, жирондисты пытались остановить революціонное движеніе, монтаньяры проницательно замѣчали: „развѣ Рамонъ находится еще среди насъ?“ Онъ не былъ, однако, ни неистовымъ, ни вѣроломнымъ. Со своими противниками онъ обращался съ той вѣжливостью, которая была еще въ модѣ въ Законодательномъ Собраніи. Одинъ лишь разъ, когда его обвинили въ ненависти къ Парижу, онъ отвѣтилъ въ рѣзкомъ тонѣ: „Существуетъ настоя-

*) Главы объ ораторахъ роялистско-конституціонной партіи значительно сокращены.— *Прим. перев.*

цій заговоръ противъ города Парижа, но очагъ этого заговора тамъ“ *), и онъ рукою указаль на монтаньяровъ и жирондистовъ. Это—единственная рѣзкая выходка, которую онъ себѣ позволилъ; обыкновенно же онъ говоритъ съ безупречною учтивостью, и несомнѣнной логичностью, безъ коварства и безъ лицемѣрія. Темой его рѣчей является та же, что и всей правой, именно—защита конституціи противъ якобинцевъ, которые тоже претендуютъ на защиту ея. Хладнокровно и съ точностью онъ подчеркиваетъ противорѣчія, въ которыя впадаютъ его противники, когда они говорятъ о продолженіи революціи, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ свою вѣрность тексту, который останавливаетъ ее и укладываетъ ее въ опредѣленныя рамки. Лѣвая встрѣчаетъ его неопровержимыя возраженія то съ гнѣвомъ, то съ изумленіемъ. Его появленіе на трибунѣ возбуждаетъ всегда вниманіе и довѣріе партіи Бриссо, которая по опыту знаетъ, что на нее посылется цѣлый градъ точныхъ и отчасти вѣрныхъ критическихъ замѣчаній, тѣмъ болѣе язвительныхъ, что ораторъ безъ всякихъ кривляній выражается философскимъ и учтивымъ языкомъ и кажется воодушевленнымъ искренней любовью къ революціи.

Онъ не краснорѣчивъ. Его личность, его рѣчь, его дѣятельность—все скромно и корректно. Онъ никогда не взываетъ къ великимъ страстямъ. Нѣсколько мелочная и колкая, его діалектика леденитъ или оскорбляетъ восторженныхъ людей лѣвой. Широкіе умы возмущаются его главной ошибкой,—его вѣрой въ дѣйствительность той конституціи, изъ которой исполнители ея сдѣлали ловушку для революціи. Такой ограниченный и ошибочный взглядъ могъ бы парализовать даже геніальнаго человѣка.

Но, сдѣлавъ эту оговорку, мы должны сказать, что пріятно читать немногія рѣчи его, которыя онъ, очевидно, подготовилъ на досугъ: все въ нихъ ясно, послѣдовательно, честно, и дурной вкусъ того времени мало въ чемъ сказывается въ нихъ. Чувствуется человѣкъ, хорошо воспитанный и образованный, и онъ, дѣйствительно, обладалъ больше, чѣмъ полузнаніемъ, выносимымъ изъ коллежа: его горячая любовь къ наукамъ и, въ частности, къ геологіи связала его до 1789 г. съ учеными той эпохи, и впоследствии онъ былъ даже избранъ въ Институтъ. Родившись въ Страсбургѣ въ 1755 г., онъ состоялъ сначала

*) Journal des Dédats et des Décrets, засѣданіе, 18 мая 1792 г.

тайнымъ совѣтникомъ при кардиналѣ Роганѣ *), затѣмъ поселился въ Парижѣ и въ моментъ возникновенія революціи принадлежалъ къ военной свитѣ короля. Въ маѣ 1791 г. онъ опубликовалъ брошюру о пересмотрѣ конституціи, и это обратило на него вниманіе парижскихъ избирателей. Избраніе его въ депутаты не вызвало много шума, и ни дворъ, ни патріоты не радовались этому. Ни аристократы, ни якобинцы не ожидали, что этотъ человѣкъ съ неопредѣленною репутаціей приметъ ответственную позицію, которую онъ сохранитъ втеченіе всего времени существованія Законодательнаго Собранія.

II.

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ удивилъ Ассамблею тѣмъ философскимъ и революціоннымъ тономъ, съ которымъ онъ отстаивалъ предложенія, долженствовавшія оказаться полезными для враговъ философіи и революціи.

Такъ, 7 октября 1791 г., Кутонъ требовалъ изданія закона противъ ослушныхъ священниковъ. „И я,—отвѣтилъ Рамонъ,—я тоже требую принятія строгихъ мѣръ... я имѣю въ виду самое глубокое презрѣніе (г о р я ч і е а п п л о д и с м е н т ы. „Дурные пастыри нечувствительны!“—в о с к л и к н у л ь Д е л а к р у а). Я осмѣливаюсь, господа, утверждать, что эта мѣра полезная и выгодная. Она не была еще принята,—попытайтесь же примѣнить ее теперь, когда религиозные раздоры, волновавшіе Учредительное Собраніе, начинаютъ также волновать Законодательное Собраніе...“ **)

Такимъ же образомъ, хотя и порицая эмигрантовъ, онъ, 20 октября, предложилъ благопріятныя для нихъ замедлительныя мѣры: „Если эмигранты совершаютъ преступленіе и проявятъ себя вашими врагами, тогда вы ихъ осудите. Всякое иное поведеніе является несправедливымъ и насильственнымъ. Чтобы имѣть право вести войну, послѣдняя должна быть начатою. Вы не имѣете право заранѣе осуждать намѣренія!“ ***). Онъ говорилъ еще въ томъ же духѣ нѣсколько дней спустя (28 октября), когда Бриссо снова настаивалъ на томъ, чтобы Ассамблея покончила съ вопросомъ объ эмигрантахъ.

*) *Biographie nouvelle des contemporains* par Arnautet Jay, Jouy, Norvins.

**) *Journal des Débats et des Décrets.*

***) *Ibid.*

Когда возобновились дебаты объ ослушныхъ священникахъ (29 октября), онъ возсталъ противъ мѣръ, предложенныхъ комитетомъ, но не въ виду ихъ насильственного характера, а въ виду ихъ бесполезности: „Думаете ли вы,—сказалъ онъ,—что подобное положеніе вещей можетъ быть улучшено какимъ бы то ни было закономъ? Воображаете ли вы, что репрессивными законами, строгостью или хотя бы терпимостью вы заставите одну часть священниковъ преклониться передъ другой? Знакомы ли вы настолько мало съ господствующимъ духомъ духовенства, чтобы надѣяться, что ему скоро надоѣстъ занимать собою націю, законодателей и королей? Думаете ли вы разубѣдить безъ труда ту заблуждающуюся часть народа, которая, нисколько не руководствуясь въ этихъ дѣлахъ разумомъ, судить обо всемъ по примѣру своихъ священниковъ, смѣшиваетъ догматъ съ дисциплиной и достойную восхищенія міра и уваженія вѣковъ конституцію со столь скоро отвергнутой присягой?“.

Рамонъ указалъ затѣмъ на несправедливость того, что государство, отказываясь платить священникамъ одной категоріи, заставляетъ всѣхъ гражданъ участвовать въ расходахъ по содержанію другой категоріи священниковъ. „Какъ мнѣ безъ стыда,—воскликнулъ онъ,—сказать деревенскому жителю: четверть вносимыхъ тобою налоговъ идетъ на содержаніе моего культа, а я нисколько не буду участвовать въ расходахъ по содержанію твоего?“ Эти слова вызвали шумъ, и нѣкоторые депутаты потребовали даже, чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку. Въ заключеніе Рамонъ предложилъ, чтобы нація оплачивала культъ „всякой конгрегаціи, состоящей изъ пятидесяти активныхъ гражданъ.“ Ассамблея отвергла это предложеніе, результатомъ котораго было бы сохраненіе жалованья ослушнымъ священникамъ.

18 января онъ произнесъ по вопросу о войнѣ двусмысленную рѣчь, одновременно и воинственную и темпоризаторскую, которой обѣ стороны одинаково апплодировали. Онъ заявилъ, что французскому народу достаточно будетъ выступить, чтобы разрушить образовавшуюся противъ него коалицію. „Аристократія,—сказалъ онъ,—была внушителемъ и организаторомъ всѣхъ теперешнихъ волненій; но владычество ея, въ этомъ нечего больше сомнѣваться, кончилось. Монархи сами разрушатъ скоро оплотъ, который отнынѣ представлялъ бы уже столь слабую защиту для нихъ. Тайна, которую вы раскрыли Европѣ, теперь извѣстна, и теперь захотятъ, чтобы монархіи зиждились только на философіи и разумѣ“. Но надо ли объявить войну? Устано-

вимъ раньше всего авторитетъ конституціи, такъ какъ,—сказаль онъ, уступая на этотъ, быть можетъ, единственный разъ педантичному вкусу своихъ современниковъ,—такъ какъ „война, которую мы предпримемъ, не будетъ обыкновенной... Не бесполезно будетъ поэтому, чтобы пастыри свободы устранили изъ своего храма всякій поводъ къ распущенности и раздорамъ, чтобы моментъ, когда вы подымете мечъ на Европу, былъ вами подготовленъ долгими, великими и прекрасными примѣрами“.

Онъ пользовался достаточнымъ довѣріемъ, чтобы быть уполномоченнымъ дипломатическимъ комитетомъ составить докладъ (27 марта) объ объясненіяхъ, которыя нужно потребовать у Испаніи, и о требованіяхъ, которыя ей нужно предъявить, и докладъ (4 мая) объ обращеніи съ военноплѣнными, относительно которыхъ онъ добился, чтобы нація приняла ихъ подъ свое покровительство. Къ тому же времени онъ отдѣлился отъ своихъ друзей, Беньо и Воблана, по вопросу о возбужденіи преслѣдованія противъ Марата и Рою, выступивъ въ данномъ случаѣ энергичнымъ защитникомъ принципа свободы слова (3 мая).

Но чѣмъ болѣе усиливалась революція, тѣмъ болѣе онъ себя чувствовалъ роялистомъ. Такъ, 20 мая онъ добивался отсрочки дѣла судьи Ларивьера, а 24 настаивалъ на отклоненіи исключительныхъ мѣръ, предложенныхъ противъ священниковъ. Наконецъ, 29 мая, онъ съ жаромъ бывшаго члена военной свиты возсталъ противъ распущенія королевской гвардіи. Очистить ее отъ скверныхъ элементовъ—это необходимо; но распустить ее—не значитъ ли это свалить въ одну кучу невинныхъ съ виновными? Впрочемъ, имѣетъ ли Ассамблея право сдѣлать подобное? „Королевская гвардія не является нивъ какомъ отношеніи учрежденіемъ, находящимся въ непосредственномъ вѣдѣніи законодательной или исполнительной власти (ропотъ). Это—чисто домашнее учрежденіе, и вы не можете уничтожить его, какъ не можете отказать поварамъ короля (р о п о т ъ п р о д о л ж а е т с я). Мнѣ говорятъ, что это—учрежденіе, созданное конституціей; что же! Я отвѣчаю въ такомъ случаѣ, что вы такъ же не можете распустить королевской гвардіи, какъ не можете отказать министрамъ. (Несмотря на замѣчаніе, что дебаты закрыты, Рамонъ продолжаетъ говорить. Но шумъ заглушаетъ его голосъ и ему приходится, въ концѣ концовъ, покинуть трибуну *)).

*) Королевская гвардія, состоявшая изъ шести тысячъ отборныхъ силъ, фанатично преданныхъ королевской власти, стала ненавистной какъ

6 июня онъ выступить противъ проекта объ образованіи подъ Парижемъ лагеря изъ двадцати тысячъ добровольцевъ, проекта, который послужилъ поводомъ къ отставкѣ министра Ролана и его коллегъ*). „Говорятъ,—сказалъ онъ,—о федераціи; если бы она была дѣйствительно необходима, то я спрашиваю,—гдѣ можно было бы образовать ее съ большой торжественностью, чѣмъ на границѣ, на виду врага? (а п л о д с м е н т ы). Тамъ врагъ не скрывается въ тѣни; онъ составляетъ плоть, его можно видѣть, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, кому будутъ нанесены удары“...

Скоро онъ оказалъ поддержку своимъ словомъ петиціонерамъ, нападавшимъ на этотъ проектъ, и, продолжая въ томъ же духѣ, онъ, 24 июня, говорилъ о veto, наложенномъ на декретъ о священникахъ, какъ о личномъ актѣ короля, защищалъ кабинетъ и требовалъ, „чтобы Ассамблея разрѣшила своей экстраординарной комиссіи вступить въ тѣсныя и постоянныя сношенія съ министрами.“

20 июня онъ протестовалъ противъ допущенія вооруженныхъ

для парижскаго народа, который она раздражала своимъ вызывающимъ поведеніемъ, такъ и для Ассамблеи, которая видѣла въ ней постоянную угрозу противъ себя. 29 мая 1792 г. Базиръ представилъ Ассамблеѣ докладъ объ этой гвардіи, доказавъ на фактахъ, что она является контрреволюціонной арміей. Въ тотъ же день Ассамблея, по настоянію жирондистовъ, рѣшила распустить эту гвардію и поручить охрану дворца національнымъ гвардейцамъ, постановивъ при томъ, что декретъ объ этомъ не нуждается въ санкціи короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ассамблея издала приказъ объ арестѣ начальника королевской гвардіи, герцога Бриссака.

Прим. перев.

*) Проектъ этотъ былъ внесенъ военнымъ министромъ Серваномъ, однимъ изъ близкихъ друзей г-жи Роланъ. Эта двадцатитысячная армія должна была, по мысли жирондистовъ, служить противовѣсомъ противъ тѣхъ тайныхъ силъ, которыя королевская камарилья организовывала въ самомъ Парижѣ для борьбы съ революціей. Король былъ противъ этого, но, желая избавиться отъ жирондистскаго министерства, обѣщавъ министру иностранныхъ дѣлъ Дюмурье, интриговавшему противъ Ролана, санкціонировать декреты о лагерѣ подъ Парижемъ и объ изгнаніи послушныхъ священниковъ, но лишь при томъ условіи, если будутъ удалены жирондистскіе министры. Роланъ, Серванъ и Клавьеръ принуждены были покинуть министерство. Ассамблея, отъ имени націи, выразила объ этомъ сожалѣніе. Но, добившись своей цѣли и имѣя также въ виду скомпрометировать Дюмурье, король отказался затѣмъ санкціонировать эти декреты и наложилъ на нихъ свое veto. Дюмурье и его сторонникамъ тоже пришлось подать въ отставку.

Прим. перев.

петиціонеровъ, представленныхъ Сантерромъ, и это незаконное допущеніе послужило ему 28 іюня аргументомъ для оправданія Лафайета, который, нарушивъ дисциплину, прибылъ въ Парижъ и произнесъ у рѣшетки собранія свою нескромную рѣчь. „Тогда,—сказалъ онъ,—Ассамблея допустила въ свою среду вооруженную силу, которую она во многихъ отношеніяхъ должна была считать опасной въ помѣщеніи своихъ засѣданій. Теперь представляется Лафайетъ, извѣстный усердіемъ, съ которымъ онъ служилъ революціи, смѣлостью, съ которой онъ, со времени первой Ассамблеи нотаблей, возставалъ противъ всякаго рода деспотизма, Лафайетъ, который далъ націи, какъ залогъ, все свое состояніе, всю свою жизнь. (Частый ропотъ на одномъ концѣ залы прерывалъ оратора). Окажите отечеству такія же услуги и затѣмъ уже говорите...—Лафайетъ, который далъ націи, въ видѣ гарантіи, всю свою репутацію, которая стоитъ большаго, чѣмъ его состояніе и жизнь, этотъ человѣкъ, который для Америки, какъ и для Европы, является знаменемъ революціи, появляется у рѣшетки и тотчасъ возникаютъ подозрѣнія, опасенія и разгораются страсти! Онъ, говорятъ, взялся высказать пожеланіе честныхъ гражданъ королевства, не будучи ими уполномоченъ на это. Но пусть мнѣ будетъ позволено обратитъ этотъ аргументъ противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ ему подобный упрекъ: кто уполномочилъ эту вооруженную толпу говорить отъ имени французскаго народа и во имя его суверенитета? Достаточно, господа, этого простого сравненія, чтобы убѣдить васъ, что въ дѣйствительности имѣются двѣ мѣры, два способа оцѣнивать поступки, смотря по личностямъ, совершающимъ ихъ. Но если существуютъ двѣ манеры смотрѣть на вещи, то пусть будетъ позволено Національной Ассамблеѣ, обязанной своей жизнью свободѣ, пусть будетъ позволено дочери Учредительнаго Собранія, слишкомъ часто подвергающагося клеветѣ даже на этой трибунѣ, отнестись съ нѣкоторымъ лицепріятіемъ къ старшему сыну французской свободы“ *).

Послѣднія слова, ставшія знаменитыми, вызвали ропотъ и крики, заглушившіе скоро аплодисменты правой и центра.

Эта рѣчь, единственная, несомнѣнно, импровизированная Рамономъ, убѣдила центръ примкнуть къ правой, чтобы оправдать Лафайета и отвергнуть заключавшее въ себѣ обвиненіе предложеніе Гюаде. Она была послѣднимъ ораторскимъ усилѣхомъ это-

*) Journal des Débats, eg des Décrets.

го ловкаго діалектика. Онъ не появлялся больше на трибунѣ. Послѣ 10 августа онъ скрывался, совершилъ геологическое путешествие въ Пиренеяхъ, былъ назначенъ, во время термидорской реакціи, профессоромъ тарбской центральной школы, сталъ членомъ Института и законодательнаго корпуса и, при Имперіи, получилъ должность префекта департамента Пюи-де-Домъ. Вторая реставрація назначила его членомъ государственнаго совѣта, но онъ не засѣдалъ больше въ политическихъ Ассамблеяхъ и не участвовалъ, какъ бывший его коллега, Станиславъ де-Жирарденъ, въ возрожденіи либеральнаго краснорѣчія. Когда онъ умеръ (въ 1827 г.), то общественнымъ мнѣніемъ уже давно была забыта та роль, болѣе серьезная, чѣмъ блестящая, которую онъ игралъ въ 1792 г.

Станиславъ де-Жирарденъ.

I.

Среди неизвѣстныхъ, внезапно выдвинутыхъ выборами 1791 г. на авансцену, Станиславъ де-Жирарденъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ исключеній: имя его было знаменитымъ и онъ былъ популярнымъ лицомъ, озареннымъ отраженіемъ славы Жанъ-Жака Руссо. Но былъ ли онъ ученикомъ великаго философа, прямымъ наслѣдникомъ его мысли и его метода? Когда, со своимъ добродушнымъ видомъ, онъ поднялся на трибуну и когда, уже 4 октября 1791 г., онъ внесъ смѣлое и демократическое предложеніе, то многимъ, несомнѣнно, казалось, что они видятъ и слушаютъ живого Эмиля, болѣе счастливаго и болѣе поучительнаго, чѣмъ выдуманный Эмиль. Жирардену нравилась эта роль ученика, сформированнаго самимъ учителемъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ съ гордостью вспоминаетъ, что при извѣстіи о взятіи Бастиліи граждане города Манса, въ гарнизонѣ котораго онъ тогда служилъ, обратились къ нему, подавая ему національную кокарду, со слѣдующими словами: „ученикъ Жанъ-Жака, твой патріотизмъ дѣлаетъ тебя достойнымъ носить ее“ *). 1-го сентября 1791 г. онъ сказалъ избирателямъ Уазы: „Неизмѣнно преданный принципамъ, почерпнутымъ въ ученіяхъ моего добродѣтельнаго друга, моего достойнаго учителя Жанъ-Жака Руссо,

*) Mémoires de Girardin, т. I, стр. 69.

я клянусь посвятить всё моменты своей жизни счастью отечества и народному дѣлу“ *).

Было бы, однако, ошибочно думать, что авторъ Эмиля лично руководилъ воспитаніемъ Жирардена въ его дѣтскіе или хотя бы въ нѣкоторые юношескіе годы его. Послѣдній, будучи еще совсѣмъ молодымъ, часто посѣщалъ со своимъ отцомъ Жанъ-Жака, жившаго тогда въ Парижѣ и занимавшагося, чтобы зарабатывать себѣ на жизнь, копированіемъ нотъ. Жирарденъ — отецъ былъ однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ кліентовъ знаменитаго кописта и приходилъ къ нему возможно чаще подѣ предлогомъ провѣрки заказанныхъ нотъ, которыя Жанъ-Жакъ пѣлъ, акомпанируемый маленькимъ Станиславомъ.

Въ 1778 г. Руссо поселился у маркиза Жирардена, который предоставилъ въ его распоряженіе небольшой и стоявшій одиноко деревенскій домикъ, гдѣ онъ жилъ близко отъ своихъ хозяевъ, но отдѣльной отъ нихъ жизнью. Тотъ изъ сыновей маркиза, который сопровождалъ философа на прогулкахъ и котораго послѣдній называлъ своимъ маленькимъ гувернеромъ, умеръ молодымъ. Станиславъ де-Жирарденъ не былъ, слѣдовательно, въ точномъ смыслѣ этого слова, ученикомъ Руссо; но онъ часто и попросту встрѣчался съ нимъ, особенно въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ его жизни.

Хотя ему было только шестнадцать лѣтъ, когда умеръ авторъ Эмиля, Жирарденъ сохранилъ о немъ ясную память, и близость къ этому человѣку, возведенному революціей въ пророки и въ святые, оставила на немъ глубокое впечатлѣніе. Рожденный богатымъ и фривольнымъ, онъ жилъ и говорилъ какъ филантропъ и какъ энтузіастъ. Онъ отрекся отъ всѣхъ дворянскихъ предразсудковъ, любилъ свободу и равенство столь же искренной, сколь театральной любовью. Но этотъ демократъ имѣлъ крестнымъ отцомъ добраго польскаго короля Станислава, память котораго его научили лелѣять, и этотъ двойной культъ честнаго короля и республиканскаго философа сдѣлалъ Жирардена горячимъ и искреннимъ сторонникомъ конституціонной монархіи.

Онъ не любилъ Людовика XVI, недобросовѣстность котораго онъ дѣлаетъ въ своихъ мемуарахъ отвѣтственной за излишества и бѣдствія революціи. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые считали, что новая монархія нуждается въ новомъ королѣ. Онъ по-

*) Ibid. т. I, стр. 129.

сѣщаль и уважалъ герцога Орлеанскаго, какъ впоследствии, при Реставраціи, онъ будетъ любить того, кому суждено было стать Людовикомъ-Филиппомъ, хотя уже послѣ смерти самого Жирардена. Послѣ бѣгства въ Вареннъ, онъ сознавалъ, что одна лишь младшая линія можетъ спасти революцію, и въ его рѣчахъ чувствуется до 10 августа надежда, что наступитъ день, когда герцогъ Орлеанскій окажется на высотѣ своихъ обязанностей.

Только эта монархическая вѣра объясняетъ, почему конституціонные роялисты, какъ Вобланъ и Матьё Дюма, считали своимъ человѣкомъ, сходявшагося большей частью въ своихъ мнѣніяхъ и голосованіяхъ съ друзьями Бриссо и членами будущей Горы. Самая характерная черта его краснорѣчія заключается именно въ томъ, что онъ говорилъ въ самомъ народномъ, самомъ якобинскомъ духѣ, не переставая быть конституціоннымъ монархистомъ. Во главѣ преобразованнаго по революціонному девизу общества онъ ставилъ короля по своему нраву, милосерднаго, филантропа, деиста, и такимъ королемъ былъ для этого мечтателя никто иной, какъ Филиппъ. Равенство! Эта химера придаетъ его ораторскому вдохновенію, скорѣе великодушному, чѣмъ сильному, что-то честное и наивное, располагающее въ его пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающее улыбку.

Его роль въ Законодательномъ Собраніи не была настолько блестящей, какъ та, которую ему пришлось играть въ парламентахъ періода Реставраціи; но его рѣчи были какъ бы интермедіями къ дебатамъ, и въ нихъ искали отзвука голоса Жанъ-Жака. Онъ обладалъ и апломбомъ и опытомъ. Его воспитаніе, нѣсколько несуразное, но оригинальное, состояло, главнымъ образомъ, въ путешествіяхъ и въ изученіи иностранныхъ языковъ. Латынь, столь любимая Робеспьеромъ, Сень-Жюстомъ, Верньо, была ему мало знакома. Онъ путешествовалъ по Италіи и по Испаніи и пробылъ годъ въ Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ усовершенствовался въ англійскомъ языкѣ. Физическія упражненія и особенно ловкія игры завершили это воспитаніе, которымъ руководилъ отецъ-философъ въ обстановкѣ богатства и свободомыслія. Въ результатѣ получился человѣкъ чувствительный, въ духѣ того времени, прислушивавшійся къ своему воображенію и дававшій ему свободу полета, довѣрчивый и одновременно подозрительный, какъ Жанъ-Жакъ, обладавшій болѣе красивымъ, чѣмъ солиднымъ умомъ, и подготовленный, скорѣе, своимъ воспитаніемъ, чѣмъ своей натурой, къ роли оратора.

За отсутствіемъ геніальности и даже таланта, онъ обладалъ

добросовѣстностью, благими намѣреніями, яснымъ пониманіемъ добра и зла, что дѣлало его рѣчь горячей и энергичной. Но то остроуміе, которымъ онъ отличался на трибунѣ при Реставраціи, недоставало еще ему въ 1791 г., на первыхъ шагахъ его политической карьеры. „Онъ началъ, — говоритъ Кондорсе, — какъ всѣ молодые люди, проявляя слишкомъ много напыщенности, такъ какъ напыщенность является въ краснорѣчїи тѣмъ же, чѣмъ энергія въ характерѣ“. „Очень удивительно, — воскликнулъ онъ разъ, — что солдаты закона не проявляютъ никакого уваженія къ совѣщаніямъ законодателей“. Онъ позволялъ себѣ наивныя шутки, вродѣ, напр., слѣдующей: „Я пользуюсь правомъ говорить глупости, принадлежащимъ мнѣ, какъ и нѣкоторымъ другимъ членамъ“. Онъ любилъ производить сильные эффекты и поэтому постоянно просилъ позволить ему умереть, погибнуть, похоронить себя *)).

II.

Его мемуары, дышащіе искренностью, показываютъ, что въ 1789 г. онъ былъ уже вполне подготовленнымъ къ революціи. Делегатъ третьяго сословія въ окружномъ собраніи Санлиса. онъ, въ мартѣ 1789 г., мужественно выступилъ противъ сокращенія на три четверти числа присутствующихъ делегатовъ, сокращенія несправедливаго, такъ какъ оно распространялось лишь на третье сословіе и такъ какъ оно лишало нѣкоторые города и деревни всякаго представительства. Всѣ примкнули къ его мнѣнію. Самъ герцогъ Левисъ, grand-bailli, долженъ былъ явиться, чтобы заставить собраніе согласиться на это обязательное по уставу сокращеніе. О молодомъ Жирарденѣ было издано lettre de cachet. „Мнѣ досталась, я думаю, честь послѣдняго“ lettre de cachet, говоритъ онъ по этому поводу. Но его не осмѣлились арестовать **). Герцогъ Орлеанскій убѣдилъ его выставить свою кандидатуру на выборахъ въ Генеральныя штаты въ г. Санлисѣ: онъ представился съ довѣренностью и знаменитыми наказами герцога и говорилъ съ революціонной смѣлостью. Но его забаллотировали, и онъ отправился въ Мансъ, гдѣ стоялъ полкъ шартскихъ драгуновъ, въ которомъ онъ былъ

*) Biographie Michaud, статья Жирарденъ (Supplément 238).

***) Mémoires, т. I. стр. 76.

капитаномъ. Жители Манса избрали его членомъ своего муниципальнаго совѣта и начальникомъ конной національной гвардіи. Но его тянуло въ Парижъ, и онъ подалъ въ отставку и проводилъ свои дни на трибунахъ Учредительнаго Собранія, членомъ котораго ему не удалось стать. Наконецъ, 1 сентября 1791 г., избиратели Вазы послали его въ Законодательное Собраніе.

Въ первое время онъ принадлежалъ къ наиболѣе революціоннымъ ораторамъ. 4-го октября онъ предложилъ, чтобы въ официальныхъ актахъ собраніе называлось національнымъ, а не законодательнымъ, т. е. чтобы оно заявляло себя всевластнымъ. 6-го онъ потребовалъ недопущенія дебатовъ по вопросу объ отмѣнѣ изданнаго наканунѣ революціоннаго декрета относительно церемоніала при принятіи короля. 18-го, когда Гужонъ предложилъ, чтобы депутаты, жалующіеся на министра были поименованы въ протоколѣ, Жирарденъ, вмѣстѣ съ Дюко, Кутонемъ и Верньо воспротивился этому предложенію, какъ оказывающему слишкомъ много уваженія министрамъ. 19-го онъ предложилъ продолжать временно выдавать жалованье священникамъ, вступающимъ въ бракъ. Наконецъ, 31-го онъ выступилъ противъ Кондорсе, который полагалъ обезоружить эмигрантовъ, заставляя ихъ приносить гражданскую присягу:

„Отсутствующіе французы,—сказалъ онъ,—раздѣляются на двѣ категоріи: одни путешествуютъ удовольствія ради или по своимъ дѣламъ, другіе покидаютъ свое отечество изъ страха; они вернутся, какъ только деспотизмъ закона уничтожитъ анархію. Французы подчинятся, несомнѣнно, предъявленному имъ требованію, но подчинятся ли ему и тѣ, которые конспирируютъ противъ своего отечества? Итакъ, вы не будете имѣть ни однимъ другомъ больше, ни однимъ недругомъ меньше... Предоставьте же присяги шарлатанамъ, сектантамъ, лжепророкамъ, и пусть общественное спокойствіе никогда не зиждется на подобной основѣ. Присяга бесполезна для честныхъ людей, а злодѣевъ она ни къ чему не обязываетъ“ (апплодисменты).

До декабря 1791 г. трибуны аплодировали Жирардену, какъ крайнему революціонеру. Но 13-го декабря стало очевиднымъ, что либерализмъ его никогда не переступитъ границъ конституціи. Въ этотъ день представилась у рѣшетки депутація, жаловавшаяся на *veto*, наложенное на декретъ относительно эмигрантовъ, и упрекавшая короля въ злоупотребленіи конституціей. „Если конституція,—сказалъ народный ораторъ,—можетъ при-

вести къ разоренію народа, то не позволительно ли коснуться ея?“. И онъ дважды употребилъ выраженіе: *Salus populi suprema lex* *).

„Право петицій,—отвѣтилъ Жиранденъ,—является, конечно, священнымъ и составляетъ весьма цѣнную часть національнаго суверенитета; но это право петицій явилось бы самымъ опаснымъ оружіемъ, оружіемъ анархіи, если бы имъ можно было пользоваться для того, чтобы толкать народныхъ представителей къ неповиновенію конституціи.

„Пора, господа, знать, что спасеніе имперіи, спасеніе всѣхъ и cadaго зависитъ отъ сохраненія конституціи и что тѣ, которые расширяютъ ее, намѣреваясь ее нарушить, являются опаснѣйшими врагами ея. Безпрестанно упоминаютъ о высшемъ законѣ—благѣ народа; господа, оно заключается цѣликомъ въ повиновеніи конституціи; тѣ же, которые требуютъ напечатанія петиціи, оскорбляющей конституцію, тѣ, которые требуютъ, чтобы непорочное большинство Ассамблей осватило подобное надругательство, должны понять, что столь ложный шагъ могъ бы привести къ ужасной анархіи (зала наполняется аплодисментами).

„Я спрашиваю всѣхъ, слушающихъ меня, честныхъ гражданъ, не содрogaются ли они.. (Нѣтъ! да! нѣтъ! да!) не содрogaются ли они при видѣ того, что наши засѣданія, которыя должны были бы быть посвящены цѣликомъ дѣламъ общественнаго интереса, заняты въ большинствѣ случаевъ частными дѣлами. Я говорю, что Ассамблея не должна была бы, ни подѣ какимъ предлогомъ, отклониться отъ порядка дня. Порядокъ дня принадлежитъ Франціи, а не нѣсколькимъ гражданамъ. Я требую перехода къ порядку дня“ **).

Популярность его идетъ на убыль. Его рѣчи вызываютъ ропотъ, когда (30 января) онъ требуетъ, чтобы строгій законъ о паспортахъ былъ введенъ только на одинъ годъ, и когда (6 февраля) онъ предлагаетъ поставить на очередь проектъ Геро о министерской отвѣтственности, чтобы тѣмъ устранить предложеніе Базира, которое передавало власть въ руки комитетовъ, предоставляя имъ право наблюдать за министрами и непосредственно сноситься со всѣми административными учрежденіями.

„Опасно,—сказалъ по этому поводу Жиранденъ,—установить власть, не предусмотрѣнную конституціей. Комитеты учреждены

*) *Journal det Débats et des Décrets.*

***) *Journal des Débats et des Décrets.*

только для того, чтобы готовить работы Собрания, на этомъ ихъ миссія кончается! Если вы разрѣшите имъ сносятся непосредственно съ административными учреждениями и муниципалитетами, то вы установите чудовищную власть. Вы намѣреваетесь предоставить своимъ комитетамъ силу, которая, въ концѣ концовъ, превзойдетъ силу Ассамблей“. (Рѣзкій ропотъ подымается на одномъ изъ концовъ залы и на трибунахъ, откуда раздается и шиканье).

Но, когда, на томъ же засѣданіи, Тюріо предложилъ просить короля принимать депутаціи Ассамблей съ такимъ же церемонаіаломъ, какъ министровъ, то Жирарденъ, не измѣняя своимъ принципамъ, выказалъ себя болѣе демократичнымъ, чѣмъ Тюріо. „Этотъ проектъ декрета,—сказалъ онъ,—не подобаешь достоинству Національнаго Собрания. Оно не должно просить, когда оно можетъ приказывать. Существуетъ законъ, и его слѣдуетъ выполнять; если его не выполняютъ, то совершенъ, слѣдовательно, проступокъ, который долженъ быть наказанъ. Гдѣ имѣется нарушеніе закона, тамъ есть виновный. Весьма важно, чтобы достоинство Національнаго Собрания особенно уважалось агентами исполнительной власти. Я нахожу даже, что предлагаемый декретъ посягаетъ на это достоинство, такъ какъ онъ какъ будто приравниваетъ министровъ къ депутатамъ народа и ставитъ ихъ въ одну линію съ ними. Я требую выполнения закона и наказанія тѣхъ, которые воспротивятся этому (апплодисменты)“.

Это кажущееся непостоянство вводило въ заблужденіе тѣхъ, которые не знали дѣйствительныхъ убѣжденій Жирардена и его глубокой искренности. Не по сигналу, конечно, двора, а лишь прислушиваясь къ голосу своей совѣсти, онъ возсталъ 16 марта противъ амністіи преступленій, совершенныхъ въ Авиньонѣ. „Пусть,—сказалъ онъ,—перестанутъ толковать объ обстоятельствахъ, о политикѣ: политика свободнаго народа не можетъ имѣть иныхъ основъ, кромѣ вѣчной справедливости. Жестокая мораль, которую намъ проповѣдуютъ, стремится только увѣковѣчить преступленія, гарантируя ихъ ненаказуемость.“ А 3 мая тотъ же человекъ, дѣйствуя все независимо отъ партій, удивляется тому, что Беньо не обвинилъ вмѣстѣ съ Маратомъ и Рою *).

*) Непосредственнымъ поводомъ къ обвиненію Марата послужила статья его о неудачахъ французскихъ войскъ въ началѣ войны съ Австріей. Одна французская дивизія нечаянно натолкнулась на австрійцевъ и обратилась въ бѣгство; заподозривъ измѣну, солдаты убили одного изъ своихъ офице-

удивляюсь,—сказалъ онъ,—что обращаютъ наше вниманіе на писанія Марата, между тѣмъ какъ хранятъ молчаніе относительно другихъ возмутительныхъ газетъ, въ частности объ *Ami du roi* (апплодисменты). Если содрагаешься при видѣ того, что продаются и распространяются листки, проповѣдующіе убійство, то еще большее сожалѣніе вызываетъ тотъ фактъ, что другія газеты радуются общественнымъ невгодамъ и что находятся граждане, наслаждающіеся чтеніемъ этого... Я не думаю, однако, чтобы слѣдовало издать законъ противъ свободы прессы, что значило бы сломить единственное оружіе, которымъ можно защищать политическую свободу...“

9-го мая онъ настаиваетъ на томъ, чтобы простые солдаты входили въ составъ военныхъ судовъ. „Я офицеръ,—сказалъ онъ,—считалъ бы себя вполне въ безопасности, если бы меня судили солдаты“. Это демократическое заявленіе не мѣшаетъ ему выступить 21-го противъ закона о ссылкѣ ослушанныхъ священниковъ. Но наиболее знаменитой изъ всѣхъ его рѣчей является та, которую онъ произнесъ на засѣданіи 29-го мая противъ предложенія распустить королевскую гвардію. Опровергнувъ слухи о похищеніи короля, онъ сказалъ по адресу Людовика XVI слѣдующія грозныя слова:

„Если таковой проектъ дѣйствительно имѣлся, то я напоминаю, что прошли уже тѣ времена, когда улыбка или гнѣвъ одного человѣка возвѣщали счастье или несчастье народа; когда всѣ слова, исходящія изъ его устъ, становились закономъ для страны; когда, наконецъ, одна привелигированная личность подчиняла все капризамъ своей воли! Если бы можно было предположить, что король желаетъ выйти изъ конституціонныхъ рамокъ, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ когда то, т. е. деспотомъ Франціи, то, говорю я, нація оказалась бы достаточно взрослой, чтобы обходиться безъ него; и если бы король былъ воодушевленъ тѣми чувствами, которыя ему приписываютъ мятежныя фракціи, то онъ былъ бы болѣе опаснымъ въ Парижѣ, чѣмъ въ Кобленцѣ: но позволительно также думать, что онъ не пожелаетъ нарушить своей клятвы предъ лицомъ всей

ровъ, Діеллона. Комментируя въ своемъ „*Ami du peuple*“ этотъ эпизодъ, сильно повліявшій на умы, Маратъ высмѣивалъ жирондистовъ за ихъ самоувѣренность и бахвальство и совѣтовалъ солдатамъ убивать, во избѣжаніе измѣны, своихъ начальниковъ.—Рою—роялистскій журналистъ, писавшій въ *Ami du roi*.

Прим. перев.

Европы, что онъ не пожелаетъ возстановить свой тронъ среди французской крови, что, наконецъ, человѣкъ не превращается въ одинъ мигъ въ изверга“.

Сдѣлавъ Людовику XVI это высококомѣрное предостереженіе, ораторъ обратился къ якобинцамъ, указавъ имъ, насколько планы ихъ неконституціонны и опасны, и заговорилъ, какъ пророкъ, напомнивъ о соотвѣтствующемъ эпизодѣ изъ исторіи Англіи, когда тамъ также распустили королевскую гвардію... Поднявшійся при этомъ шумъ прервалъ рѣчь Жирардена, который, если вѣрить тексту, опубликованному въ его мемуарахъ *), добавилъ еще: „Съ этой самой трибуны я могу видѣть ту площадь, на которой погибнетъ несчастный Людовикъ XVI-ый“. Возможно, что это пророчество, слишкомъ ужъ точное, было добавлено, послѣ того, какъ оно сбылось, издателемъ рѣчей Жирардена, тѣмъ болѣе, что 29 мая 1792 г. эшафотъ еще не воздвигался на Площади Революціи **).

Если онъ въ этомъ случаѣ не воспрепятствовалъ распусценію королевской гвардіи, то ораторскій успѣхъ его настолько увеличилъ его авторитетъ, что 6 іюня онъ былъ избранъ председателемъ, и при немъ именно обсуждалось и было отвергнуто предложеніе Гюаде противъ Лафайета. Онъ такъ явно былъ заинтересованъ въ успѣхѣ противоположнаго предложенія Рамона, что якобинцы неоднократно обвиняли его въ „подтасовываніи декретовъ“. Холодное безпристрастіе, подобающее председателю, не было въ характерѣ этого слишкомъ чувствительнаго человѣка.

Общественное мнѣніе не принимаетъ въ расчетъ его искренности, и, несмотря на умѣренность, какую онъ проявляетъ, выступая противъ республиканской петиціи марсельской коммуны (12 іюля) ***) и противъ проекта удаленія линейныхъ войскъ изъ Парижа (15 іюля), онъ становится крайне непопулярнымъ.

*) Mémoires, т. I, стр. 130.

**) Я не нашелъ этого предсказанія ни въ одной газетѣ, его нѣтъ даже въ „Logographe“. Еще болѣе удивительно, что оно отсутствуетъ и въ сборникъ рѣчей Жирардена, изданномъ тѣми же издателями. См. Discours et opinions de S. Girardin. Paris, 1828, т. I, стр. 66.

***) Эта петиція Генеральнаго совѣта марсельской коммуны заявляла, что, сохранивъ королевскую власть „дѣятели Учредительнаго Собранія ничего не учредили“ и приглашала депутатовъ „вырвать послѣдній корень“ тираніи, т. е. совершенно уничтожить королевскую власть и, во всякомъ случаѣ, лишить короля права вето.

Понадобился особый декретъ, чтобы предоставить ему 4 августа слово противъ петиціи, въ которой Гранвильерская секція требовала лишенія Людовика XVI трона *).

„Я прошу,—сказалъ онъ,—чтобы только что прочтенный адресъ былъ напечатанъ и разосланъ 83 департаментамъ. Кажется, дѣйствительно, полезнымъ, чтобы наши избиратели знали, что одна парижская секція милостиво разрѣшаетъ еще законодательному собранію спасти французскую націю. (Подымается ропотъ). Національное Собраніе должно, наконецъ, заставить уважать суверенитетъ народа или должно умѣть погибнуть подъ ударами мятежниковъ. (На южной сторонѣ залы подымается ропотъ, между тѣмъ, какъ на другой всѣ члены кричатъ: „Да, да, мы скорѣе умремъ, чѣмъ позволимъ мятежникамъ господствовать надъ нами!“ Это заявленіе сопровождается ропотомъ трибунъ и восклицаніями нѣсколькихъ членовъ, засѣдающихъ на одномъ концѣ залы).

Преслѣдуемый, угрожаемый смертью за этотъ протестъ, онъ 9 августа произнесъ еще рѣчь, въ которой жаловался на то, что подвергся оскорбленію дѣйствіемъ въ самомъ помѣщеніи Ассамблеи. Это было послѣдней рѣчью Жирандена въ Законодательномъ Собраніи. 24 сентября 1792 г. онъ получилъ, при посредствѣ Марэ, дипломатическую миссію въ Англію, что доставило ему безопасность. Позднѣе онъ состоялъ на службѣ у Наполеона и Жоржа Бонапарта, затѣмъ и при режимѣ реставраціи. Но въ своихъ различныхъ функціяхъ онъ сумѣлъ оставаться независимымъ и откровеннымъ, о чемъ свидѣтельствуешь опала, которой онъ неоднократно подвергался. Отъ 1819 г. до своей смерти (1827 г.) онъ былъ членомъ палаты депутатовъ, засѣдая вмѣстѣ съ главарями либеральной оппозиціи и играя

*) То же требованіе, но въ выраженіяхъ, болѣе умѣренныхъ, было изложено въ петиціи 47-ми парижскихъ секцій, представленной Собранію 3 августа. „Сохраняя еще кой-какую снисходительность,—говорилось въ ней,—мы бы желали просить васъ отстранить Людовика XVI до тѣхъ поръ, пока отечество будетъ въ опасности. Но конституція не допускаетъ этого, и мы просимъ лишить его престола“. Петиція же Гранвильерской секціи опредѣленно заявляла, что народъ самъ свергнетъ короля, если этого не сдѣлаетъ Ассамблея. „Мы предоставляемъ еще вамъ, законодатели, честь спасенія отечества.—Но, грозно возвѣщала эта петиція,—если вы откажетесь сдѣлать это, то намъ самимъ придется рѣшиться спасти его“.

куда болѣе блестящую ораторскую роль, чѣмъ въ революціонный періодъ.

Въ общемъ можно сказать, что въ Законодательномъ Собраніи онъ былъ только почтеннымъ ораторомъ безъ дѣйствительнаго вліянія и безъ политической силы. Но искренность его либерализма неоднократно согрѣвала его рѣчь, и, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, въ дебатахъ о распушеніи королевской арміи, онъ былъ краснорѣчивъ. Хотя онъ не былъ дѣйствительно ученикомъ Жанъ-Жака, но онъ проявлялъ на трибунѣ кое-что, напоминавшее воображеніе и чувствительность того, великая тѣнь котораго нѣсколько подавляла его скромную личность. Онъ отличался, однако, качествомъ, недостававшимъ болѣе великимъ, чѣмъ онъ: онъ импровизировалъ.

Вобланъ, Матьё Дюма и др.

Среди ораторовъ роялистской правой одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ занималъ Вобланъ *), дѣятельный и ловкій политиканъ, бывшій впоследствии, при Людовикѣ XVIII, министромъ ультра-реакціоннаго направленія. У него не было глубокихъ убѣжденій, и онъ отличался значительной гибкостью какъ въ своихъ идеяхъ, такъ въ искусствѣ рѣчи, выступая на трибунѣ то консерваторомъ, то революціонеромъ, то холоднымъ, то экзальтированнымъ, смотря по тому, о чемъ ему приходилось говорить. Онъ иногда импровизировалъ, всегда владѣлъ собою и никогда ничѣмъ не смущался. Его гибкость и апломбъ, къ которымъ присоединялся и нѣкоторый талантъ, давали ему извѣстный авторитетъ, и, благодаря ему, центръ неоднократно примыкалъ въ своихъ голосованіяхъ къ сторонникамъ двора.

Будущій *ultra*, который на склонѣ лѣтъ своихъ будетъ высмѣивать и порицать революціонныя увлеченія 1789 г., онъ въ 1791 г. самъ еще любилъ свободу и охотно противопоставлялъ режимъ свободы режиму сильнаго правительства, котораго требовали якобинцы. Такъ, въ дебатахъ о священникахъ-мутителяхъ онъ выступилъ съ либеральнымъ предложеніемъ, послѣдствія котораго привели бы къ отдѣленію государства отъ церкви. Аббатъ Фоше предложилъ на засѣданіи 26 октября 1791 г. лишить упорствующихъ священниковъ жалованья и тѣмъ принудить ихъ

*) Родился въ 1756 г., умеръ въ 1845 г.

слаться. „Вамъ предложили, — отвѣтилъ Вобланъ, — чтобы ни одному духовному лицу не выдавали жалованья, если онъ не представить свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ своего муниципалитета; я не нахожу въ конституціонномъ актѣ ни одного слова, которое могло бы оправдать подобную тиранію; основываясь на этомъ актѣ, я считаю, наоборотъ, что жалованье, выдаваемое духовенству на основаніи декретовъ Учредительнаго Собранія, является національнымъ долгомъ и не можетъ быть подчинено никакому ретроактивному условію. Желаете ли вы принять дѣйствительно правильную мѣру? Я бы предложилъ вамъ, если бы извѣстная статья конституціи не служила тому препятствіемъ, освободить совершенно государство отъ выдачи жалованья священникамъ и возложить это на прихожанъ. (А п л о д и с м е н т ы). Такая мѣра была бы въ соотвѣтствіи съ разумомъ и справедливостью, такъ какъ тѣ, которые не могутъ обходиться безъ священниковъ, должны платить имъ. (А п л о д и с м е н т ы). Но предложеніе Фоше сводится къ слѣдующему: заставить не присягавшихъ священниковъ или пойти противъ своей совѣсти или умирать съ голоду. (Р о п о т ь). Недостаточно еще признать принципъ, — необходимо согласиться на послѣдствія его, такъ какъ только послѣдствія даютъ цѣну принципу. Послѣдствія свободы создаютъ ту разницу, которая существуетъ между человѣкомъ свободнымъ и рабомъ, между деспотомъ и конституціоннымъ государемъ“.

Онъ и въ другихъ своихъ рѣчахъ апеллировалъ къ свободѣ, пользуясь ею и какъ оружіемъ противъ народныхъ движеній и все возрастающаго вліянія клубовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступилъ противникомъ свободы печати и, во время дебатовъ о Маратѣ (3 мая) умолялъ Ассамблею вырвать изъ рукъ народа „отравленныя произведенія, вводящія человѣка въ обманъ и дѣлающія изъ него изверга“... Онъ, между прочимъ, первый употребилъ ставшую въ послѣдствіи излюбленной правительствами метафору: гидра анархіи. Объ этомъ „чудовищѣ“ онъ упомянулъ въ своей рѣчи о южныхъ беспорядкахъ, совѣтуя преслѣдовать его „до издыханія“.

Куда болѣе искреннимъ, чѣмъ Вобланъ, былъ генераль Матьё Дюма, которымъ роялисты-конституціоналисты гордились и который, особенно въ первое время, пользовался значительной популярностью въ виду возложенной на него Учредительнымъ Собраніемъ миссіи привезти обратно арестованнаго въ Вареннѣ Людовика XVI-го. Онъ былъ по преимуществу военнымъ

ораторомъ, яснымъ и интереснымъ, но плохо понимавшимъ условія революціонной войны и то значеніе, которое въ новыхъ арміяхъ должны были имѣть инициатива и порывъ солдатъ и импровизированныхъ начальниковъ. Поэтому то онъ былъ однимъ изъ тѣхъ семи, которые 20 апрѣля 1792 г. голосовали противъ объявленія войны. Но это недовѣріе было съ его стороны патріотическимъ, и онъ не отказался способствовать своими знаніями и своимъ опытомъ организаціи арміи. Позднѣе, когда другіе конституціоналисты были въ опасности, Комитетъ общественнаго спасенія не усомнился воспользоваться его военными познаніями, какъ то сдѣлали затѣмъ и имперія и реставрація.

Къ истинному краснорѣчію Дюма приближался только тогда, когда говорилъ о военныхъ дѣлахъ. Такъ, 5 мая 1792 г., онъ вызвалъ аплодисменты даже патріотовъ своей рѣчью о необходимости строгой дисциплины въ арміи. Но чаще всего онъ возбуждалъ ихъ противъ себя, такъ какъ, выходя изъ области спеціально ему знакомыхъ вопросовъ, онъ требовалъ строгой приверженности конституціи и смѣло выступалъ противъ якобинцевъ. На знаменитомъ засѣданіи 3 іюля 1792 г., на которомъ Верньо сравнивалъ Людовика XVI съ тираномъ Лизандромъ, Дюма отважился импровизировать отвѣтъ жирондистскому оратору, только что очаровавшему Ассамблею. Безъ блеска, но съ мужественной настойчивостью онъ защищалъ Людовика XVI, оправдывалъ *veto* на декреты относительно эмигрантовъ и образованія лагеря подъ Парижемъ и закончилъ свою рѣчь нападками на патріотовъ.

„Дадимъ ему (народу) примѣръ глубокаго уваженія конституціи,—сказалъ—Дюма, и онъ будетъ уважать наши законы. Не потерпимъ, чтобы ему внушали, что среди насъ создается новая аристократія. Я раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что бесполезно повторять данныя уже присяги; никто изъ насъ не допуститъ нарушенія равенства, но я требую, чтобы мы оказали одинаковое сопротивленіе той фракціи, которая желала бы уничтожить равенство, и тѣмъ патріотамъ-уравнителямъ, которые желали бы все дезорганизовать и все разрушить. Народъ долженъ знать, что неравенство богатствъ не ведетъ къ аристократіи, что богатый является лучшимъ охранителемъ бѣднаго. (Ропотъ и взрывы смѣха раздаются въ значительной части собранія). Я желаю этимъ сказать, что въ неравенствѣ состояній кроется обезпеченіе промышленной, наиболѣе

важной и наиболѣе достойной вниманія части народа, истинные интересы котораго мы должны защищать. Отсюда я вывожу, что надо научить народъ уважать собственность“.

Изъ остальныхъ ораторовъ той же партіи надо упомянуть еще Лемонте, произнесшаго разъ рѣчь въ вольтеровскомъ духѣ противъ религіознаго фанатизма; Жокура, часто намѣренно раздражавшаго лѣвую и находившаго даже извѣстное удовольствіе въ томъ, чтобы оскорблять народныя чувства; Дюкастеля, не блиставшаго на трибунѣ, но по докладу котораго Ассамблея, одобрила разводъ по взаимному соглашенію и рѣшила передать муниципалитетамъ веденіе гражданскихъ книгъ, и, наконецъ, Беньо, выдвинувшагося на моментъ своей рѣчью противъ Марата и Карра. Но никто изъ нихъ не обладалъ дѣйствительнымъ талантомъ и не достоинъ званія оратора.

Итакъ, конституціоналисты имѣли во главѣ людей честныхъ, образованныхъ и корректныхъ, какъ Рамонъ, Жирарденъ, Дюма, ритора, какъ Вобланъ, наивнаго, какъ Лемонте, ничтожнаго, какъ Дюкастель, но ни одного государственнаго дѣятеля, ни одного великаго оратора. Внушенныя добрыми намѣреніями слова, которыя они произносили съ высоты трибуны, раздражали современниковъ и не нашли также отклика въ исторіи. Объясняется это тѣмъ, что ихъ политика осуждала ихъ быть свидѣтелями событій, не принимая въ нихъ участія, и что, обладая даже они гениальностью, которой они были лишены, ихъ краснорѣчіе, ограничивавшееся комментированіемъ уже отмѣненнаго въ умахъ текста, должно было поневолѣ быть блѣднымъ, такъ какъ оно не вдохновлялось никакой живой идеей.

Центръ или независимые.

Двѣсти пятьдесятъ или триста депутатовъ, составлявшихъ центръ, не имѣли опредѣленной политической линіи и не отличались краснорѣчіемъ. Ихъ роль ограничивалась тѣмъ, что они давали большинство одной или другой сторонѣ, но въ большинствѣ случаевъ они вотировали за одно съ правой. Эти безвѣстные люди, исчезнувшіе изъ исторіи вмѣстѣ съ Учредительнымъ Собраніемъ, любили называть себя независимыми. Ихъ главаря, Пасторе, Биго де-Преамно, Лакюз, дѣйствуютъ совмѣстно съ Рамонами и Вобланами. Но имѣли ли они главарей? Не смѣшивались ли тѣ, имена которыхъ я только что привелъ, съ роялиста-

ми-конституціоналистами? Это Вобланъ заявляетъ въ своихъ мемуарахъ о принадлежности Пасторе къ центру, желая, безъ сомнѣнія, облагородить, такимъ образомъ, независимыхъ, столько разъ доставлявшихъ побѣду роялистской правой.

Пасторе не былъ, въ сущности говоря, крупнымъ ораторомъ; но за нимъ и противники его признавали „приятную легкость“ рѣчи *). Этотъ гибкій и счастливый марселецъ былъ въ 1789 г. совѣтникомъ податной палаты, членомъ Академіи надписей, историографомъ Франціи. Назначенный предсѣдателемъ, а затѣмъ генеральнымъ прокуроромъ-синдикомъ парижскаго департамента, онъ въ 1791 г. представился у рѣшетки Учредительнаго Собранія во главѣ депутаціи и отъ имени ея просилъ преобразовать, по случаю смерти Мирабо, церковь св. Женевьевы въ національный пантеонъ. Ему, какъ будто принадлежитъ и надпись: Признательное отечество великимъ людямъ**). Мирабо, однако, выразился слѣдующимъ образомъ объ этомъ льстивомъ лукавцѣ: „Это—умъ лисицы въ головѣ теленка“ ***). Рожденный куртизаномъ,****) онъ не замедлилъ стать и ненавистникомъ революціи.

Тѣмъ не менѣе, избранный депутатомъ Парижа, онъ былъ первымъ по времени предсѣдателемъ Законодательнаго Собранія. Въ этомъ званіи ему пришлось привѣтствовать Людовика XVI, и онъ это слѣлалъ съ тактомъ, который трудно было бы предвидѣть по напыщеннымъ похваламъ, обращеннымъ имъ въ качествѣ генеральнаго прокурора-синдика къ Учредительному Собранію. „Государь,—сказалъ онъ,—ваше присутствіе среди насъ является новымъ обязательствомъ охранять конституцію, которое вы берете на себя по отношенію къ отечеству. Всѣ права были нарушены, всѣ власти были разстроены. Выработанная конституція установила новый порядокъ, который обезпечиваетъ счастье и равенство всѣхъ. Вы, какъ гражданинъ, должны любить ее, эту конституцію, и, какъ король, вы должны заботиться о ея выполненіи; она дала вамъ друзей въ лицѣ тѣхъ, которые рань-

*) *Révolutions de Paris*, № 117.

***) По Біографіи Рабба (*Rabbe*).

****) „Кто не знаетъ,—писалъ Марать,—льстиваго Пасторе со лживымъ взглядомъ и рыжими волосами, этого короля интригановъ, который изъ ничтожества поднялся постепенно на одну изъ первыхъ должностей стараго режима?“ (*Ami du peuple*, отъ 11 сент. 1791 г.)

*****) Говорятъ, что онъ обратился къ Робеспьеру со льстивыми стихами (*Bonneville et Quénard*, III).

ше назывались вашими подданными. (Аплодисменты.) Вы нуждаетесь въ томъ, чтобы французы любили васъ, сказали вы нѣсколько дней тому назадъ въ семь храмъ закона; и мы, государь, нуждаемся въ томъ, чтобы вы любили насъ. (Все собраіе и трибуны аплодируютъ). Конституція сдѣлала васъ первымъ монархомъ Европы. Сильные нашимъ согласіемъ, мы будемъ дружно работать на усовершенствованіе нашего законодательства, на водвореніе порядка и счастья въ имперіи. Такова наша обязанность, такова обязанность вашего величества. Благословенія французовъ будутъ намъ наградою". (Аплодисменты возобновляются).

20 октября 1791 г. онъ говорилъ послѣ Верньо по вопросу объ эмигрантахъ, причемъ рѣчь его была ловко составлена въ ихъ пользу. Онъ порицалъ ихъ, признавалъ, что можно издать противъ нихъ исключительные законы и ссылался на Монтескье и Жанъ-Жака. Но онъ считалъ благоразумнымъ дѣйствовать по отношенію къ нимъ со снисхожденіемъ. Пусть къ принципамъ предъявятъ требованіе, а эмигрантовъ надо просить вернуться, не угрожая имъ суровымъ закономъ, который натолкнется на ихъ гордость, между тѣмъ какъ, будучи отечески призваны, „освободившись отъ удерживающаго ихъ ложнаго стыда, большинство изъ нихъ вернется, чтобы вмѣстѣ съ вами пользоваться обладающей столькими прелестями свободой"... Эти же мысли были почти дословно изложены въ прокламаціи отъ 12 ноября, въ которой король объяснялъ почему онъ наложилъ *veto* на декретъ объ эмигрантахъ.

Довольно удачную рѣчь произнесъ онъ (20 апрѣля) относительно необходимости объявить войну королю Богеміи и Венгріи. „Пора,—воскликнулъ онъ,—прекратить ту неизвѣстность, которая съ давнихъ поръ томить всѣхъ; пора великой націи употребить все свое мужество и всю свою силу воли на защиту свободы, т. е. общаго дѣла народовъ... Да, свобода восторжествуетъ или деспотизмъ уничтожитъ насъ. Никогда французскому народу не представлялось болѣе высокаго поприща. Зная мужество національныхъ гвардейцевъ и усердіе, которое они проявили въ защитѣ отечества, мы не можемъ сомнѣваться въ успѣхѣ войны, предпринятой изъ такихъ благородныхъ побужденій. Побѣда будетъ вѣрна свободѣ" (аплодисменты)...

Что касается Биго де-Преамно и Лакюз, то рѣчи перваго, довольно, впрочемъ, рѣдкія, были совсѣмъ ничтожными, а вто-

рой говорилъ хотя корректно, но многословно и безъ какихъ-либо личныхъ чертъ.

Остается знаменитый въ ту пору Серютти, о которомъ Марать ядовито говорилъ: „Вамъ знакомъ этотъ законченный ученикъ Лайолы, этотъ ловкій хамелеонъ, котораго Небо, скупое въ своихъ дарахъ, одарило цвѣтистой рѣчью и легкимъ умомъ, по которому оно отказало въ возвышенной душѣ и прямомъ сердцѣ. Отъ рожденія—низкій лакей сильныхъ, презрѣнный рабъ фаворитовъ двора, онъ все свое лукавство употребилъ на то, чтобы нравиться имъ... Никогда устами его не говорило чувство, и если онъ проповѣдуетъ иногда простофилямъ любовь къ свободѣ, то дѣлаетъ онъ всегда такъ, чтобы сохранить деспоту расположеніе его подданныхъ“. Какъ бы тамъ ни было, его академическіе успѣхи, его связь съ Мирабо, успѣхъ его *Feuille Villageoise* доставили ему и честь быть избраннымъ парижанами въ Законодательное Собраніе. Онъ пользовался славой блестящаго оратора, но умеръ 4 февраля 1792 г., успѣвъ произнести только одну рѣчь (4 октября 1791 г.) въ честь членовъ Учредительнаго Собранія, выработавшихъ конституцію. „Три года работъ, — сказалъ онъ въ заключеніе, — уничтожили четырнадцать вѣковъ злоупотребленій и подготовили вѣка счастья. И, по мѣрѣ того, какъ вѣка эти будутъ проноситься надъ французской конституціей, насколько выростутъ имена ея составителей! Предупредимъ справедливый судъ времени. Я предлагаю вамъ, господа, выразить благодарность предшествовавшему намъ Національному Учредительному Собранію“.

Рѣчь эта вызвала энтузіазмъ, и напрасно Шабо дѣлалъ оговорки относительно предложенной Серютти формулы и просилъ не голосовать въ смыслѣ признанія конституціи совершенной: предложеніе Серютти было принято единогласно.

Но даетъ ли этотъ успѣхъ право считать смерть Серютти потерей для парламентскаго краснорѣчія? Безыдейный, безхарактерный, этотъ красивый риторъ впалъ бы скоро въ смѣшныя преувеличенія или въ удивленный мютизмъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Жирондисты.

I.

Внутренняя организація Жиронды.

Поэты представили намъ жирондистовъ сгруппированными вокругъ г-жи Роланъ и съ самаго же выступленія своего на сцену черпающими въ ней, вмѣстѣ съ ораторскимъ вдохновеніемъ, желаніе и силу образовать партію. То, что мы сказали объ антипатіи революціонеровъ къ партійной организаціи и объ ихъ безсиліи осуществить ее, было бы достаточно для того, чтобы заподозрить этотъ взглядъ, присущій Нодье, Ламартину, Понсару. По правдѣ сказать, поведеніе жирондистовъ было менѣе простымъ и болѣе измѣнчивымъ, чѣмъ то думаетъ самъ Мишле, и невозможно понять сложность и ораторскія, противорѣчія жирондистовъ, не указавъ предварительно на превратности, которыя перетерпѣло это нѣсколько разнообразное общество политическихъ дѣятелей или, скорѣе, трибуновъ.

Надо раньше всего замѣтить, что эти историки въ еще большей степени, чѣмъ современники, дали друзьямъ Бриссо, Верньо, г-жи Роланъ, Кондорсе, сторонникамъ аппеляціи къ народу, побѣжденнымъ 2-го іюня, коллективное имя: „Жиронда“. Въ Законодательномъ Собраніи депутаты, засѣдающіе надѣво, подъ Шабо и Базиромъ, именуютъ себя въ своихъ газетахъ и манифестахъ патріотами-якобинцами, а противники ихъ называютъ ихъ въ насмѣшку бриссотинцами, бордосцами, фракціей Гюаде-Бриссо. Въ Конвентѣ ихъ называютъ еще бриссотинцами, но также роландистами, бюзотинцами и

т. п. Именем жирондистовъ обозначаютъ, главнымъ образомъ, депутатовъ г. Бордо. Даже въ ихъ процессѣ отличаютъ еще бриссотинцевъ отъ жирондистовъ. Официально побѣдители ихъ называли ихъ федералистами, чтобы однимъ словомъ оправдать актъ насилія 2 іюня. Я думаю, что это Тьеръ и Нодье ввели въ обычай называть жирондистами даже Бриссо, даже Барбару и даже Петіона. Книга Ламартина сдѣлала эту кличку настолько популярной, что въ настоящее время трудно быть понятымъ, если обозначать иначе, какъ именемъ Жиронда, правую Конвента или хотя бы лѣвую Законодательнаго Собранія.

Лицомъ, сблизившимъ депутатовъ Бордо съ Кондорсе, Клавьеромъ, Роланомъ и положившимъ начало ихъ союзу, былъ Бриссо. „Когда было созвано Законодательное Собраніе, — показывалъ онъ въ революціонномъ трибуналѣ, — то прибывавшіе въ Парижъ депутаты Жиронды искали моей дружбы въ виду моихъ мнѣній по колониальному вопросу *). Мы условились встрѣчаться три раза въ недѣлю до начала засѣданій Національнаго Собранія“. Скоро стали почти ежедневно устраиваться политическіе завтраки въ № 5 Вандомской площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Манежа, у нѣкоей г-жи Додіонъ. Этьенъ-Дюмонъ встрѣчалъ тамъ Бриссо, Клавьера, Редерера, Гюаде, Жансоне, Верньо, Дюко, Кондорсе и другихъ, которыхъ онъ не называетъ, но среди которыхъ былъ и Фоше **). „Они приходили туда прежде, чѣмъ отправиться въ Ассамблею, условливались о мѣрахъ, но, какъ о томъ можно догадаться, тамъ больше занимались болтовней и партійными пересудами, чѣмъ принятіемъ резолюцій и рѣшеніемъ дѣйствій. Бриссо сталъ главаремъ. Его дѣятельности хватало на все“ ***).

Но, хотя Бриссо и былъ дѣйствительно вожакомъ и дѣятелемъ этого „Комитета Вандомской площади“, который впоследствии доставилъ Людовику XVI министерство Ролана-Дюмюрье, происходили и другія собранія „патріотовъ-якобинцевъ“ подъ другимъ предсѣдательствомъ. Такъ, три раза въ недѣлю встрѣчались у Верньо и совѣщались тамъ въ ожиданіи часа откры-

*) Вначалѣ называли бриссотинцами защитниковъ черныхъ. Paganel, *Essai historique sur la Révolution*, т. II, стр. 233.

**) *Correspondance politique* отъ 22 марта 1791 г. — Жансоне приходилъ туда рѣдко въ виду дальности разстоянія, а Роланъ, по той же причинѣ, почти совсѣмъ не приходилъ.

***) Et. Dumont, *Souvenirs*, стр. 374.

тія засѣданія *). Будущая „Жиронда“ обѣдала также у Клавьера; но тамъ мало занимались политикой; это были, скорѣе всего, братскія и веселыя собранія, одновременно патріотическія и литературныя. Поздиѣ Петіонъ, будучи мѣромъ, давалъ своимъ политическимъ друзьямъ обѣды, которые въ шутку называли публичными обѣдами. Эти сильно смѣшанныя собранія совершенно не имѣли интимнаго характера. Маркизь де-Кондорсе встрѣчался тамъ съ капуциномъ Шабо, носившимъ красный колпакъ. „Это было, — говоритъ злобивый Дюмонъ, — началомъ того нечистоплотнаго жанра, того санкюлотизма, который опозорилъ Францію... Разговоры велись всегда въ духѣ, враждебномъ двору, и умѣренность фельяновъ порицалась больше, чѣмъ анархическая ярость якобинцевъ“ **). Претендовали также, но безъ доказательствъ, что въ мартѣ 1792 г. Жиронда собиралась у г-жи Сталь. 31 марта 1792 г. Маратъ возвѣстилъ на трибунѣ, что „люди факціи Роланъ устраиваютъ тайныя собранія въ Палэ-Рояль, № 248, чтобы согласиться относительно мѣръ для удаленія Паша изъ военнаго министерства“ ***). Наконецъ въ 1793 г., Буке, шуринъ Гюаде, назначенный Роланомъ управляющимъ замка Сень-Клу, принималъ часто у себя Бриссо, Верньо, Жансоне, Петіона, Бюзе и др. ****). Буке предоставилъ Бриссо помещеніе на чердакѣ замка, и такъ какъ объ этомъ донесли, то Бриссо скоро выселился оттуда, но жена его продолжала жить въ Сень-Клу. Это, конечно, онъ организовалъ эти собранія внѣ Парижа, показавшіяся таинственными при наивномъ недозвѣрїи того времени.

Но въ ту же пору, въ разгарѣ борьбы противъ Горы, жирондисты пытались соорганизоваться болѣе открыто и болѣе сильно. 23 мая 1793 г. Маратъ донесъ на трибунѣ объ устраиваемомъ ими заговорѣ противъ свободы: „Комитету общественной безопасности, — сказалъ онъ, — доставлено циркулярное письмо, написанное Дюфришъ-Валазе, къ Лаказу и въ которомъ онъ приглашаетъ послѣдняго явиться въ Конвентъ съ возможно большимъ числомъ коллегъ, т.-е. государственныхъ людей. Ни для

*) Детали эти привелъ Жансоне въ своей защитительной рѣчи передъ революціоннымъ трибуналомъ.

***) Et. Dumont, стр. 338.

****) Journal des Débats et des Décrets.

*****) Эти собранія происходили три раза въ недѣлю, какъ сообщаетъ доносъ подписанный Фрерономъ и опубликованный Вателемъ въ Charlotte Corday, стр. 304.

кого не тайна, что у Дюфришъ-Валазе собирается совѣтъ государственныхъ людей, свободоубійственной факціи“. Валазе отвѣтилъ: „...Это письмо,—я написалъ около сорока такихъ писемъ,— было составлено слѣдующимъ образомъ: Въ національный Конвентъ, въ десять часовъ утра, съ возможно большимъ числомъ коллегъ“. И онъ объяснилъ, что желалъ, чтобы правая была въ сборѣ въ виду возможности предпологавашагося секціями возстанія. „Нѣкоторые мои коллеги,—прибавилъ онъ,—руководимые самой чистой любовью къ отечеству, собираются обыкновенно у меня *). Намъ, конечно, не воспретятъ дружескихъ собраній, особенно, когда они имѣютъ цѣлью предупредить ужасные заговоры“. Это именно и было „Комитетомъ Валазе, составленнымъ изъ самыхъ энергичныхъ республиканцевъ“, о которомъ говоритъ Луве. Въ немъ участвовали 38—40 жирондистовъ, изъ которыхъ около пятнадцати присутствовали на засѣданіяхъ, происходившихъ каждый вечеръ, по свидѣтельству Мельяна **), а по показанію самого Валазе ***)—три—четыре раза, а иногда только разъ въ недѣлю. Наибольше постоянными членами были: Бриссо, Гюаде, Жансоне, Бюзю, Барбару, Бергейнъ, Дюпра, Лаказъ, Лезажъ, Мольво, Гарди, Саль, Лозъ-Деперре, Шамбонъ, Лидонъ. Цѣлью ихъ было „подготовить дебаты, которые должны были происходить въ Национальной Ассамблеѣ“ ****). Такъ, этотъ Комитетъ Валазе поручилъ Луве произнести рѣчь о событіяхъ 10 марта 1793 г. *****).

Это было, за время революціи, одной изъ наиболѣе серьезныхъ попытокъ организовать партію на англійскій манеръ. И однако, понадобилось, чтобы Марать перехватилъ пригласительное письмо для того, чтобы жирондисты признали свои организаціонныя собранія. Нѣсколькими мѣсяцами раньше Бриссо восклицалъ въ одномъ изъ наиболѣе сильныхъ памфлетовъ своихъ: „Нѣтъ, вы не знаете тѣхъ, на кого вы клеветеете, обвиняя депутатовъ Жиронды въ принадлежности къ какому-то сообществу. Гюаде имѣетъ слишкомъ гордую душу; Верньо слишкомъ отли-

*) Улица Orléans-St-Honoré, № 19.

**) Meillan, Mémoires, стр. 16.

***) Vatel, Charlotte Corday, стр. 339.

****) Показаніе Валазе.

*****) Въ этотъ день была сдѣлана неудачная попытка народнаго возстанія противъ жирондистовъ. Все ограничилось тѣмъ, что были разгромлены типографіи двухъ жирондистскихъ газетъ.

чается той безопасностью, которая сопровождаетъ талантъ и дѣлаетъ для него излишними пособниковъ: Дюко слишкомъ уменъ и честенъ; Жансоне мыслить слишкомъ глубоко, чтобы опуститься до подчиненія какому-либо главарю. У нихъ, конечно, есть общій пунктъ, но это—любовь къ свободѣ и разуму; у нихъ есть и связи, но это тѣ, которыя соединяютъ коллегъ, имѣющихъ одинаковые вкусы, чистые и простые, и мнѣнія которыхъ продиктованы размышленіемъ^{*)}. „Мы такъ мало были расположены образовать партію,—говоритъ—Мельянь, что одна мысль о комбинированномъ дѣйствіи насъ возмущала. Каждый изъ насъ желалъ быть независимымъ и поступать по своему. Мы были осторожными и боязливыми. Мы всѣ надѣялись, что мудрыя и правдивыя писанія нѣкоторыхъ изъ насъ будутъ достаточны для того, чтобы просвѣтить народъ, а больше всего мы желали избѣгать упрека въ образованіи партіи. Въмѣсто того, чтобы тѣсно связаться, мы имѣли видъ какъ будто избѣгаемъ другъ друга; однимъ словомъ, у насъ не было иной точки соприкосновенія, кромѣ общности принциповъ и любви къ общественному благу. Благодаря этому, мы дѣйствовали и говорили въ одинаковомъ духѣ, но не по предварительному соглашенію“^{**)}. Съ тѣмъ большимъ упорствомъ они постоянно отказывались признать кого-либо главаремъ. Самъ Валазе, этотъ Катонъ Жиронды, былъ гостепріимнымъ хозяиномъ, но не главою комитета. Что касается Бриссо, то хотя онъ присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ, начиная съ засѣданій на Вандомской площади и кончая политическими вечерами у Валазе, хотя онъ велъ дѣла жирондистовъ и, въ общемъ, руководилъ своими друзьями, насколько они поддавались руководству, то его авторитетъ не былъ признанъ ни имъ ни даже тѣми, которые ничего не дѣлали, не посовѣтовавшись съ нимъ. Мы увидимъ, что онъ съ болью отвергнетъ званіе главаря партіи, какъ робеспьеристскую клевету, противъ которой будутъ протестовать не только независимые, какъ Верньо, Дюко, Фюфредъ, Кондорсе, но также наиболѣе бриссотинскіе друзья Бриссо^{***)}.

*) Atous les républicaines de France, par. J-P. Brissot.

**) Meillan.

***) Жиронда была подвергнута также влияніямъ, о которыхъ публика не знала. „Де-Серъ (De Sers).—говоритъ Эт. Дюмонъ,—котораго совершенно не знали въ публикѣ, и который имѣлъ большое влияние въ ихъ комитетахъ, былъ благоразумнымъ, умѣреннымъ, милымъ человекомъ часто заставлявшимъ ихъ отказываться отъ поспѣшно принятыхъ рѣшеній; одинъ онъ

Однако, именно Бриссо организовалъ въ началѣ вліяніе г-жи Роланъ. Когда супруги Роланъ пріѣхали въ Парижъ (20 февр. 1791 г.), онъ свелъ ихъ съ пользовавшимся уже тогда извѣстностью депутатами крайней лѣвой, Петіономъ, Робеспьеромъ и Бюзо. Скоро образовалось что то вродѣ маленькаго политическаго комитета, который собирался четыре раза въ недѣлю у г-жи Роланъ почти до самаго распущенія Учредительнаго Собранія, когда Роланы уѣхали въ Лионъ (15 сент. 1791 г.). По возвращеніи ихъ въ Парижъ (15 декабря), Роланъ былъ почти тотчасъ поставленъ у дѣлъ, и жена его стала вдохновительницей министерской политики. Она давала своимъ друзьямъ, т.-е. министрамъ и жирондистскимъ депутатамъ, частые обѣды, на которыхъ только и говорили, что о государственныхъ дѣлахъ. У нея, въ ея присутствіи, происходили засѣданія министерства. Она увѣряетъ, что никогда на нихъ не говорила, и внушающее довѣріе свидѣтельство Эт. Дюмона подтверждаетъ это:

„Я видѣлъ у нея,—говоритъ онъ,—нѣсколько комитетовъ министровъ и главныхъ жирондистовъ. Женщина казалась тамъ нѣсколько неумѣстной. Но она не принимала участія въ дебатахъ, чаще всего находилась у своего бюро, писала письма и казалась обыкновенно занятою другимъ, хотя не упускала ни одного слова*). Вмѣшательство ея, будучи менѣе открытымъ, было лишь болѣе дѣйствительнымъ. Достаточно читать ея мемуары и ея протесты противъ упрека въ полномъ подчиненіи себѣ своего мужа, чтобы убѣдиться, какъ въ томъ были убѣждены современники, что она внушала ему все его дѣйствія **). Что касается ея друзей, то они достаточно восхищались ею, чтобы говорить о ней съ уваженіемъ, безъ отѣнка легкомыслія, какъ то съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣчаетъ Эт. Дюмонъ. Но

умѣлъ сдерживать Бриссо“ (Souvenirs, стр. 390). Серъ, депутатъ Жиронды въ Законодательномъ Собраніи, не былъ членомъ Конвента.—Современники охотно говорили, что въ Законодательномъ Собраніи Жиронда не имѣла вождя. „Почести и надежды,—говоритъ Паганель (т. I, стр. 451).—раздѣлялись тамъ между нѣкоторыми“. Относительно же періода Конвента, Жансоне казался имъ имѣющимъ такое же вліяніе на свою партію, какъ Бриссо и г-жа Роланъ.

*) Et. Dumont, стр. 394.

**) Членъ корреспондентскаго комитета якобинцевъ, онъ удивляется бѣдностью идей и неправильностью стиля, что объясняется, конечно, тѣмъ, что въ данномъ случаѣ г-жа Роланъ не могла писать за него (C. Desmoulins, Histoire secrete de la révolution, въ его сочиненіяхъ, изданныхъ Жюлемъ Кларси (стр. 314).

она имѣла больше вліянія на ихъ манеры, на ихъ вкусы и вообще на ихъ сердца, чѣмъ на ихъ политическія воззрѣнія. Читайте великіе дебаты, въ которыхъ блистали жирондисты: дѣла и рѣчи, почти все въ нихъ вѣтъ круга вліянія и идей г-жи Роланъ. Они не обязаны ей ни одной своей теоріей, ни одной своей ораторской темой. Верньо отчасти ускользнулъ отъ нея*); она не любила его, говоритъ она, и великій ораторъ такъ же мало принадлежалъ къ комитету Ролана, какъ къ комитету Валазе. Бюзю, ея дорогой Бюзю, не былъ въ ея рукахъ Роланомъ: она въ той же степени подвергалась его вліянію, въ какой онъ подвергся ея вліянію. Другіе, Гюаде, Жансоне, Бриссо, находились подъ очарованіемъ этой восхитительной послѣдовательницы Жанъ-Жака, но не отрекались отъ себя тотчасъ же въ той степени, какъ это предполагала публика**); примѣръ обезличеннаго Ролана и, въ особенности, боязнь казаться смѣшнымъ заставляли ихъ сохранять относительную свободу. Но грубое слово Дантона относительно политическаго воздѣйствія этой Эгеріи***) лишило эти рыцарскія души мужества сопротивляться фантазіямъ женщины, которую они считали оскорбленной. Весьма возможно, что это именно она воспротивилась примиренію Жиронды и дантонистовъ, за которое стоялъ, однако, Кондорсе. Мемуары ея показываютъ, что къ встрѣчавшемуся съ нею, но не восхищавшемуся ею Дантону, она относилась съ физическимъ отвращеніемъ, перешедшемъ скоро въ ненависть; и если она не внушала своимъ друзьямъ политическихъ идей, то она умѣла вселять въ нихъ свою злобу. Помѣшавъ имъ принять руку Дантона, она погубила ихъ, рискнула революціей. Въ общемъ она ничему жирондистовъ не научила, но, вмѣстѣ съ

*) Въ своей защитѣ онъ заявляетъ, что обѣдалъ у Роланъ лишь пять—шесть разъ.

***) Публика принимала на вѣру фантазіи журналистовъ: „Нѣжная половина добродѣтельнаго Ролана, — писалъ Геберъ, — водить теперь Францію на помочахъ, какъ Помпадуры и дю-Барри. Бриссо—оберъ-штальмейстеръ этой новой королевы, Луве—ея камергеръ, Бюзю—канцлеръ, Фуше—ея придворный священникъ, Барбару, котораго Марать называетъ шпиономъ, — ея начальникъ гвардіи, Верньо—главный церемоніймейстеръ, Гюаде—виночерпій, Дантена—ея герольдъ“. *Le père Duchesne*, № 202, декабрь 1792 г., цит. Добаномъ въ его *Etude sur Mme Roland*, стр. СІХІV.

****) Когда, 29 сентября 1792 г., обсуждался вопросъ надо ли пригласить Ролана остаться въ министерствѣ, то Дантонъ замѣтилъ: „Если вы приглашаете Ролана, то пригласите же также г-жу Роланъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что онъ былъ не одинъ въ своемъ вѣдомствѣ“.

гнѣвомъ своимъ, она внушила имъ стоическій героизмъ и подготовила ихъ мужественно умереть. Къ концу ихъ карьеры, въ отчаянные моменты борьбы ихъ съ Жирондой, когда не оставалось ничего больше, какъ благородно кончить, они еще тѣснѣе сплотились вокругъ той, которая никогда не дрожала, которая не совѣтовала подлыхъ или хотя бы благоразумныхъ сдѣлокъ, которая, воодушевляемая Плутархомъ и Руссо, вызывала у нихъ улыбку навстрѣчу смерти и, при надобности, поддерживала въ нихъ слабѣвшій духъ мужества. И въ послѣдніе часы воспоминаніе о г-жѣ Роланъ было для жирондистовъ религіей, морально объединявшей ихъ до самаго момента смерти. Они во имя ея любили другъ друга и сами, въ мемуарахъ своихъ, называютъ себя друзьями, ясно чувствуя, что сообщество ихъ болѣе братское, чѣмъ политическое, и что если они представляются потомству, какъ партія роландистовъ, то это потому, что ихъ связывали больше сердечныя чувства, чѣмъ общность убѣжденій.

Вотъ, приблизительно, чему насъ учать о внутренней организации партіи Жиронды не легенды Ламартина, а документы современниковъ. Было бы любопытно познакомиться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ рѣчей, которыя, у Валазе или у г-жи Роланъ, произнесли Бриссо или Гюаде. Но на сей счетъ отсутствуютъ опредѣленные детали, и это потому, быть можетъ, что сами дебаты не всегда были ясными. Эти совѣщанія не отличались ни методичностью, ни рѣшимостью. Г-жа Роланъ жалуется на почтенную болтовню своихъ друзей, которая не приводитъ ни къ какому акту. Она находитъ, что „эти честные люди проводятъ въ мечтаніяхъ объ общественномъ благѣ то время, которое надо было бы употребить на осуществленіе его“ *). А у Валазе, въ этомъ знаменитомъ и внушавшемъ опасенія комитетѣ, что дѣлали они? Безспорно, одинъ или два раза они поручили одному изъ своихъ говорить на слѣдующій день отъ имени всѣхъ но обыкновенно они тратили свое время на краснорѣчивые и безплодные разговоры. „Мы искали,—говоритъ Мельянъ,—средствъ, чтобы положить конецъ нашимъ раздорамъ и предупредить несчастья, къ которымъ они неизбѣжно должны были привести. Мы терялись въ своихъ поискахъ и не знали, на чемъ остановиться. **)

*) *Lettres a Buzot*, éd. Dauban, стр. 49.

**) Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу жирондистовъ Амаръ притворно заявляетъ, однако, что „ихъ рѣчи готовились, пересматривались и

Несомнѣнно все же, что въ Конвентѣ, при приближеніи 31 мая, будучи покинуты малодушными, какъ Бареръ, но объединенные, по крайней мѣрѣ, общностью пораженія и опалы, жирондисты производили впечатлѣніе компактной группы, почти что партіи. Кого же изъ членовъ Конвента можно назвать въ этотъ моментъ жирондистами? Не тѣхъ ли бриссотинцевъ или федералистовъ, противъ кого Гора возбудила преслѣдованія отъ 2 іюня до 3 октября *), и тѣхъ, которые за этотъ же періодъ публично заявили о своихъ дружескихъ чувствахъ къ опальнымъ? Если присмотрѣться къ списку **) тѣхъ депутатовъ, которыхъ можно съ большей или меньшей увѣренностью назвать жирондистами, и обратить вниманіе на то, какіе департаменты они представляли и какъ они голосовали въ рѣшительные моменты, то получится новое представленіе о Жирондѣ. Южане, вопреки высказывавшемуся иногда мнѣнію, составляютъ въ ней меньшинство. Силы этой партіи не сосредоточены ни въ одной опредѣленной области. Въ маѣ 1793 г. жирондисты имѣются понемногу повсюду, за исключеніемъ сѣверо-востока. Они многочисленны въ Провансѣ, въ Гиеннѣ, Лимузенѣ, Бретани, Нормандіи и Пикардіи. Но ни въ одной изъ этихъ областей они не составляютъ большинства депутаціи. Они даже находятся въ меньшинствѣ во всѣхъ департаментахъ, за исключеніемъ восьми: Жиронды, Соммы,

санкціонировались у Ролана или на тайственныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ обыкновенно у Дюфришъ-Валазе и у Петіона⁴.

*) 2 іюня, уступая требованіямъ возставшаго Парижа, Конвентъ издалъ декретъ объ арестѣ 29 депутатовъ - жирондистовъ; 28 іюня новый декретъ объявилъ „измѣнниками отечества“ еще 20 депутатовъ правой; наконецъ, декретомъ 3 октября 41 депутатъ были преданы революціонному трибуналу, а 75 подвергнуты аресту, какъ подписавшіе протесты противъ дней 31 мая и 2 іюня. Этими декретами было въ общемъ намѣчено 129 депутатовъ, такъ какъ имена многихъ изъ нихъ фигурировали во всѣхъ трехъ декретахъ. Къ нимъ надо прибавить еще 36 депутатовъ, подвергнувшихся лично преслѣдованіямъ, подписавшихъ протесты или публично выразившихъ [свою симпатію къ преслѣдуемымъ. Всего, слѣдовательно, къ Жирондѣ принадлежало 165 депутатовъ (см. Aulard, Histoire politique de la Révolution française, стр. 392—93). *Прим. перев.*

**) Мы пропускаемъ здѣсь приводимый Оларомъ списокъ ста шестидесяти трехъ жирондистскихъ депутатовъ, въ которомъ, рядомъ съ именемъ каждаго депутата, онъ указываетъ, какой департаментъ онъ представлялъ и какъ онъ голосовалъ въ процессѣ короля. Приблизительно такой же списокъ приведенъ Оларомъ въ другомъ его произведеніи, имѣющемся въ русскомъ переводѣ: Histoire politique de la Révolution Française. *Прим. перев.*

Нижней Сены, Эзны, Верхней Виенны, Ардеша, Флинистера и Юры. Нигдѣ, даже въ Жирондѣ, имъ не принадлежатъ всѣ депутатскія мѣста; послѣдній департаментъ посылаетъ въ Конвентъ, вмѣстѣ съ Верньо и его друзьями, двухъ горячихъ монтаньяровъ, Гарро и Же, и двухъ нерѣшительныхъ, друга Жанъ-Жака Руссо, Делетра и Дюплантье. Департаментъ Эра, избравшій Бюзо, представленъ шестью монтаньярами и пятью жирондистами; департаментъ Бриссо, Эра и Луара, — пятью монтаньярами и четырьмя жирондистами; департаментъ Барбару, Устья Роны, — семью монтаньярами и пятью жирондистами. Наоборотъ, имѣется по нѣскольку жирондистовъ и въ якобинскихъ департаментахъ, въ Мёртѣ, въ Вогахъ, Индрѣ и Луарѣ, Сенѣ и Уазѣ и даже въ Парижѣ. Эта разбросанность партіи Бриссо-Ролана объясняетъ ея слабость, отсутствіе у нея программы, ея конечное пораженіе и, съ нашей точки зрѣнія, противорѣчія ея ораторскаго вдохновенія. Однако, такъ какъ наиболѣе краснорѣчивыми выразителями ея являются бордосцы и марсельцы, то справедливо сказать, что въ ораторскомъ отношеніи она представляетъ духъ юга.

Отсутствіе единства въ ея политикѣ, несмотря на существованіе комитетовъ, выступить еще ярче, если прослѣдить голосованія жирондистовъ въ процессѣ Людовика XVI-го. Они настолько мало условливались предварительно, что не были единогласны ни въ одномъ изъ трехъ голосованій, послѣдовавшихъ за признаніемъ виновности короля. По вопросу объ аппеляціи къ народу 17 не подаютъ голоса, 39 — противъ, 109 — за, 4 еще не засѣдаютъ. По вопросу о наказаніи 2 не вотируютъ, 30 вотируютъ за смерть *pure et simple*, 18 — за смерть съ различными условіями, 105 высказываются за тюремное заключеніе или изгнаніе. По вопросу объ отсрочкѣ примѣненія наказанія 11 не голосуютъ, 38 голосуютъ противъ, 106 — за. Сами главари не единодушны, за исключеніемъ вопроса объ аппеляціи къ народу: Гюаде подаетъ голосъ за заточеніе; Жансоне и Верньо — за смерть; Бриссо — за смерть при извѣстномъ условіи; Кондорсе — за самое тяжкое наказаніе, исключая смертную казнь. Бриссо и Гюаде — требуютъ отсрочки, Жансоне и Верньо сопротивляются этому, а Кондорсе воздерживается отъ голосованія.

Свою крайнюю любовь къ независимости мянній жирондисты сохраняютъ отчасти даже въ мучительные дни проскрипціи, какъ то видно изъ глубокаго различія политическихъ и литературныхъ сужденій, высказанныхъ Петіономъ, Барбару и Бюзо отно-

сительно произведенія ихъ друга Салля — Charlotte Corday *). И внутреннія разногласія Жиронды были настолько извѣстны, что довольно трудно было представить заговорщиками столь часто несогласныхъ между собою людей и что Робеспьеру, въ его рѣчи 10 апрѣля 1793 г., пришлось прибѣгнуть къ слѣдующему—слишкомъ вѣроломному манѣвру: „хорошо извѣстно, — сказалъ онъ, — что главари этой факціи обладаютъ искусствомъ казаться иногда раздѣленными, чтобы скрыть свое преступное согласіе“. Но если эти разногласія лишали ихъ политику авторитета, то краснорѣчіе ихъ, вполне индивидуальное, часто импровизированное и внушенное каждому его сознаніемъ, выиграло отъ этого въ разнообразіи, блескѣ, оригинальности. Для Франціи прискорбно, что жирондисты не были государственными людьми, способными согласовать свои дѣйствія; но, съ точки зрѣнія исключительно артистической, можно было бы быть склоннымъ радоваться этому политическому безсилію, этому отсутствію согласія, позволившему Иснару сохранить всю свою горячность, Верньо—всю свою прелесть, Гюаде—весь свой бѣдовый умъ и каждому изъ нихъ—свой нравъ и свой талантъ.

Ораторское вдохновеніе жирондистовъ.

I. Ихъ религіозныя идеи.

Если жирондисты не были согласны между собою въ томъ, что касается политики, то не были ли они объединены извѣстнымъ сходствомъ темперамента и воспитанія, извѣстными общественными наклонностями? Обнаружить это внутреннее родство, констатировать, въ чемъ эти души были сходными,—значитъ найти самый источникъ ихъ ораторскаго вдохновенія. Попытаемся проникнуть болѣе глубоко, чѣмъ то было сдѣлано, въ ихъ моральное существо и посмотримъ, раньше всего, каковы были ихъ мысли въ области религіи. Были ли они атеистами, безбожниками въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова понималъ Робеспьеръ? Надо ли ихъ считать скрытыми католиками? Или же къ нимъ просто примѣнимо имя философовъ, которымъ награждали себя дѣятели революціи? Это вопросъ болѣе сложный, чѣмъ то думаютъ, и разрѣшить его можно лишь напомнивъ, въ какихъ условіяхъ свободомысліе могло проявляться во Франціи до 1789 г.

*) Vatel, Charlotte Corday, стр. XXXVI и слѣд.

I.

Тогда во Франціи существовала традиція, что наибольшіе философы и наиболѣе свободные отъ всякой религіозной вѣры могли, должны были называть себя католиками. Не говоря уже о Декартѣ, который всецѣло подвергаетъ свое мнимое сомнѣніе авторитету церкви и который является, скорѣе, великимъ, чѣмъ свободнымъ умомъ, развѣ Монтень не совѣтовалъ признавать внѣшне родную религію, чтобы обезпечить себѣ внутреннюю свободу? Развѣ Гассанди не преклонилъ передъ догмой свою теорію атомовъ? Развѣ Монтескьё не слѣдовалъ по своему этимъ примѣрамъ? А не чести в ецъ *par excellence*, что дѣлалъ онъ, когда безпощадно высмѣивалъ въ своихъ Діалогахъ доктрину и практику католицизма? Развѣ онъ не называлъ себя официально въ признанныхъ своихъ произведеніяхъ добрымъ католикомъ и даже настолько, что одинъ наивный или лукавый аббатъ смогъ причислить его къ апологистамъ христіанской религіи*)? Этотъ обычай навѣшивать католическій этикетъ на свободныя убѣжденія сохранился и въ XIX вѣкѣ. При реставраціи и во время іюльской монархіи вольтерьянская буржуазія, слѣдуя примѣру своего учителя, высмѣивала догматы и обряды, а въ смертный часъ добивалась приобщаться Святыхъ Таинъ. До середины истекшаго вѣка (а иногда даже и теперь) замѣчается сосуществованіе въ одной и той же личности двухъ противоположныхъ доктринъ; одной — внѣшней, официальной, наследственной, другой — внутренней, частной, свободно, избранной, и это противорѣчіе, бессознательное и нисколько не лицемерное, никогда не скандализировало.

Но, чтобы хорошо уяснить себѣ философскую манеру жирондистовъ, недостаточно отмѣтить эту традицію; надо указать еще на источникъ ея, т. е. на тѣ условія, въ которыхъ находились когда, въ XVI вѣкѣ, снова заработала мысль, люди, могущіе считаться праотцами французскаго свободомыслія. Тогда не быть католикомъ значило рисковать своей жизнью, рисковать даже большимъ — будущностью своихъ идей, расцвѣтъ которыхъ могъ быть приостановленъ однимъ ударомъ силы. Рабле притворяется и гримирруется католикомъ. Монтень преклоняется передъ Богомъ

*) *Voltaire apologiste de la religion chrétienne*, par l'abbé Mérault, Paris, 1826, in—8.

Ремона Себуна *), чтобы ввести въ обманъ относительно значенія своего пессимизма. Когда же Рамусъ желаетъ мыслить открыто и осмѣливается провозгласить разумъ единственнымъ критеріумомъ, то его убиваютъ. Отнынѣ въ области вѣры господствуетъ терроръ. Деспотизмъ, конечно, обманываютъ хитростью, но приходится облачаться въ его ливрею. Примѣръ Рамуса не проходитъ безслѣдно, и, кто не вѣруетъ въ догму, поступаетъ отнынѣ такъ, какъ то сдѣлаетъ католическій атомистъ Гассенди, официально отрехшійся отъ своихъ дорогихъ атомовъ. Больше того, этотъ инстинктъ осторожности становится настолько сильнымъ и слѣпымъ, что обманываетъ не только другихъ, но и себя самого, и меня не удивило бы, если Мольеръ, въ Донъ Жуанѣ и Тартюфѣ, нанесшій ужасные удары дѣйствительному католицизму, искренно считалъ себя католикомъ. Въ XVIII вѣкѣ, когда уже не было столь очевидной опасности, привычка уже привилась, и какимъ то страннымъ явленіемъ умственной наслѣдственности тотъ же инстинктъ осторожности перешелъ и въ XIX вѣкъ, переживъ тѣ причины, какими онъ былъ вызванъ и которыя почти совершенно исчезли изъ дѣйствительности.

Въ началѣ революціи объявить себя не католикомъ не значило больше подвергать себя опасности быть сожженнымъ. Но этимъ закрывали себѣ доступъ ко всѣмъ гражданскимъ карьерамъ, ни одна изъ которыхъ не открывалась безъ свидѣтельства священника. Когда, въ 1787 г., Дантонъ желаетъ стать адвокатомъ въ совѣтѣ короля, то ему мало израсходовать 78.000 ливровъ; онъ, этотъ свободный умъ, долженъ еще представить удостовѣреніе отъ священника его прихода въ томъ, что онъ католикъ, регулярно исповѣдуется и причащается въ текущемъ году.

Понятно, что религія, еще столь могущественная наканунѣ революціи, не потеряла своего престижа на слѣдующій день послѣ разрушенія феодальнаго строя даже у наиболѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе свободныхъ умовъ. Дѣятели Учредительнаго Собранія, несмотря на свою философскую важность, называютъ себя католиками, поступая такъ, одни—благодаря античному инстинкту, который я попытался анализировать, другіе же

*) Ремонъ Себунъ, испанскій философъ (ум. въ 1432 г.), написавшій естественную теологію, въ которой онъ пытался философски обосновать всѣ догматы христіанства. Трудъ его былъ въ 1569 г. переведенъ на французскій языкъ Монтенемъ.

— потому, что вмѣстѣ съ Вольтеромъ и Бюффономъ они полагаютъ, что народу нужна религія. Гражданская организація духовенства является наивнымъ выраженіемъ ихъ официальнаго католицизма; и, нисколько не переставая быть вѣрными „философѣ“, они, когда обстоятельства того требуютъ, прославляютъ ту религію, дисциплину, которой они измѣнили. Законодательное Собраніе, просвѣщенное опытомъ, проявляетъ нѣсколько больше смѣлости и воздерживается объявить себя католическимъ. Конвентъ поступаетъ такимъ же образомъ въ первый годъ своего существованія; потомъ, въ 1793 г., онъ, подъ влияніемъ Парижа, даетъ увлечь себя дехристиянизаторскимъ движеніемъ; скоро затѣмъ онъ оказываетъ сопротивленіе робеспьеристскимъ попыткамъ основать нео-католическую религію и, наконецъ, рѣшительно отдѣляетъ государство отъ церкви *). Но дѣятельность

*) Режимъ отдѣленія государства отъ церкви былъ установленъ послѣ паденія Робеспьера и погибшаго вмѣстѣ съ нимъ культа Высшаго Существа. Всѣ попытки расхристиянизировать Францію кончились неудачей, и, въ концѣ концовъ, католицизмъ остался, попрежнему, религіей народной массы. Гражданская же организація духовенства, установленная Учредительнымъ Собраніемъ, вызвавъ столько неурядицъ и междоусобій, не привела къ желанной цѣли, не дала Франціи національной церкви, свободной отъ римскаго гнета. Она оставалась на бумагѣ, но скомпрометированная, окровавленная, непримѣнимая, признанная уже неудачной и ошибочной. Надо было выйти изъ того хаоса, который былъ созданъ этой гражданской организаціей, религіозными преслѣдованіями, гражданской войной, новыми культами. Но исходъ, послѣ всего столь тяжко доставшагося опыта, представлялся одинъ: освободить государство отъ всякихъ религіозныхъ заботъ и предоставить полную свободу всѣмъ культамъ, иначе говоря, совершенно отдѣлить государство отъ церкви. Это являлось наиболее цѣлесообразнымъ и въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, отсутствія вышней опасности, которая толкнула революцію на преслѣдованія противъ ослушнаго духовенства, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ эмигрантами и непріятелемъ, и конституціоннаго духовенства, примкнувшаго къ федералистамъ. Это было также и наиболее выгоднымъ для республики въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ такой режимъ освобождалъ ее отъ громадныхъ денежныхъ расходовъ по содержанію священниковъ, которые она не въ состояніи была дѣлать и отъ которыхъ она, по крайней мѣрѣ отчасти, уже давно фактически освободилась. Въ сущности говоря, именно матеріальный вопросъ имѣлъ въ данномъ случаѣ рѣшительное значеніе, какъ это видно уже изъ того, что инициаторомъ отдѣленія былъ Камбонъ, выступившій при этомъ докладчикомъ финансовой комиссіи.

По его предложенію, Конвентъ принялъ 18 сентября 1794 г. декретъ, отмѣнившій государственные расходы по содержанію культовъ, а въ фев-

жирондистовъ протекаетъ въ первыхъ двухъ періодахъ, въ періодъ официальнаго признанія католицизма и въ періодъ воздержанія. Эти перемены отражаются на ихъ краснорѣчьи, но философскія убѣжденія ихъ отъ этого не страдаютъ.

Такъ, въ 1790 г., въ Бордо, Верньо и Гюаде приходится часто, какъ членамъ департаментскаго совѣта, хвалить національную религію. Верньо комментируетъ избраніе новыхъ священниковъ въ похвальныхъ выраженіяхъ для „религіи, сдѣлавшей насъ всѣхъ братьями“ *). Какой бы туманной и скромной ни показалась это похвала, она, тѣмъ не менѣе, весьма многозначительна въ устахъ наибольшаго я з ы ч н и к а среди жирондистовъ. Гюаде, выступая какъ чиновникъ, привѣтствуетъ новаго епископа, избраннаго бордосцами, называя его „почтеннымъ пастыремъ святой религіи“, возстановленной въ ея древней чистотѣ **). Жансонне выражается въ не менѣе ортодоксальномъ духѣ: „Важно доказать хулителямъ революціи,—пишетъ онъ,—что законъ о гражданской организаціи церкви, возвращая культу нашей святой религіи ея древнюю простоту и лишая пастырей ея узурпированную ими земную власть, нисколько не умалилъ нашей преданности вѣрѣ отцовъ нашихъ, и что мы желаемъ быть свободными, не переставая быть христіанами“ ***). Еще болѣе опредѣленно высказывается онъ въ рѣчи, произнесенной имъ при своемъ водвореніи въ званіи прокурора бордоской коммуны (20 ноября 1790 г.): „Одинаково преданные религіи нашихъ отцовъ, католической, апостольской и римской религіи, и

ралѣ 1795 г. былъ изданъ другой декретъ, объявившій свободу культовъ. Такимъ образомъ, былъ введенъ режимъ отдѣленія государства отъ церкви, при которомъ разные культы, имѣвшіеся тогда въ большомъ числѣ, могли сосуществовать не только рядомъ, но часто въ одной и той же церкви, служившей, такимъ образомъ, храмомъ для разныхъ вѣрованій. И если этотъ режимъ все же не далъ Франціи полнаго религіознаго мира, то только потому, что римско-католическое духовенство продолжало вести ожесточенную борьбу противъ республики, стремясь не къ свободѣ религіи, а къ политическому господству, къ деспотизму своей церкви.

Этотъ первый опытъ Франціи отдѣлить государство отъ церкви продолжался до 1802 г., когда Наполеонъ, руководимый, главнымъ образомъ, чисто личными интересами, заключилъ съ папой конкордатъ, снова на цѣлый вѣкъ связавшій государство и церковь, поработивъ ихъ другъ другу.

Прии. перев.

*) H. Chauvet, le Barreau de Bordeaux, стр. 123.

**) Ibid., стр. 159.

***) Ibid., стр. 194. — См. также J. Guadet, Les Girondins, т. I, стр. 87.

Конституціи, которую мы поклялись сохранять и защищать, мы должны возбуждать ваше рвеніе противъ писаній, нарушающихъ общественную тишину и спокойствіе...“

Жансонне выражается, слѣдовательно, наиболѣе ортодоксально на этихъ официальныхъ церемоніяхъ. А, между тѣмъ, не является ли докладъ, составленный имъ вмѣстѣ съ Галлуа относительно ихъ миссіи въ Вандеѣ *), произведеніемъ просвѣщеннаго, умѣреннаго и политичнаго либерпансёра, умѣющаго войти въ положеніе фанатичныхъ вандейцевъ, понять ихъ иллюзіи и самой этой безпристрастностью доказывающаго, насколько внутреннее существо его было въ то время свободно отъ „католическихъ, апостольскихъ и римскихъ“ узъ, официально провозглашенныхъ бордоскимъ прокуроромъ? Будучи чиновниками, бордоскіе жирондисты считали себя, слѣдовательно, обязанными защищать національную политику того времени, хваля, вмѣстѣ съ гражданской организаціей духовенства, и самъ католицизмъ и безсознательно подчиняясь въ этомъ отношеніи наслѣдственной привычкѣ когда-то преслѣдовавшихся людей свободной мысли.

Обстоятельства мѣняются, и они не скрываютъ больше своихъ внутреннихъ убѣжденій. Тотъ же Гюаде, который въ Бордо прославлялъ католицизмъ, смѣется на трибунѣ Законодательнаго Собранія надъ „теологическимъ предрасудкомъ“ и надъ „добрыми, простодушными и легковѣрными крестьянами, полагающими, что спасеніе ихъ души зависитъ отъ характера ихъ культа“. И при аплодисментахъ собранія онъ восклицаетъ: „теология минетъ, а философія и разумъ останутся!“ **). На той же трибунѣ Верньо высмѣиваетъ въ вольтеровскомъ тонѣ католицизмъ: „Я не сомнѣваюсь въ томъ,—говоритъ онъ 16 мая 1792 г.,— что въ Италіи они (изгнанные священники) будутъ встрѣчены какъ святыя личности, которыхъ преслѣдуютъ и которыя достойны вѣнца мучениковъ; и въ сдѣланномъ ему нами подаркѣ, во всѣхъ этихъ живыхъ святыхъ, папа долженъ будетъ увидѣть выраженіе нашей признательности за руки, головы и реликвіи святыхъ мертвецовъ, которыми онъ втеченіе столькихъ вѣковъ награждалъ нашу легковѣрную набожность“. (Смѣхъ и аплодисменты). А 19-го апрѣля 1793 г. онъ поздравляетъ себя

*) Октябрь, 1791 г.

**) Journal des Débats et des Décrets, засѣданіе 25 ноября 1791 года.

съ тѣмъ, что „умы освободились отъ позорныхъ путъ“ и называетъ католицизмъ „суевѣріемъ, подъ игомъ котораго Франція такъ долго стонала“.

Что касается Дюко, то въ дебатахъ относительно ослушныхъ священниковъ онъ выступаетъ одновременно и какъ философъ, и какъ католикъ (26 октября 1791 г.). „Предполагаемая или доказанная“ истина одного культа, говоритъ онъ, не можетъ ему доставить законной привилегіи, „такъ какъ доказанное для меня, католика, не является таковымъ для протестанта“ и т. д. Если бы онъ рассуждалъ „какъ католикъ“, то онъ бы сказалъ „что разнообразіе религіозныхъ мнѣній является зломъ“; но онъ ограничивается указаніемъ на то, что „философія считаетъ это разнообразіе мнѣній неизбѣжнымъ, а политика находитъ его выгоднымъ“. На засѣданіи же 2 мая 1792 г. онъ вмѣстѣ съ Лежономъ (Lejosne) доказываетъ, что необходимо закрыть основанные религіозными обществами пансіонаты и слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ Бекею, возразившему ему, что это означало бы уничтожить народное образованіе: „Я позволю себѣ спросить Бекея, считаетъ ли онъ народнымъ образованіемъ тѣ принципы фанатизма, которые черпаютъ въ этихъ учрежденіяхъ. Что касается меня, то я полагаю, что лучше было бы не имѣть народного образованія, чѣмъ имѣть нѣчто подобное“. Какъ видитъ читатель, внѣшній католицизмъ Дюко не мѣшаетъ ему, при случаѣ, высказываться о религіозномъ преподаваніи въ духѣ истиннаго гебертиста *).

Политическіе друзья депутатовъ Жиронды, Иснаръ, Бюзо, Барбару, Луве, Кондорсе, не имѣли случая проявить на трибунѣ это противорѣчіе между официальными и внутренними убѣжденіями. Но изъ писаній и мемуаровъ г-жи Роланъ явствуетъ, что въ области религіозной всѣ жирондисты, изъ какихъ бы департаментовъ они ни были и каково бы ни было ихъ внѣшнее поведеніе, мыслили, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, такимъ же образомъ и что въ наши дни совершили ошибку, желая ихъ представить какими-то меланхолическими и мистическими реакціонерами.

*) Этотъ духъ неоднократно проявляется въ официальномъ органѣ партіи, *Patriote français*, который въ ноябрѣ 1792 г. (№ 1213), за подписью Шарля Виллета, указываетъ на „дураковъ и мошенниковъ, прогнывающихъ Бога на улицѣ Монмартръ“, и даже въ мемуарахъ г-жи Роланъ, отзывающейся о церкви, какъ о „мѣстѣ, куда глупый народъ приходитъ, чтобы поклоняться безсознательно куску хлѣба“. — См. *Vie, La Légende des Girondins*, стр. 64.

II.

Можно сказать, что почти все они жили и умерли как философы. От того католицизма, национальными и адвокатами котораго (выражаясь языкомъ того времени) нѣкоторые изъ нихъ выступили въ Бордо, они внутренне освободились въ зрѣломъ возрастѣ, сдѣлавъ это безъ борьбы и безповоротно. Ихъ моральная эмансипація кажется окончательной, мирной, почти что безсознательной. Характернымъ доказательствомъ этого состоянія умовъ является то, какъ Барбару объясняетъ въ своихъ мемуарахъ, почему онъ крестилъ своего сына: „Вмѣстѣ со своей матерью и нѣсколькими друзьями, — говоритъ онъ, — я понесъ своего сына въ церковь, такъ какъ тогда веденіе метрическихъ книгъ не находилось еще въ рукахъ свѣтской власти. Крещеніе не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ философовъ; но церемонія, какая бы она ни была, при которой передаютъ свое имя сыну своему, представляетъ значительный интересъ для отца“ *).

Философіи монтаньяровъ противно было это отчужденіе, это безразличіе по отношенію къ религіи. Одни изъ нихъ ненавидятъ ее со злымъ и мало свѣтскимъ фанатизмомъ, а другіе, ведя противъ нея войну, желали, казалось, скорѣе исправить, чѣмъ уничтожить ее. Нѣкоторые же, и во главѣ ихъ Робеспьеръ, держали себя важными ересіархами и готовили новую религіозную эру. Среди нихъ имѣлись, впрочемъ, монахи-разстриги, конституціонные священники, епископы, и въ тотъ день, когда Робеспьеръ создастъ свое мистическое правительство, около него будетъ сгруппировано цѣлое духовенство **). Наоборотъ, въ рядахъ жирондистовъ не было ни фанатиковъ, ни ересіарховъ, ни разстригъ ***), ни священниковъ, за исключеніемъ Фоше, который лишь довольно поздно примкнулъ къ Жирондѣ. Въ этихъ свѣтлыхъ душахъ не оставалось ни тѣни католицизма, ни малѣйшей капли религіозности; такими свободными и гибкими, цѣ-

*) *Mémoires de Barbaroux*, изд. Добаномъ, стр. 376.

***) См. рѣчь Камбона отъ 18-го сентября 1794 г. *Moniteur réimp.* т. XXI, стр. 791.

****) Можно ли считать Верньо разстригой? Онъ, конечно, учился втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ парижской семинаріи; но онъ не желалъ быть священникомъ и въ одномъ письмѣ отъ 1 января 1791 г. онъ называетъ свои семинарскіе годы „потерянными“. См. *Vatel, Vergniaud*, т. I, стр. 23.

ликомъ преданными земнымъ дѣламъ, они были, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока пораженіе не испортило ихъ воображенія.

Монтаньяры и жирондисты отличались еще другъ отъ друга тѣмъ, что первые были проникнуты чисто ортодоксальной исключительностью, не признавая спасенія внѣ своей секты и не допуская дружбы между людьми различныхъ убѣжденій, между тѣмъ, какъ вторые протягивали руку каждому, кто называлъ себя философомъ, не считаясь съ оттѣнкомъ его доктринъ. Улыбающіеся, привѣтливые, враги всякаго педантизма, они избѣгали теологическихъ или метафизическихъ споровъ. Веселый скептицизмъ является въ началѣ ихъ карьеры доминирующей чертой ихъ физиономіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не считаютъ своими учителями, какъ Верньо и Гюаде, Монтеня и Монтескьё.

Въ меньшей степени отличаются они и отъ непримиримыхъ враговъ Робеспьера, гебертистовъ. Открыто невѣрующіе, дѣти Вольтера, эти парижане желали однимъ взмахомъ уничтожить христіанство и, плохо рассчитавъ свои силы, они полагали, что могутъ уже, вмѣстѣ съ Анахарисомъ Клоотсомъ, воспѣвать триумфъ разума—побѣдителя. Если жирондисты не примкнули къ этому преждевременному предпріятію, то это не только изъ осторожности, но также по природенной безпечности къ религіознымъ дѣламъ, общей у нихъ съ Дантономъ, примирительныя предложенія и широко открытую руку котораго они, однако, всегда съ пагубнымъ упорствомъ отвергали.

Были ли они атеистами, какъ Геберъ и Клоотсъ? Извѣстно знаменитое признаніе Иснара, заявившаго, къ великому скандалу части собранія, что онъ не признаетъ иного Бога, кромѣ закона. Епископъ Клодъ Ле-Козъ, тотъ самый, который на засѣданіи 19 октября 1791 г. доказывалъ, что безбрачіе не противно природѣ, потребовалъ слова „какъ гражданинъ и какъ священникъ“, назвалъ рѣчь Иснара „кодексомъ атеизма“ и воспрепятствовалъ Ассамблеѣ оказать этой рѣчи честь печатанія. Робеспьеристы запомнили эту сцену и не преминуть потомъ воспользоваться словами Иснара противъ Жиронды. Самъ Иснаръ смутился и черезъ четыре дня послалъ въ газеты письмо, въ которомъ объяснялъ, что слово Богъ онъ употребилъ лишь въ фигуральномъ смыслѣ, что если законъ является для него божествомъ, то въ смыслѣ политическомъ, и что абсурдно предполагать, будто онъ желалъ отрицать существованіе Бога *). Этотъ южанинъ искренно

*) Засѣданіе 14 ноября 1791 г.

удивлялся тому, что поняли въ буквальныйъ смыслѣ бугаду, которую онъ пустилъ, какъ стрѣлу, противъ ослушнаго духовенства.

Другой инцидентъ, еще болѣе знаменитый, какъ будто доказывалъ справедливость обвиненія жирондистовъ въ атеизмъ: я имѣю въ виду бурный споръ, прѣизошедшій (22 марта 1792 г.) въ Якобинскомъ клубѣ между Робеспьеромъ и Гюаде относительно Провидѣнія. Въ проектѣ одного адреса Робеспьеръ, въ своемъ пастырскомъ тонѣ, говорилъ о „Провидѣніи, Которое всегда заботится о насъ куда больше, чѣмъ наша собственная мудрость“. Гюаде вышелъ изъ терпѣнія: „Въ этомъ адресѣ,—сказалъ онъ,—часто повторяется слово Провидѣніе, и мнѣ кажется даже, что тамъ говорится, будто Провидѣніе спасло насъ вопреки намъ. Я признаю, что, не находя никакого смысла въ этой идее, я никогда не подумалъ бы, что человекъ, втеченіе трехъ лѣтъ такъ мужественно работавшій надъ освобожденіемъ народа отъ гнета деспотизма, могъ бы затѣмъ способствовать подчиненію его гнету суевѣрія“. (Шумъ, ропотъ, апплодисменты).

Робеспьеръ отвѣтилъ со злобой, отстаивая тѣ вѣчные принципы, на которые опирается человѣческая слабость, чтобы достигнуть добродѣтели. „Это не пустой звукъ въ моихъ устахъ,—сказалъ онъ,—какъ онъ не является таковымъ въ устахъ тѣхъ знаменитыхъ людей, которые, вѣря въ существованіе Бога, не становились поэтому менѣе правственными.“ (Нѣкоторые голоса: Къ порядку дня!—Шумъ).

Ораторъ, съ горечью опечаленнаго святоши, продолжалъ перифразировать „савойскаго викарія“. Требованіе напечатанія его рѣчи, выставленное одними и отвергаемое другими, должно было быть поставлено на голосованіе, когда другъ жирондистовъ, Сонтонъ,—воскликнулъ: „Довольно ханжества, господинъ предсѣдатель“. Эти слова вызвали скандалъ: поднялся такой шумъ, что засѣданіе было закрыто безъ голосованія.

Религіозные раздоры между Робеспьеромъ и партіей Бриссо-Гюаде продолжались. 1-го іюня 1792 г. коммуна, по предложенію Манюзля и при апплодисментахъ жирондистскаго *Patriote Français*, издала относительно процессіи праздника Тѣла Господня постановленіе, воспрещавшее принуждать гражданъ украшать свои дома и вызывать національную гвардію для религіозныхъ церемоній. Робеспьеръ былъ возмущенъ, а Камилль Демуленъ писалъ въ *Tribune des Patriotes*: „Короли созрѣли уже, а Богъ еще не созрѣлъ“. 5-го декабря Робеспьеръ поно-

силъ въ Якобинскомъ клубѣ философовъ и добился того, что разбили бюстъ Гельвеція; Бриссо тотчасъ же написалъ въ своемъ *Patriote* похвальную статью о Гельвеціѣ. Наконецъ, и это было наиболѣе важнымъ фактомъ, атеистическая рѣчь Дюпона (14 декабря 1792 г.)^{*)}, въ такой сильной степени скандализировавшая Гору, встрѣтила въ томъ же *Patriot* самую благосклонную оцѣнку, причемъ газета не преминула при этомъ

^{*)} Въ этой рѣчи, произнесенной Дюпономъ во время дебатовъ о народномъ образованіи, онъ открыто заявилъ себя атеистомъ. „Какъ!—воскликнулъ онъ;—троны низвержены, скипетры разбиты, короли погибаютъ, а алтари боговъ стоятъ еще! (Нѣкоторые члены ропщутъ. Аббать Ишонъ требуетъ, чтобы оратора призывали къ порядку). Тираны, оскорбляющіе націю, курятъ еще на нихъ нечестивый виміамъ! (Тотъ же ропотъ. Громадное большинство собранія заглушаетъ его аплодисментами). Но низвергнутые троны оставляютъ эти алтари оголенными, беззащитными, шатающимися. Одного дуповенія разума достаточно будетъ для того, чтобы смести ихъ. И если человѣчество обязано французской націи первымъ благодѣніемъ, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что суверенный французскій народъ не будетъ достаточно разумнымъ, чтобы низвергнуть также алтари и идолы, у ногъ которыхъ короли сумѣли его заковать.

„Думаете ли вы, граждане-законодатели, основать и утвердить республику при помощи иныхъ алтарей, чѣмъ алтари отечества, и иныхъ эмблемъ, чѣмъ деревья свободы? (Во всей Ассамблеѣ и на трибунахъ раздаются многочисленные аплодисменты. Нѣкоторые члены рѣзко выражаютъ свое неудовольствіе. Кто-то требуетъ, чтобы епископы, прерывающіе оратора, были призваны къ порядку. „Вы проповѣдуете намъ гражданскую войну!“—воскликаетъ аббать Одрейнъ).

„Природа и разумъ—вотъ боги человѣка, вотъ мои боги“.

Аббать Одрейнъ.—„Немыслимо дальше слушать“. (Онъ быстро выходитъ изъ залы. Его провожаютъ смѣхомъ).

„Восхищайтесь природой, культивируйте разумъ; и вы, законодатели, если вы желаете, чтобы французскій народъ былъ счастливымъ, то поспѣшите распространить эти принципы, проводить ихъ въ своихъ начальныхъ школахъ... Моментъ катастрофы наступилъ. Все предразсудки должны исчезнуть одновременно. Ихъ надо уничтожить или мы будемъ раздавлены ими. Отъ 10 августа до 1 января 1793 г. надо смѣло и мужественно пройти путь нѣсколькихъ вѣковъ...

„Я откровенно признаюсь Конвенту, я — атеистъ. (Въ залѣ внезапно подымается ропотъ. Нѣкоторые члены шумно привѣтствуютъ оратора. „Это насъ мало касается,—кричатъ ему многіе: вы—честный человѣкъ“). Но я вызываю хоть одного человѣка изъ всѣхъ двадцати пяти миллионовъ жителей Франціи, который могъ бы съ основаніемъ упрекнуть меня за это“.

Примѣч. перера.

кольнуть нѣсколькими эпиграммами Робеспьера. Однако, жирондисты отвергали, какъ ханжество, не саму вѣру въ Бога, а установленіе государственнаго деизма. 17 апрѣля 1793 г. депутатъ Андре Поммъ, когда обсуждали 1-ю ст. проекта деклараціи правъ, выработаннаго Бареромъ, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе, внушенное, несомнѣнно, Робеспьеромъ: „Граждане, естественныя права были даны человѣку Высшимъ Существомъ, являющимся источникомъ всѣхъ добродѣтелей. Я прошу поэтому, чтобы Конвентъ раньше всего, въ первой же статьѣ, призналъ существованіе Высшаго Существа“. Луве тотчасъ же потребовалъ перехода къ порядку дня, заявивъ, что „существованіе Бога не нуждается въ томъ, чтобы быть признаннымъ національнымъ Конвентомъ Франціи“.

Жирондисты являлись, слѣдовательно, препятствіемъ для религіозной политики Робеспьера. Сторонники послѣдняго называли ихъ поэтому атеистами, а позднѣе, для робеспьеристскихъ католическихъ авторовъ *Histoire parlementaire*, они станутъ матеріалистами, каковое имя не мало бы удивило этихъ диллетантовъ, враговъ всякой системы, бывшихъ и желавшихъ казаться просто деистами, безъ педантизма и на вольтеровскій манеръ.

Доказательствъ этого деизма нечего искать въ официальномъ христіанствѣ бордоскихъ жирондистовъ: тѣ заявленія ихъ не идутъ въ счетъ. Болѣе убѣдительнымъ было бы цитировать рѣчи, произнесенныя ими послѣ увлеченія гражданской организаціей духовенства, но въ нихъ упоминанія о Богѣ, о Провидѣніи очень рѣдки и кажутся, какъ будто, произвольными, вырвавшимися по привычкѣ. Несомнѣнныя же доказательства ихъ деистскихъ убѣжденій встрѣчаются въ интимныхъ писаніяхъ жирондистовъ. Такъ, Бюзо, въ своихъ мемуарахъ, называетъ добродѣтель „небеснымъ лучомъ, исходящимъ изъ лона Самого Божества“, и онъ говоритъ о „Создателѣ природы, божественныхъ законовъ Котораго нельзя безнаказанно оскорблять“ *). Луве, говоря объ одномъ изъ своихъ благодѣтелей, восклицаетъ: „О, Боже! Боже праведный!—верни ему, по крайней мѣрѣ, въ его несчастіяхъ то добро, которое онъ мнѣ оказалъ“ **). Самъ Верньо, наименѣе, быть можетъ, религіозный изъ жирондистовъ, списалъ въ своей юности и сохранялъ отрывокъ изъ „Ночей“ Юнга: „Я бла-

*) Buzot, Mémoires, изд. Добаномъ, стр. 49 и 96.

***) Louvet, Mémoires, изд. Дидо, стр. 396.

годарю Тебя, Богъ Всемогущій, Богъ благодѣтельный“ и т. д. *). Бриссо, хвалившій на зло Робеспьеру атеиста Дюпона, провозглашаетъ себя въ своихъ мемуарахъ деистомъ. Наконецъ, если имя Бога совѣмъ не встрѣчается въ писаніяхъ г-жи Роланъ **), то въ торжественный часъ, когда она пишетъ свои „Послѣднія мысли“, почитательница Руссо считаетъ подобающимъ воскликнуть: „Божество, Высшее Существо, душа міра, начало того, что я чувствую великаго, добраго, счастливаго; Ты, въ существованіе Котораго я вѣрю, потому что необходимо же, чтобы я происходила отъ чего-то лучшаго, чѣмъ то, что я вижу, я скоро приобщусь къ Твоей сущности!“

Богъ, котораго признаютъ жирондисты, это именно богъ Жанъ-Жака. Не являются ли они, какъ монтаньяры, послѣдователями автора Эмиля? Ихъ писанія полны похвалъ великому моралисту. Г-жа Роланъ рассказываетъ, что она была преобразована и озарена чтеніемъ его. Такое же признаніе дѣлаетъ въ своихъ мемуарахъ Бриссо. Луве, столь же пристрастный, сколько умный,—говоритъ не иначе, какъ съ любовью, о томъ, кого онъ называетъ „прекраснѣйшимъ писателемъ“ ***). Бюзо, прогуливаясь по полямъ, читалъ въ юности своей Руссо и Плутарха и размышлялъ надъ ихъ моралью и ихъ философіей ****). Біографъ Верньо, Ватель, настаиваетъ на томъ, что его вдохновителемъ былъ только Монтескьё. Но молчаніе Верньо относительно Руссо не доказываетъ еще, что его Богомъ не былъ Богъ „савойскаго викарія“. Можно утверждать противное: громадная часть образованной буржуазіи вѣрила въ концѣ XVIII вѣка въ Бога Жанъ-Жака, противопоставляя его Богу католической церкви *****), а жирондисты были въ этомъ отношеніи сынами своей эпохи.

*) Vatel, Vergniaud, т. I, стр. 194.

***) Въ своемъ разсказѣ о первомъ министерствѣ Ролана, она говоритъ, однако, что „великія религиозныя идеи, вѣра въ Бога, духъ безсмертія прекрасно уживаются съ философіей“, что законодатели должны пользоваться „этими могущественными средствами для внушенія политическихъ добродѣтелей“, и что если бы религія была иллюзіей, то ее „надо было бы создать и поддерживать для утѣшенія рода человѣческаго“.

***), Mémoires, изд. Дидо, стр. 401.

****), Mémoires, изд. Добаномъ, стр. 39.

*****) Эти чувства прорываются въ докладѣ о внутреннихъ безпорядкахъ, который, отъ имени комиссіи двѣнадцати, прочелъ Франсуа (изъ Нанта) на засѣданіяхъ 26 апрѣля и 5 мая 1793 г. Это—декламаторская сатира надъ католицизмомъ и жалкая апологія Бога Жанъ-Жака. Но для насъ тѣмъ болѣе поучителенъ тотъ фактъ, что каждая фраза этой profession

Но если для Робеспьера и его друзей деизмъ представлялъ собою цѣлую религію, обряды которой предчувствовались уже и подготовлялись, то для жирондистовъ онъ былъ лишь отрицаніемъ христіанскаго Бога: деистъ и философъ были для нихъ какъ будто синонимами. Бюзо и Луве возмущаются въ своихъ мемуарахъ тѣмъ, что противники называютъ ихъ то деистами, то атеистами, какъ будто можно быть одновременно и тѣмъ и другимъ. Нѣтъ, какъ мы доказали, они не были атеистами, но ограничивались туманнымъ признаніемъ существованія Бога. О тѣхъ же догматахъ, которые другіе послѣдователи Руссо связывали съ этимъ признаніемъ, они не думали и не говорили. Не Робеспьеръ бы, конечно, выразился о будущей жизни въ такой гипотетической формѣ, какъ то дѣлаетъ Бюзо: „Если,—какъ думали мудрецы,—послѣ этой жизни существуетъ міръ, гдѣ друзья добродѣтели вознаграждаются за муки, которыя они перетерпѣли ради нея...“ *) И всякій истинный робеспьеристъ счелъ бы оскорбительнымъ для Провидѣнія допустить, по примѣру того же Бюзо, хотя бы тѣнь сомнѣнія относительно ея справедливости.

Можно, слѣдовательно, утверждать, что въ области религіозной жирондисты слѣдовали, въ общемъ, за Руссо, но что, соглашаясь съ его отрицаніями, они отвергали его догматы или брали изъ нихъ лишь то, съ чѣмъ соглашался Вольтеръ въ свои часы деизма. Все въ ихъ поведеніи и въ ихъ писаніяхъ доказываетъ, что они уклонялись отъ послѣдствій теологіи Викарія. Они никогда на этотъ счетъ не сговаривались, но они инстинктивно отвергали и догматы, и дисциплину той религіи, о которой мечталъ Робеспьеръ.

Надо, однако, признать, что впослѣдствіи жирондисты, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, перемѣнили свой тонъ, если не свои убѣжденія. Бюзо, напр., высказывалъ въ своихъ мемуарахъ сожалѣніе о томъ, что религія погибла, а Барбару возмущался богохульствомъ народа. Объясняется это отчасти тѣмъ, что они не считали нужнымъ распространять въ народѣ философскія идеи и вмѣстѣ съ Вольтеромъ полагали, что лучше оставить его коснѣть въ его родной религіи. Другая, болѣе существенная

de foi прерывалась аплодисментами и что безъ всякихъ дебатовъ было рѣшено разослать этотъ докладъ по департаментамъ. Самыя прекрасныя рѣчи наиболѣе выдающихся ораторовъ не имѣли такого блестящаго успѣха. См. *Choix de rapports: opinions et discours par Lallement* (изъ Меца), т. IX, стр. 35.

*) *Mémoires de Buzot*, изд. Добаномъ, стр. 3.

причина этой перемѣны заключается въ томъ, что преслѣдуемые сами за свои убѣжденія, принужденные скрываться, они стали болѣе доступными меланхолическимъ чувствамъ и не могли уже относиться съ такой строгостью къ другимъ несчастнымъ, къ преслѣдуемымъ священникамъ. Они, быть можетъ, поняли всю бесполезность преслѣдованій, которыя они отчасти сами совѣтовали противъ ослушнаго духовенства; быть можетъ также, что въ своемъ несчастіи они сожалѣли о своихъ рѣдкихъ антирелигіозныхъ выходкахъ на трибунѣ. Но можно сколько угодно рыться въ ихъ посмертныхъ произведеніяхъ,—въ нихъ не найдется ничего, что указывало бы на ихъ переходъ въ католицизмъ. Наоборотъ, все доказываетъ, что наиболѣе выдающіеся изъ нихъ взойшли на эшафотъ, не отказавшись отъ своей философіи, не отрекшись отъ своихъ убѣжденій людей XVIII вѣка. Верньо, Карра, Дюко, Фопфредъ, Бриссо отказались исповѣдываться. Они умерли какъ „язычники“, почти весело, особенно молодой Дюко.

Тѣ, которые погибли въ одиночку, имѣли болѣе печальный конецъ, но не менѣе согласный съ ихъ убѣжденіями, за исключеніемъ Горса, пригласившаго къ себѣ священника. Что касается Луве, дожившаго до 1797 г. и вернувшагося въ Конвентъ, гдѣ онъ часто выступалъ, то онъ не сдѣлалъ и не сказалъ ничего, что могло бы быть осуждено философомъ. Изъ этихъ великодушныхъ молодыхъ людей одинъ лишь Иснаръ, этотъ мнимый атеистъ, не сохранилъ до своей смерти свободы разума: скоро послѣ революціи онъ въ одной своей рѣчи о безсмертіи проявилъ католическія чувства; удостоился того, что реставрація простила ему его царевійственное голосованіе, разрѣшивъ ему жить во Франціи, и умеръ въ 1825 г. правовѣрнымъ католикомъ.

III.

Религіозная политика жирондистовъ соотвѣтствовала ихъ внутреннимъ убѣжденіямъ. Они относились къ позитивнымъ религіямъ настолько же безпристрастно, насколько безразлично. Нѣтъ никакого слѣда озлобленія или ненависти въ рѣдкихъ рѣчахъ, гдѣ они говорятъ о культѣ, объ ослушныхъ священникахъ, о свободѣ совѣсти. Строгіе, когда необходимость этого требуетъ, по отношенію къ католическимъ бунтамъ, они милостивы къ лицамъ, насколько это возможно было въ этой борьбѣ за жизнь, и въ большей степени, чѣмъ имъ это покажется потомъ, когда, въ постигшемъ ихъ несчастіи, они мысленно обратятся къ своему

прошлому. Мы уже упомянули о докладѣ Жансонне при возвращеніи его изъ поѣздки въ Вандею вмѣстѣ съ Галлуа: своей благожелательной и спокойной умѣренностью, жалѣющей тѣхъ самыхъ, противъ кого приходится жестоко бороться, страницы эти значительно возвышаются надъ страстями того времени. Такою же умѣренностью проникнуть Верньо, когда, 23 августа 1792 г., онъ выступаетъ противъ предложенія Камбона, желавшаго сослать въ Гвіану неприсягавшихъ священниковъ: онъ требуетъ и добивается того, чтобы ограничились изгнаніемъ ихъ.

Жирондисты, которыхъ справедливо упрекали въ томъ, что у нихъ, въ политикѣ, не было опредѣленнаго плана, были склонны къ очень смѣлому разрѣшенію всѣхъ религіозныхъ затрудненій, столь обременявшихъ революцію: я имѣю въ виду отдѣленіе государства отъ церкви. Уже въ 1790 г., въ Бордо, Жансонне какъ будто предвидѣлъ это рѣшеніе, когда, въ рѣчи при занятіи имъ должности прокурора, онъ намѣтилъ границы, отдѣляющія гражданскую область отъ церковной *). Онъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи шагъ впередъ, когда, 3 ноября 1791 г., онъ говоритъ, что нація, завладѣвъ имуществомъ, предназначеннымъ для католическаго культа, „должна была, естественно, взять на себя расходы по его содержанію“, но что надо исправить неудачную попытку учредительнаго собранія и отдѣлить „отъ всякаго религіознаго культа все относящееся къ гражданскому и политическому строю“. И, какъ свободный философъ, онъ прибавляетъ: „Отдѣлимъ религію отъ всего, что имѣетъ отношеніе къ гражданской жизни, и когда служители церкви, получающіе жалованье отъ націи, будутъ имѣть только религіозныя функціи, когда на нихъ не будетъ больше лежать обязанность вести метрическія книги и заботиться объ обученіи и больницахъ, когда они не будутъ больше располагать средствами, предназначенными націей для страждущаго человѣчества, когда вы уничтожите совершенно бесполезныя корпораціи чернаго духовенства и разсѣете эту тучу сѣрыхъ сестеръ, занимающихся меньше облегченіемъ больныхъ, чѣмъ распространеніемъ яда фанатизма, тогда, такъ какъ священники перестанутъ быть государственными чиновниками, вы сможете смягчить строгость законовъ, касающихся присяги духовныхъ, и не будете больше стѣснять свободы убѣжденій...“ (**)

*) J. Guadet, Les Girondins, т. I, стр. 91

**) Текстъ Moniteur'a.

Нѣсколькими днями позже Гюаде заявилъ, что государство должно быть безучастно ко всѣмъ этимъ жалкимъ теологическимъ спорамъ и что надо „привыкнуть, такимъ образомъ, отдѣлять религію отъ конституціи“ *).

Дюко же, въ прекрасной рѣчи, произнесенной имъ 26 октября 1791 г., нашелъ даже саму формулу, ставшую нынѣ столь популярной: „Если,—сказалъ онъ,—несправедливо и неблагоприятно оказывать предпочтеніе какому-либо культу, то отсюда слѣдуетъ, что культы не могутъ быть предметомъ закона, ибо послѣдній не былъ бы ни прочнымъ, ни общимъ, ни справедливымъ, т. е. не обладалъ бы характерными чертами закона. Я полагаю, что проблема мною разрѣшена: отдѣлите то, что касается государства, отъ того, что касается религіи“.

Жирондисты желаютъ точно такъ же отдѣлить школу отъ церкви, и близкій другъ г-жи Роланъ, Банкаль, предлагаетъ въ представленномъ имъ проектѣ декрета о національномъ воспитаніи (24 декабря 1792 г.) не допускать духовенство къ преподаванію, уничтожить публичность религіозныхъ процессій, воспретить обучать въ школахъ чему-либо, имѣющему отношеніе къ загробной жизни: государство не должно признавать иного общественнаго культа, какъ культъ закона **).

Конечно, это только пожеланія, высказанныя мимоходомъ, и жирондисты не формулировали ихъ въ проектѣ закона. Но все указываетъ на то, что политика ихъ стремилась къ режиму, установленному впослѣдствіи конституціей III-го года. Идея благоразумнаго воздержанія одерживала уже верхъ въ Законодательномъ Собраніи, въ которомъ жирондисты имѣли преобладающее вліяніе. Такъ, 5 іюня 1792 г. произошелъ инцидентъ, слишкомъ мало замѣченный историками и начинающій собою новую фазу въ религіозной политикѣ революціи. При открытіи вечерняго засѣданія секретари прочли письма священниковъ и церковныхъ старостъ прихода Saint-Germain l'Auxerrois, приглашавшихъ Ассамблею делегировать своихъ членовъ на процессію праздника Тѣла Господня. Безъ всякихъ дебатовъ, повинувшись въ своемъ цѣломъ духу наслѣдственной уступчивости, который мы отмѣтили у отдѣльныхъ лицъ, Ассамблея машинально рѣшила

*) Journal des Débats et des Décrets, засѣданіе 25 ноября 1791 г.

**) Biré, La légende des Girondins, стр. 64.

выбрать депутацію. Но тотчасъ же, какъ только къ дѣлу отнеслись болѣе сознательно, стали требовать съ разныхъ сторонъ отмѣны принятаго декрета. Напрасно аббатъ Одрейнъ, другъ Робеспьера, сопротивлялся этому, доказывая, что отмѣна означала бы „открытый разрывъ съ католическимъ культомъ“. Напрасно также аббатъ Фоше требовалъ перехода къ порядку дня. Умѣренный Пасторе отвѣтилъ, что „если Національная Ассамблея удовлетворитъ желанію священника прихода Saint-Germain l'Auxerrois, то у нея не будетъ основаній отказываться присутствовать на процессіяхъ другихъ культовъ“. Онъ указалъ еще на то, что священники не являются государственными чиновниками и что Ассамблея не можетъ поэтому присутствовать на устраиваемыхъ ими торжествахъ. Ассамблея отмѣнила декретъ и, чтобы не стѣснять ничьей совѣсти, рѣшила, что въ день процессіи не будетъ засѣданія. А 8 іюня Бриссо писалъ въ своемъ *Patriot*'ѣ: „Культъ человѣчества—вотъ религія законодателя; хорошіе законы—вотъ его добрая дѣла; отечество, если онъ дѣлаетъ его счастливымъ—вотъ его рай. Онъ можетъ быть увѣренъ въ спасеніи своей души, если онъ спасаетъ государство“.

Таковы слѣдствія жирондистской политики, стремившейся установить въ области религіозной официальную индифферентность, находящуюся въ полномъ противорѣчьи съ ученіемъ „Общественнаго договора“, по которому теоріи „савойскаго викарія“ возводятся въ государственную религію. Это тоже явится одной изъ причинъ той ненависти, „оторую Робеспьеръ питалъ къ Жирондѣ“.

Но Жиронда не замѣчаетъ этого, не предвидитъ той религіозно-политической роли, о которой мечтаетъ ея врагъ, и не останавливается надолго на этихъ отвлеченныхъ и туманныхъ вопросахъ, противныхъ ея ясному и дѣятельному уму. Когда же жирондисты сталкиваются съ этими вопросами, они не уклоняются и разрѣшаютъ встрѣтившіяся затрудненія съ большимъ здравомысліемъ и оперируя весьма удачными аргументами. Но если въ этой области они превосходятъ самихъ себя опредѣленностью рѣшеній, то, надо сказать, что они при этомъ проявляютъ себя болѣе смышленными, чѣмъ вдохновенными, болѣе государственными дѣятелями, чѣмъ ораторами. Ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ тѣмъ религіознымъ воображеніемъ, которое окрашиваетъ мечтательной меланхоліей всѣ идеи Робеспьера; они—мыслители и ораторы совершенно иной природы, и, конечно, не въ религіозности надо искать душу ихъ краснорѣчія.

Ораторское вдохновеніе жирондистовъ.

II. Ихъ политическія идеи.

I.

Были ли они республиканцами? Амаръ, въ своемъ жестокомъ докладѣ противъ Жиронды, говоритъ: „Они были республиканцами при монархіи и роялистами при республикѣ“. Второй упрекъ, какъ мы увидимъ, является клеветой. Что же касается перваго, то, чтобы понять его, надо вспомнить, что формалистъ Робеспьеръ лишь очень поздно примкнулъ къ республиканской идеѣ; наоборотъ, Бриссо и его друзья выдвинули эту идею на слѣдующій же день послѣ бѣгства въ Вареннъ, когда Дюшатле, Пэнъ и Кондорсе предприняли свою знаменитую газету*), начинавшуюся словами: „Братья и сограждане! Полное спокойствіе и взаимное довѣріе, которыя царили среди насъ во время бѣгства бывшаго (сі-devant) короля, глубокое безразличіе, съ которымъ мы встрѣтили его вынужденное возвращеніе, являются недвусмысленными доказательствомъ того, что отсутствіе короля выгоднѣе, чѣмъ его присутствіе и что онъ является не только политическимъ излишествомъ, но еще очень тяжелымъ бременемъ, ложащимся на всю націю“. Этьенъ Дюмонъ, посѣщавшій друзей Бриссо, говоритъ по этому поводу: „Съмена, брошенная смѣлой рукой Пэна, начинали проростать въ нѣсколькихъ головахъ. Кондорсе, въ моментъ бѣгства короля, сталъ рѣшительнымъ республиканцемъ**). Клавьеръ, Петіонъ и Бюзо собираются для

*) *Le républicain ou le défenseur du gouvernement représentatif par une société de républicains* (іюль 1791 г.). Въ Национальной библіотекѣ имѣются четыре первыхъ номера этой газеты (Lc 2/613).

***) Интереснымъ документомъ, неопровержимо свидѣтельствующимъ о республиканскомъ направленіи Кондорсе въ тотъ періодъ, является напечатанное имъ въ *Républicain* (18 іюля) письмо „молодого механика“, въ которомъ онъ брался доставить конституціонному комитету короля, который бы подписывалъ, присутствовалъ на торжествахъ, дѣйствовалъ бы вполнѣ конституціонно: „Если рѣшатель,—писалъ онъ,—что для монархіи существенно, чтобы король назначалъ своихъ министровъ и отказывалъ имъ, такъ какъ, слѣдуя здравой политикѣ, онъ долженъ принимать всегда свои рѣшенія въ соотвѣтствіи съ желаніями партіи, обладающей большинствомъ въ палатѣ и къ которой принадлежитъ предѣдатель, то нетрудно придумать механизмъ, при помощи котораго король, съ выраженіемъ, полнымъ милости и величія, принималъ бы списокъ министровъ изъ рукъ предѣдателя. Мой король не будетъ опаснымъ для

обсужденія этого вопроса...“ *). Женевецъ Клавьеръ былъ республиканцемъ по рожденію. Бюзо же писалъ: „Никогда идея о наслѣдственномъ королѣ не представлялась моему уму въ разумномъ видѣ. Масса глупостей, которыя приходилось проглотить вмѣстѣ съ мнимою необходимостью монархіи для обширныхъ государствъ, возмущали меня и не могли слиться въ моемъ представленіи съ великими и благородными образами, которые я составилъ себѣ о достоинствѣ человѣческаго рода“ **). Онъ, однако, не считая республику возможной: „Я признаюсь,—говоритъ онъ,—мнѣ казалось сомнительнымъ, чтобы французская нація могла терпѣть суровый гнетъ республиканскаго правительства; но я былъ внутренне убѣжденъ, что въ виду невозможности для Людовика XVI измѣнить свои привычки и примѣниться къ условіямъ правительства свободнаго народа, что въ виду этого надо ожидать самыхъ крупныхъ несчастій до тѣхъ поръ, пока Людовикъ XVI будетъ оставаться королемъ Франціи. Представлялся удобный случай, и если бы Учредительное Собраніе перемѣнило царствующую династію, что оно могло легко сдѣлать, не вызвавъ ни волненій, ни сопротивленій, то революція закончилась бы... ***) Оставляя Людовика XVI на тронѣ, члены Учредительнаго Собранія поступили ошибочно или преступно; они обманули надежду націи, они вызвали всѣ несчастья“ ****). Но характеръ герцога Орлеанскаго дѣлалъ невозможной ту комбинацію, которою Бюзо, находясь въ опалѣ и разочарованный въ республикѣ, увлекался при составленіи своихъ мемуаровъ въ большей, конечно, степени, чѣмъ въ 1791 г. Какъ бы тамъ ни было, Кондорсе, Бриссо, Петіонъ, Клавьеръ, Бюзо были уже тогда въ глубинѣ души республиканцами; они расходились лишь въ вопросѣ о необходимости или пользѣ установить немедленно республику, и пока что проповѣдывали презрѣніе къ королевской власти и интерпретировали конституцію 1791 г. въ самомъ демократическомъ духѣ.

народа, а между тѣмъ, если сдѣлать его старательно, онъ будетъ вѣчнымъ, что еще прекраснѣе, чѣмъ быть наслѣдственнымъ. Можно будетъ даже объявить его неприкосновеннымъ, не совершая при томъ несправедливости, и величать его непогрѣшимымъ, не совершая при томъ глупости“ (см. Aulard. Histoire politique de la Révolution, стр. 138).

Прил. перев.

*) Souvenirs, стр. 223.

**) Mémoires, изд. Добаномъ, стр. 31.

***) Vizot, Mémoires, изд. Добаномъ, стр. 40.

****) Ib., стр. 48.

Когда, въ сентябрѣ 1791 г., депутаты Жиронды прибыли въ Парижъ и сошлись съ Бриссо и его друзьями, они были проникнуты такимъ же энтузіазмомъ къ свободѣ, но были болѣе наивными, имѣли больше иллюзіи и относились менѣе недовѣрчиво къ королю. Въ Бордо еще вѣрили въ конституцію 1791 г., которую Жансонне и Гюаде официально прославляли. Новой революціи опасались и все еще обманывались насчетъ искренности Людовика XVI, насчетъ возможности для него быть конституціоннымъ королемъ; но это ослѣпленіе было болѣе искреннимъ у бордоскихъ жирондистовъ, чѣмъ у Барнава и тайныхъ совѣтниковъ, которыхъ дворъ завербовалъ изъ среды лѣвой партіи Учредительнаго Собранія. Въ 1791 г. въ Бордо не осмѣлились бы громко произнести слово „республика“, и это не изъ страха, а изъ патріотизма. Аннибалова клятва, которую Верньо и его друзья принесли, будто бы, противъ королевской власти, является, слѣдовательно, легендой *).

Но республиканское убѣжденіе существовало въ скрытомъ и бессознательномъ видѣ въ душахъ этихъ молодыхъ людей; ихъ природное великодушіе, ихъ логика, образованіе, нравы и, въ особенности, ихъ любовь къ краснорѣчію, которая могла вполне удовлетвориться лишь при режимѣ, гдѣ слово играетъ такую важную роль, все въ нихъ толкало ихъ къ республикѣ. Можно догадаться, что ихъ первые разговоры съ Бриссо открыли имъ самимъ ихъ собственныя тенденціи, дали прорваться скрывавшемуся въ ихъ душѣ пламени. Да и что, если не любовь къ республиканской идеѣ, соединило этихъ людей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ, бордосца Гюаде съ провансальцемъ Иснаромъ и нормандцемъ Бюзо? У нихъ всѣхъ была та же утопія: свободная нація, представленная самыми добродѣтельными и самыми способными людьми, управляемая геніемъ, украшаемая искусствами и изобрѣтеніями, обезпечивающая свою будущность развитіемъ своихъ собственныхъ достоинствъ, нація тѣмъ болѣе французская, чѣмъ она будетъ болѣе свободной, одновременно уживчивая и героическая, веселая и философская, любезная и воинственная, однимъ словомъ — Франція демократическая, но афинская, которая, по выраженію другого бордосца, будетъ все же дѣлать „вещи фривольныя серьезно и серьезные вещи ве-

*) „Депутаты гор. Бордо,—говоритъ племянникъ Гюаде,—не могли коллективно принести клятвы подобнаго рода: она бы слишкомъ противорѣчила общему духу города“. J. Guadet, *Les Girondins*, т. I, стр. 11.

село“ *). Прекрасная мечта просвѣщенныхъ патріотовъ, которую они осуществили въ себѣ самихъ и между собою, но вмѣсто которой Франція, преданная своимъ королемъ и вынужденная отставать себя отъ чужеземнаго вторженія, знала, лишь кровавую дисциплину, желѣзную республику, уродство и ужасъ которой только и пришлось видѣть жирондистамъ.

Когда они прибыли въ Законодательное Собраніе, они, слѣдовательно, чувствовали въ себѣ пробужденіе горячаго, но нѣсколько туманнаго республиканизма **), а пока что считали нужнымъ держаться въ рамкахъ строгой законности и согласиться вмѣстѣ съ націей на конституцію 1791 г., надзираая, вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ королемъ, сопротивляясь его незаконнымъ или устарѣлымъ претензіямъ, относясь къ нему какъ къ чиновнику, котораго можно смѣнить. Встрѣча съ Бриссо лишила ихъ иллюзіи. Уже 5 октября жирондистъ Гранжневъ предлагаетъ уничтожить титуль *Majesté*. Въ тотъ же день другой жирондистъ, Гюаде, требуетъ, чтобы предсѣдательское кресло находилось на одномъ уровнѣ съ кресломъ короля. „Я хочу думать,—говоритъ онъ,— что французскій народъ будетъ всегда больше почитать обыкновенное кресло, въ которомъ сидитъ предсѣдатель представителей французской націи, чѣмъ позолоченное кресло, въ которое садится глава исполнительной власти“. На защиту этихъ предложеній выступили, при апплодисментахъ трибунъ, Верньо и Дюко, которые воспротивились также отмѣнѣ принятаго по этому поводу декрета. Итакъ, первыя слова жирондистскихъ ораторовъ въ Законодательномъ Собраніи были почти республиканскими. Они короля желаютъ сдѣлать президентомъ республики; если онъ будетъ эволюировать въ духъ революціи, то онъ сохранитъ свою функцію и полагающіяся ему почести; но если онъ нарушитъ или обойдетъ конституцію, если онъ станетъ, какъ выразится поздыѣ Верньо, тираномъ Лизандромъ, то его свергнуть. Да, если будетъ доказано, что государь измѣняетъ, то установить республику, о которой они втихомолку мечтаютъ и осуществить которую они считаютъ дѣломъ труднымъ, но не невозможнымъ. Эта политика, таящаяся въ глубинѣ души всѣхъ патріотовъ, объясняетъ краснорѣчіе жирондистовъ втеченіе

*) *Esprit des lois*, т. XIX, стр. 5.

**) Мысль Карра предложить корону герцогу Юркскому была его личной фантазіей; въ революціонномъ трибуналѣ онъ призналъ фактъ, но представилъ его какъ военную хитрость.

1792 г. и въ частности филиппики противъ Людовика XVI, произнесенныя Иснаромъ, Верньо, Гюаде. Такъ, 5 января 1792 г., Иснаръ, нападая на дворъ, защищаетъ конституцію и говоритъ о республиканцахъ: „ихъ очень немного; они не составляютъ партіи и ограничиваются выраженіемъ пожеланій“. Но когда Людовикъ XVI, несмотря на строгія предостереженія, продолжаетъ играть свою двойную роль, то тотъ же Иснаръ энергично предлагаетъ положить этому конецъ и послать, во имя національнаго суверенитета, ультиматумъ королю. Если онъ не подчинится,—сказалъ Иснаръ,—то „я надѣюсь, что тогда съ глазъ возмущенной націи упадетъ повязка; тогда на этой трибунѣ появится какой-нибудь ораторъ, охваченный любовью къ отечеству; онъ расскажетъ вамъ о долгихъ измѣнахъ Тюльери и покажетъ какимъ опасностямъ подвергается государство; онъ скажетъ вамъ, что благо народа находится въ опасности. При этихъ словахъ вы вспомните Мирабо, который сказалъ, что благо народа является высшимъ закономъ. Вы прислушаетесь къ своей совѣсти и, сильныя поддержкой общественнаго мнѣнія, вы примете какую-нибудь исключительную мѣру, которая спасетъ отечество“.

Впослѣдствіи, въ экстренной комиссіи 21, когда дѣло шло о томъ, чтобы рѣшить, какъ поступить съ уличеннымъ и побѣжденнымъ королемъ, первымъ за пріостановленіе королевской власти высказался жирондистъ же, самый умѣренный изъ всѣхъ, Жансонне *). Наконецъ, если въ процесѣ короля жирондисты голосовали различно, то ни у одного изъ нихъ не вырвалось ни одного слова симпатіи къ обвиняемому **); легенда же, представляющая Верньо и его друзей мучимыми укорами совѣсти въ тотъ моментъ, когда они объявляютъ свой вердиктъ, легенда эта ни на чемъ не основана и не имѣетъ даже и тѣни правдоподобности. Тѣ же жирондисты, которые, наоборотъ, голосовали противъ казни короля, были проникнуты жалостью не къ королю, а къ Франціи. Патриоты и республиканцы въ той же мѣрѣ, какъ монтаньяры; жирондисты, вдохновлялись, слѣдовательно, въ своемъ краснорѣчьи чисто революціонными идеями.

*) На засѣданіи 10 апрѣля 1793 г. Верньо сможетъ отвѣтить Робеспьеру: „Въ комиссіи 21, членомъ которой я былъ, мы не желали ни новаго короля, ни регента: мы желали республики“.

**) Валазе, посылая одному другу свой докладъ о Людовикѣ XVI, предлагаетъ при этомъ слѣдующую записку: „Читай, мой другъ, и проникнись моимъ отвращеніемъ къ Людовику Капету“. (Catalogue d'une interessante collection sur la Révolution, Paris, Charavay. 1883, № 71).

Таковы общія черты ихъ политики, таковъ фонъ ихъ рѣчей до 10 августа. Но хаосъ, который послѣдовалъ за паденіемъ трона, вызываетъ у нихъ патріотическое безпокойство, доходящее у нѣкоторыхъ до ужаса. Кромѣ того, столь ли несомнѣнна побѣда народа? Настолько ли безоруженъ дворъ? Къ чему приведетъ неудача возстанія? Не надо ли опасаться, что свобода будетъ еще разъ раздавлена силой? Что къ этимъ мучительнымъ вопросамъ присоединялась въ различной степени, смотря по характеру каждаго, боязнь анархіи или демагогическаго деспотизма, что нѣкоторымъ жирондистамъ Маратъ и Парижъ внушали большія опасенія, чѣмъ Людовикъ и дворъ, этого изученіе ихъ рѣчей не позволяетъ отрицать. Вотъ почему Верньо, Гюаде и Жансонне, на обращенную къ нимъ окольнымъ путемъ просьбу, передали въ Тюльери, черезъ художника Боза, знаменитую записку, которая ничего, впрочемъ, не измѣнила въ политикѣ короля. Болѣе строгая, чѣмъ почтительная, нота эта была внушена не столько интересами короля, сколько желаніемъ предотвратить гражданскую войну *). Этимъ философамъ, этимъ поэтамъ показалось, кромѣ того, благороднымъ послать своему раненому врагу послѣднее предупрежденіе, и въ своемъ великодушіи они не могли отказаться отъ этой рыцарской фантазіи, въ которой они съ гордостью признались на трибунѣ Конвента во время процесса короля.

Они не участвовали въ движеніи 10 августа **) и не знали о готовящемся возстаніи. Если нѣкоторые изъ нихъ втихомолку выражали пожеланія, чтобы оно удалось, то другіе опасались послѣдствій его. Всѣ были въ страхѣ, но не за себя, а за революцію. Когда же была установлена республика, та республика,

*) Письмо это, найденное впоследствии въ бумагахъ короля и послужившее орудіемъ обвиненія противъ жирондистовъ, извѣщало короля о возможности возстанія и, указывая ему на то, что послѣдствіемъ этого можетъ быть лишеніе трона, если не худшее, настоятельно совѣтовало ему призвать, чѣмъ скорѣе, къ тѣмъ лучше власти бывшихъ жирондистскихъ министровъ, Ролана, Сервана и Клавьера. *Прим. перс.*

**) Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ здѣсь о жирондистахъ-депутатахъ; другіе, какъ Барбару, участвовали въ возстаніи или, какъ Петіонъ, допустили его.—Съ другой стороны, Гара преувеличиваетъ, когда онъ говоритъ, что „оба человѣка жирондистской депутаціи, которые наиболѣе годились для роли руководителей, содрогнулись бы отъ возмущенія и гнѣва, если бы дня за четыре или пять до 10-го августа они узнали, что ихъ заподозрѣваютъ въ республиканскихъ убѣжденіяхъ“. *Mémoires sur Suard*, т. II, стр. 231.

о которой они мечтали, быть можетъ, раньше самихъ дѣятелей 10 августа, но которую они не считали еще возможной, то они стали самыми ревностными и искренними служителями ея. Ничто въ ихъ рѣчахъ, въ оставшихся отъ нихъ письмахъ или въ ихъ мемуарахъ не даетъ ни малѣйшаго повода къ утверженію Амара, что они были монархистами при республикѣ. Даже тѣ, которые голосовали противъ казни Людовика XVI, сдѣлали это, какъ мы уже сказали, не изъ роялизма, не изъ жалости къ человѣку, а по политическому расчету. Даже въ этомъ актѣ милосердія они были республиканцами. Развѣ не по настоянію Бюзо былъ изданъ, 4 декабря 1792 г., декретъ, наказующій смертью за предложеніе возстановить королевскую власть? Даже поведеніе ихъ въ Нормандіи, когда они организовывали или позволяли организовывать подъ своимъ именемъ гражданскую войну, доказываетъ одновременно и ихъ ослѣпленіе, и ихъ полную добросовѣстность. Если они позволили роялисту Вемпфену обманывать себя втеченіе нѣкотораго времени, то, когда они узнали его проекты, они отнеслись къ нимъ съ единодушнымъ порицаніемъ. Въ Канѣ Петіонъ внезапно закрылъ засѣданіе, на которомъ генераль предложилъ просить короля у Англии. „Я бы желалъ,— пишетъ онъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ,—чтобы трусы которые такъ вѣроломно клеветали на насъ и которые, въ глубинѣ души, насъ оправдывали, присутствовали на этомъ засѣданіи, на всѣхъ нашихъ конференціяхъ, на нашихъ самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ. Они бы видѣли, имѣла ли республика болѣе ревностныхъ защитниковъ... *)

II.

Если въ ихъ рѣчахъ за время отъ 10 августа до 2 іюня не встрѣчается ни одного монархистскаго слова, если онѣ проникнуты республиканскою идеею, то не надо также надѣяться найти въ нихъ федералистскія мысли, послужившія предлогомъ къ ихъ преслѣдованію. На какихъ данныхъ основывались ихъ обвинители? „Почему же,—говоритъ Бюзо,—не находятъ ни въ рѣчи Кондорсе, ни въ конституціи, къ которой она служитъ вступленіемъ,

*) Указывали на упадокъ республиканской идеи у жирондистовъ Сентъ-Эмильона. Но это вѣрно лишь по отношенію къ Бюзо, любовь котораго къ г-жѣ Роланъ разбила не только его душу, но отразилась и на его разумѣ.

ни одной черты федерализма, ни одной, хотя бы косвенной похвалы этой формѣ правленія?“ *). Тотъ же Бюзо, у г-жи Роланъ, расхваливалъ Клоотсу федерализмъ: „Онъ указывалъ на то, что Греція, столь богатая великими людьми и дѣлами, была федераціей маленькихъ республикъ; что Соединенные Штаты, представляющіе въ наши дни наиболѣе интересный образецъ хорошей общественной организаціи, имѣютъ такое же устройство и что то же относится къ Швейцаріи“ и т. д. Госпожа Роланъ добавляетъ, что эти разсужденія были найдены благоразумными „большинствомъ тѣхъ, которые ихъ слушали“. Возможно даже, что въ грустные часы апрѣля и мая 1793 г. наиболѣе обезкураженные изъ нихъ часто высказывали въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ эти федералистскіе парадоксы. „Я часто бывала свидѣтельницей, — говоритъ *missé Williams*, — разговоровъ Верньо и Ласурса на эту тему: они слишкомъ поздно убѣдились въ безумствѣ и опасности нераздѣльной республики, образованной народомъ, который провозглашалъ себя республиканскимъ тотчасъ же по выходѣ изъ рабства... По моему мнѣнію, жирондисты ожидали хорошихъ результатовъ отъ непосредственной и мѣстной дѣятельности маленькихъ федеративныхъ республикъ для того, чтобы воспитать народъ, чтобы просвѣтить его и внушить ему чувства, болѣе соответствующія постоянству его правъ. Они часто говорили о республикахъ, раздѣленныхъ теченіями Луары и Роны и имѣющихъ центрами Лионъ и Бордо“ **). Но это было вполнѣ интимнымъ чувствомъ, которое не всѣ жирондисты раздѣляли, которое не отразилось ни на одномъ ихъ актѣ, ни на одной ихъ рѣчи, и о которомъ противники ихъ могли знать лишь по ихъ нескромно разглашеннымъ разговорамъ ***). „Я не стараюсь скрывать своихъ убѣжденій, — писалъ по этому поводу Бюзо. — Республика во Франціи, предполагая тѣ качества, которыя ей недоставали, могла существовать только въ формѣ, приблизительно сходной съ сѣверо-американской.. Но никогда

*) *Mémoires*, изд. Добаномъ, стр. 35.

***) *Souvenirs*, стр. 73.

***) Насколько Бюзо, Верньо и Ласурь были сдержанными на этотъ счетъ даже съ людьми, которыхъ они уважали, показываетъ слѣдующее мѣсто изъ мемуаровъ Ла-Ровельера (т. I, стр. 147): „Въ моихъ частыхъ бесѣдахъ съ главными депутатами Жиронды я всегда замѣчалъ у нихъ сильное желаніе освободить департаменты отъ гнета парижской коммуны, но мнѣ никогда не пришлось слышать, чтобы они позитивно высказались въ пользу установленія во Франціи федеративнаго строя“.

наши дѣла и наши рѣчи не имѣли въ виду ввести во Франціи строй, существующій въ Америкѣ. Конституція, представленная моими друзьями отъ имени учрежденнаго съ этой цѣлью комитета, была очень далека отъ выраженія подобныхъ мнѣній^{*)}. Наоборотъ, любовь къ французскому единству была однимъ изъ мотивовъ жирондистскаго краснорѣчія; но они понимали его иначе, чѣмъ ихъ противники.

Послѣдніе, дѣйствительно, считаютъ авторитарное, диктаторское правительство необходимымъ условіемъ этого единства; первые же желаютъ либеральнаго, нормальнаго правительства. Всѣ предложенія монтаньяровъ имѣютъ въ виду сдѣлать Парижъ властелиномъ Франціи; предложенія же жирондистовъ стремятся сохранить руководство политикой за департаментами^{**)}. Аргументъ (никогда, впрочемъ, не выраженный) дантонистовъ и робеспьеристовъ состоитъ въ томъ, что во время кризиса столица должна повелѣвать остальной частью государства. Парижъ имѣлъ энергію самъ сдѣлать 10 августа и спасти революцію: онъ долженъ управлять. Ни одни, ни другіе не говорятъ правды, называя друга друга маратистами или федералистами. Въ глубинѣ души жирондисты жалѣютъ о власти, которую они не могутъ удержать, и они ругаютъ Парижъ. Монтаньяры же, вмѣсто признанія, что Парижъ долженъ господствовать, бросаютъ въ Жиронду завѣдомо для нихъ напрасное обвиненіе въ федерализмѣ. Они не осмѣливаются, они не могутъ сказать въ Конвентѣ, что у него нѣтъ силы спасти Францію, если его не будетъ вести Парижъ. „Главарі муниципальной фракціи,—писалъ совершенно правильно членъ Конвента Паганель,—не преминули дать имя федералистовъ всѣмъ врагамъ Марата, т. е. всѣмъ друзьямъ справедливости и свободы. Не менѣе неосторожные, главарі жирондистской партіи клеймили именемъ маратиста всякаго, кто порицалъ ихъ отчаяніе и внушалъ имъ боязнь за исходъ неравной борьбы, неизбежно пагубной для отечества“^{***)}. Такимъ

*) Mémoires, стр. 58.

**) Рѣчь Фонфреда, 15 апрѣля 1793 г.—19 октября 1792 г. председательствовавшій Гюаде прервалъ секретаря департамента Вертоле за то, что послѣдній, говоря у рѣшетки, назвалъ Парижъ столицей. „Я замѣчу вамъ, гражданинъ,—сказалъ онъ,—что въ республикѣ нѣтъ столицы“.

***) Essai, т. II, стр. 159. Паганель прибавляетъ: „Въ эпоху, о которой мы говоримъ, самый благоразумный французъ, магистратъ, законодатель, имѣлъ лишь одинъ моментъ, чтобы выбирать между двумя партіями. Онъ оказывался причисленнымъ къ федералистамъ, если колебался назвать себя маратистомъ, а если онъ не льстилъ гордости жирондистовъ, то его

образомъ, укореняется на словахъ добровольно созданное недо-
разумѣіе, съ которымъ нужно освоиться, чтобы понять великій
ораторскій поединокъ между Горой и Жирондой.

Анагема Парижу—вотъ, слѣдовательно, одинъ изъ мотивовъ
рѣчей жирондистовъ, и знаменитое восклицаніе Иснара является
наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ этой ненависти *). Но послѣдняя
появилась у нихъ лишь довольно поздно, когда Парижъ выска-
зался противъ нихъ. Раньше они любили, превозносили Парижъ.
Г-жа Роланъ писала Банкалю 31 іюля 1790 г.: „Одинъ лишь Па-
рижъ будетъ способенъ на этотъ мужественный порывъ; его
мощный голосъ, подобный голосу Создателя, долженъ вызвать
свѣтъ изъ хаоса, долженъ принудить Ассамблею разорвать покрывало,
скрывающее незаконіе финансовыхъ тайнъ, долженъ за-
ставить ее воспользоваться министерскою отвѣтственностью и
примѣрнымъ образомъ наказать болѣе подлаго Тартюфа, об-
манувшаго довѣріе великодушной и слишкомъ восторженной
націи“. Еще въ концѣ мая 1792 г. проектъ закона Жансонне,
легализующій муниципальныя диктатуры, сохранялъ за Пари-
жемъ его главенство **). Нѣкоторые жирондисты никогда не пи-
тали злобы противъ Парижа. Верньо всегда любилъ его ***).
Петіонъ, которому пришлось столько страдать изъ за неспра-
ведливости парижанъ, никогда не проявилъ ненависти къ
погубившему жирондистовъ городу. Въ своихъ мемуарахъ онъ
хладнокровно и здраво, нисколько не хваля его, объясняетъ озлоб-
леніе департаментовъ противъ Парижа. „Съ давнихъ поръ,—го-
воритъ онъ,—департаменты имѣли основаніе жаловаться и жало-
вались дѣйствительно на главенство Парижа. Парижъ былъ
предметомъ всякихъ льготъ. Въ Парижѣ исключительно, да
еще по дорогой цѣнѣ, изготовляли все нужное для обмунди-
ровки нашей арміи, занимая, такимъ образомъ, безработныхъ и

немедленно причисляли къ маратистамъ. Жестокіе муниципалисты доволь-
ствовались тѣмъ, что ихъ боялись; тщеславные жирондисты желали, что
бы имъ апплодировали и льстили“.

*) „Если,—сказалъ Иснаръ, отвѣчая на одну петичію Коммуны, если
повторяющіяся возстанія приведутъ къ посягательству на національное
представительство, то я заявляю отъ имени всей Франціи, что скоро на
берегахъ Сены не останется и слѣда отъ Парижа“ (засѣданіе 25 мая
1793 г.). — *Прим. перев.*

***) Реакція не ошиблась на этотъ счетъ. Андре Шенье возсталъ про-
тивъ этого проекта въ *Journal de Paris*. См. *Oeuvres en prose*
éd. Becq. de Fouquières, стр. 220, 256.

***) См. *Vattel, Vergniaud*, т. I, стр. 255, 258 и 266.

создавая себѣ сторонниковъ. Парижанамъ, поступавшимъ въ солдаты, выдавали динарій республики, крупныя суммы, между тѣмъ, какъ одна лишь любовь къ свободѣ вербовала гражданъ департаментовъ. Для Парижа желали образовать милицію санъ-кюлотовъ, оплачиваемую національными деньгами. Парижъ получалъ милліоны на уплату своихъ долговъ" и на приобрѣтеніе себѣ продовольствія. Департаменты косо смотрѣли на это предпочтеніе" *).

Но г-жа Роланъ прониклась самой горячей ненавистью къ неблагодарному городу, безразличному къ ея добродѣтели, къ ея генію, къ ея красотѣ, любившему ея враговъ, холоднаго Робеспьера и безобразнаго Дантона, и аплодировавшему крикунамъ отца Дюшена, которые называли ее беззубой старухой. Она не могла остаться индифферентной къ этимъ насмѣшкамъ; неумолимая злоба овладѣла ея сердцемъ; она сумѣла скрыть ее въ своихъ мемуарахъ, понимая, что потомство отнесется неодобрительно къ диффамациі Парижа; но она внушила ее своимъ друзьямъ, Иснару, Барбару и, особенно, Бюзо, который никогда не проститъ оскорбителямъ своего идола. Парижъ, тотъ самый Парижъ, который въ 1791 г. доставилъ ему и Петіону триумфъ, становится для него „городомъ обязательно хищныхъ и испорченныхъ людей“ **). И онъ прибавляетъ слѣдующее возмутительное разсужденіе, въ сравненіи съ которымъ фраза Иснара можетъ показаться доброжелательной: „Ролану осмѣлились вмѣнять въ преступленіе то, что, когда Брунсвикъ подвигался къ Парижу во главѣ пруссаковъ, онъ возымѣлъ проектъ спасти остатки свободы, перенеся ихъ на югъ Франціи. Но что же такое Парижъ въ сравненіи со всей Франціей? Неужели потому, что презрѣнная толпа этой столицы вернется къ рабству, для котораго она рождена, всѣ французы должны быть порабощены? Я, поистинѣ, говорю, что Франція можетъ надѣяться на свободу и счастье только при полномъ и невозвратномъ разрушеніи этой столицы“ ***).

Это—гнѣвъ женщины, недостойная злоба патріота, скоро пере-

*) *Mémoires de Petion*, изд. Добаномъ. Стр. 121.— Умѣренный Мельянъ замѣчаетъ съ большой ѣдкостью (стр. 95), что Гора была принуждена удовлетворять Парижъ въ ущербъ Франціи. „Это было,—говоритъ онъ,—необходимо, даже если бы цѣною этому было разореніе остальной части страны“.

***) *Mémoires de Meilhan*, стр. 95

***) *Mémoires*, стр. 24.

ходящая въ отвращеніе къ самому народу, масса котораго становится для него трусливой, подлой, достойной своихъ новыхъ властелиновъ. Это отвращеніе къ демократіи является одной изъ чертъ краснорѣчія жирондистовъ въ ихъ предсмертный часъ. Одинъ только Петіонъ, со своимъ постояннымъ здравомысліемъ, остается справедливымъ къ демократіи вообще и къ Парижу въ частности. Онъ жалѣеть народъ, но не ненавидитъ его. „Что я ему сдѣлалъ?—часто спрашивалъ я себя;—развѣ я не тотъ же, что былъ? Онъ, конечно, не имѣетъ лучшаго друга, болѣе искренняго защитника, чѣмъ я. Мнѣ хотѣлось презирать его, но я кончилъ тѣмъ, что сталъ жалѣть его и печалиться по поводу его заблужденія. Клянусь, я не ненавидѣлъ бы его даже въ томъ случаѣ, если бы былъ умерщвленъ имъ. Я былъ и всегда буду убѣжденъ въ томъ, что онъ желаетъ добра, но что его можно одинаково увлечь на путь преступленій, какъ и на путь любви и добродѣтели“ *). Другіе жирондисты не вѣрили въ искренность народа. Онъ былъ непорочнымъ и умнымъ, когда онъ ихъ поддерживалъ, затѣмъ же „нравственность его совершенно испортилась“ **). Они не обладаютъ искусствомъ затрагивать совѣсть народа, и одинъ изъ нихъ былъ болѣе правъ, чѣмъ онъ думалъ, когда онъ иронически писалъ о своихъ противникахъ: „Надо признаться, они знали лучше, чѣмъ мы, народную массу, которой они управляютъ, ея характеръ, присущій ей духъ, степень просвѣщенія и энергіи, до которой она можетъ подняться“ ***). Въ сущности, они не принадлежатъ къ народу. Соприкосновеніе съ чернью стѣсняетъ ихъ и противно почти всѣмъ имъ (за исключеніемъ Петіона, который, вмѣстѣ съ Дантономъ, былъ, быть можетъ, наименѣе аристократичнымъ изъ революціонеровъ). Послушайте, въ какомъ тонѣ опальный Бюзо говоритъ о народныхъ депутаціяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были, однако, воодушевлены героическими стремленіями: „Я чувствовалъ, насколько терпѣніе было необходимо. Но сколько разъ я замѣчалъ у себя готовность разозлить голову нѣкоторымъ изъ этихъ отвратительныхъ чудовищъ. Что за депутаціи, великій Боже! Казалось, что собрали изъ всѣхъ притоновъ Парижа и другихъ большихъ городовъ все, что тамъ нашлось наиболѣе грязнаго, наиболѣе мерзкаго, наиболѣе противнаго. Гадкія, землянистыя

*) Mémoires, стр. 107.

**) Buzot, стр. 16.

***) Ibid, стр. 18.

лица, чернаго или мѣднаго цвѣта, съ большими космами сальныхъ волосъ и глубоко впавшими глазами; своими противными голосами они среди рѣзкихъ криковъ хищныхъ животныхъ изрыгали самыя грубыя ругательства“ *). Г-жа Роланъ, при своихъ тонкихъ нервахъ, судила такимъ же образомъ о народѣ фобурговъ, а для нея физическое безобразіе было признакомъ гнусности замысловъ. Это отвращеніе изысканной чувствительности, въ которомъ навпню признается ея другъ Бюзэ, развѣ она не испытывала его по отношенію къ Дантону, о которомъ она разъ навсегда составила себѣ мнѣніе по его лицу и его одеждѣ? Она внушила другимъ жирондистамъ эту эгонистичную утонченность, которая не была у нихъ природной. Она восхваляла имъ идеальній народъ и удаляла ихъ отъ дѣйствительнаго народа, который грубо высмѣивалъ ея слишкомъ изящныя манеры. Монтаньярамъ, слѣдовательно, нетрудно бы представить такихъ утонченныхъ людей, какъ измѣнниковъ, и жирондисты погибли изъ-за аристократизма, бывшаго въ ихъ манерахъ, во вкусахъ, почти въ ихъ кожѣ. Ихъ краснорѣчіе выиграло отъ этого въ изяществѣ, въ возвышенности, но потеряло въ горячности, въ правдивости. Можно сказать, что въ этой жизни посреди улицы, среди народа они себя дурно почувствовали. Когда же политическій дѣятель испытываетъ подобное отвращеніе къ дѣйствительности, то онъ, вмѣстѣ съ вѣрой, теряетъ сразу способность дѣйствовать, а вмѣстѣ съ послѣдней и способность возбуждать своимъ словомъ; отнынѣ онъ будетъ на трибунѣ скорѣе философомъ, чѣмъ политическимъ дѣятелемъ. Это именно случилось съ жирондистами: проникнутые отвращеніемъ къ Парижу, къ народу, къ революціи, къ жизни, они стали выражаться какъ мыслители, какъ моралисты. Ихъ слово горѣло съ тѣхъ поръ, какъ чистое пламя, безъ огня для современниковъ, но свѣтлое для потомства. Да, въ своемъ политическомъ отреченіи эти ораторы говорили для насъ; это, главнымъ образомъ, мы услышали ихъ краснорѣчіе, не питавшееся болѣе фактами дѣйствительности и жившее общими идеями, блестящими разсужденіями, смутными и великодушными чувствами. Будучи въ концѣ своей карьеры внѣ времени, жирондисты, казалось намъ, доминировали его; ихъ отреченіе представлялось намъ безпристрастіемъ, а ихъ конечное безсиліе — благороднымъ безкорыстіемъ. Философскія рѣчи Верньо, изъ которыхъ Минье и Тьеръ приводятъ блестящія отрывки, не тре-

*) Buzot, стр. 57.

бующіе, чтобы быть понятными, никакого почти знакомства съ той сложной эпохой, не только обратили наше вниманіе, но какъ будто овладѣли имъ, въ ущербъ ораторамъ Горы.

III.

Безспорно, Гора мечтала о республикѣ въ спартанскомъ или римскомъ духѣ, а Жиронда—о республикѣ въ афинскомъ духѣ. Было ли бы, однако, правильно сказать, что одни были проникнуты преимущественно ненавистью, а другіе—любовью? Нѣтъ: обѣ партіи желали гуманной и основанной на законѣ республики, но обѣ временно отсрочивали ее и считали это переходное время періодомъ безошадной борьбы. Въ этой борьбѣ жирондисты ослабѣли, отступили, отдали свои головы. Но вполне ли достойно, что, будь она побѣдительницей, партія, которую вдохновляла женщина, оставила бы въ живыхъ Дантона и Робеспьера? Никто иной, какъ жирондистъ Петіонъ, первый формально заявилъ, что побѣжденныя партіи должны погибнуть (засѣданіе 12 апрѣля 1793 г.) „Я бы желалъ,—воскликнулъ онъ.—чтобы обвиненія и отвѣты были изложены письменно и чтобы каждый готовъ былъ сложить свою голову, если она окажется повинной“. Наконецъ, когда жирондисты, первые разбивая талисманъ неприкосновенности *), предали Марата революціонному трибуналу, то не думали ли они, что посылаютъ его на смерть? Легко превозносить вмѣстѣ съ Сентъ-Бевомъ „этихъ благородныхъ, гуманныхъ, прекрасно-нравственныхъ личностей, вмѣстѣ, въ одномъ великомъ порывѣ и съ крикомъ милосердія, остановившихся у рѣки крови...“ **) Но было бы ошибочно искать въ милосердіи ораторское вдохновеніе людей, которые были первыми, выступившими на трибунѣ съ призывомъ къ гильотинѣ. Такъ, въ своей первой рѣчи (31 октября 1791 г.), Иснаръ развиваетъ опасную въ своей неопредѣленности мысль, что надо убивать враговъ свободы. Къ той же темѣ онъ возвращается 14 ноября 1791 г.: „По отношенію къ политической свободѣ, — говоритъ онъ,—простить преступленіе, значить, почти участвовать въ немъ (аплодисменты). Подобная строгость приведетъ, быть можетъ,

*) Выраженіе Паганеля, т. II, стр. 165. — Несомнѣнно, что въ кругу жирондистовъ недалеко были отъ мысли устроить 31 мая противъ Горы.

**) Введенія къ письмамъ г-жи Роландъ къ Банкалю, стр. 21.—См. Laufrey, Essai sur la Révolution, patr.

къ пролитію крови,—я это знаю; но если вы не прибѣгнете къ ней, то не будетъ ли пролито еще больше? Не будетъ ли гражданская война еще большимъ бѣдствіемъ? Надо отрѣзать пораженную гангреной часть, чтобы сласти остальное тѣло. Когда васъ хотятъ увлечь на путь снисходительности, вамъ представляютъ ловушку, ибо вы вдругъ окажетесь покинутыми всей націей“. Нѣсколькими днями позже у того же Иснара вырывается страшная и непоправимая фраза: „Подъ словомъ о твѣтственности мы подразумѣваемъ смерть“. Бюзо, какъ мы уже сказали, настоялъ на принятіи декрета, наказывающаго смертью провинившихся въ предложеніи возстановить королевскую власть. 26-го декабря 1791 г. Жансонне требовалъ сохраненія конституціи или смерти. Наконецъ, мысль закона о подозрительныхъ высказалъ впервые Барбару, когда, 26 сентября 1792 г., онъ воскликнулъ: „Я требую, чтобы всякое лицо, которое будетъ отчаиваться въ спасеніи республики, было наказано смертью“ *).

Не то же ли это самое, что печаталъ Марать?

Жирондисты никогда не предложили дѣйствительной мѣры милосердія, отмѣны смертной казни за политическія преступленія. Наоборотъ, метафизикъ партіи, Кондорсе, сказалъ въ Конвентѣ 19 января 1793 г.: „Отмѣните смертную казнь за всѣ уголовныя преступленія, оставляя за собою право разсмотрѣнія, надо ли ее сохранить для государственныхъ преступленій, такъ какъ это особый вопросъ, при разрѣшеніи котораго надо имѣть въ виду иныя соображенія, отсутствующія въ первомъ случаѣ“. И въ рѣчи, произнесенной имъ 23 февраля того же года отъ имени конституціоннаго комитета, онъ говоритъ, что смертная казнь отмѣнена для уголовныхъ преступленій, но что ее надо сохранить для политическихъ. Онъ ограничивается предложеніемъ, чтобы ее примѣняли рѣдко и осторожно. Наконецъ, 17-го іюня 1793 г., въ то время, когда друзья его арестованы, Буае-Фонфредъ требуетъ отмѣны смертной казни за всѣ преступленія, исключая политическихъ! Итакъ, жирондисты, нисколько не отличаясь въ этомъ отъ монтаньяровъ, не сумѣли освободиться отъ ужаснаго и архаическаго предрассудка. Всѣ забыли слова Ж.-Ж. Руссо, приведенныя Камилломъ въ его *Brissot de masqué*: „Свобода, купленная цѣною крови одного чело-вѣка, обошлась бы слишкомъ дорого“.

Что касается сентябрьскихъ убійствъ, то у жирондистовъ, не

*) *Journal des Débats et des Décrets.*

больше, чѣмъ у монтаньяровъ, эти отвратительные дни, скомпрометировавшіе революцію, не вызвали сначала должнаго возмущенія. У нихъ былъ моментъ оцѣпенѣнія, но втеченіе долгихъ дней на трибунѣ не раздавался ни одинъ крикъ жалости. *Moniteur* отъ 6 сентября 1792 г. передаетъ факты безъ волненія, безъ единого слова порицанія убійцамъ, хваля народное великодушіе; *Moniteur* же выражалъ тогда господствующее, почти официальное мнѣніе. 3-го сентября Роланъ писалъ Ассамблеѣ: „Вчерашній день.. былъ днемъ, надъ событіями котораго слѣдуетъ, быть можетъ, оставить завѣсу; я знаю, что народъ, ужасный въ своей мести, вноситъ въ нее еще своего рода правосудіе; онъ не принимаетъ въ жертву все, что встрѣчается его ярости; онъ направляетъ ее на тѣхъ, которые, по его мнѣнію, слишкомъ долго избѣгали меча закона и которыхъ, въ виду опасныхъ обстоятельствъ, онъ считаетъ нужнымъ уничтожить немедленно. Но я знаю, что злодѣи и измѣнники могутъ легко злоупотребить этимъ возбужденіемъ и что его надо остановить“. Вотъ, что г-жа Роланъ внушила своему мужу сказать относительно убійствъ, въ само время убійствъ*): надо остановить народное возбужденіе, потому что имъ могутъ злоупотребить. Итакъ, жирондистское мнѣніе таково, что 3 сентября имъ еще не злоупотребили!**). Убійства продолжались до 6-го, а 13-го Роланъ говорилъ въ одной прокламаціи къ парижанамъ: „Я восхищался 10-мъ августа, я содрогался передъ послѣдствіями 2-го сентября; я понималъ, къ чему могутъ привести долгое и обманутое терпѣніе народа и его правосудіе; я не порицалъ легкомысленно перваго и ужаснаго движенія; я думалъ, что надо избѣгать его продолженія, что тѣ, которые старались продлить его, были обмануты своимъ воображеніемъ или жестокими и злонамѣренными людьми***). Петіонъ говоритъ приблизительно въ тѣхъ же выра-

*) Въ эту же пору она выражается инымъ тономъ въ своей частной перепискѣ. См. Dauban, *Etude sur M-me Roland*, стр. CVII.

**) Горса и Дюлоръ извиняютъ въ своихъ газетахъ эти убійства. *Chronique de Paris*, въ которой сотрудничалъ Кондорсе, испытываетъ только тяжелое чувство (отъ 4 сентября 1792 г.). Она все оправдываетъ вѣрой въ заговоры аристократовъ. „Говорятъ,—пишетъ она,—что существовали новые проекты, готовые быть приведенными въ исполненіе“ (стр. 992). А въ номерѣ отъ 6 сентября мы читаемъ: „не остается никакого сомнѣнія относительно составленнаго заговора вооружить заключающихся въ тюрьмахъ преступниковъ во время отсутствія гражданъ, отправившихся къ границѣ“ (стр. 1000). Въ номерѣ отъ 7 сентября приводятся факты челоуѣколюбія народа во время его „мести“.

***) Бире нашелъ и опубликовалъ другую прокламацію Петіона, издан-

женіяхъ, которыя не надо опрометчиво порицать и благоразумныя, какъ и патриотическія намѣренія которыхъ мы не отрицаемъ; но они совершенно сходны съ тѣми выраженіями, которыя употребить въ послѣдствіи монтаньяры, обвиненные Жирондой въ томъ, что они причастны къ сентябрьскимъ убійствамъ. Какъ Роланъ, они скажутъ, что надо бросить завѣсу и, не роясь въ прошломъ, спасти угрожаемую непріателемъ Францію. И именно для того, чтобы предупредить новые взрывы народной мести, они создадутъ революціонный трибуналъ.

Почему же жирондисты заговорили затѣмъ инымъ языкомъ? Скажутъ, потому, что общественная совѣсть проснулась, наконецъ, и ужаснулась. Пусть такъ, но также изъ политической тактики, имѣвшей цѣлью погубить ихъ противниковъ и самимъ оправиться отъ моральнаго пораженія. Они понемногу начинаютъ отдѣлять парижскія убійства отъ циркуляра Коммуны, подписаннаго Маратомъ и друзьями Робеспьера *). Дѣяніе Парижа невинно, преступенъ же совѣтъ, данный департаментомъ. Робеспьеръ виновенъ, виновенъ въ особенности Дантонъ, но не потому, что онъ далъ свою контрасигнацію для разсылки циркуляра (прекрасно знаютъ, что это—ложь), а потому, что онъ не любитъ г-жи Роланъ **). И сколько времени они потратили на то, чтобы найти

ную 6 сентября и въ которой онъ относится еще болѣе снисходительно къ громиламъ (*La légende des Girondins*, стр. 128).

*) Циркуляръ этотъ, изданный 3 сентября, призывалъ всю Францію послѣдовать примѣру Парижа и продолжать сентябрьскія убійства въ департаментахъ. „...Парижская коммуна,—говорилось въ циркулярѣ,—спѣшитъ сообщить своимъ братьямъ изъ всѣхъ департаментовъ, что часть лютыхъ заговорщиковъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, была умерщвлена народомъ; въ моментъ, когда ему предстояло отправиться на войну, онъ счелъ необходимымъ совершить это дѣло правосудія, чтобы внушить страхъ легіонамъ измѣнниковъ, находящимся въ стѣнахъ города; нація, послѣ долгихъ измѣнъ, приведшихъ ее на край гибели, не замедлитъ, конечно, одобрить это столь полезное и столь необходимое средство, и всѣ французы скажутъ себѣ, какъ парижане: „Мы отправляемся на войну и не оставимъ позади себя разбойниковъ, чтобы они удушили нашихъ женъ и дѣтей“. Кромѣ Марата, который составилъ его, подъ циркуляромъ подписались еще Сержанъ, Лефоръ, Пани и др. члены комитета надзора коммуны.

Прим. перев.

**) Обвиненіе Дантона въ контрасигнаціи этого циркуляра не было никѣмъ формулировано въ то время (17 сентября), когда въ Ассамблеѣ разбирался вопросъ объ этомъ циркулярѣ. Но оно имѣется въ мемуарахъ г-жи Роланъ, говорящей, что циркуляръ „былъ разосланъ въ большомъ числѣ изъ канцеляріи и за контрасигнаціей министра юстиціи“. Этотъ

своихъ повинныхъ противниковъ! Только 16 сентября Верньо возстаетъ на трибунѣ, но не противъ того, что онъ называетъ проскрипціями, а противъ тѣхъ, которые совѣтують продолжать ихъ. 22-го, когда онъ, наконецъ, указываетъ на циркуляръ Коммуны, и, мѣтя въ Дантона, обвиняетъ Марата, онъ протестуетъ противъ всякаго намѣренія порицать тѣхъ, кто убивалъ въ Аббатствѣ и въ Форсѣ. „Что народъ,—сказалъ онъ,—утомленный длиннымъ рядомъ измѣнъ, возсталъ, наконецъ, и предался бурной мести, то въ этомъ я вижу только законное возстаніе, и если въ своей мести онъ пошелъ до крайностей, которыя казались вызванными правосудіемъ, то я и въ этихъ крайностяхъ вижу лишь преступленіе тѣхъ, къмъ они были вызваны“. Законное возстаніе! Позволяетъ ли это досадное выраженіе, вырвавшееся изъ устъ жирондиста, приведенное жирондистскимъ же органомъ *) и являющееся, слѣдовательно, подлиннымъ, позволяетъ ли оно, какъ то въ модѣ, считать источникомъ ораторскаго вдохновенія жирондистовъ милосердіе и жалость? Нѣтъ; когда, впоследствии, они порицаютъ сентябрьскія событія, то ихъ не гуманность воодушевляетъ; они,—увы!—слишкомъ люди своего времени и столь же мало дорожатъ жизнью себѣ подобныхъ, сколько своей собственной; другіе мотивы внушили имъ тактику, противъ которой ихъ противники будутъ бороться, если угодно, еще болѣе грубой и болѣе коварной, но не болѣе ложной клеветой. Допустимъ, вслѣдъ за племянникомъ Гюаде, что правая достигла самаго высокаго краснорѣчія, бросивъ въ лицо монтаньярамъ званіе сентябрьскихъ патріотовъ **).

фактъ отрицали. Невѣрно, дѣйствительно, будто Дантонъ далъ свою подпись подъ этимъ циркуляромъ, какъ то истолковывали слова г-жи Роланъ. Но несомнѣнно, что циркуляръ разсылался изъ канцеляріи министра юстиціи и въ конвертахъ, снабженныхъ министерскою печатью. Этого факта отрицать нельзя, но нельзя также обвинить въ немъ Дантона: онъ не вмѣшивался въ дѣла канцеляріи, предоставивъ управленіе ею своимъ секретарямъ, и все это было сдѣлано безъ его участія и безъ его вѣдома. Кто-нибудь изъ канцелярскихъ служащихъ, чтобы удружить Марату, злоупотребилъ въ данномъ случаѣ довѣріемъ и безопасностью Дантона.—См. статью Danton et les massacres de Septembre въ сборникѣ Олара: *Etudes et leçons sur la Révolution française*, II серия.—Прим. перев.

*) *Journal des Débats et des Décrets* (при редакціи Луве), 1-й годъ, № 7, стр. 92. Это не мѣшаетъ жирондисту Мельяну возмущаться въ своихъ мемуарахъ (стр. 11) тѣмъ, что Гора старалась „представить сентябрьскія убійства актомъ народнаго правосудія“.

**) *J. Guadet, Les Girondins*, т. II, стр. 132.

Но почему не говорила она этого въ сентябрѣ же? Почему она молчала, когда Верньо объявлялъ эти убійства законными? И когда, 20 января 1793 г., Керсень, Барбару и Жансонне настаиваютъ на возбужденіи преслѣдованія противъ виновниковъ сентябрьскихъ убійствъ и грабежей, то ихъ возмущеніе слишкомъ позднее, чтобы быть искреннимъ, и въ ихъ краснорѣчіи чувствуется ложь.

Отнынѣ и до дня своего паденія, они, забывая первыя свои впечатлѣнія, письмо Ролана, слова Верньо, бросаютъ въ монтаньяровъ слѣдующую ругань: сентябрь! Когда, послѣ 10 марта, Дантонъ протягиваетъ имъ руку, они притворяются, что видятъ на ней кровь, и отвергаютъ ее, восклицая при этомъ: сентябрь! Никакихъ соглашеній съ сентябристами *), таковъ новый девизъ, данный г-жею Роланъ, которая сначала извинила убійства, девизъ, повторенный ея другомъ Бюзо, и на сей разъ, какъ мы уже сказали, увлекшій Жиронду. Прекрасное ожесточеніе! — восклицаетъ апологистъ этой страстной женщины **); злобное ожесточеніе, скажемъ мы, партійное ослѣпленіе, въ которомъ жалость не играла никакой роли, равно какъ и любовь къ республикѣ. Бюзо, послѣ смерти той, которую онъ любилъ, призналъ, что департаменты желали союза съ сентябристами (читай: съ Дантономъ, Робеспьеромъ) и что Жиронда отвергла этотъ союзъ. Франція, можно сказать, кричала этимъ людямъ: „Амнистируйте, спустите завѣсу: вы сами сказали это, когда преступленіе было свѣжо: скажите же это теперь, когда преступленіе осталось далеко въ прошломъ“. Они не пожелали этого; они остались до конца рыцарями г-жи Роланъ противъ Дантона, отталкивающее по своему безобразію лицо котораго возмущало чувства. Именно это Андре Шенье назвалъ съ жестокой справедливостью „будуарной политикой“. Политика эта не возвысила ихъ краснорѣчія: она была сплетена изъ лжи и мелочной злобы, и они проводили ее, какъ риторы.

Общественное мнѣніе не приняло поэтому въ серьезъ, какъ мы то дѣлаемъ нынѣ, эти ораторскіе аргументы. Камиллъ Демуленъ, несправедливый въ иныхъ отношеніяхъ, правъ, когда онъ отмѣчаетъ „у Бриссо, Верньо и Гюаде, этихъ офиціозныхъ защитниковъ авиньонской Glacière ***), стараніе дѣлать каждый день

*) О переговорахъ жирондистовъ съ Дантономъ, см. Мельянъ, стр. 28, и Bailleul, Echaumon critique, etc., т. II, стр. 167.

**) Dauban, Etude sur M-me Roland, CXXIX.

***) Glacière или Trouillast—башня въ папскомъ замкѣ, въ Авиньонѣ,

новую трагедію изъ-за событіи 2 сентября“. Онъ видитъ въ этомъ „грубое противорѣчіе, особенно у Гирса, который воскликнулъ 3 сентября въ своей газетѣ: „Пусть они погибнутъ!“ *)).

Побѣжденные, они мечтаютъ о мести, о кровавой мести. Бюзю, въ своихъ мемуарахъ, угрожаетъ своимъ преслѣдователямъ эшафотомъ, и извѣстно, какъ безжалостно поступалъ Иснаръ въ Провансѣ послѣ Термидора (**). Пусть же, по крайней мѣрѣ, не представляютъ этихъ дѣятелей какими то мягкосердечными, сантиментальными, безутѣшными жертвами. Желая придать имъ черту милосердія, котораго не было въ духѣ того времени (***), только расслабляютъ ихъ твердые характеры и дѣлаютъ приторными эти мужественныя лица.

Другая черта, которую желательно было бы не встрѣчать въ ихъ рѣчахъ и которая преобладаетъ у робеспьеристовъ, это брань, клевета, незаслуженное презрѣніе къ противнику. Этотъ мотивъ не рѣдкій въ краснорѣчій жирондистовъ. Первые говорятъ, что Роланъ, Барбару, Бриссо — воры. Вторые чествуютъ та-

въ которомъ, въ ночь 16 октября 1791 г. разыгрались кровавыя событія. Чтобы отомстить за патриота Lescyer'a, звѣрски убитаго въ тотъ день въ церкви папскими сторонниками, французская партія, завладѣвъ городомъ, арестовала многихъ лицъ, чаще всего совершенно непрічастныхъ къ убійству Lescyer'a. Арестованныхъ, среди которыхъ было не мало женщинъ, заключили въ папскій замокъ, и, по настоянію главарей партіи, Дюпра, Жирдана и въ особенности Менвьеля, почти всѣхъ ихъ убили самымъ ужаснымъ образомъ, а изуродованныя тѣла ихъ бросили въ башню Glacière. Отсюда и названіе—Гласьерскія убійства.

Прим. пер.

*) Histoire secrète de la Revolution, въ его Сочиненіяхъ, изданныхъ Кларси, т. I, стр. 329.—О томъ, какъ жирондисты выступали въ защиту Жирдана, см. André Chénier — Oeuvres en prose, стр. 200.—По вопросу о томъ, питали ли жирондисты большее отвращеніе къ крови, чѣмъ другія партіи, см., что говоритъ Мишле объ убійствахъ, совершенныхъ жирондистами въ Лионѣ (Michelet, т. V., стр. 588).—Одинъ изъ виновниковъ Гласьерскихъ ужасовъ, Менвьель, засѣдалъ въ Конвентѣ въ рядахъ Жиронды и тамъ же засѣдалъ братъ Дюпра.

**) Послѣ Термидора Иснаръ выступилъ однимъ изъ руководителей марсельскихъ роялистовъ въ ихъ кровавомъ походѣ противъ революціонеровъ. Ему приписываютъ слѣдующія слова, сказанныя имъ роялистамъ: „Если у васъ нѣтъ оружія, если вы не имѣете ружей, то вырвите кости своихъ отцовъ и убивайте ими всѣхъ этихъ разбойниковъ“.

Прим. пер.

***) Или скорѣе—того часа. Дѣйствительный крикъ милосердія вырвался у Камилла Демулена въ 1794 г.

кимъ же образомъ Робеспьера и Дантона. Эти ругательства, смягченныя въ рѣчахъ жирондистовъ, проскальзываютъ въ ихъ памфлетахъ и бурно прорываются въ ихъ мемуарахъ. Да, они чистосердечно вѣрили сначала въ двоедушіе, затѣмъ въ безправственность своихъ противниковъ. „Они ошибаются; слѣдовательно, они порочны“. Это разсужденіе, обычное для Робеспьера, незнакомое Дантону, не чуждо имъ. Въ Сентъ-Эмиліонѣ они въ стихахъ и въ прозѣ бичуютъ мнимыя подлости своихъ противниковъ, выставляя ихъ кровопійцами и ворами. Якобинцы безчестны! Допустимъ еще относительно Шабо. Но вмѣстѣ съ послѣднимъ Бюзю клеймятъ попеременно Роберта Линде, Сентъ-Андре, Тюрю и остальныхъ *). Монополія честности принадлежитъ Жирондѣ: „Такъ или иначе, — говоритъ Бюзю, — но нужна была строгая честность для того, чтобы оставаться съ нами; нашъ кружокъ поэтому крайне ослабѣлъ къ концу“ **). Итакъ, честная и патріотическая Жиронда обвиняетъ въ воровствѣ и измѣнѣ не менѣе честную и не менѣе патріотическую Гору, а послѣдняя обвиняетъ въ томъ же Жиронду. Каждая полагаетъ, что другая обокрала *Garde-Meuble* и была подкуплена врагомъ. Печальный ораторскій мотивъ, которымъ злоупотребляютъ всѣ революціонеры и который жирондисты развиваютъ, быть можетъ, съ меньшимъ искусствомъ и меньшей естественностью, но съ такой же рѣзкостью.

Таковы общія идеи и общія тенденціи, составлявшія основу краснорѣчія жирондистовъ. Вотъ, въ чемъ они сходны между собою, вотъ, что ихъ сближало. Ихъ организационныя попытки, которыя они отрицали, какъ преступленіе, не мѣшали каждому изъ нихъ сохранять свои собственныя мнѣнія и бороться своимъ оружіемъ, по своему разумнію, бороться, конечно, словомъ, а не дѣломъ, къ которому нѣкоторые изъ нихъ были не способны. Выраженіе Мишле относительно Жиронды, что она родилась для прессы, для рѣчей, и ни для чего больше, не болѣе сурово, чѣмъ слѣдующее сужденіе Луве относительно его собственной партіи: „Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что среди жертвъ 31 мая имѣлось много людей замѣчательныхъ по своимъ рѣдкимъ талантамъ, способныхъ возвысить нравственность, преобразовать нравы, увеличить благосостояніе мирной республики, оказывать большія услуги отечеству своимъ честнымъ

*) *Mémoires*, стр. 69.

**) *Ib.* стр. 6.

поведеніемъ и своими общественными добродѣтелями; но что среди нихъ не было ни одного, привыкшаго къ фракціонной сутолокѣ, ни одного, способнаго нанести тѣ рѣшительные удары, которыми можно сломить заговорщиковъ, ни одного даже, который могъ бы угадать намѣренія противниковъ, объять однимъ взглядомъ широкій планъ заговора и, убѣдившись, наконецъ, въ его существованіи, желать бороться иными средствами, чѣмъ принципы морали и напыщенные рѣчи“ *). Безпристрастный и смысленый свидѣтель, Пагавель, еще лучше характеризуетъ Жиронду: „Жирондисты,—говоритъ онъ,—придали много блеска революціи, но совершенно не сумѣли руководить ея ходомъ“ **). Можно было бы сказать, что единственная цѣль ихъ—соперничать между собою въ краснорѣчіи и талантѣ. Они выступаютъ на политическую арену какъ будто для того, чтобы оспаривать другъ у друга пальму ораторскаго первенства; они одни могутъ тонко мыслить и удачно говорить—такъ они думаютъ и заявляютъ.

„То, что всѣ жирондисты единодушно аффектировали тогда (въ 1791 г.),—говоритъ еще Пагавель,—такъ это разнообразіе ораторскаго таланта и опасная претензія доминировать Ассамблею, имѣть рѣшающее вліяніе на ея совѣщанія. Вотъ основа той ненависти, которую даже кровь столькихъ знаменитыхъ жертвъ не могла потушить“ ***).

*) Mémoires, éd. Didot, стр. 241.

**) Т. II, стр. 164.

***) Т. I, стр. 451.

КНИГА IV.

Теоретики партіи: Бриссо и Кондорсе.

Какого порядка придерживаться при обзорѣ жирондистскихъ ораторовъ? Существовали ли въ этой столь многочисленной партіи подраздѣленія, правая и лѣвая? Иногда противопоставляли мнимыхъ олигарховъ, руководимыхъ Бриссо, федералистамъ, сгруппировавшимся вокругъ Верньо и Бюзо *). Но это историческая фантазія, заранѣе опровергнутая нашими замѣчаніями относительно внутренней организаціи Жиронды. Было бы правильнѣе сказать, что каждый ораторъ имѣлъ свою политику и требовалъ бы отдѣльнаго изученія. Чтобы придать, однако, нашимъ очеркамъ больше единства и больше ясности, мы изслѣдуемъ сначала краснорѣчіе двухъ теоретиковъ партіи, Бриссо и Кондорсе, перейдемъ затѣмъ къ Верньо и его бордосскимъ коллегамъ, затѣмъ къ друзьямъ г-жи Роланъ и наконецъ къ тѣмъ талантливымъ представителямъ партіи, которые были наиболѣе независимы отъ всякаго руководящаго вліянія, каковы Иснаръ, Ланжюине, Фоше. Въ самомъ концѣ мы скажемъ по нѣскольку словъ о второстепенныхъ ораторахъ, имѣвшихъ свой часъ успѣха, каковы Ласурсъ, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Манюэль, Валазе и нѣкоторые другіе.

Бриссо.

I.

„Федоръ—небольшого роста; на первый взглядъ онъ представляется совсѣмъ обыкновеннымъ; но въ его глазахъ и его

*) Biographie Didot, статья Верньо.

лицъ чувствуется, какая у него энергичная душа; это особенно замѣтно, когда онъ говоритъ. Ѳедоръ былъ бы ораторомъ, если бы онъ заблаговременно сталъ упражняться въ ораторскомъ искусствѣ. Его звучный голосъ, его воодушевленный взглядъ общались ему успѣхъ. Но онъ на трибунѣ читаетъ, а самая лучшая рѣчь, когда ее читаютъ, далеко не производитъ такого впечатлѣнія, какъ когда она импровизирована или хотя бы прочитана наизусть“. Впрочемъ, „онъ не очень любитъ говорить; можно было бы подумать, что онъ застѣнчивый. У него есть „страсть распространять сочиненія, будь то даже на свой счетъ“.— „Если бы онъ былъ богатымъ, то ни онъ, ни его близкіе не были бы первыми, чтобы пользоваться его богатствомъ“. Онъ приноситъ свою семью въ жертву человѣчеству, и этимъ объясняются его долги, которые не заставляютъ его краснѣть, „такъ какъ ни онъ, ни его близкіе не имѣли отъ нихъ пользы“. Онъ „слишкомъ легковѣренъ и добродушенъ“.— „Ѳедоръ оказался другомъ четырехъ или пяти министровъ; онъ имѣлъ свободный доступъ къ нимъ и давалъ имъ совѣты. Отсюда заключили, что онъ интриганъ, но о немъ плохо судили. Ѳедора интересовали лишь средства для утвержденія свободы; онъ мучилъ министровъ своими идеями. Онъ искалъ людей, могущихъ быть полезными, и хлопоталъ за нихъ даже безъ ихъ вѣдома“.— „Ѳедоръ такъ же мало знакомъ съ мстостью, какъ съ корыстью. Онъ рѣзко отвѣчаетъ на клевету, но не преслѣдуетъ клеветника. Его можно было бы упрекнуть въ слишкомъ большой снисходительности къ своимъ самымъ жестокимъ врагамъ. Онъ терпѣть не можетъ крови и не требовалъ бы головы тѣхъ, которые желали снять голову ему. По нѣкоторымъ произведеніямъ, вышедшимъ изъ-подъ его пера можно было бы подумать, что онъ полонъ злобы и мстительности, въ дѣйствительности же онъ не имѣетъ силы ненавидѣть“.— „У Ѳедора есть друзья, но не всегда между имъ и ними существуетъ душевная близость“.— „Насколько онъ мягокъ и сговорчивъ въ обществѣ, въ устныхъ спорахъ, настолько онъ рѣзокъ и неуступчивъ въ печатныхъ спорахъ“.— „Ѳедоръ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые лучше, когда они сами съ собою и которые, въ одиночествѣ, болѣе полезны обществу, чѣмъ когда они въ обществѣ“.

Такъ самъ Бриссо обрисовываетъ себя въ своихъ мемуарахъ подъ вымышленнымъ именемъ, согласно модѣ того времени *),

*) См. мой этюдъ *Les portraits littéraires à la fin du XVIII siècle, pendant la Révolution*, 1883, in-8.

но съ искренностью и точностью, которыя подтверждаются слишкомъ рѣдкими показаніями современниковъ, не внушенными очевидной недоброжелательностью. „Онъ былъ слабаго сложения,—говорить знавшій его Больё,—ниже средняго роста, нѣсколько уродливый; лицо его было блѣдное; онъ имѣлъ печальный видъ и одѣвался съ крайней простотой; онъ одинъ изъ первыхъ одобрилъ, для того, чтобы походить на квакеровъ, прическу безъ пудры, перенятую впоследствии франтами“. Монтаньярскіе историки видятъ въ немъ нечестнаго интригана, а жирондистскіе историки—интригана безкорыстнаго; и тѣ и другіе считаютъ интриганство доминирующей чертой его характера. Бюзю, однако, представляетъ его простосердечнымъ и прямодушнымъ: „Онъ былъ такъ мало рожденъ для интриги,—говорить онъ,—что малѣйшая искусственность или малѣшее притворство были для него мукой. Мы смѣялись иногда надъ его простотою и добродушіемъ и шутливо говорили: изъ всѣхъ возможныхъ бриссотинцевъ, онъ былъ наименѣе бриссотинцемъ“ *). Мельянъ и Bailleul подтверждаютъ это показаніе, и мемуары Бриссо, менѣе слабые, чѣмъ ихъ считалъ Мишле, свидѣтельствуютъ о непорочной, почти наивной душѣ.

Что онъ былъ честенъ, неподкупенъ, этого нельзя больше отрицать, несмотря на навѣты Моранда **) и Камилла Демулена. Онъ съ успѣхомъ отвѣтилъ всѣмъ своимъ клеветникамъ и обнажилъ всю свою жизнь, походившую скорѣе на жизнь одураченнаго, чѣмъ дурачившаго другихъ. Онъ доказалъ, что вышелъ съ честью изъ распри съ Свинтономъ, когда онъ въ Булонѣ редактировалъ *Courcier d'Europe*, въ которомъ онъ намѣревался познакомить Францію съ англійской жизнью, въ особенности съ политикой и краснорѣчіемъ англичанъ. Отвѣчая 10 августа 1791 г. чернившимъ его пасквилянтамъ, онъ ссылался на жителей Булони: „Я призываю въ свидѣтели,—писалъ онъ,—почтенныхъ жителей этого города, которыхъ я посѣщалъ; есть ли среди нихъ хоть одинъ, который, втеченіе моего годового пребыванія, обнаружилъ бы во мнѣ не то что пороки, но хотя бы зачатокъ

*) *Mémoires de Buzot*, éd Dauban, стр. 16.—Клоотеръ писалъ: „Что касается Бриссо, то я не знаю человека въ меньшей степени бриссотинца, чѣмъ онъ“. (*Ni Marat ni Roland*, ap. Buchez et Roux, т. XXI, стр. 140). Когда Дантонъ желалъ дразнить его, то онъ шутливо говорилъ ему: „Бриссо, вы бриссотинецъ!“ (*Camille Desmoulin*, ap. Buchez et Roux, т. XXI, стр. 34).

**) *Théveneau de Morande*, par. P. Robiquet. 1882. in-12.

одного изъ тѣхъ пороковъ, въ которыхъ меня упрекаютъ противники?“ *) Свидѣтельское показаніе, о которомъ онъ просилъ, было дано только сорокъ лѣтъ спустя, но человѣкомъ тѣмъ болѣе достойнымъ довѣрія, что его нельзя причислить къ поклонникамъ революціи. „Рожденный,—пишетъ Сентъ-Бёвъ,—въ мѣстности, гдѣ Бриссо жилъ одно время, въ Булонѣ, гдѣ онъ работалъ съ Свинтономъ, гдѣ онъ женился, родственникъ лицъ, принимавшихъ его тогда, и въ частности семейства Кавилье, знавшаго его въ эти, ставшіе предметомъ клеветы, годы, я никогда не слышалъ ни одного слова сомнѣнія относительно его неизмѣнной честности и постоянно непорочной бѣдности“ **).

Мы не думаемъ рассказывать здѣсь жизнь Бриссо, перипетіи которой заняли бы цѣлую книгу, и не намѣреваемся даже опровергать всѣ клеветническіе навѣты, возведенные на него ***). Онъ вполне оправдался въ своихъ мемуарахъ, которые слѣдовало бы читать лицамъ, упорно повторяющимъ еще и нынѣ выдумки жалкаго Моранда. Они побоялись бы послѣ этой столь честной исповѣди утверждать, что этотъ благородный распространитель философскихъ идей былъ никѣмъ инымъ, какъ презрѣннымъ полицейскимъ агентомъ, состоявшимъ на жалованьи „въ 150 фр. въ мѣсяцъ“, какъ то еще очень недавно писали, не давъ себѣ труда привести хоть тѣнь доказательства ****). Эти мемуары доказываютъ также, что если въ неудавшемся предпріятіи издавать *Luce de Londres* компаньонъ Бриссо, Дефоржъ, потерялъ 10.000 ливровъ, то это потому, что Бриссо былъ заключенъ въ Бастилію въ тотъ самый моментъ, когда онъ предпринялъ это смѣлое и благородное дѣло. Дефоржъ, алчность котораго почувля прекрасное дѣло, рискнулъ въ данномъ случаѣ тѣмъ же, чѣмъ рискуетъ лицо, на выгодныхъ условіяхъ одолживающее деньги для сомнительнаго предпріятія. Бриссо, если угодно, былъ въ этомъ дѣлѣ непредусмотрительнымъ, неловкимъ, но нисколько не безчестнымъ.

*) Réponse de Jacques-Pierre Brissot à tous les libellistes qui ont attaqué et attaquent sa vie privée. Paris, 10 août 1791, in-8.

**) Сентъ-Бёвъ, Введеніе къ письмамъ г-жи Роланъ Банкалю, стр. XLIII.

***) Бриссо родился въ Шартрѣ, въ 1754. Отецъ его былъ состоятельнымъ рестораторомъ и могъ дать своимъ многочисленнымъ дѣтямъ хорошее воспитаніе.

****) Taine, Les origines de la France contemporaine, т. III, стр. 133.

Что же касается недавно еще съ прикрасами повтореннаго обвиненія *) въ томъ, что онъ въ 1784 г. распространилъ „похабное„ произведение, *Le diable dans un bénitier*, то онъ дѣйствительно напечаталъ въ Англии такую брошюру; но невѣрно будто она была похабною, какъ порнографическія изданія, выпущавшіяся въ Лондонѣ противъ Маріи-Антуанетты: это былъ анти-министерскій памфлетъ, за который Бриссо заплатился краткосрочнымъ заключеніемъ въ Бастиліи.

Болѣе чѣмъ вѣроятно поэтому, что онъ былъ достоинъ той прекрасной репутаціи, которой онъ пользовался въ первые годы революціи; и несомнѣнно, что до выборовъ 1791 г. онъ былъ популяренъ и уважаемъ въ той же степени, какъ Робеспьеръ. Его бѣдность и испытанныя имъ въ прошломъ несчастья доставили ему своего рода ореолъ. Но онъ пожелалъ представиться на выборахъ въ Законодательное Собраніе, и дворъ обращается къ полицейскому Моранду, а вскорѣ затѣмъ вокругъ имени Бриссо составляетъ позорная легенда, распространенная „Патріотическимъ Аргусомъ“ (*Argus patriote*). „Какъ если бы злой духъ,—говоритъ Мерсье,—отравилъ внезапно души и сердца всѣхъ жителей Парижа, они принялись позорить мягкаго, спокойнаго и добродѣтельнаго человѣка“ **). Образовали глаголь *brissoter*, который обозначалъ красть. Блестящій памфлетъ Камилла Демулена утвердилъ затѣмъ гениальнымъ языкомъ эти злонамѣренныя выдумки. Напрасно несчастный Бриссо боролся, отвѣчалъ, доказывалъ свою правоту,—его не слушали, не читали его возраженій, закрывали себѣ уши и глаза передъ этимъ невиннымъ.

Что, спрашивали, дѣлалъ онъ въ Булонѣ, въ Лондонѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ? Чѣмъ объясняются эти путешествія, это лихорадочное безпокойство, это добровольное изгнаніе? И клеветѣ нетрудно было выдумывать романы, театромъ дѣйствій которыхъ были Англія или Америка. Въ своихъ скитаніяхъ Бриссо, впрочемъ, встрѣчалъ и посѣщалъ худшую богему литературныхъ авантюристовъ, какъ *Pelporre*, *Swinton*, *Boissière* и др. Его легковѣріе ослѣпило его сначала на ихъ счетъ; затѣмъ,

*) Taine, т. III, стр. 133—См. *Biré*, *La légende des Girondins*, стр. 40; *Buchez*, XII, 10 и слѣд.; *Robiquet*, *Ghévèneau de Morande*, стр. 63—88; *Brissot*, *Mémoires*, гл. XLVIII; *наполеонъ—нашъ очеркъ La politique et l'éloquence de Brissot* (въ журналѣ *Révolution Française*, августъ и сентябрь 1884 г.).

***) *Nouveau Paris*. т. II, стр. 107.

когда, одураченный ими, онъ распознавалъ ихъ, наконецъ, то на рукѣ его уже остались слѣды грязи отъ ихъ прикосновенія, и въ 1792 г. Морандъ могъ съ высокоуміемъ кричать ему: „Ты мошенникъ, потому что ты былъ знакомъ со мною!“ Кромѣ того, непредусмотрительный и безпорядочный Бриссо имѣлъ долги. Въ 1793 г. онъ долженъ былъ 25,000 ливровъ. Эти деньги не были, конечно, израсходованы на его близкихъ, и бѣдному Бриссо пришлось выслушать не мало упрековъ отъ его Фелицетти, женщины умной, но которая, въ виду нищаго существованія ихъ и дѣтей, бывала часто строга къ философу, волновавшему Европу и имѣвшему лишь три рубашки*). И его обвиняли въ любви къ деньгамъ. Доведенный до отчаянія, онъ говорилъ своимъ врагамъ: „Взберитесь въ темную квартиру, которую я уже четыре года занимаю, на четвертомъ этажѣ, и взгляните на ея мебель: кромѣ книгъ, составляющихъ пріятное утѣшеніе въ несчастіи, все носитъ печать самой строгой умѣренности“**)... Но онъ писалъ это въ тюрьмѣ, для себя и для потомства, между тѣмъ, какъ это слѣдовало бы кричать на трибунѣ Якобинскаго клуба. Онъ не обладалъ, какъ Робеспьеръ, искусствомъ щеголять своей бѣдностью. А послѣдняя въ извѣстный моментъ была такова, что онъ, какъ мы видѣли, поселился со своей семьей въ покинутомъ чердакѣ замка Сень-Клу, и его жена сушила на единственномъ окнѣ то немногое бѣлье, которое у нихъ имѣлось. И послѣ этого утверждали, что Бриссо бриссотировалъ дворецъ!

Поведеніе этого простаго человѣка было одновременно и веумѣлымъ и искуснымъ. Сосредоточивъ взглядъ на картѣ Европы, между тѣмъ, какъ другіе не видѣли дальше своего клуба или своей секціи, онъ попадалъ, какъ астрономъ въ яму, во всѣ ловушки, разставленныя его репутациі. Съ другой же стороны, его политическія комбинаціи были, какъ мы увидимъ, замысловатыми, запутанными, почти макиавеллиевскими. Онъ хитрилъ со дворомъ, съ Европой, составлялъ ловкіе, часто глубокіе планы. Толпа называла эту тактику ложью и видѣла въ дипломатіи Бриссо доказательство двойственности и лживости его души. Однако, искусственность его политическихъ выдумокъ такъ же мало отражалась на его характерѣ, какъ мало добрый Кребиль-

*) Mémoires, т. I, стр. 22.

**) Mémoires, т. IV, стр. 329.

онъ *) раздѣлялъ адскія страсти своихъ героевъ. Онъ потребности своей семьи и свои собственные ограничилъ въ такой степени, что жилъ какъ какой-нибудь ремесленникъ и не считалъ себя изъ-за этого несчастнымъ, не говорилъ объ этомъ. Онъ былъ пуританцемъ, но пуританцемъ не суровымъ и не педантичнымъ. Его считали разореннымъ и опустившимся кутилой, въ дѣйствительности же, занятый болѣе важными дѣлами, онъ столь же мало заботился о своемъ костюмѣ, сколько о своей репутаціи.

Но его честность вызвала восхищеніе его близкихъ знакомыхъ, и г-жа Роланъ краснорѣчиво объяснила и восхвалила этотъ характеръ: „Его активность.--говоритъ она,--его добродушіе, не отказывавшіяся ни отъ чего, что онъ считалъ полезнымъ, придавали ему видъ человѣка, во все вмѣшивающагося, и послужили поводомъ къ обвиненію его въ интриганствѣ для тѣхъ, которымъ нужно было въ чемъ-нибудь обвинить его. Хорошій интриганъ тотъ человѣкъ, который никогда не думаетъ ни о себѣ, ни о своихъ, который настолько же не способенъ, насколько ему противно заниматься своими интересами, и который такъ же мало стыдится бѣдности, насколько мало боится смерти, видя въ той и въ другой обычную плату за общественныя добродѣтели! Я знала его посвящающимъ все свое время революціи, не имѣя никакой иной цѣли, какъ дать восторжествовать правдѣ и содѣйствовать общему благу, усидчиво работающимъ для своей газеты, которую могъ бы сдѣлать предметомъ спекуляціи, и довольствующимся вмѣсто этого скромнымъ жалованьемъ, которое ему давалъ его компаньонъ, забравшій всю прибыль для себя и сумѣвшій скопить себѣ капиталецъ въ этомъ товариществѣ, изъ котораго Бриссо вышелъ столь же бѣднымъ, какимъ онъ вступилъ“.

II.

Какъ Мирабо, Бриссо стремился къ энциклопедическому знанію, былъ, по крайней мѣрѣ, знакомъ со всѣми науками, а въ извѣстныхъ отрасляхъ обладалъ чисто личной компетентностью. Окончивъ успѣшно Шартрскій коллежъ, онъ поступилъ къ прокурору этого города, прекрасная бібліотека котораго удо-

*) Кребильонъ (Crébillon), французскій поэтъ XVIII вѣка, написавшій много весьма страшныхъ по своему содержанію трагедій. — *Прим. пер.*

влетворила его нарождавшуюся страсть къ чтенію и компиляціи. „Я разрабатывалъ одновременно,—говорить онъ,—всѣ области публичнаго, гражданскаго и даже каноническаго права, учился англійскому языку и итальянскому, старался выработать себѣ общую систему относительно механизма языковъ и продолжалъ свои изысканія въ области религіи“. Впослѣдствіи онъ самъ улыбался этой юношеской прыти, которая не была чужда нѣкотораго честолюбія, слишкомъ рано толкнувшаго его взяться за перо.

„Честолюбіе,—писалъ онъ въ 1782 г.,—было моимъ первымъ стимуломъ; желаніе богатства было вторымъ, когда я почувствовалъ многочисленныя нужды, окружавшія меня. Безумецъ!.. Я вѣрилъ тогда въ двойную глупость—составить себѣ богатство путемъ славы, и я работалъ съ жаромъ; я очень мало зналъ людей. Теперь я не вѣрю больше въ славу и не добиваюсь больше богатства, а стремлюсь къ благу моихъ ближнихъ, въ которое я вѣрю мало, но достаточно для того, чтобы поддерживать себя въ своихъ работахъ“ *).

Когда онъ хорошо усвоилъ англійскій языкъ, онъ сталъ изучать явленія общественной жизни въ Англии и достигъ того именно образованія, которое въ странѣ, неопытной еще въ политическомъ отношеніи, являлось наиболѣе полезнымъ для будущаго оратора. Его пребываніе въ Булонѣ, его сотрудничество въ *Courcier de l'Europe* доставили ему еще большія знанія въ этой области, слишкомъ туманно знакомой въ ту пору даже универсальному Мирабо. Наконецъ, онъ отправился въ Лондонъ, непосредственно слѣдилъ за парламентской жизнью и освоился съ той свободой, которую столько хвалили во Франціи со времени Монтескьё. И онъ не жилъ въ Лондонѣ какъ, напр., Сентъ-Эвремонтъ, слишкомъ презрительный, чтобы говорить на варварскомъ нарѣчій, или даже какъ Вольтеръ, слишкомъ занятый собой, чтобы близко присматриваться къ англійскимъ дѣламъ; наоборотъ, онъ превращался въ англичанина по своему языку, своимъ связямъ, своимъ правамъ.

Слѣдующій примѣръ покажетъ намъ, какими солидными и не входящими въ привычки французовъ работами онъ подготовлялъ свое собственное политическое воспитаніе и воспитаніе своихъ соотечественниковъ. „Неутомимый въ своихъ изысканіяхъ,—рассказываетъ онъ,—я не пожелалъ ограничиться изученіемъ поли-

*) De la vérité, стр. 19.

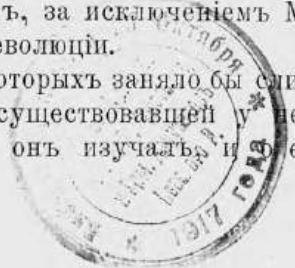
тических богатствъ Англїи. Среди книгъ, попадавшихся мнѣ подъ руку, я замѣтилъ громадное количество такихъ, въ которыхъ англичане обсуждали вопросы, касающіеся администраціи владѣній въ восточной Индіи. Я пожелалъ прочесть одну изъ нихъ. Эта область была мнѣ совершенно невѣдома, и я рѣшилъ познакомиться съ ней. И я не предполагалъ, за какой громадный трудъ я принимался и какое огромное количество томовъ мнѣ придется проглотить. Вступивъ на этотъ путь, я рѣшилъ преодолѣть всѣ препятствія и успѣлъ въ этомъ. Достигши вершины, я съ удивленіемъ увидѣлъ, какой я прошелъ путь: онъ былъ незнакомъ моимъ соотечественникамъ, а имъ важно было знать его, и я тотчасъ же принялся за работу, чтобы облегчить имъ это. Я предпринялъ сочиненіе относительно положенія англичанъ въ восточной Индіи и относительно положенія Индіи вообще, основываясь на докладѣ комитетовъ палаты общинъ, исторіяхъ, путешествіяхъ и другихъ произведеніяхъ, опубликованныхъ въ Лондонѣ. Мнѣ казалось, что такое сочиненіе должно принести пользу одновременно и наукамъ и правительствамъ; наукамъ—исторіи и географіи; правительствамъ, чтобы просвѣтить ихъ относительно дѣйствительнаго интереса, представляемаго Индіей, о которой нѣкоторые политическіе шарлатаны нарисовали имъ ложныя картины, чтобы вовлечь ихъ въ разорительныя войны*).

И параллельно со своимъ *Tableau de l'Angleterre*, онъ предпринялъ изданіе *Tableau de l'Inde*, предназначенное для его будущаго Лицея. Этотъ Лицей, какъ Бриссо возвѣщалъ въ распространенныхъ имъ объявленіяхъ, долженъ былъ быть „Ассамблеей и корреспондентскимъ бюро, учрежденными въ Лондонѣ для собраній и сношеній литераторовъ всѣхъ странъ“. Органъ этой интернаціональной академіи долженъ былъ называться „Газетою Лицея“ (*Journal du Lycée*) или „Періодическимъ отчетомъ о современномъ состояніи наукъ и искусствъ въ Англїи“.

Бриссо проявлялъ, такимъ образомъ, поразительную активность ума и такое разнообразіе знаній, какимъ, за исключеніемъ Мирабо, не обладалъ ни одинъ дѣятель революціи.

Произведенія Бриссо, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, свидѣтельствуютъ о существовавшей у него потребности вульгаризировать то, что онъ изучалъ и

*) *Mémoires*, гл. 47.

склонности быть народнымъ воспитателемъ, склонности, которая была бы педантичной, если бы она не была столь великодушной и безкорыстной.

Онъ былъ болѣе самостоятеленъ, какъ криминалистъ. Предисловіе къ его *Théorie des lois criminelles*, которое онъ послалъ Вольтеру въ 1778 г., доставило ему похвальное письмо отъ автора *Gréne*. Сочиненіе это появилось въ 1780 г. и обратило на себя вниманіе самостоятельностью мысли и научностью. Въ то же время онъ, по аналогичному сюжету, составилъ для академіи Шалона-на-Марнѣ двѣ записки, въ которыхъ были развиты нѣкоторыя смѣлыя идеи о собственности, сдѣлавшія его подозрительнымъ для властей и послужившія впоследствии предметомъ сарказмовъ для умѣренныхъ революціонеровъ. Съ 1782 до 1786 г. онъ издавалъ свою *Bibliothèque philosophique du législateur, du politique, du jurisconsulte sur les lois criminelles*. Это произведеніе заслужило одобренія экономистовъ и философовъ и было для самого Бриссо, когда онъ сталъ политическимъ дѣятелемъ, цѣлымъ арсеналомъ аргументовъ и фактовъ.

Кромѣ своихъ работъ объ Англіи, онъ интересуется всею европейскою политикою и въ 1785 г. печатаетъ два Письма къ Іосифу II относительно положенія дѣлъ въ Валахіи; въ этихъ письмахъ онъ оправдываетъ возстаніе народа противъ деспотизма. Наконецъ, онъ знакомитъ французскую публику съ американскою свободою въ своемъ сочиненіи *Examen du voyage du marquis de Chastellux dans l'Amérique septentrionale* (1786) и особенно въ своей книгѣ *De la France et des États-Unis* (1787 г.). Въ 1788 г. онъ отправляется въ Голландію, затѣмъ въ Америку, гдѣ онъ знакомится съ Вашингтономъ и гдѣ основался бы, если бы революція не призвала его во Францію.

Чего недостаетъ Бриссо, какъ писателю, такъ это стили, котораго онъ былъ лишенъ въ еще большей степени, чѣмъ Мирабо. Онъ учитъ, вульгаризируетъ, диссертуетъ, но не пишетъ. Его личность остается въ тѣни; перо его легкое и ясное, заботится онъ только о томъ, чтобы все сказать, и лишь изрѣдка у него прорываются краснорѣчивыя слова гнѣва или любви. Но если, когда въ 1789 г. онъ появился на политической сценѣ, онъ не обладалъ оригинальнымъ писательскимъ талантомъ, то онъ имѣлъ самыя разнообразныя и самыя солидныя знанія. Его образованіе не было лишь, какъ то указывали, библіотеч-

ной эрудиціей *); онъ не только читаль и мыслить, а видѣль, непосредственно наблюдалъ дѣла и людей Англии, Голландіи и Америки. И хотя онъ не могъ вполне совладать со своими свѣдѣніями, которыми черезчуръ полны его писанія и его рѣчи, онъ получилъ самое широкое ораторское и политическое воспитаніе, какимъ лишь могъ гордиться французъ въ 1789 г. Никто не былъ лучше его подготовленъ къ тѣмъ функціямъ, которыя онъ фактически выполнялъ при Законодательномъ Собраніи, именно—функціямъ министра иностранныхъ дѣлъ революціи.

III.

Пора сказать, какія идеи составляли фонъ политики и краснорѣчія того, кого прозвали мыслителемъ Жиронды **).

Что онъ думаль въ области религіозной?

Его семья была крайне набожной. Мать его поссорилась съ нимъ, когда онъ пересталь быть вѣрующимъ; его братъ постригся въ монахи; одна изъ его сестеръ, которую онъ очень любилъ, была набожной до экзальтаціи. Самъ онъ былъ воспитанъ священникомъ въ очень религіозномъ духѣ. Наконецъ, онъ прочелъ Руссо, и разумъ его эмансипировался. „Исповѣдь Савойскаго викарія.—разсказываетъ онъ,—открыла мнѣ глаза. Я съ увлеченіемъ искалъ книгъ за и противъ христіанства и проглатываль ихъ. Тяжба была скоро рѣшена въ моемъ умѣ, хотя прошло еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ я совершенно освободился отъ предразсудковъ, пустившихъ глубокіе корни въ моей душѣ. Ужасы ада часто тревожили мой сонъ и, чтобы прогнать ихъ, мнѣ приходилось прибѣгать къ столь сильнымъ аргументамъ Савойскаго викарія“ ***). Но, чтобы не причинить боли слишкомъ чувствительному сердцу своей сестры, онъ втеченіе года еще нѣсколько разъ причащался, но не исповѣдывался. Ему было тогда пятнадцать лѣтъ или около этого, и его характеръ уже представлялся такимъ, какимъ онъ былъ въ зрѣломъ возрастѣ, т. е. одновременно искреннимъ и сложнымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, хотя онъ уже былъ совершенно философомъ, онъ возымѣль намѣреніе стать бенедиктинцемъ, чтобы

*) Taine, Les origines...

***) Dauban, Mémoires inédits de Petion, etc. стр. 523.

***) Mémoires, гл. II.

спокойно предаться своей ненасытной страсти къ книгамъ. Къ счастью, одинъ бенедиктинецъ отговорилъ его отъ этого напѣнаго и наглаго плана.

Въ это время произошелъ въ его душѣ второй кризисъ. Онъ желалъ примкнуть къ какому-нибудь философскому теченію и долго колебался между деизмомъ и атеизмомъ. „Моя ненависть къ священникамъ,—говоритъ онъ,—толкала меня къ отрицанію Бога; моя совѣсть вновь приводила меня къ Нему, а мой разумъ влекъ меня къ терроризму. Въ такомъ состояніи сомнѣнія и заблужденія я провелъ нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, просвѣщенный сочиненіями Жанъ - Жака и внимательно прислушавшись къ своему внутреннему чувству, я рѣшилъ вѣрить въ Бога и урегулировать соответственно съ этимъ свое поведеніе. Одинъ лишь аргументъ меня поразилъ: или Богъ существуетъ или Онъ не существуетъ; если Онъ существуетъ, то, творя доброты, будешь счастливъ; если же Онъ не существуетъ, то ты не будешь болѣе несчастливъ, чѣмъ матеріалистъ, а земную жизнь ты проведешь счастливѣе его“ *).

Но этотъ деизмъ, вполне литературный и усвоенный, не помѣшаетъ Бриссо, какъ мы уже знаемъ, хвалить въ своемъ *Patriote français* атеистическую рѣчь Якоба Дюпона, что бы досадить религіозному Робеспьеру. Онъ, слѣдовательно, далеко не страшился атеистовъ. Даже, когда, незадолго до своей смерти, онъ представляетъ себѣ „тотъ другой міръ, въ который онъ вѣритъ, но который онъ не можетъ себѣ объяснить“, онъ, не колеблясь, помѣщаетъ рядомъ со своей сестрой, ярой католичкой, нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей—атеистовъ, такъ какъ,—говоритъ онъ,—они добры и безупречны при всемъ своемъ атеизмѣ **).

Бриссо не былъ, слѣдовательно, въ большей степени христианиномъ, чѣмъ большинство жирондиствъ.

Что касается его политики, то теоретически она была не только республиканской, но, что являлось рѣдкостью во время революціи, социалистической. Двадцати шести лѣтъ отъ роду онъ издалъ книгу о собственности, за которую аббатъ Морелле горько упрекалъ его въ 1792 г. ***) и въ которой, несмотря на

*) *Mémoires*, гл. II.

**) *Ibid.*, гл. I.

***) *Recherche philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol considérés dans la nature de la société*. Chartres, 1780 г. Это произведеніе перепечатано въ „философ-

юношескія заимствованія изъ Монтеня, Руссо, Дидро, онъ проявилъ дѣйствительную оригинальность мысли, опередивъ не одного изъ нашихъ современниковъ, совершенно не думающихъ что они имѣли предшественника въ лицѣ жирондиста. Не оспаривая этихъ смѣлыхъ теорій, которыя онъ никогда не думалъ примѣнить на дѣлѣ, мы ограничимся констатированіемъ того факта, что онъ приступилъ къ соціальной проблемѣ не съ ея мелкихъ сторонъ и что въ его умѣ не было при этомъ никакой тайной тенденціи, никакой скрываеваемой догмы, которыя иногда останавливаютъ на полъ-пути наиболѣе горячихъ.

Рядомъ съ этимъ теоретическимъ социализмомъ Бриссо имѣлъ и другія мнѣнія относительно счастья народа. По его *Nouveau voyage dans les États-Unis**) счастье это состоитъ въ прямотѣ и чистотѣ нравовъ, и слѣдуя въ этомъ за Руссо, онъ видитъ честные и чистые нравы только въ деревенской жизни. „Не очевидно ли, напримѣръ, что честные нравы естественно согласуются съ деревенской жизнью, что, слѣдовательно, для улучшенія нравовъ, надо вызвать отливъ людей изъ городовъ къ деревнямъ или удерживать эмиграцію изъ деревень въ города? Если американцы имѣютъ чистые нравы, то это потому, что девять десятыхъ изъ нихъ разбросаны по деревнямъ“ (**).

Въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ ожиданіи эшафота, онъ совѣтуетъ своимъ сыновьямъ жить въ деревнѣ: „Дѣти мои! предпочитайте занятія, связанныя съ деревенской жизнью. Человѣкъ всегда лучше, когда онъ близокъ къ природѣ“ (***)).

Политика должна была бы, слѣдовательно, стремиться препятствовать росту городовъ, этихъ школъ порока, и увеличить населеніе деревень. Для этого Бриссо не желаетъ запретительныхъ законовъ: мудро распределенные налоги и раздробленіе земель вернуть деревенской жизни заманчивость, которую она теряетъ съ каждымъ днемъ.

Всѣ его политическія теоріи проникнуты самой горячей филантропіей. Совсѣмъ молодой, онъ изъ любви къ людямъ же-

ской библіотекѣ“ Бриссо, т. IV.—Мы дали обстоятельный анализъ этого сочиненія въ нашемъ цитированномъ уже очеркѣ о Бриссо.—О спорѣ Морелле съ Бриссо см. Buchez et Roux, т. XIII, стр. 432.

*) *Nouveau voyage dans les États-Unis de l'Amérique septentrionale*. Paris. Brisson, 1791, 3 тома, in-8.

***) Предисловіе, стр. XIII.

***) *Mémoires*, т. I, стр. 4.

дасть учиться. Онъ не можетъ видѣть несправедливаго насилія безъ того, чтобы въ немъ не вскипала кровь. Въ 1782 г. онъ признается, что въ мечтахъ своихъ онъ желалъ бы быть „нагорнымъ проповѣдникомъ, внушать молодымъ ученикамъ свои принципы, приучать ихъ къ мысли о смерти, посылать ихъ по всей землѣ, какъ ангеловъ-губителей, чтобы наказывать виновныхъ и дать восторжествовать справедливымъ“^{*)}).

Онъ не узкій патриотъ. Революція по его мнѣнію, должна быть, совершена въ пользу всѣхъ угнетенныхъ націй, всего человѣчества, безъ различія расъ, въ пользу черныхъ, какъ и бѣлыхъ, ибо нѣтъ дворянства кожи. И философъ думаетъ раньше всего именно о неграхъ, потому что они—наиболѣе обездоленные, потому что они больше всѣхъ страдаютъ.

Въ Англии ему пришлось присутствовать на засѣданіи Общества для уничтоженія невольничества. Это было для него просвѣтленіемъ; онъ увидѣлъ необъятное поле для своей благородной дѣятельности и, вернувшись въ Парижъ, онъ основалъ вмѣстѣ съ Клавьеромъ и Мирабо, съ которыми онъ близко сошелся, Общество друзей черныхъ. Этотъ филантропическій клубъ, засѣданія котораго начались въ февралѣ 1788 г., посѣщали люди, которыхъ ожидала весьма различная будущность, Лафайетъ, Бергассъ, Ларошфуко, Ласенедъ, Вольней, Траси, Лавуазье, Пасторе, Петіонъ, Сіесъ, а подняте аббатъ Грегуаръ. Когда Бриссо вторично отправился въ Соединенные Штаты, ему было поручено изучить на мѣстѣ вопросъ объ освобожденіи негровъ.

Дебаты этого клуба дали толчекъ тому общественному теченію, которое нашло себѣ страстный откликъ въ Учредительномъ и Законодательномъ Собраніяхъ. Сколько краснорѣчивыхъ рѣчей, среди которыхъ и рѣчи самого Бриссо относительно Сенъ-Домингскихъ дѣлъ, было, безъ сомнѣнія, изложено въ своихъ наиболѣе общихъ чертахъ уже въ 1788 г. въ „Обществѣ друзей черныхъ“.

Можно также считать, что Общество это было однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣятели Учредительнаго Собранія учились владѣть словомъ. Возможно даже, что тамъ затрагивали и смѣло обсуждали не мало вопросовъ, имѣющихъ болѣе непосредственное отношеніе къ французской жизни. Болѣе того: широко гуманитарный характеръ великаго дѣла, предпринятаго Обще-

*) De la vérité, стр. 19.

ствомъ, сообщился и самой революціи. Поклонники этого идеала признали и учили другихъ считать революцію дѣломъ всего человѣческаго рода, и, полный огня и вѣры, Бриссо способствовалъ удаленію и уничтоженію географическихъ границъ, чтобы открыть новой мысли весь міръ. Эта тенденція внушала ему всю его воинственную политику, всё рѣчи, въ которыхъ онъ проповѣдывалъ войну, какъ необходимое оружіе для распространенія революціонныхъ идей. И если Жиронда взяла на себя инициативу вооружить революцію и пустить ее за предѣлы ея родины, чтобы, распространивъ справедливость во всей Европѣ, обезпечить господство ея во Франціи, то честь этого предпріятія, какъ и отвѣтственность за него, принадлежитъ Бриссо.

IV.

Таковы идеи, волновавшія умъ Бриссо въ тотъ моментъ, когда онъ выступилъ на политическую арену, идеи болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ Мирабо, и болѣе опредѣленныя, чѣмъ идеи Робеспьера или Верньо. Никакой предразсудокъ, никакая догма не останавливаютъ его: въ теоріи онъ весь смѣлость и прямота.

Иное дѣло на практикѣ. Этотъ столь свободный мыслитель ясно и точно сознаетъ всѣ трудности выполненія. Единственный, быть можетъ, среди своихъ современниковъ, онъ безъ стыда признается въ извѣстныхъ разногласіяхъ между политической теоріей и практической политикой. Такъ, размышленія и путешествія его сдѣлали его республиканцемъ; онъ, однако, поддерживаетъ до 1792 г. конституціонную монархію и, пока лишь этому представляется возможность, и даже позже того, защищаетъ Лафайета, рискуя, такимъ образомъ, своей популярностью. Если онъ составляетъ наполовину республиканскую петицію 17 іюля 1791 г., то онъ это дѣлаетъ въ порывѣ энтузіазма, когда теоретикъ беретъ въ немъ верхъ надъ практическимъ дѣятелемъ: 26 іюля 1792 г., болѣе чѣмъ черезъ годъ, онъ боязливо отсрочиваетъ дебаты о низверженіи Людовика XVI. Наконецъ, онъ, человѣкъ наивный, рожденный быть жертвой, онъ, похожій въ этомъ отношеніи на Марата *), вѣрится въ собственный макиавелизмъ, и если онъ считаетъ войну средствомъ благотворной пропаганды, то представляетъ онъ ее также какъ хитрую ловушку,

*) См. *Portrait de Marat, par Fabre d'Eglantine.*

разставленную королевской власти. Его намѣренія — всегда чистыя и народолюбивыя; поведеніе же его, какъ мы уже указали, запутанное, и злонамѣренности его противниковъ нетрудно выдать его за плута.

Какъ бы хитеръ онъ ни былъ, онъ, однако, проникнуть горячимъ революціоннымъ и эгалитарнымъ духомъ: одинъ изъ первыхъ онъ замѣняетъ слово господинъ словомъ гражданинъ; одинъ изъ первыхъ онъ украшаетъ себя именемъ санкюлота; онъ первый предлагаетъ одобрить красный колпакъ и прическу à la Titus, которая, послѣ термидора, выдавала якобинцевъ мести золотой молодежи. Такими перемѣнами въ манерахъ этотъ моралистъ надѣется измѣнить нравы и ввести братство при помощи внѣшняго равенства. Но онъ отказывается принуждать къ этимъ новшествамъ, и 23 декабря 1792 г. онъ пишетъ статью противъ обязательнаго „тыканья“.

Это онъ вооружилъ парижскій народъ пиками. Patriote отъ 26 октября 1791 г. приводитъ рисунокъ образцовой пики, а 13 февраля 1792 г. Бриссо въ сенсационной статьѣ объясняетъ, что пики эти предназначены для того, чтобы удержать дворъ въ границахъ его обязанностей: „Между тѣмъ, какъ враги народа готовятся къ борьбѣ противъ него, народъ тоже дѣлаетъ свои подготовленія; но онъ ихъ дѣлаетъ безъ утаекъ, открыто. Это прекрасное движеніе народа, готоваго подняться во всей своей силѣ, чтобы не допустить фатальной диверсіи, которая должна была предшествовать внѣшней войнѣ и сопровождать ее, это пробужденіе льва пугаетъ тѣхъ, которые рассчитывали на его сонъ.—Куда понесутъ эти пики?—спрашиваютъ они.—Повсюду, гдѣ будете вы, враги народа! — Ихъ прогуливаютъ на террасѣ фельяновъ какъ будто для того, чтобы угрожать тюльерійскому дворцу: осмѣлятся ли понести ихъ и туда?—Да, безъ сомнѣнія, если вы будете тамъ. — Но кто заказываетъ эти пики?—Необходимость.—Кто раздаетъ ихъ?—Патріотизмъ.—Кому дадутъ ихъ?—Смѣлости.—Каковъ будетъ результатъ этого новаго вооруженія?—Уничтоженіе враговъ народа“.

Своей популярности Бриссо достигъ какъ журналистъ. Вернувшись изъ Америки за мѣсяць до открытія Генеральныхъ штатовъ, онъ имѣлъ мужество пустить въ обращеніе объявленіе объ изданіи Patriote Français и выпустить, вопреки администраціи, первый номеръ 6-го же мая 1789 г. Газета Бриссо воскресла 28 іюля 1789 г. и жила до 2 іюня 1793 г. Въ ней имѣются не только полезныя и многочисленныя свѣдѣнія отно-

сительно политики Жиронды, официальные сообщенія Ролана, серія прокламацій Петюна, но еще статьи Бриссо, являющіяся образцами популярнаго краснорѣчія, проникнутаго здравымъ смысломъ и энтузіазмомъ. Несомнѣнно, что онъ болѣе ораторъ съ перомъ въ рукѣ, чѣмъ на трибунѣ; онъ—истинный журналистъ.

*Patriote**) является, слѣдовательно, органомъ наиболѣе живой и наиболѣе активной части Жиронды. На столбцахъ этой столь интересной для исторіи газеты развивается послѣдовательная, выдержанная политика, недостающая другимъ жирондистскимъ газетамъ. Доказываетъ ли это, что Бриссо былъ дѣйствительнымъ главаремъ партіи? Да, если вѣрить монтаньярамъ, для которыхъ жирондисты были скорѣе бриссотинцами**) и которые, въ революціонномъ трибуналѣ, предложили Бриссо кресло, предназначенное для главара заговорщиковъ. Нѣтъ, если вѣрить самимъ жирондистамъ, которые хвастали тѣмъ, что не составляли партій и не подчинялись ничему руководству. „Кто только былъ знакомъ съ Бриссо,—говоритъ Мельянъ,—тотъ долженъ знать, что никто не былъ въ большей степени неспособенъ образовать партію. Это былъ кабинетный человекъ, любознательный, домосѣдъ, мягкій и спокойный въ обращеніи и лишенный той смѣлости, безъ которой нельзя никогда быть какимъ бы то ни было главаремъ. Онъ отличался даже слабостью характера, благодаря которой онъ оказывался скорѣе позади другихъ, чѣмъ во главѣ ихъ***). Самъ Бриссо протестовалъ противъ того, что ему приписывали роль главара партіи, и писалъ въ своемъ проектѣ защитительной рѣчи: „Но имѣютъ ли, по крайней мѣрѣ, заговорщики главара ловкаго, смѣлаго, могущественнаго по своимъ средствамъ, по своему краснорѣчію, по своему вліянію на толпу, своего рода Катилину? Нѣтъ, имъ даютъ въ главари человека, котораго они не знали, который скрывался отъ нихъ,

*) Бриссо не сотрудничалъ въ немъ съ того дня, какъ былъ изданъ декретъ, запрещающій членамъ Конвента писать въ газетахъ и статьи, помѣщенные въ *Patriot* съ 11 марта до 2 июня 1793 г. принадлежать *Girey-Dipré*.

**) Такъ, Камилль противопоставляетъ его одинокому Марату: „Но Ж.-П. Бриссо! Онъ то главарь, достойный того, чтобы имя бриссотинца было дано всякому члену законодательнаго учрежденія, сыгравшему съ націей какую нибудь интригантскую штуку, какъ нѣкогда давали имя *impérator* генералу, убившему семь тысячъ враговъ“! И далѣе: „Но Ж. П. Бриссо! Вотъ личность! Онъ то имѣетъ партію“! *Revolutions de France et de Brabant*, вторая часть, № 12 (ноябрь 1792 г.).

***) Meillan, стр. 99.

какъ великій Лама отъ своихъ подданныхъ, человѣка застѣнчиваго, бѣднаго, избѣгающаго людей, замкнутаго въ своемъ кабинетѣ и въ своей семьѣ, не выступающаго ни на какой трибунѣ, главаря, однимъ словомъ, который, по выраженію Сенъ-Жюста, ведетъ заговоръ одинъ-на-одинъ, и этотъ главарь никто иной, какъ я. Я—главарь партіи! Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мнѣ приписываютъ эту роль, и я до сихъ поръ не могу рѣшить, желалъ ли авторъ этой выдумки пошутить или поступить жестоко*).

Однако, первое жирондистское министерство образовалъ именно Бриссо. Это онъ, отъ имени Комитета Вандомской площади, предложилъ (21 марта 1792 г.) Ролану портфель внутреннихъ дѣлъ; это онъ намѣтилъ для финансовъ своего близкаго друга, Клавьера; и, безъ сомнѣнія, выборъ Дюмурие состоялся не безъ его участія. Когда же министерство образовалось, то онъ послалъ Ролану письма, вродѣ слѣдующаго: „Мой дорогой Роланъ! посылаю вамъ списокъ тѣхъ, которыхъ вы должны принять на службу. Вы и Лантена должны постоянно имѣть его передъ своими глазами, чтобы назначать на какую бы то ни было должность только тѣхъ, которые рекомендованы вамъ настоящимъ спискомъ“.

Отсюда слѣдуетъ заключить, что до 10 августа Бриссо имѣлъ непосредственное вліяніе на все правительство, и это было тѣмъ болѣе естественно, что благодаря ему восторжествовала воинственная политика, составлявшая *raison d'être* министерства Ролана. Особенно значительна была его роль въ руководствѣ иностранными дѣлами, и въ этой области онъ даже при Конвентѣ сохранилъ большое вліяніе и своего рода нравственный авторитетъ.

Въ общемъ можно сказать, что, насколько лишь это было возможно въ то время и съ такими людьми, какъ жирондисты, онъ былъ главаремъ партіи въ періодъ перваго министерства Ролана, созданнаго имъ.

V.

Какъ ораторъ, онъ имѣлъ своихъ поклонниковъ, и, до тѣхъ поръ, пока онъ былъ популяренъ, его краснорѣчіе производило несомнѣнный эффектъ, хотя онъ свои рѣчи читалъ.

*) *Memoires*, т. IV, стр. 399.

Въ кризисѣ, послѣдовавшемъ за бѣгствомъ въ Вареннѣ, онъ былъ въ числѣ первыхъ якобинскихъ ораторовъ*). Его рѣчь о неприкосновенности короля является кульминаціоннымъ пунктомъ его ораторскаго успѣха и его революціонной смѣлости. Г-жа Роландъ, присутствовавшая на засѣданіи, была охвачена энтузіазмомъ. „Это не былъ больше,—говоритъ она,—обыкновенный ораторъ; это былъ свободный человѣкъ, величественно, съ благородствомъ и превосходствомъ самого духа свободы защищавшій дѣло рода людскаго. Онъ убѣдилъ умы, наэлектризовалъ души, внушилъ то, что хотѣлъ; ему отвѣчали не аплодисментами, а криками восторга. Три раза увлеченная Ассамблея подымалась, какъ одинъ человѣкъ, съ простертыми руками, съ поднятыми вверхъ шляпами, въ невыразимомъ восторгѣ. Пусть погибнетъ навсегда тотъ, кто, переживъ и раздѣливъ эти великіе порывы, сможетъ вновь согласиться на оковы!“ **).

Какія же мысли разпывалъ Бриссо?

Онъ опровергалъ фикцію неприкосновенности дѣйствующаго, какъ отдѣльная личность, короля нынѣ уже устарѣвшими, но тогда новыми и сильными аргументами. Затѣмъ онъ доказалъ всю неосновательность возраженія, что Европа не допуститъ суда надъ Людовикомъ XVI. Европа? Но она безсильна передъ революціей.

„Какіе солдаты деспотизма могутъ долго устоять противъ солдатъ свободы? Солдаты тирановъ болѣе дисциплинированы, чѣмъ мужественны, проникнуты болѣе страхомъ, чѣмъ преданностью; они хотятъ денегъ, не отличаются вѣрностью, дезертируютъ при первой возможности. Солдаты же свободы не боятся ни усталости, ни опасности, ни голода, ни безденежья; тѣ деньги, которыя онъ имѣетъ, онъ съ радостью отдаетъ на защиту своей страны; онъ бѣжитъ, онъ летитъ на призывъ свободы, между тѣмъ, какъ деспотизмъ заставилъ бы его сдѣлать лишь нѣсколько вялыхъ шаговъ. Пусть будетъ уничтожена одна патріотическая армія, тотчасъ же изъ праха ея вырастетъ другая, ибо при свободѣ всякій является солдатомъ: мужчины, женщины, дѣти, свя-

*) Въ началѣ революціи онъ былъ извѣстенъ не только какъ редакторъ *Patriota*. Онъ былъ также членомъ перваго парижскаго муниципалитета. Когда Бастили была взята, то „ключи крѣпости были переданы Бриссо, который, за нѣсколько лѣтъ до этого, самъ былъ заключенъ въ этихъ вертепахъ деспотизма“. (*Moniteur, réimpr.*, т. I, стр. 195).

***) Письмо къ Банкамлю отъ 11 іюля 1791 г.

ценники, судьи. Два пораженія уничтожаютъ въ Европѣ самую многочисленную армію тирановъ. Солдатъ же свободы пораженія просвѣщаютъ, возбуждаютъ, не уменьшая ихъ числа.

„Вы, сомнѣвающіеся въ томъ, что любовь къ свободѣ можетъ толкнуть людей на удивительные, сверхъестественные подвиги, смотрите, что сдѣлали американцы, чтобы завоевать себѣ независимость; посмотрите на доктора Варрена, никогда не державшаго ружья въ рукахъ и сумѣвшего съ кучкой плохо вооруженныхъ и не обученныхъ дисциплинѣ американцевъ защищать небольшой холмъ, уложивъ, прежде чѣмъ сдаться, больше тысячи двухсотъ англійскихъ солдатъ. Посмотрите на генерала Вашингтона, съ тремя или четырьмя тысячами крестьянъ выдерживающаго натискъ болѣе чѣмъ тридцати тысячъ англичанъ и смѣющагося надъ ихъ силами. Послѣдуйте за нимъ въ Трентонъ. Солдаты его, сказалъ онъ мнѣ, не имѣли сапогъ; ледъ, раздиравшій имъ ноги, былъ окрашенъ ихъ кровью. „Завтра мы будемъ имѣть сапоги,—говорили они:—мы побьемъ англичанъ“. И они, дѣйствительно, побѣдили ихъ.

„Державы, объединяющихся противъ свободной націи, ждетъ ужасная участь: онѣ могутъ быть почти увѣрены въ томъ, что потеряютъ въ странѣ свободы свои войска и свои деньги. Тридцатилѣтняя война, которой Голландія купила себѣ свободу, является вѣчнымъ урокомъ для тирановъ, которые пожелали бы покушаться на нашу свободу. Самая могущественная держава того времени потерпѣла пораженіе въ этой открытой странѣ, которую ничто не защищало, кромѣ мужества и преданности ея жителей. Казна многихъ государствъ погибла тамъ. Тираны знаютъ эти поучительные примѣры и не повторяютъ ихъ. Они знаютъ нынѣ слишкомъ хорошо, что если ихъ дѣло—дѣло всѣхъ тирановъ, то наше дѣло—дѣло всѣхъ націй и что среди ихъ подданныхъ и солдатъ мы можемъ считать почти столько же братьевъ и защитниковъ.

„Каковы же должны быть теперь ихъ мысли и ихъ цѣль? Помѣшать распространенію деклараціи правъ, угрожающей всѣмъ тронамъ, и поддержать возможно дольше окружающій ихъ престижъ. Что же, предупредить ли иностранные государи зараженіе свободой, если они вооружатся противъ насъ и наводнять Францію своими войсками? Могутъ ли они рассчитывать на то, что ихъ солдаты не услышатъ нашихъ святыхъ гимновъ, что они не будутъ прельщены конституціей, дѣлающей всѣ должности доступными для всѣхъ и для которой всѣ люди

равны? Не должны ли они опасаться, что ихъ солдаты, сбросивъ съ себя цѣпи, послѣдуютъ примѣру цѣмцевъ въ Америкѣ, стапуть подъ наши знамена свободы, войдутъ въ наши семьи, будутъ обрабатывать наши поля, которыя стануть ихними?..

„Желаете ли вы еще лучше убѣдиться, насколько мало страшными они должны вамъ казаться? Разсмотрите положеніе ихъ государствъ“.

Давъ картину Европы, которую онъ еще неоднократно повторить на трибунѣ, такъ какъ это является его любимой ораторской темой, онъ заключаетъ:

„Что отсюда слѣдуетъ? Что всемъ иностраннымъ державамъ приходится бояться вліянія французской революціи и что Франціи нечего бояться ихъ. Отсюда слѣдуетъ, что эти державы ограничатся тѣмъ, что будутъ страшить насъ пугалами, но никогда не осмѣлятся осуществить своихъ угрозъ. Да если бы они и осуществили ихъ, то недостойно француза бояться этого; съ нашей стороны было бы достойно предупредить ихъ. А! эти опасенія давно бы исчезли, если бы наше министерство состояло изъ патриотовъ или если бы наше Національное Собраніе пожелало принять внушительную позу по отношенію ко всемъ европейскимъ державамъ. Штатгальтеръ Голландіи осмѣлился угрожать английскому Долгому парламенту, и парламентъ тотчасъ же объявилъ ему войну. Людовикъ XIV и Мазарини дали убѣжище сыну Карла I: парламентъ объявилъ горделивому монарху, что онъ долженъ изгнать Карла изъ своихъ владѣній, и гибкій Мазарини подчинился. Забудьте, что этому парламенту, который велъ себя такъ вызывающе по отношенію къ иностраннымъ державамъ, приходилось при этомъ усмирять возставшія Шотландію и Ирландію и что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 40—50 тысячъ солдатъ; мы же имѣемъ три милліона гражданъ-солдатъ. За-границей его боялись; тамъ будутъ бояться и насъ, если Франція захочетъ, наконецъ, заговорить тѣмъ тономъ, который подобаетъ взять людямъ свободнымъ и справедливымъ по отношенію къ тиранамъ, ободряемымъ нашимъ молчаніемъ: тогда наши бѣглецы исчезнутъ изъ ихъ государствъ, тогда перестанутъ волновать умы ложными опасеніями“.

Понятно, что человекъ, произнесшій такую рѣчь и скоро послѣ этого составившій пламенную петицію Марсова поля, пугаль сторонниковъ двора своей, до извѣстной степени рассчитанной пылкостью и ловкой смѣлостью своей политики; и они, дѣйствительно, пустили все въ ходъ, чтобы воспрепятствовать ему

войти въ Законодательное Собрание. На него напустили Моранда, навѣты котораго произвели, какъ мы видѣли, такой эффектъ, что политическая карьера Бриссо была на моментъ скомпрометирована. Только послѣ нѣсколькихъ перебаллотировокъ и многочисленныхъ превратностей парижское избирательное собрание выбрало его двѣнадцатымъ изъ своихъ двадцати четырехъ депутатовъ *). И въ рѣчи, которой онъ благодарилъ своихъ избирателей, чувствуется глубокая радость по поводу того, что перенесенныя имъ страданія и оскорбленія, наконецъ, отомщены.

Скоро убѣдились, что, несмотря на свою, вошедшую въ поговорку, легкость, онъ не будетъ принадлежать къ тѣмъ ораторамъ, которые говорятъ по всякому поводу. Онъ выступилъ на трибунѣ Законодательнаго Собрания только 20 октября 1791 г., въ знаменитыхъ дебатахъ объ эмигрантахъ, въ которыхъ приняли участіе Иснаръ, Кондорсе и Верньо.

Всѣ четверо пришли, приблизительно, къ тѣмъ же заключеніямъ и говорили въ одномъ духѣ, но ораторскій методъ ихъ былъ весьма различный. Иснаръ, Кондорсе и Верньо исходили изъ абстрактныхъ принциповъ, моральныхъ идей и, основываясь на нихъ, строго рассуждали или патетически увѣщевали. Бриссо взявъ исходной точкой факты, въ особенности политическое положеніе Европы, давъ еще разъ подробную и точную картину этого положенія. Онъ заключилъ, что, дѣйствуя смѣло, Франція заставитъ слабыхъ и враждующихъ между собою монарховъ выразить неодобреніе эмигрантамъ, а эмигрантовъ прекратить свои маневры или вернуться. Вѣрный своей воинственной политикѣ намѣченной уже въ рѣчи о неприкосновенности короля, произнесенной имъ въ якобинскомъ клубѣ, онъ далъ понять, что самое ловкое и самое благоразумное было бы объявить войну монархической Европѣ.

Это, болѣе свойственное англичанамъ, чѣмъ французамъ, стараніе излагать факты детально и ясно и отсюда выводить политику, обращаясь къ идеямъ морали лишь постольку, поскольку къ этому обязывалъ духъ времени, лишаютъ рѣчи Бриссо краснорѣчиваго характера (въ узкомъ смыслѣ слова), къ которому стремились и его друзья — жирондисты и, кромѣ Дантона, его противники монтаньяры. Его рѣчи являются длинными диссертаціями, которыя поучаютъ, заставляютъ мыслить, даютъ даже

*) См. L'Assemblée électorale de Paris (1791—1792) par Etienne Charavay 1894, in—8.

слушателю полное представлѣніе о дебатируемомъ вопросѣ. Это скорѣе хорошія журнальныя статьи, вродѣ тѣхъ, которыя Бриссо читалъ и писалъ въ Англии. Ораторъ старается больше быть полнымъ, неопровержимымъ, чѣмъ подчинить себѣ убѣжденіе яркимъ лозунгомъ, быстрымъ порывомъ. Онъ не торопится, ему никогда не кажется, что рѣчь его слишкомъ длинна; онъ простривенъ, если не многословенъ, и, хотя онъ говоритъ только полезныя вещи, кажется, будто онъ слишкомъ растягиваетъ.

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ находится во власти сильнаго чувства, когда онъ, напр., защищаетъ свою честь или свою жизнь, онъ настолько же не имѣетъ ораторскаго стиля, насколько писательскаго. Онъ говоритъ ясно, легко, но безъ собственнаго колорита. Мы цитировали выше рѣчь о неприкосновенности, въ которой онъ желаетъ доказать, что короли должны бояться революціоннаго зараженія своихъ солдатъ. Чтобы доказать это, ему нужно пятьдесятъ строкъ, интересныхъ и полныхъ справедливыхъ мыслей, но лишенныхъ хотя бы одного слова, которое бы обратило на себя вниманіе, вѣзало въ умъ. Истинный ораторъ возьметъ ту же тему и въ нѣсколькихъ словахъ придастъ ей форму и жизнь: „Они знаютъ, скажетъ Верньо, что не существуетъ Пиренеевъ для философскаго духа, который вернулъ вамъ свободу; они побоятся послать своихъ солдатъ на землю, пылающую еще этимъ священнымъ пламенемъ; они устроятся того, чтобы день битвы не превратилъ двѣ враждующія арміи въ одинъ народъ братьевъ“.

Но, за недостаткомъ стиля, рѣчь Бриссо дышала искренностью и убѣжденностью, что дѣлало его краснорѣчіе популярнымъ. Если его нѣсколько многословная фраза не всегда блистала и производила впечатлѣніе, то его манеры практическаго моралиста нравились и ему прощали его растянутость въ виду его столь открыто революціонныхъ намѣреній. Массѣ импонировала также его дѣйствительная эрудиція. Ораторскіе успѣхи не были поэтому рѣдкостью для редактора *Patriot'a*.

Когда онъ появился на трибунѣ, чтобы произнести рѣчь объ эмиграціи, его, прежде чѣмъ онъ открылъ ротъ, привѣтствовали долгими аплодисментами; когда же онъ кончилъ, придя къ заключенію, что необходимо принять строгія мѣры, но не противъ безвѣстной толпы эмигрантовъ, а противъ ихъ главарей—обоихъ братьевъ короля, то трибуны устроили ему овацію.

Онъ говорилъ лишь черезъ долгіе промежутки, всегда при серьезныхъ обстоятельствахъ и для того, чтобы сдѣлать что-либо,

имѣющее государственную важность. Почти все его краснорѣчіе сосредоточилось на двухъ вопросахъ: дѣлахъ негровъ и войнѣ.

Мы видѣли, какое мѣсто занимать въ его умѣ вопросъ объ освобожденіи всѣхъ темнокожихъ, негровъ или мулатовъ, и мы не кончили бы, если бы вздумали разбирать прочтенныя имъ на трибунѣ длинныя записки относительно того, какъ слѣдуетъ дѣйствовать для успокоенія возстанія на Санъ-Доминго. Онъ помѣшалъ Ассамблеѣ отдаться необдуманному гнѣву и краснорѣчиво разсказалъ ей о долгихъ страданіяхъ, толкнувшихъ негровъ на ужасныя преступленія, примѣры которыхъ дали имъ сами бѣлые. Роялисты постарались исказить его мнѣнія и представляли его въ своихъ газетахъ вдохновителемъ убійствъ, совершенныхъ черными. „Я хочу, — отвѣтилъ онъ 9 ноября 1791 г., — чтобы участь черныхъ была облегчена, но не цѣною крови моихъ братьевъ. Я былъ бы недостоинъ свободы, если бы совѣтовалъ хотя одному негру возстать противъ своего господина. Возмутительно, что люди, знающіе мое мнѣніе, которое раздѣляютъ и Петіонъ, Робеспьеръ, Грегуаръ, Клавьеръ, Кондорсе, пускаются на подобную клевету.“ (Многочисленные апилодисменты раздаются на трибунахъ и въ части Ассамблей).

10 іюля 1791 г. говоря въ Якобинскомъ клубѣ о неприкосновенности короля, онъ какъ бы принципиально обосновалъ свою воинственную политику и, какъ мы видѣли, показалъ, насколько война была бы полезна революціи. Въ декабрѣ и въ мартѣ онъ велъ въ пользу этой политики двойную кампанію въ Якобинскомъ клубѣ и въ Ассамблеѣ, безъ усталы преслѣдуя намѣченную цѣль.

16 декабря 1791 г. онъ требуетъ въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ раньше, чтобы революція атаковала Европу. „Силою разсужденій и фактовъ, — сказалъ онъ, — я убѣдился, что народъ, завоевавшій себѣ свободу послѣ десяти вѣковъ рабства нуждается въ войнѣ. Ему нужна война, чтобы утвердить свободу; она ему нужна, чтобы освободиться отъ пороковъ деспотизма; она ему нужна, чтобы удалить изъ своей среды тѣхъ людей, которые могли бы извратить его“. Эти идеи раздѣляетъ, впрочемъ, и главная масса якобинцевъ, у которыхъ онъ пользуется еще благоволеніемъ, какъ это видно изъ того, что, отвѣчая ему въ тотъ день, Дантонъ почтительно называетъ его „мужественнымъ атлетомъ свободы“.

29-го того-же мѣсяца онъ произноситъ въ Ассамблеѣ новую рѣчь въ пользу наступательной войны, опять даетъ утѣшитель-

ную картину положенія Европы и, какъ въ якобинскомъ клубѣ, показываетъ безсиліе различныхъ монархій. Его заключеніе все то же: „Война является въ настоящее время національнымъ благодѣяніемъ; единственное бѣдствіе, котораго можно опасаться, это—что войны не будетъ“.

30-го онъ еще разъ развиваетъ тѣ же мысли въ Якобинскомъ клубѣ и на сей разъ проявляетъ больше макиавеллизма, чѣмъ то надо было выказать. Въмѣсто того, чтобы сказать просто: война сорветъ маску со Двора,—онъ сказалъ съ вѣроломнымъ хвастовствомъ: „Я боюсь лишь одного: что не будетъ измѣны. Мы нуждаемся въ измѣнѣ: въ ней наше спасеніе“. Въ заключеніи этой своей рѣчи онъ выступилъ противъ тѣхъ, которые оскорбляли конституцію. Но такъ какъ Дантонъ и Робеспьеръ увидѣли въ этомъ личныя нападки, то Бриссо согласился измѣнить для печати это мѣсто. У него совершенно не было язвительности, которой отличались Луве и Гюаде, и онъ рѣдко допускалъ въ дебатахъ личныя пререканія.

17 января 1792 г., въ Законодательномъ Собраніи, онъ произнесъ на свою излюбленную тему первую рѣчь, длившуюся нѣсколько часовъ. Онъ предложилъ прекратить переговоры съ австрійскимъ императоромъ, послѣднее заявленіе котораго было смѣшнымъ, послать ему ультиматумъ и немедленно привести армию въ боевую готовность. 25-го былъ изданъ декретъ въ духъ идей Бриссо; но, по предложенію Героля, срокъ, назначенный ультиматумомъ, былъ продленъ до 1 марта. Политика Бриссо одержала, наконецъ, верхъ, и 20 апрѣля была объявлена война.

Между тѣмъ, разногласіе его съ Робеспьеромъ все болѣе усиливалось въ Якобинскомъ клубѣ. Его противникъ не переставалъ тамъ нападать на него, обвиняя его въ лафайетизмъ, въ диктаторской амбиціи. 20 января 1792 г. онъ отвѣтилъ на эти нападки съ патріотической умѣренностью. Онъ, въ той же степени, какъ Робеспьеръ, имѣетъ право сказать о себѣ: *innocens vitæ sceleŕisque purus*. Онъ не видѣлъ Лафайета съ 17 іюля 1791 г., а до этого времени онъ встрѣчался съ нимъ лишь разъ въ мѣсяцъ, чтобы поддерживать въ немъ искру патріотизма. „Я умоляю Робеспьера прекратить возмутительную борьбу, которая можетъ принести пользу только врагамъ общественнаго блага“. Извѣстно, какъ Дюсоль заставилъ ихъ облобызаться при аплодисментахъ членовъ клуба. Но Робеспьеръ выбралъ другой день для отвѣта и не сложилъ оружія.

На этотъ разъ спорящія стороны перемѣнились ролями.

Обыкновенно Жиронда обсыпала Робеспьера личными оскорблениями; въ данномъ же случаѣ атаку ведетъ Робеспьеръ и дѣлаетъ онъ это съ той же страстной язвительностью, которую онъ ставитъ въ упрекъ своимъ противникамъ. И между тѣмъ, какъ онъ всегда стоитъ на почвѣ принциповъ, чистой теоріи, онъ въ своей полемикѣ съ Бриссо становится на практическую точку зрѣнія, возстаётъ противъ войны изъ соображеній чисто оппортунистскихъ, предоставляя послѣднему роль теоретика и моралиста. Во всемъ этомъ спорѣ Бриссо имѣетъ то ораторское преимущество, что онъ защищаетъ наиболѣе героическое дѣло, и онъ превосходитъ самого себя каждый разъ, когда онъ прославляетъ войну, какъ революціонное и освободительное средство. „Признаюсь, — скажетъ онъ, — сознавая какія опасности насъ окружаютъ, видя, какъ ужасъ овладѣваетъ всѣми государями Европы, какъ они вооружаютъ, чтобы раздавить насъ, многочисленныя арміи, я испытываю нѣкоторую гордость, что принадлежу къ народу, который будетъ воевать съ ними, что живу среди этихъ битвъ, гдѣ свобода, борясь противъ деспотизма, призвана сыграть величайшую роль, гдѣ она дастъ возможность быстро расцвѣсти тѣмъ талантамъ и добродѣтелямъ, прекрасныхъ временъ Греціи и Рима, которымъ я завидовалъ. Я вижу въ этой войнѣ моральное возрожденіе націи: она одна способна искоренить тѣ старыя рабскія привычки, которыя, при мирномъ состояніи, скоро вернули бы насъ къ рабству“.

Бриссо не только внушилъ объявленіе войны своей рѣчью отъ 9 іюля 1792 г.—онъ способствовалъ еще тому, что военнымъ дѣйствіямъ былъ приданъ единственный характеръ, который могъ сдѣлать ихъ удачными и плодотворными, именно—характеръ революціонный. Несомнѣнно, что если-бы война велась по устарѣвшему монархическому методу, то она была бы полезна только для монархіи: она осуществила бы желаніе двора, сдѣлавъ возможнымъ появленіе непріятели въ Парижѣ. Непріятель въ Парижѣ! Вотъ перспектива, которую Бриссо краснорѣчиво рисуетъ своимъ коллегамъ, чтобы подготовить ихъ къ той исключительно революціонной энергіи, къ которой будетъ призывать и болѣе сильный голосъ Дантона. Непріятель въ Парижѣ! „Есть ли такой человѣкъ, который, вспоминая наши гражданскія празднества, наши политическія ассамблеи, свободу нашихъ дебатовъ, при которыхъ общественное мнѣніе суверенно устанавливаетъ законы страны, есть ли такой французъ, который, воспользовавшись хоть на моментъ свободой, не содрогнулся бы отъ ярости, еслибы

онъ былъ вынужденъ рабски преклониться передъ лютымъ уланомъ? А, пусть лучше погибнетъ Парижъ, чѣмъ быть оскверненнымъ подобнымъ зрѣлищемъ!" (Общія и долгіе аплодисменты).

Пользуясь этимъ энтузіазмомъ, Бриссо тотчасъ же выступаетъ противъ военной рутины, которая погубила бы революцію и которая, однако, не лишилась своего престижа даже въ глазахъ наиболѣе крайнихъ:

„Желаете ли вы, вмѣсто того, чтобы принять исключительную мѣру, придерживаться обычныхъ и до сихъ поръ столь медленныхъ пріемовъ рекрутскаго набора и, по положенію, ждать шесть мѣсяцевъ для того, чтобы имѣть оружіе? Вамъ нужны немедленно солдаты,—федерация вамъ ихъ дастъ. Она дала-бы вамъ ихъ въ еще болѣшемъ количествѣ и еще скорѣе, если-бы отказъ въ санкціи не помѣшалъ мудрой мѣрѣ, внушенной вамъ военнымъ министромъ. Но нужно принять всѣхъ тѣхъ, которые предложатъ свои услуги; надо немедленно отправить ихъ на поле брани, чтобы дополнить существующіе полки. Мнѣ говорятъ, что у нихъ не будетъ военной формы... Но какое значеніе имѣетъ для смѣлости цвѣтъ одежды и сама одежда? (Аплодисменты). Американцы не имѣли сапогъ, когда они побѣдили въ Трентонѣ.

„Нѣтъ, говорятъ, ружей; англійскіе рынки не доставляютъ; такъ что же? Вооружитесь пиками и топорами; измѣняйте свою военную тактику. Какъ, среди столькихъ опытныхъ людей, послѣдовательно принимавшихъ участіе въ нѣсколькихъ революціяхъ, не найдется ни одного гениальнаго человѣка, который угадалъ бы военное искусство свободнаго народа? Наконецъ, говорятъ еще, что у насъ недостаточно генераловъ; у васъ развѣ нѣтъ никакого средства найти таковыхъ? Кромвель, въ сорокъ лѣтъ, не умѣлъ еще владѣть ружьемъ, а шесть лѣтъ спустя онъ выигрывалъ сраженія. Почему? Потому, что тогда англичане знали, что для защиты свободы нѣтъ нужды слѣдовать обычнымъ правиламъ повышенія въ военныхъ чинахъ и поручать руководство арміей выжившему изъ ума старику или пораженному гангреной аристократу, потому только, что онъ прослужилъ извѣстное число лѣтъ. Не считайтесь же, пока отечество въ опасности, съ дѣйствующими въ мирное время правилами повышенія. Свобода, надежда на вѣнецъ доблести заставятъ скоро созрѣть таланты. Пусть укажутъ мнѣ на другія пренятствія; ни одно изъ нихъ не будетъ непреодолимо для рѣ-

ившагося спасти свободу Національнаго Собранія и для патріотическаго министерства. Надо воспламенить всѣ души. Еще одинъ или два мѣсяца и будетъ слишкомъ поздно и тайное желаніе нашихъ враговъ исполнится“.

VI.

Между тѣмъ, какъ Бриссо оказываетъ ополчившейся революціи ту великую услугу, что освобождаетъ ее отъ устарѣвшихъ военныхъ формулъ, Робеспьеръ ежедневно подрываетъ его популярность въ Якобинскомъ клубѣ, гдѣ онъ не показывался втеченіе шести мѣсяцевъ. 19 января 1792 г. онъ сознался, что „тяжелое дѣло, которое онъ взялъ на себя“, мѣшало ему аккуратно посѣщать засѣданія клуба. Скоро же дипломатическій комитетъ совершенно поглотилъ его. Якобинцы были оскорблены такой нерадивостью Бриссо; они увидѣли въ этомъ аристократическую пренебрежительность, хотя Бриссо не былъ ни пренебрежительнымъ, ни аристократомъ. Но при его философской разсѣянности казалось иногда, что онъ относится нѣсколько свысока къ фанатичной свитѣ Робеспьера. „Бриссо,—писалъ впоследствии Мерсье,—вступилъ въ это знаменитое общество, не запятнавшее еще себя кровью. и нѣсколько разъ говорилъ тамъ; но какъ только онъ увидѣлъ, что аксіомы мудрости переводятся тамъ на безумномъ нарѣчій, онъ удалился, убѣжалъ изъ этого вертепа“ *). Нѣтъ, у Бриссо не могло быть литературной антипатіи къ стилю якобинцевъ: онъ самъ отличался ихъ фразеологіей, ихъ нѣсколько многословной риторикой. Но онъ видѣлъ, что общество постепенно примыкало къ мирной политикѣ Робеспьера, и онъ неблагоразумно приберегъ себя для другой сцены.

Когда Робеспьеръ и его друзья донесли на него якобинцамъ какъ на измѣнника, Бриссо снова показался на трибунѣ клуба (25 апрѣля 1792 г.). „Меня—сказалъ онъ,—обвиняютъ, въ томъ, что я оставилъ это общество. Я, къ сожалѣнію, мало бываю здѣсь, но мой долгъ зоветъ меня въ Національное Собраніе. гдѣ почти всегда происходятъ вечернія засѣданія, и въ дипломатическій комитетъ, занятія котораго становятся все болѣе и болѣе интересными“. Онъ не обратилъ вниманія на оскорбленія, которыми его осыпали, но благородно возразилъ тѣмъ, которые, какъ Тальенъ и Шабо, клеветали на Кондорсе: „Кто вы такіе, чтобы

*) *Nouveau Paris*, т. II, стр. 114.

имѣть право на это? Что вы такое сдѣлали? Гдѣ ваши труды, ваши писанія? Втеченіе тридцати лѣтъ онъ, вмѣстѣ съ Вольтеромъ и Д'Аламберомъ, боролся противъ трона, противъ суевѣрія, противъ фанатизма парламентовъ и министерствъ — можете ли вы сказать то же о себѣ? Думаете ли вы, что если-бы пламенный духъ этихъ великихъ людей не проникъ мало-по-малу въ души и не открылъ имъ тайну ихъ величія и ихъ силы, думаете ли вы, что нынѣ раздавались бы на трибунѣ ваши рѣчи о свободѣ? Они ваши учителя, а вы клеветаете на нихъ, когда они служатъ дѣлу народа“ *).

Это прославленіе философовъ не очень понравилось Робеспьеру. Его друзья постарались увидѣть въ этомъ теорію, которую десятки разъ ставили въ упрекъ Жирондѣ, именно теорію какого-то политическаго мандаринства. Что же касается мотивовъ, которыми Бриссо объяснилъ свое отсутствіе, то они вызвали цѣлую бурю. Среди поднявшагося шума Камилль Демулень крикнулъ во весь голосъ: „О р а т о р ь-п л у т ь“. Одинъ изъ цензоровъ вмѣшался и указалъ Ассамблеѣ на Камилла; но противъ него не приняли никакой мѣры **). Уже тогда можно было безнаказанно оскорблять Бриссо.

Эта немилость не переступила еще, однако, границъ Якобинскаго клуба. Для народной массы, для трибунъ Ассамблеи Бриссо былъ еще „мужественнымъ атлетомъ свободы“. Рѣчь, которую онъ произнесъ 10 марта противъ Дельсара, только увеличила его популярность, которой онъ серьезно повредилъ лишь въ тотъ день, когда настоялъ на отсрочкѣ дебатовъ о лишеніи короля трона.

Засѣданіе Законодательнаго Собранія (26 іюля 1792 г.), которое мы имѣемъ въ виду, представляетъ, впрочемъ, громадную важность для исторіи революціи. Вопросъ о низверженіи возникъ во всѣхъ умахъ, такъ какъ для всѣхъ было ясно, что Людовикъ XVI находится въ заговорѣ съ непріятелемъ. Бриссо не отрицалъ очевиднаго, призналъ, что дѣйствительная опасность кроется въ Тюльери, и заявилъ, что онъ самъ будетъ голосовать за низверженіе, когда наступитъ для этого время. Но когда это время наступитъ? Только тогда, когда нація будетъ убѣждена въ виновности короля. Но не была ли она уже убѣждена въ этомъ? Нѣтъ. — Половина Франціи станетъ на сторону Людо-

*) La Société des Jacobins, т. III, стр. 526 и 529.

**) Ibid., стр. 527.

вика XVI и позволить неприятелю занять страну. Внезапно декретированное низверженіе было бы неконституціоннымъ и этимъ дало бы аристократамъ и реакціонерамъ поводъ защищать конституцію. Надо, — заключилъ Бриссо, — назначить комиссію, произвести слѣдствіе, собрать доказательства, установить ихъ неопровержимость и тогда, когда нація будетъ имѣть ясное представленіе о дѣлѣ, обсудить въ должныхъ формахъ вопросъ о низверженіи. Предварительно же надо послать королю послѣднее предостереженіе (адресъ, который составитъ Гюаде): пусть онъ призоветъ министровъ-патріотовъ и онъ спасетъ свой тронъ. Если, сверхъ чаянія, онъ согласится, то тѣмъ лучше для революціи. Если же онъ откажется, то это будетъ крупной уликой противъ него, и тогда слѣдственная комиссія примется за дѣло.

Когда Бриссо возвращался на свое мѣсто, то его сопровождали шиканья трибунъ, откуда, по словамъ одной газеты, въ него бросили даже сливами. Ассамблея одобрила всѣ предложенныя имъ мѣры, послѣдовавъ, такимъ образомъ, за Жирондой въ ея столь же опасной, сколько трусливой политикѣ. Съ того дня этотъ мыслитель и его друзья были потеряны въ общественномъ мнѣніи, и всякіе клеветническіе навѣты на ихъ счетъ стали возможными.

Въ этомъ дѣлѣ Бриссо, однако, далеко не подражалъ Барнаву. Его политика не скрывала на сей разъ никакой задней мысли, и всѣ мотивы его колебаній изложены въ его рѣчи. Искренній, когда онъ срывалъ маску съ Людовика XVI и когда онъ предлагалъ лишить его впослѣдствіи престола, онъ былъ не менѣе искрененъ, когда отсрочивалъ эту мѣру въ виду того, что народъ не былъ еще достаточно освѣдомленъ. Онъ дѣйствительно боялся, что нельзя будетъ, не распатавъ самой Франціи, вырвать съ корнемъ королевскую власть, у которой онъ предполагалъ корни, какихъ она уже не имѣла давно, со времени бѣгства въ Вареннъ. Онъ представлялъ себѣ уже, какъ роялисты-конституціоналисты подаютъ руку эмигрантамъ и пѣмцамъ, и видѣлъ революцію потопленной въ крови. Вотъ почему онъ стоялъ за мѣры промедленія, неудобства которыхъ онъ сознавалъ, но которыя казались ему менѣе опасными, чѣмъ послѣдствія немедленнаго лишенія престола.

Тогда смѣлые люди устроили, къ стыду Бриссо и его друзей, 10-ое августа, съ которымъ Франція спокойно согласилась. Эта народная побѣда, которой Жиронда какъ будто подчинилась, показала всю тщетность политики умѣренности и подготовила

господство Горы. Бриссо, бывший теоретикомъ этой политики, былъ вынужденъ послѣ успѣха возстанія стать, вмѣстѣ со своими друзьями, апологистомъ противоположной политики, и въ этой новой роли онъ былъ не менѣ искреннимъ, чѣмъ въ предыдущей; но толпа, раздраженная еще и ослѣбляемая къ тому же ловкими дѣятелями Горы, видѣла отнынѣ въ Бриссо законченный типъ лицемѣрнаго интригана и продажнаго измѣнника.

VII.

Несомнѣнно, что при появленіи своемъ въ Конвентъ, куда его послали избиратели Эры и Луары, онъ былъ обезкураженъ и озлобленъ своей непопулярностью. Онъ искренно думалъ, что надо уже остановить революціонный порывъ. Онъ полагалъ, выражаясь его собственными словами, что „такъ какъ королевская власть уничтожена, такъ какъ республика установлена, такъ какъ всѣ власти находятся въ рукахъ народа и его представителей, то патриоты должны были бы измѣнить свое поведеніе въ соотвѣтствіи съ измѣнившимся положеніемъ“. Надо возстановить порядокъ: „Народъ станетъ сожалѣть скоро о летаргическомъ спокойствіи своего прежняго рабства, если ему не доставятъ республиканскаго спокойствія“ *). И онъ видитъ въ монтаньярахъ лишь опасныхъ мутителей.

У него не нашлось, однако, слова порицанія за сентябрьскія убійства; только черезъ мѣсяць, послѣ долгаго размышленія, онъ, вмѣстѣ съ другими жирондистами, выразилъ негодованіе, которое напрасно было бы искать въ *Patriot's* отъ 2 до 10 сентября. Живя теперь съ роандистами и оскорбляемый, какъ они, якобинцами **), онъ, въ концѣ концовъ, проникся всѣми ихъ предразсудками и страстями.

Въ Конвентѣ онъ говорилъ рѣже, чѣмъ въ Законодательномъ Собраніи, но рѣчи его вызывали много шума. 1 января 1793 г. онъ выступилъ въ защиту апелляціи къ народу, дѣлая это съ чисто жирондистской цѣлью: онъ далъ понять, что, рѣшая вопросъ о судьбѣ короля, департаменты снова пріобрѣтутъ политическій авторитетъ и освободятся отъ гнета Паризя. Что тамъ Людовикъ XVI? Дѣло идетъ о томъ, чтобы пересилить

*) *Brisso à ses commettants*, стр. 2—7.

**) Изъ списка членовъ Якобинскаго клуба Бриссо былъ вычеркнутъ уже 10 октября 1792 г. См. *La société des Jacobins*, т. IV, стр. 376 p.

Робеспьера, Дантона и якобинскую диктатуру. „Въ невѣжествѣ толпы кроется тайна власти какъ мутителей такъ и деспотовъ; это оно обезпечиваетъ долгое существованіе искусству клеветать. Вотъ, почему они возстаютъ противъ философіи, желающей положить въ основу свободы всеобщій разумъ. Вотъ, почему они шутятъ относительно системъ воспитанія и пользы начальныхъ школъ. Все это вѣдь мелочи! Объ убійствахъ, вотъ о чемъ надо говорить народу! И вотъ почему они безпрестанно обвиняютъ аристократію таланта. Почему талантъ есть лишь нѣчто метафизическое? Съ какимъ удовольствіемъ эти вандалы и вельправали бы его, если бы коса ихъ могла добраться до него!“ И, вмѣстѣ съ Луве, онъ вопиовалъ за казнь Людовика XVI. но съ условіемъ, чтобы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе только послѣ того, какъ конституція будетъ утверждена народомъ.

Парижское общественное мнѣніе строго осудило поведеніе Бриссо въ этомъ дѣлѣ, и надо признать, что въ своей рѣчи онъ высказалъ лишь часть своей мысли. Читайте *Patriote* за декабрь 1792 и январь 1793 г.: желаніе спасти Людовика XVI чувствуется тамъ на каждой страницѣ. Что это, состраданіе къ королю? Конечно, нѣтъ. Но Бриссо полагалъ, что казнь Людовика XVI лишитъ Францію ея послѣднихъ симпатій въ Европѣ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ своимъ избирателямъ, онъ отнесетъ это событіе къ числу причинъ, благодаря которымъ пріостановились побѣды французовъ *). Между тѣмъ, въ своей рѣчи объ апелляціи къ народу онъ сказалъ, что можно гильотинировать короля, не считаясь съ Европой. На это противорѣчіе ему было указано въ революціонномъ трибуналѣ. Оно, однако, было лишь кажущимся: дѣлая видъ на трибуналь Законодательнаго Собранія, что его не беспокоитъ европейское общественное мнѣніе, онъ поступалъ, какъ политикъ, какъ дипломатъ, желающій проявить увѣренность, рѣшительность и устрашить тѣхъ, которыхъ онъ боится. Эти, быть можетъ, излишнія тонкости не были, конечно, поняты.

Какъ видитъ читатель, въ этомъ случаѣ Бриссо говорилъ еще какъ человекъ, имѣющій значительную отвѣтственность въ иностранной политикѣ своей страны. Онъ, дѣйствительно, былъ еще до 31 мая вліятельнымъ членомъ дипломатическаго комитета. Въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ онъ былъ докладчикомъ

*) *Brissot à ses commettants*, стр. 69.

соединенныхъ комитетовъ—дипломатическаго, морскаго и общественной защиты. Такъ, 12 января 1793 г., по поводу мѣръ, которыя слѣдуетъ принять по отношенію къ Англіи, онъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ объясняетъ почему англійское общественное мнѣніе, сначала благопріятное революціи, стало затѣмъ поощрять анти-французскую политику правительства Великобританіи:

„Политикамъ, вѣрящимъ еще въ старое равновѣсіе Европы, и коммерсантамъ, ищущимъ исключительныхъ рынковъ, насъ представили жадными завоевателями, желающими потрясти всю Европу, точно бы французы хотѣли сдѣлать изъ Нидерландовъ вторую Бенгалію; слабоумнымъ и суевѣрнымъ насъ всѣхъ представили атеистами, потому что одинъ депутатъ наивно признался на этой трибунѣ въ своемъ атеизмѣ *); пресвитеріанскимъ ригористамъ сказали, что мы осмѣливаемся упражнять свой разумъ и заниматься дѣломъ общественнаго блага даже въ воскресенье; людямъ, уважающимъ еще французскую націю, сказали, что она поработена горстью крамольниковъ; друзьямъ закона и врагамъ крови показали кинжалы, крича—вотъ религія французовъ... И въ то время какъ люди, съ давнихъ поръ пользующіеся общественнымъ уваженіемъ, возстанавливали противъ насъ англійскую націю подобными выдумками, въ это же время французскую республику провоцировали самыми явными оскорбленіями“.

1-го февраля 1793 г. Бриссо же, отъ имени комитета общественной безопасности, добился объявленія войны англійскому королю и штатъгальтеру Голландіи.

Это было его послѣднимъ важнымъ актомъ въ области внѣшней политики. Отнынѣ ему приходилось безпрестанно бороться противъ грубой клеветы его безжалостныхъ противниковъ. Такъ, 15 февраля 1793 г. ему приписали роялистское письмо, подписанное *Watteville*; кто-то передѣлалъ это имя въ *Warville* **). Это письмо было передано комитету общественной безопасности, который измѣнически сообщилъ его Марату. Бриссо не трудно было оправдаться; но Конвентъ позволилъ Базиру сказать по этому поводу слѣдующія оскорбительныя слова: „Вся вина чле-

*) Намекъ на рѣчь Дюпона.

Прим. перев.

***) Бриссо иногда подписывался *Brissot de Warville*, по имени принадлежавшаго ему семьѣ имѣнія—*Quarville*, которое онъ передѣлалъ въ *Warville*.

новъ комитета общественнаго спасенія и моя собственная заключается въ томъ, что, читая это письмо, находя въ немъ тонъ, манеры и стиль интригана, намъ показалось, что оно должно принадлежать Бриссо“.

3 апрѣля 1793 г. Бриссо опровергъ безъ всякаго труда обвиненіе въ соучастіи съ Дюмурье, которое въ него бросилъ Робеспьеръ.

22 мая онъ издалъ свою брошюру *A ses commettants*, являющуюся объявленіемъ безоцѣдной войны монтаньярамъ. Онъ предлагаетъ въ ней двѣ мѣры, столь же неосуществимыя, сколь насильственныя: 1) кассачія муниципалитета, 2) закрытіе Якобинскаго клуба. Эти столь важныя и откровенно признанныя намѣренія объясняютъ дни 31 мая и 2 іюня. Якобинцы перешли въ наступленіе, чтобы предупредить атаку со стороны жирондистовъ. Они признали Бриссо главаремъ заговорщиковъ, потому что онъ почти одинъ высказалъ вслухъ намѣреніе (лелѣяемое тайкомъ другими) уничтожить тотъ источникъ, который до сихъ поръ оживлялъ революцію.

Арестованный въ Муленѣ, привезенный въ Парижъ и преданный революціонному трибуналу, онъ удостоился чести занять знаменитое кресло, куда сажали главнаго обвиняемаго, предполагаемаго главара заговора.

Его защита, если вѣрить современникамъ, была ораторскимъ *chef-d'oeuvre*’омъ. Сама якобинская аудиторія была, по словамъ одного свидѣтеля, тронута до слезъ. Къ сожалѣнію, отчетъ о процессѣ уродуетъ защиту Бриссо, три раза бравшаго слово и произнесшаго, какъ то можно догадаться, три длинныя рѣчи. Въ первой онъ опровергъ показаніе Гебера, обвинившаго его въ томъ, что онъ накопилъ милліоны и составилъ петицію Марсова поля, чтобы угодить тайнымъ намѣреніямъ Двора. Во второй онъ отвѣтилъ на упреки, направленные противъ его воинственной политики и, наконецъ, въ третьей своей рѣчи онъ оправдался отъ обвиненій Шабо, въ особенности отъ обвиненія въ роялизмѣ. Но отчетъ резюмируетъ всѣ три рѣчи настолько пристрастно, что даетъ о нихъ совершенно ложное представленіе.

Въ мемуарахъ Бриссо имѣется проектъ защитительной рѣчи, очень длинной, очень искренней и убѣдительной, но не краснорѣчивой. Если бы Бриссо прочелъ ее въ такомъ видѣ, то она, вѣроятно, не произвела бы того сильнаго впечатлѣнія, о которомъ говорятъ современники. Но подсудимый не былъ воленъ въ своей системѣ защиты, и ему пришлось раздѣлить свою

рѣчь, приноровить различныя части ея къ показаніямъ свидѣтелей, къ коварнымъ вопросамъ предсѣдателя, однимъ словомъ—импровизировать. И возможно, что въ эту рѣшительную часть, преслѣдуемый клеветою, борясь за свою жизнь или, скорѣе—за свою честь, этотъ нѣсколько медлительный и многословный человекъ преобразился, превзошелъ себя и сталъ на моментъ, и жестомъ своимъ и словомъ, настоящимъ ораторомъ.

Извѣстно, что онъ умеръ, какъ философъ, и аббата Лотрежеке долженъ былъ признать, что мыслитель Жиронды не исповѣдался. По дорогѣ къ гильотинѣ, онъ былъ, говоритъ одинъ свидѣтель *), „серьезенъ и задумчивъ. Моментами лицо его омрачалось недовольствіемъ, но видно было, что онъ оплакивалъ судьбу своего отечества, а не свою собственную“ (**).

Кондорсе.

I.

Другимъ теоретикомъ Жиронды былъ Кондорсе, который не имѣлъ ни вліянія, ни дара слова Бриссо. Если онъ занимаетъ крупное мѣсто въ исторіи революціи, то какъ писатель, какъ мыслитель, какъ докладчикъ комитета народнаго просвѣщенія при Законодательномъ Собраніи и конституціоннаго комитета при Конвентѣ. Но былъ ли онъ въ какой бы то ни было степени ораторомъ? Онъ, несомнѣнно, не обладалъ требуемыми для этого физическими свойствами. Его неловкость, его, вошедшая въ пословицу, застѣнчивость, происходили, какъ говорить, (***) отъ того, что, такъ какъ онъ былъ посвященъ въ дѣтствѣ Пресв. Дѣвѣ,

*) *Letters of miss Williams*, стр. 173.

**) Вдова Бриссо жила въ нуждѣ, но гордо переносила ее и имя ея не фигурируетъ даже въ спискѣ жирондистскихъ семействъ, которымъ выдали послѣ термидора пособіе, какъ жертвамъ террора. Одинъ изъ его сыновей, ученикъ Политехнической школы при имперіи, отказался присягнуть императору, заявилъ себя республиканцемъ и выступилъ изъ школы. По словамъ *miss Williams (Souvenirs*, стр. 24), онъ заявилъ при этомъ слѣдующее: „Я слишкомъ молодъ, чтобы судить о политическихъ дѣлахъ; что я знаю, такъ это, что отецъ мой умеръ на эшафотѣ за республику, и я республиканецъ“.

***) *Biographie de Condorcet*, par. Fr. Arago, т. I Сочиненія Кондорсе, стр. 7.—„Его застѣнчивость, къ сожалѣнію, всегда удаляла его отъ трибуны“.

его одѣвали до двѣнадцати лѣтъ, какъ дѣвочку *). Насмѣшки его товарищей внушили ему навсегда недовѣріе къ публикѣ и боязнь ея. Къ тому же слабыя легкія и общее неудовлетворительное состояніе его здоровья не позволяли ему уже съ 1791 г. говорить долго и во всякое время **). Привыкшіи къ академическимъ докладамъ, онъ кое-какъ побѣждалъ въ себѣ робость, когда чтеніе рукописи позволяло ему не смотрѣть на публику. Но когда онъ говорилъ по замѣткамъ или предварительно заучивъ свою рѣчь наизусть, то подъ вліяніемъ страха онъ настолько торопился, что рѣчь его становилась непонятной даже для наиболѣе опытныхъ, даже для журналистовъ трибунъ ***). Что же касается импровизаціи, то Кондорсе и не думалъ объ этомъ.

Его слово лишено какъ вдохновенія, такъ и горячности; онъ никогда не волнуетъ и самъ никогда не выказываетъ волненія. Во всѣхъ его рѣчахъ было бы трудно найти одну остроту, одинъ образъ, одинъ порывъ, что нибудь такое, что трогаетъ душу или поражаетъ воображеніе. Все сѣро въ его стилѣ, все преднамѣренно холодно и отвлеченно. Эта ораторская нагота является у Кондорсе желанной, принципиальной. Если древніе старались волновать, то это потому, что они говорили толпѣ; но современный ораторъ, обращающійся къ избранному обществу, долженъ дѣлать простые и ясные призывы къ разуму, не пуская въ ходъ своей собственной чувствительности и не рассчитывая на чувствительность своей аудиторіи. „Демосеенъ.— пишеть Кондорсе,—говорилъ съ трибуны собравшимся аѳинянамъ;

*) „Отецъ его умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ родился, и втеченіе всего своего дѣтства онъ находился исключительно на попеченіи своей матери, окружавшей его заботами бдительной, но безпокойной и мало просвѣщенной нѣжности. Сама слабаго здоровья и дважды овдовѣвшая, столько же суевѣрная, сколько набожная, она воображала, что сыну ея, бывшему и оставшемуся слабаго сложенія, грозитъ постоянно смерть. Чтобы предохранить его отъ всякаго несчастнаго случая, она посвятила его Пресв. Дѣвѣ, и Кондорсе втеченіе долгаго времени носилъ костюмъ дѣвочки“.—См. L. Cahen, Condorcet et la Révolution française, Paris, 1904, стр. 5.

Прил. перев.

**) Diannière Notice sur Condorcet, au IV, стр. 19.—А. между тѣмъ тогда, т.-е. когда онъ былъ избранъ въ Законодательное Собраніе, ему было только 48 лѣтъ.

***) Такъ, сотрудникъ Journal des Débats et des Décrets говоритъ о его рѣчи объ эмигрантахъ (25 октября 1791 г.): „Онъ произнесъ ее такъ быстро, что намъ не удалось уловить ее“.—Если Logographe воспроизводитъ эту рѣчь съ большими подробностями, то это несомнѣнно потому, что онъ получилъ отъ Кондорсе рукопись.

декретъ, котораго онъ добился своею рѣчью, былъ изданъ самою націей, и копіи его произведенія медленно распрострапались среди ораторовъ и ихъ учениковъ. Здѣсь же мы произносимъ рѣчь не передъ народомъ, а передъ его представителями, и рѣчь эта, воспроизведенная печатью, будетъ имѣть скоро столько же холодныхъ и строгихъ судей, сколько во Франціи есть гражданъ, занимающихся общественными дѣлами. Если увлекающее, страстное, плѣняющее краснорѣчіе можетъ иногда ввести въ заблужденіе народное собраніе, то послѣднему приходится рѣшать лишь относительно своихъ собственныхъ интересовъ, и за свои ошибки оно само же расплатится. Но если, прельщенные ораторомъ, представители народа поддались бы иной силѣ, чѣмъ разумъ, то они измѣнили бы своему долгу, такъ какъ они рѣшаютъ о чужихъ интересахъ, и лишились бы скоро общественнаго довѣрія, являющагося единственной опорой всякаго представительнаго правленія. Итакъ, то краснорѣчіе, которое было необходимо при общественномъ устройствѣ древнихъ государствъ, было бы источникомъ разрушительной порчи при нашемъ режимѣ. Тогда можно было и, быть можетъ, полезно было волновать народъ. Наша же обязанность по отношенію къ нему только просвѣщать его*).

Просвѣщать народъ, не волнуя его! Убѣдить политическую ассамблею, Законодательное Собраніе, Конвентъ, якобинцевъ, не обращаясь ни къ сердцу, ни къ воображенію, и это въ эпоху вѣры и энтузіазма! Эта ложная идея объясняетъ, почему этотъ человѣкъ, рожденный вѣрующимъ и энтузіастомъ, оставался внѣшне безстрастнымъ и холоднымъ каждый разъ, когда онъ говорилъ. Вотъ почему ничто не волнуется больше въ его рѣчахъ, которыя мы читаемъ скорѣе съ пользой, чѣмъ съ удовольствіемъ.

Однако, ему не случалось всходить на трибуну, не возбуждая почти религіознаго вниманія, и рѣдко, когда онъ спускался съ нея безъ аплодисментовъ, безъ оваціи. Объясняется это тѣмъ, что его характеръ и его жизнь освѣщали для всѣхъ его нѣсколько тусклое лицо и преображали его голосъ. Этому апостола человечества не могли видѣть и слушать безъ волненія.

*) Rapport et projet de décret sur l'organisation générale de l'instruction publique, présentés à l'Assemblée nationale par Condorcet, au nom du Comité d'instruction publique, les 20 et 21 avril 1792, *Oeuvres de Condorcet*, t. VII, стр. 474.

безъ умиленія. Одинъ изъ его коллегъ вѣрно передалъ то восхищеніе, которымъ почти всѣ были проникнуты къ нему: „Всякій справедливый человѣкъ, — говоритъ Паганель, — если онъ хорошо зналъ Кондорсе, не могъ не выдѣлить его изъ среды тѣхъ мнимыхъ философовъ и честолюбивыхъ литераторовъ, которые ринулись въ революцію, какъ на путь богатства и славы, увѣренные въ блестящемъ успѣхѣ, ожидающемъ умъ и таланты. И скажу больше: среди знаменитыхъ ученыхъ, среди лицъ всѣхъ состояній и положеній, отдавшихъ, соглашаясь на всѣ опасности, дѣлу смѣлаго преобразованія нравовъ и законовъ и привѣтствовавшихъ день созыва Генеральныхъ штатовъ, какъ первый день новой эры, никто не былъ болѣе безкорыстенъ, болѣе свободенъ отъ всякаго предрасудка, болѣе чуждъ какимъ либо интригамъ, болѣе недоступенъ какой-либо страсти, чѣмъ скромный Кондорсе. Онъ приносилъ въ дань отечеству, которое онъ любилъ, и человѣчеству, которое онъ любилъ еще больше, самый чистый характеръ, самый усовершенствованный разумъ и настолько естественное, настолько мало разсудочное безкорыстіе, что оно являлось у него въ меньшей степени добродѣтелью, чѣмъ прирожденнымъ чувствомъ“ *). У Барера же, одного изъ его преслѣдователей, истина вырываетъ слѣдующій полный уваженія отзывъ: „Со времени Сократа не было философа, болѣе благодѣтельнаго, болѣе терпимаго, болѣе преданнаго человѣчеству и болѣе стоявшаго на стражѣ его правъ“ **).

Араго, объяснившій это восхищеніе современниковъ, освятилъ своимъ неоспоримымъ авторитетомъ научныя заслуги математика, въ двадцать два года избраннаго членомъ Академіи наукъ. Даже люди религиозно-предубѣжденные не отрицали высокихъ качествъ ума автора „Плана народнаго образованія“ и „Картинны прогресса человѣческаго разума“. Что касается характера Кондорсе, то о немъ достаточно свидѣлствуютъ отзывы Паганеля и Барера. Однако, въ разгаръ борьбы этотъ философъ былъ очерненъ, оклеветанъ посредственностью и недоброжелательностью. Когда, послѣ бѣгства въ Вареннъ, онъ примкнулъ къ республиканской идеѣ, то Goupil de Préfelne назвалъ его на трибунѣ Учредительнаго Собранія „человѣкомъ, пользующимся неизвѣстно какимъ образомъ пріобрѣтенной репутаціей и украшеннымъ званіемъ академика“ ***). Его политическая честность была

*) Essai historique et critique, т. II, стр. 279.

***) Mémoires, т. IV, стр. 165.

***) Речь о республиканскихъ манифестаціяхъ (15 іюля 1791 г.)

также подвергнута сомнѣнію: „Кондорсе имѣеть достоинства, но онъ—интриганъ“, вотъ что г-жа Роланъ писала о немъ Банкалю 1-го Іюля 1791 г. А Марать, въ *Ami du peuple* отъ 15 сентября 1791 г., выражаетъ опасеніе, чтобы избиратели не выбрали „нѣкоего Кондорсе, опытнаго Тартюфа подъ маской откровенности, хитреца, интригана, отличающагося талантомъ брать объими руками, безстыднаго плута, желающаго примирить непримиримое и имѣвшаго нахальство читать въ Циркѣ республиканскую рѣчь послѣ того, какъ онъ, втеченіе столь долгаго времени, редактировалъ газету министерскаго клуба“ *). Наконецъ, въ одной изъ своихъ бесѣдъ (написанной, правда, въ 1851 г.) Сентъ-Бёвъ повторилъ и усугубилъ эти клеветническія инсинуаціи и представилъ Кондорсе какимъ то риторомъ-интриганомъ **).

Но Сентъ-Бёвъ былъ слишкомъ проницательнымъ критикомъ, чтобы не понять причины нѣкоторой двусмысленности, съ которою Кондорсе, казалось, велъ себя въ извѣстныхъ случаяхъ; и чувствуется, дѣйствительно, что онъ понималъ ее, когда онъ говоритъ: „Кондорсе, я согласенъ, имѣлъ страсть и культъ счастья человѣческаго рода; этого мало. Онъ не долженъ былъ подражать тѣмъ первосвященникамъ, на которыхъ онъ такъ за это сердился, и не стараться дать восторжествовать своей религіи въ ущербъ справедливости“.

Сентъ-Бёвъ не всегда такъ строго осуждалъ сдѣлки съ совѣстью. Но вѣрно ли, что Кондорсе измѣнилъ справедливости ради своей религіи? Не правильнѣе ли сказать, что преслѣдуя свою благородную цѣль, онъ безъ зазрѣнія совѣсти мѣнялъ орудіе и пути, пытаясь раньше, какъ то пробовалъ его другъ Тюрго, примѣнить монархію къ своимъ идеямъ, а затѣмъ, когда

*) Марать имѣеть здѣсь въ виду клубъ, иначе называвшійся—Общество 1789 г., однимъ изъ основателей котораго былъ Кондорсе и который издавалъ газету того же имени (*Société de 1789*), не имѣвшую успѣха и прекратившуюся, за недостаткомъ средствъ, 5 сентября 1790 г. Клубъ этотъ, какъ его характеризуетъ самъ Кондорсе, имѣлъ цѣлью содѣйствовать установленію демократической конституціи, разрабатывая текущіе вопросы, изслѣдуя и практически примѣняя вѣчные принципы политической науки. Его девизомъ было—ни реакція, ни возстанія, а постепенная эволюція къ все болѣе широкой свободѣ. Но силою вещей этотъ клубъ былъ превращенъ въ реакціонный оплотъ, и въ 1790 г. Кондорсе покинулъ его, записавшись въ Якобинскій клубъ.—*Прим. перев.*

**) *Causeries de Lundi* т. III.—См. *Biré, La légende des girondins pass.* и также *Buchez et Roux*, т. XII, стр. 24, 360.

монархія не поддавалась, опираясь на республику, которую онъ всегда тайнѣ любилъ? Онъ, слѣдовательно, шель зигзагами и мѣнялъ лагерь для того, чтобы служить не своимъ собственнымъ интересамъ, а своему идеалу. До бѣгства въ Вареннъ, онъ, какъ большинство патріотовъ, является монархистомъ *); онъ состоитъ членомъ клуба 1789 г. и редактируетъ газету этого клуба. Но когда Людовикъ XVI убѣгаетъ, онъ, повинуваясь логикѣ, а не какъ измѣнникъ, становится сторонникомъ республики; онъ присоединяется къ Бонвилю и Фоше и произноситъ въ Cercle Social республиканскую рѣчь **). Съ того времени его репутація

*) Въ своей „Политической исторіи революціи“ Оларъ говоритъ: „Кондорсе, самый великій (если не самый вліятельный) изъ мыслителей того времени, который въ 1791 г. станетъ теоретикомъ республики, Кондорсе, котораго можно назвать однимъ изъ отцовъ, однимъ изъ основателей французской республики, не считалъ, до революціи, ни возможной, ни желательной у насъ эту (республиканскую) форму правленія“. *Histoire politique*, стр. 4.

Прим. пера.

**) Кондорсе произнесъ эту рѣчь 8 іюля 1791 г. Она была крупнымъ событіемъ, такъ какъ явилась, такъ сказать, философскимъ освященіемъ республиканской идеи. До нея, говоритъ Оларъ, „авторитетъ Жанъ-Жака выступалъ противъ французскихъ республиканцевъ. Теперь можно будетъ называть себя республиканцемъ, не боясь казаться еретикомъ. Республиканская партія почувствовала себя облагороженной, узаконенной этимъ блестящимъ вмѣшательствомъ наслѣдника философовъ“. (*Histoire politique*, стр. 140).

По содержанию своему рѣчь эта была опроверженіемъ аргументовъ за монархію и противъ республики. Въ свое время, сказали Кондорсе, короли были необходимы, и въ странѣ, напр., гдѣ законодательная власть „не заключена въ должныя границы“, было бы преждевременно уничтожить королевскую власть, сохранивъ все остальное. Но въ преобразованной и объединенной Франціи, въ которой нѣтъ больше привилегированныхъ сословій, въ которой всѣ граждане равны передъ закономъ, устанавливаемымъ самимъ народомъ, послѣдній не нуждается въ защитѣ короля отъ тираніи могущественныхъ людей или сословій, и ему нечего вмѣстѣ съ тѣмъ опасаться узурпаціи власти, невозможной уже благодаря одной свободѣ печати. Сильной же исполнительная власть можетъ быть и безъ короля, даже наоборотъ. „существованіе наслѣдственнаго главы... лишаетъ исполнительную власть всей ея полезной силы, вызывая противъ нея недобѣры друзей свободы и обязывая ставить ей помѣхи, стѣсняющія и замедляющія ея движенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ монархія разорительна въ финансовомъ отношеніи и опасна для равенства, такъ какъ содержаніе короля обходится очень дорого, а наслѣдственность его должности неизбежно создаетъ вокругъ трона наслѣдственную же дворцовую аристократію.

Изъ „великодушія“, французы уничтоживъ старый порядокъ, соглашались еще тащить „остатки цѣпи“ монархіи, но непредвидѣнное событіе—

подвергается оскорбленіямъ сторонниковъ Двора. Прежде, чѣмъ онъ объявляетъ себя республиканцемъ, онъ является для роялиста Андре Шенье человѣкомъ, „который втеченіе двадцати лѣтъ оказывалъ услуги человѣческому роду многочисленными произведеніями, имѣвшими цѣлью просвѣщать его и защищать всѣ его права“ *), съ тѣхъ же поръ, какъ онъ сблизился съ республиканцами, „порочность и низость его души спустили его до уровня этихъ негодяевъ и даже ниже ихъ“ **).

Итакъ, если прекраснодушные ретрограды называли Кондорсе интриганомъ, то это потому, исключительно потому, что онъ, академикъ и дворянинъ ***) , покинулъ монархію ради республики. Ему не могли также простить того, что онъ ринулся въ свалку и, какъ простой солдатъ, боролся за революцію въ *Chronique de Paris*. „Его критика,—говоритъ Этьенъ Дюмонъ,—была

бѣгство короля—освобождаетъ ихъ отъ этой обязанности и они могутъ, наконецъ, установить у себя вполнѣ республиканскій режимъ. Недостатокъ послѣдняго видятъ въ его избирательномъ началѣ. Граждане Аѳинъ и Рима, возражаетъ на это Кондорсе, „далеко не будучи просвѣщенными, коснѣли въ большинствѣ случаевъ въ невѣжествѣ, были проникнуты самыми глупыми предрассудками“, и выборы проходили у нихъ весьма примитивнымъ образомъ; между тѣмъ, они рѣдко выбирали людей неспособныхъ и еще рѣже упорствовали въ своихъ заблужденіяхъ. „Если бы должность министра требовала талантовъ опредѣленнаго рода, о которыхъ нельзя судить по предшествовавшей дѣятельности, то избраніе народомъ не представляло бы никакой гарантіи хорошаго выбора и надо было бы искать другого метода. Но эти должности не требуютъ такого рода талантовъ; для нихъ требуются честность, сила воли, образованность“, а для опредѣленія этихъ качествъ можно вполнѣ положиться на общественное мнѣніе. Кромѣ того, если граждане не могутъ сдѣлать хорошаго выбора, то почему ожидать большей непогрѣшимости отъ короля, наследственная власть котораго совсѣмъ не обязательно связана съ гениальностью?

Столь же неправильно полагать, будто республиканское правительство должно быть слабымъ. Законъ можетъ предоставить членамъ избраннаго исполнительнаго комитета, который проектировалъ Кондорсе, всю необходимую власть, не боясь того, что они будутъ ею злоупотреблять, такъ какъ они смѣстимы по волѣ народа.—См. эту рѣчь въ XII т. сочиненій Кондорсе. См. также L. Cahen, *Condorcet et la Révolution française*, стр. 254—257.

Прим. перев.

*) *Oeuvres en prose d'André Chénier*, стр. 29.

**) *Ibid.*, стр. 309.

***) Маркизь Кондорсе былъ членомъ не одной только французской академіи, но также академій С.-Петербурга, Турина, Филадельфіи, Болоньи. Въ 1785 г. онъ былъ избранъ пожизненнымъ секретаремъ парижской Академіи наукъ.

Прим. перев.

тѣмъ болѣе опасной, что она отличалась тонкостью, приличнымъ, спокойнымъ тономъ, производившимъ на общество большее впечатлѣніе, чѣмъ ядовитыя ругательства Бриссо и якобинцевъ“ *). Въ дѣйствительности этотъ мечтатель не былъ кроткимъ, и не одинъ разъ отравлялъ стрѣлы, направленныя имъ въ аристократовъ и въ фельяновъ. Послѣдніе, въ отместку, прозвали его „бѣшенымъ бараномъ“ **).

Его флегматичность была лишь кажущейся: Кондорсе, говорилъ д'Аламберъ,—это вулканъ, покрытый снѣгомъ. „Дѣйствительно, никто не имѣлъ столь холоднаго вида и столь горячей души; въ своей юности онъ влюбился до желанія покончить съ собой; затѣмъ онъ былъ постояннымъ другомъ Вольтера, Тюрго, д'Аламбера; его сердце было всегда доступно любви и дружбѣ; наконецъ, имъ овладѣла еще болѣе сильная страсть.—жажда счастья челоуѣчества; но онъ никогда не могъ думать о своей женѣ и о своей дочери, не проливая слезъ“ ***).

II.

Мы не намѣреваемся здѣсь ни дать оцѣнку Кондорсе, ни объяснить его твореніе. Мы желали только указать, почему, при отсутствіи у него ораторскаго таланта, одна его личность была краснорѣчива, когда онъ появлялся на трибунѣ. Суть въ томъ, что современники видѣли въ немъ преемника духа Дидро и Энциклопедіи, великой, наиболѣе чистой и наиболѣе плодотворной доктрины философіи XVIII вѣка о безпредѣльной способности челоуѣка совершенствоваться.—Когда мольеровскій Донъ-Жуанъ даетъ милостыню изъ любви къ челоуѣчеству, то онъ какъ будто предвидитъ религію Дидро и Кондорсе. Но Дидро, занятый уничтоженіемъ теологическаго суевѣрія, не имѣлъ времени составить планъ религіи будущаго, и главныя черты ея далъ Кондорсе. Эта религія будетъ не сверхъестественной, а чело-

*) *Souvenirs sur Mirabeau*, стр. 391.

**) *Ibid.*

***) *Diannyère, Notice sur Condorcet*, стр. 42.—Даже его размовки (онъ былъ раздражителенъ) не умаляли въ немъ его душевнаго энтузіазма. „Знаете ли вы,—спросилъ его разъ *Diannyère*,—подробности ссоры Дидро и Руссо?—Нѣтъ: но Дидро былъ лучшій изъ людей, и кто съ нимъ ссорился, тотъ былъ неправъ.—А вы?..—Я былъ неправъ, отвѣтилъ Кондорсе“. *Diannyère*, стр. 44.

вѣческой; она будетъ заключаться въ синтезѣ доказанныхъ истинъ*), и связь, которая соединитъ человечество, будетъ чисто научной. Любовь также сблизитъ людей; въ послѣднемъ пунктѣ Кондорсе сходитя съ добрымъ Фоше, съ которымъ онъ скоро разоидется, когда за философомъ въ немъ обнаружится священникъ.

Для Кондорсе планъ правленія состоитъ въ планѣ народнаго образованія**). Наука постепенно отлучитъ народъ отъ стараго суевѣрія. Послѣднее не проникнетъ въ школу ни подъ какимъ именемъ, даже если оно будетъ подъ ярлыкомъ Жанъ-Жака и будетъ называться естественной религіей. Народный учитель будетъ обучать только морали. Дѣти, которыхъ пожелаютъ учить какой-либо религіи, получаютъ религиозное воспитаніе внѣ школы. Цѣпи умственнаго рабства постепенно сами спадаютъ, и такъ какъ уничтожаютъ только то, что замѣщаютъ другимъ, то религіи будутъ дѣйствительно уничтожены прогрессивнымъ замѣщеніемъ сверхъестественнаго наукой***).

Съ политической точки зрѣнія Кондорсе особенно озабоченъ тѣмъ, чтобы установить равенство гражданъ при помощи образованія; онъ не желаетъ дать всѣмъ одинаковое просвѣщеніе, такъ какъ онъ учреждаетъ пять разрядовъ школъ и въ институты и лицей допускаетъ только избранную часть народа; но онъ хочетъ, чтобы всякій получалъ одинаковый minimum образованія, который далъ бы ему возможность развить свои способности въ одинаковыхъ для всѣхъ условіяхъ****). Вотъ

*) Надо ли напоминать объ энциклопедическихъ знаніяхъ Кондорсе? „Онъ все читалъ и ничего не забылъ; онъ читалъ отъ сказочниковъ до публицистовъ XI вѣка, отъ новѣйшаго романа до отчетовъ академіи изящнаго слова; онъ читалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ Эйлера и Аріосто, Гипократа и Вольтера, изслѣдованіе о богатствѣ народовъ и Новую Элоизу“... *Dictionnaire*, стр. 41.

**) Въ июнь 1793 г., когда ему уже угрожалъ арестъ, онъ, вмѣстѣ съ Сийесомъ и Дюгамелемъ, готовился издавать *Journal d'instruction sociale*, объявленіе о которомъ перепечатано въ XII томѣ его сочиненій, стр. 605.

***) *Oeuvres*, т. VII, стр. 485.—Въ этомъ отношеніи Огюсть Контъ и его послѣдователи придерживаются мысли Кондорсе.—См. *Les Eléments de l'humanité par Diderot, avec un commentaire historique* (par le Dr Robinet). Paris, A. Ghio, 1884, in—12.

****) По вопросу о народномъ образованіи Кондорсе написалъ пять мемуаровъ, напечатанныхъ имъ въ журналѣ *Bibliothèque de l'homme libre*, и докладъ съ проектомъ объ организаціи народнаго образованія, представленные имъ 20 апрѣля 1792 г. Законодательному Собранію

равенство, о которомъ онъ мечтаетъ и которое онъ старается осуществить въ проектѣ конституціи, представленномъ имъ 15 февраля 1793 г. Въ немъ онъ также проявляетъ заботу о томъ, чтобы гарантировать непреложное условіе равенства, т. е. индивидуальную свободу, и онъ обезпечиваетъ ее сотнями комбинацій, болѣе остроумныхъ, чѣмъ практическихъ. Но онъ чувствуетъ, что въ этотъ организаціонный періодъ узы, связывающія между со-

отъ имени комитета народнаго просвѣщенія. Наиболѣе просто и ясно, съ наибольшей силой и послѣдовательностью идеи его о просвѣщеніи народа изложены въ этомъ докладѣ, являющемся однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній революціонной эпохи. Правда, многіе изъ принциповъ, которые Кондорсе положилъ въ основу своего плана, были до него формулированы его предшественниками или сверстниками, но ему принадлежитъ честь систематизированія, обобщенія ихъ въ одно стройное цѣлое, въ высшей степени полно отразившее демократическій духъ, стремленія и смѣлыя надежды его времени.

Мы попытаемся изложить здѣсь вкратцѣ его докладъ и дать общія черты предложеннаго имъ плана организаціи народнаго образованія.

Революція объявила всѣхъ гражданъ равными передъ закономъ, призвала всѣхъ къ управленію общественными дѣлами и открыла всѣмъ доступъ ко всѣмъ должностямъ. Какъ граждане могли бы пользоваться во всей полнотѣ завоеванными ими правами и сознательно отправлять возложенныя ими на себя обязанности, если бы они продолжали косить въ прежнемъ невѣжествѣ, если бы образованіе продолжало быть недоступнымъ для народа? Новый порядокъ, чтобы обезпечить свое существованіе, нуждался въ широкомъ распространеніи просвѣщенія, которое должно было, такъ сказать, стать источникомъ его жизни. И организовать народное образованіе слѣдовало поэтому такимъ образомъ, чтобы оно веждъ и во всемъ способствовало упроченію свободы, развитію чувства равенства и эмансипаціи разума. Оно должно поэтому быть всеобщимъ, т. е. простираться на всѣхъ гражданъ; оно должно быть распредѣлено со всѣмъ равенствомъ, какое допускаютъ неизбѣжныя границы расходовъ, размѣщеніе населенія и время, которое дѣти могутъ ему посвятить; оно должно обнимать въ своихъ различныхъ ступеняхъ всѣ человѣческія познанія и обезпечивать людямъ въ теченіе всей ихъ жизни возможность сохранить свои знанія и обогащаться новыми; оно должно быть во всѣхъ частяхъ совершенно даровымъ, свободнымъ отъ всякихъ сверхъестественныхъ вѣрваній и проникнутымъ лишь однимъ безкорыстнымъ стремленіемъ къ истинѣ; наконецъ, оно должно быть возможно болѣе независимымъ отъ государственной власти, для которой, однако, организація народнаго образованія должна быть обязанностью, возлагаемой на нее „общими интересами общества, всего человѣчества“. Общей же цѣлью народнаго образованія должно быть развитіе въ каждомъ поколѣніи физическихъ, умственныхъ и моральныхъ способностей, чтобы такимъ образомъ способствовать постоянному и послѣдовательному совершенствованію человѣческаго рода. Таковы принципы, изъ которыхъ исходитъ Кондорсе и которые онъ развиваетъ въ своемъ докладѣ съ неопровержимой логикой и

бою различныя части Франціи, должны стать болѣе близкими и болѣе крѣпкими: онъ борется противъ федералистскихъ идей и

побѣждающей силой. „Мы не хотѣли,—пишетъ онъ,—чтобы хоть одинъ человѣкъ въ государствѣ могъ отнынѣ сказать: законъ обезпечиваетъ мнѣ полное равенство правъ, но мнѣ отказываютъ въ средствахъ знать ихъ; и долженъ зависѣть только отъ закона, но мое невѣжество дѣлаетъ меня зависимымъ отъ всего, что меня окружаетъ“. Необходимость освободить народное образованіе отъ всякой догмы, онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Независимость просвѣщенія составляетъ нѣкоторымъ образомъ часть правъ человѣческаго рода. Такъ какъ человѣкъ получилъ отъ природы способность совершенствоваться, способность, неизвѣстные предѣлы которой, если только они существуютъ, простираются куда-дальше того, что мы можемъ постичь, такъ какъ познаніе новыхъ истинъ является для него единственнымъ средствомъ развивать эту счастливую способность свою, источникъ его славы и его счастія, то какая власть можетъ имѣть право сказать ему: вотъ, что ты долженъ знать, вотъ граница, гдѣ ты долженъ остановиться? Такъ какъ только истина полезна, такъ какъ всякое заблужденіе—зло, то по какому же праву власть, какая бы то ни была, осмѣлится опредѣлить, гдѣ истина и въ чемъ заключается заблужденіе?“

Отсюда вытекаетъ необходимость полного отдѣленія школы отъ церкви „Религіозныя мнѣнія не могутъ составлять части общаго образованія, потому что никакая власть не имѣетъ права оказать предпочтеніе одному или другому изъ нихъ: они должны быть выбраны независимымъ сознаниемъ“. Кромѣ того, „конституція, признавая за каждой личностью право выбирать себѣ культъ и устанавливая полное равенство между всѣми жителями Франціи, не допускаетъ въ народномъ образованіи такого обученія, которое, отталкивая дѣтей одной части гражданъ, уничтожило бы равенство предоставляемыхъ обществомъ выгодъ и дало бы частнымъ догмамъ предпочтеніе, противорѣчащее свободѣ убѣжденій. Настоятельно необходимо поэтому отдѣлнить преподаваніе морали отъ всякихъ религіозныхъ принциповъ и не допускать въ народномъ образованіи обученія какому бы то ни было религіозному культу“. Таковое обученіе должно быть дѣломъ пастырей въ храмахъ, предназначенныхъ для отправления культа. Преподаваніе же морали должно быть основано „на нашихъ естественныхъ чувствахъ и на разумѣ“. Но, спрашиваетъ Кондорсе, не преждевременно ли установить такое отдѣленіе школы отъ церкви, не превосходить ли слишкомъ мысль объ этомъ данное состояніе просвѣщенія народа?.. „Конечно, нѣтъ, такъ какъ дѣло идетъ о народномъ образованіи, и допускать въ данномъ случаѣ заблужденіе значило бы стать повиннымъ въ немъ, а не провозглашать громко истины значило бы измѣнить ей. Но если бы даже было вѣрно, что политическая осторожность должна еще осквернять законы свободнаго народа, если бы эта коварная или слабая доктрина находила себѣ оправданіе въ глупости, которую любятъ приписывать народу, чтобы имѣть поводъ обманывать или притѣнять его, то, по крайней мѣрѣ, образованіе, которое должно привести къ тому времени, когда подобная осторожность станетъ бесполезной, можетъ принадлежать одной только истинѣ и должно принадлежать ей цѣлкомъ“.

требуетъ сильной централизаціи. Онъ также сторонникъ единой палаты, и б и к а м е р и с т ы не имѣютъ болѣе горячаго противника,

Школу не слѣдуетъ также подчинять какой-либо политической догмѣ. „Ни французская конституція, ни даже декларація правъ не будутъ представлены ни одному классу гражданъ, какъ скрижали, сошедшія съ неба, которымъ надо поклоняться и вѣрить“. Такая независимость вмѣняется въ обязанность самой конституціей. „Она признала, что нація имѣетъ неотъемлемое и непреложное право реформировать все законы, она, слѣдовательно, желала, чтобы въ національномъ образованіи все было подвергнуто строгой критикѣ. Она никакой законъ не признала неотъемлемымъ, болѣе, чѣмъ въ десятилѣтній срокъ, она, слѣдовательно, желала, чтобы принципы всехъ законовъ могли подвергаться обсужденію, чтобы все политическія теоріи могли быть преподаваемы и оспариваемы, чтобы никакая система общественной организаціи не была предложена ни восторгамъ, ни предразсудкамъ, какъ предметъ суевѣрнаго культа, а чтобы все были представлены разуму какъ различныя комбинаціи, между которыми она имѣетъ право выбирать“.

Какъ же Кондорсе думалъ организовать народное образованіе, чтобы сдѣлать его всеобщимъ и свободнымъ?

Онъ проектировалъ основать пять разрядовъ учебныхъ заведеній: 1) Начальныя школы (écoles primaires), въ которыхъ обучали бы всему тому, что необходимо всемъ гражданамъ, и которыя были бы учреждены повсемѣстно; 2) Высшія начальныя школы (écoles secondaires), въ которыхъ преподавали бы все необходимое для выполненія общественныхъ функций и занятія государственныхъ должностей, не требующихъ ни спеціальныхъ, ни особенно значительныхъ знаній; эти школы слѣдуетъ устраивать главнымъ образомъ въ городахъ; 3) Институты, своего рода реальныя училища, въ которыхъ слѣдуетъ обучать знаніямъ, необходимымъ для выполненія всехъ общественныхъ функций и для усовершенствованія промышленности; 4) Лицеи, т.-е. университеты, посвященные высшему образованію, и, наконецъ, 5) Національное общество, которому принадлежало бы общее руководство народнымъ образованіемъ и которое посвятило бы себя „прогрессу наукъ и искусствъ и вообще усовершенствованію человѣческаго разума“.

Обученіе въ школахъ всехъ разрядовъ бесплатное, и каждая школа низшаго разряда непосредственно готовится къ школѣ слѣдующаго высшаго разряда. Для того же, чтобы облегчить доступъ къ высшему и среднему образованію дѣтямъ несостоятельныхъ родителей, чтобы облегчить путь дарованіямъ и талантамъ, Кондорсе предлагалъ учредить извѣстное число государственныхъ стипендій, называя пользующихся ими „воспитанниками отечества“. Внешкольное образованіе онъ проектировалъ обезпечить библіотеками, учреждаемыми при учебныхъ заведеніяхъ и доступными для всего населенія, лекціями для взрослыхъ, устраиваемыми преподавателями разныхъ школъ по воскресеньямъ, и публичностью курсовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На должности учителей и учительницъ начальныхъ школъ выбираютъ сами родители изъ списка кандидатовъ, представленнаго имъ институтомъ даннаго округа; преподавателей для высшихъ начальныхъ школъ

чѣмъ онъ. То организаторское правительство, образъ котораго онъ начерчиваетъ, подготовить, при помощи школы, счастливый моментъ, когда всѣ проникнутся сознаниемъ своихъ правъ и своихъ обязанностей и когда не будетъ больше черни *).

выбираетъ муниципальный совѣтъ данной коммуны, но, опять-таки, изъ списка кандидатовъ, представленнаго тѣмъ же институтомъ; преподавателей же для институтовъ выбираютъ профессора лицеевъ, а послѣднихъ выбираетъ Национальное общество, назначающее также и высшій совѣтъ для руководства всѣмъ дѣломъ народнаго образованія, а само рекрутирующееся свободнымъ и независимымъ отъ какой бы то ни было власти выборомъ для себя членовъ изъ среды ученыхъ, литераторовъ, художниковъ.

Кондорсе, такимъ образомъ, совершенно устраняетъ государственную власть отъ руководства народнымъ образованіемъ, возлагая на нее лишь матеріальныя заботы о немъ. Не довѣряя ей, опасаясь съ ея стороны посполновеній нарушить свободу образованія, навязать послѣднему какинъ-либо частныя цѣли, онъ почти совершенно изолировалъ народное образованіе отъ государства, предоставивъ и самой націи лишь небольшое влияние и то только по отношенію къ двумъ разрядамъ начальныхъ школъ. Весь преподавательскій персоналъ представлялъ въ его проектѣ какое-то самодовляющее цѣлое, какую-то новую корпорацию, которая въ себя самой должна находить соки для своего постоянного, если не матеріальнаго, то умственнаго и гражданскаго питанія. Но, можно спросить, была ли бы сама эта корпорация достаточно проникнута духомъ свободы, если бы этого духа не было въ достаточной степени въ окружающей общественной и частной жизни? Не прониклась ли бы она, въ виду своей изолированности отъ націи, извѣстными кастовыми предрасудками? Въ этомъ именно пунктѣ проектъ Кондорсе не удовлетворилъ нѣкоторыхъ дѣятелей революціи, опасавшихся появленія касты умственной аристократіи.

Кондорсе представилъ свой проектъ Законодательному Собранію 20 апрѣля, но долженъ былъ прервать его чтеніе, такъ какъ въ Ассамблею прибылъ король для объявленія войны Австріи. Послѣдовавшія затѣмъ событія, война и все болѣе разгоравшаяся борьба между революціей и дворомъ, помѣшали Ассамблеѣ заняться обсужденіемъ его, и Законодательное Собраніе, какъ и Учредительное, разошлось, не успѣвъ даже приступить къ организациіи народнаго образованія, хотя оно съ еще болѣею полнотою поняло настоятельную необходимость его. Но проектъ Кондорсе не былъ забытъ: онъ послужилъ базисомъ для работы Комитета народнаго образованія, избраннаго Конвентомъ, и остался для потомства наслѣдіемъ, свидѣтельствующимъ объ идейномъ энтузіазмѣ революціи, о ея великихъ стремленіяхъ, которыя она, вопреки своей волѣ, не сумѣла осуществить, но которыя, въ значительной части, были все же проведены въ жизнь, хотя и по прошествіи ста лѣтъ.—*Прим. перев.*

*). Въ проектѣ деклараціи правъ, предшествовавшемъ его проекту конституціи, имѣлась слѣдующая статья: „Образованіе является потребностью всѣхъ, и общество обязано дать его одинаково всѣмъ своимъ членамъ“.

Прим. перев.

Быль ли онъ жирондистомъ? „Во всемъ,—говорилъ одинъ современникъ,—что жирондисты могли сдѣлать хорошаго, онъ былъ вмѣстѣ съ ними. Но онъ неповиненъ во всемъ злѣ, которое они причинили изъ честолюбія или по ошибкѣ. Съ нимъ, безъ сомнѣнія, совѣщались, особенно Жансонне, Гюаде и др., но это было лишь простой почестью, которую они оказывали его знаніямъ, его репутациі. Онъ порицалъ ихъ поведеніе по отношенію къ Марату, и торжество, котораго добился этотъ недостойный противникъ, оскорбляло философа.—Стойкое сужденіе Кондорсе и спокойствіе его души раздражали пылкія страсти главарей его собственной партіи. Его методическій умъ взвѣшивалъ еще вѣроятности, когда ихъ самонадѣянность уже толкнула ихъ на самыя рискованныя предпріятія. Они обращались къ разуму Кондорсе, когда ихъ гордость сдѣлала уже излишнимъ всякій совѣтъ“ *).

Онъ не раздѣлялъ злобы и недовѣрія г-жи Роланъ. Лично онъ никогда не порвалъ съ Горюю, по крайней мѣрѣ, съ дантонистами. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ совѣтовалъ примиреніе съ Дантономъ **), къ которому онъ питалъ уваженіе и симпатію. Культъ Дидро и энциклопедистовъ являлся умственной связью между ними, между мыслителемъ и человѣкомъ дѣла ***). Не отдавая себѣ въ этомъ отчета, Дантонъ осуществлялъ часть того, о чемъ мечталъ Кондорсе; и въ тотъ моментъ, когда послѣдній скрывается отъ преслѣдованій, онъ отзывается о Дантонѣ съ душевной похвалой ****). Хотя онъ не любилъ Робеспьера, но онъ старался предупредить пагубную ссору между Жирондой и этимъ опаснымъ человѣкомъ, и въ Chronique 31 октября 1792 г. онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ порицалъ филиппику Луве: „Луве попросилъ слова, чтобы обвинить Робеспьера; и

*) Paganel, Essai historique et critique, т. II, стр. 222.

**) Diannière, стр. 33.

***) Новѣйшій биографъ Кондорсе, Léon Cahen, говоритъ слѣдующее объ его отношеніи къ Дантону: „Кондорсе глубоко восхищается Дантономъ, котораго онъ никогда... не смѣшивалъ съ сентябристами; онъ одобряетъ его политику, вѣритъ въ его лояльность, высоко цѣнитъ его таланты; онъ считаетъ его необходимымъ человѣкомъ, который можетъ, который одинъ можетъ удержать виновниковъ безпорядка и осуществить объединеніе Парижа и Франціи“. Condorcet et la Révolution française, стр. 450.

Прим. перев.

****) Въ Fragment de justification, который онъ, по настоянію своей жены, оставилъ, чтобы писать свой трудъ: Esquisse des progrès de l'esprit humain. Oeuvres, т. I, стр. 602.

такъ какъ трудно, чтобы все, что волнуетъ страсти, не привлекало вниманія собравшихъ вмѣстѣ людей, — такова ужъ природа человѣка, — то ораторъ могъ отдаться вполне чувству злобы (большей частью, несомнѣнно, справедливому), которымъ была проникнута его душа. Мы сегодня ничего не скажемъ объ этой рѣчи, за исключеніемъ того, что она показалась составленной такимъ образомъ, чтобы оставить, къ сожалѣнію, слишкомъ глубокое впечатлѣніе въ умахъ большого числа слушателей и чтобы заставить другихъ горько сожалѣть о печальныхъ послѣдствіяхъ личныхъ страстей. Не во всемъ этомъ нуждается общественное дѣло. И онъ любилъ говорить жирондистамъ: „я стараюсь, чтобы каждая партія занималась немного меньше собой и не много больше общественнымъ дѣломъ“ *).

III.

Хотя жирондисты совершенно не слѣдовали совѣтамъ Кондорсе, но они любили прикрываться его великимъ именемъ, переносить на себя его чистую славу и, въ торжественныхъ случаяхъ, выбирать *porte-parol*ѣмъ знаменитаго друга Вольтера и Тюрго. Поэтому то они въ Законодательномъ Собраніи и въ Конвентѣ предоставляли Кондорсе парадную роль. Такъ, 29 сентября 1791 г., они поручили ему составить обращеніе къ Европѣ. Кондорсе говорилъ въ немъ отъ имени народа, что, вынужденный на войну, послѣдній будетъ вести ее для своей защиты и не стремясь къ завоеваніямъ, выступая противъ королей, а не противъ народовъ:

„Гордясь тѣмъ, что она завоевала себѣ естественныя права, она (французская нація) не оскорбитъ ихъ въ другихъ людяхъ; дорожа своей независимостью, готовая скорѣе похоронить себя подъ своими развалинами, чѣмъ терпѣть, чтобы осмѣлились навязать ей законы или хотя бы гарантировать ея собственные, она не нарушитъ независимости другихъ націй. Ея солдаты будутъ вести себя на чужой территоріи, какъ они вели бы себя на французской территоріи, если бы имъ пришлось сражаться на ней. Невольное зло, которое ея войска могутъ причинить гражданамъ, будетъ исправлено. Въ убѣжищѣ, которое оно даетъ иностранцамъ, не будетъ отказано и гражданамъ страны, правители которой заставили ее пойти войной противъ нихъ, и

*) Diannière, стр. 43.

они найдутъ себѣ въ ея средѣ безопасное пристанище. Вѣрная обязательствуамъ, даннымъ отъ ея имени, она поторопится выполнить ихъ съ благородной точностью; но никакая опасность не заставитъ ее забыть, что земля Франціи цѣликомъ принадлежитъ свободѣ и что законъ равенства долженъ быть на ней всеобщимъ. Она дастъ міру новое зрѣлище дѣйствительно свободной націи, слѣдующей правиламъ справедливости среди бурь войны и уважающей повсюду, во всякое время и по отношенію ко всѣмъ людямъ, общія для всѣхъ права*.

Ораторъ удостоился оваціи Ассамблеи и трибунъ. „Каждое предложеніе этой деклараціи, говоритъ *Journal des Débats et des Décrets*, сопровождалось самыми громкими аплодисментами. По окончаніи ея чтенія энтузіазмъ не имѣлъ больше границъ, и онъ былъ выраженъ ея автору единодушными восклицаніями“.

Чаще всего Кондорсе появляется на трибунѣ именно въ качествѣ составителя адресовъ или докладчика комитетовъ. Онъ составилъ, не считая его знаменитаго доклада о народномъ образованіи, Обращеніе Національнаго Собранія къ французамъ (16 февраля 1792 г.), Проектъ изложенія мотивовъ, побудившихъ Національное Собрание декретировать, по формальному предложенію короля, объявленіе войны королю Богеміи и Венгріи (20 апрѣля 1792 г.), Докладъ относительно петиціи парижской коммуны о лишеніи короля трона (9 августа 1792 г.), Адресъ и декларацію Ассамблеи о сохраненіи общественнаго спокойствія (10 августа), Изложеніе мотивовъ, по которымъ Національное Собрание рѣшило созвать Національный Конвентъ и отнять у короля исполнительную власть (13 авг. 1792 г.) и, наконецъ, еще три обращенія Ассамблеи къ французамъ (19 авг., 4 сент., 19 сент. 1792 г.). Это—серьезныя и благородныя диссертаціи, но лишенные, какъ мы сказали, живости, блеска, почти всякаго ораторскаго характера *).

Въ Конвентѣ **) онъ мало говорилъ. „Не помню, уже какое

*) Въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ Кондорсе два раза пресѣдательствовалъ, онъ лишь разъ взялъ слово (19 іюня 1792 г.), чтобы похвалить принятый въ тотъ же день Законодательнымъ Собраніемъ декретъ, который обязывалъ сечь хранившіяся въ общественныхъ учрежденіяхъ дворянскія грамоты (*La Société des Jacobins*, т. IV, стр. 17).

**) Въ Законодательномъ Собраніи онъ представлялъ департаментъ Па-

административное учрежденіе,—писаль Brisso,—упрекало въ одномъ адресѣ Кондорсе за то, что онъ втеченіе восьми мѣсяцевъ хранить молчаніе; пусть это учрежденіе пришлетъ своего делегата, который имѣлъ бы мужество присутствовать на одномъ изъ нашихъ засѣданій, и ему станеть понятнымъ это молчаніе. Нѣтъ, Кондорсе не умѣеть говорить тѣмъ языкомъ, которымъ тамъ говорить“ *). У Кондорсе не было того презрѣнія, которое ему приписываетъ Бриссо; но онъ чувствовалъ себя одинокимъ и безсильнымъ между Жирондой и Горой. Онъ посвятилъ себя выработкѣ знаменитаго проекта конституціи, который онъ прочелъ на засѣданіяхъ 15 и 16 февраля 1793 г. **).

рижа, а въ Конвентѣ—департаментъ Физикъ; но въ Конвентѣ онъ былъ избранъ еще четырьмя другими коллегами.

*) Brissot à ses commettants, стр. 17.

**) Проектъ этотъ, осыщая „единую и нераздѣльную республику“ устанавливалъ всеобщее избирательное право, котораго не были лишены и слуги и иностранцы. Всякій гражданинъ, достигшій 21 года и проживавшій во Франціи одинъ годъ, а въ определенной коммунѣ—три мѣсяца, пользовался правомъ голосованія. Почти на все функціи полагалось избирать. Проектъ предлагалъ слѣдующую избирательную систему: все избиратели подаютъ бюллетени съ именемъ того лица, котораго они предлагаютъ для данной должности или функціи; администрація составляетъ по этимъ бюллетенямъ списокъ трехъ лицъ, получившихъ наибольшее количество голосовъ, и изъ ихъ числа первоначальная ассамблея дѣлаетъ окончательный выборъ.

Во главѣ исполнительной власти проектъ ставилъ Исполнительный совѣтъ, состоящій изъ семи министровъ, избранныхъ народомъ. Каждый департаментъ избиралъ Административный совѣтъ, состоящій изъ 18 членовъ, изъ которыхъ четверо составляли директорію департамента; изъ числа администраторовъ Исполнительный совѣтъ выбиралъ одного члена, который считался представителемъ центральной власти при департаментской администраціи.

Законодательная власть принадлежала, по проекту, единой палатѣ, избираемой на одинъ годъ и съ расчетомъ, чтобы на каждыя 50.000 жителей приходился одинъ депутатъ.

Департаменты Кондорсе предлагалъ раздѣлить (не на округа, а на коммуны, которыя, въ свою очередь, дѣлились бы на муниципальные секціи. Въ каждой секціи населеніе выбираетъ одного администратора и, кромѣ того, для всей коммуны, еще двѣнадцать администраторовъ и мэра. Секціонные администраторы и коммунальная администрація образуютъ „общій совѣтъ коммуны“, которому принадлежитъ руководство муниципальными дѣлами.

Наконецъ, проектъ Кондорсе устанавливалъ референдумъ и обязывалъ законодательную власть созывать каждыя 20 лѣтъ Национальный Конвентъ для пересмотра конституціи.—*Прим. перев.*

IV.

Поведеніе Кондорсе въ процессѣ короля удивило современниковъ. Въ ноябрѣ 1792 г. онъ, хотя и признавалъ, что король можетъ и долженъ быть судимъ, отрицалъ при этомъ компетентность Конвента. Заканчивая свою рѣчь по этому вопросу, онъ сказалъ: „Короли уже съ давнихъ поръ являются лишь людьми въ глазахъ разума, и приближается то время, когда они будутъ не больше, какъ людьми, и въ глазахъ политики. Но тотъ моментъ, когда предразсудки, окружавшіе троны, уже исчезаютъ и когда, однако, вліяніе королей на судьбу народовъ все еще существуетъ, этотъ моментъ долженъ также быть единственнымъ, когда, наконецъ, возможно и когда полезно еще уяснить права, коими народы пользуются надъ этими существами... Когда въ Европѣ останется лишь одинъ король, котораго надо будетъ судить, тогда процессъ его, ставъ обыденнымъ дѣломъ, не будетъ больше заслуживать напряженнаго вниманія народовъ“ *).

По вопросу объ апелляціи къ народу онъ высказался (15 янв. 1793 г.) слѣдующимъ образомъ: „Когда Ассамблея вынесетъ смертный приговоръ, то я желалъ бы, чтобы приведеніе его въ исполненіе было отложено до того времени, когда конституція будетъ закончена и опубликована и когда народъ выскажетъ свое мнѣніе въ своихъ первоначальныхъ ассамблеяхъ, слѣдуя при этомъ установленному конституціей порядку; но на вопросъ, слѣдуетъ ли или нѣтъ апеллировать нынѣ же къ народу на основаніи декрета, я отвѣчаю: нѣтъ“.

По вопросу о наказаніи: „Всякая разница въ наказаніи за одинаковыя преступленія является посягательствомъ на равенство. Наказаніе, которому подлежатъ заговорщики, это — смертная казнь. Но это наказаніе противъ моихъ принциповъ. Я никогда не подамъ голоса за него. Я не могу также голосовать за тюремное заключеніе, такъ какъ никакой законъ не позволяетъ мнѣ вынести такого приговора. Я подаю голосъ за самое строгое наказаніе, допускаемое Улож. о наказаніяхъ, кромѣ смертной казни. Я требую, чтобы предложеніе Mailhe было поставлено на обсужденіе, такъ какъ оно достойно этого“ **).

*) Oeuvres de Condorcet, т. XII, стр. 303. Быть можетъ, что эта рѣчь не была произнесена: я не нахожу никакихъ указаній на нее ни въ *Moniteur*’ѣ, ни въ *Journal des Débats et des Décrets*.

***) Jean Mailhe, депутатъ Верхней Гаронны, умѣренный монтаньярь,

19 января, по вопросу объ отсрочкѣ, онъ чистосердечно признается въ своей неувѣренности относительно того, какъ надо поступить. Какое бы ни принять рѣшеніе, оно „будетъ грозить отечеству большими опасностями. Я пробовалъ взвѣшивать ихъ, но, признаю, моя рука не была достаточно твердой, чтобы держать вѣсы“. Немедленная казнь Людовика XVI представляетъ, однако, очевидную опасность: короли возстановятъ противъ насъ народы, выставляя насъ кровавыми людьми. Если все же не хотятъ согласиться на отсрочку, то надо издать хорошіе законы, которые покажутъ наше милосердіе. Такъ, можно было бы отмѣнить смертную казнь, сдѣлавъ, быть можетъ, исключеніе для политическихъ преступленій, ускорить судопроизводство для заключенныхъ, обезпечить участь незаконнорожденныхъ дѣтей, воспретить лотереи, отмѣнить тюремное заключеніе за долги, организовать общественное призрѣніе. Если Конвентъ издастъ такіе милосердные законы, то можно ли будетъ ставить ему въ упрекъ казнь Людовика XVI? Таковъ смыслъ рѣчи Кондорсе, которую постановлено было напечатать и которая, фактически, устранила нѣкоторыя изъ сомнѣній депутатовъ, колебавшихся голосовать противъ отсрочки *).

Самъ же онъ не могъ рѣшиться: онъ не кончилъ еще взвѣшивать доводы за и противъ, когда наступила его очередь подать голосъ относительно отсрочки. Онъ не вотировалъ ни за, ни противъ и заявилъ, что онъ не имѣетъ голоса. Роялисты и монтаньяры увидѣли въ этомъ тартюфскій поступокъ и рѣзко упрекали за него Кондорсе. Я думаю, однако, что неувѣренность этого философа не была притворной и что онъ остался честнымъ и лояльнымъ даже въ своемъ вліяніи. Онъ былъ слишкомъ проникательнымъ, чтобы не видѣть всей сложности проблемы, которую другіе, болѣе ограниченные или менѣе искренніе, считали легко разрѣшимой. Но надо признать, что эти колебанія подобали философу, а не политическому дѣятелю.

Мы видѣли, что въ 1793 г. онъ держался въ сторонѣ и занимался составленіемъ проекта конституціи. Проектъ этотъ не ста-

подавъ голосъ за смертную казнь, предложилъ при этомъ, чтобы Ассамблея, если она вынесетъ смертный приговоръ, разсмотрѣла вопросъ, надо ли ради общественнаго интереса привести его немедленно въ исполненіе или отсрочить таковое.—*Прим. перев.*

*) Мы резюмируемъ эту рѣчь по тексту, напечатанному по постановленію Конвента и изуродованному *Moniteur*омъ. См. *Oeuvres de Condorcet*, т. XII, стр. 307.

вили на очередь, несмотря на старанія его автора, видѣвшаго въ немъ лекарство противъ золь, отъ которыхъ страдала Франція. 13 мая онъ пытался доказать необходимость созыва новаго Конвента, въ случаѣ, если конституція не будетъ закончена къ опредѣленному сроку, и онъ предложилъ проектъ декрета, который созывалъ первоначальныя ассамблеи къ 1 ноября, если къ тому времени конституція не будетъ передана на утверждение народа. Но обѣ стороны не захотѣли прервать своего соединка. Одинъ монтаньярь, Тюрю, отвергъ это предложеніе, какъ предательское, а жирондистъ Ласурсъ настоялъ на томъ, чтобы его отсрочили.

Съ 26 марта 1793 г. онъ участвовалъ въ Комитетѣ общественной защиты.

13 мая 1793 онъ, отъ имени Конвента, составляетъ три обращенія, одно—къ корсиканцамъ, другое—къ войскамъ, а третье—къ вандейскимъ повстанцамъ.

Его не тронули ни 31 мая *), ни 2 іюня; но съ паденіемъ Жиронды устранялся его проектъ конституціи, съ которымъ была для него связана надежда о возрожденіи французскаго народа. Когда была принята монтаньярская конституція, то онъ подвергъ ее беспощадной критикѣ въ адресѣ къ французскимъ гражданамъ. Шабо, основываясь на немъ, потребовалъ 8 іюля, отъ имени Комитета общественной безопасности, ареста „этого человѣка, который, потому что онъ сидѣлъ рядомъ съ нѣсколькими учеными Академіи, воображаетъ, что онъ долженъ издавать законы для французской республики“.

По изданіи декрета 3 октября 1793 г. обѣ арестѣ его и многихъ другихъ жирондистовъ, онъ обратился къ Конвенту съ письмомъ, въ которомъ онъ протестовалъ, но не защищался: „Я,—писалъ онъ,—не унижусь до того, чтобы расхваливать свои принципы или свое поведеніе; я не нуждаюсь въ этомъ ни по отношенію къ Франціи, ни по отношенію къ Европѣ“ (**).

Надо читать въ краснорѣчивой біографіи Ф. Араго то ужасный, то трогательный рассказъ о томъ, какъ Кондорсе скрывался, какъ онъ бѣжалъ и, наконецъ, кончилъ самоубійствомъ ***). Мы

*) 28-го мая онъ онъ вмѣстѣ съ Горой голосовалъ противъ возстановленія комиссіи двѣнадцати. Mortimer-Ternaux, т. VII, стр. 304.

**) Oeuvres, т. XII, стр. 683.

***) Въ тотъ же день, когда Конвентъ декретировалъ его арестъ, Кондорсе успѣлъ скрыться и въ теченіе семи мѣсяцевъ оставался почти взаперти у нѣкоей г-жи Верне. За это время, угрожаемый ежедневно аре-

оканчиваемъ на этомъ наши немногія замѣчанія относительно этого человѣка, который не былъ краснорѣчивъ, но который вызывалъ аплодисменты однимъ престижемъ своего характера и своей жизни. Взятая сама по себѣ рѣчи его не имѣютъ ничего ораторскаго, и слогъ ихъ можетъ быть пріятенъ только терпѣливому и нисколько не утомленному читателю. Но современники чувствовали себя взволнованными, когда они видѣли и слышали этого знаменитаго представителя свободной философіи, товарища по оружію самыхъ великихъ предвозвѣстниковъ революціи; къ его холоднымъ рѣчамъ, произнесеннымъ нерѣшительнымъ тономъ, жадно прислушивались и Ассамблея, и Франція, и даже Европа, жаждавшая узнать какъ другъ Вольтера, д'Аламбера и Тюрго судилъ о революціи. Онъ, между тѣмъ, душевно наслаждался своей ролью апостола гуманитарной религіи. „Свидѣтель ошибокъ, преступленій, несправедливости, онъ находилъ себѣ успокоеніе въ созерцаніи счастья

стомъ, почти лишенный книгъ, онъ написалъ свое знаменитое произведеніе о прогрессѣ человѣческаго разума, поражающее, принимая во вниманіе условія, при которыхъ онъ работалъ, своей объективностью и силой мысли. Особенно тяжело было его пребываніе у г-жи Верне въ послѣднее время, когда, благодаря все усиливавшемуся террору, его покинули даже друзья. Одинъ на одинъ со своими мыслями, неувѣренный въ каждомъ часѣ своемъ, окруженный тѣнями тѣхъ, которые погибли на гильотинѣ, охваченный даже сомнѣніями относительно участи революціи, онъ моментами впадалъ въ самый крайній пессимизмъ. Предупрежденный о томъ, что въ домъ г-жи Верне предстоитъ обыскъ, онъ покинулъ свое убѣжище въ концѣ марта 1794 г. Нѣсколько переряженный, не забывъ забрать съ собою томикъ Горация, онъ отправился въ Fontenay-aux-Roses, гдѣ надѣялся найти пріютъ у своихъ близкихъ друзей—Сюаровъ. Но тѣ отказались его принять, и онъ побрелъ дальше. 27 марта, измученный, голодный, онъ прибылъ въ Кларамъ и рѣшился зайти въ корчму отдохнуть. Присутствовавшимъ онъ почему то показался подозрительнымъ. Его стали разспрашивать, допытываться, кто онъ, откуда, куда идетъ, имѣетъ ли бумаги, свидѣтельство о гражданской вѣрности. Предупредили мѣстныхъ властей, которыя снова допросили его и рѣшили, на всякій случай, до выясненія правдивости его показаній, арестовать его. Онъ не былъ больше въ силахъ ходить пѣшкомъ, и его на телегѣ отправили въ тюрьму. На слѣдующее утро, 28 марта, его нашли мертвымъ. Долго утверждали что онъ кончилъ самоубійствомъ, принявъ какой то ужасный ядъ, которымъ, будто бы, снабдилъ его докторъ Кабанисъ, одинъ изъ его друзей. Въ виду глубокой тайны, которой окружены послѣдніе дни его жизни, нельзя утверждать и противнаго, т. е., что онъ скончался естественной смертью. Но новѣйшій біографъ его, Léon Cahen, считаетъ послѣднюю гипотезу болѣе вѣроятной.

Прим. перев.

будущихъ поколѣнїи и въ несомнѣнномъ сознанїи, что ни одинъ человекъ его времени не способствовалъ этому въ большей степени, чѣмъ онъ“ *).

*) Diannuère, стр. 19.—Съ тѣхъ поръ, какъ была написана эта книга, появились два крупныхъ сочиненїя относительно Кондорсе: 1) Condorcet guide de la Révolution française par Alengry Paris, 1904, in—8; Condorcet et la Révolution française par L. Cahen, Paris, 1904, in—8.—Я самъ неоднократно возвращаюсь къ вопросу не о краснорѣчїи, но о политикѣ Кондорсе въ своей книгѣ Histoire politique de la Révolution.

Книга V.

Верньо и жирондисты въ собственномъ смыслѣ слова.

Департаментъ Жиронды представляли въ Законодательномъ Собраніи Баренъ, Дюко, Жансонне, Гранжневъ, Гюаде, Же, Журню-Оберъ, Гарро, Лаффонъ-Ладба, Серъ, Сервьеръ и Верньо, а въ Конвентѣ—Бергейнъ, Буае-Фонфредъ, Делейръ, Дюко, Дюплантъ, Гарро, Жансонне, Гранжневъ, Гюаде, Же, Лаказъ и Верньо. Какъ видитъ читатель, всѣ ораторы этой знаменитой депутаціи были членами обѣихъ Ассамблей. Верньо, Гюаде и Жансонне составили знаменитое тріо, затмившее остальныхъ бордосцевъ, хотя Дюко, Фонфредъ и Гранжневъ сумѣли въ нѣсколькихъ случаяхъ отличиться на трибунѣ. Остальные молчали, даже Серъ, пользовавшійся въ Законодательномъ Собраніи вліяніемъ надъ своими друзьями, даже Делейръ, другъ Жанъ-Жака, и даже Бергейнъ и Лаказъ, бывшіе въ числѣ арестованныхъ 2 іюня. Же и Гарро, оба франъ-монтаньяры, никогда не брали слова.

Надо раньше всего изучить краснорѣчіе Верньо, сдѣлавъ это настолько детально, насколько этого требуетъ и значеніе оратора, котораго общественное мнѣніе ставить въ одинъ рядъ съ Мирабо, и новизна документовъ, собранныхъ съ религіознымъ рвеніемъ Вателемъ и мало еще использованныхъ историками*).

* *Recherches historiques sur les Girondins: Vergniaud, manuscrits, lettres et papiers pièces pour la plupart inédites, classées et annotées, par C. Vatet. Paris, Bordeaux et Limoges. 1873, 2 тома in-8.*

I.

Молодость и характеръ Верньо.

Шьеръ-Викториенъ Верньо родился въ Лиможѣ 31 мая 1753 г. По отцу и по матери, говоритъ его племянникъ, онъ принадлежалъ къ старинной буржуазіи Лимузена. „Не обладая большимъ состояніемъ, отецъ Верньо имѣлъ извѣстный достатокъ, который онъ увеличивалъ доходами съ своихъ предпріятій“ *). Какъ поставщикъ войскъ короля, онъ находился въ сношеніяхъ съ интендантомъ провинціи, Тюрго, который полюбилъ маленькаго Верньо и часто оставлялъ его у себя на обѣдъ. Мальчикъ получилъ въ родительскомъ домѣ тщательное воспитаніе подъ руководствомъ одного образованнаго іезуита, аббата Роби, друга семьи, хорошо знавшаго древніе языки и переведшаго смѣшными стихами Энеиду Виргилія. Верньо поступилъ скоро въ Лиможскій коллежъ, гдѣ, какъ говорятъ, басня, написанная имъ, когда онъ былъ въ третьемъ классѣ, показала знаменитому администратору, какой въ немъ таится талантъ. Когда онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ математическихъ и словесныхъ наукъ, то Тюрго выхлопоталъ для него стипендію въ коллежѣ Плесси, гдѣ онъ самъ учился. Это благодѣяніе было тѣмъ болѣе кстати, что въ то время отецъ Верньо потерпѣлъ крупныя убытки. Неурожай 1770—1771 гг. совершенно разорилъ его, помѣшавъ ему выполнить обязательства, которыя онъ взялъ на себя, какъ поставщикъ арміи. Онъ принужденъ былъ продать все, что имѣлъ, за исключеніемъ четырехъ домовъ, принадлежавшихъ его женѣ, и стоимость которыхъ едва лишь достигала суммы долговъ, подлежащихъ еще уплатѣ.

Это событіе измѣнило судьбу молодого Верньо. Кончивъ курсъ философіи въ коллежѣ Плесси, гдѣ онъ встрѣтился со своимъ землякомъ Горса, онъ долженъ былъ выбрать карьеру, въ которой бѣдность его не была бы препятствіемъ, и онъ поступилъ въ семинарію. Но онъ не чувствовалъ въ себѣ призванія къ духовной карьерѣ, какъ то случилось съ самимъ Тюрго. Онъ не могъ рѣшиться носить всю жизнь маску и скоро, вѣроятно въ 1775 г., покинулъ семинарію.

*) Notice о Верньо, которую около 1842 г. написалъ его племянникъ, Франсуа Аллюо. Vatel, т. I, стр. 14.

По рекомендаціи Тюрго, бывшаго уже тогда министромъ, онъ получилъ мѣсто въ финансовомъ вѣдомствѣ, но скоро лишился его. Ему не нравилось, говорить его племянникъ, то занятіе, которое ему дали, и, не рѣшаясь сказать правду, онъ выдумалъ предлогъ, ложь котораго не замедлила обнаружиться для семьи. Тогда онъ черезъ своего шурина извинился передъ отцомъ, но тономъ человѣка стѣсняющагося, не желающаго во всемъ признаться. „Что бы ни сказали отцу о моемъ поведеніи, несомнѣнно, что не удовольствія отвратили меня отъ моего долга“ *). И онъ порицаетъ себя за то, что отсрочилъ тотъ моментъ, когда онъ не будетъ больше въ тягость своему отцу. „Достаточно, что я самъ себя въ тягость; я подавленъ меланхоліей, которая лишаетъ меня моихъ способностей. Напрасно я употребляю усплія, чтобы скрыть ее отъ глазъ тѣхъ, съ которыми я встрѣчаюсь: она все же остается. Я живу въ судорогахъ, и сердце мое рѣдко раздѣляетъ ложную радость, изображающуюся на моемъ лицѣ“.

Былъ ли этотъ молодой, двадцатидвухлѣтній человѣкъ какимъ то Оберманомъ съ тяжелой меланхоліей и конвульсивнымъ смѣхомъ? Безъ сомнѣнія, позднѣе, въ 1793 г., замѣтятъ на его столь благородномъ лицѣ тѣнь безотчетной и почти философской грусти. Но въ 1779 г. этотъ бывшій семинаристъ сочиняетъ легкія и потѣшныя стихотворенія и кажется болѣе занятымъ свѣтской жизнью, чѣмъ своею собственной психологіей. Быть можетъ, что въ этомъ болѣзненномъ крикѣ надо видѣть откликъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе глубокаго чувства, чѣмъ тѣ, о которыхъ онъ писалъ въ своихъ виршахъ. Такъ или иначе, по въ 1779—1780 гг. Верньо какъ будто переживаетъ моральный кризисъ, по выходѣ изъ котораго онъ почувствовалъ безплодность и пустоту своей жизни. Онъ устыдился того, что находится еще на плечахъ родныхъ **), и въ 1780 г. вернулся въ Лиможъ, раскаявшійся и устыженный, но безъ опредѣленнаго положенія и безъ всякаго плана. „Разъ какъ то,—рассказываетъ Аллю,— шурина его, засталъ его импровизирующимъ рѣчь. Удивленный легкостью, съ какою онъ говорилъ, онъ спросилъ его: „Почему не становишься ты адвокатомъ, разъ ты чувствуешь себя въ си-

*) Vatel, т. I, стр. 22.

***) Верньо имѣлъ единственную сестру, бывшую замужемъ за Аллюо, который занималъ тогда должность инженера-географа короля. Этотъ Аллюо посылалъ Верньо необходимыя ему на жизнь деньги.

лахъ успѣть на этомъ пути?“—Я не желалъ бы ничего лучшаго,— отвѣтилъ Верньо; но какъ просуществовать до тѣхъ поръ, когда я смогу заниматься адвокатурой?—„Я тебѣ помогу“.—Этотъ разговоръ рѣшилъ будущность Верньо“.

Онъ скоро отправился изучать право въ Бордо и въ августѣ 1781 г. онъ былъ уже адвокатомъ. Онъ поступилъ секретаремъ къ предсѣдателю суда г. Бордо, Дюпати, человѣку съ широкимъ образованіемъ и гуманитарными идеями, имѣвшему самое благотворное вліяніе на Верньо.

Въ апрѣлѣ 1782 г. онъ впервые выступилъ въ роли защитника. Онъ имѣлъ успѣхъ; почти всѣ адвокаты поздравляли его, и покровитель его, Дюпати, похвалилъ его рѣчь. Его блестящая карьера уже возвѣщалась.

Но онъ не оставилъ еще стихотворства, которое онъ совершенно забросилъ только тогда, когда онъ былъ избранъ въ депутаты. До 1791 г. литература занимала его столько же, сколько адвокатура. Онъ былъ членомъ блестящей академіи Музы, но такъ какъ въ ней преобладали ультра-роялисты, то онъ выступилъ изъ нея и, вмѣстѣ съ Дюко, Фонфредомъ и однимъ изъ ихъ друзей, Фуртадо, основалъ особый литературный кружокъ. Скоро къ нимъ примкнули Гюаде, Жансонне и нѣкоторые другіе патріоты. Этотъ кружокъ былъ ядромъ будущей Жиронды, которая навсегда сохранила отпечатокъ его литературнаго происхожденія.

Въ полномъ расцвѣтѣ силъ, когда ему было 37 лѣтъ, литературный вкусъ Верньо не отличался ни особенной чистотой, ни особенной возвышенностью. Въ его бумагахъ, найденныхъ при его арестѣ въ 1793 г. и сохранныхъ въ бордосской библиотекѣ, имѣется цѣлая тетрадь поэтическихъ отрывковъ, изъ которыхъ многіе переписаны его рукой и свидѣлствуютъ о его весьма фривольныхъ наклонностяхъ. Оставленные имъ бумаги показываютъ также, что онъ пробовалъ писать романъ въ стихахъ, комедію, пастушескую идиллію, но это только наброски. Ему приписывали также появившійся въ 1783 г. двухтомный романъ *Les amants républicains ou les Lettres de Nicias et de Cynire*. Но куда вѣроятнѣе, что романъ этотъ, въ которомъ отведено много мѣста женевской революціи, написанъ женевцемъ Ж.-П. Беранже и что Верньо лишь пересмотрѣлъ его, исправилъ стиль. Во всякомъ случаѣ, произведеніе это весьма посредственное.

Итакъ, въ своихъ литературныхъ попыткахъ этотъ великій

ораторъ не проявилъ ни оригинальности, ни сильнаго вдохновенія. Между тѣмъ, какъ Мирабо и Бриссо касались въ своихъ сочиненіяхъ экономическихъ проблемъ и какъ тѣ, которымъ придется отличиться послѣ 1789 г., подготовляли, каждый по своимъ силамъ, революцію, Верньо, безпечный и милый, жилъ себѣ согласно модѣ, довольный своими свѣтскими успѣхами и какъ будто не слыша глухого, но уже различимаго голоса пробуждавшейся націи.

II.

Мы касаемся здѣсь доминирующей черты его характера, апатїи, изъ которой одни лишь обстоятельства могли его вывести. Для этого вялаго характера мыслить было дѣломъ утомительнымъ. Онъ предпочиталъ мечтать.

Смотрѣть на теченіе рѣки, какое неизрѣчимое удовольствіе!

Такъ начинается одно его стихотвореніе, написанное имъ въ Бордо и посланное семьѣ Десезъ. Однажды онъ прибылъ на дачу къ своимъ друзьямъ съ толстой сумкой. „Что у васъ тамъ?“ — спросила его г-жа Десезъ. — Дѣла, которыя я долженъ подготовить въ эти дни, — отвѣтилъ Верньо. — Черезъ недѣлю онъ собирался къ отъѣзду. — „Но вѣдь вы и не развязывали своихъ бумагъ“, — сказала ему г-жа Десезъ. Верньо вынулъ изъ кармана два экю: — У меня есть еще шесть ливровъ, — отвѣтилъ онъ, — считаете ли вы, что я настолько глупъ, чтобы работать при этомъ *). — Прокуроръ Дюизабо также рассказываетъ, „что, назначивъ разъ для молодого адвоката два важныхъ дѣла, онъ отправился въ его кабинетъ; когда онъ знакомилъ его съ первымъ процессомъ, Верньо, зѣвавшій уже съ нѣкотораго времени, поднялся, подошелъ къ своему бюро и, увидѣвъ, что у него еще имѣется немного денегъ, попросилъ доброжелательнаго прокурора обратиться къ другому адвокату“ (**).

Ватель полагаетъ, что современники принимали за сонливость постоянную внутреннюю работу мысли. Могли ли такъ грубо ошибаться всѣ судившіе о Верньо? Г-жа Роланъ сожалѣетъ, что ему не достаетъ „настойчивости трудолюбиваго человѣка“. Этьенъ Дюмонъ называетъ его „человѣкомъ безпеч-

*) Chauvot, Le barreau de Bordeaux de 1775 à 1815, стр. 98.

**) Chauvot, Le barreau de Bordeaux.

нымъ, говорившимъ мало и котораго надо возбудить“ *). Мельянъ говоритъ: „Мнѣ пришлось разъ укорами пробудить его самолюбіе, чтобы убѣдить его выступить противъ какого-то жестокаго предложенія, сдѣланнаго на трибунѣ“ **). Паганель полагаетъ, что лѣнь была его Армидой ***). „Достойный и несчастный Верньо, — восклицаетъ въ своихъ мемуарахъ Луве, — почему не побуждалъ ты чаще своей природной безпечности?“ ****). Bailleul, наконецъ, прибавляетъ новую черту: „Послѣ прекрасной рѣчи онъ впадалъ въ свою обычную апатію: онъ бездѣльничалъ, игралъ съ дѣтьми Буае-Фонфреда“ *****)... Для всѣхъ онъ былъ безпечнымъ Верньо.

Онъ умѣлъ работать, но только порывами, когда грубая необходимость разсѣивала его мечтанія, когда онъ чувствовалъ себя ужаленнымъ несправедливостью или возбужденнымъ опасностью. Тогда дремавшія въ немъ прекрасныя способности внезапно пробуждались; его оцѣпенѣніе само собою исчезало *****); онъ мыслилъ лихорадочно и быстро и дѣлалъ много въ короткій промежутокъ времени. Онъ былъ какъ бы въ припадкѣ, которому наступалъ конецъ на трибунѣ. Сойдя съ послѣдней, онъ становился опять обыденнымъ Верньо, апатичнымъ, снисходительнымъ, бывшимъ больше фаталистомъ, чѣмъ непредусмотрительнымъ, ни къ кому не питавшимъ ненависти и не боявшимся событій. Онъ присутствовалъ при развертывавшейся драмѣ революціи, какъ зритель въ своемъ креслѣ. Смятеніе, трепеть его друзей оставляли его безучастнымъ. Онъ былъ невозмутимъ въ день 10 марта 1793 г., готовый полетѣть въ пропасть, открывшуюся 31 мая. Когда наступила его очередь итти на смерть, онъ хлад-

*) Souvenirs, стр. 389. См. также стр. 408.

***) Meillan, стр. 99.

****) Essai historique et critique, т. I, стр. 453.

*****) Louvet, Mémoires, изд. Дидо, стр. 244.—Г-жа Дюко пишетъ своему мужу 4 октября 1791 г: „Всегда ли Верньо лѣнивъ и всегда ли у него насморкъ? Парижскій воздухъ, кажется мнѣ, не долженъ склонять къ безпечности“. Arch. nat. 292, № 204, pièce 3.

*****) Vatel, т. I, стр. XVI. Анри Фонфредъ (Oeuvres, т. IX, стр. 65) помнитъ какъ онъ игралъ съ Верньо: ему было тогда пять лѣтъ.

*****) „Онъ жилъ изо дня въ день, безъ амбицій, безъ зависти; только долгъ и чувство могли вывести его изъ его апатичнаго настроенія; но какъ онъ былъ тогда прекрасенъ! онъ былъ восхитителенъ! Чуждый всѣмъ интересамъ, онъ противопоставлялъ имъ эпикурейскую беззаботность, свидѣтельствовавшую о томъ, насколько онъ стоялъ выше всякихъ интригъ“. Harmand (de la Meuse), Anecdotes, стр. 80.

покровно поднялся со своего мѣста и позволилъ увести себя, продолжая какую-нибудь начатую мечту.

Итакъ, никто не былъ болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ онъ, въ тѣ моменты, когда онъ подготовлялъ свои рѣчи и произносилъ ихъ; но никто также не былъ безпечнѣе его въ многочисленныхъ антрактахъ его политической жизни. По темпераменту своему онъ не могъ быть руководителемъ, не могъ быть предусмотрительнымъ. Ему самому казалось, что роль его заключается въ томъ, чтобы говорить на трибунѣ, и когда онъ не говорилъ, онъ чувствовалъ себя, какъ актеръ за кулисами, и смотрѣлъ какъ играютъ другіе, не освистывая и не аплодируя, какъ если бы его дѣло было конченнымъ. Вотъ почему многочисленные усилія его генія и его „сто тридцать рѣчей“ не освободили его отъ обвиненія въ лѣности: онъ отчасти заслуживалъ его въ виду слишкомъ многочисленныхъ перерывовъ, которые онъ позволялъ себѣ въ своей дѣятельности.

Но имѣло ли бы его краснорѣчіе свою силу, свою свѣжесть, если бы не эти перерывы, которые дѣйствительно помѣшали ему быть государственнымъ человѣкомъ? Если историку приходится упрекать его за эти добровольныя отступленія, вредившія его партіи и революціи, то долженъ ли литературный критикъ пытаться отрицать или скрывать ихъ? Не заключается ли оригинальность Верньо въ этомъ внезапномъ пробужденіи его генія послѣ столь долгихъ затишій? Развѣ этотъ человѣкъ, отрывающійся какъ будто отъ сна для того, чтобы произнести вдругъ возвышенную и политическую рѣчь и становящійся на трибунѣ, какъ если бы онъ внезапнымъ усиліемъ отбросилъ далеко отъ себя всѣ тяжелые элементы своей природы, прекраснымъ и грознымъ, умѣющимъ тогда возбуждать гнѣвъ и любовь и изъ зрителя трагедіи сразу превращающійся въ ея главнаго исполнителя, развѣ онъ самой неожиданностью этой метаморфозы не доставлялъ своимъ современникамъ умственныхъ наслажденій, которыхъ они напрасно бы ожидали отъ другого оратора?

Не будемъ же отнимать у Верньо его безпечности: она составляетъ часть его генія и его славы и является необходимымъ условіемъ его краснорѣчія. Надо, однако, допустить, что безпечность эта не была совершенно праздною, что въ его душѣ, безъ его вѣдома, происходила скрытая работа и что это тайное подготовленіе къ ораторской дѣятельности, похожее на нашу внутреннюю жизнь во время сна, было тѣмъ болѣе плодотворнымъ, что оно дѣлалось совершенно безсознательно для него. Когда

же наступалъ моментъ и онъ открывалъ въ себѣ таинственные источники своего вдохновенія, то онъ находилъ ихъ наполненными и могъ щедро черпать изъ нихъ великія идеи, красивыя выраженія, весь матеріалъ своего краснорѣчія. Въ то время, какъ онъ мечталъ или забавлялся, творчество его само собою кристаллизировалось въ самой глубинѣ его души.

Онъ точно также видѣлъ событія, не слѣдя за ними; и онъ, считавшій себя не наблюдательнымъ, получалъ и хранилъ въ себѣ ясныя и вѣрныя представленія о людяхъ и дѣлахъ своего времени. Хотя внѣшняя, такъ сказать, дѣятельность его была въ его молодости поглощена фривольными заботами, но онъ безотчетно для себя дышалъ философскимъ духомъ эпохи, и въ немъ накаплился опытъ, который онъ не собиралъ, но который оказался сложившимся въ первый же день его выступленія на политическую арену. Когда, 6 мая 1780 г., онъ пишетъ изъ Бордо своей семьѣ, что не можетъ имъ сообщить новостей, такъ какъ онъ одинъ изъ наиболѣе невѣжественныхъ въ политикѣ, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что онъ не любилъ развѣдывать и что ему не нравилось разбираться въ мелочахъ. Но онъ, быть можетъ, совершенно безотчетно для себя, былъ глубоко проникнутъ благороднымъ гнѣвомъ, накопившимся въ сердцѣ народа. И когда въ 1790 г. ему придется защищать крестьянъ противъ ихъ прежняго владѣтеля, то онъ наброситъ такую философскую картину положенія Франціи въ 1790 г., какой не даль ни одинъ писатель того времени.

Это, слѣдовательно, сложный и, я полагаю, плохо понятый характеръ. Его считали эпикурейцемъ, кутилой. Но въ перепискѣ его ничто не свидѣтельствуетъ хотя бы объ элегантныхъ порокахъ. Все, наоборотъ, указываетъ на вполне здоровое состояніе тѣла и души. Въ немъ не было также никакого педантизма, никакой спеси, и если онъ былъ фантастиченъ, то какъ артистъ. Онъ плохо устраивалъ свои дѣла, и всю его жизнь его преслѣдовали долги; въ іюль 1792 г. онъ не имѣлъ чѣмъ уплатить своему булочнику *) и, будучи предсѣдателемъ Законодательнаго Собранія, онъ велъ жизнь бѣднаго студента. Относительно его совершенной честности нечего и говорить. Дѣятели революціи были не только честными, въ денежныхъ дѣлахъ,—они были почти до наивности щепетильными. И это можно сказать не только по отношенію къ Верньо, но и по отношенію

*) Lettres inédites de M-me Ducos, 31 juillet 1792 (Arch. nat.).

къ Марату, къ Робеспьеру, къ Вильо-Варенну, почти ко всѣмъ. Когда отецъ Верньо умеръ, то онъ оставилъ крупныя долги, которые его сыну пришлось уплачивать и отъ которыхъ ему, кажется, не удалось вполне освободиться. Его бѣдность не происходитъ, слѣдовательно, отъ одной только безнечности его.

Какъ онъ велъ себя, какъ выразился бы Сенъ-Бевъ, насчетъ женщинъ? Онъ ихъ любилъ, испыталъ, быть можетъ, и сильную страсть. Но, надо признаться, что мы не знаемъ объ этомъ ничего опредѣленнаго и надо поэтому забыть прекрасныя страницы Ламартина и Мишле относительно его любовной связи съ Софьей Кандей и его сотрудничествъ въ *Belle Fermière* *). Нѣтъ, артистка эта неотвѣтственна передъ потомствомъ за разсѣянность и отлучки, которыя ставили оратору въ упрекъ его друзья: теперь почти что доказано, что она ни разу съ нимъ не говорила **). И если у него были другія связи, то легкія, быстро проходящія, не повредившія его ораторскому гению.

Дружба была для него культомъ, и онъ имѣлъ страстно преданныхъ ему друзей. Дюко и Буае-Фонфредъ, болѣе молодые, чѣмъ онъ, считали себя его учениками и относились къ нему, какъ къ отцу. Они желали умереть за него и вмѣстѣ съ нимъ.

Его выдающимися качествами были прямодушіе и скромность. Баденъ (изъ Арденновъ), въ своей официальной рѣчи, посвященной памяти жирондистовъ, выставляетъ Верньо „столь скромнымъ, столь чуждымъ всякой интригѣ, извилистые пути которой ему были совершенно неизвѣстны...“ Его прямодушіе проявится въ его политической карьерѣ. Скромности же его нѣсколько вредилъ, быть можетъ, его разсѣянный и задумчивый видъ; но она поражала всѣхъ, кто наблюдалъ за нимъ, и она бросается въ глаза въ его письмахъ.

Таковъ былъ Верньо—великое сердце, высоко одаренный умъ, апатичный характеръ, дѣйствовавшій только черезъ промежутки и какъ бы порывами. Привѣтливый и веселый въ своихъ манерахъ, онъ любилъ свѣтъ, фривольную литературу, но

*) Кандей—даровитая артистка и актриса. Пятнадцати лѣтъ она уже выступила въ парижской оперѣ. Но скоро она покинула оперу и посвятила себя драматическому искусству. Въ 1792 г. она поставила въ театрѣ Республики драму собственнаго сочиненія „*Catherine ou la Belle Fermière*“ въ которой она сама играла главную роль. Драма эта имѣла громадный успѣхъ и доставила ей большую славу.—*Прим. перев.*

***) См. ея брошюру въ отвѣтъ на статью біографическаго словаря. Michaud (1817), гдѣ имѣется зародышъ этой легенды. *Vatel*, т. II, стр. 210.

въ глубинѣ души онъ былъ созерцательно-серьезнымъ, и сира - ведливо, дѣйствительно, представлять его мечтательнымъ. Его современники оставили намъ мало деталей о его физическомъ образѣ. „Онъ не былъ красивъ, когда на него смотрѣли,—говоритъ Rousselin de Saint-Albin;—но онъ былъ божествененъ, когда его слушали“ *). Шаво, разспрашивавшій о немъ современниковъ, говоритъ, что въ толпѣ онъ не обратилъ бы на себя ничьего вниманія: лицо его было не выразительное, походка вялая **). Но Harmand (de la Meuse), его collega, утверждаетъ, что „лицо его, скорѣе некрасивое, чѣмъ красивое, дышало умомъ и добротою“ ***). На трибунѣ, однако, онъ весь преобразался, все, что придавало ему нѣсколько неуклюжій и апатичный видъ, какъ то исчезало, и лицомъ, какъ и фигурой своею, онъ производилъ впечатлѣнiе величественной силы и кипучей страсти.

II.

Ораторское воспитанiе Верньо.

Какъ Верньо подготовлялся къ политическому краснорѣчiю? Онъ, какъ мы уже знаемъ, не имѣлъ такой ораторской подготовки, какъ Мирабо. Онъ не былъ любознательнъ, и не столько гнался за опытомъ, сколько нечаянно наталкивался на него. Его, однако, не слѣдуетъ себѣ воображать невѣжественнымъ. Онъ прошелъ хорошую классическую школу, читалъ Монтескье и усвоилъ его, какъ всѣ образованные французы въ 1789 г. Если поэтическiе опыты не многому научили его, то за то его свѣтскiя связи дали ему знанiе людей. Но относительно всѣхъ почти экономическихъ вопросовъ ему не доставало точныхъ свѣдѣнiй и въ его умственномъ багажѣ были, несомнѣнно, крупныя пробѣлы. Онъ инстинктивно чувствовалъ эту недостаточность образованiя и потому предпочиталъ общiя идеи фактамъ, и во всѣхъ случаяхъ пользовался той великодушной и туманной философiей, которую онъ вынесъ изъ своихъ чтенiй и долгихъ мечтанiй. Онъ при всякихъ обстоятельствахъ рассчитывалъ на свой гений, на удачныя находки своего воображенiя. Серьезно онъ поработалъ лишь надъ одной частью своего краснорѣ-

*) Vatel, т. I, стр. I.—V.

***) Le Bureau de Bordeaux, стр. 97.

****) Anecdotes, стр. 82.

чїя,—надъ формой, и онъ стать умѣлымъ артистомъ, какимъ онъ проявилъ себя даже въ Бордо, въ бытность свою адвокатомъ.

Мы остановимся здѣсь на одномъ процессѣ, въ которомъ онъ выступилъ защитникомъ возставшихъ противъ своего прежняго владѣтеля крестьянъ.

Въ Allassac'ѣ (департаментъ Коррезы), въ день провозглашенія муниципальнаго закона (23 января 1790 г.), молодые люди разняли и сожгли скамьи, предназначенныя для помѣщиковъ и для чиновъ судебного вѣдомства и помѣщавшіяся еще противъ алтаря. Немедленно былъ введенъ военный законъ, о которомъ толпѣ, понимавшей только на своемъ мѣстномъ нарѣчїи, было объявлено на французскомъ языкѣ. Кавалерїя дала залпъ по крестьянамъ, которые рассѣялись, оставивъ нѣсколько убитыхъ. Скоро прибыли изъ Брива національные гвардейцы. Одинъ изъ нихъ, Дюрье, удивляется тому, что не сожгли замка, откуда былъ отданъ кровавый приказъ: „Какъ,—говоритъ онъ,—за какія то жалкія скамьи убили нашихъ братьевъ, и замокъ не былъ сожженъ!“ Увидѣвъ трупъ, брошенный на навозъ, онъ приходитъ въ негодованіе. „Онъ,—разсказываетъ дальше объ этомъ дѣлѣ Верньо,—доходитъ, такъ сказать, до изступленія въ своей любви къ человѣчеству. „Это ужъ слишкомъ,—говоритъ онъ;—надо отомстить за нашихъ братьевъ, надо снести замокъ“ Эти слова отчаянія были услышаны нѣкимъ Гривелемъ, который замѣтилъ Дюрье, какія опасныя послѣдствія они могутъ имѣть; и Дюрье, послушный и вѣрный солдатъ, тотчасъ умолкъ. Онъ молча переноситъ свое горе. Его ведутъ въ кабакъ объѣдать, но душа его еще подавлена. Погруженный въ тягостныя размышленія, онъ отказывается отъ всякой пищи. Одинъ allassac'скій гражданинъ хочетъ его успокоить: онъ говоритъ ему о нѣкоторыхъ хищенїяхъ, совершенныхъ убитыми крестьянами. „Это дѣла исправимыя,—возражаетъ Дюрье;—но люди отъ смерти не возвращаются къ жизни“. Какой то купецъ жалуется на то, что забрались въ его магазинъ и причинили ему много убытковъ. Эти холодные расчеты корысти возмущаютъ Дюрье. „Вы сожалѣете,—говоритъ онъ,—о сырѣ, о матерїяхъ, о бакалейныхъ товарахъ; я покажу вамъ лавки, гдѣ все это имѣется въ продажѣ; укажите мнѣ хоть одну, гдѣ продаютъ людей!“.

Послѣ ухода національной гвардіи замокъ не сожгли, но разграбили. Тюльскій превопальный судъ приговорилъ двоихъ крестьянъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за то, что они

находились въ толпѣ и что ихъ сильно подозрѣвали въ желаніи стрѣлять въ солдатъ. Къ этому дѣлу было привлечено еще много другихъ крестьянъ. Самъ Дюрье тоже былъ арестованъ. Всѣхъ ихъ ожидала та же участь, но Бривское общество друзей конституціи обратилось въ Національное Собраніе съ просьбой въ пользу крестьянъ. Просьбу эту доставилъ въ Ассамблею одинъ изъ членовъ общества, Désaileux, который, вернувшись изъ Парижа, былъ убитъ сторонниками стараго режима. Ассамблея, декретомъ отъ 6 марта 1790 г., рѣшила пріостановить выполненіе смертныхъ приговоровъ превотальнаго суда и передать дѣло на разсмотрѣніе трибунала бордосскаго округа. Защитникомъ Дюрье и allassac'скихъ крестьянъ выступилъ Верньо.

Онъ началъ съ того, что высмѣялъ лицемѣріе тѣхъ, которые возмущаются потрясеніями, вызванными установленіемъ новаго порядка. Они берегутъ свои слезы про несчастья аристократовъ; при горестяхъ же народа глаза ихъ остаются сухими. Верньо очень удачно характеризуетъ положеніе, созданное равенствомъ, которое революція сразу установила между дворяниномъ и крестьяниномъ. Первый, особенно деревенскій дворянинъ, содрогается отъ стыда; второй становится фамиллярнымъ или нахальнымъ. Неизвѣстно, отъ чего дворяне страдаютъ въ большей степени,—отъ того ли, что ихъ замки горятъ, или отъ этихъ новыхъ манеръ освобожденнаго крестьянина. Такъ, почему добиваются казни Дюрье? Потому, что онъ говорилъ о томъ, чтобы сжечь замокъ? Спору нѣтъ, но еще больше потому, что онъ не снялъ шапки передъ г-жей де-Лиссакъ и что онъ сказалъ самому де-Лиссаку: „мы всѣ равны: васъ зовутъ Лиссакъ, какъ меня зовутъ Дюрье“.

Наконецъ, Верньо настолько же поэтично, насколько справедливо вывелъ философію того смутнаго времени: „Между тѣмъ, какъ въ городахъ собирались съ порядкомъ, во многихъ деревняхъ, жившихъ въ нищетѣ и сопровождающемъ ее невѣжествѣ, не то что собирались, а сходились толпами. На шумныя сходки крестьяне приходили вооруженные старыми ружьями, а чаще всего граблями и палками. Безъ главаря, безъ плана атаки, они толпою бѣжали навстрѣчу воображаемому врагу; эти походы возбуждали мужество; самъ безпорядокъ, въ которомъ они двигались, какъ будто содѣйствовалъ усиленію въ нихъ энергіи. Инстинктъ свободы сильно волновалъ этихъ деревенскихъ людей, столько же близкихъ къ природѣ по простотѣ своихъ нравовъ, сколько чуждыхъ нашимъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ ма-

ло считавшимся съ ними. Въмѣстѣ со смутнымъ чувствомъ своихъ силъ, въ душѣ ихъ проснулось и чувство того тяжелаго гнета, жертвами котораго они были. Содрогаясь отъ негодованія, они рыскали по тѣмъ самымъ полямъ, которыя они такъ долго орошали своимъ потомъ и своими слезами. Взгляды ихъ съ мрачнымъ выраженіемъ злобы обращались къ тѣмъ великолѣпнымъ замкамъ, куда они такъ часто приходили унижаться постыдными выраженіями покорности и откуда неоднократно также, какъ опустошительные пороки, распространялись на обездоленные деревни приказы самовластія, всякаго рода притѣсненія, капризы, внушенные гордостью, и покушенія, продиктованныя всеильной жадностью... Съ другой стороны, несчастныхъ крестьянъ оставляли нарочно въ полномъ невѣдѣніи декретовъ Національнаго Собранія или, по крайней мѣрѣ, предоставляли имъ давать декретамъ всякія ложныя толкованія, какихъ, однако, слѣдовало ожидать отъ ихъ непривычки къ размышленію. Объ ихъ счастья никогда не заботились, и посвященіемъ ихъ пренебрегали.“

Хотя Верньо пользовался, какъ адвокатъ, дѣйствительнымъ успѣхомъ и неоднократно, вопреки обычаю, удостоивался аплодисментовъ, но бордосцы отнеслись нѣсколько подозрительно къ его краснорѣчію, считали его не вполне искреннимъ, дѣланымъ. Они, я думаю, ошибались. Ихъ вводилъ въ заблужденіе контрастъ между флегматичностью обыкновеннаго Верньо и его горячностью на судѣ. Онъ не маскировался, а только показывалъ себя публикѣ такимъ, какимъ она его не знала. Онъ дѣйствительно становился другимъ, когда говорилъ, но въ своемъ возбужденіи великихъ дней онъ былъ столь же естественнымъ и столь же искреннимъ, какъ въ своей ежедневной апатіи.

Верньо, во время пребыванія его въ Бордо, приходилось также говорить въ клубѣ бордосскихъ якобинцевъ и въ департаментскомъ совѣтѣ, членомъ котораго онъ былъ избранъ въ 1790 г. Но для того, чтобы ораторскій талантъ его могъ вполне развернуться, онъ нуждался въ болѣе широкой аренѣ, которая и была доставлена ему избраніемъ его въ депутаты Законодательнаго Собранія (31 августа 1791 г.).

Онъ прибылъ въ Парижъ вмѣстѣ съ другими депутатами Жиронды, Гранженевомъ, Гюаде, Жансонне, и авторитетъ ихъ установился съ первыхъ же засѣданій второй Ассамблеи, состоявшей изъ новыхъ и неизвѣстныхъ людей, съ любопытствомъ и безпокойствомъ смотрѣвшихъ другъ на друга. Именно депу-

тація Жиродны начала парламентскую борьбу и освятила трибуну. 5 октября 1791 г. Гранжневъ и Гюаде открыли огонь по поводу формы сношеній между королемъ и законодательной властью. Верньо два раза беретъ слово, чтобы поддержать своихъ друзей. На этомъ же засѣданіи былъ принятъ и агрессивный декретъ относительно церемоніала, съ которымъ предстояло принять короля. Когда, на слѣдующій день, потребовали отмѣны декрета, то Верньо высказался противъ этого въ короткой рѣчи, которая была встрѣчена аплодисментами. 17-го его избираютъ вице-предсѣдателемъ, а 25-го онъ произноситъ длинную рѣчь по вопросу объ эмигрантахъ. Онъ уже окончательно на сценѣ. Ассамблея относится къ нему съ довѣріемъ и симпатіей. Отнынѣ біографія его сливается съ исторіей Конвента, и прослѣдить шагъ за шагомъ его карьеру значило бы для насъ удалиться отъ нашей цѣли. Мы разсмотримъ теперь, что составляло содержаніе его рѣчей, иначе говоря, какова была его политика, затѣмъ мы приведемъ примѣры его краснорѣчія и познакомимъ съ его ораторскимъ методомъ.

III.

Политика Верньо.

Говоря о политикѣ жирондистовъ, мы не скрывали, что указали лишь на нѣкоторыя сходныя черты у весьма различныхъ людей, которые не подчинялись какому-либо типу и почти никогда не дѣйствовали по заранѣе и совмѣстно выработанному плану. И въ этой партіи безъ дисциплины не было, быть можетъ, болѣе недисциплинированнаго члена, чѣмъ Верньо. Если Жиронда гордилась имъ, то онъ, говоритъ Паганель, принадлежалъ къ ней не столько „изъ собственнаго честолюбія и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, сколько изъ чувства чести и по извѣстной солидарности оружія“ *). Онъ жилъ уединенно, съ Фонфредомъ и Дюко, которые оба были полумонтаньярами. Жансонне упомянулъ передъ революціоннымъ трибуналомъ о собраніяхъ „нѣсколькихъ патріотовъ“, которые, будто бы, происходили у Верньо. Но ни одинъ современникъ не подтвердилъ этого показанія, внесеннаго, быть можетъ, уже послѣ суда въ Bulletin трибу-

*) Paganet, т. I, стр. 453.

нала, для котораго это явилось бы не единственной ложью. Враги жирондистовъ были заинтересованы въ томъ, чтобы придать имъ согласованность дѣйствій, которой у нихъ не было, и чтобы скрыть независимость и относительное одиночество Верньо, которыя слишкомъ очевидно доказали бы несправедливость обвиненія его въ заговорщичествѣ. Онъ не ходилъ ни къ Валазе, ни даже къ г-жѣ Роланъ. Онъ не былъ, слѣдовательно, ни главаремъ партіи, ни даже человѣкомъ партіи, и Бриссо, доказывая неправильность того мнѣнія, что друзья его составляютъ фракцію, говорилъ о Верньо, что онъ былъ слишкомъ проникнутъ той безпечностью, которая присуща таланту и заставляетъ его держаться одиноко *).

Трудно не вернуться къ этой прирожденной безпечности Верньо, когда рѣчь идетъ о его политикѣ. „Это,—говоритъ одинъ изъ его коллегъ,—былъ Демосѣенъ, котораго можно было упрекать въ томъ, въ чемъ греческій ораторъ упрекалъ аѳинянь,—въ безпечности, лѣнности и любви къ удовольствіямъ. Онъ дремалъ въ промежуткахъ между своими рѣчами, а врагъ тѣмъ временемъ все подвигался впередъ, все тѣснѣе обступалъ республику и толкалъ ее вмѣстѣ съ ея защитниками въ пропасть... Я не знаю человѣка, болѣе не подходящаго къ тому, чтобы играть первую роль на сценѣ революціи. При неминуемой опасности онъ былъ болѣе расположенъ ждать смерти, чѣмъ наносить ее своимъ врагамъ“ **).

Отъ этого безпечнаго мечтателя не надо требовать практическихъ идей, вродѣ тѣхъ, которыя имѣли Мирабо или Дантонъ. У него совершенно не было пониманія того, что слѣдуетъ дѣлать сегодня или завтра. Его совѣты никогда не имѣютъ опредѣленнаго и настойчиваго характера. Онъ говоритъ, на примѣръ, 3 іюля 1792 г.: „Я отважусь предложить вамъ нѣкоторыя идеи“... Не такими робкими формулами убѣждаютъ людей. Не надо также искать въ его рѣчахъ послѣдовательной теоріи, политическаго credo. Онъ никогда не говоритъ какъ оракулъ, какъ человѣкъ, владѣющій истиной. Онъ охотно, наоборотъ, протестуетъ противъ „той политической теологіи, которая, по его словамъ свои рѣшенія по всѣмъ вопросамъ возводитъ въ догмы, которая

*) A tous les républicains de France sur la société des Jacobins de Paris, par J.—P. Brissot Paris, 1792, in-8, стр. 9. Прибавимъ, что на судѣ Верньо отрицалъ, будто онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Бриссо и Жансонне.

**) Paganel, т. I, стр. 455.

всѣмъ невѣрующимъ угрожаетъ своимъ ауто-да-фе, которая своими преслѣдованіями охлаждаетъ революціонный пылъ въ душахъ, недаренныхъ отъ природы большою энергіею“^{*)}).

Его представляли убѣжденнымъ послѣдователемъ Монтескье. Но онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ Руссо безсмертнымъ философомъ и въ своей рѣчи, произнесенной имъ 25 октября 1791 г., онъ заимствуетъ у него мысль объ отличіи человѣка естественнаго отъ человѣка общественнаго, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему 17 апрѣля 1793 г. опровергнуть эту самую мысль въ дебатахъ о деклараціи правъ, исходнымъ пунктомъ которыхъ было именно толкованіе Общественнаго договора. Думаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, что придерживается опредѣленной доктрины? Во всякомъ случаѣ, не въ его религіозныхъ идеяхъ слѣдуетъ искать исходной точки его политики или источника его ораторскаго вдохновенія. Истинный сынъ XVIII-го вѣка, онъ вѣритъ, что устранить религіозную проблему насмѣшливой улыбкой, не видить ея соціальныхъ сторонъ и презрительно проходить мимо нея.

Идеаль его тотъ же, который мы приписали Жирондѣ вообще: такой строй, въ которомъ наиболѣе образованные и наиболѣе одаренные управляли бы невѣжественной массой, гдѣ науки, искусства, всѣ силы человѣческаго разума развивались бы въ наиболѣе свободныхъ и наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ^{**)}, гдѣ стремились бы сдѣлать человѣчество не столько болѣе добродѣтельнымъ, сколько болѣе красивымъ и болѣе счастливымъ^{***)},

^{*)} Рѣчь 8 мая 1793 г. относительно конституціи.

^{**)} Въ цитированной уже рѣчи о конституціи онъ какъ будто ставитъ политикѣ цѣлью „вызывать появленіе шедевровъ искусства, замѣчательныхъ изобрѣтеній, прекрасныхъ идей, составляющихъ счастье и славу человѣческаго рода“. И въ рѣчи, которой онъ, 19 октября 1791 г., какъ вице-предѣдатель Ассамблеи, отвѣтилъ депутаціи артистовъ, онъ также указывалъ на необходимость развитія искусствъ и даже вмѣнялъ Национальному Собранію въ обязанность заботиться объ ихъ усовершенствованіи. Среди бурныхъ событій, поглощающихъ все вниманіе и все воображеніе его коллегъ, онъ является почти единственнымъ, сохранившимъ эстетическія потребности. Онъ даже страдаетъ отъ уродства залы Манежа, въ которой засѣдала Ассамблея. „Человѣкъ, горящій любовью къ свободѣ,—говоритъ онъ 13 августа 1792 г.,—и котораго природа одарила чувствомъ красоты, не можетъ остановить своей мысли и своего взора на это узкое помѣщеніе, не спросивъ самого себя, вѣрно ли, что это именно храмъ нашихъ законовъ.

^{***)} „Наиболѣе совершенной конституціей,—говоритъ онъ 8 мая 1793 г.,—будетъ та, которая дастъ наибольшую сумму возможнаго счастья и обществу и индивидуумамъ“.

гдѣ власть доставалась бы самымъ краснорѣчивымъ, самымъ убѣдительнымъ, а не самымъ прагматичнымъ и самымъ сильнымъ. Это совсѣмъ не пуританская республика Бильо-Варенна и Сень-Жюста *).

И если ошибочно полагать, вслѣдъ за однимъ изъ его коллегъ**), что Верньо никогда не былъ республиканцемъ ни по своимъ вкусамъ, ни по убѣжденіямъ, то справедливо сказать, что онъ никогда не былъ демократомъ, хотя бы на манеръ Бриссо. Онъ любилъ простой народъ, какъ аплодирующую галерею, но онъ никогда не относился серьезно къ ремесленникамъ и крестьянамъ, какъ гражданамъ. Въ комъ же онъ помѣщалъ суверенитетъ? Отъ кого его аристократія ума и талантовъ получила бы свою власть? Онъ не вноситъ опредѣленности въ свои мечты: гений долженъ, по его мнѣнію, самъ выдвинуться и привлекать къ себѣ своимъ сіяніемъ.

Итакъ, хотя онъ въ той же степени, какъ его современники, былъ пропитанъ идеями Монтескье и Руссо, но ни англійская система, ни демократія не удовлетворяли его воображенія. Онъ мечталъ объ иномъ, отдался прекрасной и туманной химерѣ, не укладывающейся въ проектахъ законовъ и которая внушала ему отвращеніе къ дѣйствительности. Онъ, какъ геронческій артистъ, увлекся наиболѣе смѣлой ролью, потому что она казалась ему наиболѣе прекрасной; и вся его практическая политика была въ дѣйствительности только рыцарской. До тѣхъ поръ, пока дворъ казался опаснымъ, онъ боролся противъ него; когда же народная партія одержала, казалось, верхъ, онъ выступилъ противъ нея и погибъ въ борьбѣ съ нею. Король и чернь были, дѣйствительно, двумя врагами его либеральныхъ инстинктовъ, и онъ испытывалъ одинаковое отвращеніе къ деспотизму Тюльерійскаго дворца и къ деспотизму улицы. И онъ остался поэтому одинокимъ, ласкающимъ слухъ, но лишеннымъ дѣйствительнаго вліянія на души.

Его политическое поведеніе внушено было также фатализмомъ,

*) Въ этой же рѣчи Верньо высмѣялъ идеалъ подобной республики, доказывая, что для полнаго и послѣдовательнаго проведенія его въ жизнь слѣдовало бы уничтожить деньги, заглушить промышленность, бросить торговлю, не пользоваться естественными богатствами страны, отказаться отъ искусствъ, уподобиться, однимъ словомъ, дикарямъ. Но доведши такимъ образомъ до абсурда идеалъ своихъ противниковъ, онъ не могъ противопоставить ему никакого собственнаго плана общественнаго устройства.

**) Pagancl., т. I, стр. 456.

который его друзья принимали за ослѣпленіе. „Почему глаза его,—говорилъ Луве,—отказывались видѣть? Послѣ 10 марта они еще оставались закрытыми и открылись только 31 мая, когда—увы!—было уже слишкомъ поздно“ *). Его глаза, вопреки мнѣнію Луве, видѣли, но разумъ его не находилъ исхода. И онъ уходилъ въ свои мечтанія и ожидалъ, или же, отвернувъ свой взоръ отъ политики, находилъ себѣ убѣжище въ частной жизни, въ семьѣ, которую для него составляли его друзья. Онъ былъ также частымъ гостемъ Шована**), прелестная дочь котораго, Адель, вселяла спокойствіе въ его душу***), и Тальмы, Юлія котораго плѣняла его своимъ умомъ и своей добротой. Онъ нуждался въ блестящемъ обществѣ и страстно любилъ театръ. Повсюду онъ искалъ красоты и генія, и, я думаю, что въ этомъ именно заключалась, въ сущности, вся его политика.

Долженъ ли я сказать, что, при всей своей безпечности, онъ былъ патріотомъ? Кто не былъ таковымъ въ эту эпоху вѣры? Но патріотизмъ Верньо очень скоро принялъ характеръ излишней воинственности. Кто послѣ Бриссо съ большимъ рвеніемъ толкалъ Францію на ея поединокъ съ Европой? Но я не думаю, чтобы онъ былъ чувствителенъ къ политическимъ мотивамъ, побудившимъ объявить эту героическую войну: его воображенію импонировала, несомнѣнно, красота этой борьбы одного народа противъ всѣхъ королей; онъ любилъ войну, какъ поэтъ.

Въ общемъ можно сказать, что онъ мечтаетъ о неосуществимой республикѣ и воздерживается отъ руководства дѣлами. Отказываясь отъ всякаго непосредственнаго вліянія, онъ свою роль народнаго представителя считаетъ чисто ораторской. Такъ какъ онъ не можетъ осуществить своихъ мечтаній, то онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ говорить великія и прекрасныя вещи. „Будемъ остерегаться метафизическихъ абстракцій,—говоритъ онъ 9 ноября 1792 г.—Природа одарила людей страстями, и надо при посредствѣ страстей управлять ими и дѣлать ихъ счастливыми. Природа внушила въ особенности человѣку любовь къ слову, къ отечеству, къ свободѣ: прекрасныя страсти, удваивающія силу, разжигающія мужество и порождающія великія дѣла, которыя даютъ людямъ безсмертіе и составляютъ счастье націй, умѣющихъ поддерживать этотъ священный огонь“. И его единственная

*) Mémoires, éd. Didot, стр. 264.

**) Контролеръ дворцовыхъ имуществъ герцога Орлеанскаго.

***) Vatel, т. II, стр. 373.

политическая цѣль это—поддерживать такимъ образомъ священный огонь и поощрять своими благородными рѣчами революціонную энергію. Онъ далъ людямъ 1792 г. высокое представленіе о себѣ самихъ; онъ въ ихъ собственныхъ глазахъ придалъ красоту ихъ дѣламъ и ихъ страстямъ; онъ показалъ имъ гармонію и красоту того кажущагося беспорядка, въ которомъ металась Франція. И въ этомъ отношеніи онъ былъ тѣмъ болѣе полезенъ, чѣмъ болѣе онъ былъ поэтомъ.

IV.

Рѣчи Верньо до 10-го августа.

До 10-го августа Верньо борется противъ интригъ двора; послѣ 10-го августа онъ ополчается противъ народныхъ излишествъ. Въ исторіи его краснорѣчія имѣются, слѣдовательно, два различныхъ періода.

Въ первый изъ нихъ онъ имѣетъ за себя народъ, Ассамблею, общественное мнѣніе. Уже съ 25 октября 1791 г. онъ пріобрѣлъ извѣстность своею рѣчью объ эмигрантахъ, старательно подготовленной имъ, въ которой онъ не осмѣливается еще, какъ онъ поступитъ впоследствии, отдаться всеѣмъ внушеніямъ своего генія, но въ которой онъ выказываетъ себя дѣйствительно возмущеннымъ интригами королевской семьи.

Онъ разбираетъ сначала слѣдующій вопросъ: существуютъ ли такія обстоятельства, при которыхъ естественныя права чело-вѣка позволяли бы націи принять какую-либо мѣру по отношенію къ эмигрантамъ? Онъ доказываетъ, что даже сами доктрины Общественнаго договора, разумно истолкованныя, даютъ обществу право защищать свою жизнь, угрожаемую дезертировавшими членами. И онъ спрашиваетъ себя, находится ли Франція въ такихъ обстоятельствахъ. „Я не имѣю намѣренія,—говоритъ онъ,—вызывать здѣсь напрасные страхи, которыхъ я самъ далеко не раздѣляю. Нѣтъ, они нисколько не опасны, эти столь же смѣшныя, сколько нахальныя крамольники, которые украшаютъ свое судорожное сборище страннымъ именемъ—Внѣшняя Франція! Съ каждымъ днемъ ихъ средства изсякаютъ; увеличеніе ихъ числа только скорѣе приближаетъ ихъ къ полному истощенію всякихъ средствъ къ существованію; рубли гордой Екатерины и голландскіе милліоны уходятъ на

путешествія, на переговоры, на безпорядочныя приготовленія, и ихъ, впрочемъ не хватаетъ на роскошную жизнь главарей возстанія: скоро этимъ великолѣпнымъ нищимъ, не сумѣвшимъ акклиматизироваться на землѣ свободы, придется въ позорѣ и нищетѣ искупить преступленія своей гордости и обратиться съ глазами, полными слезъ, къ покинутому ими отечеству. А если ярость ихъ, болѣе сильная, чѣмъ ихъ раскаяніе, внушитъ имъ броситься съ оружіемъ въ рукахъ на родную землю и если они не найдутъ при этомъ поддержки у иностранныхъ державъ и будутъ предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, то чѣмъ будутъ они, какъ не жалкими пигмеями, которые въ порывѣ бѣшенства захотятъ пародировать предпріятіе Титановъ противъ неба?“ (А п л о д и с м е н т ы).

Но если нѣтъ непосредственной опасности, то имѣется преступный заговоръ, отъ котораго надо предохранить себя. Хотятъ ли ждать законныхъ доказательствъ для того, чтобы бороться противъ него? „Законныхъ доказательствъ! Вы, слѣдовательно, ни во что не цѣните той крови, которой они могутъ вамъ стоить! Законныхъ доказательствъ! Предупредимъ лучше тѣ несчастія, которыя смогли бы намъ ихъ доставить! Примемъ, наконецъ, рѣшительныя мѣры; не будемъ больше терпѣть, чтобы крамольники называли наше великодушіе слабостью; внушимъ къ себѣ уваженіе Европы нашимъ гордымъ поведеніемъ; разсѣемъ этотъ призракъ контръ-революціи, вокругъ котораго скоро сплотятся всѣ стремящіяся къ ней безумцы; освободимъ націю отъ этого безпрестаннаго жужжанія насѣкомыхъ, жадныхъ до ея крови, беспокоящихъ и утомляющихъ ее; вернемъ народу спокойствіе“ (А п л о д и с м е н т ы).

Народъ хотятъ усыпить въ ложномъ сознаніи безопасности. „Съ нѣкотораго времени не перестаютъ кричать, что революція сдѣлана; но при этомъ не прибавляютъ, что люди тайкомъ работаютъ на то, чтобы произвести контръ революцію; кажется, будто не имѣютъ иной цѣли, какъ заглушить общественный духъ, между тѣмъ, какъ никогда не было болѣе необходимо поддерживать его во всей его силѣ; кажется, будто рекомендуя любовь къ законамъ, боятся говорить о любви къ свободѣ! Если нѣтъ никакой опасности, то откуда берутся эти внутреннія волненія, раздрающія департаменты, и замѣшательство въ государственныхъ дѣлахъ? Къ чему эта цѣпь эмигрантовъ, которая, удлиняясь съ каждымъ днемъ, охватываетъ часть нашихъ границъ? Пусть мнѣ объяснятъ поперемянные появленія нѣсколькихъ

людей изъ Кобленца въ Тюльери и нѣсколькихъ людей изъ Тюльери въ Кобленцѣ. Что общаго между людьми, поклявшимися свергнуть конституцію, и королемъ, присягнувшимъ охранять ее?"

Какія же мѣры должна принять нація? Надо, раньше всего, лишить эмигрантовъ ихъ имуществъ, а затѣмъ пригласить принцевъ вернуться подъ угрозой отнятія у нихъ ихъ правъ. Людовикъ XVI согласится на это, а если они не внемлютъ его совѣтамъ и его приказамъ, то для Европы и для Франціи это будетъ неопровержимымъ доказательствомъ ихъ анти-конституціонныхъ намѣреній. Самъ же король, если ему горестно будетъ убѣдиться, что у братьевъ его нѣтъ къ нему должныхъ чувствъ любви и покорности, найдетъ себѣ утѣшеніе въ преданности французовъ.

Эта искусная рѣчь соотвѣтствовала чувствамъ народа, который готовъ былъ привѣтствовать Людовика XVI-го, если бы онъ проявилъ себя лояльнымъ. Тотъ же народный духъ имѣется въ другихъ рѣчахъ Верньо, произнесенныхъ имъ въ промежутокъ времени отъ 28 октября до 10 декабря 1791 г.

27 декабря онъ представилъ проектъ адреса народу, который Ассамблея отвергла, какъ декламаторскій. Коллеги его уже тогда больше цѣнили его краснорѣчіе, чѣмъ его политическій тактъ.

Но онъ особенно отличается своими язвительными выходками противъ представителей двора. 13 января 1792 г. морской министръ, Бертранъ, далъ мало правдивыя объясненія относительно эмиграціи морскихъ офицеровъ. „Я не намѣреваюсь, — сказалъ Верньо, — произносить рѣчь. Я ограничусь лишь изложеніемъ весьма простой мысли. Министръ обманулъ Ассамблею относительно числа офицеровъ, находящихся въ портахъ, въ политикѣ же надо признать тотъ принципъ морали, по которому человекъ, способный на обманъ, не достоинъ довѣрія“ *).

18 января онъ произноситъ длинную рѣчь о необходимости объявить войну австрійскому императору, и онъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ не только Жиронды, но и Франціи.

„Ваши враги, — говоритъ онъ, — знаютъ, что завоеваніе свободы потребовало отъ васъ большихъ денежныхъ жертвъ. Они знаютъ, что ваши оборонительныя подготовленія разорительны и они

*) *Journal des Débats*, замѣчаетъ, что „много смѣялись, а трибуны аплодировали“.

надѣются, что граждане, которые на зовъ отечества покинули своихъ женъ и дѣтей, предпочтя опасности и труды войны мирнымъ наслажденіямъ домашняго очага, что эти преданные и мужественные граждане, утомленные долгимъ ожиданіемъ не являющагося непріятели, покинуть границы безъ защиты; а въ это время, внутри государства, нѣсколько ловко пущенныхъ въ оборотъ милліоновъ вызовутъ быстрое и крайне гибельное паденіе курса вашихъ кредитныхъ бумагъ; цѣны на предметы первой необходимости подымутся, вспыхнутъ возстанія, въ которыхъ приведенный въ замѣшательство народъ, думая защищать свои права, самъ же погубить ихъ. И тогда враги ваши двинуть громадную армію, чтобы надѣть на васъ цѣпи. Вотъ, какую войну ведутъ противъ васъ; вотъ, какой войною хотятъ пойти на васъ. (Аплодисменты).

„Народъ поклялся сохранить конституцію, потому что она дастъ ему счастье; но если вы оставите его въ положеніи, ежедневно требующемъ болѣе тяжелыхъ жертвъ и болѣе мужественныхъ усилій, если вы истощите національное сокровище этой подготовительной войной, то не будетъ ли тотъ день, когда оно исчерпается, и послѣднимъ днемъ конституціи? То положеніе, въ которомъ мы находимся, поистинѣ,—разрушительное положеніе, которое можетъ привести насъ къ позору и къ смерти. (Продолжительные аплодисменты). Къ оружію же, къ оружію! Граждане, свободные люди, защищайте свою свободу и обезпечьте надежду на освобожденіе человѣческаго рода; иначе вы въ своихъ несчастіяхъ не будете даже достойны его сожалѣнія“. (Аплодисменты возобновляются).

Онъ не менѣе краснорѣчиво выступаетъ и противъ внутреннихъ враговъ и противъ самого двора, когда, 10 марта 1792 г., онъ поддерживаетъ требованіе объ отдачѣ подъ судъ министра иностранныхъ дѣлъ, Дельсара. Онъ, быть можетъ, не произнесъ болѣе сильной и произведшей большее впечатлѣніе рѣчи.

„Я прибавлю,—сказалъ онъ,—фактъ, о которомъ Бриссо забылъ. И въ данномъ случаѣ вы услышите не меня, а жалостливый голосъ, исходящій изъ ужасной авиньонской башни. Этотъ голосъ говоритъ вамъ: декретъ о присоединеніи Конта къ Франціи былъ изданъ въ ноябрѣ истекшаго года; если бы намъ его немедленно прислали, то возможно, что онъ принесъ бы намъ миръ и положилъ бы конецъ нашимъ пагубнымъ раздорамъ. Быть можетъ, что тотъ моментъ, когда мы бы узнали о нашемъ законномъ присоединеніи къ Франціи, соединилъ бы насъ въ одномъ

чувствѣ; быть можетъ, что, ставъ французами, мы бы отказались отъ духа ненависти и стали бы всѣ братьями; быть можетъ, наконецъ, что мы не были бы жертвами отвратительнаго избіенія и что наша земля не была бы опозорена самымъ звѣрскимъ злодѣянствомъ. Но Дельсаръ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, болѣе двухъ мѣсяцевъ хранилъ этотъ декретъ въ своемъ портфель, и въ это время наши междуусобія продолжались и наше несчастное отечество было омрачено новыми преступлениями; это наша кровь, это наши изуродованные трупы кричатъ о мести противъ вашего министра“. (Продолжительныя аплодисменты).

„Позвольте мнѣ высказать одну мысль. Когда Учредительному Собранію предложили декретировать деспотизмъ христіанской религіи *), то Мирабо произнесъ слѣдующія слова: „Съ трибуны, гдѣ я говорю, видно окно, откуда французскій монархъ, возстановленный противъ своихъ подданныхъ мерзкими крамольниками, которые къ своимъ личнымъ интересамъ примѣшивали священные интересы церкви, далъ выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ Варноломеевской ночи“. Я тѣ же скажу вамъ: съ трибуны, на которой я говорю, виденъ дворецъ, въ которомъ безчестные совѣтники вводятъ въ заблужденіе и обманываютъ короля, даннаго намъ конституціей, куютъ цѣпи, въ которыя они желаютъ насъ заковать, и занимаются маневрами, которые должны отдать насъ во власть австрійскаго дома. Я вижу окна дворца, гдѣ готовятъ контръ-революцію, гдѣ комбинируютъ средства для того, чтобы снова свергнуть насъ въ ужасъ рабства, заставивъ насъ раньше пройти черезъ всѣ неурядицы анархіи и черезъ всѣ неистовства гражданской войны. (Зала наполняется аплодисментами).

„Наступилъ день, когда вы можете положить конецъ подобной дерзости, подобному нахальству и смирить заговорщиковъ. Въ прежнія времена ужасъ и страхъ неоднократно исходили, во имя деспотизма, изъ этого знаменитаго дворца. Пусть они нынѣ вернуться туда во имя закона. (Снова раздаются продолжительныя аплодисменты). Пусть они проникнутъ тамъ во всѣ сердца. Пусть всѣ обитатели его знаютъ, что наша

*) Во время дебатовъ о церковныхъ имуществвахъ депутатъ донъ-Жерль предложилъ объявить католическую религію національною, на что Мирабо отвѣтилъ знаменитыми словами, которыя приводитъ Верньо.

конституція признаеть неприкосновеннымъ только короля. Пусть они знаютъ, что законъ достигнетъ тамъ всѣхъ, безъ различія, виновныхъ и что не будетъ ни одной головы, признанной преступной, которая могла бы ускользнуть отъ его меча. Я требую, чтобы поставили на голосованіе декретъ объ отдачѣ подъ судъ“ *) (Верньо спускается съ трибуны среди оглушительныхъ аплодисментовъ).

Тѣ же чувства имѣются въ его весьма демократическихъ рѣчахъ относительно распушенія королевской арміи (29 мая) и относительно письма Лафайета. Но надо привести его длинную рѣчь о положеніи Франціи, произнесенную имъ 3 іюля 1792 г. и въ которой его революціонная экзальтація достигла наивысшей точки. Этотъ день, говоритъ справедливо Луи Бланъ, былъ великимъ днемъ въ исторіи краснорѣчія.

Въ этотъ моментъ измѣна двора вѣступила наружу, и Верньо привелъ націю въ содроганіе, собравъ тому доказательства. Онъ сначала говорилъ о внутренней политикѣ Людовика XVI:

„Король отказался санкціонировать вашъ декретъ о религіозныхъ волненіяхъ. Я не знаю, блуждаетъ ли еще подъ сводами Тюльерійскаго дворца мрачный духъ Медичи и кардинала Лоренскаго, живетъ ли еще кровавое лицемеріе іезуитовъ Лашеза и Летелье въ душѣ какого-нибудь изверга, жаждущаго возобновленія Варѣоломеевской ночи и драгонадъ; я не знаю, смущена ли душа короля фантастичными идеями, которыя ему внушаютъ, и введена ли въ заблужденіе его совѣсть религіозными страхами, которыми его окружаютъ.

„Но нельзя думать, не нанося ему оскорбленія и не выставляя его самымъ опаснымъ врагомъ революціи, что онъ хочетъ поощрять, пользуясь своей ненаказуемостью, преступныя поползновенія панской власти и вернуть радѣтелямъ панства то со-

*) Декретъ этотъ былъ принятъ.—Рѣчь Верньо произвела глубокое впечатлѣніе и имѣла большое вліяніе. Между тѣмъ, какъ Бриссо, говорившій до Верньо, всячески старался доказать виновность лишь Дельсара, Верньо поднялъ завѣсу и смѣлымъ жестомъ указалъ на королевскую измѣну. Черезъ голову Дельсара онъ мѣтилъ въ саму Марію-Антуанетту. И, какъ замѣчаетъ Жоресъ, „ужасъ и страхъ дѣйствительно вошли въ дворецъ во имя революціи“. Какъ разъ въ это время получилась и вѣсть о смерти императора Леопольда, что вносило извѣстное замѣшательство въ контръ-революціонные планы двора. Последнему пришлось сдѣлать черезъ нѣсколько дней значительную уступку революціи, именно—согласиться на жирондистское министерство.

крушающее могущество, которымъ они одинаково угнетали народы и королей. Нельзя думать, не нанося ему оскорбленія и не выставляя его врагомъ народа, что онъ относится одобрительно или хотя бы равнодушно къ тайнымъ маневрамъ, употребляемымъ съ той цѣлью, чтобы внести раздоръ среди гражданъ, породить ненависть въ чувствительныхъ душахъ и заглушить, во имя Божества, самыя добрыя чувства, которыя оно дало людямъ. Нельзя думать, не нанося ему оскорбленія и не выставляя его самого врагомъ закона, что онъ отказывается одобрить репрессивныя мѣры противъ фанатизма ради того, чтобы довести гражданъ до крайностей, внушаемыхъ отчаяніемъ и осуждаемыхъ законами; что онъ предпочитаетъ подвергнуть неприягнувшихъ священниковъ, даже если они не нарушаютъ порядка, опасности произвольной мести, чѣмъ подчинить ихъ закону, который, обрушаясь лишь на мутителей, гарантировалъ бы неприкосновенность невиннымъ. Наконецъ, нельзя думать, не нанося ему оскорбленія и не выставляя его врагомъ имперіи, что онъ желаетъ продлить мятежи и затянуть безпорядки и всѣ революціонныя движенія, толкающія имперію къ гражданской войнѣ и черезъ нее ведущіе ее къ разрушенію“.

Пользуясь такой убійственной ироніей, Верньо срываетъ маску съ Людовика XVI-го и показываетъ его измѣнникомъ революціи внутри и извнѣ. Онъ набрасываетъ дальше знаменитую картину роялистскихъ интригъ, въ которой проявляется весь его гений. Мы приведемъ цѣликомъ его слова, имѣвшія рѣдкое счастье запечатлѣться въ памяти современниковъ:

„Во имя короля,—сказалъ онъ,—французскіе принцы пытались возстановить противъ націи всѣ европейскіе дворы; чтобы отомстить за достоинство короля былъ заключенъ Пильницкій договоръ и составленъ чудовищный союзъ между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами; чтобы защитить короля собрались въ Германіи, подъ знаменемъ возстанія, бывшіе солдаты королевской гвардіи; чтобы притти на помощь королю эмигранты добиваются и получаютъ должности въ австрійской арміи и готовятся разорвать на куски свое отечество; чтобы примкнуть къ этимъ смѣлымъ рыцарямъ королевскихъ правъ другіе смѣльчаки, преисполненные чести и совѣстливости, покидаютъ свои посты на виду непріятели, измѣняютъ своей присягѣ, обворовываютъ кассу, стараются совратить своихъ солдатъ и видятъ, такимъ образомъ, свою славу въ подлости, вѣроломствѣ, неповиновеніи, воровствѣ и убійствахъ; чтобы

поддержать величіе трона, король Богеміи и Венгріи ведетъ съ нами войну, а король Пруссіи подвигается къ нашимъ границамъ; во имя короля атакуютъ свободу и если удастся уничтожить ее, то имперія будетъ тотчасъ же раздроблена, чтобы вознаградить объединившіяся державы за понесенные ими убытки, такъ какъ извѣстно, каково великодушіе королей, съ какимъ безкорыстіемъ они посылаютъ свои войска разорять чужую землю и насколько они готовы расходовать свою казну для поддерживанія войны, не сулящей имъ никакой пользы. Однимъ словомъ, одно лишь имя короля является поводомъ или причиной всѣхъ бѣдствій, которыя стараются обрушить на нашу голову и которыхъ намъ приходится опасаться.

„Но въ Конституціи, гл. II, отд. I, ст. VI, я читаю: „Если король становится во главѣ арміи и направляетъ силы ея противъ націи или не оказываетъ формальнымъ актомъ сопротивленія подобному предпріятію, совершаемому его именемъ, то онъ будетъ признанъ отрехшимся отъ королевской власти“.

„Теперь я спрашиваю васъ, что слѣдуетъ понимать подъ формальнымъ актомъ сопротивленія? Разумъ подсказываетъ мнѣ, что это такое сопротивленіе, которое соотвѣтствовало бы, насколько это возможно, опасности и было бы оказано во время, когда еще можно ея избѣжать.

„Напримѣръ, если бы въ настоящей войнѣ 100.000 австрійцевъ шли бы на Фландрію или 100.000 пруссаковъ на Альзасъ и если бы король, являющійся высшимъ главою военной силы, послалъ бы противъ каждой изъ этихъ двухъ грозныхъ арміи отрядъ въ десять или двадцать тысячъ человекъ, то можно ли было бы сказать, что онъ употребилъ всѣ должныя средства сопротивленія, что онъ выполнилъ волю конституціи и совершилъ требуемый ею отъ него формальный актъ?

„Если бы король, на обязанности котораго лежитъ заботиться о внѣшней безопасности государства и сообщать Законодательному Собранію о грозящихъ нападеніяхъ, если бы, освѣдомленный о дѣйствіяхъ прусской арміи и не сообщая о нихъ Національному Собранію, зная или, по крайней мѣрѣ, имѣя возможность предвидѣть, что армія эта нападетъ на насъ черезъ мѣсяцъ, онъ медлилъ бы съ принятіемъ мѣръ къ ея отраженію; если бы существовало справедливое опасеніе относительно возможныхъ успѣховъ непріятеля внутри страны и если бы, чтобы предупредить или остановить эти успѣхи, былъ настоятельно необходимъ резервный лагерь; если бы имѣлся декретъ, дающій

несомнѣнную и быструю возможность образовать такой лагерь и если бы король отвергъ этотъ декретъ и замѣнилъ его планомъ, дѣлающимъ удачу сомнительной и требующимъ для своего выполненія такъ много времени, что непріятель успѣлъ бы помѣшать его осуществленію; если бы Законодательное Собраніе издавало декреты, имѣющіе въ виду государственную безопасность, и неотложность которыхъ обусловливалась бы близостью опасности; если бы, однако, отказались санкціонировать ихъ или отложили бы это на два мѣсяца; если бы король представлялъ командовать арміей интриганствующему генералу, ставшему подозрительнымъ для націи своими весьма важными ошибками и самыми явными нарушеніями конституціи; если бы другой генералъ, воспитанный вдали отъ придворнаго разврата и привыкшій одерживать побѣды, требовалъ для славы нашего оружія подкрѣплѣнія, которое легко было бы ему доставить и если бы своимъ отказомъ король ясно сказалъ ему: я запрещаю тебѣ побѣждать; если бы, пользуясь этой пагубной медлительностью, такой путаницей въ нашей политикѣ или, скорѣе, такой неизмѣнной настойчивостью въ вѣроломствѣ, лига тирановъ нанесла бы смертные удары свободѣ, то можно ли было бы сказать, что король оказалъ конституціонное сопротивленіе, что онъ выполнилъ для защиты государства волю конституціи, что онъ совершилъ формальный актъ, который она ему предписываетъ?

„Позвольте мнѣ продолжить еще эти мучительныя предположенія. Я преувеличилъ нѣкоторые факты и я приведу сейчасъ даже такіе, которые, надѣюсь, никогда не будутъ существовать, чтобы тѣмъ уничтожить всякій поводъ къ чисто гадательнымъ примѣненіямъ; но мнѣ нужно развить цѣлкомъ свою мысль, чтобы показать истину неприкрашенной.

„Если-бы результатомъ указаннаго мною поведенія было то, что Франція тонула бы въ крови, что непріятель господствовалъ бы въ ней, что конституція была бы пошатнута, что контрреволюція водворялась бы, и если бы король, въ свое оправданіе, сказалъ вамъ:

„Вѣрно, что непріятели, раздирающіе Францію, претендуютъ, будто они дѣйствуютъ только для того, чтобы возстановить мою власть, которую они предполагаютъ уничтоженной, чтобы отомстить за мое достоинство, которое они предполагаютъ поруганнымъ, возстановить мои королевскія права, которыя они предполагаютъ находящимися въ опасности или потерянными; но я

доказаль, что я не былъ ихъ сообщникомъ; я повиновался конституціи, которая обязываетъ меня оказать формальнымъ актомъ сопротивленіе ихъ предпріятіямъ: я послалъ противъ нихъ войска. Правда, что войска эти были слишкомъ слабыя; но конституція не указываетъ какую степень силы я долженъ имъ придать. Правда, что я собралъ ихъ слишкомъ поздно; но конституція не указываетъ времени, къ которому я долженъ ихъ собрать. Правда, что резервный лагерь могъ бы притти имъ на помощь; но конституція не обязываетъ меня образовать резервный лагерь.

„Правда, что, когда генералы подвигались побѣдителями на непріятельской территоріи, то я приказалъ имъ остановиться; но конституція не предписываетъ мнѣ одерживать побѣды и даже воспрепятствуетъ мнѣ завоеванія. Правда, что пытались дезорганизовать войска комбинированнымъ выступленіемъ офицеровъ въ отставку, но конституція не предусматрѣла, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ. Правда, что мои министры постоянно обманывали Національное Собраніе относительно числа, расположенія войскъ и ихъ продовольствія и что я возможно дольше оставлялъ у власти тѣхъ министровъ, которые мѣшали конституціонному правленію, и возможно меньше тѣхъ, которые старались дать ему просторъ; но конституція предоставляетъ ихъ назначеніе одной лишь моей волѣ и нигдѣ она не обязываетъ меня облечить своимъ довѣріемъ патріотовъ и прогнать контръ-революціонеровъ. Правда, что Національное Собраніе издало полезныя и даже необходимыя декреты и что я отказался санкціонировать ихъ; но я имѣлъ на это право, и право это священное, такъ какъ оно предоставлено мнѣ конституціей. Правда, наконецъ, что производится контръ-революція, что деспотизмъ вернетъ въ мои руки свой желѣзный скипетръ, что я накажу васъ за то, что вы имѣли нахальство желать быть свободными; но я сдѣлалъ все, что конституція мнѣ предписываетъ; я не совершилъ ни одного акта, осуждаемаго конституціей; нельзя, слѣдовательно, сомнѣваться въ моей вѣрности ей и въ усердіи, съ которымъ я защищалъ ее“. (Продолжительныя аплодисменты).

„Если бы, говорю я, было возможно, чтобы среди бѣдствіи несчастной войны, во время контръ-революціоннаго переворота, король французовъ обратился къ нимъ съ такой насмѣшливой рѣчью; если-бы было возможно, чтобы онъ когда-либо говорилъ имъ о своей любви къ конституціи со столь оскорбительной ироніей, то не были бы ли они въ правѣ отвѣтить ему:

„О, король! вы безъ сомнѣнія, думали, вслѣдъ за тираномъ Лизандромъ, что истина не лучше лжи и что надо забавлять людей присягами, какъ дѣтей забавляютъ игрушками; вы ради того лишь притворялись, что любите законы, чтобы достигнуть могущества, которое позволило бы вамъ нарушить ихъ; что любите конституцію, чтобы она не свергла васъ съ престола, на которомъ вамъ надо было оставаться для ея уничтоженія; что любите націю, чтобы, внушивъ ей довѣріе, обезпечить успѣхъ своему вѣроломству; думаете ли вы еще нынѣ злоупотреблять лицемѣрными протестами, обмануть насъ насчетъ причины нашихъ несчастій притворствомъ своихъ извиненій и смѣлостью своихъ софизмовъ?

„Защищали ли вы насъ, противопоставляя непріятельскимъ арміямъ силы настолько меньшія, что нельзя было даже сомнѣваться въ ихъ пораженіи? Защищали ли вы насъ, отвергая проекты, имѣвшіе въ виду укрѣпить государство внутри или приготовить сопротивленіе на то время, когда мы стали бы уже жертвами тирановъ? Защищали ли вы насъ, парализуя то и дѣло правительство постоянной дезорганизаціей министерства? Предоставила ли вамъ конституція свободу выбирать министровъ для нашего счастья или для нашего разоренія? Сдѣлала ли она васъ главою арміи на славу или на позоръ намъ? Наконецъ, дала ли она вамъ право санкціи, определенное жалованье и столько великихъ прерогативъ для того, чтобы конституціонно погубить конституцію и имперію? Нѣтъ, нѣтъ. Вы, котораго великодушіе французовъ не могло тронуть и въ которомъ одна лишь любовь къ деспотизму могла пробудить чувство, вы не выполнили требованія конституціи; она, быть можетъ, низвергнута, но вы не пожнете плодовъ своего клятвоотступничества; вы не оказали формальнаго акта сопротивленія тѣмъ побѣдамъ, которыя вашимъ именемъ были одержаны надъ свободой, но вы не пожнете плодовъ этихъ постыдныхъ триумфовъ: вы больше ничего не представляете для конституціи, которую вы столь недостойнымъ образомъ нарушили, и для народа, которому вы такъ подло измѣнили“. (Въ громадной части Ассамблеи снова раздаются продолжительныя аплодисменты).

V.

Отъ 10 августа до 2 іюня.

I.

Или слова не имѣють никакого смысла или рѣчь 3 іюля 1792 г. означаетъ, что на государя нечего больше возлагать надежды. Верньо, однако, не дѣлаетъ того заключенія, что надо уничтожить королевскую власть или перемѣнить короля. Погубивъ морально Людовика XVI своей филиппикой, онъ отказывается погубить его и политически. Никто не могъ подумать, что эта столь удачно развитая гипотеза была чѣмъ-либо инымъ, какъ не ораторской уловкой, имѣвшей въ виду сдѣлать обвиненіе болѣе яркимъ. Но, о могущество риторики! Верньо самъ принялъ въ серьезъ эту гипотезу и, при своей боязни народной побѣды, сказалъ себѣ, что король-измѣнникъ, быть можетъ, не настолько ужъ неисправимый измѣнникъ, какъ онъ то далъ почувствовать въ своей рѣчи. И онъ возстаетъ противъ парламентской мирной революціи, которая сберегла бы Франціи кровь, пролитую 10 августа, и 24 іюля убѣждаетъ Ассамблею перейти къ порядку дня, не обсудивъ петиціи, требовавшей низложенія Людовика XVI.

Больше того: въ послѣднихъ числахъ іюля онъ подписываетъ вмѣстѣ съ Гюаде знаменитую записку, которую составилъ Жансонне и которая была послана въ Тюльери черезъ художника Боза. 29 іюля онъ самъ пишетъ Бозу письмо, въ которомъ онъ даетъ королю наиболѣе подходящія для его спасенія совѣты *). Не отрекаясь отъ своей рѣчи, онъ обѣщаетъ Людовику XVI миръ, если тотъ захочетъ искренно защищать конституцію и образовать министерство, въ которомъ участвовали бы патріоты Учредительнаго Собранія, какъ, напр., Редереръ и Петіонъ. Въ этомъ не было, конечно, и тѣни измѣны или отступничества **) и когда, 3 января 1793 г., Гаспаренъ и младшій Робеспьеръ указали на эту попытку, какъ на преступную, то Конвентъ поступилъ правильно, не обративъ на это вниманія. Однако,

*) Vatel, т. II, стр. 121.

**) Петиціонеры 15 апрѣля 1793 г. не усомнятся, однако, сказать устами Русслена: „Они вели торгъ съ тираномъ черезъ посредство Боза и Тьеріи; они за деньги и доходныя мѣста желали ему продать свободу и наиболѣе дорогія права народа“.

какимъ неожиданнымъ эпилогомъ къ рѣчи 3 іюля являются эти совѣты, тайкомъ данные „тирану Лизандру“ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который съ такой неумолимостью разоблачилъ его! Не было политично стараться укрѣпить тронъ, который онъ самъ объявилъ прогнившимъ. Теперь онъ боялся той самой революціи, къ которой онъ призывалъ. „Новый революціонный ферментъ,—писалъ Верньо Бозу,—разъѣдаетъ въ ея основѣ не укрѣпленную еще временемъ политическую организацію“. Верньо боялся этого революціоннаго фермента, и сдѣлалъ свою неосторожную попытку изъ излишней осторожности и изъ недовѣрія къ угрожавшему возстанію. Къ счастью для него, ему не отвѣтили на его предложенія,—иначе онъ былъ бы потерявъ въ общественномъ мнѣніи и не смогъ бы оказать революціи тѣхъ услугъ, которыя она отъ него имѣла въ сентябрѣ 1792 г.

Эти услуги состояли въ томъ, что онъ своимъ краснорѣчіемъ помогалъ Дантону въ стараніяхъ послѣдняго поднять Францію противъ непріятеля. Не питая никакой злобы къ вдохновителю 10 августа и проявляя себя въ этомъ случаѣ бѣльшимъ патріотомъ, чѣмъ его политическіе друзья, Верньо сыгралъ послѣ взятія Тюльери полезную роль, разжигая души своими пламенными рѣчами. Дѣло шло о томъ, чтобы поднять мужество выше дѣйствительности и даже выше физической невозможности. И при этихъ критическихъ обстоятельствахъ практическимъ человѣкомъ оказался именно мечтательный Верньо, возбуждшіи въ гражданахъ волю и энергію своей величественной риторикой. Его два призыва къ защитѣ глубоко отозвались во всѣхъ сердцахъ:

„Почему,—говорилъ онъ 2 сентября,—не подвигаются скорѣе впередъ работы по укрѣпленію лагеря, находящагося за городскою чертою? Гдѣ лопаты, мотыки и всѣ орудія, которыми расчистили Марсово поле и воздвигли алтарь федераціи? Вы проявили большое усердіе при устройствѣ празднествъ,—у васъ, безъ сомнѣнія, будетъ не меньше усердія для борьбы; вы воспѣвали, праздновали свободу,—теперь ее надо защищать! намъ предстоитъ низвергнуть не бронзовыхъ королей, а государей, окруженныхъ многочисленными арміями. Я требую, чтобы парижская коммуна обсудила вмѣстѣ съ исполнительной властью тѣ мѣры, которыя она рассчитываетъ принять! Я требую также, чтобы Національное Собраніе, являющееся въ данный моментъ скорѣе великимъ военнымъ совѣтомъ, чѣмъ законодательнымъ учрежденіемъ, посылало въ лагерь отицнѣ же и ежедневно двѣнадцать делега-

товъ, но не для того, чтобы убѣждать гражданъ напрасными рѣчами, а чтобы самимъ работать лопатой, такъ какъ теперь не время разглагольствовать! Надо рыть могилу нашихъ враговъ, ибо каждый ихъ шагъ впередъ роетъ намъ могилу“. (На трибунахъ раздаются общіе крики одобренія. Вся Ассамблея встаетъ и тутъ же декретируетъ предложеніе Верньо).

Замѣчательно, что въ этихъ словахъ, внушенныхъ дантоновской политикой, Верньо усваиваетъ точность, фамиллярность, стиль Дантона. 16 сентября 1792 г. онъ повторяетъ призывъ къ защитѣ, приплетая къ нему скрытый упрекъ за сентябрьскіе дни:

„О, граждане Парижа! Я спрашиваю васъ съ самымъ глубокимъ волненіемъ, — неужели вы никогда не сорвете маски съ тѣхъ постороннихъ людей, которые не имѣютъ иныхъ правъ на ваше довѣріе, чѣмъ низость ихъ средствъ и смѣлость ихъ претензій. Граждане, когда, при приближеніи непріятели, человѣкъ, вмѣсто того, чтобы призывать васъ взять мечъ для его отраженія, совѣтуетъ вамъ душить хладнокровно женщинъ или безоружныхъ гражданъ, то этотъ человѣкъ врагъ вашей славы, вашего счастья. Онъ обманываетъ васъ на вашу погибель. Когда, наоборотъ, человѣкъ говоритъ вамъ о пруссакахъ только для того, чтобы указать вамъ сердце, которое вы должны пронзить; когда онъ предлагаетъ вамъ достигнуть побѣды только средствами, достойными вашего мужества, то онъ другъ вашей славы, другъ вашего счастья; онъ желаетъ спасти васъ *).—Граждане, прекратите же свои внутренніе раздоры; пусть ваше глубокое негодованіе противъ преступленія поощритъ добродѣтельныхъ людей проявить себя! Заставьте прекратить проскрипціи, и вы увидите, что тотчасъ же къ вамъ примкнетъ множество защитниковъ свободы. Отправьтесь всѣ вмѣстѣ въ станъ: тамъ ваше спасеніе **).

„Я слышу каждый день, какъ говорятъ: „мы можемъ потерпѣть пораженіе. Что слѣлаютъ тогда пруссаки? Придутъ ли они въ Парижъ?“ Нѣтъ, если Парижъ будетъ достаточно защищенъ, если вы подготовите посты, гдѣ вы сможете оказать сильное сопротивленіе, ибо въ такомъ случаѣ непріятель побоится быть преслѣдуемымъ и окруженнымъ остатками побѣжденныхъ имъ армій и быть раздавленнымъ, какъ Самсонъ, подъ развалинами

*) Journal des Débats: „Апплодисменты“.

***) Ibid: „Апплодисменты“.

опрокинутого имъ дворца *). Но если паническій страхъ или ложная увѣренность въ безопасности придавать наше мужество и свяжутъ намъ руки; если мы отдадимъ безъ защиты посты, откуда можно будетъ бомбардировать Парижъ,—то было бы безумно не вступить въ городъ, который своей бездѣятельностью какъ будто самъ призываетъ непріятеля, который не сумѣлъ овладѣть позиціями, гдѣ можно было бы одержать надъ нимъ побѣду. Въ станъ же, граждане, въ станъ! Какъ, въ то время, какъ ваши братья, какъ ваши сограждане, проникнутые героической преданностью, покидаютъ тѣхъ, кого они естественно должны больше всего любить,—своихъ женъ, своихъ дѣтей,—вы продолжите предаваться лѣнивой праздности! Не имѣете ли вы иного средства проявить свое рвеніе, какъ спрашивая безпрестанно, на подобіе аѳинянъ, что новаго сего дня? Да будетъ же презрѣнна унижающая вялость! Въ станъ, граждане, въ станъ! Въ то время, какъ братья наши, ради нашей защиты, орошаютъ, быть можетъ, своей кровью равнины Шампани, не побоимся, чтобы прикрыть ихъ отступленіе, оросить нѣсколькими каплями пота равнины Сень-Дени. Въ станъ, граждане, въ станъ! Забудемъ все, кромѣ отечества! Въ станъ, въ станъ!“

Journal des Débats et des Décrets называетъ эту рѣчь „наиболѣе краснорѣчивой, какая когда-либо была импровизирована въ настоящей Ассамблеѣ“. Последняя была ею настолько тронута, что она попросила Верньо придать своей импровизаціи форму обращенія къ народу, и это обращеніе было декретировано на слѣдующій день, 17 сентября.

Его патріотизмъ былъ не узкимъ, чуже-фобскимъ, а широкимъ, человѣколюбивымъ. Такъ, нѣсколько позже, 9 ноября 1792 г. онъ скажетъ въ Конвентѣ, по поводу одержанныхъ въ Бельгій побѣдъ: „Воспѣвайте же, воспѣвайте побѣду, которая будетъ также побѣдой человѣчества! Погибли люди, но это для того, чтобы люди больше не погибали. Я клянусь именемъ всеобщаго братства, которое вы установите, что каждая ваша битва будетъ шагомъ впередъ къ миру, любви и счастью народовъ!“ (Аплодисменты).

Таковъ характеръ патріотическаго краснорѣчія Верньо. Чувствуется, что онъ радъ подняться выше партійной борьбы и забыть въ своихъ героическихъ рѣчахъ внутреннюю политику и свои собственныя противорѣчія.

*) *Journal des Débats*: „Очень оживленные аплодисменты“.

А онъ, дѣйствительно, уже началъ борьбу противъ парижской коммуны и революціонныхъ крайностей. Мы видѣли, что изъ патриотическихъ побужденій онъ сначала бросилъ завѣсу на сентябрьскіе дни, позволилъ себѣ даже назвать ихъ законнымъ возстаніемъ и что весь свой гнѣвъ онъ направилъ противъ руководителей, особенно противъ тѣхъ, которые подписались подъ знаменитымъ циркуляромъ, призывавшимъ департаменты послѣдовать примѣру Парижа. Уже 17 сентября 1792 г. онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ возсталъ противъ тираниі коммуны:

„Пора разбить эти постыдныя цѣпи, уничтожить эту новую тиранию; пора, чтобы тѣ, которые заставили дрожать людей честныхъ и добродѣтельныхъ, сами, въ свою очередь, дрожали. Я знаю, что къ ихъ услугамъ имѣются кинжалы. И развѣ въ ночь 2 сентября, въ эту ночь проскрипціи, не желали направить ихъ противъ нѣкоторыхъ депутатовъ и противъ меня? Не донесли ли на насъ народу, какъ на измѣнниковъ? Къ счастью, тамъ былъ именно народъ; убійцы были заняты въ другомъ мѣстѣ. Голосъ клеветы не былъ услышанъ, и мой голосъ можетъ еще раздаваться здѣсь. И я общаю вамъ, что онъ будетъ громить со всей своей силой противъ преступленій и тирановъ *). Что мнѣ кинжалы и наемные убійцы? Что жизнь представителей народа, когда дѣло идетъ о благѣ его? Когда Вильгельмъ Телль наводилъ стрѣлу, которая должна была снести роковое яблоко, поставленное извергомъ на голову его сына, то онъ воскликнулъ: „пусть погибнетъ мое имя и память обо мнѣ, лишь бы Швейцарія была свободна!“ (А пл лодисменты).

„И мы тоже скажемъ: пусть погибнетъ Національное Собраніе и память о немъ, лишь бы Франція была свободна! (Депутаты, воодушевленные однимъ чувствомъ, встаютъ и восклицаютъ: Да, да, пусть погибнетъ память о насъ, лишь бы Франція была свободна!— Въ это же время встаетъ и публика трибунъ и отвѣчаетъ долгими аплодисментами на этотъ порывъ Ассамблеи). Пусть погибнетъ Національное Собраніе и память о немъ, если оно этимъ

*) Отчетъ газеты *Journal des Débats* значительно сокращаетъ эту рѣчь, но придаетъ мысли Верньо или оставляетъ ей болѣе простой и болѣе сильный оборотъ: „И моя голова осуждена; хотять заглушить мой голосъ; но пока мнѣ не будетъ нанесенъ смертельный ударъ, онъ будетъ неизмѣнно раздаваться, чтобы громить злодѣевъ“.

избавитъ отъ преступленія, которое бы оставило пятно на имени французовъ, если оно своимъ мужествомъ докажетъ европейскимъ націямъ, что, несмотря на клевету, которой стараются очернить Францію, въ нашемъ отечествѣ и среди самой временной анархіи, въ которую насъ ввергли разбойники, существуютъ еще общественныя добродѣтели и уваженіе къ человѣчеству! Пусть погибнетъ Національное Собраніе и память о немъ, если, на нашемъ прахѣ, наши болѣе счастливые преемники смогутъ воздвигнуть конституціонный строй, который обезпечитъ Франціи счастье и утвердитъ царство свободы и равенства. Я требую чтобы члены коммуны поручились головой своей за безопасность всѣхъ заключенныхъ". (А пп лодисменты возобновляются и долго не смолкаютъ).

II.

Это—последнія слова, сказанныя Верньо въ Законодательномъ Собраніи. Онъ, громаднымъ большинствомъ, былъ избранъ депутатомъ Жиронды въ Конвентъ, пройдя первымъ изъ списка, въ который, по его настоянію, были внесены имена Сефеса и Кондорсе. Онъ согласился на свой мандатъ съ покорностью и печалью: онъ чувствовалъ себя безсильнымъ и уже принималъ видъ гордой жертвы. „Что касается моего избранія,—пишетъ онъ своему зятю,—то признаюсь, что истощеніе моихъ моральныхъ силъ дѣлаетъ его для меня настолько же тяжелымъ, насколько лестнымъ; и если бы время было спокойное, если бы парижскій горизонтъ не казался все еще заволочнутымъ тучами, если бы не представляло никакой опасности оставаться въ столицѣ, если бы я не думалъ, что могу быть полезнымъ въ борьбѣ противъ нѣсколькихъ злодѣевъ, о намѣреніяхъ которыхъ я знаю или догадываюсь, то я бы, не колеблясь, отказался. Но при настоящихъ условіяхъ это было бы трусостью и преступленіемъ, и я остаюсь“ *).

И съ 24 же сентября 1792 г. онъ возобновляетъ борьбу противъ Горы, поддерживая проектъ закона Керсена противъ тѣхъ, которые толкаютъ къ анархіи и убійствамъ. 25-го обвиняютъ Марата за его произведенія. Маратъ защищается. „Если есть несчастіе для народнаго представителя,—отвѣчаетъ Верньо,—то это,

*) Таковой именно была политика Дантона.

для меня, по крайней мѣрѣ, быть вынужденнымъ замѣтить на этой трибунѣ человѣка, за которымъ числятся декреты о заключеніи, не отбытомъ имъ“.

Эта строгость и этотъ стиль юриста вызвали ропотъ. „Я горжусь этимъ!“—воскликнулъ Маратъ. „Имѣютъ ли въ виду декреты трибунала Шатлэ?“—сказалъ Шабо. А за нимъ Тальенъ: „Или же тѣ декреты, которыми его почтили за то, что онъ развѣнчалъ Лафайета?“ Верньо продолжаетъ: „Несчастіе замѣтить человѣка, противъ котораго былъ изданъ обвинительный декретъ и который поднялъ свою дерзкую голову выше законовъ, человѣка, однимъ словомъ, пропитаннаго клеветой и злобой и всего забрызганнаго кровью“. Онъ прочитываетъ затѣмъ циркуляръ коммуны, подписанный Маратомъ, Сержаномъ, Пани и др. „Что сказать,—воскликнулъ онъ,—о заключающемся въ немъ формальномъ призывѣ къ убійствамъ? Что народъ, утомленный длиннымъ рядомъ измѣнъ, возсталъ, наконецъ, что онъ выместилъ свою злобу на завѣдомыхъ врагахъ своихъ, то въ этомъ я вижу лишь сопротивленіе гнету. И если онъ совершилъ нѣкоторыя крайности, переходящія границы правосудія, то въ этомъ я вижу лишь преступленіе тѣхъ, которые толкнули его къ тому своими измѣнами. Истинный гражданинъ бросаетъ завѣсу на эти частичные безпорядки; онъ говоритъ лишь объ актахъ мужества народа, объ усердіи гражданъ, о славѣ, которой покрываетъ себя народъ, умѣющій разбить свои цѣпи, и онъ старается, насколько это зависитъ отъ него, смыть пятна, которыя могли бы помрачить исторію столь памятной революціи. Но чтобы люди, облеченные общественной властью и которые по самой природѣ взятыхъ ими на себя функций обязались говорить народу въ духѣ закона и всей силой разума удерживать его въ границахъ правосудія, чтобы эти люди проповѣдывали убійство и восхваляли его, для этого, кажется мнѣ, нужна такая степень испорченности, которую трудно было бы себѣ представить даже въ такое время, когда всякая нравственность исчезла бы съ лица земли“.

Перейдемъ къ длинной рѣчи Верньо относительно апелляціи къ народу (31 декабря 1792 г.), которая является вмѣстѣ съ тѣмъ его наиболѣе важнымъ политическимъ актомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ желалъ спасти Людовика XVI*); онъ ни на

*) Бире старался доказать противное. (*La légende des Girondins*, стр. 166 и слѣд.). Но вся его искусная аргументація разлетается въ прахъ при чтеніи рѣчи Верньо.

одинъ моментъ не допускаеть, чтобы избиратели могли высказаться за смертную казнь. Онъ поддерживаетъ свое предлѣженіе всѣми доводами, которые, по его мнѣнію, говорятъ противъ осужденія короля:

„Возможно,—говоритъ онъ,—что однимъ изъ мотивовъ, по которымъ Англія не нарушаетъ открыго нейтралитета и которые заставляютъ Испанію обѣщать таковой, является боязнь ускорить гибель Людовика вступленіемъ въ лигу, образовавшуюся противъ насъ. Возможно, что державы эти объявятъ себя нашими врагами и въ томъ случаѣ, если Людовикъ останется въ живыхъ; но осужденіе его увеличитъ вѣроятность этого, и несомнѣнно, что если послѣдуетъ съ ихъ стороны объявленіе войны, то поводомъ къ этому послужитъ его смерть“.

Можно ли сказать болѣе ясно, что голосовать за апелляцію къ народу значить сохранить королю жизнь? Почему же онъ желаетъ его спасти? Изъ симпатіи ли это? Онъ неоднократно дѣлаеть по его адресу жестокіе упреки. Изъ памяти ли это къ тѣмъ сношеніямъ, которыя онъ имѣлъ съ нимъ при посредствѣ Боза? Быть можетъ, что онъ не чувствуетъ себя въ правѣ погубить того, которому онъ давалъ совѣты? Но главной причиной является то, что въ осужденіи онъ видитъ демагогическую побѣду. Въмѣстѣ съ Бриссо и всей Жирондой онъ желаетъ апелляціей къ народу, подчинить волю Парижа волѣ департаментовъ. И его друзья были въ восхищеніи отъ его рѣчи: „Верньо,—говоритъ „Patriote français“,—проявилъ замѣчательный талантъ, говоря экспромтомъ объ этомъ дѣлѣ и говоря такъ, какъ знаменитые ораторы древности, когда они въ народныхъ собраніяхъ обсуждали интересы республики“.

Заканчивая свою рѣчь, Верньо сказалъ: „Во всякомъ случаѣ, я заявляю, что, каковъ бы ни былъ декретъ, который Конвентъ издастъ, я буду считать измѣнникомъ отечеству того, кто не подчинится ему. Убѣжденія свободны до тѣхъ поръ, пока большинство не заявляетъ своей воли; они свободны даже и послѣ этого, но тогда, по крайней мѣрѣ, подчиненіе является долгомъ“.

Это заявленіе объясняетъ внезапную перемѣну въ его поведеніи послѣ того, какъ апелляція къ народу была отвергнута. Онъ желалъ уклониться отъ отвѣтственности судьи. Но принужденный судить и убѣжденный въ виновности Людовика, онъ считаетъ себя обязаннымъ примѣнить дѣйствующій законъ и вотируетъ за смертную казнь. Онъ какъ разъ предсѣдательствовалъ

и ему пришлось произнести приговоръ: „Граждане,—сказалъ онъ,— я сейчасъ объявлю результатъ голосованія. Вы выполняете великій актъ правосудія; я надѣюсь, что гуманность внушитъ вамъ хранить самое глубокое молчаніе. Когда правосудіе высказалось, очередь за человѣколюбіемъ“ *). И онъ былъ послѣдователенъ съ самимъ собою, вотируя противъ отсрочки.

Это одновременно лояльное и сложное поведеніе, внушившее роялистамъ самые низкіе клеветническіе навѣты**), не было понято парижскимъ народомъ. Верньо желалъ, чтобы Людовика XVI судили первоначальныя ассамблеи, которыя навѣрное оправдали бы его: онъ, слѣдовательно, былъ роялистомъ. Этотъ искренній и свѣтлый человѣкъ сталъ для трибунъ измѣнникомъ, состоящимъ на жалованьи у эмигрантовъ и австрійцевъ, а его враждебность къ передовымъ революціонерамъ, усиливаясь съ каждымъ днемъ, увеличивала эти подозрѣнія, искреннія у толпы, притворныя у робеспьеристовъ и искусно поддерживаемыя всѣми тѣми, которые не любили ни генія, ни нѣсколько презрительной безопасности наиболѣе краснорѣчиваго изъ жирондистовъ.

И отнынѣ жизнь Верньо была борьбой на смерть противъ Горы. 10 марта 1793 года онъ возсталъ противъ учрежденія революціоннаго трибунала: „Вамъ предлагаютъ,—сказалъ онъ,— декретировать установленіе инквизиціи въ тысячу разъ болѣе страшной, чѣмъ венеціанская инквизиція; мы все умремъ лучше, нежели согласимся на это“. Онъ, однако, признавалъ (рѣчь 13 марта), что „этотъ трибуналъ, если бы онъ былъ организованъ согласно принципамъ справедливости, могъ бы быть полезенъ“.

На слѣдующій день послѣ неудавшагося возстанія 10 марта ***),

*) Что Верньо, прежде чѣмъ облачиться въ корректное безстрастіе судьи, колебался, внутренне страдалъ, это возможно и даже вѣроятно. Но если онъ былъ глубоко заволнованъ тѣмъ, что ему пришлось осудить короля, то возможно, что актъ тѣлохранителя Парижа (наканунѣ казни короля, убившаго депутата Лепелетье де Сень-Фаржо) примирилъ его съ самимъ собою и что съ тѣхъ поръ онъ вспоминалъ о своемъ вотѣ со спокойствіемъ. На похоронахъ Лепелетье онъ сказалъ: „Граждане, Вругъ бессмертенъ, потому что онъ убилъ Цезаря; Мишель Лепелетье голосовалъ за казнь тирана французовъ и этотъ актъ стоитъ цѣлой жизни“.

**) Въ *Anecdotes*, составленныхъ бывшимъ членомъ Конвента Harmand (de la Meuse), говорится, что Верньо, чтобы войти въ милость у роялистовъ, далъ свое слово не голосовать за смертную казнь. Онъ былъ якобы слишкомъ трусливъ, чтобы сдержать слово. Эта грубая клевета была повторена Теномъ (т. II, стр. 430).

***) Здѣсь необходимо напомнить въ общихъ чертахъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто между 10 марта и 2 июня, днемъ гибели Жиронды.

жирондисты почувствовали необходимость болѣе тѣсно сплотиться. Человѣкъ двадцать, говоритъ Луве, собрались и пору-

Своимъ поведеніемъ въ процессѣ короля, а главное—требованіемъ апелляціи къ народу, изъ-за котораго ихъ презрительно прозвали а п е л л я ц і о н и с т а м и, жирондисты навлекли на себя подозрѣніе парижской массы и ненависть санкюлотовъ. Надъ ними уже тяготѣло обвиненіе въ измѣнѣ революціи, а это было очень тяжелымъ ярмомъ. Неудачи французскихъ войскъ, которыя ставили въ опасность революцію и которыя народъ былъ склоненъ объяснять только измѣнами и интригами ея враговъ, ожесточали сердца и разжигали страсти патріотовъ, все настоятельнѣе требовавшихъ смѣлыхъ и энергичныхъ мѣръ для спасенія отечества. Неудачи эти бросали весьма неблагоприятную тѣнь и на Жиронду, которая постоянно поддерживала Дюмурье, дорожила имъ, какъ своей собственностью, и желала, такъ сказать, имѣть его козыремъ въ своей политической игрѣ. А enragés, т. е. крайніе санкюлоты, обвиняли въ неудачахъ именно Дюмурье и уже говорили о его измѣнѣ, истолковывая пристрастіе къ нему жирондистовъ въ томъ смыслѣ, что они участвуютъ въ его заговорѣ.

Между тѣмъ, какъ тучи собирались, такимъ образомъ, надъ Жирондой, она проявляла поразительную неспособность къ дѣятельности или была настолько ослѣплена партійной борьбой, что отказывалась отъ той дѣятельности, которая необходима была въ общихъ интересахъ революціи. Когда, 9 марта 1793 г., Конвентъ постановилъ послать во всѣ департаменты комиссаровъ для рекрутированія новой арміи и для поддержанія революціоннаго духа въ провинціи, то Жиронда предоставила заняться этимъ дѣломъ почти однимъ лишь монтаньярамъ, не понимая совершенно, что она даетъ имъ этимъ новую и громадную силу и принимая въ расчетъ лишь то, что съ отбытіемъ комиссаровъ Гора станетъ слабѣе въ самомъ Конвентѣ. Жиронда этимъ показывала свое безсиліе или, скорѣе, свою непригодность къ дѣлу.

Тѣмъ не менѣе, возстаніе 10 марта, первое возстаніе, направленное противъ Жиронды, не имѣло еще массоваго характера. Въ немъ участвовало лишь нѣсколько секцій, и оно кончилось неудачей, явившись только предостереженіемъ, печальнымъ предзнаменованіемъ. Дантонъ, лучше всѣхъ понимавшій потребности момента и сознававшій весь вредъ партійныхъ раздоровъ въ то время, когда требовалось крайнее напряженіе всѣхъ революціонныхъ силъ, старался примирить Гору и Жиронду. Но жирондисты уклонялись отъ этого и продолжали ругать дѣятелей секцій коммуны и ихъ сторонниковъ убійцами и злодѣями, губящими республику и отечество. И Гора, понятно, не складывала оружія. Эта борьба распространилась на провинцію и, между тѣмъ, какъ коммуны стояли за монтаньяровъ, департаментскіе совѣты, наоборотъ, выступали на защиту жирондистовъ.

Положеніе, тѣмъ временемъ, становилось все болѣе критическимъ. Вандея, къ ужасу и негодованію революціонной Франціи, подняла знамя возстанія противъ республики. Патріотамъ тамъ предстояло выдержать долгую и тяжелую борьбу, а жирондисты, на несчастіе, отнеслись сначала какъ то легкомысленно къ крайне опасному движенію шуановъ, подняв-

чили Верньо довести до свѣдѣнія Франціи объ этомъ послѣднемъ посягательствѣ на Конвентъ. Верньо, такъ какъ его прерываль

шихся во имя короля и религии. Затѣмъ послѣдовала измѣна Дюмурье, настолько же пятнавшая жирондистовъ, насколько они его раньше защищали и даже присваивали себѣ. „Вы были друзьями этого измѣнника“, кричали имъ монтаньяры.

10 апрѣля Робеспьеръ произнесъ свою знаменитую обвинительную рѣчь противъ Жиронды, а 13-го Жиронда добилась отъ Конвента преданія суду Марата за воззваніе, съ которымъ онъ, какъ предсѣдатель якобинскаго клуба, обратился ко всемъ якобинскимъ секціямъ, приглашая ихъ требовать отъ Конвента изгнанія „измѣнниковъ и роялистовъ“, т. е. жирондистовъ. Но уже на самомъ засѣданіи 13 апрѣля Марать удостоился его единомышленниками и желавшихъ этимъ лишь выразить свой протестъ противъ Жиронды, успѣшили подписаться подъ инкриминируемымъ воззваніемъ. Революціонный трибуналъ, вопреки ожиданіямъ Жиронды, оправдалъ Марата, и онъ вернулся въ Конвентъ настоящимъ триумфаторомъ, сопровождаемый громадной толпой восторженныхъ поклонниковъ, которымъ пришлось разрѣшить дефилировать передъ Конвентомъ.

Возмущенные актомъ преданія Марата суду, парижскія секціи представили, 15-го апрѣля, петицію Конвенту, прося его удалить изъ своей среды, за вѣроломство и козни, 22-хъ жирондистовъ, списокъ которыхъ былъ приложенъ къ петиціи и среди которыхъ значились всѣ главари партіи: Бриссо, Гюаде, Верньо, Жансонне, Бюзю, Барбару, Луве, Петіонъ, Ласуръ и др. Но петиція предлагала принять противъ нихъ эту мѣру лишь послѣ того, какъ за нее выскажутся департаменты. Ласуръ и молодой Фонфредъ, дѣйствуя въ высшей степени ловко, предложили принять петицію и поступить по ея указанію, но распространить запросъ на всѣхъ депутатовъ, иначе говоря, предавъ на судъ первоначальныхъ ассамблей весь Конвентъ. Это значило вызвать повсюду гражданскую войну. Монтаньяры поняли, какую ошибку сдѣлали секціи, и сами первые возстали противъ петиціи, которая была отвергнута, какъ „клеветническая“.

Скоро Конвенту пришлось заняться волновавшимъ всѣхъ продовольственнымъ вопросомъ. Народъ голодалъ, такъ какъ работы не было, а хлѣбъ сильно вздорожалъ. Какъ выйти изъ этого положенія? Народъ требовалъ, чтобы воспретили торговлю злаками, чтобы были устранены всякіе посредники между потребителями и производителями и чтобы была установлена максимальная цѣна на хлѣбъ. Къ этимъ требованіямъ присоединилась и коммуна. Въ Конвентѣ противъ maximum'a возстали жирондисты, но, несмотря на ихъ протесты, декретъ о maximum'ѣ былъ принятъ (4 мая 1793 г.). Нѣсколько позднѣе жирондисты возстали и противъ другой важной экономической мѣры, — противъ насильственнаго займа у богатыхъ въ одинъ милліардъ, который былъ необходимъ на нужды войны и на продовольствіе населенія. Сопротивленіе этимъ мѣрамъ окончательно уронило жирондистовъ во мнѣніи санкюлотовъ, которыхъ они продолжали звать не иначе какъ убійцами и которымъ приходилось теперь выдерживать въ самихъ секціяхъ натискъ буржуазныхъ умѣренныхъ

Марать, не легко было начать свою рѣчь. Онъ старался, главнымъ образомъ, доказать, что къ диктатурѣ возстанія привела

элементовъ, нахлынувшихъ туда въ надеждѣ пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ этихъ революціонныхъ очагахъ.

18 мая, опасаясь болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны санкюотовъ и становившейся все болѣе авторитетной коммуны, Жиронда предложила Конвенту принять весьма важныя мѣры: смѣнить коммуну и собрать въ Буржѣ ассамблею депутатовъ *suppléant* овъ. Только партійное ослѣпленіе могло внушить Жирондѣ подобныя мысли, которыя, если бы онѣ были осуществлены, сломили бы силу революціи, находившейся въ то время въ такомъ критическомъ положеніи. Бареръ, выступившій отъ имени Комитета общественнаго спасенія, предложилъ, вмѣсто этихъ опасныхъ мѣръ, ограничиться избраніемъ экстренной комиссіи изъ 12-ти депутатовъ для того, чтобы произвести слѣдствіе относительно дѣйствій коммуны. По настоянію этой комиссіи, состоявшей изъ однихъ только жирондистовъ, были изданы черезъ нѣсколько дней крайне непопулярные декреты объ укрѣпленіи охранявшей Ассамблею гвардіи и объ арестѣ помощника прокурора коммуны, Гебера, редактора газеты „*Père Duchêne*“. Когда, 25 мая, депутация коммуны просила Конвентъ освободить Гебера, то председательствовавшая въ тотъ день Иснаръ далъ ей въ высшей степени оскорбительный для Парижа отвѣтъ, грозя послѣднему полнымъ уничтоженіемъ. И вся Жиронда поддержала председателя и подтвердила его отвѣтъ голосованіемъ. Черезъ два дня, 27 мая, послѣ долгаго и крайне бурнаго засѣданія, Конвентъ, уступая настояніямъ депутатій, рѣшилъ уничтожить комитетъ 12-ти и освободить всѣхъ заключенныхъ по ея распоряженію лицъ, Гебера и другихъ. На слѣдующій день, оказавшись снова въ большинствѣ, Жиронда возстановила столь непопулярную комиссію 12-ти, и это разожгло до крайнихъ предѣловъ гнѣвъ парижанъ.

Борьба между Жирондой и Горой зашла настолько далеко, что ни о какомъ перемиріи не могло уже быть рѣчи. Но и сама борьба не могла больше продолжаться съ нерѣшительнымъ успѣхомъ, доставляя побѣду то одной, то другой сторонѣ, парализуя силы революціи и грозя ежедневно опасностью взрыва гражданской войны. Развязка была неизбежна, и ея съ трепетомъ ожидали съ обѣихъ сторонъ.

Уже 26 мая Робеспьеръ высказался въ Якобинскомъ клубѣ за то, что слѣдуетъ устроить дѣнокъ противъ бриссотинцевъ и роландистовъ. Къ этой мысли примыкали и всѣ монтаньярскія секціи и коммуна. Въ ночь съ 30 на 31 мая, революціонный комитетъ, составленный изъ представителей секцій и засѣдавшій въ архіепископствѣ, рѣшилъ начать возстаніе. Онъ распорядился ударить въ набатъ, назначилъ Ганрію начальникомъ войскъ и принять всѣ мѣры, отдававшія Парижъ въ его власть. При звонѣ набата собрался Конвентъ. Скоро туда стали прибывать и депутации, потребовавшія уничтоженія комиссіи 12-ти и ареста 22 жирондистскихъ депутатовъ. Конвентъ, подчиняясь этой „моральной революціи“, какъ называлъ возстаніе 31 мая Люлье, рѣшилъ удовлетворить главное требованіе, уничтожить ненавистную комиссію, но отказался, хотя на самомъ засѣданіи Робеспьеръ произнесъ противъ нихъ крайне рѣзкую рѣчь, преслѣдовать упомянутыхъ депутатовъ. Толпа, окружавшая Тюльерій-

безнаказанность народных крайностей и онъ протестовалъ противъ нетерпимости террористовъ:

„У насъ,—сказалъ онъ,— водворяется странная система свободы, по которой вамъ говорятъ: „вы свободны; но думайте такъ, какъ мы, по тому или другому вопросу политической экономіи, иначе мы донесемъ на васъ народной мести. Вы свободны; но преклонитесь передъ идоломъ, которому мы куримъ өміамъ, иначе мы донесемъ на васъ народной мести. Вы свободны; но присоединитесь къ намъ, чтобы преслѣдовать людей, честность и просвѣщеніе которыхъ опасны для насъ, иначе мы дадимъ вамъ смѣшныя клички и донесемъ на васъ народной мести. При такихъ условіяхъ можно опасаться, чтобы революція, пожирая, какъ Сатурнъ, одного за другимъ всѣхъ своихъ дѣтей, не породила, въ концѣ концовъ, деспотизма со всѣми сопровождающими его бѣдствіями“.

Но въ своемъ разсказѣ о событіяхъ 10 марта онъ старательно избѣгаетъ всякихъ ложныхъ обвиненій, которыя могли бы еще больше раздѣлить патріотовъ. Въ окончаніи его рѣчи пѣтъ ничего язвительнаго, и онъ скорѣе призываетъ къ примиренію:

„А ты, несчастный народъ, будешь ли ты еще долго вѣрить лицомърамъ, которые предпочитаютъ получать твои ашплудисмен-

скій дворець, гдѣ съ нѣкотораго времени происходили засѣданія Конвента, удовлетворилась этимъ и разошлась. Но возстаніе возобновилось на слѣдующій же день. Коммуна приготовила новую петицію о 22-хъ жирондистахъ, и къ вечеру снова раздался звонъ набата, на зовъ котораго Конвентъ, разошедшійся послѣ утренняго засѣданія, опять собрался. Но Конвентъ и на этотъ разъ отказался уступить заговорщикамъ, требуя у нихъ опредѣленныхъ доказательствъ относительно инкриминируемыхъ депутатовъ. Вся ночь съ 1-го на 2-ое іюня прошла въ приготовленіяхъ. Утромъ Ганрію осадилъ со своими войсками засѣдавшій уже Конвентъ, и такъ какъ въ распоряженіи послѣдняго не было никакой силы, чтобы оказать сопротивленіе, то онъ, послѣ неудачныхъ попытокъ внушить мятежникамъ должное уваженіе къ законодательному учрежденію или подѣйствовать на нихъ угрозами, принужденъ былъ уступить ихъ требованіямъ и декретировалъ арестъ не 22-хъ, а 29-ти жирондистскихъ депутатовъ.

Надо прибавить, что почти одновременно съ тѣмъ, какъ парижскіе монтаньяры произвели этотъ *coup d'Etat*, жирондисты г. Ліона насильственнымъ же образомъ и дѣйствуя въ согласіи съ роялистами низвергли мѣстный монтаньярскій муниципалитетъ и назначили на его мѣсто реакціонный, заключивъ въ тюрьму, а затѣмъ и предавъ смерти наиболѣе вліятельнаго ліонскаго демократа, Шалье. Жирондисты и монтаньяры, хотя и въ разныхъ мѣстахъ, прибѣгли, слѣдовательно, одновременно къ насилію.

Прил. перев.

ты, чѣмъ заслуживать ихъ, пріобрѣтать обманнымъ путемъ твою благосклонность, лѣтя твоимъ страстямъ, чѣмъ оказать тебѣ единую услугу?

„Одинъ тиранъ древности имѣлъ желѣзную кровать, на которую онъ клалъ свои жертвы, отрубая ноги тѣмъ, которыя были длиннѣе кровати, и мучительно вытягивая тѣхъ, которыя были короче ея, чтобы всѣ пришли къ равнѣ по ея длинѣ. Этотъ тиранъ любилъ равенство, и это именно равенство злодѣевъ, раздирающихъ тебя своими неистовствами. Для общественнаго человѣка равенство состоитъ лишь въ равенствѣ правъ. Оно не является равенствомъ имуществъ, какъ не является равенствомъ роста, силы, ума, дѣеспособности, производительности, труда.

„Тебѣ часто изображаютъ равенство въ видѣ двухъ раздирающихъ другъ друга тигровъ. Представляй ты себѣ его въ болѣе утѣшительномъ видѣ двухъ обнимающихся братьевъ. То, которое хотятъ тебѣ навязать, будучи порожденіемъ ненависти и злобы, всегда вооружено кинжалами. Истинное равенство, равенство природы, вмѣсто того, чтобы раздѣлять людей, соединяетъ ихъ узами всеобщаго братства. Только оно одно можетъ создать твое счастье и счастье міра. Твоя свобода! Изверги душиать ее и предлагаютъ твоему заблудшемуся культу своеволіе, которое, какъ всѣ ложные боги, имѣетъ своихъ друидовъ, желающихъ питать его человѣческими жертвами. Пусть эти жестокіе жрецы подвергнутся участи своихъ предшественниковъ! Пусть позоръ закрѣпитъ навсегда камень, который покроетъ ихъ прахъ!

„А вы, мои коллеги, наступилъ моментъ: надо выбрать между энергіей, которая васъ спасетъ, и слабостью, которая губитъ всѣ правительства, между закономъ и анархіей, между республикой и тираніей. Если, лишивъ преступленіе той популярности, которую оно узурпировало у добродѣтели, вы употребите противъ него большую энергію, то всё будетъ спасено. Если же, ставъ игрушками всѣхъ фракцій, жертвами всѣхъ заговорщиковъ, вы проявите слабость, то вы скоро превратитесь въ рабовъ“.

Изъ патріотическихъ побужденій Верньо объяснялъ маневрами аристократовъ и Питта всѣ крайности народа и въ частности заговоръ 10 марта. Жирондисты остались очень недовольны такой осторожностью, и комитетъ Валазе поручилъ Луве загладить мнимую нетактичность Верньо, но Луве не могъ добиться слова.

Верньо, какъ видитъ читатель, парилъ всегда выше злобныхъ чувствъ, нарекаій, вымысловъ, которымъ отдавалось большин-

ство его друзей. Онъ переходилъ въ атаку лишь тогда, когда защищался, какъ напримѣръ, 10 апрѣля 1793 г., когда онъ отвѣтилъ на обвиненія Робеспьера; но тогда презрѣнiе его становилось убійственнымъ:

„Я осмѣлюсь отвѣтить Робеспьеру, который коварной выдумкой, искусно придуманной въ тиши кабинета, и холодной иронией вызвалъ новые раздоры въ Конвентѣ; я осмѣлюсь отвѣтить ему безъ подготовки: я не нуждаюсь, какъ онъ, въ искусствѣ; достаточно моей души.

„Я буду говорить не за себя: мнѣ глубоко больно видѣть, что, между тѣмъ, какъ отечество нуждается въ каждомъ моментѣ нашего политическаго существованiя, Конвентъ, изъ-за столь же бессмысленныхъ, сколько злодѣйскихъ доносовъ, вынужденъ заниматься ничтожными личными дѣлами; я буду говорить за отечество, участи котораго, такъ какъ оно находится на краю пропасти, не вполнѣ чужды судьбы одного изъ его представителей, могущаго и желающаго ему служить; я не за себя буду говорить, я знаю, что въ революціонные періоды подонки націи выплываютъ на политическую поверхность и на нѣсколько моментовъ какъ будто властвуютъ надъ честными людьми. Въ моихъ личныхъ интересахъ я бы терпѣливо выжидалъ, чтобы это временное владычество кончилось; но такъ какъ сломали пружину, которая сдвливала мою возмущенную душу, то я буду говорить, чтобы просвѣтить вводимую въ заблужденіе Францію. Мой голосъ, неоднократно съ этой трибуны вносившій страхъ во дворецъ и способствовавшій низверженію тирана, внесетъ его также въ душу злодѣевъ, которые желали бы своею тираніей замѣнить тиранію королевской власти“.

Онъ разбираетъ затѣмъ восемнадцать обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ Робеспьеромъ противъ Жиронды, и опровергаетъ ихъ съ тѣмъ большей легкостью, что Робеспьеръ выбралъ не наиболѣе вѣроятные, а наиболѣе ужасные. Онъ сказалъ, напримѣръ, что жирондисты клеветуютъ на Парижъ и что они умѣренные.

„Робеспьеръ,—отвѣчаетъ Верньо,— обвиняетъ насъ въ томъ, что мы оклеветали Парижъ. Лишь онъ и его друзья оклеветали этотъ знаменитый городъ. Моя мысль всегда съ ужасомъ оставалась на прискорбныхъ сценахъ, осквернившихъ революцію; но я постоянно доказывалъ, что онѣ были дѣломъ не народа, а нѣсколькихъ злодѣевъ, сбѣжавшихся со всѣхъ концовъ республики, чтобы жить грабежомъ и убійствами въ городѣ, громад-

ность и вѣчныя волненія котораго давали имъ самую широкую возможность осуществить свои преступныя надежды; и, ради самой славы народа, я требовалъ, чтобы они были преданы мечу закона.

„Другіе же, чтобы обезпечить безнаказанность разбойниковъ и дать имъ, должно быть, возможность совершать новыя убійства и грабежи, восхваляли, наоборотъ, ихъ преступленія и цѣликомъ приписывали ихъ народу. Кто же клевететь на народъ? Тотъ ли, кто настаиваетъ на непричастности его къ преступленіямъ нѣсколькихъ чуждыхъ ему разбойниковъ, или тотъ, кто упорно приписываетъ всему народу мерзость этихъ кровавыхъ сценъ?“ (А п л о д и с м е н т ы. — М а р а т ь: Это—акты національной мести).

Отвѣтъ на обвиненіе въ умѣренности благороденъ и справедливъ:

„Робеспьеръ, наконецъ, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы вдругъ стали умѣренными, фельянами.

„Мы—умѣренные! Я не былъ имъ 10 августа, когда ты, Робеспьеръ, прятался въ своемъ погребѣ! Нѣтъ, я не умѣренный въ томъ смыслѣ, что я желалъ бы заглушить національную энергію. Я знаю, что свобода всегда дѣятельна, какъ пламя, что она несовмѣстима съ совершеннымъ спокойствіемъ, подобающимъ лишь рабамъ. Если бы желали только поддерживать то священное пламя, которое въ моемъ сердцѣ горитъ такъ ярко, какъ въ сердцѣ людей, безпрестанно говорящихъ о пылкости своего характера, то столь крупныя раздоры не возникли бы въ этой Ассамблеѣ. Я знаю также, что въ революціонныя времена было бы столь же безумно желать по своему усмотрѣнію успокаивать возбужденіе народа, какъ приказывать морскимъ волнамъ улежаться, когда ихъ гонитъ вѣтеръ. Но дѣло законодателя—разумными совѣтами предупредить, насколько это въ его власти, несчастія и бури; и если, подъ предлогомъ революціи, надо, чтобы быть патріотомъ, объявить себя покровителемъ убійства и грабежа, то я умѣренный.

„Со времени уничтоженія королевской власти, много говорятъ о революціи. Я сказалъ себѣ: возможны лишь двѣ революціи,—такая, которая уничтожитъ собственность или установитъ аграрный законъ, или же такая, которая вернетъ насъ къ деспотизму. Я принялъ твердое рѣшеніе бороться противъ той и другой, и всѣхъ косвенныхъ средствъ, которыя могли бы привести къ нимъ. Если это значитъ быть умѣренными, то мы всѣ—умѣренные, такъ какъ всѣ мы голосовали, что всякій гражданинъ, который предложитъ одну или другую, подлежитъ смертной казни.

„Я слышалъ также, что много говорятъ о возстаніи народа и, признаюсь, я при этомъ ужасался. Возстаніе имѣеть опредѣленную цѣль или не имѣеть таковой; въ послѣднемъ случаѣ это только конвульсія для политическаго организма, которая, такъ какъ она не можетъ принести ему никакой пользы, должна неизбежно причинить ему много зла. Желаніе вызвать такое возстаніе можетъ возникнуть только въ душѣ плохого гражданина. Если же возстаніе имѣеть опредѣленную цѣль, то какую? Перемѣстить пользованіе суверенитетомъ? Такъ какъ послѣднее повѣрено національному представительству, то тѣ, которые говорятъ о возстаніи, желаютъ, слѣдовательно, уничтожить національное представительство; они, слѣдовательно, желаютъ передать пользованіе суверенитетомъ небольшому числу людей или представить его одному лишь гражданину; они, слѣдовательно, желаютъ установить аристократическій образъ правленія или возстановить королевскую власть. Въ обоихъ случаяхъ они конспирируютъ противъ республики и свободы, и, если надо или одобрять ихъ, чтобы быть патріотомъ, или быть умѣреннымъ, борясь противъ нихъ, то я—умѣренный. (А п пло д и с м е н т ы). Когда на тронѣ находится статуя свободы, то возстаніе можетъ быть вызвано только друзьями королевской власти. Повторяя народу, что онъ долженъ подняться, безпрестанно говоря ему языкомъ не закона, а страстей, доставили оружіе аристократіи. Перенявъ санкюлотскіе манеры и языкъ, она кричала въ министерскомъ департаментѣ: вы несчастны: ассигнаціи теряютъ въ цѣнѣ, вы должны возстать! Вотъ, какъ крайности повредили республикѣ.

„Мы умѣренные! Въ чью пользу проявили мы великую умѣренность? Въ пользу ли эмигрантовъ? Мы одобрили противъ нихъ все строгія мѣры, къ которымъ одинаково обязывали и правосудіе и національный интересъ. Въ пользу ли внутреннихъ заговорщиковъ? Мы не переставали призывать на ихъ голову мечъ закона; но я отвергъ законъ, который угрожалъ изгнаніемъ невинному, какъ виновному. Говорили очень много объ ужасныхъ революціонныхъ мѣрахъ. Я тоже желалъ этихъ ужасныхъ мѣръ, но противъ однихъ лишь враговъ отечества. Я не хотѣлъ, чтобы отъ нихъ пострадала безопасность честныхъ гражданъ, которыхъ нѣкоторымъ злодѣямъ было бы выгодно погубить; я хотѣлъ наказаній, а не проскрипцій. Нѣкоторые люди сводятъ какъ будто свой патріотизмъ къ тому, чтобы мучить, чтобы заставлятъ проливать слезы. Я бы желалъ, чтобы были только счастливые. Конвентъ является центромъ, вокругъ котораго должны сое-

диниться все́ граждане. Возможно, что ихъ взгляды не всегда останавливаются на немъ безъ тревоги и ужаса. А я бы желалъ, чтобы онъ былъ центромъ все́хъ привязанностей и все́хъ надеждъ. Революцію старались завершить терроромъ, — я бы желалъ завершить ее любовью. Наконецъ, я не думалъ чтобы, подобно жестокимъ служителямъ инквизиціи, говорящимъ о своемъ Богѣ милосердія только среди костровъ, мы должны были бы говорить о свободѣ среди кинжаловъ и палачей. (А п л о д и с м е н т ы).

„Мы,—умѣренныя! Пусть насъ благодарятъ за ту умѣренность, которую намъ вмѣняютъ въ преступленіе. Если бы, когда съ этой трибуны потрясали факелами раздора и съ самой наглою дерзостью поносили большинство народныхъ представителей, если бы, когда столь же неистово, сколько неосторожно воскликнули: не бывать больше перемирію, не бывать больше миру между нами,—мы бы поддались порыву самаго справедливаго негодованія, согласились бы на контрреволюціонный вызовъ, который намъ былъ брошенъ, то я заявляю своимъ обвинителямъ, что, какими бы подозрѣніями насъ ни окружали, какую бы клевету на насъ ни возводили, наши имена еще пользуются большимъ уваженіемъ, чѣмъ ихнія, и что изъ все́хъ департаментовъ на борьбу съ людьми 2 сентября стеклись бы граждане, одинаково враждебные анархіи и тиранамъ. Наши обвинители и мы были бы уже, быть можетъ, поглощены пламенемъ гражданской войны. Наша умѣренность спасла республику отъ этого ужаснаго бича, и мы своимъ молчаніемъ оказали отечеству не малую услугу“.

(А п л о д и с м е н т ы).

Рѣчь Верньо, говоритъ одинъ изъ его коллегъ *), вызвала молчаніе восхищенія не только у жирондистовъ, но и у тѣхъ, которые были несомнѣнно преданы его хулителямъ.

Событія быстро чередуются. 15 апрѣля секціи требуютъ изгнанія бриссотинцевъ изъ Конвента. Это именно дало поводъ Верньо проявить все величіе своей души. Его друзья предлагали апеллировать къ народу, что спасло бы Жиронду и поставило въ опасность Францію: онъ настоялъ на томъ, чтобы эта мѣра была отвергнута.

„Созывъ первоначальныхъ ассамблей,—сказалъ онъ съ герой-

*) Baudin (изъ Арденновъ).—Это не мѣшаетъ Нодье сказать (Souvenir, т. I, стр. 270): „Рѣчь эта, мало, впрочемъ, замѣчательная, обнаруживаетъ безсиліе Верньо, прежде времени созрѣвшаго для смерти, благодаря своей апатіи и своей лѣни“.

ствомъ,—является гибельной мѣрой. Она можетъ погубить Конвентъ, республику и свободу; и если надо или декретировать этотъ созывъ или предоставить себя мести нашихъ враговъ; если вы стоите передъ этой альтернативой, то пусть у васъ не будетъ колебаній между нѣсколькими людьми и общественнымъ дѣломъ: толкните насъ въ пропасть и спасите отечество!⁴

Ничего болѣе корнельевскаго не было сказано на трибунѣ, и древній міръ не знаетъ, быть можетъ, болѣе искренняго и болѣе прекраснаго жеста преданности отечеству. Великое сердце Верньо указало ему въ данномъ случаѣ на дѣйствительную политическую необходимость, къ которой привели несчастныхъ жирондистовъ ихъ ошибки. Революція не можетъ подвигаться впередъ, если обѣ одинаково сильныя партіи тянутъ ее въ противоположныя стороны. Болѣе организованная партія должна вытѣснить другую, и именно жирондистъ, просвѣтленный своимъ патріотизмомъ, предлагаетъ принести въ жертву Жиронду! Присутствовалъ ли при этомъ Дантонъ? Слышалъ ли онъ эти великодушныя слова? Какъ онъ долженъ былъ содрогнуться! Это былъ его стиль, это была его душа; это онъ самъ себя находилъ, но лишь слишкомъ поздно, въ Верньо. Сблизившись, они двое, поэтъ и политикъ, представляли бы оба инстинкта революціи и почти весь геній Франціи.

Конвентъ отвергъ, правда, эту петицію, какъ клеветническую; но Верньо не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзіи и готовился достойнымъ образомъ сложить свою голову. Втеченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ этотъ безпечный человѣкъ проявилъ поразительную активность и говорилъ на самыя разнообразныя темы: о продовольственномъ вопросѣ и о maximum'ѣ (17 апрѣля 1793 г.), о свободѣ совѣсти (19 апрѣля), о вспомоствованіи семьямъ защитниковъ отечества (4 мая), объ образованіи арміи слугъ (8 мая), наконецъ, въ тотъ же день, о конституціи *).

⁴) Въ самый разгаръ борьбы между Жирондой и Горой, чуть ли не наканунѣ пораженія жирондистовъ, въ тотъ самый день (15 апр.), когда парижскія секціи впервые потребовали ареста 22-хъ, Конвентъ, казавшійся всецѣло поглощеннымъ великимъ поединкомъ между двумя партіями, рѣшилъ заняться обсужденіемъ проекта конституціи. Дебаты о немъ, хотя они велись не вполне регулярно, продолжались отъ 17 апрѣля до 29 мая и были прерваны народнымъ движеніемъ, приведшимъ къ изгнанію изъ Конвента жирондистовъ. Какой силой воли, какой поразительной энергіей, какой преданностью общественному дѣлу должны были обладать дѣятели революціи, чтобы въ такое бурное время, когда страсти такъ разошлись и когда для многихъ изъ нихъ рѣшался вопросъ жизни и смерти, заняться

17 мая онъ отвѣчаетъ Кутону, который требовалъ, чтобы жирондисты отказались отъ своего депутатскаго званія. Это,—говоритъ онъ,—было бы трусостью. Онъ напоминаетъ о своей клятвѣ употреблять всѣ свои силы на то, чтобы предупредить „пожаръ страстей“, но заявляетъ также, обращаясь непосредственно къ парижанамъ, что, „если постоянными преслѣдованіями, оскорбленіями, насиліями насъ заставятъ дѣйствительно уйти,

обсужденіемъ конституціонныхъ вопросовъ, столь часто соприкасавшихся съ совершенно отвлеченными принципами. Безъ сомнѣнія, ни Жиронда, ни Гора не смогли отрѣшиться при этомъ отъ волновавшихъ ихъ партійныхъ страстей, но столь же несомнѣнно, что въ этотъ крайне критическій моментъ многіе депутаты составляли записки по конституціоннымъ вопросамъ, что Робеспьеръ тогда именно выработалъ свою знаменитую декларацію правъ, что жирондистовъ и монтаньировъ занимали тогда мысли о свободѣ совѣсти, о правѣ собственности, о всемірномъ братствѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ государства и личности.

Мы еще вернемся къ этимъ дебатамъ, здѣсь же замѣтимъ, что Верньо принялъ въ нихъ дѣятельное участіе. Такъ, онъ выступилъ противъ предложенія депутата Андре Помма, желавшаго, чтобы декларація правъ была объявлена отъ имени Высшаго Существа. „Существованіе Бога,—сказалъ Верньо,—не зависитъ отъ деклараціи, какую могутъ сдѣлать объ этомъ люди“. вмѣстѣ съ Дантономъ онъ также возсталъ противъ того, чтобы въ декларацію былъ внесенъ пунктъ о свободѣ вѣроисповѣданій. Оларъ говоритъ (см. его *Histoire politique*, стр. 293—294), что Конвентъ отвергъ эту статью, изъ чисто оппортунистскихъ соображеній, не желая пока что установить принципъ, который оказался бы могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ мятежныхъ священниковъ. Но въ своихъ рѣчахъ депутаты настаивали на исключеніи этого пункта въ виду того, главнымъ образомъ, что „законодательство не должно имѣть никакого вліянія на отношенія человѣка къ божеству, что объявить культы свободными—значитъ почти предположить, что они не свободны, что свобода культовъ такъ же мало нуждается въ особомъ признаніи, какъ свобода ходить, ѣсть, пить“.

Вотъ что сказали объ этомъ Верньо: „Статья, которую мы обсуждаемъ, является результатомъ деспотизма и суевѣрія, подъ гнетомъ которыхъ Франція такъ долго находилась. Положеніе католической церкви, что „внѣ церкви нѣтъ спасенія“, не вызвало во Франціи инквизиціи, но наполнило узниками наши Бастили. Когда Учредительное Собраніе дало первый толчекъ къ свободѣ, тогда, чтобы прекратить установившуюся ужасную нетерпимость и чтобы уничтожить предрасудки, противъ которыхъ нельзя было пойти открытой войной, тогда надо было освятить принципъ терпимости, что въ то время было великимъ шагомъ впередъ. Но нынѣ мы не находимся больше въ такомъ положеніи: умы освободились отъ позорныхъ путей, наши цѣпи разбиты, и я не думаю, чтобы въ деклараціи общественныхъ правъ можно было освящать принципы, совершенно посторонніе общественному порядку“.

Прим. перев.

если вызовутъ такимъ образомъ роковой расколъ, то у департамента Жиронды не будетъ ничего общаго съ городомъ, который посягнетъ на національное представительство и нарушить единство республики“. (Мы всѣ дѣлаемъ то же заявленіе!—восклицаютъ многіе депутаты).

Эта угроза гражданской войной совершенно не въ тонѣ рѣчи 20 апрѣля: въ этомъ чувствуется не Верньо, а Гваде, Бюзо. Въ данномъ случаѣ онъ на моментъ поддался вліянію своихъ друзей, которые почти всѣ были проникнуты чувствомъ мести и были вдохновляемы женщиной.

20 мая онъ протестуетъ противъ интерупцій трибунъ и противъ беспорядковъ, парализующихъ Конвентъ:

„Граждане, намъ предстоитъ побѣдить двухъ могущественныхъ враговъ: вооруженный деспотизмъ, который тѣснитъ и атакуетъ республику извнѣ, и анархію, которая безъ устали раздражаетъ ее внутри. Мы не можемъ сами участвовать въ бою противъ перваго изъ этихъ страшныхъ враговъ. Честь эта принадлежитъ нашимъ войскамъ. Сразимся же на смерть со вторымъ, это нашъ долгъ; довольно и слишкомъ долго онъ насъ терзалъ; довольно и слишкомъ долго мы вели противъ него борьбу, настолько же мучительную для насъ, насколько гибельную для отечества; надо, наконецъ, узнать, кто побѣдитъ,—свобода или злодѣи; подставимъ безъ страха нашу грудь подъ удары кинжаловъ, но избавимъ отечество отъ пожирающаго ее бича. Наши войска проливаютъ ежедневно свою кровь, чтобы одолѣть тирановъ; жертвуемъ, если надо, и нашей кровью, чтобы побѣдить анархію; восторжествуемъ, наконецъ, или погибнемъ и похоронимъ себя навсегда подъ развалинами храма свободы“.

24-го того же мѣсяца онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ отстаиваетъ энергичныя мѣры, предложенныя комиссіей Двѣнадцати: „Граждане, покажите себя, наконецъ, достойными возложенной на васъ миссіи. Имѣйте смѣлость вести открытую борьбу противъ убійць, и они скоро обратятся въ прахъ. Хотите ли вы ждать, пока они не вонзятъ вамъ въ грудь кинжалъ? Если это такъ, то вы измѣняете своему самому священному долгу: вы покидаете народъ безъ конституціи, предоставляя его ярости убійць; и вы вмѣстѣ съ ними становитесь повинными во всемъ злѣ, которое они ему причиняютъ. Единство республики зависитъ отъ цѣлости всѣхъ народныхъ представителей. Никто изъ насъ не умретъ не отомщеннымъ,—это надо почаще повторять на этой трибунѣ; наши департаменты готовы возстать, заговорщики это

знають, и именно поэтому, желая вызвать всеобщую гражданскую войну, они устраивают заговоры. Конечно, свобода пережить эти новые бури; но возможно, что, окровавленная, она принуждена будет искать убѣжища въ южныхъ департаментахъ. Почему, однако, вамъ быть повинными въ порабощеніи сѣвера? Развѣ онъ недостаточно пролилъ крови за свободу, и развѣ вы не обязаны обезпечить ему возможность пользоваться ею? Спасите, своею стойкостью, единство республики; спасите, своею стойкостью, свободу всѣхъ французовъ; а больше всего— не ошибайтесь на этотъ счетъ, ибо слабость была бы въ данномъ случаѣ трусостью. Накажите виновныхъ, и вы не услышите больше о заговорахъ, и отечество будетъ спасено. У васъ нѣтъ мужества на это? Тогда откажитесь отъ своихъ функций и попросите Францію замѣстить васъ болѣе достойными ея довѣрія“.

III.

Наступаетъ 31 мая. Въ началѣ засѣданія онъ возстаетъ противъ того, чтобы немедленно обсуждали вопросъ объ уничтоженіи Комиссіи 12-ти:

„Конвентъ не долженъ, по моему мнѣнію, заняться въ настоящій моментъ этимъ вопросомъ. Онъ не долженъ выслушать доклада, потому что докладъ этотъ неизбѣжно возбудитъ страсти, а этого слѣдуетъ избѣгать въ день волненій. Дѣло идетъ о достоинствѣ Конвента. Онъ долженъ доказать Франціи, что онъ свободенъ. А для того, чтобы доказать это, онъ не долженъ отмѣнить нынѣ же комиссію. Конвенту важно знать, кто далъ приказъ ударить въ набатъ... (Нѣсколько голосовъ: „Спротивленіе гнету“). Я повторяю то, что сказалъ вначалѣ: если произойдетъ битва, то, на чьей бы сторонѣ ни была побѣда, она будетъ гибелью республики. Я требую, чтобы главный комендантъ былъ вызванъ къ рѣшеткѣ и чтобы мы всѣ поклялись умереть на своемъ посту“.

Въ этотъ самый моментъ раздался сигнальный выстрѣлъ пушки. Парижане находились уже на порогѣ своихъ домовъ, чтобы видѣть, какъ пройдутъ инсургенты. Но часы проходили, наступалъ вечеръ, а спокойствіе все же царило, хотя все было подготовлено къ возстанію. Верно счелъ умѣстнымъ и справедливымъ констатировать неудачу возстанія, воздавъ за это честь Парижу: „Граждане, — сказалъ онъ, — вамъ только что ска-

зали *), что всѣ истинные граждане должны объединиться; когда я предложилъ членамъ Конвента поклясться, что они всѣ умрутъ на своемъ посту, то моимъ намѣреніемъ было, конечно, пригласить ихъ соединиться для того, чтобы спасти республику. Я далекъ отъ того, чтобы обвинять большинство или меньшинство парижскихъ жителей; настоящаго дня достаточно, чтобы показать, насколько Парижъ любитъ свободу. Стоитъ пройти по улицамъ, видѣть порядокъ, какой на нихъ царитъ, многочисленныя патрули, которые по нимъ расхаживаютъ, чтобы декретировать, что Парижъ заслужилъ благодарности отечества. (Да, передать на голосованіе! — кричатъ со всѣхъ сторонъ залы). Да, я требую, чтобы вы декретировали, что парижскія секціи, поддерживая спокойствіе въ этотъ критическій день, заслужили благодарности отечества и что вы приглашаете ихъ продолжать свой надзоръ до тѣхъ поръ, пока не провалятся всѣ заговоры“.

Предложенія эти были встрѣчены горячими аплодисментами и тотчасъ декретированы **).

Но положеніе скоро мѣняется. Депутація Коммуны требуетъ обвинительнаго декрета противъ двадцати-двухъ ***). Затѣмъ появляется у рѣшетки директорія парижскаго департамента и устами Люлье, генеральнаго прокурора-синдика, требуетъ того же обвинительнаго декрета. Тогда Бареръ, отъ имени Комитета общественнаго спасенія, вноситъ проектъ декрета противъ Комиссіи двѣнадцати. Въ этотъ моментъ нѣкоторые члены переходятъ съ лѣвой стороны на правую и остаются тамъ, чтобы

*) Кутонъ сказалъ: „Пусть всѣ тѣ, кто желаетъ спасти республику, соединятся. Я не принадлежу ни къ партіи Марата, ни къ партіи Бриссо— принадлежу своей совѣсти. Пусть всѣ тѣ, кто принадлежитъ только къ партіи свободы, объединятся, и свобода будетъ спасена“.

***) Нельзя, какъ то полагали, предположить, что Верньо внесъ эти предложенія изъ трусости. Онъ хотѣлъ этимъ перетянуть Парижъ на сторону Конвента и возстановить его противъ нисерекціоннаго меньшинства. Такъ поняли его противники его, какъ то видно изъ показанія Шометта на судѣ жирондистовъ: „Я упрекаю Верньо въ томъ, что предложеннымъ имъ декретомъ онъ отделилъ парижскія секціи отъ Коммуны съ цѣлью вызвать убійство членовъ послѣдней“.

***) *Moniteur* говоритъ, что Верньо потребовалъ напечатанія петиціи этой депутаціи и разсылки ея по департаментамъ. Если это предложеніе принадлежитъ, дѣйствительно, Верньо, то возможно, что онъ этимъ желалъ поставить департаменты въ извѣстность относительно покушенія и разжечь ихъ негодованіе.

предоставить свои мѣста петиціонерамъ, которые будутъ сейчасъ голосовать вмѣстѣ съ Горою. Конвентъ окруженъ вооруженною силою. Верньо не теряетъ мужества. Такъ какъ Осленъ высказывается за то, чтобы одобрили огуломъ проекты Барера, то онъ интерпеллируетъ предсѣдателя Малларме и проситъ его спросить Ассамблею, желаетъ ли она совѣщаться. Отвергнутый, онъ предлагаетъ, согласно 1-ой ст. проекта Барера, чтобы начальникъ военной охраны Конвента прибылъ для полученія приказовъ отъ предсѣдателя. Ему закрываютъ ротъ криками: „Приступитъ къ голосованію!“. Тогда онъ рѣшается на смѣлую попытку, которая имѣла бы важныя послѣдствія, если бы она удалась: „Національный Конвентъ,—говоритъ онъ,—не можетъ совѣщаться въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится. Я требую, чтобы онъ присоединился къ войску, находящемуся во дворѣ, и сталъ подъ его защиту“. И онъ выходитъ. Нѣкоторые члены справа слѣдуютъ за нимъ. Происходитъ минутное замѣшательство, но почти всѣ остаются, напуганные слѣдующимъ предложеніемъ Шабо: „Я требую поименнаго голосованія, чтобы знать отсутствующихъ“. Если бы большинство послѣдовало за Верньо, то событія приняли бы иной оборотъ. Но, будучи одинокимъ въ своемъ протестѣ, онъ скоро вернулся, встрѣченный шиканьемъ трибунъ. Робеспьеръ былъ уже на трибунѣ. Увидѣвъ вернушагося Верньо, онъ сказалъ: „Я не стану говорить Ассамблеѣ о бѣгствѣ или возвращеніи тѣхъ, которые избѣгали ея засѣданій“. „Я прошу слова“,—воскликнула неукротимый Верньо. Робеспьеръ продолжалъ, пространно защищая проектъ Барера. Верньо прерываетъ его съ преарѣніемъ: „Кончайте же“,—говоритъ онъ. „Да, я сейчасъ кончу“,—отвѣтилъ Робеспьеръ,—и заключеніе мое будетъ направлено противъ васъ, которые“... И онъ импровизировалъ свой знаменитый отвѣтъ, нанесшій смертельный ударъ Жирондѣ. Проектъ Барера былъ принятъ. Тогда дѣйствительный народъ наполнилъ залу и фратернизировалъ съ депутатами.

На слѣдующій день, 1 іюня, борьба возобновилась предложеніемъ самаго Верньо, потребовавшего, чтобы Комитетъ общественнаго спасенія былъ уполномоченъ составить докладъ относительно революціонной власти, „которую“,—сказалъ онъ,—мы не признаемъ, такъ какъ ни въ какой революціи нѣтъ больше надобности“. Конвентъ тотчасъ принялъ это предложеніе. Затѣмъ онъ занялся выработкой порядка дня. Послѣ этого Бареръ представилъ Ассамблеѣ не докладъ, котораго просилъ Верньо,

а проектъ воззванія къ французамъ, въ которомъ онъ представлялъ въ благопріятномъ свѣтѣ событія вчерашняго дня, дойдя до заявленія, что свобода мнѣній господствовала „даже въ пилу дебатовъ Конвента“.

Верньо предложилъ послать, вмѣсто всякаго адреса, декретъ, которымъ секціи объявлялись заслужившими благодарности отечества. Это значило благоразумно декретировать забвеніе относительно совершенныхъ крайностей. Въ сущности, это значило сказать то же самое, что Бареръ. Но жирондисты еще разъ осудили Верньо. Луве обозвалъ проектъ Барера лживымъ. Ласурсъ предложилъ очень краткій адресъ, но въ которомъ неблагоразумно упоминалось о разногласіяхъ патриотовъ и указывалось на „недруговъ, составившихъ заговоръ“. „Въ набатъ ударили всѣ патриоты!“—воскликнулъ Ленсандръ, Шабо же обругалъ жирондистовъ. Обращаясь къ Верньо, онъ упомянулъ о тѣхъ, „которые трусливо покинули свой постъ послѣ того, какъ поклялись умереть на немъ“ *). Верньо, порицаемый своими противниками и своими друзьями, примкнулъ, чести ради, къ проекту Ласурса. Онъ говорилъ, по отзыву *Patriote français*, съ энергіей, которая какъ будто возрастала вмѣстѣ съ опасностью:

„Безпрестанно говорятъ о томъ, что надо заглушить ненависть, а ее, то и дѣло, разжигаютъ. Нынѣ насъ упрекаютъ въ томъ, что мы умѣренные; но я горжусь умѣренностью, которая можетъ спасти отечество, между тѣмъ какъ мы губимъ его своими раздорами“.

„Я полагаю, что обратиться съ адресомъ къ французскому народу—значило бы принять нескромную мѣру. Я уважаю волю французскаго народа; я уважаю даже волю всякой секціи этого народа; и если парижскія секціи сами ударили въ набатъ и закрыли заставы, то я сказалъ бы Франціи: „вотъ, что сдѣлалъ парижскій народъ; я уважаю его мотивы; судите ихъ“.

„Но можемъ ли мы скрывать, что вчерашнее движеніе было дѣломъ только нѣсколькихъ интригановъ, нѣсколькихъ мятежниковъ? Нужно ли вамъ доказательство этого? Человѣкъ, опоясанный шарфомъ,—я не знаю, изъ муниципалитета ли онъ,—расхаживалъ по фобургу Сентъ-Антуану и говорилъ жителямъ: Вы остаетесь спокойными, между тѣмъ, какъ секція *Butte-des-Moulins* возстала противъ революціи, между тѣмъ, какъ тамъ надѣли бѣлую кокарду!

*) *Journal des Débats*.

Великодушные обитатели фобурга, постоянные друзья свободы, двинулись тогда со своими пушками, чтобы уничтожить этот новый Кобленцъ. Въ это же время разжигали недовѣріе жителей секціи *Butte-des-Moulins*. Скоро тѣ и другіе встрѣчаются лицомъ къ лицу; но они объясняются, понимаютъ уловку, братаются, обнимаются. Чувства народа всегда хороши,—все служить намъ тому доказательствомъ. Но его вводятъ въ заблужденіе мутители. Не надо говорить ничего, что не соотвѣтствуетъ истинѣ“.

Извѣстны дальнѣйшія событія. Коммуна не оставила предпринятаго дѣла, и на слѣдующій день Конвентъ былъ силою вынужденъ вотировать арестъ жирондистовъ.

VI.

I. Политическія письма Верньо во время его заключенія и его защита передъ революціоннымъ трибуналомъ *).

I.

Подвергнутый аресту, Верньо, на слѣдующій день, написалъ предсѣдателю Конвента письмо, которое не только поучительно для исторіи 2 іюня, но еще столь же краснорѣчиво, какъ сама прекрасная рѣчи его:

„Гражданинъ предсѣдатель! Я вышелъ вчера изъ Ассамблеи между часомъ и двумя, и тогда около Конвента не было никакого признака волненій. Скоро мнѣ пришли сообщить... что граждане трибунъ заняли проходы, ведущіе въ залу нашихъ засѣданій, и арестовываютъ тамъ всѣхъ народныхъ представителей, имена которыхъ имѣются въ проскрипціонномъ спискѣ, составленномъ парижскою Коммуною. Всегда готовый повиноваться закону, я не счелъ себя обязаннымъ подвергнуться опасности насильственныхъ дѣйствій, которыя я не властенъ прекратить.

„Ночью же я узналъ, что я подвергнутъ декретомъ домашнему аресту: я подчиняюсь“ **).

*) Эта глава, какъ и слѣдующая (Ораторскій методъ Верньо), значительно сокращены.

Прим. перев.

***) Верньо, слѣдовательно, не былъ на засѣданіи въ тотъ моментъ, когда былъ обсужденъ и принятъ декретъ объ арестѣ. Онъ, значить, не могъ прервать Кутона, какъ о томъ повѣствуютъ Мемуары Лева с е р а, слѣдующимъ восклицаніемъ: „Дайте Кутону стаканъ крови,—ему хочется пить“.

„Было предложено, какъ средство возстановить спокойствіе, чтобы остальные депутаты подали въ отставку. Никто, надѣюсь, не заподозритъ меня въ томъ, что я нахожу великое удовольствіе въ преслѣдованіяхъ, которымъ я подвергаюсь съ сентября мѣсяца; но я настолько увѣренъ въ уваженіи и благожелательности ко мнѣ всѣхъ моихъ избирателей, что я боюсь, какъ бы моя отставка не послужила въ моемъ департаментѣ источникомъ куда болѣе гибельныхъ волненій, чѣмъ тѣ, которыя желаютъ успокоить и которыя было такъ легко не вызывать. Черезъ нѣкоторое время Парижъ будетъ удивленъ, что его три дня держали подъ ружьемъ для того, чтобы осаждать нѣсколькихъ человекъ, всѣ средства защиты которыхъ противъ своихъ враговъ заключаются въ чистотѣ ихъ совѣсти.

„Пусть, впрочемъ, насиліе, которое совершаютъ надо мною, будетъ роковымъ лишь для меня одного! Пусть народу, о которомъ такъ часто говорятъ и такъ плохо заботятся, народу, въ нелюбви къ которому меня обвиняютъ, между тѣмъ какъ всѣ мои убѣжденія проникнуты уваженіемъ къ его суверенитету и стремленіемъ къ его благу, пусть, говорю я, народу не придется страдать отъ акта, совершеннаго моими преслѣдователями! Пусть они смогутъ сами спасти отечество! Я отъ всего сердца простилъ бы имъ въ такомъ случаѣ и зло, которое они мнѣ причинили, и еще, быть можетъ, большее зло, которое они желали мнѣ причинить“ *).

Конвентъ постановилъ, что Комитетъ общественнаго спасенія представить ему черезъ три дня докладъ о заговорахъ, въ которыхъ обвиняли жирондистовъ. Но докладъ этотъ безконечно оттягивали, и 6 іюня 1793 г. Верньо пишетъ предсѣдателю Конвента новое письмо, составленное въ совершенно иномъ духѣ, чѣмъ предыдущее, и въ которомъ онъ называетъ своихъ обвинителей лжецами и требуетъ ихъ головы за преступленія, совершенныя ими противъ Конвента и противъ отечества. 28 іюня онъ составляетъ еще одно Письмо къ Бареру и Роберту Линде, членамъ Комитета общественнаго спасенія **), являющееся своего рода апелляціей къ обществен-

*) Какъ то замѣчаетъ Ватель (Т. II, стр. 182), *Moniteur* и *Journal des Débats* сокращаютъ это письмо, которое было воспроизведено цѣликомъ только въ *Republicain français*.

**) Вѣроятно, что письмо это не было отправлено по адресу. Оно было лишь напечатано въ Канѣ и Нимѣ стараніями возставшихъ жирондистовъ.

ному мнѣнію и въ которомъ онъ съ рѣзкостью, напоминающей Андре Шенье, дастъ волю своему гнѣву:

„Люди, подло продающіе свою совѣсть и счастье республики, чтобы сохранить ускользящую отъ васъ популярность и приобрести сторонящуюся васъ извѣстность!

„Вы въ своихъ докладахъ рисуете незаконно арестованныхъ представителей народа мятежниками и подстрекателями къ гражданской войнѣ.

„Я, въ свою очередь, доношу на васъ Франціи, какъ на лжецовъ и убійцъ.

„И я докажу справедливость моего обвиненія.

„Вы—лжецы, потому что если бы вы думали, что депутаты, которыхъ вы обвиняете, дѣйствительно виновны, то вы бы уже составили докладъ и потребовали бы противъ нихъ обвинительнаго декрета, который бы такъ льстилъ вашей ненависти и ярости ихъ враговъ.

„Вы—лжецы, такъ какъ если бы то, что вы говорите и что вы намѣрены сказать, было бы истиной, то вы не боялись бы допустить преслѣдуемыхъ депутатовъ услышать касающіеся ихъ доклады, не боялись бы атаковать ихъ въ лицо.

„Вы—убійцы, такъ какъ вы умѣете наносить имъ удары только сзади; вы не обвиняете ихъ передъ судьями, гдѣ законъ предоставилъ бы имъ слово для того, чтобы защищаться; вы умѣете оскорблять ихъ только на трибунѣ послѣ того, какъ силою удалили ихъ оттуда и когда они лишены возможности появиться тамъ, чтобы уличить васъ.

„Вы—лжецы, такъ какъ обвиняете ихъ въ томъ, что они вызывали въ республикѣ волненія, которыя возбуждали вы сами и нѣкоторые другіе вліятельные члены вашего комитета“.

И онъ продолжаетъ свой мстительный обвинительный актъ постоянно повторяя, какъ припѣвъ, эти два слова: убійцы, лжецы. Это—настоящая рѣчь, и даже одна изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ, которыя Верньо составилъ, и, быть можетъ, самая сильная. Вотъ ея заключеніе:

„Я продолжаю. Вы не можете представить ни одного основательнаго обвиненія противъ находящихся въ подозрѣніи депутатовъ.

„Вы сказали себѣ:

„Если мы немедленно представимъ докладъ, то придется провозгласить ихъ невинность и вернуть ихъ.

„Но какую пользу мы извлечемъ въ такомъ случаѣ изъ революціи 31 мая?

„Что скажемъ мы народу и тѣмъ людямъ, которыми мы воспользовались, чтобы произвести ее?

„Какъ мы объяснимъ въ самомъ Конвентѣ присутствіе нашихъ жертвъ?

„Если мы совсѣмъ не сдѣлаемъ доклада, то нѣкоторые департаменты съ негодованіемъ возстанутъ противъ насъ. Что же? Мы отнесемъ къ такому возстанію, какъ къ мятежу. И не будетъ больше вопроса о томъ возстаніи, которое мы вызвали въ Парижѣ, и не придется оправдывать его мотивовъ.

„Въ возстаніи департаментовъ, которое явится результатомъ лишь нашего поведенія, мы обвинимъ тѣхъ людей, которыхъ мы такъ жестоко преслѣдовали.

„Ихъ преступленіе будетъ состоять въ ненависти, которую мы заслужили, попирая ногами, чтобы легче угнетать ихъ, и права народныхъ представителей и даже права человѣчества.

„Труссы! вотъ ваши вѣроломные расчеты!

„Моя жизнь, можетъ быть, въ вашей власти...

„Смерть моя будетъ послѣднимъ преступленіемъ нашихъ современныхъ децемвировъ.

„И я не только не боюсь ея, а призываю ее: скоро просвѣщенный ею народъ освободится, наконецъ, отъ ихъ ужасной тираніи“.

Заключенные сначала въ Люксембургскомъ дворцѣ, Верньо и его друзья были распределены по обыкновеннымъ тюрьмамъ послѣ того, какъ, 28 іюля 1793 г., Конвентъ издалъ о нихъ обвинительные декреты. Верньо былъ вмѣстѣ съ Валазе помещенъ въ Форсе, и 12 августа онъ снова написалъ Конвенту. На этотъ разъ тонъ его спокойный: онъ не жалуется на изданный противъ него обвинительный декретъ; онъ желаетъ только имѣть судей, говорить передъ ними и народомъ:

„Я желаю, наконецъ,—говоритъ онъ,—раскрыть передъ народомъ всю душу, всѣ свои мысли, всѣ свои дѣла. Его уваженіе цѣликомъ на моей сторонѣ. Меня хотѣли лишить его, и, быть можетъ, достигли этого. Такъ я желаю снова завоевать его, и въ душѣ своей я увѣренъ въ успѣхѣ.

„Если затѣмъ враги мои пожелаютъ моей жизни, я охотно отдамъ имъ ее.

„Они изгнали меня изъ Конвента, потому что мои убѣжденія не всегда совпадали съ ихними.

„Они желали управлять только согласно со своими политическими взглядами.

„Пусть же они управляютъ! Пусть они обезпечатъ торжество свободы надъ коализировавшимися противъ нея деспотами! пусть они создадутъ счастье народа! пусть Франція расцвѣтетъ, благодаря ихъ мудрымъ законамъ!

„За все зло, которое они мнѣ причинили, я отомщу лишь тѣмъ, что провозглашу услугу, оказанную ими отечеству!“

Это письмо не было ни прочитано, ни опубликовано: оновѣстить эти патріотическія слова, обнаружить это высшее безкорыстіе значило бы спасти Верньо.

II.

6 октября 1793 г. онъ былъ переведенъ въ Консьержери, и 18-го Дюма сдѣлалъ ему допросъ. Онъ далъ ясныя отвѣты на коварно поставленные ему вопросы. Онъ отрицалъ, будто имъ вызвано департаментское возстаніе, и, дѣйствительно, въ его столь инкриминируемой перепискѣ съ бордосскими якобинцами есть только мимоходомъ брошенная просьба объ оказаніи помощи на случай парижскаго возстанія, чтобы „принудить къ миру людей подстрекающихъ къ гражданской войнѣ“. По этому поводу онъ пустился въ объясненія, которыя настолько стѣсняли Дюма, что онъ отказался внести ихъ въ протоколъ, гдѣ отказъ этотъ констатированъ. Верньо уже закрывали ротъ.

Онъ, однако, старательно готовился къ своей защитѣ. Онъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что его оправдаютъ, если ему позволятъ говорить,—настолько велика была вѣра жирондистовъ во всемогущество слова. Одинъ современникъ рассказываетъ, что они въ своей тюрьмѣ трепетали отъ радости, когда находили удачный аргументъ *).

Извѣстно, какъ произошелъ процессъ. Верньо давали слово только для того, чтобы отвѣчать на показанія свидѣтелей, и

*) „Дюко, Фонфредъ, Верньо, знаменитый Верньо, надѣялись иногда, что они будутъ возвращены къ жизни, болѣе того, —къ свободѣ. И къмъ? Революціоннымъ трибуналомъ, потому что они думали доказать свою невинность и собирались съ силами, чтобы хорошо защищаться; они отмѣчали всѣ факты, которые могли обнаружить нелѣпость, противорѣчія, подлость и лютость ихъ обвинителей. Они бывали довольны, когда находили что-нибудь удачное противъ Робеспьера или Барера, поздравляли себя съ находкой и радовались, какъ дѣти“ (Bailleul, *Almanach des bizarreries humaines*).

отвѣты его были къ тому же сокращены и, быть можетъ, искажены въ официальномъ отчетѣ. Большинство, однако, кажутся достойными его характера.

Раньше всего, на показаніе Паша, парижскаго мэра, упрекавшаго жирондистовъ за ихъ проектъ департаментской гвардіи, онъ отвѣтилъ указаніемъ, что онъ голосовалъ противъ этого проекта, и кратко опровергъ остальные показанія этого свидѣтеля.

Затѣмъ давалъ показанія Шометтъ. „Удивительно,—воскликнулъ Верньо, — что члены муниципалитета и Конвента, наши обвинители, являются показывать противъ насъ!“ Затѣмъ онъ оправдалъ свою роль въ день 10-го августа. Въ данныхъ имъ объясненіяхъ относительно выраженій, въ которыхъ онъ предложилъ приостановить королевскую власть, имѣется неясность, истекающая, конечно, не отъ недостатка его таланта, а отъ ошибки въроломныхъ составителей отчета. Когда настойчивый Шометтъ указалъ ему на статью проекта декрета, касающуюся назначенія гувернера наслѣднику *), то Верньо отвѣтилъ ему: „Когда я писалъ эту статью, битва не была еще кончена, побѣда могла достаться деспотизму, и въ такомъ случаѣ тиранъ не преминулъ бы преслѣдовать патріотовъ; находясь въ такой неуверенности, я предложилъ дать гувернера сыну Капета, чтобы оставить въ рукахъ народа заложника, который былъ бы ему очень полезенъ, если бы онъ былъ побѣжденъ тираніей“.

Но, въ отвѣтъ на показаніе Гебера, онъ произнесъ настоящую рѣчь длившуюся больше часа. Хотя Bulletin трибунала искажаетъ и охлаждаетъ ее, но приводимый имъ отрывокъ все же прекрасенъ:

„Первая вещь, которую вмѣняетъ мнѣ въ вину свидѣтель, заключается въ томъ, что я въ Законодательномъ Собраніи образовалъ фракцію для угнетенія свободы. Образовывалъ ли я фракцію для угнетенія свободы, когда настоялъ на томъ, чтобы конституціонная гвардія короля принесла присягу, а затѣмъ и на ея распущеніи, какъ контръ-революціонной? Образовывалъ ли я фракцію для угнетенія свободы, когда раскрылъ измѣны министровъ и, въ частности, Дельсара? Образовывалъ ли я фракцію

*) Четвертая статья этого декрета гласила: „Экстренная коммисія представить днемъ проектъ декрета о назначеніи гувернера наслѣдному принцу“. Въ своей „Histoire politique“ Оларъ указываетъ на эту статью, какъ на несомнѣнное доказательство того, что Законод. Собраніе имѣло намѣреніе сохранить монархію, отказавшись затѣмъ отъ этого лишь подъ давленіемъ народа и коммуны.

для угнетенія свободы, когда первый донесъ на вѣроломныхъ судей, которыми король пользовался для того, чтобы наказывать патриотовъ? Образовывалъ ли я фракцію для угнетенія свободы, когда въ ночь съ 9 на 10 августа пришелъ, при первомъ ударѣ набата, председательствовать въ Законодательномъ Собраніи? Образовывалъ ли я фракцію для угнетенія свободы, когда боролся противъ Лафайета?“...

Верньо продолжаетъ это перечисленіе фактовъ, доказывающихъ разнь, существовавшую въ 1791 и въ началѣ 1792 г., между его партіей и партіей Монморена, Дельсара, Нарбонна, Лафайета; онъ указываетъ, что это поведеніе должно его избавить отъ отвѣта на упреки, которые ему дѣлають относительно его поведенія послѣ 10 августа; онъ полагаетъ, что его не слѣдуетъ подозрѣвать въ томъ, будто онъ, какъ его въ томъ обвиняють, измѣнилъ свои принципы, чтобы образовать новую коалицію на развалинахъ той, которая была разрушена народнымъ возстаніемъ. „Дѣйствительно, — говоритъ онъ, — я имѣлъ право уважать Ролана; убѣжденія свободны, и я участвовалъ въ этомъ преступленіи вмѣстѣ съ частью Франціи. Я утверждаю, что былъ у него на обѣдахъ только пять или шесть разъ, и это не доказываетъ никакой коалиціи“. Онъ отрицалъ даже, будто онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Бриссо и Жансонне. На упрекъ въ томъ, что онъ оказалъ упорное сопротивленіе предложенію о низверженіи короля, когда это можно было декретировать, онъ отвѣчаетъ:

„25 іюля одинъ депутатъ, увлеченный своимъ патриотизмомъ, потребовалъ, чтобы докладъ о низверженіи былъ представленъ на слѣдующій день. Общественное мнѣніе не было еще подготовлено къ этому. Что же я сдѣлалъ? Я старался отсрочить, а не устранить эту мѣру, которая была желательна и мнѣ, но сдѣлалъ я это для того, чтобы имѣть время подготовить къ ней умы.

„Свидѣтель, — прибавилъ Верньо, — говорилъ также объ отвѣтѣ, который я далъ тирану 18 апрѣля и о покровительствѣ, которое я ему оказалъ. Я уже отвѣтилъ на это обвиненіе, и удивительно, конечно, что мнѣ хотять вмѣнить въ вину этотъ отвѣтъ, между тѣмъ какъ сама Ассамблея не порпцала его.

„Свидѣтель обвинялъ насъ въ желаніи распустить и оклеветать парижскій муниципалитетъ. Пусть обратятся къ газетамъ и убѣдятся, клеветалъ ли я на него хоть одинъ разъ.

„Вотъ, что я могу отвѣтить на показаніе гражданина Гебера“. Какъ жалко, что изъ-за мнимой *raison d'Etat* такъ изуродо-

вали защиту Верньо!.. Въ приведенныхъ нами отрывкахъ ему все же приписываютъ слова, соотвѣтствующія его характеру и истинѣ. Но вѣроломство составителя отчета проявляется въ томъ, какъ онъ передаетъ отвѣтъ, сдѣланный Верньо на обвиненіе, будто послѣ 31 мая онъ обратился къ бордосскимъ якобинцамъ съ настоящими воззваніями къ гражданской войнѣ. Извѣстно, что Верньо, подобно Робеспьеру, до конца остался вѣрнымъ до формализма законамъ; и въ его письмахъ къ бордосцамъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Его патриотизмъ порицалъ возстаніе провинціи противъ Парижа. Чтобы погубить его, надо было написать ему слѣдующій двусмысленный отвѣтъ:

„Граждане присяжные! Вамъ прочли копія съ двухъ писемъ, которыя отчаяніе и скорбь побудили меня писать въ Бордо. Я бы могъ отрицать эти письма, такъ какъ не представляють ихъ подлинника; но я признаю ихъ, потому что они дѣйствительно принадлежать мнѣ. Съ того времени, какъ я нахожусь въ Парижѣ, до мая мѣсяца я написалъ только два письма въ мой департаментъ. Граждане, будь я заговорщикомъ, ограничился ли бы я письмами въ Бордо и не попытался ли бы я поднять другіе департаменты? И если бы я вамъ напомнилъ мотивы, заставившіе меня писать въ этомъ случаѣ въ Бордо, то я, быть можетъ, показался бы вамъ болѣе достойнымъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія“.

Нѣтъ, Верньо не могъ принять сокрушеннаго вида человѣка провинившагося и уличеннаго. Онъ не доставилъ этого удовольствія своимъ врагамъ и не причинилъ такого вреда своему дѣлу. Доказательствомъ этого служитъ то, что нѣсколько часовъ спустя, когда опять зашелъ вопросъ о его перепискѣ съ Бордо, онъ гордо отвѣтилъ: „Со времени моего ареста я нѣсколько разъ писалъ въ Бордо. Сказать, что я въ этихъ письмахъ восхвалялъ день 31 мая, было бы подлостью, и я не сдѣлаю этого, чтобы спасти свою жизнь. Я не желалъ вызвать въ моемъ краѣ возстаніе въ свою пользу; я не пожертвовалъ своей личностью“. Вотъ истинный Верньо: навѣты отчета не могутъ вполне обезобразить его.

Но онъ не могъ произнести длинной апологіи, которую онъ приготовилъ, и намъ осталась лишь наброски этой защитительной рѣчи, которая, если бы онъ могъ сказать ее, не спасла бы, конечно, его головы, но которая очищаетъ его память отъ упрековъ, заслуженныхъ другими жирондистами. Если Бюзо и Гюаде предпочли какъ будто интересы своей мести благу республи-

ки, то Верньо оставался всегда, даже при горестяхъ и искушеніяхъ пезаслуженнаго заточенія, прекраснымъ патріотомъ, говорившимъ монтаньярамъ: „толкните насъ въ пропасть и спасите отечество“. Онъ со скорбью узналъ о попыткахъ вызвать гражданскую войну, сдѣланныхъ его бывшими друзьями. Онъ съ болью въ душѣ присутствовалъ при томъ, какъ тѣнь позора ложится на всю жирондистскую партію. Жирондисты дѣйствуютъ за-одно съ роялистами и непріятелемъ! Онъ не могъ перенести этого позора, и онъ съ благородствомъ говоритъ: „Спасите меня отъ пятна Вапден!“ Этотъ ораторъ, политическое поведение котораго было нѣсколько неустойчивымъ, который имѣлъ слишкомъ возвышенный идеаль и былъ проникнутъ отвращеніями утонченнаго мечтателя, почувствовалъ себя въ своей тюрьмѣ освобожденнымъ отъ уродствъ дѣйствительности, отдѣленнымъ отъ отвратительнаго зрѣлища людей и ихъ дѣлъ, и онъ смогъ осуществить въ своей душѣ свою мечту,—утолить въ несчастіи свою жажду героизма и умереть республиканцемъ и философомъ *).

VII.

Ораторскій методъ Верньо.

Мы знаемъ теперь главныя черты ораторской карьеры Верньо**). Намъ остается говорить о его методѣ и его стилѣ.

Но, раньше всего, импровизировалъ ли онъ?

Какъ адвокатъ, онъ писалъ и читалъ свои защитительныя рѣчи; это извѣстно. Онъ, впрочемъ, слѣдовалъ въ данномъ случаѣ обычаю бордосскихъ адвокатовъ ***).

На трибунѣ онъ не читалъ. Но говорилъ ли онъ заученное? Представляя намъ его, г-жа Роланъ говоритъ о его подготовленныхъ рѣчахъ и замѣчаетъ, что онъ не импровизировалъ, какъ Гюаде. Однако, 16 мая 1792 г. онъ го-

*) Мишле говорить, что общественное мнѣніе отнеслось равнодушно къ участи жирондистовъ. Но этому противорѣчатъ письма Паша къ Генрію, доказывающія, что Гора и Коммуна очень опасались волненій и что были приняты всевозможныя мѣры для ихъ предупрежденія.

**) Я забылъ сказать, что онъ былъ членомъ Якобинскаго клуба, предсѣдательствовалъ тамъ втеченіе первой половины апрѣля 1792 г. и нѣсколько разъ бралъ слово въ маѣ того же года.

***) Chauvo!, Le bagreau de Bordeaux, стр. 592.

говорилъ безъ подготовки о неприсягнувшихъ священникахъ и, внося по этому поводу предложеніе, самъ же на трибунѣ указалъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ на обсужденіе неожиданно и что онъ не могъ поэтому хорошенько обсудить его и подготовить свою рѣчь. Его длинная рѣчь, которую онъ произнесъ 31 декабря 1792 г. относительно апелляціи къ народу, произвела на современниковъ впечатлѣніе импровизированнаго краснорѣчія. Когда же, 31 марта 1793 г., Конвентъ постановилъ напечатать его рѣчь, и монтаньяры Тюрю и Тальенъ, боясь, чтобы онъ не смягчилъ болѣе рѣзкихъ и наиболѣе компрометирующихъ Жиронду выраженій, потребовали, чтобы онъ передалъ въ бюро рукопись, то Верньо признался, что таковой у него нѣтъ, и попросилъ поэтому отмѣнить сдѣланное Конвентомъ постановленіе. Наконецъ, его длинный отвѣтъ Робеспьеру (10 апрѣля 1793 г.) сдѣланный имъ тотчасъ же послѣ обвинительной рѣчи послѣдняго, считается обыкновенно импровизаціей.

Трудно, однако, рѣшиться назвать Верньо импровизаторомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Онъ, конечно, произнесъ экспромтомъ много небольшихъ рѣчей, необходимость которыхъ онъ не могъ предвидѣть, какъ, напр., тѣ, которыя ему были внушены событіями 31 мая. Но можно ли предположить, что онъ импровизировалъ такимъ же образомъ столь методичныя, столь связныя, столь соразмѣрныя разсужденія, составляющія сущность его рѣчей объ апелляціи къ народу, о днѣ 10 марта, объ обвиненіяхъ Робеспьера? Безъ сомнѣнія, онъ не могъ, 13 марта 1793 г., передать въ бюро Конвента своей рукописи; но за два дня до этого, Комитетъ Валазе поручилъ ему взять по этому поводу слово отъ имени жирондистовъ. Онъ, слѣдовательно, имѣлъ время подготовиться. Рѣчь объ апелляціи къ народу была, быть можетъ, произнесена безъ помощи рукописи; но если есть сюжетъ, который Верньо имѣлъ досугъ обдумать, то это процессъ Людовика XVI. Онъ не могъ предвидѣть, что въ такой то день ему придется отвѣтить Робеспьеру; но обвиненіе чувствовалось, такъ сказать, въ воздухѣ; онъ могъ уловить его во всѣхъ монтаньярскихъ органахъ. Его апологія сама собою сложилась въ его головѣ; рѣчь его была готова; оставалось только приноровить ее къ обстоятельствамъ, которыя заставляютъ его произнести ее, что, впрочемъ, прекрасно удалось ему.

Свои длинныя рѣчи онъ импровизировалъ лишь наполовину. Онъ подготовлялъ ихъ и говорилъ обыкновенно по замѣткамъ.

Оставшаяся отъ него рукопись его защитительной рѣчи показываетъ намъ, каковъ былъ характеръ этихъ замѣтокъ. Остовъ рѣчи набросанъ въ ней очень рельефно и сдѣлано это по солидному, ясному, классическому плану. Все сводится въ ней къ пяти или шести главнымъ идеямъ, какъ въ духовной риторикѣ. Видно, что первой заботой оратора было расположить по отдѣльнымъ параграфамъ главные пункты своей аргументаціи. Такъ, въ его защитительной рѣчи имѣются пять пунктовъ и перечисленіе ихъ, которое онъ не преминулъ бы преподнести слушателю: 1) р о я л и з м ъ; 2) ф е д е р а л и з м ъ; 3) г р а ж д а н с к а я в о й н а; 4) в н ѣ ш н я я в о й н а; 5) ф р а к ц і я. И каждый изъ этихъ отдѣловъ будетъ имѣть извѣстное число подраздѣленій. Такъ, первый пунктъ, р о я л и з м ъ, заключаетъ шестнадцать параграфовъ, а именно—девять аргументовъ и семь возраженій съ отвѣтами. Мало цѣлыхъ фразъ, а все лишь общія указанія, которыя легко понять съ перваго взгляда и которыя будутъ направлять память оратора или присутствіе которыхъ будетъ ободрять его почти безъ того, чтобы онъ имѣлъ падобность заглядывать въ свою рукопись.

Верно, слѣдовательно, виходилъ на трибуну съ писаннымъ планомъ, ясно раздѣленнымъ на параграфы и въ которомъ аргументы были распределены со строгой послѣдовательностью: раньше общій порядокъ рѣчи, затѣмъ группы идей, потомъ отдѣльныя идеи и, наконецъ, сложные и простые факты, на которыхъ зиждется аргументація. Можно было бы сказать, что это—сложная столярная работа, въ которой имѣются пять или шесть ящичковъ, открывающихся другъ за другомъ и заключающихъ другіе ящички, въ которыхъ, когда ихъ открываютъ, находятъ еще меньшіе ящички, заключающіе, въ свою очередь, совсѣмъ маленькіе. И лишь въ этихъ послѣднихъ рабочій помѣстилъ факты, тѣ факты, которые, въ современномъ краснорѣчій выступаютъ на первомъ планѣ и которымъ въ ту пору лишь одинъ Дантонъ отводилъ почетное мѣсто.

При помощи этой сложной машины, но которой онъ умѣетъ управлять. Верно не боится сбиться съ пути: ему надо только дотрогиваться въ опредѣленномъ порядкѣ до различныхъ пружинокъ, и другъ за другомъ открываются и закрываются ящички, изъ которыхъ въ строгомъ порядкѣ выходитъ вся аргументація. Ораторъ можетъ быть увѣренъ, что ничего не забудетъ, ничего не перепутаетъ, приведетъ каждый аргументъ на своемъ мѣстѣ. Его умъ снокоешъ насчетъ порядка рѣчи, и все его воображе-

ніе можетъ спокойно отдаться той роли, которую онъ ему предназначилъ.

Роль же заключается, собственно, въ выборѣ и расположеніи словъ, и здѣсь Верньо больше импровизируетъ, здѣсь онъ зависить отъ условій, отъ случайности, отъ своего настроенія. Теперь надо облачить въ опредѣленную форму свои аргументы, находящіеся на бумагѣ въ голомъ видѣ и набросанные лишь въ общихъ чертахъ. Тутъ то Верньо прислушивается къ своему внутреннему генію и пользуется своими замѣчательными способностями. Если планъ сдѣланъ заранѣе, то стиль и дѣйствіе отчасти импровизированы, и такъ какъ ораторъ проявляется цѣликомъ только на трибунѣ, то это второе дѣйствіе оказывается болѣе удачнымъ, чѣмъ первое; выполненіе лучше, чѣмъ матеріаль, и въ драпировкѣ имѣется куда больше искусства, чѣмъ въ самомъ остовѣ рѣчи.

Но Верньо, какъ ловкій игрокъ, недовѣряющій своей судьбѣ, сокращаетъ еще и эту, предоставленную случайности, часть. Нѣкоторыя украшенія начертаны имъ заранѣе и остается лишь кой въ чемъ дополнить ихъ. Такъ, его сравненія, почерпнутыя изъ древней исторіи и кажушіяся внушенными ему въ самомъ разгарѣ рѣчи, въ дѣйствительности никогда не являются для него неожиданными: онъ ихъ предвидѣлъ, рассчиталъ ихъ число и опредѣлилъ ихъ мѣсто. Его защитительная рѣчь должна была заключать четыре такихъ сравненія. 1) Въ первой части: „по поводу упрека Бильо-Варенна, что я голосовалъ и за апелляцію къ народу и за смерть, см. исторію сестры Калигулы“. Верньо желаетъ сказать: „вы заставили меня вотировать за смерть короля и вы упрекаете меня за это голосованіе; вы поступаете, какъ Калигула, который, развративъ раньше своихъ сестеръ, изгналъ ихъ затѣмъ за прелюбодѣяніе“ *). 2) Въ третьей части: онъ желаетъ сказать, что сможетъ страдать за свои убѣжденія, и прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе, которое надо будетъ развитъ: „подайте мнѣ жаровню Сцеволы“. 3) Нѣсколько дальше онъ пишетъ имена Рутілія и Аристиды, которые были изгнаны за свою добродѣтель, какъ Верньо будетъ гильотинированъ за свою любовь къ справедливости. Но онъ замѣчаетъ, что изгнаніе въ Смирну о. Rutilius Rufus'a не достаточно извѣстно публикѣ и онъ замѣняетъ это имя именемъ Ѳемистокла. 4) Наконецъ, въ пятой части, въ подтвержденіе той мысли, что не надо предпочи-

*) Suetone Caligula, т. XXIV.

тать свою популярность истинѣ, онѣ намѣревался указать на великихъ людей древности, павшихъ жертвами своей прямоты.

Приблизительно такимъ же образомъ Верньо располагаетъ примѣры изъ древняго міра и въ другихъ своихъ рѣчахъ. Они являются у него какъ бы резюме всей его аргументаціи, и онѣ предпочтительно украшаетъ ими наиболѣе блестящія мѣста своей рѣчи. Цѣль его—оставить въ памяти слушателя эlegantную и классическую формулу, которой бы онѣ не забылъ и которая обезпечила бы долгую жизнь заключающейся въ ней мысли. Это ему вполне удалось въ оставшемся популярномъ сравненіи революціи съ Сатурномъ. Но онѣ менѣе удаченъ въ другихъ сравненіяхъ, являющихся обдуманнѣми и обработанными украшеніями.

Если онѣ беретъ также въ примѣръ Кромвеля, нѣсколькихъ современныхъ ораторовъ и Мирабо, которому онѣ подражаетъ и котораго онѣ нѣсколько разъ цитируетъ, то охотнѣе всего онѣ все же обращается къ древнимъ ораторамъ, къ Демосену. Надо все же быть признательнымъ Верньо, что онѣ не пользовался въ еще большей степени этими, бывшими тогда столь въ модѣ, украшеніями. Его, если правильно разсудить, можно даже причислить къ тѣмъ, которые на трибунѣ наименѣе злоупотребляли Греціей и Римомъ. Но какъ онѣ далекъ въ этомъ отношеніи отъ скромности его противника, Дантона! Кордельевскій ораторъ наталкивается на классическіе примѣры, между тѣмъ какъ жирондистскій ораторъ ищетъ ихъ. Первый приводитъ греческія или римскія имена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ рѣчей, потому что такъ обыкновенно выражаются его современники, потому что этотъ педантизмъ является своей рода манерой быть болѣе яснымъ; второй же нарочно прибавляетъ старательно подобранное античное украшеніе. Это напоминаетъ нѣсколько искусственный приѣмъ Андре Шенье въ его прозаическихъ произведеніяхъ. Но въ этомъ нѣтъ непосредственности и богатства Камилла Демулена, сумѣвшаго своимъ талантомъ оживить эти поблекшіе цвѣты, усыпать ими, не надѣдая, весь свой стиль и сдѣлать пріятными даже для насъ столькихъ Брутовъ, Фемистокловъ, Публиколовъ, Нероновъ, столь докучливыхъ у другихъ.

Проза Верньо лишена этой вдохновенности и этой естественности. Все въ ней рассчитано, чтобы волновать по правиламъ и нравиться *de la bonne façon*, т.-е. по методу античныхъ ораторовъ и великихъ французскихъ проповѣдниковъ. Благородство

и величіе, вотъ два качества къ которымъ стремится Верньо и которыхъ онъ большею частью достигаетъ. Онъ отличается своимъ умѣньемъ возвышать дебаты надъ мелочами и уродствами дѣйствительности. Онъ уноситъ умы въ надземныя пространства, гдѣ обыкновенно витають его мечта; его рѣчь—это возвышенныя или тонкія мысли, гармоничные періоды, красивыя слова и красивые звуки, пріятные слуху и уму, только что оскорбленнымъ грубыми криками трибунъ или многословными изліяніями бездарныхъ ораторовъ. Верньо умѣло устраняетъ все, что, въ вещахъ, о которыхъ онъ говоритъ, можетъ оставить мрачное, тривіальное или гадкое впечатлѣніе. Его талантъ не допускаетъ никакой мысли, которая бы не была красива или возвышенна, никакой формы, которая бы не была изящна или великолѣпна, и въ этомъ отношеніи искусство его находится въ согласіи съ его думой.

Но если идеи его кажутся возвышенными, то онъ слишкомъ часто туманны и отвлеченны, и если слова его часто благородны то они рѣдко точны и вѣрны. Онъ называетъ вещи самыми общими терминами и обозначаетъ приличными перефразами людей и дѣяній, которые кажутся ему недостойными фигурировать безъ прикрасъ въ его слишкомъ красивой ораторской прозѣ. Долженъ ли онъ пресизировать техническую деталь? Его изысканность боится этого, и въ рѣчи, на примѣръ, о продовольственномъ вопросѣ (17 апрѣля 1793 г.) онъ принимаетъ почти наивныя предосторожности, когда говоритъ о необходимости сократить потребленіе говядины. „Другая мѣра,—говоритъ онъ,—которую я желаю вамъ предложить, покажется вамъ, быть можетъ, смѣшной на первый взглядъ“... Какой могущественной должна была еще быть тиранія классическаго вкуса, если такой великій человѣкъ и при такихъ великихъ обстоятельствахъ, въ апрѣль 1793 г., боялся еще показаться смѣшнымъ въ литературномъ отношеніи!

Марать, хотя и тонкій знатокъ въ области стилия, былъ, конечно, несправедливъ, когда, 13 марта 1793 г., онъ на трибунѣ назвалъ краснорѣчіе Верньо тщетнымъ фиглярствомъ. Но былъ ли онъ вполнѣ неправъ, когда онъ подсмѣивался надъ „цвѣтистыми рѣчами“ и „паразитскими фразами“ своего противника? Не слишкомъ ли много цвѣтовъ и прикрасъ въ рѣчи, произнесенной имъ 3 іюля 1792 г.? И повсюду не слишкомъ ли много эпитетовъ, синонимовъ и словъ, помѣщенныхъ скорѣе для того, чтобы дополнить звукъ, чѣмъ мысль? За исключеніемъ

тѣхъ мѣсть, гдѣ въ своемъ возмущеніи онъ забываетъ искусство, Верньо рѣдко сразу же находитъ должное выраженіе. Онъ накапливаетъ термины и, такимъ образомъ, приближается къ ясности, даетъ иллюзію ея и въ большей степени прельщаетъ своего слушателя, чѣмъ просвѣщаетъ и убѣждаетъ его.

Это—недостатокъ его метода. Замѣтки его, если судить по тѣмъ, которыя онъ сдѣлалъ для защитительной рѣчи, настолько полны, что доля, предоставленная импровизаціи, поистинѣ, слишкомъ мала. Писатель, намѣтивъ предварительно рѣчь на бумагѣ съ такими подробностями, оставилъ импровизатору только располагать и округлять не то что фразы, а лишь слова. Форма, впрочемъ, настолько важна въ искусствѣ краснорѣчія, что иногда эта работа является наиболѣе существенной. Но слишкомъ часто его строгіи планъ мѣшаетъ ему импровизировать мысли, и онъ можетъ упражнять свое воображеніе только въ безплодномъ многословіи; тогда онъ тянетъ безъ конца и безъ пользы свой періодъ, слишкомъ обремененный ненужными, иногда неподходящими, часто напыщенными словами, между тѣмъ, какъ мысль не прогрессируетъ ни на одинъ шагъ; тогда онъ, при всей своей искренности, является риторомъ, и Марать имѣетъ право подсмѣиваться.

Онъ, однако, рѣдко кажется вполне декламаторомъ. Читая его, сомнѣваешься часто относительно чувства, которое испытываешь. Не одинъ отрывокъ изъ Верньо, и даже среди наиболѣе знаменитыхъ, кажется одинаково далекимъ и отъ краснорѣчія и отъ скверной риторики, какъ, напр., обращеніе его къ эмигрантамъ въ рѣчи 25 октября 1791 г. Онъ злоупотребляетъ также выраженіями, которыя нельзя ни изгнать, ни хвалить; онъ охотно говоритъ: „откройте исторію міра“... Онъ любитъ эти слишкомъ обыденныя и слишкомъ туманныя метафоры. По правдѣ сказать, его нѣсколько пространныя сравненія рѣдко справедливы во всѣхъ своихъ частяхъ. Я не забываю, что онъ такъ удачно сравнилъ безпокойство, причиняемое эмигрантами націи, съ безпрестаннымъ жужжаніемъ насѣкомыхъ, жаждущихъ ея крови. Но это лишь исключеніе; слишкомъ часто онъ вноситъ въ свои сравненія столько же неточности, сколько благородства. И это одинъ изъ недостатковъ Верньо.

Но риторическія фигуры, любимыя Верньо, не всегда неприятны. Есть среди нихъ одна, которая постоянно повторяется въ его рѣчахъ, къ которой онъ неизмѣнно прибѣгаетъ каждый

разъ, когда желаетъ нанести рѣшительный ударъ, и которая, какъ ни очевидна ея искусственность, производитъ даже на насъ самое сильное впечатлѣніе. Я имѣю въ виду повтореніе, которымъ онъ любилъ пользоваться уже въ бытность свою адвокатомъ и которое должно было играть большую роль и въ подготовленной имъ защитительной рѣчи для суда. Нѣтъ ничего болѣе блестящаго и болѣе сильнаго, чѣмъ этотъ пріемъ, когда онъ имъ пользуется. Нѣтъ также ничего болѣе рассчитаннаго и въ чемъ бы въ меньшей степени чувствовалась рассчитанность, чѣтъ этомъ припѣвъ, повторяемый въ началѣ или въ концѣ десятка то ироническихъ, то полныхъ негодованія разсужденій, какъ когда, 10 апрѣля 1793 г., онъ повторяетъ каждое обвиненіе Робеспьера, каждый разъ все усиливая свой гнѣвъ и свое презрѣніе. „Мы — умѣренны е!“.. Это восклицаніе каждый разъ все съ большей силой и все съ большей высоты опускается на клевету, превращая ее въ пыль. Другое повтореніе, вызвавшее горячій энтузіазмъ, это то, которое онъ употребилъ 17 сентября 1792 г., когда онъ три раза воскликнулъ: „Да погибнетъ Національное Собраніе и память о немъ“... и сдѣлалъ три гипотезы, при которыхъ эта жертва могла бы спасти отечество. Читатель вспомнить, что всѣ делегаты поднялись при этомъ со своихъ мѣстъ и повторили восклицаніе Верньо. Но съ наибольшимъ искусствомъ эта фигура употреблена въ длинной рѣчи 3 іюля 1793 г. Вспомните эту стрѣлу, — „Это во имя короля,“ — пущенную столько разъ въ маску Людовика XVI, которую она разбиваетъ и сбрасываетъ. И что сказать объ этой грозной ироніи, повторяющейся четыре раза подрядъ и четыре раза покрывающей Людовика XVI позоромъ: „Нельзя думать, не нанося ему оскорбленія“... что онъ поступаетъ такъ, какъ онъ поступаетъ въ дѣйствительности? Подобные пріемы вносили ужасъ въ Тюльерійскій дворецъ и наполняли гнѣвомъ сердца патріотовъ. И въ этомъ надо видѣть нѣчто иное, чѣмъ расчетъ риторы: это внушено ему чувствомъ, а у Верньо наиболѣе страстные порывы выливались въ сложной формѣ.

Эти повторенія присущи, дѣйствительно, не только его подготовленнымъ рѣчамъ; они, съ той же симметрией и въ той же градации, находятся также въ его импровизаціяхъ. Такъ, 6 мая 1793 г., Маратъ возсталъ противъ того, чтобы были оказаны почести засѣданія петиціонерамъ изъ секціи Bonconseil, пришедшимъ жаловаться на анархію. Верньо отвѣтилъ экспромтомъ:

„Я согласенъ, граждане, что когда люди говорятъ объ ува-

женіи къ національному Конвенту, то тѣ, которые постоянно стараются унижать его, должны называть ихъ интриганами. Я согласенъ, что когда люди говорятъ объ обезпеченіи личной безопасности, то тѣ, которые призываютъ постоянно къ убійству, должны называть ихъ интриганами. Я согласенъ, что, когда люди говорятъ о сохраненіи собственности, то тѣ, которые возбуждаютъ постоянно къ грабежу, должны называть ихъ интриганами. Я согласенъ, что когда люди говорятъ о подчиненіи законамъ, то тѣ, которые желаютъ лишь анархіи, должны называть ихъ интриганами. Я согласенъ, что когда люди приходятъ сюда принести присяги, отъ выполненія которыхъ зависить счастье народа, то тѣ, которые желаютъ лишь продлить нищету его, должны называть ихъ интриганами“.

Изъ этихъ примѣровъ можно заключить, что мысли возникли у Верньо въ формѣ фигуръ и что среди этихъ фигуръ повтореніе наиболѣе соотвѣтствовало характеру его ума. Никакой ораторъ періода революціи не пользовался имъ такъ широко. Въ этомъ приѣмѣ ему подобало и нравилось то, что онъ облегчалъ восходящую градацію чувствъ и словъ: ораторъ, послѣдовательными прыжками, могъ подыматься, такимъ образомъ, все выше и парить, наконецъ, въ облакахъ, не потерявъ, какъ будто, почвы подъ ногами. За этими повторными восклицаніями слѣдовало широкое, блестящее, гармоничное разсужденіе, въ которое онъ вкладывалъ свои самыя благородныя абстракціи и самую нѣжную музыку.

Наконецъ, если прослѣдить его рѣчи, начиная съ 5 октября 1791 г. до 31 мая 1793 г., то въ нихъ всегда находятъ тотъ же методъ, но пользуется онъ имъ не съ одинаковымъ успѣхомъ. Между тѣмъ какъ другіе, какъ Иснаръ, наур., идутъ на убыль и не могутъ удержаться на уровнѣ слишкомъ удачнаго дебюта, Верньо, наоборотъ, не перестаетъ совершенствоваться и расти. 3 іюля 1792 г. онъ лучше, чѣмъ былъ за восемь мѣсяцевъ до этого въ своей рѣчи объ эмигрантахъ, и его послѣдняя рѣчь, его отвѣтъ Робеспьеру (10 апрѣля 1793 г.) превосходитъ всѣ остальные. Читеніе же замѣтокъ даетъ намъ право предположить, что въ революціонномъ трибуналѣ онъ бы превзошелъ самого себя. Дѣло въ томъ, что обстоятельства все больше и больше вытѣсняли въ немъ адвоката. Вначалѣ онъ защищалъ дѣло, которое онъ надѣялся выиграть, и онъ защищалъ его со всею искусственностью, которая доставила ему его адвокатскіе успѣхи. Скоро онъ перестаетъ надѣяться выиграть благородное

и несбыточное дѣло Жиронды, и тогда, въ этихъ защитительныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ безъ вѣры, появляются болѣе естественные порывы, истинная скорбь, прекрасные возгласы гордости. Онъ, наконецъ, отказывается отъ роли защитника. не дѣлаетъ даже вида, что борется ради побѣды; съ высоты трибуны онъ обращается къ потомству, срываетъ маску со своихъ противниковъ и показываетъ всю свою душу. Тогда цѣликомъ обнаруживаются его стоическая преданность отечеству, его великая и свѣтлая доброта, чистота его души, сила его гевія, который освобождается отъ путъ партійной дисциплины. Тогда Верньо больше не жирондистъ: его не волнуетъ никакая ненависть; онъ больше и не членъ Конвента: никакое голосованіе не можетъ санкціонировать его краснорѣчія. Обращаясь къ приближавшемуся вѣку, онъ это намъ говорить и для насъ же изливаетъ всю поэзію своей души, воспѣвая свои погибшія мечты и свое горячее желаніе умереть за революцію. И въ эти моменты онъ больше всего является ораторомъ, потому что онъ говоритъ только о себѣ; какъ то случилось съ Мирабо, какъ то случается со всѣми ораторами, его собственное „я“ внушило Верньо его самое прекрасное краснорѣчіе.

Итакъ, если риторство все болѣе и болѣе исчезаетъ у него, то это потому, что обстоятельства заставляли его становиться все болѣе и болѣе самымъ собою и совершенно освободиться отъ своей партіи и даже отрѣшиться отъ своего времени. Но, повторяю, методъ его не мѣняется вмѣстѣ съ его вдохновеніемъ. Даже въ его столь полныхъ жизни письмахъ, которыя онъ писалъ Конвенту изъ своего заключенія, имѣется тотъ же порядокъ идей, тотъ же выборъ украшеній, тѣ же приемы стиля. Безъ сомнѣнія, что риторика эта объясняется у него не столько пройденной имъ школой, сколько его характеромъ, и въ этомъ кроется та черта, которая такъ рѣзко отличаетъ его отъ его соперниковъ по краснорѣчію: самые искренніе порывы его выражаются въ столь же искусственныхъ формахъ, какъ его мысли партійнаго человѣка или адвоката. Но эти формы намъ нравятся, когда Верньо находится во власти сильнаго чувства, и онѣ насъ утомляютъ и докучаютъ намъ, когда онъ защищаетъ безъ страсти.

Въ его манерѣ говорить было, вѣроятно, столько же искусства, сколько въ его стилѣ. Касаясь его внѣшняго вида, мы сказали почти все, что извѣстно въ этомъ отношеніи. Боденъ (изъ Арденновъ) говоритъ въ своей рѣчи въ память жиронди-

стовъ, что онъ очаровывалъ слушателя, и прибавляетъ: „Его жесты, его декламація, все дѣлало его увлекательнымъ“. Мы не знаемъ ничего больше, и лишь по догадкѣ можемъ сказать, что манеры его были одновременно искусными и естественными. Несомнѣнно то, что онъ увлекали аудиторію и что онъ должны были быть въ полной гармоніи съ его стилемъ и мыслью, чтобы производить тѣ эффекты, которые отмѣчаютъ газеты. „Когда онъ всходилъ на трибуну,—говоритъ одинъ изъ его коллегъ,—то сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе; всѣ партіи слушали его, и даже наибольшіе любители разговоровъ невольно поддавались магическому обаянію его голоса“ *). И наименѣе чувствительными къ этимъ пѣснямъ сирены, дававшимъ душамъ отдыхъ отъ тревогъ борьбы, были не тѣ, которые заткнули себѣ уши, чтобы не слышать его, и закрыли ему ротъ, чтобы убить его.

Вотъ все, что мы знаемъ о краснорѣчій этого великаго оратора, и мы чувствуемъ всю недостаточность, всѣ пробѣлы набросаннаго нами портрета. Но исторія не оставила намъ иныхъ чертъ, тѣ же, которыя, сверхъ того, имѣются въ писаніяхъ Пюды и Ламартина были вымышлены этими двумя поэтами. И даже самъ великій Мишле уносится часто въ область мечтаній, когда онъ касается Верньо. Трудно говорить объ одномъ изъ жирондистовъ и забыть всѣ тѣ фантазіи, изъ которыхъ сплетена ихъ легенда. Удалось ли это намъ вполнѣ? Мы, во всякомъ случаѣ, предпочли быть неполными, чѣмъ сказать что-нибудь, что не было намъ внушено несомнѣннымъ документомъ. Но въ фізіономіи Верньо имѣется одна черта, съ которой мы неоднократно встрѣчались и которую лучше было оставить для заключенія настоящаго очерка, такъ какъ въ ней сказывается наиболѣе интимный, наиболѣе истинный Верньо. Его покровитель Дюпати сказалъ разъ: „гуманность это свѣтъ“ **). Гуманность была религіей Верньо, какъ она, безъ сомнѣнія, была религіей автора Донъ-Жуана. Его характерное слово это—гуманность. Оно безпрестанно повторяется въ его рѣчахъ. 6 октября 1792 г. онъ восхваляетъ Монтеस्कѣ за то, что тотъ положилъ въ основу завоеванія Савои „гуманность, безъ которой для людей нѣтъ иной свободы, кромѣ той, которой пользуются тигры въ лѣсахъ“. А 9 ноября онъ восклицаетъ: „воспѣвайте же, воспѣ-

*) Harmand (de la Meuse), *A n e c d o t e s*, стр. 82.

***) Vatel, I, стр. 184. См. также т. II, стр. 69, 72.

вайте побѣду, которая будетъ побѣдой челоуѣчества". Наконецъ, гуманностью проникнута почти вся его прекрасная реплика Робеспьеру. Тамъ именно имѣется то выраженіе, которое надо повторить, такъ какъ Верньо вложилъ въ него всю свою душу: „революцію старались завершить терроромъ; я бы желалъ завершить ее любовью“.

VIII.

Гюаде.

I.

Наиболѣе замѣчательнымъ ораторомъ Жиронды послѣ Верньо былъ, конечно, Гюаде. Можно сказать, что если Верньо былъ Мирабо Законодательнаго Собранія, то Гюаде былъ его Барнавомъ. Но между ними не было ни личной ненависти, ни какого-либо соперничества, хотя они и очень отличались другъ отъ друга и по характеру и по таланту.

Дѣйствительно, если оба они проявляли страстную любовь къ трибунѣ, то на этомъ кончается ихъ сходство. У Гюаде не было и капли мечтательной безпечности Верньо: онъ умѣлъ дѣйствовать. Послѣдній парилъ слишкомъ высоко, чтобы ненавидѣть людей и раздражаться ихъ поступками; первый же прекрасно чувствовалъ себя въ жизненной свалкѣ и мысль его не подымалась выше окружающей дѣйствительности; онъ былъ агрессивнымъ, запальчивымъ, гнѣвнымъ, искренне ненавидѣлъ своихъ противниковъ и старался причинить имъ возможно больше зла; вмѣстѣ съ Бриссо онъ былъ наиболѣе ненавидимымъ изъ жирондистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считался и наиболѣе опаснымъ.

Онъ и лицомъ не походилъ на Верньо. Одинъ портретъ юности представляетъ намъ его веселымъ, смѣющимся, полу-лукавымъ, съ тонкимъ, умнымъ ротомъ, высокимъ лбомъ и очень живыми глазами.

Маргерить-Эли Гюаде родился въ 1755 г., въ Сентъ-Эмильонѣ, — маленькомъ городѣ, въ которомъ, вмѣстѣ съ среднеувковымъ муниципальнымъ духомъ, сохранились вѣчевыя привычки и извѣстнаго рода автономія. Можно было бы сказать, что это была парламентская и аристократическая республика въ миниатюрѣ *) Семья Гюаде была одной изъ тѣхъ, въ которыхъ представитель-

*) J. Guadet, Histoire de Saint-Emilion, pass.

ныя функціи казались наслѣдственными: дѣдушка и отецъ его втеченіе многихъ лѣтъ были мэрами этого города. Строгимъ и ревнивымъ охранителямъ коммунальныхъ правъ и прерогативъ, имъ неоднократно приходилось отстаивать ихъ отъ претензій и покушеній мѣстнаго дворянства и духовенства, и они это дѣлали съ энергіей *).

Гюаде вышелъ, слѣдовательно, изъ среды, въ которой полуполитическое краснорѣчіе играло свою роль и имѣло свою цѣну. До пятнадцати лѣтъ онъ оставался въ родительскомъ домѣ, повинуваясь строгой дисциплинѣ и беря уроки у одного духовнаго лица, друга семьи. Отецъ его не былъ очень состоятельнымъ, и обученіе Гюаде ограничилось бы, вѣроятно, этими уроками, если бы его не взяла къ себѣ и не усыновила наполовину одна вдова богатаго бордосскаго негоціанта, которая дала ему возможность поступить въ коллежъ, а затѣмъ кончить юридическій факультетъ въ Бордо.

Ему было двадцать лѣтъ, когда умерла его благодѣтельница. Она оставила ему 20.000 ливровъ, изъ-за которыхъ ему пришлось вести процессъ, кончившійся въ его пользу. Въ 1775 г. онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ Эли де-Бомона, адвоката при парламентѣ и друга Вольтера. Черезъ шесть лѣтъ онъ записался въ адвокаты при бордосскомъ парламентѣ. Приблизительно къ тому же времени онъ женился и былъ, по свѣдѣтельству г-жи Роланъ, „нѣжнымъ супругомъ и добрымъ отцомъ“.

Его дебюты, какъ адвоката, были еще болѣе блестящими, чѣмъ Верньо. Онъ сразу заявилъ себя очень дѣятельнымъ и уже тогда обнаружилъ нѣкоторыя изъ основныхъ чертъ своего краснорѣчія: сжатость, насмѣшливость, ясность **).

Онъ не занимался, какъ Верньо, Робеспьеръ и столько другихъ, литературой или стихотворствомъ, а политика, наоборотъ, его, видимо, интересовала и увлекала, и читалъ онъ въ своей молодости по преимуществу политическія сочиненія, какъ Общественный договоръ Жанъ-Жака Руссо и *Les provinciales* Паскаля. И, какъ только, при приближеніи революціи, политическая жизнь оживилась, онъ принялъ въ ней самое дѣятельное участіе. Въ 1787 г., по случаю избранія нотаблей, онъ вы-

*) J. Guadet, *Les Girondins*, т. I, стр. 27.

***) Мы пропускаемъ здѣсь детали объ адвокатской дѣятельности Гюаде въ Бордо.—Въ настоящей главѣ сдѣланы и другія сокращенія. — *Прим. перев.*

ступилъ во главѣ делегатовъ Сентъ-Эмильона. Черезъ два года онъ былъ однимъ изъ основателей и, вѣроятно, самымъ активнымъ членомъ Общества Друзей конституціи. Затѣмъ онъ былъ избранъ въ члены Генеральнаго департаментскаго совѣта и, наконецъ, 31 августа 1791 г., удостоился чести быть избраннымъ въ депутаты Законодательнаго Собранія отъ департамента Жиронды.

Онъ уѣхалъ изъ Бордо съ опредѣлившимся уже ораторскимъ талантомъ, со значительнымъ опытомъ въ дѣлахъ, но безъ точныхъ знаній въ области социальныхъ наукъ. Верньо говорилъ, при случаѣ, и о финансахъ; Гюаде же не поколебался заявить, что онъ никогда финансовымъ вопросомъ не занимался. Въ своей адвокатской практикѣ онъ научился рассчитывать, главнымъ образомъ, на язвительную и насмѣшливую логику. Все краснорѣчіе уже заключается для него въ остроуміи, которое вызываетъ смѣхъ аудиторіи и приводитъ въ замѣшательство противника. Онъ будетъ больше стремиться побѣждать людей, чѣмъ доставить торжество идеямъ.

Его холодные и оскорбительные сарказмы доставили ему репутацію человѣка неумолимаго. Но друзья его утверждали, что въ немъ билось до крайности чувствительное сердце. Его сухость была лишь виѣшной: въ немъ чувствовались огонь любви и жажда самопожертвованія, которыми горѣли всѣ герои революціи и которые и придавали жизнь его насмѣшкамъ.

Что касается его политическихъ и религіозныхъ идей, то мы говорили уже о нихъ, когда дали характеристику общей политики Жиронды. Мы видѣли его въ Бордо официальнымъ панегиристомъ официальной религіи, установленной Учредительнымъ Собраніемъ. Мы видѣли его въ Якобинскомъ клубѣ высмѣивающимъ мистическія изліянія Робеспьера, а въ Конвентѣ—говорящимъ о христіанствѣ со скрытымъ презрѣніемъ. Политика же его сливалась съ политикой Бриссо, но въ ней не было ничего демагогическаго ни по формѣ, ни по существу. Республиканецъ по инстинкту, онъ, какъ его друзья, старался сохранить возможно дольше конституціонныя фикціи. При приближеніи 10 августа, онъ устранился народной побѣды и не ограничился лишь тѣмъ, что подписалъ письмо къ Бозу, какъ Верньо и Жансонне. Онъ также видѣлся съ королемъ. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ его племянникъ со словъ самой г-жи Гюаде: „Несомнѣнно то,—говоритъ онъ,—что Людовикъ XVI пожелалъ видѣть Гюаде. Послѣдній отправился вечеромъ во дворець: его ввели въ комнату,

гдѣ находились только король и королева, принявшіе его очень привѣтливо. Король сказалъ Гюаде, что онъ имѣетъ къ нему довѣріе и желаетъ узнать его совѣты. Тотъ ихъ далъ, и они были, якобы, одобрены. Когда Гюаде захотѣлъ уйти, то королева спросила его, не желаетъ ли онъ видѣть дофина; и, взявъ сама подвѣчникъ, она повела депутата въ комнату, гдѣ спалъ юный наслѣдникъ. Гюаде питалъ большую симпатію къ дѣтямъ; онъ поцѣловалъ королевскаго сына и сказалъ его матери: „Это—прекрасное дитя; надо хорошо воспитать его“. — „Мы такъ и думаемъ сдѣлать, — отвѣтила королева“ *).

Пусть не смѣшатъ обвинить на этомъ основаніи Гюаде въ двуличіи или въ измѣнѣ по отношенію къ своей партіи. Послѣ того, какъ онъ далъ королю совѣты письменно, ему трудно было отказаться повторить ихъ въ личномъ разговорѣ. Но разсказу его племянника, можно догадаться, что онъ былъ вѣяливъ и холоденъ. Но королева сумѣла смягчить его своимъ неожиданнымъ материнскимъ поступкомъ, и онъ вышелъ изъ Тюльери не измѣнившимся, а тронутымъ; онъ не проникся большимъ уваженіемъ къ королю и не обратился въ монархическую вѣру; но, когда наступилъ трагическій часъ, ему показалось болѣе труднымъ погубить человѣка, сына котораго онъ цѣловалъ. Въ началѣ процесса короля онъ повторялъ своей женѣ: „Я сдѣлаю все, что сумѣю, чтобы спасти Людовика XVI. Если бы гуманность и не совѣтовала этого, то интересъ страны все же требовалъ бы этого. Онъ является послѣднимъ, защищающимъ насъ, оплотомъ; если падетъ его голова, то за ней послѣдуютъ и наши. Но для этого у насъ есть лишь одно средство,—апелляція къ народу. Если мы оправдаемъ его, то чернь удушитъ его подъ нашими газами. Если апелляція къ народу будетъ отвергнута, то,—прибавлялъ онъ,—мы погибнемъ вмѣстѣ съ нимъ“ **). Онъ, однако, высказался за смертную казнь, но голосовалъ за отсрочку, между тѣмъ, какъ Верньо вотировалъ противъ. Очевидно, что воспоминаніе о его визитѣ въ Тюльери мучило его совѣсть. И его вражда къ Горѣ лишь усилилась благодаря этому.

Эта проникнутая досадою вражда пришла на помощь Женскому злопамятству г-жи Роланъ и дала ей возможность помпировать, послѣ неудачнаго возстанія 10 марта 1793 г., примиренію между Жирондой и Дантономъ. Переговоры объ этомъ происходили въ

*) J. Guadet, Les Girondins, т. I, стр. 266.

***) J. Guadet, Les Girondins, т. II, стр. 93.

залъ Комитета общественной защиты, въ пятницу, 15 марта. Марать первый далъ подробности объ этихъ совѣщаніяхъ въ своей газетѣ, *Le publiciste de la République française* *). Онъ утверждаетъ, что Гюаде старался расположить Дантона крайней лестью. Принялъ ли Другъ народа учтивость Гюаде за лесть? Вѣрнѣе предположить, что онъ написалъ это слово, чтобы оскорбить чувствительное самолюбіе жирондиста и сдѣлать невозможнымъ нежелательное ему примиреніе. Дѣйствительно, принято считать, что не мало жирондистовъ согласились бы протянуть Дантону руку, если бы Гюаде не оказался несговорчивымъ. Сентябрьская кровь, на которую, какъ говорятъ, ссылались, была лишь поводомъ, маскировавшимъ глубоко вѣвную злобу, завистливое недовѣріе, личное соперничество. Мы уже сказали: Гюаде отъ души ненавидѣлъ своихъ противниковъ. Онъ заслужилъ упрекъ, который, по словамъ *Vailloul'a*, сдѣлалъ ему Дантонъ: „Гюаде, ты не умѣешь жертвовать своимъ мнѣніемъ ради отечества, ты не умѣешь прощать: ты самъ будешь жертвой своего упрямства“ **). Паганель драматизируетъ эту сцену: „Одна и другая сторона, — рассказываетъ онъ, — посылаетъ своихъ представителей для переговоровъ; они собираются. Дантонъ выражается какъ гражданинъ, какъ государственный дѣятель: „Королевская власть, жаждущая мести, — говоритъ онъ, — возродится изъ нашихъ раздоровъ. Питтъ и Конде слѣдятъ за нами“. Увлеченные его примѣромъ, всѣ готовы пойти на примиреніе. Одинъ Гюаде отвергаетъ его, тотъ Гюаде, который проявилъ нѣкоторый талантъ и сумѣлъ скрыть столько желчи, честолюбія, зависти. „Война, — восклицаетъ онъ, — и пусть одна изъ двухъ сторонъ погибнетъ!“ Онъ переубѣждаетъ своихъ коллегъ, охваченныхъ ужасомъ. Дантонъ хватаетъ его за руку и говоритъ ему сильнымъ, пророческимъ голосомъ: „Ты хочешь войны, — ты получишь смерть“ ***). Паганель расписываетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, на истинномъ фонѣ. Гюаде не понялъ, что его упрямство ставитъ въ опасность революцію. Въ этотъ день онъ оправдалъ упреки своихъ враговъ.

Не вся его политика была, однако, сплетена изъ злобы и гнѣва. Въ его краснорѣчьи имѣются и другіе элементы, — патриотизмъ, великодушіе, мужество, какъ мы то увидимъ при разсмотрѣніи его главныхъ рѣчей.

*) № 158. См. также *Vigé*, стр. 224.

**) *Examen critique*, etc. т. II, стр. 168.

***) *Essai hist. et critique*, т. III, стр. 173.

II.

Онъ проявилъ себя въ Законодательномъ Собраніи тотчасъ же послѣ провѣрки полномочій, принявъ участіе, вмѣстѣ съ Гранжневомъ и Верньо, въ дебатахъ о королевскомъ церемональѣ. Во втеченіе первыхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, хотя онъ часто бралъ слово и отличался своимъ демократическимъ пыломъ, онъ не возвышался надъ уровнемъ второстепенныхъ ораторовъ. 14 января 1792 г. онъ, наконецъ, проявляетъ всю силу своего таланта въ мужественной импровизаціи относительно сохраненія конституціи вопреки всей Европѣ. Жансонне только что прочелъ, отъ имени дипломатическаго комитета, докладъ, заканчивавшійся призывомъ къ войнѣ. Гюаде, въ качествѣ вице-предсѣдателя руководившій дебатами, попросилъ у Ассамблеи позволенія покинуть кресло, чтобы подняться на трибуну. Этотъ безпримѣрный, кажется намъ, фактъ, возбудилъ сильное любопытство и никто не заподозрилъ въ немъ рассчитаннаго эффекта. Гюаде имѣлъ замѣчательный успѣхъ:

„Изъ всѣхъ фактовъ,—сказалъ онъ*),—на которые дипломатическій комитетъ обращаетъ вниманіе Ассамблеи, меня наиболѣе поразилъ проектъ устройства конгресса, цѣлью котораго будетъ—добиться измѣненія французской конституціи...

„Что же это за новый заговоръ, составленный противъ свободы нашего отечества, и до какихъ поръ будемъ мы позволять, чтобы наши враги утомляли насъ своими уловками и оскорбляли насъ своими надеждами? Я согласенъ, что надежды эти безумны: депутаты націй, собравшіеся для того, чтобы обезпечить свободу міра, вотъ единственный конгрессъ, возможный нынѣ въ Европѣ!“ (Горячіе апплодисменты). „Но,—продолжаетъ Гюаде,—Ассамблея не должна скрывать отъ себя опасностей, представляемыхъ для республики коализовавшейся реакціей. Докажемъ всѣмъ европейскимъ государямъ, что французская нація готова отстаивать неприкосновенность своей конституціи. Мы скорѣе умремъ здѣсь всѣ... („Да! Да!“ Горячіе апплодисменты. Депутаты, министры юстиціи и иностранныхъ дѣлъ и публика встаютъ, поднимаютъ руки, машутъ шляпами и кричатъ: „Да, да! Конституція или смерть“. Зала снова

*) Мы цитируемъ эту рѣчь по Journal logographique de l'Assemblée Nationale de 1792, т. 1, стр. 100.

оглашается аплодисментами). Мы скорѣе умремъ здѣсь всѣ, нежели позволимъ не то что распоряжаться свободой французскаго народа, но хотя бы посягнуть на его конституцію. Докажемъ интриганамъ, что они могутъ стараться ввести народъ въ заблужденіе, что они могутъ пытаться бросить тѣнь подозрѣнія на намѣренія его представителей, но что мы отвѣтимъ на ихъ клевету, защищая, хотя бы и противъ нихъ, конституцію. Однимъ словомъ, укажемъ заранѣе мѣсто измѣнникамъ, и пусть этимъ мѣстомъ будетъ эшафотъ!“ (Аплодисменты). И Гюаде предложилъ, чтобы Ассамблея немедленно объявила „измѣнникомъ отечеству, виновнымъ въ преступленіи противъ націи“ всякаго француза, который косвеннымъ образомъ или непосредственно приметъ участіе въ интригахъ противъ независимости французскаго народа. „Я предлагаю,—сказалъ Гюаде въ заключеніе,—чтобы это заявленіе было представлено королю съ просьбой оповѣстить о немъ всѣхъ иностранныхъ государей, объявляя имъ отъ имени французской націи, что она желаетъ или цѣликомъ сохранить свою конституцію или цѣликомъ погибнуть вмѣстѣ съ ней и что, слѣдовательно, она будетъ считать врагомъ Франціи всякаго государя, кто пожелаетъ посягнуть на нее“.

Всѣ депутаты, покрывая эту рѣчь аплодисментами, выразили въ единодушномъ порывѣ свое одобреніе предложенію Гюаде.

Гюаде сразу завоевалъ себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ среди лучшихъ ораторовъ Ассамблеи. Черезъ недѣлю послѣ этой рѣчи онъ былъ избранъ предсѣдателемъ.

20 февраля онъ произнесъ очень демократическую рѣчь въ пользу народныхъ обществъ, на которыхъ Вобланъ взвалилъ отвѣтственность за анархію и безпорядки. Онъ доказалъ, что отвѣтственность за нихъ падаетъ, наоборотъ, на исполнительную власть и, 10 марта, поддержалъ формулированное Бриссо требованіе о возбужденіи судебного преслѣдованія противъ министровъ и, въ частности, противъ Дельсара. 16-го того же мѣсяца онъ защитилъ проектъ амнистіи въ пользу авиньонцевъ, виновныхъ въ гласьерскихъ убійствахъ. 23-го онъ произнесъ длинную рѣчь о колоніальномъ режимѣ и о положеніи темнокожихъ, вдохновляясь филантропическими идеями Бриссо. Но въ Якобинскомъ клубѣ онъ говорилъ за войну: *) въ этотъ именно моментъ его

*) Въ періодъ Законодательнаго Собранія Гюаде часто выступалъ въ Якобинскомъ клубѣ и разъ даже былъ избранъ предсѣдателемъ его. Но со времени собранія Конвента онъ больше въ клубѣ не показывался.

друзья и онъ отдѣлились отъ Робеспьера и будущей Горы, желавшихъ мира. Мы знаемъ, какую роль игралъ Гюаде въ этомъ печальномъ расколѣ. Онъ имѣлъ неосторожность высмѣять нѣсколько мистическія выраженія, которыя употребилъ Робеспьеръ, чтобы охарактеризировать вліяніе Провидѣнія на людскія дѣла. Рѣчь Гюаде не была, какъ то утверждали, матеріалистическимъ profession de foi. Онъ желалъ, скорѣе, оскорбить своего догматическаго противника, чѣмъ противопоставить одной доктринѣ другую. Но, съ его стороны, было ошибкой и безуміемъ осыпать Робеспьера сатирическими стрѣлами, изъ которыхъ ни одна не была для него смертельной и которыя только раздражали его самолюбіе, дѣлая его непримиримымъ. Въ этой ребяческой игрѣ, блестящей и пагубной, Гюаде проявилъ себя настоящимъ артистомъ; но каждый изъ ударовъ, которые онъ наносилъ съ такимъ изяществомъ, долженъ былъ затѣмъ отразиться на его собственной партіи.

Со времени памятнаго дня 26 марта 1792 г., когда Гюаде имѣлъ неосторожность осмѣять въ Робеспьерѣ Савойярскаго викарія и дорогую большинству якобинцевъ мораль*), вражда между патріотами жирондистами и патріотами-монтаньярами усиливалась съ каждымъ днемъ. Въ Якобинскомъ клубѣ, къ великому ущербу для отечества, происходили то и дѣло стычки. Вопросъ о войнѣ былъ поводомъ къ этимъ распрямъ, въ которыхъ Жиронда проявляла себя высокоумной, язвительной, неосторожной. 23 апрѣля завязалось сраженіе по поводу обвиненія, которое Шабо выставилъ противъ жирондистовъ: онъ говорилъ объ ихъ интригахъ съ Нарбонномъ и взялъ, такимъ образомъ, инициативу клеветническихъ доносовъ и обвиненій, сдѣлавшихъ возможнымъ день 31 мая. Бриссо оправдался 25 апрѣля, а послѣ него Гюаде произнесъ краткую и рѣзкую рѣчь противъ Робеспьера, обвинивъ его въ демагогизмѣ, въ томъ, что онъ „изъ честолюбія ли или по несчастью сталъ идоломъ народа“. И, возставъ противъ предложенія Бриссо перейти къ порядку дня, онъ потребовалъ отъ Робеспьера доказать, какъ онъ то обѣщаль, что въ самой средѣ Національнаго Собранія былъ составленъ

*) Курьезно то, что 13 марта 1792 г. Барбару писалъ марсельскому муниципалитету слѣдующее: „Въ тотъ же день (10 марта) стало извѣстно о смерти императора, и это событіе, являясь дѣломъ вѣчнаго Провидѣнія и сразу мѣняя политическую систему Европы, гарантируетъ нашу свободу“ и т. д. Dauban, Mémoires de Petion, Vuzot et Barbaroux, стр. 416.

планъ гражданской войны. Въ Законодательномъ же Собраніи онъ черезъ нѣсколько дней (3 мая 1792 г.) добился того, чтобы было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ газеты *Marata L'Ami du peuple*. Въ этомъ случаѣ онъ и Ласурсъ говорили въ томъ же духѣ, какъ роялисты, несмотря на открытую оппозицію Дюко и на неодобрительное воздержаніе Верньо и Кондорсе. Гюаде выступалъ, такимъ образомъ, инициаторомъ разрыва съ передовыми патриотами какъ въ Якобинскомъ клубѣ, такъ и въ Національномъ Собраніи.

20 мая, по дѣлу судьи Ларивьера, Гюаде произнесъ блестящую рѣчь, наилучше характеризующую его талантъ. Дѣло это состояло въ слѣдующемъ.

Бертранъ де-Мольвиль и Монморенъ возбудили процессъ противъ Карра, который въ своихъ *Annales patriotiques* обвинялъ ихъ въ томъ, что они принимаютъ участіе въ „австрійскомъ комитетѣ“. Допрошенный Ларивьеромъ, судьей секціи Генриха IV, Карра сослался на авторитетъ трехъ депутатовъ, Мерлена (*de Thionville*), Шабо и Базира. Послѣдніе, допрошенные въ свою очередь, заявили, что въ комитетѣ надзора имѣются документы, свидѣтельствующіе о существованіи Австрійскаго комитета. Ларивьеръ имѣлъ смѣлость представиться у рѣшетки Ассамблеи и потребовать у нея сообщенія этихъ документовъ. По обмѣнѣ мнѣніями между нѣкоторыми депутатами, большинство отвергло требованіе мирового судьи, перейдя къ порядку дня. Тогда Ларивьеръ отдалъ приказъ о приводѣ Мерлена, Шабо и Базира. Легко представить себѣ возмущеніе Ассамблеи, когда она узнала объ этомъ дерзкомъ поступкѣ, напоминавшемъ заговоры іюня 1789 г. Гюаде отвѣтилъ отъ имени націи на это покушеніе и разсѣялъ призракъ законности, которымъ прикрывался Ларивьеръ:

„Конституція,—сказалъ онъ,—объявила представителей націи неприкосновенными, и это было необходимо, такъ какъ безъ этой неприкосновенности, обеспечивающей свободу ихъ мнѣній, скоро не стало бы совершенно политической свободы. Но надо было въ то же время гарантировать, чтобы, въ случаѣ совершенія преступленія членомъ Національнаго Собранія, онъ не остался ненаказаннымъ. Въ одномъ случаѣ интересъ народа требовалъ неприкосновенности его представителей, въ другомъ—интересъ общества требовалъ примѣра. Конституція заявляетъ поэтому, что хотя и неприкосновенные и не могущіе быть преслѣдуемыми за дѣла, относящіяся къ выполненію ихъ представительныхъ

функцій, они могутъ, однако, въ области уголовной, быть задержанными на мѣстѣ преступленія или арестованными по приказу, но съ обязательствомъ для судьи предупредить объ этомъ Законодательное Собраніе и до этого не давать хода слѣдствію. Вотъ какъ конституція примирила два великихъ національныхъ интереса... Есть лишь одинъ случай, когда представитель націи перестаетъ быть неприкосновеннымъ: это тогда, когда обличеннаго общественнымъ мнѣніемъ и пойманнаго на мѣстѣ преступленія или же обвиняемаго въ какомъ-либо преступленіи, его арестовываютъ по приказу судьи“.

Но депутаты, о которыхъ идетъ рѣчь, не были даже ни въ чемъ обвиняемы. Жалоба была подана только на Карра.

„Какъ же поступилъ судья? Онъ самъ разсказалъ вамъ объ этомъ; онъ вамъ сказалъ, что на основаніи показанія трехъ членовъ Законодательнаго Собранія онъ рѣшилъ, что въ комитетѣ надзора дѣйствительно существуютъ свѣдѣнія относительно „Австрійскаго комитета“; что въ виду этого рвеніе его не позволяло ему оставаться бездѣятельнымъ; что онъ долженъ былъ заняться розысканіемъ этого комитета и что, такъ какъ Базиръ, Мерленъ и Шабо знали, казалось, эту тайну, то онъ обязанъ былъ допросить ихъ. Я могъ бы, раньше всего, спросить его, какъ, добровольно закрывъ глаза, онъ не замѣтилъ доказательство существованія этого комитета въ самой жалобѣ, которая была ему подана? Развѣ Монморенъ не называетъ себя въ ней государственнымъ совѣтникомъ? Какого же государства этотъ ех министръ можетъ быть совѣтникомъ, если не коблендкаго? (Продолжительные аплодисменты. Залатрибуны оглашаются криками: „браво!“) Думалъ ли онъ, впрочемъ, что этотъ Австрійскій комитетъ является патентованнымъ и что ему такъ легко будетъ открыть его? Что же онъ разумѣлъ подъ Австрійскимъ комитетомъ? Этотъ комитетъ является собраніемъ людей, желающихъ какою бы то ни было цѣною не то что вернуть старый порядокъ вещей,—они прекрасно знаютъ, что это было бы невозможно,—а измѣнить новый по своему капризу и согласно своему честолюбію; это собраніе до ослѣпленія вѣроломныхъ людей, старающихся сдѣлать напрасными наши усилія, чтобы дать восторжествовать врагамъ свободы..

„Австрійскій комитетъ, это собраніе тѣхъ людей, которые стараются погубить наши финансы, посѣять сѣмена раздоровъ и безпорядковъ въ нашихъ войскахъ, возбудить недовѣріе солдата къ офицеру. (Аплодисменты). Вотъ чѣмъ для меня является

продавшійся нашимъ врагамъ кабинетъ и который, быть можетъ, неточно назвали Австрійскимъ комитетомъ. (Громадное большинство Ассамблеи и всѣ зрители долго аплодируютъ). Было ли судья Ларивьеру такъ трудно обнаружить, что министръ, позволившій, насколько лишь онъ могъ, унижить величіе французскаго народа, былъ человѣкомъ продажнымъ, несомнѣнно принадлежавшимъ къ той фракціи, которая желаетъ насъ уничтожить? Было ли ему трудно догадаться, что другой министръ, давшій нашему флоту ускользнуть изъ своихъ рукъ и безстыдно лгавшій Законодательному Собранію, чтобы усыпить его увѣреніями въ полной безопасности, что онъ тоже былъ однимъ изъ членовъ той фракціи, которая старается ускорить разореніе отечества*. (Аплодисменты возобновляются съ тѣмъ же единодушіемъ на всѣхъ трибунахъ, галлерейхъ и въ громадной части Ассамблеи).

Гюаде доказалъ затѣмъ, что если Ларивьеръ отдалъ приказъ о приводѣ трехъ депутатовъ, то только для того, чтобы заставить ихъ представить официальные документы, доказывающіе существованіе заговора и которые желали похитить. Но Ассамблея не можетъ допускать посягательства на неприкосновенность своихъ членовъ, иначе реакціонной кликѣ достаточно будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи одного или двухъ мировыхъ судей для того, чтобы въ одинъ прекрасный день парализовать дѣятельность Національнаго Собранія. Въ заключеніе Гюаде нарисовалъ возмутившую всѣхъ картину ареста трехъ депутатовъ и потребовалъ преданія суду Ларивьера. Предложеніе его было принято, и онъ на моментъ вновь пріобрѣлъ ту популярность, которой онъ лишился, благодаря своимъ легкомысленнымъ нападкамъ на Гору.

18 іюня, когда въ Законодательномъ Собраніи прочли письмо Лафайета, то Гюаде отличился рѣшительностью, съ которой онъ выступилъ противъ пользовавшагося еще тогда большимъ почетомъ генерала. Когда, же черезъ десять дней, 28 іюня, Лафайетъ самъ явился въ Ассамблею, то атаковалъ его опять таки Гюаде, произнесшій при этомъ импровизированную рѣчь, которая доставила ему его наиболѣе блестящій ораторскій успѣхъ.

„Въ моментъ, когда я узналъ о томъ, что Лафайетъ находится въ Парижѣ,—сказалъ Гюаде,—мнѣ пришла на умъ очень лестная мысль. Итакъ, сказалъ я себѣ, намъ нечего больше бояться внѣшнихъ непріятелей: австрійцы побѣждены. Но, господа, эта иллюзія недолго продолжалась: наши непріятели все тѣ же; наше внѣшнее положеніе не измѣнилось; однако, генераль

одной изъ нашихъ армій прибываетъ въ Парижъ. Какой же могущественный мотивъ призвалъ его сюда? Наши внутренніе беспорядки, говоритъ онъ; онъ опасается, что само Національное Собраніе не будетъ въ силахъ защитить и отстоять конституцію *). Онъ выступаетъ отъ имени своей арміи и честныхъ людей; гдѣ они, эти честные люди? А эта армія, какъ могла она вынести рѣшеніе?

„Я не стану разбирать, не можетъ ли тотъ, кто обвинилъ Ассамблею въ томъ, будто она приняла, какъ онъ выразился, разбойниковъ за французскій народъ, не можетъ ли онъ, въ свою очередь, быть обвиненнымъ въ томъ, что принялъ свой генеральный штабъ за армію и самъ нарушилъ рекомендуемые имъ принципы конституціи, выступая отъ имени арміи, которая не можетъ принимать рѣшеній, и честныхъ людей королевства, которые не уполномочили его на это. Независимо отъ указанного нарушенія конституціонныхъ принциповъ, я увижу въ его поведеніи еще болѣе важное нарушеніе, относящееся къ іерархіи властей, если этотъ генераль прибылъ безъ предварительнаго разрѣшенія или не по приказу министра. Я требую поэтому: во-1) чтобы военный министръ былъ немедленно допрошенъ относительно того, приказалъ ли онъ или разрѣшилъ Лафайету явиться въ Парижъ; во-2) чтобы докладчикъ комитета, уполномоченнаго рассмотреть вопросъ, могутъ ли подавать петиціи генералы, находящіеся при отправленіи своихъ обязанностей, представилъ завтра же свой докладъ“. (Трибуны и часть Ассамблеи горячо аплодируютъ).

Предложеніе Гюаде было отвергнуто 339 голосами противъ 234. Ассамблея не осмѣлилась поднять руку на Лафайета. Но Гюаде имѣлъ за себя общественное мнѣніе, и порицаніе, высказанное жирондистскимъ ораторомъ мятежному генералу, произвело глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда коллеги его, пережившіе революцію, желали воскресить въ своей памяти фигуру Гюаде, они всегда представляли себѣ его клеймящимъ Лафайета съ высоты трибуны.

Въ критическій для Жиронды моментъ, при приближеніи 10 августа, когда со всѣхъ сторонъ стали раздаваться требованія о низверженіи Людовика XVI, Гюаде, испугавшись, какъ и его друзья, надвигавшейся революціи, давалъ королю въ разной

*) Последняя фраза взята нами изъ *Moniteur*'а; во всемъ остальномъ мы воспроизводимъ текстъ *Journal des Débats*.

формъ совѣты, исполненіе которыхъ должно было бы предотвратить грозу. „Желаете ли вы, государь, вернуть себѣ довѣріе гражданъ?—говорилъ онъ ему въ адресъ, составленномъ имъ отъ имени „экстренной комиссіи“.—Вы должны дать имъ примѣръ. Пусть жилище короля свободной націи перестанетъ имѣть видъ угрожаемой непріятелемъ крѣпости и пусть эти оскорбительныя предосторожности перестанутъ, наконецъ, возводить клевету на великодушный и чувствительный народъ“... Мы знаемъ, что за этими публичными совѣтами послѣдовали тайныя демарши жирондистовъ и что Гюаде пошелъ по этому пути дальше всѣхъ своихъ друзей.

Когда революція стала совершившимся фактомъ, Гюаде предложилъ декретъ, предоставлявшій Ассамблеѣ выбирать министровъ и въ которомъ имѣлся пунктъ о назначеніи наставника королевскому сыну; послѣднее было неосторожностью, которой въ послѣдствіи жестоко воспользовались противъ Жиронды. 24 августа онъ выступилъ на защиту петиціи, противъ которой говорили жирондистъ Ласурсъ и монтаньяръ Базиръ и въ которой парижскіе граждане просили предоставить званіе французскихъ гражданъ иностранцамъ, друзьямъ революціи, Пэну и Пристлею; 26-го онъ отъ имени комиссіи двадцати одного, постояннымъ докладчикомъ которой онъ былъ, провелъ декретъ, предоставившій это званіе восемнадцати знаменитымъ иностранцамъ, въ томъ числѣ Песталоцци, Вашингтону и Шиллеру. Наконецъ, 30-го онъ добился распушенія Коммуны 10 августа, и мѣра эта была тѣмъ болѣе неумѣстной, что назначенные Ассамблеей выборы не состоялись и что Коммуна осталась неизмѣненной.

Послѣднимъ актомъ Гюаде въ Законодательномъ Собраніи была республиканская манифестація, именно предложеніе одобренной собраніемъ анти-роялистской присяги, въ которой народныя представители клялись бороться изо всѣхъ силъ противъ королей и королевской власти (4-го сентября 1792 г.).

III.

Гюаде былъ избранъ въ Конвентъ тѣмъ же департаментомъ Жиронды. На сей разъ онъ прошелъ вторымъ по списку, слѣдуя непосредственно за Верньо и занявъ, такимъ образомъ, заслуженное имъ и подобавшее ему мѣсто. Избраніе его было

встрѣчено единодушными аплодисментами всей избирательной Ассамблеи. Однако, въ первый разъ ему пришлось выступить на трибунѣ Конвента для того, чтобы оправдаться отъ возведеннаго на него Маратомъ обвиненія, будто онъ обязанъ своимъ избраніемъ интригѣ. Отвѣтъ свой, въ общемъ полный достоинства, онъ заключилъ слѣдующими язвительными словами, направленными по адресу Марата: „Что касается меня, то довѣріе, которое оказалъ мнѣ мой департаментъ, не было достигнуто мною подъ покровительствомъ кинжаловъ и ножей (горячіе аплодисменты); я не обязанъ имъ ужасу и страху, которыми здѣсь, въ Парижѣ, были объаты всѣ граждане“ *).

Итакъ, поединокъ между Горой и Жирондой завязался съ первыхъ же засѣданій Конвента. Скоро Гора попыталась скомпрометировать Жиронду при помощи бумагъ, найденныхъ въ Тюльери послѣ 10 августа. А 3 января 1793 г. противъ жирондистовъ уже опредѣленно выставили обвиненіе въ томъ, что они написали знаменитое письмо къ Бозу. Но самимъ обвиненнымъ, и въ частности Гюаде, хотя они уже возстановили противъ себя публику трибунъ, не трудно было оправдаться передъ Ассамблеей и даже вызвать аплодисменты, такъ какъ громадное большинство Конвента было еще на сторонѣ жирондистовъ.

Мы знаемъ, какъ онъ держался въ процессѣ короля: онъ голосовалъ за апелляцію къ народу, за смертную казнь и за от-

*) „Правда ли,—спрашиваетъ Жоресъ,—что парижскіе выборы произошли подъ давленіемъ террора, какъ то утверждали жирондисты? Они были очень страстными. Избирательныя ассамблеи не желали голосовать молчаливо: онѣ требовали, чтобы различныя кандидатуры публично дебатировались, и избирательныя собранія превратились, такимъ образомъ, въ бурные клубы. Возможно, что боязнь всемогущей еще коммуны оттолкнула уже отъ первоначальныхъ ассамблей тѣхъ гражданъ, которые не были согласны съ ея духомъ. Вѣроятно также, что жирондистскимъ кандидатамъ не легко было бы объясниться и защититься передъ парижскими избирателями. Народъ рѣзко порицалъ ихъ за ихъ долгія колебанія устранить короля и за ихъ враждебное отношеніе къ коммунѣ. И они, кажется, отступили передъ грозой. Одно это доказываетъ, что выборы не были извращены насиліями, такъ какъ если бы Жиронда имѣла точку опоры въ общественномъ мнѣніи, то, будучи достаточно организованной, достаточно умѣлой и пользуясь поддержкой министерства внутреннихъ дѣлъ, она бы вступила въ борьбу и попыталась бы преодолѣть террористическіе маневры меньшинства; но она признала себя побѣжденной почти безъ всякой битвы“. J. Jaurès: *La Convention*, т. I, стр. 105.

срочку. Съ тѣхъ поръ онъ вмѣстѣ съ Бриссо сталъ козломъ отпущенія Жиронды. Случалось, что Гора не позволяла ему говорить, и антипатія, которую его личность возбуждала у противника его, дошла до того, что когда, 13 марта, предсѣдательствовавшій Жансонне пожелалъ уступить ему на нѣсколько минутъ свое кресло, то это вызвало самые рѣзкіе протесты.

Оскорбляемый такимъ образомъ, онъ теряетъ свое хладнокровіе, доходить до отчаянія и не спрашиваетъ себя больше, не дѣйствуетъ ли онъ во вредъ своимъ собственнымъ друзьямъ, нападая постоянно на Гору. 21 марта онъ предлагаетъ обвинительный декретъ противъ марсельскихъ петиціонеровъ, выразившихъ рѣзкое порицаніе ацелляціонистамъ. И Барбару вынужденъ говорить противъ него и доказывать, что предложенная имъ мѣра была бы неразумной. Оскорбленія по его адресу все учащаются, и, 10 апрѣля, въ дебатахъ относительно возстанія 10-го марта, Маратъ прерываетъ его слѣдующимъ восклицаніемъ: „замолчи ты, противная птица“.

На обвинительную рѣчь, которую въ тотъ же день произнесъ Робеспьеръ, Гюаде смогъ отвѣтить только 12 апрѣля. Рѣчь Верньо была благородной и печальной; рѣчь же Гюаде была проникнута язвительностью, а также героизмомъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что его противникъ поставилъ ему въ вину его сношенія съ Клавьеромъ, Гюаде восхваляетъ Бриссо, который познакомилъ его съ бывшимъ министромъ финансовъ и который, говоритъ онъ, „боролся за свободу, страдалъ за нее, между тѣмъ какъ Робеспьеръ заявлялъ, что онъ не знаетъ, что такое республика“. Онъ упрекаетъ дальше своего противника въ томъ, что тотъ повторилъ противъ него обвиненія роялистовъ. „Ковечно.—замѣчаетъ онъ,—если бы Кобургскій принцъ явился въ Парижъ, то я ожидалъ бы, что меня будутъ преслѣдовать на основаніи тѣхъ именно фактовъ, которые вы имѣете неосторожность выдвигать противъ меня. Это ты, сказалъ бы онъ мнѣ, боролся постоянно въ Законодательномъ Собраніи противъ измѣнъ двора; это ты воскликнулъ 6 августа на этой самой трибунѣ: да, мы спасемъ отечество, мы спасемъ его, несмотря на усилія аристократіи и дѣйствующей заодно съ ней измѣны; это ты предложилъ образовать первоначальныя ассамблеи и собрать Національный Конвентъ, который долженъ былъ отмѣнить королевскую власть и уничтожить тронъ; въ нашихъ интересахъ ты бы лучше поступилъ, если бы ты, по крайней мѣрѣ, одобрилъ

мѣру, состоявшую въ лишеніи трона и которая, будучи принята на основаніи конституціи, устранила бы одного человѣка, но оставила бы намъ короля. Вотъ на основаніи какихъ фактовъ, вотъ на основаніи какихъ доказательствъ я могъ бы ожидать, что меня будутъ преслѣдовать и лишать жизни. И если Робеспьеръ выдвигаетъ противъ меня тѣ же факты, то я имѣю право сказать: соумышленникъ Кобурга, это ты“. (А п л о д и с м е н т ы на одной сторонѣ Ассамблеи).

Робеспьеръ обвинилъ въ его въ содѣйствіи Дюмурье. „Если бы,—отвѣчаетъ Гюаде,—я желалъ слѣдовать твоему методу, Робеспьеръ, то я бы сказалъ тебѣ: ты обвиняешь Петіона въ измѣнѣ общественному дѣлу; я думаю иначе, такъ какъ считаю его достойнымъ уваженія всякаго порядочнаго человѣка, и его дружба служитъ мнѣ часто вознагражденіемъ за ту горечь, которую ты и твои друзья вносите въ мою жизнь.—Но ты говоришь, что онъ—измѣнникъ. Что же, такъ какъ ты имѣлъ съ нимъ связи, то желалъ ли бы ты, чтобы отсюда заключили, что ты тоже измѣнникъ? Почему же ты предполагаешь раньше всего, что у меня были связи съ Дюмурье, когда самъ фактъ этотъ невѣренъ? Почему ты затѣмъ предполагаешь меня измѣнникомъ въ виду того, что этотъ человѣкъ сталъ таковымъ? Такого метода не придерживался, конечно, никогда и самый варварскій народъ, и онъ цѣликомъ принадлежитъ тебѣ, Робеспьеръ“.

Жиронду упрекаютъ въ томъ, что по ея настоянію была объявлена война: „Ассамблея одобрила эту мѣру съ энтузіазмомъ и безъ дебатовъ. Какъ же можетъ случиться, что намъ ставятъ въ упрекъ эту мѣру? Граждане, они ставятъ намъ ее въ упрекъ послѣ того, какъ навлекли на насъ несчастья, поступая приблизительно такимъ же образомъ, какъ если бы, въ случаѣ гибели республики, что является ихъ мечтой и чего, надѣюсь, никогда не случится, они стали бы доносить на насъ полицейскимъ, шпионамъ какъ на лицъ, желавшихъ этой республики“.

Но, быть можетъ, жирондисты желали войны, чтобы доставить руководство арміей Лафайету: „Ты обвиняешь насъ въ томъ, что мы имѣли сношенія съ Лафайетомъ; но гдѣ скрывался ты въ тотъ день, когда онъ былъ во всемъ блескѣ своего могущества и когда, какъ будто съ цѣлью навязать его народнымъ представителямъ, его среди восторженныхъ криковъ несли изъ Тюльерійскаго дворца до этой рѣшетки?.. Я, я одинъ выступилъ на трибуну и я обвинялъ его не тайкомъ, какъ ты, Робеспьеръ, а публично. Онъ былъ тамъ... (Гюаде указываетъ

на скамью пентціонеровъ). Я обвинялъ его. Предложеніе, которое я внесъ, было передано на поименное голосованіе, и патріоты оказались въ меньшинствѣ. Вотъ факты; и, однако, вѣчный клеветникъ, что противопоставилъ ты имъ, кромѣ твоихъ обычныхъ мечтаній и оскорбительныхъ предположеній?“

Онъ отвѣчаетъ затѣмъ на вѣчныя обвиненія въ продажности, которыя обѣ стороны возводили другъ на друга и которыхъ ни одна не заслужила: „Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы безчестны, что мы продались Англіи, что мы получили отъ Пিতта золото, чтобы измѣнить своему отечеству. Гдѣ же они, эти сокровища? Придите вы, обвиняющіе меня, придите въ мой домъ; придите туда посмотрѣть мою жену и моихъ дѣтей, питающихся, какъ бѣдняки; придите посмотрѣть на почетную бѣдность, среди которой мы живемъ; придите на мою квартиру и посмотрите, увеличилось ли мое жалкое имущество; посмотрите, какъ я прибываю въ Ассамблею: пріѣзжаю ли я туда на роскошныхъ рысакахъ?“ *). Эти наивныя слова ни у кого не вызвали смѣха, настолько топъ Гюаде былъ искреннимъ. Онъ затѣмъ удачно говорилъ противъ Робеспьера, роль котораго, сказала онъ, заключается въ томъ, чтобы быть вѣчнымъ доносчикомъ: „природа осудила его на это“. И, какъ бы предугадывая стиль термидорцевъ, онъ назвалъ его „новымъ Магометомъ, лишеннымъ талантовъ послѣдняго“. Могло ли самолюбіе Робеспьера простить это жестокое словечко?

Въ заключеніе своей рѣчи Гюаде вызвалъ инцидентъ **), приведшій къ гибельному декрету противъ Марата, отвѣтственность за который ложится на него. Маратъ торжествующе вернулся въ Конвентъ, и Робеспьеръ подобралъ оружіе, которое было направлено противъ Друга народа. Скоро имъ воспользуются противъ Жиронды: 15 апрѣля 1793 г. делегаты тридцати пяти парижскихъ секцій потребовали противъ бриссотинцевъ того, чего Гюаде добился противъ Марата. Эта петиція, отвергнутая Конвентомъ, произвела все же громадное моральное впечатлѣніе. Благодаря ей триумфъ Марата (30 апрѣля) былъ лишь болѣе шумнымъ. Въ этотъ день, возмущенный оваціей, которую устроили послѣднему, Гюаде воскликнулъ: „Граждане, унижен-

*) Гюаде намекалъ, быть можетъ, на экипажъ Фабра Д'Эглантина. См. *Brissot à ses commettants*.

**) Гюаде прочелъ знаменитый адресъ Якобинскаго клуба, подписанный Маратомъ.

ное народное представительство перестает существовать! Всякій палліативъ, чтобы спасти его достоинство, былъ бы трусостью. Парижскія власти не желаютъ, чтобы вы пользовались уваженіемъ! Пора прекратить эту борьбу между всею націей и кучкой контръ-революціонеровъ, скрывающихся подъ именемъ патріотовъ! Я требую, чтобы Національный Конвентъ декретировалъ, что въ понедѣльникъ засѣданіе его состоится въ Версаль⁴. Это важное предложеніе не было одобрено.

Мы приближаемся къ послѣдней фазѣ поединка между Жирондой и Горой. 14 мая 1793 г. Лежандръ сказалъ, что угрожающей адресъ бордосцевъ былъ дѣломъ нѣсколькихъ интригановъ. „Итакъ,—отвѣтилъ съ гнѣвомъ Гюаде,—чтобы доказать, что всѣ жители Бордо раздѣляютъ чувства, изложенныя въ этомъ адресѣ, они всѣ должны были бы явиться въ Парижъ! Что же, если Конвенту угрожаютъ такія опасности, что эта мѣра является необходимой, то они придутъ!“ Конвентъ постановилъ расклеить этотъ адресъ въ Парижѣ, что было побѣдой для Жиронды, но побѣдой опасной, еще болѣе ожесточившей ея противниковъ^{*)}.

Справедливость требуетъ сказать, что мужество Гюаде возрастало вмѣстѣ съ опасностью. На засѣданіи 18 мая онъ предложилъ противъ Горы самыя смѣлыя мѣры: устранить парижскія власти и собрать въ Буржѣ Ассамблею депутатовъ—*suppléant*’овъ. Но Бареръ выступилъ противъ этихъ не политическихъ предложеній, и Конвентъ ограничился тѣмъ, что избралъ комиссію изъ двѣнадцати членовъ, которой поручено было рассмотреть постановленія, сдѣланныя коммуной за истекшіи мѣсяць.

27 мая Гюаде попросилъ слова противъ петиціи секціи *Cité* требовавшей освобожденія Гебера и упраздненія комиссіи двѣнадцати. Хотя Иснаръ предсѣдательствовалъ, но ему не позволили говорить. Видя, что къ нему съ угрожающимъ видомъ приближается Лежандръ, правая принуждена была окружить его, чтобы защитить его отъ насилія мясника, которому нѣсколькими днями позже подвергся Ланжюинэ. Въ полночь, благодаря покровству Геро-де-Сешелля, замѣстившаго Иснара на предсѣдательскомъ креслѣ, Конвентъ все же согласился на то, чего требовали петиціонеры. На слѣдующій день, 28 мая, послѣ рѣчи

^{*)} „Надменность жирондистовъ,—говоритъ Паганель,—обязывала противную сторону дѣйствовать все болѣе рѣшительно. Каждый изъ ихъ усилій приближалъ ихъ къ Тарпейской скалѣ“. *Paganel*, т. II, стр. 164.

Гюаде, Конвентъ 279 голосами противъ 238 отмѣнилъ принятый наканунѣ декретъ. Это было послѣдней побѣдой Жиронды.

31 мая Гюаде явился въ Конвентъ однимъ изъ первыхъ и проявилъ въ этотъ день отчаянную энергію. Онъ рѣшительно выступилъ противъ депутаціи революціоннаго комитета. Гора не позволяла ему говорить и прерывала его на каждомъ словѣ. Но онъ все же не сходилъ съ трибуны, и, указавъ на всю незаконность возстанія, предложилъ, чтобы комисиіи двѣнадцати, уничтоженія которой требовали инсургенты, было поручено разслѣдовать, кто ударилъ въ набатъ и далъ тревожный залпъ. Онъ гордо боролся противъ возстанія, но только разжигалъ послѣднее. Это было красивымъ, благороднымъ самоубійствомъ, но не больше, какъ самоубійствомъ. Кто знаетъ, быть можетъ, что если бы не героическія и безумныя провокаціи Гюаде, то народный *coup d'Etat* 2 іюня 1793 г., приведшій къ окончательной гибели Жиронды, былъ бы навсегда отсроченъ благодаря умѣлому поведенію Верньо и его декрету, хвалившему парижскія секціи? Мы должны все же сказать, что въ этотъ рѣшительный часъ Гюаде съ неотразимой логикой доказалъ, что право и законъ были на сторонѣ его партіи. Ничто не заставляеть его уклониться отъ своего разсужденія, ни крики, ни угрозы. Онъ доводитъ до конца свою мысль и принуждаеть враждебныя трибуны выслушать истину.

Втеченіе дня 2 іюня онъ, вмѣстѣ съ большинствомъ жирондистовъ, оставался у Мельяна; его постъ былъ, быть можетъ, скорѣе въ залѣ Конвента, но 31 мая онъ достаточно доказалъ, что онъ не боялся подвергнуть опасности свою жизнь.

Арестованный вмѣстѣ съ Саллемъ 29 прѣрїаля II года *) онъ, какъ говорятъ, проявилъ такое же мужество и передъ революціоннымъ трибуналомъ. Идя на эшафотъ, онъ говорилъ

*) Гюаде и нѣкоторымъ друзьямъ его удалось, послѣ 2 іюня, скрыться изъ Парижа. Они пытались поднять въ западныхъ и южныхъ департаментахъ жирондистское возстаніе, такъ называемое федералистское движеніе, но предпріятіе ихъ кончилось неудачей и только окончательно погубило ихъ въ народномъ мнѣніи. Совпаденіе вызваннаго ими движенія съ возстаніемъ въ Вандеѣ и другими роялистскими мятежами, ихъ связи съ генераломъ Вампфеномъ, отъ котораго они, впрочемъ, отшатнулись, когда узнали о его дѣйствительныхъ намѣреніяхъ, враждебныхъ самой республикѣ.—все это дало возможность причислить ихъ къ контр-революціонерамъ, къ роялистамъ, тѣмъ болѣе, что въ то время, когда они подымали департаменты на гражданскую войну, Франціи приходилось напрячь всѣ свои силы, чтобы отстоять свою свободу, честь и

народу: „Граждане, вотъ послѣдній изъ вашихъ вѣрныхъ представителей“. Находясь уже на немъ, онъ пожелалъ говорить; барабанный бой заглушилъ его голосъ; но удалось все-же уловить слѣдующія слова его: „Народъ, вотъ единственное средство тирановъ: они заглушаютъ голосъ свободнаго человѣка, чтобы совершать свои преступленія“ *). Немного спустя были осуждены и казнены его отецъ, семидесятилѣтній старикъ, и его братъ. Онъ оставилъ по себѣ вдову и троихъ дѣтей.

Итакъ, какъ и его политическіе друзья, Гюаде до приближенія 10 августа способствовалъ развитію революціи, а затѣмъ пожелалъ затормозить ее. Но въ оба періода своей политической жизни онъ не даетъ намъ никакой общей идеи. Онъ рѣдко говоритъ, какъ теоретикъ, и у него нельзя даже распознать никакого соціального идеала. Его краснорѣчіе почти цѣликомъ сосредоточено на личныхъ вопросахъ. Ему, для его ироническаго таланта, нужна какъ бы человѣческая мишень, будь то судья Ларивьеръ, или Робеспьеръ, или Маратъ. Онъ говоритъ не отъ души, а отъ ума, и не заботится о томъ, чтобы волновать или убѣждать. Оказаться правымъ, выйти побѣдителемъ въ спорѣ—вотъ его высшая цѣль. И одно лишь насиліе можетъ сломить силу его аргументовъ. Но это насиліе онъ сдѣлалъ возможнымъ или неизбѣжнымъ самой жестокостью своихъ разсужденій. Онъ не желаетъ принимать въ расчетъ ни страсти, ни слабости людскія. Онъ все взвѣшиваетъ на точныхъ вѣсахъ и объявляетъ точный вѣсъ народу трибунъ, который ему шикаетъ, Горѣ, которая ропщетъ. Онъ забываетъ, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы составить удачный силлогизмъ, а о томъ, чтобы спасти Францію.

Точно такъ же, и форма его краснорѣчія цѣликомъ рациональная. Для него украсить истину, какъ то дѣлалъ Верньо, значило бы причинить ей вредъ; онъ желаетъ показать ее безъ покрововъ. Но въ немъ не надо также видѣть логику на манеръ

независимости отъ тѣнившихъ ее со всѣхъ сторонъ непріятелей, отчасти занявшихъ даже ея территорію.—Послѣ своей неудачи жирондисты долго мытарствовались, скрывались, испытывая зачастую ужасныя лишенія, и, наконецъ, за исключеніемъ лишь очень немногихъ, были арестованы и казнены или же сами покончили съ собою.—Гюаде и Салль скрывались въ послѣднее время въ Сентъ-Эмильонѣ, въ домѣ отца Гюаде, гдѣ, на чердакѣ, для нихъ было устроено тайное убѣжище. Послѣ долгихъ поисковъ ихъ тамъ накрыли, и такъ какъ они были объявлены Конвентомъ „вне закона“, то ихъ немедленно казнили (19 іюня 1794 г.).

Прим. перев.

*) Guadet, Les Girondins, т. II, стр. 490.

Сейеса: онъ никогда не тяжель, не педантиченъ. Онъ любитъ раньше всего краткость: большинство его многочисленныхъ рѣчей имѣють двадцать—двадцать пять строкъ и, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, составляютъ контрастъ съ предлинными рѣчами Бриссо или Робеспьера.

Онъ любитъ также ясность, и въ этомъ все его изящество. Его метафоры простыя, а сравненія краткія и безыскусственныя. Въ немъ совершенно нѣтъ историческаго педантизма, и онъ рѣдко когда обращается къ героямъ древности или великимъ фигурамъ другихъ эпохъ. Его литературный вкусъ отличается въ этомъ отношеніи строгой чистотой.

Что касается его ироніи, то въ ней нѣтъ ни зависти, ни низости, ни человѣконенавистничества. Но такъ какъ онъ ненавидитъ тѣхъ, кто неправъ, то его разсужденія не лишены извѣстной язвительности. Иронія же настолько свойственна его натурѣ, что онъ никогда не отказывается отъ нея, даже въ день 31 мая и даже на эшафотѣ, когда онъ смѣется надъ барабанами, заглушающими его голосъ. Она же является для него броней, за которой онъ искусно скрываетъ свои внутреннія чувства, всегда, за рѣдкими лишь исключеніями, оставаясь внѣшне спокойнымъ, и современники могутъ только догадываться, что за его холодными насмѣшками таится горячая душа *).

IX.

Жансонне.

I.

Наиболѣе характерная черта Жансонне—это его важность. Если его логичность можно встрѣтить у Кондорсе, его язвительность у Гюаде, его сжатый стиль у Бюзо, его стоицизмъ у Валазе, то важность его принадлежала ему одному. Между этими молодыми или непостоянными или страстными людьми онъ кажется какъ бы инспекторомъ среди капризныхъ школьниковъ. И эта важность не была, конечно, у него, какъ того хочетъ моралистъ, тѣ л е с н о й т а й н о й, и з о б р ѣ т е н н о й д л я

*) Гюаде, по общему мнѣнію, импровизировалъ, и у насъ нѣтъ никакого документа, который бы свидѣтельствовалъ объ обратномъ. Подготовлялъ ли онъ иногда свои рѣчи? Все, что можно сказать, это то, что въ большинствѣ случаевъ ему приходилось брать слово неожиданно, при обстоятельствахъ, которыхъ онъ не могъ предвидѣть.

того, чтобы скрыть недостатки ума; это—чувство внутренняго, душевнаго равновѣсія, а также наследственная черта, которая была усугублена жизнью, посвященной общественнымъ функціямъ.

Родившись въ Бордо, въ 1758 г., въ богатой семьѣ, многіе члены которой занимали высшія муниципальныя должности, Жансонне по характеру и по идеямъ своимъ принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ либеральной буржуазіи 1789 г. Сolidное классическое образованіе, ненависть къ деспотизму и произволу, уваженіе и любовь къ отсутствовавшей еще, но имѣвшейся уже въ умахъ конституціи, корректный, но умѣренный и сухой роялизмъ, а въ глубинѣ души—республиканскія влеченія, которыя раньше ставили себѣ въ упрекъ, какъ преступныя, которымъ легко отдались, когда король сдѣлалъ королевскій режимъ невозможнымъ и которыя были затѣмъ омрачены зрѣлищемъ жестокой дѣйствительности; наконецъ, въ религіозномъ отношеніи, нисколько не мистическій галликанизмъ, позволявшій себѣ свободную критику Рима и священниковъ и почтительный къ догмѣ, теоретически допускавшій весь католицизмъ, а въ дѣйствительности жившій моралью всехъ временъ; вмѣстѣ съ тѣмъ—никакой меланхоліи, никакой потребности въ мечтаніяхъ, ничего туманнаго, устойчивое здравомысліе, спокойная увѣренность въ своей правотѣ, нелюбовь къ противорѣчію, насмѣшливое презрѣніе къ противнику; въ общемъ средняя, но крѣпкая, здоровая, искренняя натура, безъ широкихъ горизонтовъ, стремящаяся къ картезіанской ясности, героическая скорѣе по своей настойчивости, чѣмъ по своимъ порывамъ, но воодушевленная духомъ времени—такимъ былъ Жансонне, краснорѣчіе котораго, хотя онъ и читалъ свои рѣчи, производило временами сильное и продолжительное впечатлѣніе.

Однѣ изъ лучшихъ бордосскихъ адвокатовъ, онъ, въ 1787 г., былъ королемъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ г. Бордо, но отказался отъ этого, зарегистрировавъ свой отвѣтъ, въ которомъ онъ заявлялъ: „Я не могу рѣшиться стать представителемъ моего города, не будучи увѣренъ въ его согласіи“ *). Онъ участвовалъ въ первомъ избранномъ муниципалитетѣ, былъ председателемъ Якобинскаго клуба, уставъ котораго онъ выработалъ, и словомъ своимъ содѣйствовалъ успѣху экспедиціи, посланной бордосцами на помощь монтобанскимъ патріотамъ, угнетеннымъ

*) Chauvot, Le Barreau de Bordeaux, стр. 171.

реакціей въ іюнь 1790 г. Избранный прокуроромъ коммуны (въ іюль 1790 г.), а затѣмъ судьей кассационнаго трибунала (въ январѣ 1791 г.), онъ, находясь на послѣдней должности, отличился своимъ энергичнымъ поведеніемъ, проявившимся въ особенности послѣ бѣгства короля въ Вареннъ. Полагая, что Людовикъ XVI, измѣнивъ своему слову, освободилъ всѣхъ гражданъ отъ ихъ присяги, онъ съ мужественной логичностью предложилъ 1-го же іюля 1791 г. освободить новоизбранныхъ въ кассационную палату судей отъ клятвы вѣрности королю. Это значило установить въ судебномъ вѣдомствѣ республику.

Столь смѣлый въ теоріи, онъ, однако, отрекивался отъ насилія. Ему казалось, что надо хитрить. Онъ, какъ и другіе, боялся того, чтобы низверженіе трона не привело къ торжеству самой низкой черни. Въ іюль 1792 г. онъ, черезъ посредство Боза, тоже давалъ совѣты тому королю, котораго онъ презиралъ. И этотъ республиканецъ далъ застигнуть себя врасплохъ революціей 10 августа.

Когда департаментъ Жиронды избралъ его депутатомъ Законодательнаго Собранія, онъ заканчивалъ въ Вандеѣ трудную миссію, которая была возложена на него и на Галлуа, комиссара народнаго просвѣщенія парижскаго департамента. Дѣло шло о томъ, чтобы опредѣлить причины религиозныхъ беспорядковъ, происходившихъ въ западныхъ департаментахъ, и указать на средство противъ начинавшагося, но уже крупнаго зла. Жансонне выполнилъ эту миссію съ тактомъ и умомъ. Его докладъ, который онъ отказался представить королю *) и который онъ, очевидно, самъ составилъ, хотя Галлуа подписался вмѣстѣ съ нимъ, былъ шедевромъ политическаго здравомыслія и съ самаго начала доставилъ ему уваженіе его коллегъ. Этотъ галликанецъ, бывшій болѣе философомъ, чѣмъ онъ то самъ полагалъ, сумѣлъ съ рѣдкимъ для того боевого времени даромъ понять фанатизмъ, поставить себя на мѣсто вандейскихъ крестьянъ и вникнуть въ ихъ иллюзіи. Онъ пришелъ къ тому заключенію, что единственно вѣрнымъ, хотя и медленнымъ средствомъ является распространеніе просвѣщенія въ деревняхъ. Пока же онъ рекомендовалъ терпѣливость и умѣренность по отношенію къ

*) „Я отмѣчаю,—писалъ Жансонне въ своемъ проектѣ защитительной рѣчи,—что, единственный изъ всѣхъ гражданскихъ комиссаровъ, назначенныхъ до того времени, я отказался дать отчетъ исполнительной власти"... (См. Chauvot, стр. 601).

заблудившимся и прямыя и суровыя мѣры противъ дворянъ и священниковъ, волновавшихъ Вандею. Тѣ же идеи онъ нѣкоторое время спустя развилъ на трибунѣ Законодательнаго Собранія.

Членъ дипломатическаго комитета, онъ всѣми силами поддерживалъ политику Бриссо и при всякомъ случаѣ толкалъ Ассамблею объявить войну Европѣ. При этомъ онъ иногда проявлялъ истинный патріотическій пылъ, какъ, напр., въ заключеніи своего доклада о подготовленіяхъ къ войнѣ (26 дек. 1791 г.), заключеніи, которое, по словамъ *Journal des Débats*, „вызвало самый благородный энтузіазмъ“ и было встрѣчено „долго не умолкавшими и общими аплодисментами“.

„Значеніе подготовляющихся великихъ событій таково,—сказалъ Жансонне,—что ихъ исходъ навсегда, быть можетъ, опредѣлитъ судьбы Франціи. Не можетъ больше быть середины между свободой и рабствомъ, между сохраненіемъ конституціи и смертью. Когда мятежные священники мучили тайкомъ страну, когда нападеніе извнѣ не было несомнѣннымъ, — тогда у французовъ, одинаково руководимыхъ добрыми напѣреніями, могли существовать различія мнѣній. Но нынѣ возможна только одна партія: надо сдѣлать выборъ между старымъ и новымъ порядкомъ“ *)...

Какъ докладчикъ этого комитета, онъ предложилъ и настоялъ на принятіи двухъ наиболѣе революціонныхъ мѣръ Законодательнаго Собранія: 1) обвинительнаго декрета противъ двухъ братьевъ короля (1 янв. 1792 г.) и 2) объявленія войны императору (20 апрѣля 1792 г.). Онъ не игралъ роли въ дебатахъ, подготовившихъ эти акты и въ которыхъ участвовали самые блестящіе ораторы, но его уму и его стойкости принадлежитъ честь того, что декреты эти были изданы въ формѣ, заслужившей имъ вниманіе потомства.

Онъ работалъ такимъ образомъ въ комитетахъ и не одинъ законъ носить печать его умѣреннаго и серьезнаго стиля. Онъ, однако, выступалъ, но не въ спорахъ, а въ существенныхъ дебатахъ, и въ пользу защищаемаго имъ мнѣнія онъ всегда приносилъ вѣсь своего личнаго достоинства. Въ наиболѣе вліятельной тогда партіи Жиронды онъ игралъ, такимъ образомъ, роль крупной личности, одно появленіе которой на трибунѣ успокаивало распри или давало развязку дебатамъ. Но не надо вообра-

*) *Journal des Débats*.

жать, что онъ не раздѣлялъ революціонныхъ страстей. Онъ, какъ народъ и какъ его друзья, вѣрилъ въ существованіе Австрійскаго комитета и дважды, 20 и 23 мая 1792 г., призывалъ обратить вниманіе на искусныя интриги двора. Онъ возвращается къ этой темѣ 30 іюня, и по поводу отступленія Люкнера мужественно указываетъ на министерскія и королевскія интриги.

„Фактъ, который я отмѣтилъ,—говоритъ онъ,—является лишь единичнымъ актомъ Австрійскаго комитета. (На считавшейся прежде правой сторонѣ слышенъ нѣкоторый ропотъ). Война, которую мы ведемъ, война, которой дворъ не могъ избѣжать, стала интригой, которая будетъ смѣшной для потомства, какъ она является скандальезной для честныхъ гражданъ. Люди, которые руководятъ ею, подчинены власти австрійскаго двора. (Часть Ассамблеи аплодируетъ). Если послѣ того, какъ наши войска одержали первую побѣду, какъ брабансонскіе генералы содѣйствовали нашимъ усиліямъ, какъ маршалъ Люкнеръ объявилъ позицію въ Куртре неприступной, если послѣ этого тотъ же самый генералъ рѣшился, какъ говорятъ, покинуть Куртре, Ипръ, Мененъ, то есть вернуть австрійскому дому то, что мы завоевали, и оставить на произволъ судьбы брабансонскихъ патріотовъ, то это благодаря вѣроломству и проискамъ этого дома, который покрылъ Францію и будетъ еще покрывать ее трауромъ. Я принужденъ усмотрѣть измѣну въ нашихъ войскахъ, измѣну, на которую Люкнеръ не способенъ и къ которой онъ былъ приведенъ уловками австрійскаго комитета. Министръ, отказавшись сообщить вамъ детали, полученныя имъ отъ маршала Люкнера, старался избавиться отъ отвѣтственности и взвалить ее на генерала. Я требую, чтобы виновные въ этомъ отступленіи были наказаны и чтобы была, по крайней мѣрѣ, голова, которая отвѣчала бы за приказы“.

Строгий и авторитетный голосъ Жансонне, его тонъ юриста внушали увѣренность робкимъ и могущественно содѣйствовали революціи. Но, какъ мы видѣли, онъ тоже не понималъ необходимости 10 августа. Какъ его друзья, онъ безъ задней мысли и безъ сожалѣній согласился на послѣдствія этой народной революціи и, какъ они же, онъ былъ уже истощеннымъ и опереженнымъ, когда онъ вернулся засѣдать на скамьяхъ Конвента.

Но, падая съ меньшей высоты, чѣмъ Бриссо и Петіонъ, онъ не страдалъ, какъ они, отъ крайней непопулярности. Скажемъ также, что, свободный отъ вліянія г-жи Роланъ, онъ избѣгалъ принимать участіе въ бессмысленной кампаніи, которую Гюаде

и Луве вели противъ Робеспьера и Дантона. Онъ не сходилъ съ почвы принциповъ и избѣгалъ всякихъ личныхъ нападковъ, по крайней мѣрѣ, въ первые два мѣсяца существованія Конвента. Если, 19 октября 1792 г., онъ говорилъ противъ петиціи секцій, если, 24 и 25 того же мѣсяца, онъ произнесъ три рѣчи противъ коммуны, то дѣлалъ онъ это безъ рѣзкостей и безъ язвительности. Но скоро и этотъ мудрецъ лишился терпѣнія; онъ тоже вступилъ въ борьбу и проявилъ себя мастеромъ въ искусствѣ высмѣивать съ важностью. Какъ Бюзэ, онъ обратилъ противъ яacobинской политики дебаты о процессѣ Людовика XVI, и его рѣчь относительно апелляціи къ народу является не больше, какъ обвинительнымъ актомъ противъ Робеспьера и Горы, въ которомъ флегматичный діалектикъ обнаружилъ себя болѣе язвительнымъ, чѣмъ Гюаде, и болѣе высокоумнымъ, чѣмъ Верньо.

„Вы кончили свою рѣчь, Робеспьеръ,—сказалъ онъ,—тѣмъ наборомъ клеветническихъ навітовъ, который вы постоянно воспроизводите, который никогда не старится и который имѣется во всѣхъ вашихъ произведеніяхъ. Апелляція къ народу, обращеніе къ суверену является, по вашему мнѣнію, пагубнымъ планомъ, составленнымъ и преслѣдуемымъ какими-нибудь двадцатью интриганамъ. Эта партія погубить отечество, тайное предчувствіе говоритъ вамъ, что она одержитъ верхъ. Она намѣревается вступить въ сдѣлку съ королями, коализовавшимися противъ народа; она желаетъ добиться гражданской войны и вывести Конвентъ изъ Парижа, что приведетъ къ гибели послѣдняго. Наконецъ... вы приглашаете народъ отомстить за васъ, за васъ и вашихъ друзей, которыхъ вы называете патріотами, когда послѣдній изъ васъ будетъ задушенъ.

„Успокойтесь, Робеспьеръ: вы не будете задушены, и я думаю даже, что никто не будетъ задушенъ по вашей милости: благодушіе, съ которымъ вы безпрестанно повторяете этотъ приторный призывъ, заставляетъ меня лишь опасаться, что въ этомъ заключается ваше самое мучительное сожалѣніе. (Подымается нѣкоторый ропотъ. — Предсѣдатель приглашаетъ не прерывать оратора и хранить молчаніе). Лишь слишкомъ вѣрно, что любовь къ отечеству также имѣетъ свое лицемѣріе и свой культъ, своихъ ханжей и своихъ святошъ. Въ области политической экономіи также имѣются шарлатаны, какъ въ искусствѣ врачеванія: ихъ познаютъ по ихъ ненависти къ философіи и просвѣщенію, по ихъ умѣнію лелѣять предрасудки и страсти народа, котораго они желаютъ обмануть; они хвастаютъ

съ наглостью, они безпрестанно говорятъ о своей преданности, о своемъ безкорыстїи, о своихъ рѣдкихъ качествахъ; они лгутъ съ безстыдствомъ, они стараются внушить къ себѣ уваженіе плѣняющими титулами, необычайными формулами. Одинъ объявляетъ себя другомъ народа, другой — неподкупнымъ защитникомъ его правъ, третій изобрѣтаетъ бальзамъ всеобщей республики. Но если они пользуются нѣкоторымъ успѣхомъ, то размышленіе быстро разрушаетъ ихъ престижъ; прежде, чѣмъ они достигаютъ цѣли, они выдаютъ себя, и народъ, стыдясь того, что онъ давалъ имъ обманывать себя, прогоняетъ всѣхъ этихъ скомороховъ; а если онъ оставляетъ ихъ на ихъ подмосткахъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, слушаетъ ихъ только для того, чтобы смѣяться надъ ихъ нелѣпостями, и отвѣчаетъ на ихъ ласки однимъ лишь презрѣніемъ“.

Какъ видитъ читатель, если важный Жансонне и обладалъ умомъ, то онъ тоже, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, впалъ въ жирондистское безуміе и не могъ въ тотъ день воздержаться отъ этихъ мелкихъ, если и не несправедливыхъ насмѣшекъ, которыя, не ослабляя противника, лишь раздражали его.

Въ заключеніе онъ раздѣлилъ якобинцевъ на двѣ категорїи: осдѣленныхъ и руководителей. Пусть первые прозрѣютъ и вернутся къ истинному народу. Что же касается вторыхъ, то „если они помогли спасти общественное дѣло, они сдѣлали это инстинктивно, какъ капитолійскіе гуси (Раздается почти общій смѣхъ). Но, понятно, римскій народъ, изъ признательности къ этимъ спасителямъ, не назначилъ ихъ диктаторами или консулами, не сдѣлалъ ихъ высшими вершителями своихъ судьб“.

Кто бы подумалъ, что честолюбіе Робеспьера доставитъ этой легкой и ничтожной шуткѣ такой успѣхъ, что ни одинъ біографъ Жансонне не забудетъ упомянуть о ней, какъ о его самой блестящей ораторской выходкѣ. Конечно, если Гора была безжалостна къ этому честному человѣку, то воспоминаніе объ этомъ сарказмѣ играло извѣстную роль въ ея гнѣвѣ, и слова эти приблизили Жансонне къ гильотинѣ, хотя онъ и голосовалъ за казнь короля и противъ отсрочки.

Онъ говорилъ еще, но безъ особеннаго блеска, 13 и 16 апрѣля, выступая противъ Марата и противъ Филиппа — Равенство, а 29-го онъ потребовалъ созыва первоначальныхъ избирательныхъ ассамблей: въ этой грозѣ онъ тоже потерялъ политическое чутье.

2 іюня 1793 г. онъ не говорилъ: уже мѣсяць, какъ онъ хра-

нилъ гордое молчаніе. Но онъ не былъ съ тѣми умниками или вѣженками, которые спасались у Мельяна отъ соприкосновенія съ насиліемъ. Онъ сидѣлъ невозмутимый среди ужасной сцены и спокойно писалъ свою самую краснорѣчивую рѣчь, свой протестъ противъ готовившагося покушенія. Мы приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ него.

Резюмировавъ тѣ событія, которыя происходили у него на глазахъ, и заключивъ отсюда, что ему придется скоро разстаться со свободой, если не съ жизнью, онъ продолжаетъ:

„Я заявляю гражданамъ своего департамента и всей Франціи, что я благословилъ бы ожидающую меня судьбу, если бы смерть моя могла быть полезна дѣлу установленія республики и подготавлила счастье французскаго народа.

„Я заявляю, что никогда не переставалъ быть всецѣло ему преданнымъ, что у меня нѣтъ иного желанія, какъ съ мужествомъ и энергіей выполнить свой долгъ, что я стремился только къ его счастью и къ установленію республиканской конституціи, что я жилъ и умру республиканцемъ, достойнымъ довѣрія, которымъ меня почтили мои сограждане.

„Я заклинаю въ частности славныхъ бордосцевъ, моихъ согражданъ, и республиканцевъ всей Франціи, внимательно разобратъ тѣ обвиненія, если таковыя имѣются, которыя будутъ выставлены противъ меня. Друзей своихъ я въ особенности прошу заботиться о моей памяти; во имя тѣхъ чувствъ, которыя они ко мнѣ питали, я поручаю имъ не дать осквернить ее. Это не будетъ труднымъ дѣломъ“. Онъ умоляетъ дальше всѣхъ честныхъ гражданъ не обвинять большинство парижскаго населенія за совершаемыя насилія, напоминая имъ о тѣхъ великихъ услугахъ, которыя Парижъ оказалъ револуціи, и заключаетъ свой протестъ слѣдующими благородными словами:

„Готовый покориться всему, съ чистой совѣстью, я мысленно обнимаю своихъ дорогихъ согражданъ, всѣхъ друзей свободы и французской республики... Подъ кинжалами заговорщиковъ и подъ топоромъ мятежниковъ мой послѣдній вздохъ будетъ за отечество, и уста мои закроются, произнося самое горячее изъ моихъ пожеланій: да здравствуетъ республика!“

Революція оставила намъ мало столь краснорѣчивыхъ документовъ. Есть, кажется мнѣ, что-то величественное въ томъ, чтобы сохранить среди столькихъ крайностей такую безпристрастную умѣренность, чтобы предвидѣть и предупредить вся-

кое желаніе отомстить Парижу, чтобы любить свободу въ тотъ самый моментъ, когда становишься жертвой ея заблужденій.

Какъ Верньо, онъ порицалъ бѣгство и предпріятія Бюзю, Гюаде, Петіона, Барбару и Луве. Его подвергли домашнему аресту, и оказалось, что къ нему приставили жандарма, которому онъ спасъ жизнь въ день 10 августа; тотъ умолялъ его бѣжать, но онъ отказался. Ему еще нѣсколько разъ, даже когда онъ былъ уже въ тюрьмѣ, предлагали устроить побѣгъ, но онъ не соглашался на это, желая оставить по себѣ совершенно незапятнанную память.

Въ послѣдніе дни своей жизни онъ занимался составленіемъ защитительной рѣчи, но до насъ дошла только часть ея *), свидѣтельствующая о томъ же благородствѣ чувствъ и о той же готовности умереть за правду. На судѣ онъ велъ себя гордо, отвѣчая на показанія свидѣтелей кратко и презрительно. Но подготовленной имъ рѣчи онъ, благодаря стараніямъ судей, не могъ произнести. Его погубили въ общественномъ мнѣніи допросомъ относительно его сношеній съ Дюмурье, котораго онъ близко зналъ во время своей миссіи въ Вандеѣ. Онъ призналъ эту близость, призналъ, что вѣрилъ въ военные таланты генерала, и рассказалъ, что состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, когда тотъ принялъ командованіе одной изъ армій. Но онъ счелъ унижительнымъ для себя доказывать свою непричастность къ измѣнѣ Дюмурье.

Въ моменты, предшествовавшіе казни, онъ держался со своей обычной важностью. „Углубленный въ себя самого, — говоритъ Ріуфъ, — онъ какъ будто боялся осквернить свои уста произнесеніемъ имени своихъ убійцъ; у него не вырвалось ни одного слова относительно положенія, и онъ высказывалъ лишь общія размышленія о счастьи народа, котораго онъ ему желалъ достигнуть“ **). Онъ боялся разчувствоваться при мысли о своей семьѣ, и эта боязнь объясняетъ холодный тонъ письма, который онъ написалъ своей женѣ за часъ до казни ***). Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ исповѣдалъ аббатъ Lothringer; но аббатъ Ламберъ, другъ Бриссо, сопровождавшій Lothringer'a, хвастался передъ Пужула, будто онъ исповѣдалъ Жансонне ****).

*) Biré, La légende des Girondins.

**) Она напечатана въ книгѣ Chauvot, стр. 599.

***) Lettres of miss Williams, стр. 163.

****) Vatel, Vergniaud, т. I. стр. XXXVІІ.

О краснорѣчіи Жансонне, образчики котораго мы привели, можно въ общемъ сказать, что оно лишено блеска, но не искусства. Онъ нарочно избѣгаетъ всякой внѣшней нарядности и не выходитъ за предѣлы своей аргументаціи: онъ чувствуетъ, что, при своемъ нѣсколько сухомъ здравомысліи, онъ впалъ бы въ непріятную напыщенность, если бы пожелалъ потрясаяще дѣйствовать на воображеніе. И онъ довольствуется строгой логичностью, которой въ немъ больше всего боятся его противники. Онъ говоритъ мало, выступая лишь въ важныхъ случаяхъ, пишетъ и читаетъ свои рѣчи, производящія всегда сильное впечатлѣніе въ виду точности употребляемыхъ имъ выраженій, постоянного прогресса въ развитіи темы, стройности разсужденій, а также въ виду искренняго и авторитетнаго тона оратора.

X.

Дюко и Буае-Фонфредъ. Гранжневъ.

г.

Оба бордосса, оба сыновья негодяитовъ, связанные между собою родствомъ и, главнымъ образомъ, тѣсной дружбой, Дюко и Фонфредъ еще до 1789 г. проявили живой интересъ къ политикѣ и были республиканцами уже тогда, когда Верньо, Гюаде и Жансонне боялись бы итти въ своихъ желаніяхъ дальше монархіи на англійскій манеръ. Фонфредъ не поколебался заняться тѣмъ же дѣломъ, что его отецъ, но Дюко думалъ лишь о литературѣ, о поэзіи. Онъ недурно писалъ насмѣшливые забавные стихи, отличался веселостью и восторженностью, но совершенно не былъ ни сантименталенъ, ни приторенъ. Его насмѣшки пользовались извѣстностью, и въ публикѣ циркулировало множество его удачныхъ словечекъ, полныхъ вкуса и знанія. Когда онъ находится въ Парижѣ, его жена пишетъ ему, чтобы онъ воздерживался отъ эпиграммъ. Тѣ, которые его не знаютъ, считаютъ его злымъ, но, въ дѣйствительности, онъ такой же добрый и восторженный, какъ его другъ, обладавшій менѣе блестящимъ, но болѣе спокойнымъ и болѣе разсудительнымъ умомъ.

Въ 1788 г. они путешествовали по Голландіи, Дюко — для пополненія своего образованія и удовольствія ради, а Фонфредъ

—чтобы избѣжать неудовольствія своего отца, противъ воли котораго онъ женился. Уже проникнутый героизмомъ, Дюко сражался въ рядахъ батавскихъ республиканцевъ противъ штатгальтера, при осадѣ предмѣстья г. Амстердама. Неизвѣстно, рискнулъ ли вмѣстѣ съ нимъ своей жизнью и Фонфредъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ пребываніе въ Голландіи подготовило ихъ обоихъ къ революціонной жизни, и они вынесли оттуда ранній опытъ и смѣлость дѣятельныхъ людей.

Въ іюль 1789 г. они первые среди бордосцевъ украсили себя трехцвѣтной кокардой, между тѣмъ какъ Луве далъ тотъ же примѣръ въ небольшомъ городкѣ, находящемся въ двадцати миляхъ отъ Парижа. Они осмѣлились также выступить противъ бордосскаго парламента, тогда еще могущественнаго и принимавшаго контръ-революціонный характеръ. Къ тому же времени они именно постарались послать въ Монтобанъ „отрядъ бордосской національной гвардіи, чтобы освободить тамъ патріотовъ, которые, избѣжавъ смерти отъ рукъ роялистовъ и фанатиковъ, томятся въ тюрьмахъ“. Они отказываются отъ своего офицерскаго чина, чтобы отправиться въ качествѣ волонтеровъ вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ. Наконецъ, Дюко былъ основателемъ бордосскаго народнаго общества, на собраніи котораго, узнавъ о событіяхъ 21 іюня 1791 г., онъ предложилъ созвать немедленно Національный Конвентъ и принять другія республиканскія мѣры. Благодаря этому энергичному поведенію, онъ, имѣя тогда лишь двадцать шесть лѣтъ отъ роду, былъ избранъ въ члены Законодательнаго Собранія.

Онъ оставилъ въ Бордо свою молодую жену и своего дорогого Фонфреда и уѣхалъ вмѣстѣ съ другими депутатами Жиронды, изъ которыхъ онъ особенно дружилъ съ Верньо, внушавшимъ ему и его другу горячую симпатію и почти безграничное уваженіе.

Уже 6 октября 1791 г. онъ съ чисто южной увѣренностью выступилъ впередъ въ вопросѣ о церемоніалѣ, рѣзко прервалъ Дюкастеля, требовавшаго отмѣны почти республиканскаго декрета о процедурѣ принятія короля, и предложилъ отклонить это требованіе. Такой апломбъ долженъ былъ удивить у столь молодого человѣка и на моментъ сосредоточить вниманіе на его личности. Онъ имѣлъ одновременно юношескій и нѣсколько свѣтскій видъ, былъ низкаго роста, но изящно сложенный, съ лицомъ, „которое, не будучи замѣчательнымъ, производило все же чарующее впечатлѣніе на красивыхъ женщинъ, и выражало-

въ общемъ кротость, хотя во взглядѣ блестяль огонекъ насмѣшливости и шаловливости“ *).

Что касается его убѣжденій, то онъ, какъ мы уже сказали, былъ полу-республиканцемъ еще до 1789 г. Его многочисленныя рѣчи и его поведение доказываютъ, что, въ религіозномъ отношеніи, онъ, какъ и Фонфредъ, былъ философомъ на манеръ Верньо. Въ политическомъ же отношеніи его симпатіи клонились скорѣе въ сторону Горы. „Я не федералистъ и не жирондистъ въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этимъ названіямъ,—говорилъ онъ Паганелю. — Убѣжденія моихъ друзей не являются моими, участь же моя будетъ такой же, какъ ихъ. Я повинуюсь чуждому мнѣ направленію, какъ какому-то року“ **). Его дружба съ Верньо была единственной, но могущественной связью, соединявшей его съ Жирондой. Онъ никогда не бывалъ у госпожи Роланъ и, несомнѣнно, способствовалъ освобожденію Верньо отъ ея вліянія. Подъ руководствомъ Кондорсе онъ редактировалъ газету *Chronique de Paris*, въ которой жирондистская политика такъ часто порицалась и которая могла бы сблизить Жиронду съ дантонистской фракціей Горы.

Во всякомъ случаѣ, Дюко проявилъ на трибунѣ Законодательнаго Собранія политическую рѣшимость и практическое чутье достойнаго Дантона. Его длинная рѣчь, которую онъ произнесъ 26 октября 1791 г. противъ бунтовавшихъ священниковъ, имѣетъ ивную цѣнность, чѣмъ краскорѣчивыя филиппики другихъ ораторовъ противъ религіознаго фанатизма. Онъ, какъ мы видѣли, осмѣливается найти и указать дѣйствительное средство — отдѣленіе церкви отъ государства.

Въ Законодательномъ Собраніи онъ часто говорилъ о положеніи дѣлъ въ Сень-Доминго ***) и въ защиту правъ темноко-

*) Paganel, т. II, стр. 226.

**) Ibid., т. II, стр. 227.

***) Половинчатая политика Учредительнаго Собранія въ колоніальномъ вопросѣ не могла, конечно, положить конца безпорядкамъ и волненіямъ, происходившимъ во французскихъ колоніяхъ. И Законодательному Собранію уже въ первые дни своего существованія пришлось заняться этимъ вопросомъ, въ которомъ для буржуазіи сталкивались ея матеріальные интересы и идеи свободы и равноправія, провозглашенныя ею въ Декларации правъ. Уже 30 ноября 1791 г. представители Сень-Домингскихъ колонистовъ явились въ Ассамблею, и одинъ изъ нихъ прочелъ отъ имени своихъ коллегъ длинный докладъ, настаивавшій на необходимости сохранить институтъ рабства и безправіе свободныхъ негровъ и протестовавшій противъ „Общества друзей темнокожихъ“, якобы вредящаго своей пропа-

жихъ, дѣлая это съ тѣмъ большимъ безкорыстіемъ, что имѣлъ владѣнія на этомъ островѣ и что тамошніе беспорядки разорили его. Если бы ему позволили произнести передъ революціоннымъ трибуналомъ подготовленную имъ защитительную рѣчь, то онъ бы долго настаивалъ на этой роли защитника чернокожихъ, которой онъ имѣлъ право гордиться. Онъ говорилъ также со знаніемъ дѣла по вопросамъ финансовымъ, объ ассигнаціяхъ. Въ глубинѣ души онъ, несомнѣнно, призывалъ ту революцію, которой нѣкоторые изъ его друзей боялись и которая была совершена 10 августа. 3 августа онъ ясно сказалъ на трибунѣ то, на что до тѣхъ поръ лишь намекали: „Наши враги ведутъ противъ насъ войну только изъ-за короля и отъ его имени“. Вечеромъ же 10 августа онъ написалъ Фонфреду письмо, датированное слѣдующимъ образомъ: Парижъ, 10 августа, 1-й годъ республики; письмо это обошло весь городъ и имѣло рѣшительное вліяніе на колебавшееся еще бордосское общественное мнѣніе.

Послѣ 10 августа онъ былъ членомъ корреспондентскаго комитета, который освѣдомлялъ о происходившемъ армію и администрацію и убѣдилъ всю Францію одобрить новую революцію. Почти вся тяжесть этого огромнаго и анонимаго дѣла легла на дѣятельнаго и восторженнаго Дюко. Его здоровье пошатнулось. Онъ намѣревался отказаться отъ мандата, который ему предложили на выборахъ въ Конвентъ. Но пруссаки были въ Варденѣ, и это не было моментомъ для того, чтобы покинуть свой опасный постъ. Дюко допустилъ избрать себя, и на этотъ разъ, къ его радости, былъ избранъ и его дорогой Фонфредъ *).

гадой національнымъ интересамъ, отечественной торговлѣ и т. д. Ассамблея безъ ропота выслушала этотъ докладъ, и только когда председатель попросилъ делегатовъ остаться на засѣданіи, крайняя дѣвая заволновалась и Базиръ воскликнулъ: „Какъ, вы приглашаете на засѣданіе людей, носящихъ философію и свободу?..“ Слова его были покрыты оглушительнымъ шумомъ большинства депутатовъ, постановившихъ напечатать только что выслушанный ими докладъ.

Законодательное Собраніе еще много разъ обсуждало колониальныя дѣла, стараясь лавировать между требованіями бѣлыхъ поселенцевъ, которые большинство желало удовлетворить, и революціонными принципами, которые оно не желало, просто-на-просто, отвергнуть. Послѣ долгихъ колебаній оно все же рѣшилось уравнять въ правахъ бѣлыхъ и свободныхъ негровъ и, 24 марта 1792 г., издало въ этомъ смыслѣ декретъ, внесшій нѣкоторое успокоеніе въ колоніяхъ.

Прим. перев.

*) Жившіе до сихъ поръ вмѣстѣ, Верньо и Дюко поселились, послѣ ихъ переизбранія, съ Фонфредомъ, держась далеко отъ жирондистскихъ собраній и составляя отдѣльную, очень дружную и веселую семью.

II.

Въ Конвентѣ Фонфредъ и Дюко дѣйствовали за-одно, находясь въ полномъ идейномъ согласіи. Оба они говорили въ защиту темнокожихъ, оба голосовали вмѣстѣ съ Горою въ процессѣ Людовика XVI, разошедшись даже съ Верньо въ вопросѣ объ апелляціи къ народу, которую они отвергли. Они высказались за казнь и противъ отсрочки. Фонфредъ только въ тотъ день обратилъ на себя вниманіе, когда онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ комментировалъ свое голосованіе за смертную казнь:

„Я со спокойствіемъ самой холодной безпристрастности разобралъ выставленныя противъ Людовика обвиненія и представленныя имъ оправданія; я отказался даже отъ той добродѣтельной ненависти, которую гнусность королевской власти внушаетъ всякому республиканцу противъ лицъ, родившихся около трона; даже произнося надъ нимъ приговоръ, я уважаю того человѣка, который былъ королемъ, и не стану больше упрекать его за его преступленія; онъ уличенъ въ государственной измѣнѣ: законъ, слѣдовательно, какъ и государственный интересъ, всемірное правосудіе, какъ и благо народа, осуждаютъ его на смерть. Я примѣню поэтому законъ, какъ я поступилъ бы и въ мой послѣдній часъ; и если, когда я вычеркиваю одного смертнаго изъ числа живыхъ, сердце мое сжимается отъ боли, то моею спокойной совѣсти нечего бояться угрызений.“

Возвышенность идей и сжатость стиля—таковы два главныхъ качества краснорѣчія Фонфреда. И отъ Дюко, раздѣляя всѣ его политическіе взгляды, онъ отличается умѣніемъ владѣть собою и своего рода ораторской скромностью. Между тѣмъ, какъ плодовитый и проворный Дюко постоянно готовъ былъ говорить съ трибуны, Фонфредъ выжидалъ, берегъ себя, выбиралъ моментъ, какъ тѣ флегматики, которые вмѣшиваются въ споръ только для того, чтобы положить ему конецъ, и умъ которыхъ совершенно свѣжъ, когда другіе уже устали и раздражены. Веченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ существованія Конвента онъ добровольно держался въ тѣни, выступая лишь въ колоніальныхъ вопросахъ. 18 марта 1793 г., въ существенномъ вопросѣ, въ вопросѣ о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять противъ виновниковъ возстанія 10 марта, этого неудавшагося 2 іюня, Фонфредъ, въ концѣ шумныхъ дебатовъ, взялъ слово противъ предложенія объ отсрочкѣ и произнесъ рѣчь, поразившую своей энергіей и авторитетностью:

„Граждане,—сказалъ онъ,—намъ надо, наконецъ, откровенно объясниться. Неужели ваше мужество такъ скоро утомило васъ? Хотите ли вы спасти свободу? О, конечно, вы этого хотите! Однако, когда вамъ сообщаютъ объ инсургентскомъ комитетѣ, когда васъ предупреждаютъ, что около васъ, въ этомъ же городѣ, комитетъ чужестранныхъ наемниковъ желаетъ подорвать сами основы учрежденной вами республики, когда эти разбойники требуютъ вашихъ головъ, когда самъ генеральный совѣтъ коммуны извѣщаетъ васъ, что желали закрыть заставы и распустить Конвентъ, ибо задушить нѣсколькихъ членовъ—значитъ распустить его, когда близка еще та ночь, въ которую надѣялись повергнуть васъ къ стопамъ новыхъ властелиновъ, вы колеблетесь, вы не рѣшаетесь наказать тѣхъ, которые поклялись погубить свободу! (Очень многіе депутаты вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и кричатъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!). Желаете ли вы испытать, легка ли ихъ власть, сносенъ ли будетъ ихъ гнетъ?.. Здѣсь говорили о законныхъ доказательствахъ, объ отсрочкѣ: желаете ли вы отсрочить свое существованіе и существованіе свободы? Она въ опасности, вы засѣдаете и вы откладываете на слѣдующій день ея спасеніе! Граждане, одного дня отсрочки часто достаточно было для того, чтобы могло совершиться множество преступленій. Развѣ вы это обѣщали народу, котораго вы представляете? Время постыдной слабости, время малодушной трусости прошло. Я заявляю вамъ, что именно она чуть не погубила республику. Инсургентскій комитетъ существуетъ; а противъ кого можетъ быть возстаніе, если не противъ суверенитета народа? Онъ существуетъ, этотъ комитетъ, вамъ донесли на него; онъ находится около васъ, муниципалитетъ остановилъ его на его пути; заговорщики извѣстны, и вы дадите имъ ускользнуть отъ народной мести! (Двѣ трети депутатовъ встаютъ, привѣтствуютъ оратора и кричатъ: Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!). Я не принадлежу ни къ какой партіи, я никому не желаю принадлежать; я принадлежу моей совѣсти и моей странѣ, и я выполняю священный долгъ, когда я пробуждаю въ вашихъ сердцахъ ту революціонную энергію, которая одна можетъ спасти отечество и васъ“. Въ заключеніе онъ предлагаетъ, чтобы члены инсургентскаго комитета были немедленно арестованы, и это предложеніе принимается съ энтузіазмомъ почти всѣми членами Ассамблеи.

Съ того времени онъ сталъ однимъ изъ любимыхъ ораторовъ Конвента, и каждая рѣчь его вызывала энтузіазмъ, какъ то было

6 апрѣля 1793 г., когда онъ потребоваль ареста всѣхъ Бурбоновъ въ слѣдующихъ находчивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячихъ выраженіяхъ:

„Когда вы узнали, что три генерала, Дюмурье, Валансъ и Равенство*), завершили свои преступленія и долгія измѣны переходомъ на сторону врага, ваши сердца наполнились одинаковымъ негодованіемъ. Надо арестовать всѣхъ Бурбоновъ и держать ихъ, какъ заложниковъ,—воскликнулъ Каррье.—Я желаю поддержать предложеніе этого республиканца и доказать справедливость и необходимость онаго. (Да, да, говорите!—кричитъ почти вся Ассамблея, вставая).

„Намъ безпрестанно говорятъ о революціонныхъ законахъ, о необходимости принять сильныя и мужественныя мѣры. Въ всякаго сомнѣнія, только онѣ однѣ могутъ спасти отечество; но я не понимаю, какимъ образомъ проскрипція семьи, бывшей и все еще остающейся королевской, не была еще вами включена въ число этихъ мѣръ: надо издать этотъ революціонный законъ, этотъ чрезвычайный законъ, требуемый и оправдываемый благомъ народа. (Да, да). Если, въ тотъ день, когда вы основали республику, вы бы изгнали всѣхъ этихъ Бурбоновъ, то этотъ день избавилъ бы Францію отъ многихъ безпорядковъ, Парижъ—отъ многихъ волненій, вась—отъ многихъ раздоровъ, вашу армію—отъ многихъ пораженій. Наступилъ моментъ**) отречься отъ этой слабости; республики существуютъ только добродѣтелями,

*) Генераль Равенство, т.е. молодой герцогъ Орлеанскій, который послѣдствіи, послѣ июльской революціи, былъ провозглашенъ королемъ Франціи подъ именемъ Людовика-Филиппа. Ему было шестнадцать лѣтъ, когда вспыхнула революція, и, слѣдуя примѣру своего отца, онъ отдался ей, проникся ея идеями и былъ даже однимъ изъ крайнихъ. Онъ поступилъ въ сѣверную армію, принялъ участіе во многихъ битвахъ и особенно отличился въ сраженіяхъ при Вальми и Жемаппѣ. Его быстрой карьерѣ и военнымъ успѣхамъ его много содѣйствовалъ Дюмурье, желавшій выдвинуть его на первый планъ, приобрѣсть ему любовь войска и, такимъ образомъ, открыть ему путь къ французскому престолу. Крайне честолюбивый по природѣ, молодой герцогъ согласился на роль претендента и вмѣстѣ съ Дюмурье намѣнилъ республикѣ. Они надѣялись, что армія послѣдуетъ за ними и расчитывали, соединившись съ непріятелемъ, пойти на Парижъ, разогнать Конвентъ, отмѣнить республику и т. д. Но расчеты ихъ оказались ложными: армія осталась вѣрна революціи и отвернулась отъ нихъ, какъ отъ измѣнниковъ. Герцогъ, объявленный Конвентомъ внѣ закона, эмигрировалъ и долго скитался по разнымъ странамъ.

Прим. перса.

**) Въ *Républicain français*: „... исправить эту ошибку“..

принцы же замышляютъ только преступленія и только ими живутъ. Развращенные при дворахъ, они развращаютъ вашихъ солдатъ въ лагеряхъ, вашихъ гражданъ въ городахъ; для нихъ не существуетъ ни вѣры, ни клятвы: свое властолюбіе они скрываютъ на тысячу манеръ и, профанируя священное имя отечества, они втайнѣ стремятся снова стать вашими властелинами. Посмотрите на Равенство: республика осыпала его милостями; онъ происходилъ изъ семьи вашихъ тирановъ и, несмотря на это пятно позора, онъ командовалъ вашими войсками. Что же! онъ участвуетъ въ заговорѣ, онъ бѣжитъ, онъ переходитъ на сторону врага. Будемъ за это благодарны тому духу, который бодрствуетъ надъ республикой: онъ просвѣщаетъ насъ, наконецъ, и указываетъ намъ на наши обязанности. Граждане, принцы, въ области, по крайней мѣрѣ, преступленій, всѣ родственны; удержимъ же всѣхъ этихъ Бурбоновъ, какъ заложниковъ; и если тираны, къ которымъ примкнулъ Равенство, которымъ онъ предалъ нашихъ товарищей*), если, вопреки международному праву, они осмѣлятся убить представителей французскаго народа, то пусть всѣ эти Бурбоны будутъ преданы казни! пусть головы ихъ скатятся къ подножію эшафота! пусть они исчезнутъ изъ жизни, какъ королевская власть исчезла изъ республики, и пусть ихъ гнусное существованіе не позоритъ больше земли свободы“. (Вся Ассамблея встаетъ и требуетъ немедленнаго голосованія.— Втеченіе нѣсколькихъ минутъ раздаются аплодисменты.— Предложеніе принимается единогласно)**).

*) Фонфредъ имѣетъ здѣсь въ виду депутатовъ Банкаля, Ламарка Камуса и Кинетта, которые, въ сопровожденіи военнаго министра Бёрнонвилля, были отправлены Конвентомъ къ Дюмурье, чтобы привести его въ Парижъ, и которыхъ Дюмурье, въ присутствіи и съ одобренія герцога Орлеанскаго и генерала Валанса, арестовалъ и предалъ австрійцамъ.

Прил. перев.

**) Фонфредъ произнесъ эту рѣчь черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ измѣна Дюмурье и молодого герцога Орлеанскаго стала официальнымъ фактомъ. На основаніи декрета, изданнаго подъ влияніемъ этой рѣчи, былъ арестованъ старый герцогъ Орлеанскій, отецъ предыдущаго, бывший депутатомъ Учредительнаго Собранія и избранный затѣмъ депутатомъ Конвента, подъ именемъ Филиппа Равенство, которое за нимъ утвердила парижская Коммуна. Въ ноябрѣ 1793 г. онъ былъ преданъ революціонному трибуналу, который, не имѣя, впрочемъ, противъ него никакихъ серьезныхъ уликъ, обвинилъ его и приговорилъ къ смертной казни.—Говоря о его процессѣ, Луи-Бланъ замѣчаетъ: „Мы съ большимъ стараніемъ искали въ историческихъ документахъ, чтобы найти, чѣмъ этотъ принцъ могъ заслужить у революціи такого конца, и всѣ

15 апрѣля 1793 г. петиція секцій, представленная Руссеномъ, просила, отъ имени Парижа, изгнать жирондистовъ и передать эту просьбу на разсмотрѣнiе департаментовъ. Буае-Фонфредъ, не значившiйся въ числѣ указанныхъ петиціей депутатовъ, выступилъ на защиту своихъ друзей и потребовалъ созыва первоначальныхъ избирательныхъ ассамблей.

„Если бы скромность не была скорѣе обязанностью, чѣмъ добродѣтелью общественнаго дѣятеля, то я обидѣлся бы тѣмъ, что имя мое не было внесено въ почетный списокъ, который вамъ только что представили. (И мы тоже! Всѣ! Всѣ!—кричатъ, повскакавши со своихъ мѣстъ, три четверти депутатовъ). Я вижу, граждане, что вы раздѣляете мои чувства и мои сожалѣнiя, что вы, какъ и я, жаждете быть упомянутыми среди вѣрныхъ служителей республики“...

Отдавъ затѣмъ съ иронiей дань уваженiя патриотизму петиціонеровъ, онъ продолжаетъ: „Теперь я вспоминаю, что воля народа можетъ быть выражена только его представителями или всѣмъ народомъ; до сего же дня я думалъ, что французскiй народъ состоитъ изъ 25 милліоновъ людей, и что лишь въ нихъ всѣхъ находится суверенитетъ; я думалъ, что тотъ или тѣ, которые пожелали бы поставить на мѣсто его воли свою, являются ничѣмъ инымъ, какъ тиранами, узурпаторами. Я согласенъ, что для нѣкоторыхъ людей суверенитетъ народа составляетъ подчасъ стѣснительную вещь; но я настолько ревниво желаю сохранить ему его права, довѣренныя моею, какъ и вашею, защитѣ, что у меня никогда не будетъ намѣренiя посягнуть на нихъ; и я отдаю здѣсь должную справедливость петиціонерамъ, которые, какъ и я, исполнены уваженiя къ этимъ принципамъ, такъ какъ, вос-

наши поиски остались тщетными. Ни одного его акта, ни одного слова, которое можно было бы привести въ доказательство того, что онъ или замѣнялъ революціи или тайно мечталъ о престолѣ. Но роковымъ стеченiемъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ онъ сталъ предметомъ общей клеветы и возбудилъ противъ себя, одну за другой, всѣ партіи: конституціоналистовъ, потому что онъ былъ въ числѣ враговъ трона; жирондистовъ, потому что онъ засѣдалъ на скамьяхъ Горы; монтаньяровъ, потому что его присутствiе въ ихъ рядахъ бросало на нихъ подозрѣнiе въ томъ, что они не столько его союзники, сколько его соумышленники. О распушенности его нравовъ и безалаберности его частной жизни имѣются даже слишкомъ многочисленныя свидѣтельства; но что его преданность революціоннымъ принципамъ лишена была искренности—этого ничто не доказываетъ и его процессъ меньше, чѣмъ что бы то ни было“.

Прил. перв.

пользовавшись священнымъ правомъ петиціи, чтобы потребовать изгнанія части народныхъ представителей, они просятъ васъ передать ихъ просьбу на разсмотрѣніе департаментовъ“...

Но для Фонфреда департаменты состоятъ не въ директоріяхъ или избирательныхъ корпусахъ, являющихся частными собраніями, а въ первоначальныхъ ассамблеяхъ. Только въ нихъ французскій народъ; онѣ однѣ могутъ быть судьями обвиненныхъ депутатовъ: „Личности, секціи народа, народныя общества составляютъ петиціи, прошенія; приказываетъ же, повелѣваетъ весь народъ, и я желаю, наконецъ, чтобы онъ одинъ господствовалъ надъ вами и надо мною. Если есть кто-либо, кто отрицаетъ эти вѣчные принципы, эти аксіомы соціального искусства, то пусть онъ выступитъ и прерветъ меня!.. Я продолжаю. И здѣсь я долженъ сдѣлать заявленіе. Если бы я имѣлъ счастье находиться въ представленномъ вамъ спискѣ, то, хотя и одобряя просвѣщенное рвеніе петиціонеровъ, я, каково бы ни было ваше рѣшеніе, вызвалъ бы ихъ, представъ вмѣстѣ съ ними, передъ ихъ и моимъ властелиномъ, передъ французскимъ народомъ. Мое сердце слишкомъ благородно и душа моя слишкомъ горда, чтобы, до тѣхъ поръ, пока въ жилахъ моихъ будетъ течь хоть капля крови, признавать иного властелина, чѣмъ народъ. И я достаточно уважаю тѣхъ изъ моихъ коллегъ, которые имѣли счастье понасть въ проскрипціонный списокъ, чтобы вѣрить, что они не поколеблятся пойти по этому пути“.

Въ дни, предшествовавшіе 31 мая, опасность, грозившая его друзьямъ, придала его рѣчи болѣе жирондистскій оттѣнокъ. 24 мая онъ воскликнулъ не безъ величія: „О, граждане, спасите Парижъ, спасите республику: моимъ голосомъ васъ объ этомъ умоляетъ встревоженное отечество. Посмотрите на департаменты: они вооружены, они готовы выступить на защиту республики и національнаго представительства. Республика 'будетъ уничтожена, если во Франціи вы одни не будете имѣть мужества. Да, если любимые мною коллеги погибнуть, то я не желаю жить послѣ нихъ; если я не раздѣляю ихъ почетной проскрипціи, то я, по крайней мѣрѣ, удостоюся погибнуть послѣ нихъ. Въ тотъ самый день, когда будетъ совершено покушеніе на нихъ, я провозглашу съ этой трибуны гибельный расколъ, нынѣ еще проклипаемый, фатальный, быть можетъ, для всѣхъ, но который явится законнымъ и необходимымъ въ виду нарушенія того, что есть самага святого на землѣ; да, я провозглашу его; департаменты не останутся глухи къ моему призыву, и свобода найдетъ

еще себѣ убѣжище“ (Аплодисменты). Но его дружеское усердіе не шло до того, чтобы вмѣстѣ съ жирондистомъ Doucet de Pontécoulant желать воспретить всякую переписку между народными обществами и убить, такимъ образомъ, вліяніе якобинцевъ. „Граждане, — сказалъ онъ 25 мая, — свобода погибнетъ въ тотъ день, когда лица, на которыхъ возложена обязанность защищать ее, стануть препятствовать свободному обращенію мыслей... Убить мысль, значитъ совершить тягчайшее преступленіе по отношенію къ человѣческому роду“.

III.

Между тѣмъ, какъ Фонфредъ, въ своихъ появленіяхъ на трибунѣ, почти что достигалъ великаго краснорѣчія и волновалъ Ассамблею каждый разъ, когда онъ говорилъ, исходя, главнымъ образомъ, изъ высоко нравственныхъ соображеній, Дюко, съ природенной ему легкостью рѣчи, касался самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ, проявляя себя компетентнымъ даже въ наиболѣе техническихъ вопросахъ, каковы вопросы промышленности, финансовъ иностранныхъ дѣлъ. Длинная рѣчь, которую онъ произнесъ 18 декабря 1792 г. относительно народнаго образованія, свидѣтельствуеъ о просвѣщенномъ и свободномъ умѣ, но увлекавшемся иногда химерами и парадоксами. Такъ, онъ требуетъ равнаго жалованья для всѣхъ учителей.

„Если я правильно понялъ планъ комитета *), то онъ, для преподавателей высшихъ школъ, предлагаетъ установить жалованье, возрастающее въ довольно сильной прогрессіи соотвѣтственно съ высотой степени образованія. Такая система платить гораздо дороже тѣмъ, которые преподають болѣе высокія знанія, была бы гибельной для національнаго образованія... Когда я принимаю во вниманіе трудности преподаванія, то я нахожу, что надо имѣть если не болѣе обширныя знанія, то лучшія способности для того, чтобы преподавать дѣтямъ начатки наукъ и искусствъ.

*) Т.-е. комитета народнаго образованія, который, скоро послѣ собранія Конвента, сталъ составлять проектъ организаціи народнаго образованія, вдохновляясь, главнымъ образомъ, идеями, изложенными Кондорсе въ планъ, который онъ представилъ Законодательному Собранію и о которомъ мы говорили выше. Не лишне замѣтить, что дебаты, во время которыхъ Дюко произнесъ цитируемую рѣчь, были первыми парламентскими дебатами во Франціи, посвященными вопросу о народномъ образованіи.

чтобы припоровить къ ихъ неразвитымъ умамъ простые и точные методы сужденія о вещахъ и людяхъ, чѣмъ для того, чтобы съ умами, уже подготовленными къ научнымъ занятіямъ, способными самостоятельно мыслить, работающими собственными силами проходить болѣе сложныя теоріи, но которыя, благодаря содѣйствию просвѣщенныхъ людей Европы, стали столь простыми, столь обоснованными“.

Но онъ проявляетъ значительное философское мужество, когда онъ вооружается противъ клерикальнаго обученія: „Одинъ ораторъ,—сказалъ онъ,—казался опечаленнымъ тѣмъ, что священники исключены изъ плана народнаго обученія, предложеннаго комитетомъ. Я не хочу оскорблять Національный Конвентъ и не стану оправдывать это раздѣленіе между обученіемъ морали, которая является общей для всѣхъ людей, и обученіемъ религіямъ, которыя мѣняются по прихоти набожныхъ фантазій и воображенія. Въ школы, открытыя для всѣхъ членовъ общества, этотъ ораторъ допустилъ бы, конечно, только дѣтей католическаго вѣроисповѣданія, такъ какъ впустить туда священниковъ этого культа, значить исключить оттуда гражданъ всѣхъ другихъ культовъ; это значить также дать государственной власти право, узурпированное исповѣдниками, именно право исключительно руководить умами, тиранизировать, эксплуатировать ихъ. Возможно также, что въ допущеніи священниковъ, какъ таковыхъ, на учительскія должности, видѣли лишь финансовую операцію, возможность сдѣлать крупную экономію. Нація, говорили намъ, платитъ имъ ежегодно половину того, что доставляется налогами: нельзя ли было бы дать имъ заработать такое крупное жалованье, возложивъ на нихъ важныя функціи? Что касается меня, то, признаюсь, я предпочелъ бы отдать имъ деньги республики, чѣмъ предоставить имъ воспитаніе юношества; я предпочелъ бы разорить государственную казну, чѣмъ испортить и развратить общественный умъ. Мною не экономической расчѣтъ, а разумъ руководить въ томъ, что я мало расположенъ въ пользу священниковъ; я вспоминаю, на ихъ счетъ, исторію о томъ древнемъ флейтистѣ, о которомъ говоритъ Плутархъ, и которому платили обыкновенную плату за то, что онъ игралъ, и двойную за то, чтобы онъ умолкъ, такъ какъ онъ игралъ фальшиво.

„Первое условіе народнаго образованія заключается въ томъ, чтобы преподавать только истины, и это является приговоромъ объ исключеніи священниковъ.

„Другой принципъ, на которомъ должно зиждиться народное

образованіе, тоже устраняетъ ихъ, какъ священниковъ, отъ школъ республики: онъ состоитъ въ томъ, что преподаваніе должно быть одинаково годнымъ для всѣхъ гражданъ, равныхъ въ своихъ правахъ. Изъ этого принципа я осмѣливаюсь вывести еще другое заключеніе, столь же, быть можетъ, очевидное, но болѣе оспариваемое, чѣмъ первое, потому что оно рѣзко задѣваетъ и ложныя идеи и установившіяся привычки нашей, всецѣло проникнутой эгоизмомъ и раболѣпнѣемъ, жизни. Я полагаю, что всѣ дѣти, рожденныя въ республикѣ, должны быть принуждены... посѣщать въ теченіе извѣстнаго времени школы республики. Скажутъ, что такое принужденіе слишкомъ круто противорѣчитъ нашимъ нравамъ и обычаямъ. Я отвѣчаю, что я потому именно и предлагаю это.“

Чтобы имѣть полное представленіе о гибкости таланта Дюко, надо читать его рѣчи о финансахъ, въ которыхъ онъ первый проявилъ столь усовершенствованное нынѣ искусство излагать безъ педантизма тѣ вопросы, въ которыхъ цифры играютъ самую важную роль, и, подборомъ простыхъ примѣровъ, приведенныхъ въ тонѣ собесѣдованія, сдѣлать эти вопросы доступными даже для лицъ совершенно неосвѣдомленныхъ. Вотъ, напр., что онъ говоритъ 30 апрѣля 1793 г. противъ таксы:

„Я сказалъ, что такса, чтобы быть справедливой, должна была бы быть въ соотвѣтствіи съ издержками производства, съ заработной платой, величина которыхъ, мѣняясь постоянно, должна была бы также вызывать измѣненія въ таксовой цѣнѣ; и я прибавляю, что только торговля, да еще свободная торговля, можетъ услѣдить за всѣми этими колебаніями.“

„Парижскій народъ можетъ воображать, что хлѣбъ растетъ на поляхъ, какъ трава на лугахъ; но въ Ассамблеѣ, имѣющей честь считать среди своихъ членовъ нѣсколькихъ земледѣльцевъ, имѣютъ болѣе правильныя понятія о земледѣліи. Вы знаете, что цѣна хлѣба должна была подняться въ соотвѣтствіи съ цѣною всѣхъ другихъ пищевыхъ продуктовъ и въ соотвѣтствіи съ расходами, которые приходится дѣлать для производства хлѣба: напр., надо пахать землю, прежде чѣмъ посѣять въ ней зерно, а, чтобы пахать, нужны волы и лошади. Лошадь же, которая три года тому назадъ стоила 300 ливровъ, стоитъ теперь 1200 и даже 1500. Подымется ли ваша такса соразмѣрно съ этимъ ужаснымъ вздорожаніемъ?“ Онъ продолжаетъ въ томъ же тонѣ, приводитъ еще нѣсколько примѣровъ того, какъ вздорожали разные предметы потребленія, и приходитъ къ тому заключенію, что „надо на

все установить таксу, если хотятъ установить опредѣленную цѣну на хлѣбъ“, иначе говоря, что лучше не дѣлать никакихъ таксъ, такъ какъ законодатель не сможетъ никогда услѣдить за всѣми колебаніями рынка.

Не входя въ оцѣнку мысли Дюко, слишкомъ, быть можетъ, разсуждавшаго такъ, какъ если бы обстоятельства были нормальными, можно сказать, что онъ былъ, быть можетъ, первымъ, сумѣвшимъ интересоваться, почти забавлять своихъ слушателей, со бесѣдою съ ними о финансахъ. Онъ положилъ начало этому жанру краснорѣчія. По правдѣ сказать, Дюко на трибунѣ почти всегда собесѣдникъ, или, какъ теперь выражаются, un conférencier. Его рѣчи удивительно похожи на рѣчи нашихъ современныхъ ораторовъ. Онъ никогда не касается древности, всегда избѣгаетъ риторики. Не думаю, чтобы ему были за это благодарны. Ему предпочитали Фонфреда, болѣе патетическаго и болѣе корректнаго, но также, на нашъ теперешній вкусъ, менѣе пріятнаго и менѣе разнообразнаго. Они, однако, имѣютъ одну общую черту: ихъ, столь различное, краснорѣчіе вдохновляется вполнѣ современными идеями и никогда не отдаетъ коллежемъ.

IV.

Дюко и Фонфредъ сдѣлали все возможное и даже невозможное для того, чтобы помѣшать разрыву съ Горой, особенно съ Дантономъ, проявивъ себя въ этомъ случаѣ настоящими политиками. Властолюбивая трусость центра безпокоила Дюко, и онъ выразился разъ, что „брюхо поглотитъ обѣ оконечности“, предвидя, такимъ образомъ, и казни, вызванныя возстаніемъ 2 іюня 1793 г., и казни, послѣдовавшія за преріальскимъ возстаніемъ.

2 іюня они оба значились въ спискѣ жертвъ; но Лежандръ добился того, чтобы вычеркнули имя Фонфреда, а Марать добился того же относительно Дюко. Гора знала ихъ симпатію къ яacobинской партіи и сумѣла оцѣнить ихъ голосованія въ процессѣ Людовика XVI. Они покорно приняли неожиданную милость, чтобы имѣть возможность защищать плѣннаго Верньо *). И они не только не умолкли и не старались о томъ, чтобы о нихъ забыли въ этотъ ужасный мѣсяць, а, наоборотъ, съ гордой

*) По словамъ Мельяна, Фонфредъ, послѣ 2 іюня, отговорилъ нѣкоторыхъ жирондистовъ отъ того, чтобы отправиться въ Канъ и примкнуть къ Бюзю и другимъ, возставшимъ противъ Конвента.

настойчивостью появлялись на трибунѣ. Дюко принялъ участіе въ дебатахъ о конституціонныхъ законахъ, а Фонфредъ уже 5 іюня выступилъ въ защиту изгнанныхъ депутатовъ.

„Я требую,—сказалъ онъ,—выполненія декрета, по которому Комитетъ общественнаго спасенія долженъ былъ, по прошествіи трехъ дней, представить докладъ о нашихъ арестованныхъ коллегахъ; нынѣ уже четвертый день, а докладъ еще не сдѣланъ. Я требую также, чтобы документы, о которыхъ Huillier и Hasenfratz возвѣстали у этой рѣшетки, были прочитаны на трибунѣ, и я основываю свое требованіе на слѣдующемъ соображеніи: если арестъ избраннаго народомъ судьи *) вызвалъ въ Парижѣ что-то въ родѣ возстанія, то не боитесь ли вы, чтобы арестъ народныхъ представителей не вызвалъ настоящаго возстанія во всей Республикѣ? **). Впрочемъ, одно изъ двухъ: или возвѣщенные документы были представлены, и тогда почему ихъ не прочесть? Или они не были представлены, и тогда почему наши коллеги находятся еще подъ арестомъ? Что касается меня, то я остался здѣсь только для того, чтобы защищать тѣхъ изъ моихъ коллегъ, въ невиновности которыхъ я увѣренъ, и если документы не будутъ представлены, то я потребую возмездія въ видѣ наказанія обвинителей; не обманывайте себя на этотъ счетъ: если вооруженные люди пришли потребовать у васъ декрета объ арестѣ народныхъ представителей, то другіе французскіе граждане, пользуясь тѣмъ же правомъ, придутъ также вооруженные, чтобы потребовать ихъ освобожденія.—Я требую поэтому, чтобы Ассамблея или приняла постановленіе о выполненіи декрета, касающагося доклада, или декретировала, что она ни въ какомъ докладѣ не нуждается“ ***). Конвентъ перешелъ къ порядку дня.

Дюко не отставалъ отъ своего друга и съ такой же благородной смѣлостью выступалъ на защиту арестованныхъ коллегъ. Оба они не дорожили той жизнью, которую имъ даровали ихъ враги, и оба, не добившись смягченія участи своихъ друзей, достигли того, что были причислены къ нимъ и раздѣлили съ ними ихъ печальную судьбу****). Въ тюрьмѣ они проявили неистощи-

*) Ораторъ имѣеть въ виду арестъ Гебера.—*Прил. перев.*

**) *Républicain français*: „Одинъ депутатъ: Вы врагъ общественнаго спокойствія.—Фонфредъ: Если бы вы, прерывающій меня, были бы арестованы, и если бы я говорилъ за васъ, то былъ ли бы я врагомъ спокойствія?“

***) *Journal des Débats*.

****) Они были арестованы 3 октября 1793 г.

мое веселье и поразительное мужество. Дюко много работалъ надъ защитительной рѣчью, которую онъ, впрочемъ, не произнесъ. Арабески каррикатуры, сдѣланныя имъ перомъ на поляхъ до шедшей до насъ рукописи, свидѣтельствуютъ о спокойствіи и хладнокровіи, дѣлающими честь его мужеству. Наканунѣ дня казни онъ сумѣлъ разсмѣшить своихъ товарищей, расписывая имъ комическое стихотвореніе, которое онъ составилъ по поводу ареста Bailleul de Provins'a. Онъ до конца остался насмѣшникомъ и шутилъ даже у подножія эшафота. Спускаясь съ телѣги, онъ обернулся къ Фонфреду и сказалъ ему: „Остается лишь одно средство, чтобы спасти насъ.“ — „Какое?“ — спросилъ Фонфредъ. — „Потребовать у Конвента декрета о единствѣ и нераздѣльности головы.“

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о наивномъ и восторженномъ Гранжневѣ, не бывшемъ, конечно, замѣчательнымъ ораторомъ, но умѣло выступавшемъ на трибунѣ, и уже по одному тому достойнымъ нашего вниманія, что онъ держался самостоятельной и совершенно личной политики.

Избранный депутатомъ департамента Жиронды въ Законодательное Собраніе, онъ на одномъ изъ первыхъ же засѣданій, 5 октября 1791 г., предложилъ отмѣнить титуль „его величество“. Это предложеніе показалось черезмѣрымъ даже Верньо и Гюаде, но оно все же было принято и внесено въ декретъ о церемоніалѣ, который былъ отмѣненъ на слѣдующій же день. Никто, вообще, не выражался съ такой рѣзкостью о королѣ и королевской власти, какъ Гранжневъ. Такъ, 15 декабря 1791 г., Лемонте говорилъ о врагахъ короля, о королѣ-отцѣ своихъ подданныхъ. Гранжневъ выступилъ противъ этого съ протестомъ:

„Я замѣтилъ,—сказалъ онъ,—что Лемонте говоритъ отъ имени французскаго народа, будто послѣдній будетъ бороться противъ своихъ враговъ и враговъ короля... Французскій народъ не можетъ вооружаться для борьбы съ частными врагами короля“... (Ропотъ).

Лемонте: „Я соглашаюсь съ мнѣніемъ Гранжнева, крайняя точность котораго видитъ здѣсь двусмысленность; послѣдняя исчезнетъ, если измѣнить фразу слѣдующимъ образомъ: своихъ враговъ, являющихся также вашими“ (Принято).

Гранжневъ: „Я нахожу также слѣдующее выраженіе: гоударь, вотъ ваша семья. Очень опасно, по-моему, возвращаться къ старымъ идеямъ, по которымъ народы считались

семьею королей, а короли—отцами народов... (Ропоть). Король-представитель французской нации, и противорѣчиво сказать, что французская нація является его семьей. Онъ принадлежитъ націи, но нація ему не принадлежитъ". (Аплодисменты).

Переизбранный депутатомъ въ Конвентъ Гранжаневъ перемѣнилъ тонъ. Неспособный льстить народу, онъ говорилъ ему жестокія истины. Въ процессъ Людовика XVI онъ отказался вотивовать за казнь. Мотивировалъ онъ свое мнѣніе тѣмъ, что онъ не получилъ отъ своихъ избирателей такихъ широкихъ полномочій, чтобы безнапелляціонно обвинять, судить и приговорить къ смерти. „И если,—прибавилъ онъ,—мнѣ могли бы доказать, что таково было тайное намѣреніе моихъ избирателей, то я все же буду всегда знать, и этого съ меня достаточно, что я никогда не бралъ на себя подобныхъ полномочій. Я не могу, впрочемъ, скрывать отъ себя, что въ этомъ суверенномъ судѣ приметь участіе слишкомъ большое число моихъ коллегъ, которые до произнесенія приговора проявили чувства, несовмѣстимыя съ непристрастностью суда, и что вокругъ васъ были пущены въ ходъ всѣ возможные средства вліянія, чтобы вырвать у Конвента смертный приговоръ“...

Благодаря этому гордому поведенію, онъ, несмотря на свое якобинское прошлое, былъ внесенъ въ списокъ двадцати двухъ. Онъ скрылся и заперся въ своемъ домѣ, въ Бордо. Его тамъ нашли въ декабрѣ 1793 г. и тотчасъ гильотинировали.

КНИГА VI *).

Друзья г-жи Роланъ: Бюзо, Луве, Петіонъ и Барбару.

Б ю з о.

Въ Учредительномъ Собраніи Бюзо, по правдѣ сказать, является не больше, какъ интереснымъ говорунѣмъ. Въ Конвентѣ же его любовь къ г-жѣ Роланъ возвышаетъ его мысль, обогащаетъ его рѣчь, оживляетъ его жесты. Тамъ онъ рѣзкій и шумный ораторъ, раздражающій своихъ противниковъ и внушающій опасенія своимъ друзьямъ, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе живыхъ и наиболѣе оригинальныхъ ораторовъ Жиронды. Въ 1789 г. онъ, конечно, самъ не зналъ за собой ни того огня, ни тѣхъ идей, ни того дара волновать людей, которые онъ обнаружилъ впоследствии. И они тѣмъ болѣе удивили современниковъ, что Бюзо, со времени закрытія Учредительнаго Собранія, жилъ въ своемъ городкѣ Евгеух, далеко отъ очага революціи; когда онъ вернулся, онъ горѣлъ внутреннимъ, преобразовавшимъ его, пламенемъ, но который не былъ больше чистымъ патріотическимъ пламенемъ 1789 г.

I.

Г-жа Роланъ знала Бюзо еще во время своего перваго путешествія въ Парижъ, въ 1791 г. Ему тогда было тридцать одинъ годъ. Его, въ 1784 г., поженили на его кузинѣ, очень любившей его, но стоявшей куда ниже его въ интеллектуальномъ отношеніи и бывшей, къ тому же, хромою. Портреты Бюзо изображаютъ

*) Въ книгахъ VI и VII, особенно въ главахъ, посвященныхъ Луве, Барбару, Иснару, аббату Фоме, Ланжюинэ, нами сдѣланы значительныя сокращенія.—Прим. перев.

его лицо съ неправильными, утомленными чертами, съ выраженіемъ преждевременной зрѣлости, поразительно умнымъ и меланхоличнымъ. Извѣстно, съ другой стороны, что г-жа Роланъ, казавшаяся моложе своихъ лѣтъ (ей было 37 лѣтъ) была, поистинѣ, прелестна и что къ своему старому мужу она относилась скорѣе съ уваженіемъ, чѣмъ съ любовью.—Эти двѣ души, очень гордыя и очень чувствительныя, научали другъ друга, но полюбили лишь позже, когда онѣ разстались. Супруги Роланъ покинули Парижъ 15 сентября 1791 г., но переписывались потомъ съ ихъ тремя друзьями, Робеспьеромъ, Петіономъ и Бюзо. Послѣдній, избранный одновременно вице-предсѣдателемъ уголовнаго трибунала въ Парижѣ и предсѣдателемъ того же трибунала въ Еугеих, отдалъ предпочтеніе послѣднему и остался въ Еугеих во все время существованія Законодательнаго Собранія, не забывая г-жи Роланъ и не прерывая переписки, которая еще больше сблизила ихъ и, безъ сомнѣнія, дала имъ еще лучше познать себя, такъ что въ сентябрѣ 1792 г. они встрѣтились еще болѣе близкими, чѣмъ до разлуки, связанными любовью, которой они не поддались.

Упоенные своимъ героизмомъ, они стали тогда носиться выше дѣйствительной жизни. „Скажи мнѣ,—пишетъ она ему изъ тюрьмы,—знаешь ли ты болѣе пріятные моменты, чѣмъ тѣ, которые проведены въ невинности и очарованіи любви, оправдываемой природой и сдерживаемой чистотой, отдающей дань долгу тѣмъ лишеніями, къ которымъ онъ ее обязываетъ и питающей самой силой, которая нужна для того, чтобы переносить ихъ? Знаешь ли ты большее превосходство, чѣмъ стоять выше несчастья, смерти и находить въ своемъ сердцѣ чѣмъ наслаждаться и чѣмъ украшать жизнь до послѣдняго издыханія?.. Кто умѣетъ любить, какъ мы, тотъ носитъ въ себѣ источникъ самыхъ великихъ и самыхъ лучшихъ дѣлъ, цѣну самыхъ тяжелыхъ жертвъ, вознагражденіе за всѣ злосчастья“ *).

Не такая любовь могла изнѣжить Бюзо и заставить его забыть общественное дѣло. „Продолжай смѣло свой путь,—говоритъ ему его другъ;—служи своей странѣ, спаси свободу; каждое изъ твоихъ дѣлъ составляетъ для меня радость, и твое поведеніе является моимъ триумфомъ“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Бюзо выразилъ опасеніе, что ихъ разлука будетъ вѣчной. Его другъ отвѣчаетъ ему: „Что за важность, будетъ ли при тебѣ

*) Dauban, Etude sur m-me Roland, стр. 27, 36.

жить женщина или нѣтъ! Дѣло идетъ о томъ, чтобы сохранить твою жизнь и сдѣлать ее полезной для нашего отечества; остальное придетъ затѣмъ“.

Вотъ на какую героическую высоту эта восхитительная женщина подымала своего возлюбленного. Вотъ какого героя Плу-тарха желала она сдѣлать изъ этого скорѣе тщедушнаго, чѣмъ дѣйствительно сильнаго человѣка. А вотъ какимъ она его считала и какъ она о немъ судила: „Бюзо,—пишетъ она,—обладая пылкимъ характеромъ, гордымъ умомъ и кипучимъ мужествомъ, чувствительный, горячій, меланхолическій и лѣнивый, долженъ впадать иногда въ крайности. Страстный любитель природы, питающей его воображеніе всѣми присущими ей чарами, а душу его принципами самой трогательной философіи, онъ кажется созданнымъ для того, чтобы наслаждаться семейнымъ счастьемъ и доставлять его другимъ; онъ забылъ бы міръ въ нѣгѣ семейныхъ добродѣтелей, раздѣляемыхъ достойнымъ его сердцемъ. Но, брошенный въ общественную жизнь, онъ знаетъ лишь правила строгой справедливости, которыя онъ защищаетъ какой бы то ни было цѣною. Легко возмущающійся противъ несправедливости, онъ преслѣдуетъ ее съ жаромъ и не умѣетъ ладить съ преступленіемъ. Другъ человѣчества, доступный самымъ нѣжнымъ привязанностямъ, способный на прекрасные порывы и самыя великодушныя рѣшенія, онъ горячо любитъ родъ людской и умѣетъ жертвовать собою, какъ республиканецъ; но, строгій судья по отношенію къ личностямъ, разборчивый въ предметахъ своего уваженія, онъ удостаиваетъ имъ лишь очень немногихъ людей...“

„Мелкіе люди, обезцѣнивающіе то, чего они не могутъ постичь, называли его пронизательность бредомъ, его горячность—страстью, его сильныя мысли—діатрибами, его оппозицію всякимъ крайностямъ—возмущеніемъ противъ большинства. Его обвиняли въ роялизмѣ, потому что онъ полагалъ, что въ республикѣ необходимы чистые нравы и что надо все сдѣлать для ихъ поддержанія и улучшенія; его обвиняли въ оклеветаніи Парижа, потому что онъ чувствовалъ омерзѣніе къ сентябрьскимъ убійствамъ и приписывалъ ихъ лишь горсти палачей, нанятыхъ разбойниками; его обвиняли въ аристократизмѣ, потому что онъ желалъ призвать народъ воспользоваться своимъ суверенитетомъ въ процессѣ Людовика XVI; его обвиняли, наконецъ, въ федерализмѣ, потому что онъ требовалъ сохраненія равенства между всѣми департаментами и

возставалъ противъ муниципальной тираніи узурпировавшей власть коммуны.

„Вотъ его преступленія. Онъ имѣлъ также причуды. Благородный лицомъ и изящно сложенный, онъ одѣвался съ той старательностью, опрятностью и скромностью, которыя свидѣлствуютъ о любви къ порядку, о чувствѣ приличія, объ уваженіи порядочнаго человѣка къ публикѣ и къ себѣ самому. И поэтому, когда подонки развращенной націи, выброшенные наверхъ революціоннымъ потрясеніемъ, предоставили управленіе дѣлами людямя, патріотизмъ которыхъ заключался въ томъ, что они льстили народу для того, чтобы подчинить его себѣ, что они все низвергали и все захватывали для того, чтобы пріобрѣсть довѣріе и обогатиться, что они поносили законы для того, чтобы самими управлять, что они покровительствовали распущенности для того, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность, что они душили для того, чтобы утвердить свою власть, что они ругались, пили и одѣвались, какъ чернь, для того, чтобы брататься съ себѣ подобными,—Бюзо исповѣдывалъ мораль Сократа и сохранилъ въжливость Сципіона“.

Вотъ какъ она идеализировала своего милого Бюзо или, правильнѣе, вотъ тотъ дѣятель, котораго она сдѣлала изъ лѣнтяя и меланхолика, какъ она его называетъ. Но добродѣтели, которыя она развивала въ своемъ возлюбленномъ, имѣлись уже въ зародышѣ въ его болѣе мечтательной, чѣмъ дѣятельной душѣ. Оба они имѣли одинаковые вкусы, одинаковыя наклонности; оба любили деревенскую жизнь и Жанъ-Жака Руссо, онъ — какъ женщина, она — какъ мужчина. И въ своихъ краснорѣчивыхъ мемуарахъ Бюзо рисуетъ себя съ той же смѣсью искусства и небрежности, риторики и естественности, которая характеризуетъ страницы, написанныя въ то же время заключенной героиней. Находясь вдали отъ него, она вдохновляетъ Бюзо и придаетъ его стилю любимыя ею оттѣнки. Но Бюзо болѣе растроганъ и болѣе раздраженъ, чѣмъ его другъ: чаще, чѣмъ ей, ему случается переступать границу, кричать, клеветать, проклинать. Между тѣмъ, какъ она, въ своемъ „Воззваніи къ безпристрастному потомству“, аффектируетъ спокойствіе, отъ котораго она очень далека душою, онъ болѣе откровененъ и даетъ вылиться своему слѣпому гнѣву. Въ менѣе совершенномъ стилѣ, онъ говоритъ болѣе человѣческія, болѣе прочувствованныя вещи. Месты!—вотъ припѣвъ тѣхъ страницъ, которые онъ пишетъ въ то время и въ которыхъ напрасно было бы искать идей непоколебимой справе-

дливости. Онъ наивно мечтаетъ о казни своихъ противниковъ. „Нѣтъ, Бареръ, — восклицаетъ онъ, — ты не воспользуешься своими злодѣяніями, и если Дантонъ и Робеспьеръ не отправятъ тебя на эшафотъ до близкаго конца ихъ кроваваго господства, какъ уничтожаютъ мерзкое оружіе своихъ преступленій, когда въ немъ нѣтъ больше надобности, то кто-нибудь изъ насъ позаботится о тебѣ, будь въ томъ увѣренъ“. И онъ безъ всякой предосторожности наливаетъ свою слѣпую ненависть, которую г-жа Роланъ искусно скрывала. Парижъ для него „городъ людей по необходимости хищныхъ и испорченныхъ“, городъ, достойный худшаго, чѣмъ анаѳема Иснара: надо, въ интересахъ Франціи, уничтожить его до основанія.

Въ своихъ мемуарахъ онъ, теоретически, еще республиканецъ; но онъ не считаетъ больше республику возможной во Франціи, такъ какъ республиканцы составляютъ въ ней меньшинство; большинство говоритъ „объ истинныхъ республиканцахъ, какъ говорятъ объ очень честныхъ сумасшедшихъ“. Если, въ тотъ моментъ, когда Бюзо пишетъ, народъ является республиканскимъ, то это изъ страха, „подъ ударами гильотины“. Въ дѣйствительности же Франція сожалѣетъ о конституціи 1789 г. „Какъ? — пишетъ онъ, французы республиканцы? При помощи гильотины ихъ можно заключать въ тюрьмы, обворовывать, убивать, безъ того, чтобы изъ ихъ высохшихъ душъ вырвался крикъ мести!“ — Онъ, однако, былъ, по духу, республиканцемъ. Его худшіе враги признаютъ и удостовѣряютъ это *). Самъ онъ восклицаетъ: „Никогда французскій монархъ не будетъ моимъ государемъ; не имѣя больше возможности быть гражданиномъ, я постараюсь стать человѣкомъ, а для этого всякая страна хороша для меня, кромѣ Франціи“. И онъ прекрасно предвѣщаетъ 18 брюмера: „Мы пребывали во всѣхъ крайностяхъ, и теперь надо начать кругъ съ того пункта, изъ котораго мы вышли; а тамъ находится деспотизмъ, выжидающій момента нашего утомленія, чтобы, вмѣстѣ съ цѣпями, предложить намъ миръ и хлѣбъ. Французы, вы примете его, какъ божество! И этотъ моментъ, который не будетъ наименѣе поучительнымъ въ вашей исторіи, уже не особенно далекъ“ **).

Правда ли, однако, что въ тяжелый часъ своей опалы, онъ самъ дошелъ до того, чтобы желать водворенія новаго власте-

*) Рѣчь Тальена въ Якобинскомъ клубѣ, 8 октября 1792 г.

**) Mémoires de Buzot, passim.

лина? Если вѣрить Лорану Лекуантру, то онъ, будто бы, осудилъ революцію въ слѣдующихъ, нынѣ затерявшихся, строкахъ: „Мнѣ трудно допустить, чтобы даже режимъ конституціи 1791 г. подходилъ для Франціи: ей нужно правленіе одного человека, который болѣе мягкими и болѣе доступными ему средствами привязалъ бы къ себѣ разбредшіяся части великаго народа, впаваго въ распущенность“ *). Но если изъ-подъ его пера дѣйствительно вырвалось такое осужденіе его дѣла и его жизни, то это было, конечно, въ припадкѣ моральнаго утомленія и отчаянія. Онъ никогда не измѣнилъ бы настолько самому себѣ при жизни своего друга, но онъ имѣлъ несчастье пережить г-жу Роланъ, ободряющія письма которой внушали ему, вмѣстѣ съ спокойствіемъ, любовь къ славѣ и заботу о своей памяти.

Въ предсмертныи часъ, не возвышаясь своей мыслью до неразрѣшимыхъ задачъ, онъ, для своего успокоенія, вспоминаетъ философскія изліянія своего учителя и, какъ г-жа Роланъ, любитъ писать слова „Богъ“, „Провидѣніе“, которымъ онъ не придаетъ опредѣленнаго смысла, но которыя являются для него, какъ и для нея, удобной формулой для выраженія своихъ стремленій къ безконечному. Въ общемъ можно сказать, что Бюзо былъ болѣе нѣжной и болѣе мечтательной душой, чѣмъ большинство другихъ жирондистовъ; въ немъ и, быть можетъ, въ немъ одномъ было предчувствіе той меланхоліи, которая, послѣ полунеудачи революціи, вдохновляла литературу. Я не знаю переубѣдилъ ли бы его въ религіозномъ отношеніи *Le Génie du Christianisme*; но онъ былъ рожденъ для того, чтобы восхищаться печалями Рене и Обермана, уже Онъ любилъ и понималъ Шекспира; и, въ своихъ замѣчаніяхъ другу своему Саллю, относительно его трагедіи „Шарлотта Кордэ“, онъ какъ будто предвидѣлъ романтическую драму. Въ немъ есть нѣчто болѣе утонченное, чѣмъ въ его современникахъ.

Итакъ, г-жа Роланъ отдала свое сердце человѣку умному, мечтательному, страстному, овладѣвъ, благодаря своей энергичной натурѣ, его нѣсколько нерѣшительной и колеблющейся волей. Она воодушевила этого созерцателя, толкнула его на крайности, сдѣлала бурной его нѣжную душу, внушила ему краснорѣчіе, сплетенное изъ гнѣва, злобы, презрѣнія, героизма, изъ всѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ людей, не дѣлая ихъ ни болѣе сильными, ни болѣе мудрыми.

*) См. Vatel, Charlotte Corday, стр. 848.

II.

Хотя Бюзо, къ концу Учредительнаго Собранія, проявилъ нѣкоторыя антинародныя тенденціи, хотя онъ въ едва скрытой формѣ отстаивалъ столь непопулярную тогда двухпалатную систему*), онъ, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ и Петіономъ, былъ предметомъ оваціи, устроенной 30 сентября 1791 г. Удалившись затѣмъ въ Еугеих, онъ избѣжалъ, такимъ образомъ, пересудовъ общественнаго мнѣнія и вернулся къ политической жизни съ чистой, нетронутой репутаціей.

Если бы Бюзо пожелалъ, то при своемъ, пользовавшемся уваженіемъ, имени и нравившемся талантѣ своемъ, онъ могъ бы, конечно, если не соединить Гору съ Жирондой, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить взрывъ ненависти, примирить отдѣльныхъ личностей, предупредить 31 мая**). И всѣхъ должно было удивить, когда, 24 сентября 1791 г., этотъ человекъ, настоящія чувства котораго были неизвѣстны и который такъ долго стоялъ вдали отъ парижской политики, категорично примкнулъ къ наиболѣе воинственной фракціи Жиронды и объявилъ войну всей Горѣ, отстаивая съ гнѣвомъ предложеніе Керсэна о мѣрахъ для прекращенія „анархическихъ разбойствъ“, предложеніе, вызвавшее

*) См. Ораторы революціи, т. I, стр. 324.

**) Въ этотъ первый періодъ существованія Конвента, опредѣлившія дальнѣйшую судьбу его и участь двухъ главныхъ, боровшихся въ немъ партій, Жиронды и Горы, Жиронда, — говорить Жоресъ, — могла легко сгруппировать всѣ силы, быстро покончить съ процессомъ короля, выработать, при согласіи почти всѣхъ революціонеровъ, демократическую конституцію, въ которой „власть была бы дѣйствительно орудіемъ національной воли“, внести порядокъ въ администрацію, въ военныя дѣйствія, не дать войнѣ затянуться и принять завоевательный характеръ и, такимъ образомъ, снасти революцію и упрочить республику. „Такая программа не предполагала никакой сверхчеловѣческой прозорливости. Она соответствовала идеалу Кондорсе. Она соответствовала также тому, что было лучшаго, наиболѣе безличнаго и наиболѣе здраваго въ мысли Робеспьера и Сентъ-Жюста. Дантонъ желалъ ее съ недопускающей сомнѣній опредѣленностью. Отъ Жиронды зависѣло, слѣдовательно, формулировать и выполнить ее. Она могла бы это сдѣлать, если бы она, на моментъ, поднялась выше интересовъ фракціи, злопамятства, честолюбія и интригъ. Но она предпочла отдаться цѣликомъ своему чрезмѣрному властолюбію, мелкому злопамятству, фривольной гордости, ораторской клеветѣ. Въ этомъ, на мой взглядъ, ея историческое преступленіе“...

сильное волненіе среди якобинцевъ и противъ котораго возстали Фабръ, Базиръ, Сержанъ и Колло д'Эрбуа. Свою рѣчь Бюзо закончилъ слѣдующими словами, опредѣлившими его мѣсто и его роль въ Конвентѣ: „Думаютъ ли сдѣлать насъ рабами нѣкоторыхъ парижскихъ депутатовъ?.. Я сказалъ это слово. Оно не слишкомъ сильно“. И, по его предложенію, рѣшено было назначить шесть комиссаровъ, которымъ поручено было, между прочимъ, выработать проектъ объ образованіи департаментской гвардіи изъ гражданъ всѣхъ 83 департаментовъ.

На слѣдующій день потребовали отмѣны этого декрета. Въ этотъ именно день Робекки донесъ на „партію Робеспьера“. Извѣстно примирительное выступленіе Дантона: онъ протестовалъ противъ всякаго проекта диктатуры, высказалъ неодобреніе Марату и потребовалъ назначенія смертной казни для всякаго, кто пожелаетъ уничтожить единство Франціи. Бюзо отвѣтилъ: „Дантонъ требовалъ смертной казни для того, кто введетъ тріумвиратъ или диктатуру. Не противъ диктатуры нужно установить наказаніе, а противъ средствъ, ведущихъ къ диктатурѣ. Будетъ уже слишкомъ поздно наказывать диктатора: вы уже будете въ его власти... Намъ предложили законъ, объявляющій единство республики. А кто, гражданинъ Дантонъ, сказалъ, что кто-либо думаетъ порвать это единство? Когда я сказалъ вчера, что Конвентъ долженъ быть охраняемъ гвардіей, составленной изъ людей,

Особенно пагубную роль,—продолжаетъ Жоресъ—играли супруги Роланы и другъ ихъ, Бюзо. Чтобы оправдать свою ненависть къ монтаньярамъ и встревожить общественное мнѣніе, они постоянно сгущали краски, пугали анархіей по поводу малѣйшаго инцидента, представляли самые ничтожные беспорядки грозными, какъ будто, цѣльности и существованію республики, и то и дѣло предлагали крайнія мѣры. Отмѣчая какіе то мелкіе факты, Роланъ до крайности драматизируетъ ихъ и восклицаетъ въ своемъ докладѣ отъ 23 сентября: „Франція раздирается на части; все дезорганизуется; опасность становится крайней. Неужели Парижъ, сдѣлавшій столько хорошаго для страны, станетъ причиною ея несчастій?“ И, выслушавъ этотъ докладъ, „Жиронда отвѣчаетъ на него въ Конвентѣ страшнымъ словомъ: эшафотъ“. Предложеніе Керсэна, о которомъ говорить дальше Оларъ, требовало именно, чтобы воздвигли эшафоты. И Бюзо, поддерживая это предложеніе, внесъ еще проектъ объ образованіи департаментской гвардіи для защиты Національнаго Собранія. „Это,—замѣчаетъ Жоресъ,—было важнымъ актомъ недоувѣрія къ Парижу, зародышемъ гражданской войны между Парижемъ и Франціей“. А Жиронда, одобривъ это предложеніе, раздражала лишь тѣ раны, которыя надо было залечивать. (См. Jaugès, La Convention, т. I, стр. 372—378).—Прим. перев.

посланных департаментами, то не значило ли это говорить въ пользу единства?”

29 сентября вносять предложеніе пригласить Ролана остаться въ министерствѣ; Бюзо поддерживаеъ его въ умѣренныхъ выраженіяхъ, но въ которыхъ проглядываетъ вдохновляющій его страстный интересъ. „Я желаю, — говоритъ онъ, — воздержаться какъ отъ энтузіазма, такъ и отъ ненависти, и я постараюсь хладнокровно разобрать этотъ вопросъ“. И онъ прибавляетъ: „Несмотря на шушуканье, на клевету, на аресты, я съ гордостью заявляю, что Роланъ—мой другъ; я считаю его благодѣтельнымъ человѣкомъ, и всѣ департаменты считаютъ его такимъ“. Да, надо пригласить Ролана остаться: „Сама нація будетъ аплодировать этому приглашенію, такъ какъ она не знаетъ ненависти; она говоритъ благодѣтельному человѣку: продолжай, и ты всегда будешь пользоваться моимъ уваженіемъ; уваженіе же націи является самымъ прекраснымъ вознагражденіемъ для такого человѣка. Итакъ, я поддерживаю предложеніе перваго оратора и прошу, чтобы оно было поставлено на голосованіе“.

Тогда именно Дантонъ грубо предложилъ, чтобы то же приглашеніе было сдѣлано и г-жѣ Роланъ. Жирондисты поняли, что Бюзо зашелъ слишкомъ далеко, и Ласурсъ потребовалъ предварительнаго вопроса (*question préalable*). Огорченному, безъ сомнѣнія, Бюзо, пришлось примкнуть къ этому, и Конвентъ перешелъ къ порядку дня.

Онъ, однако, не былъ еще въ томъ неистовомъ состояніи, въ которое, въ трагическіе дни марта и мая 1793 г., привели его несчастья его партіи и гнѣвъ его друга. 4-го октября онъ проявилъ еще политическое чутье, выступивъ противъ Ласурса, который предложилъ дать ходъ обвиненіямъ Lescointe-Puygaveau противъ Марата и открыть, такимъ образомъ, дебаты, въ которыхъ Маратъ былъ бы подсудимымъ. „Выступая безпрестанно съ обвиненіями то противъ Марата, то противъ другихъ лицъ изъ его породы, — сказалъ Бюзо, — мы рискуемъ дать имъ существованіе, какого они, безъ этого, не имѣли бы. Во время сессіи Учредительнаго Собранія, Маратъ ежедневно покрывалъ стѣны столицы тѣми доносами, которые являются его жанромъ: мы всѣ сознавали, что надо предоставить ему самому уронить себя, что, приподымая его безпрестанно, мы создадимъ этому человѣку неестественное и даже пагубное вліяніе. По этимъ то мотивамъ, когда предлагали обвинительные декреты противъ сочинителей и памфлетистовъ его пошиба, я всегда возставаъ противъ подобной мѣры.

Что намъ, дѣйствительно, за дѣло до того, что Марать дѣлаеть и что онъ говоритъ? Что намъ смѣшные доносы среди просвѣщеннаго народа, знающаго, что въ своемъ собственномъ интересѣ онъ долженъ окружать всемъ своимъ довѣріемъ Національный Конвентъ, послѣднее убѣжище свободы? Когда былъ король, Марать могъ, въ согласіи съ нимъ, пытаться чернить репутацію членовъ Законодательнаго Собранія; но короля больше нѣтъ, и Марать тѣмъ самымъ лишился самой важной части своего существованія. (Раздаются многочисленныя апплодисменты, среди которыхъ слышенъ ропотъ небольшого числа членовъ, настаивающихъ на томъ, чтобы немедленно дали слово Марату).

„Требують, чтобы Марату дали слово! Мнѣ кажется, будто я слышу пруссаковъ, требующихъ этого. (Громкіе апплодисменты). Дѣйствительно, какъ, если не стараясь поносить постоянно народныхъ представителей, пруссаки могутъ желать увизить Конвентъ и лишить его довѣрія, въ которомъ онъ нуждается для того, чтобы осуществить счастье народа? Чего хотятъ пруссаки? Уничтожить насъ частными междуусобіями. Что сдѣлалъ Марать? Онъ пытался направить противъ насъ кинжалы убійцы и зажечь гражданскую войну между гражданами. (Апплодисменты возобновляются). Неужели же когда мы должны отразить непріятеля, когда намъ необходимо самое тѣсное единство, когда насъ ждуть столько и столь важныхъ работъ, неужели представители великаго народа будутъ при этомъ постоянно заниматься челоуѣкомъ подобнаго рода?“

Но такіе порывы почти дантоновскаго благоразумія были рѣдкими у Бюзо. 8 октября 1792 г. онъ, отъ имени Спеціальной комиссіи, представилъ свой знаменитый докладъ объ организаціи департаментской гвардіи, докладъ, бывший своего рода объявленіемъ войны якобинцамъ и Парижу. Г-жа Роланъ восхищалась этимъ произведеніемъ, въ которомъ, дѣйствительно, есть живость, горячность и иногда какая то меланхолическая поэзія, какъ когда Бюзо обращается къ жертвамъ 10-го августа съ вопросомъ, въ чемъ заключалась тайна ихъ героизма: „Скажите намъ, какое мужество вдохновляло васъ, какая надежда поддерживала васъ, какая вѣра облегчила вамъ быстрый и печальный переходъ отъ вашихъ славныхъ дѣлъ въ мракъ могилы?“ Въ революціонномъ краснорѣчьи рѣдко встрѣчается такая нѣсколько грустная и скептическая нота. Для этихъ людей дѣла пожертвовать жизнью ради отечества было простой и естественной вещью.

Но, кромѣ г-жи Роланъ, современники Бюзо остались равнодушными къ литературной и философской оригинальности его доклада. Они увидѣли въ немъ политическій актъ, страшную угрозу якобинскому могуществу и открываемое этимъ вопросомъ новое поле для борьбы между Горой и Жирондой.

Подъ предлогомъ опредѣленія республики, Бюзо косвенно возставалъ противъ диктатуры Парижя. „Республика,—говорилъ онъ.—является святой конфедераціей людей, признающихъ себя подобными и братьями, любящихъ свой родъ, почитающихъ его характеръ и его достоинство, работающихъ совмѣстно на счастье всѣхъ, чтобы лучше обезпечить счастье каждаго, потому что въ общественномъ строѣ одинъ по необходимости зависитъ отъ другого и, благодаря ему, увеличиваетъ свое значеніе и упрочиваетъ свое положеніе; людей, наконецъ, равныхъ, но благоразумныхъ и не признающихъ иныхъ повелителей, кромѣ закона, имѣющаго источникомъ общую волю, свободно выраженную представителями всей республики“.

Воздавъ затѣмъ хвалу принципу единства и нераздѣльности республики, онъ прибавляетъ, что принципъ этотъ особенно „важенъ и необходимъ“ для Парижя и, исходя отсюда, онъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ Парижъ: „Парижъ низвергъ деспотизмъ, Парижъ сдѣлалъ революцію, Парижъ много потрудился для свободы и отечества; но деспотизмъ воскресъ бы, революція была бы уничтожена, свобода едва лишь дышала бы, отечество было бы лишь словомъ, если бы народъ департаментовъ не одобрилъ бы низверженія деспотизма, не поклялся бы отстаивать революцію, не приносилъ бы все новыхъ жертвъ ради свободы, не посылалъ бы многочисленныхъ легионовъ, не давалъ бы безъ счета денегъ и крови своей для защиты отечества. Прекрасный и счастливый городъ... ты съ гордостью показываешь своихъ многочисленныхъ дѣтей, памятники искусствъ, которыми тебя украшаютъ геній и богатство, источники знанія, обогащаемыя данью, которую тебѣ приносятъ со всѣхъ сторонъ, добродѣтели небольшого числа людей, пришедшихъ къ тебѣ съ ними послѣ того, какъ они приобрѣли ихъ въ тиши какой-нибудь провинціи... Не боишься ли ты, чтобы раскрыли также глубокую испорченность, которая исходила изъ зараженнаго двора и достигала даже наиболѣе отдаленныхъ отъ него классовъ...?“

Какъ видитъ читатель, это—тонъ и идеи Руссо; авторъ Эмиля такимъ же образомъ предаетъ анаемѣ Парижъ, полагая, что добродѣтели и таланты скрываются только въ маленькихъ горо-

дахъ. Бюзю пользуется этимъ, чтившимся тогда, парадоксомъ, чтобы замаскировать свою чисто роландистскую ненависть противъ того города, который недавно привѣтствовалъ его, по который не восхищался г-жей Роланъ.

Этотъ докладъ былъ однимъ изъ главныхъ инцидентовъ революціи. „Въ немъ,—говорить г-жа Роланъ,—имѣются доводы, на которые не дали отвѣта“. Якобинцы, дѣйствительно, не сумѣли отвѣтить на нихъ. Они не могли признать необходимости временной диктатуры Парижа. Они были принуждены ограничиться личными нападками на Бюзю, противъ котораго рѣзко выступили Робеспьеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ избирателямъ, Маратъ въ *Journal de la République* и даже Прюдомъ въ *Révolutions de Paris*. Въ Якобинскомъ клубѣ Шабо обругалъ его, а Тальенъ опредѣленно приписалъ поведеніе Бюзю вліянію супруговъ Роланъ. Одинъ лишь Бентаболь коснулся сути вещей и сказалъ должное слово относительно парижской диктатуры: „Въ департаментахъ общественное настроеніе иное, чѣмъ въ Парижѣ; тамъ незнакомы съ общественнымъ дѣломъ, а въ Парижѣ привыкли смотрѣть широко“. И, не осмѣливаясь высказать его, онъ давалъ понять свое заключеніе, именно—что Парижъ долженъ управлять въ такую критическую пору.

6 ноября Базиръ, отъ имени комитета общественной безопасности, представилъ оптимистическій докладъ относительно положенія въ Парижѣ: ничто, по его мнѣнію, не оправдывало образованія департаментской гвардіи. Кто то потребовалъ напечатанія доклада. Бюзю возсталъ противъ этого и настоялъ на томъ, чтобы предложеніе было отклонено. Базиръ бросилъ завѣсу на сентябрьскія убійства; Бюзю не можетъ допустить, „чтобы между дѣятелями 10 августа и убійцами 2 сентября существовало какое-либо согласіе“. Но Базиръ тонко оцѣнилъ и политику жирондистовъ и характеръ Бюзю: „Люди,—сказалъ онъ,—слишкомъ, быть можетъ, чувствительные для того, чтобы быть хорошими наблюдателями при революціи и глубоко опечаленные тѣмъ, что есть прискорбнаго въ ея деталяхъ, имѣли слабость дать оскорбительные отзыы о народѣ, сдѣлавшемъ революцію; интриганы поторопились собрать ихъ и опубликовать. Скоро установилась цѣлая система диффамации Парижа, неизбѣжныя послѣдствія которой приведуть къ тому, что, послѣ ужасныхъ потрясеній, мы будемъ вынуждены учредить федеративныя республики“.

Въ своихъ мемуарахъ Бюзю, голосовавшій за казнь Людовика XVI, клеймитъ „тѣхъ злодѣевъ, которые безчеловѣчно за-

душили несчастнаго монарха“. Это противорѣчіе вызоветъ улыбку; но не надо видѣть въ этомъ угрызеній совѣсти. Въ глубинѣ души Бюзо нисколько не безпокоился о личности короля, и въ его процессѣ онъ видѣлъ лишь почву для борьбы съ монтаньярами. Ихъ же слабымъ мѣстомъ было присутствіе въ ихъ рядахъ герцога Орлеанскаго, которому казнь Людовика XVI какъ будто открывала путь къ трону. Многіе жирондисты искренно вѣрили, что Робеспьеръ и Дантонъ подготовляли восшествіе на престолъ младшей линіи, и эту вѣру особенно распространяла г-жа Роланъ, не допускавшая у своихъ противниковъ прямыхъ намѣреній. Бюзо рассчитывалъ поэтому погубить якобинцевъ, когда, 4 декабря 1792 г., онъ потребовалъ, чтобы до дебатовъ о королѣ ввели смертную казнь для всякаго, кто предложитъ или сдѣлаетъ попытку возстановить во Франціи королевскую власть. Это предложеніе вызвало бурю. Якобинцы, какъ Базиръ, увидѣли въ немъ „посягательство на свободу санкціи, которую народъ долженъ дать конституціи“. Мерленъ (de Thionville) потребовалъ формальнаго соблюденія правъ первоначальныхъ ассамблей*). Среди шума, Робеспьеръ попросилъ слова, но не получилъ его. Гюаде торжествовалъ и представлялъ Дантона и Робеспьера будущими министрами Филиппа-Равенство. Въ концѣ концовъ предложеніе Бюзо было принято.

Гордый своимъ успѣхомъ и тѣмъ замѣшательствомъ, въ которое онъ привелъ своихъ противниковъ, Бюзо, вернувшись къ предпринятому дѣлу и внесъ, 16 декабря, свое знаменитое предложеніе объ изгнаніи Бурбоновъ и въ частности герцога Орлеанскаго. „Состояніе,—сказалъ онъ,—и въ особенности громадныя еще надежды; близкія сношенія съ высокопоставленными лицами Англіи; имя Бурбона для иностранныхъ державъ, жаждущихъ дать намъ властелина, чтобы обезпечить себѣ союзника; имя

*) Это странное поведение Горы можетъ быть объяснено только крайнимъ чистосердечіемъ нѣкоторыхъ изъ ея членовъ (главари не имѣли въ данномъ случаѣ слова). *Les Révolutions de Paris* (№ 178), возвращаясь къ этой сценѣ, стали на якобинскую точку зрѣнія и высказались противъ предложенія Бюзо на томъ основаніи, что оно, во-1-хъ, неумѣстное, такъ какъ позволяетъ Европѣ думать, что французы могутъ пожелать возстановить королевскую власть, и, во-2-хъ, противное принципамъ, такъ какъ „народу позволительно даже сходить съ ума, если ему это угодно“, и подъ предлогомъ помѣшать ему въ этомъ не слѣдуетъ лишать его основныхъ правъ его и воспретить ему заниматься пересмотромъ, разборомъ, критикой конституціи.

„Равенство“ для легко увлекающихся французовъ и странный выборъ котораго тѣмъ болѣе выдѣляетъ носителя его, что онъ какъ будто старается стусеваться; дѣти, молодое и блестящее мужество которыхъ можетъ быть легко увлечено честолюбіемъ, которое, въ свою очередь, можетъ быть возбуждено стараніями родственныхъ иностранныхъ королей: всего этого слишкомъ для того, чтобы Филиппъ могъ пребывать во Франціи безъ всякой опасности для свободы. Если онъ любитъ ее, если онъ служилъ ей, то пусть онъ довершитъ свою жертву и освободитъ насъ отъ присутствія одного изъ потомковъ Капетовъ... Я требую, чтобы Филиппъ-Равенство, его сыновья и т. д. унесли бы куда-нибудь за предѣлы республики несчастье быть рожденными около трона, быть воспитанными въ правилахъ и на примѣрахъ двора и носить имя, которое можетъ служить лозунгомъ для мятежниковъ или для эмиссаровъ иностранныхъ державъ и которое не должно больше оскорблять слуха свободнаго человѣка“. Послѣ бурныхъ дебатовъ, Ассамблея, по предложенію Шудѣ, приняла постановленіе объ изгнаніи семейства Бурбоновъ, но отсрочила на два дня вопросъ о Филиппѣ-Равенство.

Трудно передать, насколько монтаньяры были озлоблены противъ Бюзо, поставившаго имъ альтернативу: или быть несправедливыми, или проявить себя роялистами, какъ то выразился Демуленъ, который въ тотъ же вечеръ далъ отчетъ объ этомъ засѣданіи въ Якобинскомъ клубѣ. „Бюзо, — сказалъ онъ, — поднялся на трибуну, чтобы сдѣлать предложеніе къ порядку дня; онъ вынулъ изъ кармана писанную рѣчь, и его пришлось выслушать. Предложеніе состояло въ томъ, чтобы, въ видахъ общественнаго спокойствія, изгнали навсегда семью Бурбоновъ. Это, какъ видите, значило требовать изгнанія Равенства, который столько способствовалъ революціи, а требовать изгнанія этого искренняго друга свободы, значить требовать, чтобы его убили въ Кобленцѣ. Вотъ какой была цѣль бриссотинцевъ; они сказали себѣ: патриоты не захотятъ отречься отъ Равенства, и мы выдадимъ Гору за заговорщическое сообщество. Мы были въ крайне затруднительномъ положеніи!..“ Робеспьеръ заявилъ затѣмъ, что будь онъ на засѣданіи, онъ бы голосовалъ за жирондистское предложеніе; но онъ указалъ на всѣ практическія неудобства этого. Маратъ категорично потребовалъ, чтобы Филиппъ-Равенство не былъ изгнанъ, и все Якобинское общество казалось согласнымъ въ томъ, чтобы видѣть въ предложеніи Бюзо интригу, придуманную въ салонѣ г-жи Роланъ. Общественное мнѣніе было

настолько возбуждено, что, черезъ нѣсколько дней, Конвентъ, по предложенію Петіона, пріостановилъ выполнение декрета и отложилъ дебаты по существу вопроса до окончанія процесса короля.

4 декабря 1792 г. Бюзо возсталъ противъ того, чтобы Людовика XVI судили, не выслушавъ его, какъ того желалъ Робеспьеръ. 28-го онъ произнесъ рѣчь объ апелляціи къ народу, въ которой неосторожно высказалъ политическую мысль апелляціонистовъ: „Моментъ наступилъ,—воскликнулъ онъ;—умѣйте воспользоваться имъ, чтобы организовать необходимое возстаніе департаментовъ“. Скоро такъ-таки жирондлетскія директоріи департаментовъ стали вербовать охотниковъ, чтобы выступить противъ Парижа.

Какъ мы уже упомянули, Бюзо голосовалъ за казнь короля. Но онъ при этомъ не удержался отъ протестовъ жалости, и затѣмъ голосовалъ за отсрочку казни до того времени, когда будутъ изгнаны Бурбоны и въ частности герцогъ Орлеанскій. Процессъ короля былъ, слѣдовательно, для него больше всего ареной для борьбы съ Горой, и непопулярность его, понятно, еще болѣе возрасла.

Съ тѣхъ поръ онъ неустанно возставалъ противъ Парижа, то и дѣло развивая въ своихъ рѣчахъ мысль о децентрализаціи и сопротивляясь всѣмъ мѣрамъ, предложеннымъ монтаньярами, какъ установленіе maximum'a, учрежденіе революціоннаго трибунала, расширеніе власти Комитета общественнаго спасенія и т. д. 10 марта онъ произнесъ слѣдующую короткую рѣчь, показывающую и насколько онъ былъ проникнутъ горечью, и насколько онъ сталъ непопулярнымъ:

„Граждане, я прошу слова. (На лѣвой сторонѣ залы раздаются крики ропота). Поднявшійся ропотъ доказываетъ мнѣ,—я уже это зналъ,— что нужна извѣстная смѣлость для того, чтобы выступить противъ идей, которыми васъ хотятъ привести къ деспотизму, еще болѣе ужасному, чѣмъ деспотизмъ анархіи. (Опять шумъ). И, впрочемъ, признателенъ за каждый моментъ своей жизни тѣмъ, которымъ угодно предоставить мнѣ его, и я считаю все свое существованіе добровольной съ ихъ стороны уступкой. (Шумъ продолжается въ значительной части залы). Но пусть, по крайней мѣрѣ, они дадутъ мнѣ время спасти мою память отъ извѣстнаго позора, позволивъ мнѣ голосовать противъ деспотизма Національнаго Конвента. Въ настоящій моментъ вамъ предлагаютъ двѣ мысли: создать исклю-

чительный трибуналъ и дать новую организацію министерству. Ничто не препятствуетъ тому, чтобы вы переорганизовали послѣднее въ болѣе активномъ духѣ; но на этой трибунѣ говорили о томъ, что надо слить всѣ власти, сосредоточить ихъ въ рукахъ Ассамблеи. (Чей то голосъ: Надо дѣйствовать, а не болтать). Вы правы.. Публицисты тоже говорили, что правленіе одного уже, въ виду того, что оно деспотическое, болѣе активно, чѣмъ свободное правленіе нѣсколькихъ. И Жанъ-Жакъ сказалъ, что для того, чтобы на обширной территоріи имѣть дѣятельное правительство, нужно правленіе одного. Что же, гдѣ бы ни былъ этотъ одинъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ.. (подымается шумный ропотъ) и подъ однимъ я разумю не одного человѣка, но власть, которая, представляя собою соединеніе всѣхъ властей и ни въ чемъ не встрѣчая себѣ препятствія, является уже въ силу этого деспотической. Когда вамъ предоставили неограниченную власть, то это не для того, чтобы узурпировать всѣми доступными вамъ средствами общественную свободу; если же вы сольете всѣ власти, если все будетъ здѣсь, то гдѣ, скажите, будетъ предѣлъ тому деспотизму, который, наконецъ, и меня утомилъ“. Онъ дошелъ даже до того, что, забывъ свое презрѣніе къ Марату, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказался (13 апрѣля) за принятіе декрета противъ „Друга народа“ и скоро послѣ этого открыто потребовалъ закрытія Якобинскаго клуба. „Я полагалъ, и я полагаю еще,— сказалъ онъ при этомъ, — что событія, времени происшествія которыхъ я не хочу напомнить, совершенно извратили общественную мораль. Тѣ люди, которые вызвали или зацѣпили ихъ, столько поработали, что завладѣли всѣми мѣстами. Ихъ находятъ повсюду,—въ арміи, въ министерствѣ, въ департаментахъ, въ муниципалитетахъ. Въ сосѣднемъ ресторанѣ, служащемъ обычнымъ мѣстомъ свиданій этихъ злодѣевъ, въ нашихъ аллеяхъ, что слышишь тамъ? Яростные крики. Что видишь? Отвратительныя лица людей, покрытыхъ кровью.. Природа уже такъ установилась, что человѣкъ, разъ обагрившій свои руки въ крови ближняго, остается ненормальнымъ, не могущимъ жить больше въ обществѣ; ему нужна, всегда нужна кровь, чтобы заглушать угрызения совѣсти. Вы всѣ, я увѣренъ въ этомъ, сожалеете о томъ положеніи, въ которомъ мы находимся. Я призываю въ свидѣтели ваши сердца, я обращаюсь къ исторіи, чтобы она вамъ сказала это; если вы не наказали за эти злодѣянія, то это потому, что вы не могли. Посмотрите же на ужасные результаты

этой возмутительной безнаказанности. Спрашиваете ли вы о причинах какихъ-либо беспорядковъ? Надъ вами смѣются. Напоминаете ли вы о выполненіи законовъ? Смѣются надъ вами и надъ вашими законами. Наказываете ли вы кого-либо изъ нихъ? Его покрываютъ почестями, чтобы насмѣхаться надъ вами. Посмотрите на когда то знаменитое общество: въ немъ не остается и тридцати изъ его дѣйствительныхъ основателей. Читайте его газеты и вы увидите, можете ли вы оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ отвратительный вертепъ“. (Въ одной части Ассамблеи подымается сильный ропотъ. Слышны крики: „мы все яacobинцы!“)

20 мая онъ жаловался на то, что истинный народъ не имѣтъ доступа на галлерей Конвента и требовалъ справедливой раздачи билетовъ. „Это—планъ женщины Роланъ!“ воскликнулъ насмѣшливый и нахальный Маратъ. Но этотъ жестокой отвѣтъ не помѣшалъ Бюзо выступить на томъ же засѣданіи противъ насильственнаго займа у богатыхъ.—Онъ еще два раза вступалъ въ схватку съ Горой: 28 мая, при обсужденіи проекта конституціи, онъ предложилъ раздѣлить Парижъ на нѣсколько муниципалитетовъ или перенести парламентъ въ какой-нибудь городокъ, какъ въ Америкѣ; а 23-го онъ потребовалъ, но безъ того таланта, съ какимъ это сдѣлаетъ впоследствии Демуленъ, чтобы точно опредѣлили, что подразумѣваютъ подъ „подозрительной личностью“.—Онъ ничего не сказалъ на засѣданіи 31-го мая и не присутствовалъ въ день 2-го іюня, когда былъ декретированъ арестъ его и его друзей.

У него не могло быть иллюзіи относительно участи, которая ожидаетъ его въ случаѣ побѣды яacobинцевъ. Его роль въ политикѣ Жиронды была, если не преобладающей, то очень важной и, по мнѣнію Горы, возмутительной. Онъ, говоритъ Ватель, былъ записанъ вторымъ въ списокѣ, найденномъ среди бумагъ инсургентскаго комитета Девяти *). И Сень-Жюсть, въ своемъ докладѣ отъ 9-го іюля, помѣститъ Бюзо непосредственно за Бриссо въ числѣ главарей жирондистской партіи и со злобою, доходящею до клеветы, поставитъ ему въ вину вѣроломство, съ какимъ онъ подставилъ Горѣ ловушку, предлагая изгнать Филиппа-Равенство.

Онъ и его друзья настолько предвидѣли неизбежную развязку, что при приближеніи 31 мая они разбирали уже вопросъ о томъ, какъ лучше умереть, если противъ нихъ будетъ изданъ

*) Vatel, Charlotte Corday, стр. 333.

обвинительный декретъ: кончить ли самоубійствомъ или взойти на эшафотъ. Бюзо, по словамъ Бриссо, высказался за послѣднее, находя смерть на эшафотѣ „болѣе мужественной, болѣе достойной патриотовъ и въ особенности болѣе полезной для дѣла свободы“ *).

Вечеромъ 31 мая, узнавъ объ арестѣ г-жи Роландъ, онъ, какъ говорятъ, воскликнулъ: „Я спасу ее или погибну вмѣстѣ съ ней!“ Но одинъ преданный другъ вывелъ его изъ Парижа, и 4-го іюня онъ былъ уже въ Евреух **).

Здѣсь для него начинается еще болѣе активное и въ особенности болѣе драматическое ораторское существованіе. Онъ былъ, дѣйствительно, ораторомъ жирондистскаго возстанія, ораторомъ неутомимымъ и вліятельнымъ. Это онъ былъ вдохновителемъ и руководителемъ бѣдственной жирондистской кампаніи, такъ что въ Парижѣ его считали главнымъ виновникомъ этой братоубійственной войны и повсюду, въ газетахъ и клубахъ, его называли королемъ Бюзо.

Въ Евреух онъ выступаетъ раньше всего въ Генеральномъ Совѣтѣ департамента и убѣждаетъ его примкнуть къ сопротивленію. Затѣмъ онъ отправляется въ Соборъ, гдѣ происходило Собраніе секцій. Онъ подымается на кафедру и рисуетъ картину посягательствъ, совершаемыхъ на національное представительство мятежной парижской коммуной и партіей Горы ***). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ этой рѣчи, которой Бюзо побудилъ къ гражданской войнѣ и въ которую онъ долженъ былъ вложить весь свой гнѣвъ челоуѣка партіи и все свое горе охваченнаго отчаяніемъ влюбленнаго. Для него дѣло шло о томъ, чтобы поднять Францію противъ Парижа и вести ее на освобожденіе узницы, ради которой онъ забывалъ даже угрожаемое непріятелемъ отечество.

6-го іюня, на призывъ Бюзо, экстренная ассамблея департамента Эры объявила, что Конвентъ не свободенъ, декретировала организовать вмѣстѣ съ другими департаментами армію для выступленія противъ Парижа и постановила послать отъ департамента Эры отрядъ въ 4000 челоуѣкъ. Добившись этого, онъ по-

*) Mémoires de Brissot, изд. Didot, стр. 462.

**) Boivin-Champeaux. Notices pour servir à l'histoire de la Révolution dans le département de l'Eure, см. Vatel, Charlotte Corday, стр. 333—334.

***) Этотъ Соборъ былъ постояннымъ мѣстомъ Собраній Народнаго общества. Souvenirs et Journal d'un bourgeois d'Evreux, стр. 59.

спѣшилъ въ Канъ, чтобы содѣйствовать скорѣйшему поднятію нормандской арміи. Тамъ онъ, вмѣстѣ съ Саллемъ, опубликовалъ энергичный протестъ и громилъ въ якобинскомъ клубѣ этого города святотатственное поведеніе парижскихъ якобинцевъ. Его жгучее слово вызвало временное возбужденіе умовъ, скоро успокаивавшихся подъ вліяніемъ вѣстей, приходившихъ изъ Парижа. Чувствуя, что почва подъ нимъ ускользаетъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы немедленно отправили въ Евгеух нѣсколько организованныхъ уже батальоновъ, и вызвалъ, такимъ образомъ, столкновеніе въ Вернонѣ (13 іюля *)), разрушившее его надежды на жирондистское возстаніе.

Ему пришлось отказаться отъ мечты пойти триумфаторомъ освободителемъ своего плѣннаго друга, и вмѣстѣ со своими коллегами онъ предпринялъ одиссею, кончившуюся столь трагическимъ образомъ 30 преріала II года. Г-жа Роланъ была гильотинирована 18 брумэра (8 ноября 1793 г.). „Ея больше нѣтъ,—писалъ Бюзю одному изъ своихъ друзей въ Евгеух...—Судите, остается ли мнѣ что-либо, о чемъ сожалѣть на землѣ* **)“. Но онъ жилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ и имѣлъ, такимъ образомъ, время оглянуться на свою честолюбивую политику и понять, насколько гнѣвъ и злопамятство его героической возлюбленной повредили Жирондѣ

*) Въ Вернонѣ жирондистскій отрядъ, очень, впрочемъ, малочисленный и командуемый Пизеемъ, однимъ изъ адъютантовъ роялистскаго генерала Вемпфена, которому жирондисты имѣли несчастье временно довѣриться, натолкнулся на отрядъ, посланный изъ Парижа, и тотчасъ же отступилъ, не рѣшившись даже вступить съ нимъ въ бой. Нѣкоторые города, примкнувшіе было къ жирондистскому возстанію, признали свою ошибку и подчинились Конвенту, который, въ свою очередь, облегчилъ имъ это, приписавъ нормандское возстаніе проискамъ лишь нѣсколькихъ мятежниковъ. Послѣ этой неудачи на западѣ, жирондисты, Бюзю, Барбару, Петіонъ и др., возлагая еще большія надежды на югъ, отправились туда, въ Бордо, принужденные по пути скрыватья и испытывая самую ужасную лишенія. Но они нашли Бордо подчинившимся уже Конвенту, и имъ опять пришлось прятаться. Бюзю, Барбару и Петіонъ поселились въ томъ же городѣ, гдѣ были Гюаце и Салль, т. е. въ Сентъ-Эмилльонѣ. Но имъ пришлось уйти и оттуда, и, измученные скитаніями, истерзанные вѣчной опасностью быть пойманными разыскивавшими ихъ властями, они рѣшили покончить съ собой. Барбару это не удалось: онъ только тяжело ранилъ себя и его нашли еще живымъ и казнили. Трупы же Бюзю и Петіона восемь дней оставались въ одной пещерѣ и были отчасти съѣдены собаками.

Прим. перев.

**) Dauban Etude sur M-me Roland, стр. 58.

во мнѣніи народа. Онъ, впрочемъ, умеръ уже для общественнаго мнѣнія, и когда нашли его трупъ, то уже почти забыли гнѣвное краснорѣчіе наиболѣе проникнутаго роландизмомъ жирондиста.

Бюзо всеѣмъ своимъ существомъ отдался на служеніе героической и злопамятной г-жѣ Роланъ, которая была слишкомъ женщиной, чтобы предпочесть отечество славы своей или чтобы различить истину въ рядахъ своихъ враговъ. И краснорѣчіе Бюзо цѣликомъ вдохновлялось ею, почти совсѣмъ не отражая великихъ страстей того времени. Въ этомъ его наиболѣе оригинальная черта, но въ этомъ же и его главный недостатокъ, такъ какъ при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ оно, не будучи воодушевлено чувствами и идеями, которыми жило большинство дѣятелей революціи, не могло имѣть на нихъ большого вліянія.

Камилль Демуленъ сообщалъ, какъ мы видѣли, что свою рѣчь объ изгнаніи герцога Орлеанскаго Бюзо читалъ съ рукописи. Но въ данномъ случаѣ дѣло шло объ актѣ первостепенной важности; обыкновенно же онъ говорилъ безъ рукописи, и даже въ лучшихъ его рѣчахъ чувствуется импровизація.

Л у в е.

I.

Дуве пользовался популярностью еще до выступленія своего на политическую арену, какъ авторъ знаменитаго романа *Faibles*, первое изданіе котораго появилось въ 1787 г. и который имѣлъ большой успѣхъ у публики. Нѣкоторые критики называютъ это произведеніе безнравственнымъ; но, въ дѣйствительности, если въ немъ и допущены нѣкоторыя вольности и имѣются слишкомъ откровенныя картинки, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причислено къ разряду тѣхъ пошлыхъ книгъ, которыя умышленно стараются возбудить въ читателѣ чувственность. И рядомъ съ описаніемъ любовныхъ походовъ, въ *Faibles* имѣются моральныя разсужденія, тирады о естественныхъ законахъ, о необходимости развода, о безсмысленности данныхъ соціальныхъ условій. Эта моральная тенденція, къ которой присоединяется затѣмъ и тенденція политическая, все усиливается, по мѣрѣ того, какъ романъ этотъ, отдѣльныя части котораго появились въ разное время, выходитъ въ свѣтъ. Когда же онъ

былъ законченъ (въ 1790 г.), Лувэ оказался даже въ числѣ поучительныхъ авторовъ, пользующихся фривольностью для того, чтобы преподать урокъ морали.

Зачитываясь романомъ, публика, однако, совершенно не знала личности автора, остававшейся въ тѣни до самой революціи. Наиболѣе значительнымъ фактомъ въ дореволюціонный періодъ его жизни *) является любовь его къ одной дѣвушкѣ, которая отвѣчала ему взаимностью, но которую насильно выдали замужъ за другого. Разлука съ нею сильно отразилась на его чувствительной душѣ и разожгла его романтическій духъ. Изданіе *Faublas* доставило ему немного денегъ, и онъ поселился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа; весной 1789 г., когда онъ писалъ послѣднюю часть своего романа, къ нему прибыла туда овдовѣвшая героиня его юношескаго романа, его Лодойска. Узнавъ о взятіи Бастиліи, онъ первый въ этомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ преобладала аристократія, надѣлъ трехцвѣтную кокарду, что чуть было не причинило ему крупныхъ непріятностей. „Если бы великая новость,—разсказываетъ онъ,—не подтвердилась вполне на слѣдующій день, то со мной бы поступили, какъ съ преступникомъ“ (**).

Привлекаемый революціей, онъ поселился послѣ этого въ Парижѣ. Его первымъ политическимъ произведеніемъ было *Paris Justifié*, написанное имъ въ отвѣтъ на манифестъ *Monsieur'a* относительно дней 5 и 6 октября. Эта брошюра открыла ему доступъ въ Якобинское общество; но, въ первое время, онъ не выдѣлялся тамъ, какъ ораторъ, говорилъ только въ своей секціи и больше всего наблюдалъ. Онъ написалъ еще социальный романъ, *Emilie de Varmon*t, въ которомъ доказывалъ необходимость ввести разводъ и разрѣшать священникамъ жениться, и нѣсколько комедій: *La grande revue des armées noires et blanches*, поставленную въ театрѣ Мольера; *L'arobli conspirateur ou le Bourgeois gentilhomme du XVIII siècle*, въ которой, подъ вымышленными именами, были изображены генераль Ожаръ, аббатъ Мори, Мирабо-бочка, и которую нашли слишкомъ смѣлою и потому не представили; той же участи подверглась и третья комедія, въ которой Лувэ выставилъ папу Пія VI.

Отказавшись отъ литературы, онъ занялся политической дѣя-

*) Лувэ родился въ Парижѣ, въ 1760 г.

**) *Mémoires*, изд. Didot, стр. 225.

тельностью и, 25 декабря 1791 г., представилъ Законодательному Собранію, отъ имени Ломбардской секціи, петицію объ изданіи обвинительнаго декрета противъ принцевъ. Безъ сомнѣнія, всѣ взгляды съ любопытствомъ обернулись къ автору Faublas, о которомъ говорили, что онъ самъ былъ въ юности своей героемъ приключеній, описанныхъ имъ въ первой части его романа. Всѣ ожидали увидѣть красиваго молодого человѣка, подходящаго для ролей перваго любовника, но, въ дѣйствительности, увидѣли маленькаго человѣка съ довольно непріятнымъ выраженіемъ лица, худого, лысаго, близорукаго, неловкаго и небрежно одѣтаго. Какъ! вотъ это побѣдитель Фобла? Женщины были разочарованы, но это не повредило хорошему реномѣ дебютировавшаго политика. Его скромность и смущеніе достаточно свидѣтельствовали о его добродѣтели, и въ нихъ чувствовался моралистъ. Скоро замѣтили „благородство его лба, и огонь, блестящій въ его глазахъ и освѣщавшій его лицо“. Открытіе это сдѣлала г-жа Роланъ. Энтузіазмъ и романтическій духъ Луве преобразили его въ ея глазахъ въ краснорѣчиваго послѣдователя ея любимаго Жанъ-Жака. „Невозможно,—говорила она,—совмѣстить больше ума съ меньшимъ тщеславіемъ и большимъ простодушіемъ; храбрый, какъ левъ, кроткій, какъ ребенокъ, чувствительный человѣкъ, честный гражданинъ, сильный писатель, онъ можетъ заставить дрожать Катилину на трибунѣ, обѣдать съ Граціями и ужинать съ Башомономъ“.

Но, когда онъ представился у рѣшетки Законодательнаго Собранія, въ немъ, конечно, не было ничего, что напоминало бы гостя Грацій и Башомона. Онъ былъ серьезенъ, трагиченъ. Рѣчь его встрѣтили долгими аплодисментами. Она, по модѣ того времени, была украшена классическими фигурами, сравненіями изъ древней исторіи, но въ ней чувствовались истинный гнѣвъ и революціонный энтузіазмъ. Луве осмѣлился просить Ассамблею объявить войну монархической Европѣ, видя въ такой войнѣ средство къ установленію всемірной республики. „Пусть,—воскликнулъ онъ,—всѣ націи сольются въ одну и пусть эта безконечная семья братьевъ пошлетъ своихъ священныхъ представителей, чтобы на алтарѣ равенства правъ, свободы культовъ, вѣчной философіи и народнаго самодержавія присягнуть вѣчному миру“.

Иснаръ потребовалъ тотчасъ-же, чтобы эмигрировавшіе принцы были преданы суду, но, по настоянію Гюаде, предложеніе это было отсрочено. Луве былъ, однако, очень гордъ тѣмъ, что его

смѣлая петиція вызвала апплодисменты. Не меньшій успѣхъ имѣлъ онъ и 30 мая 1792 г., когда отъ имени той же ломбардской секціи онъ снова выступилъ передъ Законодательнымъ Собраніемъ, требуя, чтобы полиція дѣйствовала болѣе энергично противъ роялистскихъ заговорщиковъ и чтобы разрѣшили ультра-революціонную мѣру,—перманентность секцій. Предложенію этому много апплодировали, и оно удостоилось чести быть переданнымъ въ законодательный комитетъ.

Луве неоднократно выступалъ также въ Якобинскомъ клубѣ, гдѣ съ самаго же начала объявилъ себя противникомъ Робеспьера. Но если въ январѣ ему удалось обратить на себя вниманіе нѣсколькими рѣчами о войнѣ и кой-какими скандальными выходками, то въ послѣдующіе мѣсяцы онъ тамъ игралъ весьма незначительную роль.

Дѣйствительную славу онъ стяжалъ себѣ своей газетой *La Sentinelle*, которая выходила два раза въ недѣлю и расклеивалась по всему Парижу. Эта періодическая афиша заключала мало новостей и была, въ сущности говоря, не газетой, „а серіей обращеній къ народу, небольшихъ, остроумныхъ или сильныхъ рѣчей, которыя останавливали прохожихъ, вызывали споры, оживляли общественное настроеніе“. Когда эта газета-афиша появилась въ мартѣ 1792 г., она имѣла цѣлью возбуждать народъ противъ двора и подготовить республику. Г-жа Роланъ, содѣйствовавшая ей возникновенію, рассказываетъ, что средства на изданіе *Sentinelle* давалъ Дюмурье изъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ 10 августа тонъ газеты измѣнился: она стала органомъ роландистовъ противъ монпаньяровъ, ожесточила тотъ споръ, который завершился 31 мая, и своимъ воинственнымъ и злобнымъ направленіемъ причинила большое зло республикѣ, хотя редакторомъ ея былъ республиканецъ. Г-жа Роланъ говоритъ, что она выбрала для этой роли Луве, какъ человѣка „способнаго представлять событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ“, между тѣмъ, какъ онъ смотрѣлъ на все глазами романиста. Въ дѣйствительности, онъ отдалъ на услуженіе гнѣву женщины всю пылкость своего воображенія и всю силу своей искренности, съ искусствомъ понося Гору и умѣло разжигая ненависть. *Sentinelle* существовала съ 1 марта 1792 г. до конца ноября того же года, затѣмъ прекратилась и возобновилась въ началѣ 1793 г. Робеспьеристы никогда не могли простить ее Жирондѣ.

Но надо признать, что, съ литературной точки зрѣнія, Луве,

своей своеобразной газетой, положили начало новому жанру краснорѣчія *),—афишному краснорѣчію, въ которомъ онъ скоро достигъ совершенства. Сама химеричность его ума дѣлала его доступнымъ простолюдину: читаль ли народъ съ довѣріемъ эти политическіе романы, эти непомѣрные выдумки или рвали съ отвращеніемъ розовую афишу, на которой они печатались, онъ никогда не оставался равнодушнымъ къ талантливымъ произведеніямъ автора Faublas. Да и могъ ли самый рьяный марагистъ читать безъ извѣстнаго удовольствія слѣдующую, напр., выходку противъ Марата:

„Народъ, я хочу сдѣлать странное, но, тѣмъ не менѣе, вѣрное сравненіе. Я предполагаю, что небо дало даръ слова всемъ членамъ моего тѣла и что какой-нибудь волосокъ моей бороды мнѣ говоритъ: „отрѣжь свою правую руку, потому что она отогнала собаку, которая хотѣла тебя укусить; отрѣжь свою лѣвую руку, потому что она поднесла хлѣбъ къ твоему рту; отрѣжь свою голову, потому что она руководила тобою въ твоёмъ поведеніи; отрѣжь свои ноги, потому что онѣ приводятъ въ движеніе всю твою машину, и когда ты все это сдѣлаешь, ты будешь самымъ прекраснымъ тѣломъ въ мірѣ“. И вотъ все отрѣзано благодаря волоску бороды, котораго я имѣлъ слабость послушать. Скажи мнѣ теперь, самодержавный народъ, не поступилъ ли бы я правильнѣе, если бы сохранилъ свои руки, свои ноги, свою голову и обругалъ волосокъ бороды, который давалъ мнѣ такіе умные совѣты? Маратъ—это волосокъ бороды республики; онъ говоритъ: уничтожьте генераловъ, которые прогоняютъ непріятеля; уничтожьте Конвентъ, который вырабатываетъ законы; уничтожьте министерство, которое приводитъ ихъ въ движеніе; уничтожьте все, кромѣ меня“ **).

Успѣхъ *Sentinell*'я сдѣлалъ Луве извѣстнымъ всей Франціи, и въ сентябрѣ 1792 г. онъ, по рекомендаціи Бриссо, былъ выбранъ въ Конвентъ жителями Луаре.

Какъ и большинство жирондистовъ, Луве признавалъ туманный деизмъ и былъ убѣжденнымъ республиканцемъ. Но, какъ и всѣ республиканцы 1791 г., онъ изъ осторожности сохранилъ бы монархію, если бы король проявилъ себя болѣе мудрымъ. „Да,—говоритъ онъ,—во имя Неба, которое читаетъ во всѣхъ сердцахъ.

*) Газету-афишу изобрѣлъ въ 1791 г. Тальенъ. Но его *Ami des citoyens* имѣла малый успѣхъ.

**) № LXIV, прил. къ *Buchez*, XX, 51.

я клянусь, что если бы дворъ не пытался тысячу разъ и постоянно лишить насъ полусвободы, я бы ждалъ только отъ времени нашей полной свободы. Но становилось несомнѣннымъ, что дворъ велъ заговоръ“ и т. д. *).

Въ глубинѣ души онъ ненавидитъ королей. Онъ жаждетъ справедливости, братства, и къ этому сводится вся его политика. Не требуйте отъ него ни комбинацій, ни взглядовъ относительно будущаго, ни даже плана дѣйствій для текущаго дня. Что бы онъ самъ ни говорилъ **), онъ—не человекъ дѣла. Онъ не показывается въ день 10 августа. Его роль состоитъ въ возбужденіи тѣхъ благородныхъ чувствъ, которыя волнуютъ его душу; возмущеніе является доминирующей нотой его краснорѣчія. До термидорскаго періода онъ не пользуется никакимъ вліяніемъ надъ людьми и событіями. Страсти, которыя онъ вызываетъ, не побуждаютъ къ дѣятельности: онѣ успокаиваются и засыпаютъ какъ только ораторъ спускается съ трибуны, какъ только романистъ заканчиваетъ свой романъ.

Суть въ томъ, что рѣчи его напоминаютъ романъ и что въ политикѣ онъ является романистомъ даже тогда, когда онъ считаетъ себя болѣе серьезнымъ. Дѣйствительныхъ комбинацій, которыя составляются вокругъ него, онъ не видитъ и, безотчетно, создаетъ другія, болѣе сложныя, на которыя онъ совершенно искренно указываетъ, но невѣроятность которыхъ поражаетъ его друзей и ободряетъ его противниковъ. Такъ, въ его глазахъ дѣятели Коммуны и Горы являются не только авторитарными и насильственными политиками; онъ увѣренъ, что они заключили договоръ съ иностранными державами для возстановленія королевской власти во Франціи. Пашъ и Гассенфранцъ были враждебны Дюмурье до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствовалъ какъ республиканецъ; они дезорганизовали его армію при посредствѣ орлеанистскихъ агентовъ. Дантонисты участвуютъ въ заговорѣ. Геро де-Сешель—агентъ державъ. Шометтъ играетъ ту же роль. Маратъ, наконецъ, явный роялистъ и *Ami du peuple* существуетъ на австрійскія деньги. Гдѣ было рѣшено возстаніе 10 марта? Въ Кобленцѣ. Почему якобинцы требуютъ четыре раза подрядъ все того же числа якобинскихъ жертвъ—22-хъ? Потому,

*) *Mémoires*, изд. Didot, стр. 227.

**) Онъ наивно полагаетъ, что Жиронда погубила себя, не взявъ его въ министры юстиціи. *Mémoires*, pass.

что это число было однимъ изъ условій тайнаго договора Горы съ иностранными державами.

Эти небывлицы онъ изобрѣталъ не только въ разгарѣ борьбы. Уже послѣ пораженія Жиронды, когда онъ скрывался въ „юрскихъ пещерахъ“, онъ ретушировалъ ихъ, вѣря въ дѣйствительность вымышленной имъ интриги, и безъ всякихъ угрызений совѣсти переиздалъ ихъ въ 1795 г., вызывая удивленіе всѣхъ здравомыслящихъ жирондистовъ и даже добродушнаго Дюссоль, который писалъ ему по этому поводу слѣдующее: „Въ то время, когда Гора обвиняла вашу партію въ выдуманномъ преступленіи, въ федерализмѣ... тогда я втайнѣ хвалилъ васъ за то, что вы вымучивали свой умъ и употребляли свой талантъ романиста, чтобы доказать, что противники ваши желали возстановить королевскую власть. Это была война, въ которой хитрость служила орудіемъ борьбы. Но нынѣ, когда враги ваши разбиты, какой здравомыслящій человѣкъ сможетъ простить вамъ то, что вы написали вторую часть романа?“ *). Дюссоль былъ, однако, неправъ по отношенію къ Луве, подозрѣвая его въ недобросовѣстности. Авторъ *Faublas*, вопреки мнѣнію г-жи Роланъ, былъ неспособенъ видѣть міръ въ его истинномъ свѣтѣ: онъ жилъ среди миражей.

Рѣчи, произнесенныя имъ въ Конвентѣ, стоятъ, однако, того, чтобы на нихъ остановились. Если Луве не былъ ни человѣкомъ дѣла, ни даже точнымъ свидѣтелемъ революціи, то онъ, тѣмъ не менѣе, обладалъ нѣкоторыми качествами оратора. Онъ хорошо держался на трибунѣ, не былъ лишенъ ни жара, ни силы и вызывалъ аплодисменты какъ своей горячностью, такъ и своимъ искусствомъ. Онъ никогда не оставлялъ Ассамблею равнодушной и если онъ дѣйствовалъ скорѣе на нервы, чѣмъ на разумъ, то у него, по крайней мѣрѣ, былъ столь рѣдкій даръ интересовать, волновать.

Это, казалось бы, является качествами импровизатора. Онъ, однако, читалъ свои рѣчи. Онъ слишкомъ заботился о содержаніи, о стилѣ, о своей литературной репутаціи, чтобы довѣриться случайностямъ трибуны. Кромѣ того, онъ желалъ побѣдить Робеспьера его же собственнымъ оружіемъ, длинными и красивыми рѣчами, хорошо обдуманпymi, старательно составленными, написанными для потомства.

*) *Lettre de Dussault à Louvet (1795)*, прил. къ Мемуарамъ Луве, изд. Didot, стр. 254.

Дѣйствительно, въ Конвентѣ, передъ болѣе благосклонной къ его идеямъ аудиторіей, онъ возобновилъ ту роль, которую, съ сомнительнымъ успѣхомъ, онъ уже пытался играть въ Якобинскомъ клубѣ. Втеченіе больше мѣсяца онъ все молчалъ, сказавъ лишь въ двухъ—трехъ незначительныхъ случаяхъ нѣсколько не представляющихъ интереса словъ, и готовилъ, заострялъ въ это время свою Robespierriid'y. Онъ, вѣроятно, читалъ ее г-жѣ Роланъ, а также Бриссо, Гюаде, своимъ личнымъ друзьямъ. Она была извѣстна, знаменита, прежде чѣмъ онъ ее произнесъ. Когда она была совершенно закончена, онъ сталъ выжидать удобнаго момента, чтобы обрушиться на Робеспьера. 29 октября послѣдній заявилъ, что никто не осмѣлится обвинить его въ лицо. „Я прошу слова, чтобы обвинить Робеспьера“,—воскликнулъ Луве, къ которому присоединились Барбару и Ребеки. Послѣ рѣчи Дантона, весьма серьезной и политической, слово было дано романисту. Рѣчь Луве, взволновавшая аудиторію, не была гимназической декламаціей, какъ петиціи, представленныя имъ отъ имени ломбардской секціи. Стилль ея, въ общемъ, умѣренный, легкій, элегантнѣй. Она знакомитъ насъ съ самыми лучшими качествами Луве. Я нахожу въ ней лишь одно напыщенное мѣсто: вынужденный назвать Марата, онъ прерываетъ себя слѣдующимъ возгласомъ: „О, боги, я произнесъ его имя!“ Но это не столько литературная погрѣшность, сколько политическая уловка: понося Марата, онъ рассчитываетъ поносить защищающаго того Робеспьера.

Въ этомъ заключаются, впрочемъ, тенденція и пріемъ всей Robespierriid'y: ораторъ больше бранитъ, чѣмъ доказываетъ и для уличенія своихъ противниковъ рассчитываетъ больше на свой талантъ, чѣмъ на истину. На что, въ общемъ, ссылается онъ? На то, что Робеспьеръ злоупотребляетъ словомъ въ Якобинскомъ клубѣ, что онъ позволяетъ тамъ поклоняться себѣ, что онъ самъ куритъ себѣ вѣнчаныя, что онъ злословитъ на жирондистовъ, что онъ хочетъ стать диктаторомъ, что Дантонъ не выполнилъ своего долга въ день 2 сентября. Можно ли обосновать обвиненіе на подобныхъ данныхъ? Одни изъ нихъ могли лишь доставить Робеспьеру популярность, а другія сводились къ тому, что Робеспьеръ—личность антипатичная. Нѣкоторыя изъ утвержденій Луве рисковали разлетѣться въ прахъ предъ простымъ отрицаніемъ обвиняемаго. Такъ, Луве съ видомъ побѣдителя воскликнулъ: „Робеспьеръ сказалъ мнѣ, что если Ассамблея не утвердитъ постановленія Коммуны объ увольненіи парижской директоріи,

то ее принудять къ тому силою“. При этихъ словахъ всѣ депутаты поднялись, охваченные возмущеніемъ, и оба Робеспьера одновременно устремились на трибуну. Это—красивая сцена, лестное для самолюбія оратора волненіе, но ничтожный успѣхъ для его партіи. Разъ Робеспьеръ отрицаетъ приписываемыя ему слова, то что остается отъ этого патетическаго обвиненія?

Наконецъ, чего требуетъ Луве? Чтобы Робеспьера предали суду, какъ претендента на диктатуру. А какую мѣру предлагать онъ противъ диктатуры? Другую диктатуру, диктатуру Ролана, „этого добродѣтельнаго и мужественнаго министра, стоящаго выше человѣческой похвалы“. Республика будетъ спасена, если министръ сможетъ прибѣгнуть къ военнымъ силамъ, находящимся въ департаментахъ, съ условіемъ, чтобы затѣмъ онъ обратился за одобреніемъ своихъ дѣйствій къ Конвенту. Отсюда слѣдуетъ, что Луве не возстаетъ противъ диктатуры вообще, а лишь противъ диктатуры Робеспьера. Будучи якобинской, диктатура погубитъ революцію; будучи жирондистской, она ее спасетъ.

Для него, слѣдовательно, хотя онъ и отрицаетъ это, дѣло идетъ не о принципахъ, а о личностяхъ. Но если его аргументація слаба, почти ничтожна, то ненависть его, горячая, живая, заразительная, пробудила въ Ассамблеѣ всѣ тѣ чувства злобы и зависти, которыя Робеспьеръ возбуждалъ своимъ поведеніемъ. Можно восхищаться благороднымъ и мужественнымъ тономъ, до котораго возвысился авторъ „Faublas“, когда онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ резюмируетъ все свое обвиненіе:

„Робеспьеръ, я обвиняю тебя въ томъ, что ты долго клеветалъ на самыхъ чистыхъ патріотовъ; я обвиняю тебя въ этомъ, такъ какъ полагаю, что честь гражданина и въ особенности народнаго представителя не принадлежитъ тебѣ; я обвиняю тебя въ томъ, что ты клеветалъ на этихъ же людей въ ужасные сентябрьскіе дни, т. е. въ то время, когда твои навѣты были равносильны приговору; я обвиняю тебя въ томъ, что ты, насколько лишь могъ, не признавалъ, унижалъ, преслѣдовалъ представителей націи и побуждалъ другихъ не признавать и не уважать ихъ авторитета; я обвиняю тебя въ томъ, что ты постоянно держался, точно идоль, которому надо поклоняться, что ты позволялъ въ твоемъ же присутствіи указывать на тебя, какъ на единственнаго добродѣтельнаго человѣка во Франціи, способнаго спасти отечество, что ты самъ на это намекалъ; я обвиняю тебя въ томъ, что ты посредствомъ интриги и страха терроризировалъ избирательную коллегію парижскаго департамента; я обвиняю

ню тебя, наконецъ, въ томъ, что ты направлялся къ высшей власти: это доказываютъ и приведенные мною факты и все твое поведеніе, которое больше уличаетъ тебя, чѣмъ все, что я могъ бы сказать.“

Въ своихъ мемуарахъ Луве претендуетъ, что если бы Робеспьеръ не добился восьмидневной отсрочки для отвѣта, то противъ него былъ бы немедленно изданъ обвинительный декретъ,—настолько рѣчь эта повліяла на Ассамблею. Шумъ аплодисментовъ скрылъ отъ него дѣйствительное пораженіе его политики. Предоставить Робеспьеру отсрочку—значило заранѣе оправдать его, отказаться отъ обвиненія. И, дѣйствительно, Жиронда не считала нужнымъ возобновить атаку, въ которой Барбару потерпѣлъ уже неудачу. Напрасно Луве старался вызвать на трибуну Петіона, Гюаде, Верньо: они хранили молчаніе, предоставляя своему другу отвѣтственность за это преждевременное обвиненіе и въ особенности за это чрезмѣрное восхваленіе министра Ролана, въ которомъ ясно чувствовалось личное вліяніе жены послѣдняго. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы большинство, бывшее тогда жирондистскимъ, пожелало предать Робеспьера суду, то оно бы это сдѣлало немедленно: впоследствии, послѣ прѣріальныхъ дней, оно показало, что умѣть безъ дебатовъ отправлять своихъ противниковъ на эшафотъ. Но въ октябрѣ 1792 г. оно не чувствовало себя ни достаточно сильнымъ противъ парижскаго мнѣнія, ни, быть можетъ, достаточно враждебнымъ къ якобинцамъ, чтобы погубить непріятнаго, но популярнаго патріота. Въ случаѣ оправданія, Робеспьеръ тѣмъ самымъ оказался бы совсѣмъ близкимъ къ той диктатурѣ, которую хотѣлъ предупредить Луве, такъ какъ подобное оправданіе должно было доставить Марату, при всемъ его маратизмѣ, ореолъ, который заставилъ забыть его безумства.

Извѣстно, насколько ловко Робеспьеръ воспользовался этими восемью днями, чтобы подготовить въ Якобинскомъ клубѣ движеніе умовъ въ свою пользу. Отвѣтъ же его, скромный и умный, имѣлъ тѣмъ большую силу, что Ассамблея не могла противопоставить ему ни одного акта.

Этотъ эпизодъ, оставшійся знаменитымъ въ исторіи революціи, обнаружилъ въ остроумномъ писателѣ челоуѣка сердечнаго и мужественнаго, волнующаго оратора, но не государственнаго дѣятеля и даже не челоуѣка дѣла *). Этотъ чисто литературный

*) Мишле говоритъ, что въ своей филиппикѣ Луве лаялъ, но не кусался. Нѣтъ, онъ кусался, но не на-смерть.

успѣхъ настолько мало возвысилъ его авторитетъ, что 10 ноября онъ не могъ даже заставить выслушать себя по вопросу о возобновленіи Комитета общественнаго спасенія. Базиру достаточно было сказать: „вѣчный доносчикъ Луве проситъ слова противъ Комитета надзора; предоставляю ему его“. Ассамблея тотчасъ же постановила, что Луве не будетъ выслушанъ.—7 ноября онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ нападалъ на монтаньяровъ; когда Монто проницательно спросилъ, не засѣдаетъ ли среди жироидистовъ роялистъ Рамонтъ, Луве взялся доказать, что Катиллина засѣдаетъ на Горѣ. Но его не слушали.

Въ декабрь его, однако, избрали секретаремъ, и 16-го онъ шумно выступилъ въ дебатахъ о проектѣ изгнанія Филиппа-Равенство, возвращаясь при этомъ къ своей прежней ораторской манерѣ, къ риторикѣ, сбавленной античными сравненіями. Онъ прочелъ на трибунѣ цѣлую страницу изъ Тита-Ливія, чтобы поддержать предложеніе Бюзо: „Представители народа,—сказалъ онъ,—это не я буду говорить за предложеніе Бюзо, а бессмертный основатель знаменитой республики, отецъ римской свободы, Брутъ... (Ропотъ). Да, Брутъ; и его рѣчь, произнесенная болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, настолько примѣнима къ нашему настоящему положенію, что можно было бы подумать, будто я только сегодня составилъ ее.“ И онъ приводитъ упреки, съ которыми, въ Титѣ-Ливіѣ, Брутъ обращается къ Тарквинію Коллатину, сравнивая Коллатину съ Филиппомъ и прося послѣдняго, если онъ „дѣйствительный другъ свободы“, покинуть французскую республику и положить тѣмъ конецъ недовѣрью, безпокойству, раздорамъ, которые его присутствіе возбуждаетъ среди патріотовъ. Друзья и враги Филиппа-Коллатина были глубоко тронуты этой ученой параллелью, которую никто не нашелъ педантичной*. Луве же былъ счастливъ, что это воспоминаніе о Брутѣ волновало и безпокоило Гору, и счастье его было тѣмъ большее, что его обвиняли въ недостаткѣ классическаго образованія (для того времени это было ужаснымъ укоромъ!) и въ незнаніи латыни.

Поведеніе Луве въ процессѣ короля увеличило его непопулярность. 14 января 1793 г. онъ заявилъ, что если апелляція къ

*) Впослѣдствіи (2 жерминали III года) ораторскій вкусъ нѣсколько измѣнился, и Лекюантръ выважалъ смѣхъ, когда онъ сослался на Брута и сказалъ: „Я клинусь головой Брута, что, идя на засѣданіе, я видѣлъ, какъ гвардейцы отталкивали женщинъ...“

народу будетъ отвергнута, то онъ не сможетъ судить Людовика XVI, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ вынесетъ приговоръ, который будетъ непоправимымъ. Онъ, слѣдовательно, голосовалъ за апелляцію. Затѣмъ онъ высказался за смертную казнь, но при условіи выполненія приговора лишь послѣ выработки конституціи и одобренія ея народомъ, и вотировалъ за отсрочку, вызвавъ тѣ дебаты, которые произошли по этому вопросу. Наканунѣ онъ рѣзко прервалъ Дантона слѣдующимъ восклицаніемъ: „Ты, Дантонъ, еще не король!“ Дантонъ внушалъ ему не меньшія опасенія, чѣмъ Робеспьеръ, хотя почти всю свою ненависть онъ сосредоточилъ на послѣднемъ.

До 31 мая онъ игралъ незамѣтную роль и въ эти столь трагическіе четыре мѣсяца онъ не произнесъ ни одной значительной рѣчи.

II.

Скрываясь раньше въ Парижѣ въ безопасномъ мѣстѣ, Луве, несмотря на мольбы его Ладойски, вышелъ оттуда и въ концѣ іюня 1793 г. присоединился къ жирондистамъ, поселившимся въ Капъ. Онъ раздѣлялъ всѣ невзгоды ихъ бѣгства до того момента, когда, въ припадкѣ отчаянія, онъ покинулъ Салля и Гюаде въ окрестностяхъ Régigneux и отправился въ Парижъ, чтобы видѣться со своей женой. Ему удалось совершить, не будучи признаннымъ, это ужасное путешествіе, о которомъ онъ оставилъ намъ рассказъ, являющійся единственнымъ въ своемъ родѣ документомъ о состояніи умовъ въ провинціи послѣ 31 мая. Онъ свидѣтельствуеетъ о томъ, что Франція, даже деревенская Франція, стояла за Конвентъ: эта преданность, установленная признаніями жирондиста, говоритъ всецѣло противъ Жиронды.

Луве недолго пробылъ въ Парижѣ. Онъ удалился въ юрскія горы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ границы, но все же во Франціи. Онъ считалъ для себя дѣломъ чести не эмигрировать.

Чтеніе его мемуаровъ, въ которыхъ онъ рассказываетъ о своемъ изгнаціи, даетъ полное знакомство съ нимъ и внушаетъ къ нему любовь, несмотря на его ошибки и хитры. Это—великое сердце, изящный умъ, мужественный и нѣсколько легкомысленный французъ. Стилъ напыщенъ лишь мѣстами, когда авторъ прерываетъ свой рассказъ, чтобы пуститься въ разсужденія, проклинать людей или восхищаться своей женой. Но сама эта любовь, выраженная сантиментальнымъ языкомъ, благородна и тро-

гательна. Чувствуется, что Луве жилъ лишь для любви. Этотъ художникъ галантныхъ похощеній, мимолетныхъ и чувственныхъ страстей отдалъ свою душу возвышенному и серьезному чувству, которое вдохновило, украсило его жизнь и его смерть, предохранило его отъ злобныхъ и мстительныхъ мыслей, опечалившихъ послѣдніе дни Сентъ-Эмильонскихъ изгнанниковъ, и, ко дню реванша, оставило сердце его открытымъ для справедливости и жалости.

Эта любовь, поддерживавшая его въ его испытаніяхъ, помѣшала ему также испортить свой талантъ и свое краснорѣчіе. Онъ оставался самимъ собою въ этихъ юрскихъ пещерахъ, гдѣ онъ безпрестанно представлялъ себѣ свою Ладоиску въ видѣ жанъ-жакской Юліи. Когда онъ снова появился на трибунѣ, онъ показалъ себя такимъ же, какимъ его знали въ его блестящіе дни, болѣе, однако, серьезнымъ и какъ будто выросшимъ отъ пережитыхъ имъ страданій. Послѣ термидора онъ пережилъ, такимъ образомъ, еще одинъ ораторскій періодъ, болѣе долгій и болѣе славный, чѣмъ предыдущій, и оказалъ честь Жирондѣ своимъ, поистинѣ, благороднымъ поведеніемъ изгнанника, который не желаетъ мстить своимъ преслѣдователямъ.

Послѣ паденія Робеспьера, онъ вернулся въ Парижъ и просилъ о допущеніи его въ Конвентъ. 17 фримера III-го года былъ изданъ декретъ, освободившій его, Иснара, Ланжюане и другихъ отъ судебныхъ преслѣдованій, но не возстановившій ихъ въ депутатскихъ правахъ. Чтобы добывать себѣ средства къ существованію, Луве открылъ книжный магазинъ, и дѣла его пошли въ первое время успѣшно, благодаря тому сочувствію, которое вызвали оставшіеся въ живыхъ жирондисты. Призванный, наконецъ, въ Конвентъ декретомъ 18 вентоза III-го года (8 марта 1795 г.), онъ вступилъ туда съ высоко поднятой головой и 21-го же осмѣлился потребовать, чтобы жирондисты, возставшіе послѣ 31 мая, были объявлены достойными благодарности отечества. Ассамблея перешла къ порядку дня.

Черезъ нѣкоторое время, 2-го жерминаля, онъ опять выступилъ на защиту памяти своихъ погибшихъ друзей, которыхъ термидорцы Лекуантръ и Бассаль обвиняли въ намѣреніи разрушить Парижъ, доказывая это цитатами изъ имѣвшихся въ ихъ рукахъ мемуаровъ Бюзо. Лекуантръ, кромѣ того, утверждалъ, что у него имѣется роялистская присяга, подписанная Петіономъ, Бюзо, Барбару, Гюаде и Луве. Послѣдній съ негодованіемъ отвергъ обвиненіе.

„Я не видѣлъ этого документа, — сказалъ онъ, — но это не важно; я заявляю, что онъ ложный. Онъ ложный, я утверждаю это, раньше всего въ томъ, что касается меня: эта рука отпала бы раньше, чѣмъ у нея вырвали бы нѣчто подобное. Я утверждаю это дальше по отношенію къ моимъ несчастнымъ друзьямъ; они были неспособны на это, мои друзья, друзья республики; ихъ дѣятельная жизнь была посвящена ей; ей, я клянусь въ этомъ, принадлежали ихъ послѣдніе вздохи, когда они умирали. Ихъ послѣдній крикъ былъ за республику; ихъ послѣднимъ пожеланіемъ было то, чтобы обманутый народъ, спокойно относившійся къ ихъ гибели, обрѣлъ скоро свой разумъ и свою свободу, распозналъ и наказалъ своихъ тирановъ!“ И онъ потребовалъ, чтобы инкриминируемые документы были представлены въ бюро президіума и чтобы относительно ихъ открылись дебаты. „Я надѣюсь, — сказалъ онъ въ заключеніе, — что это приведетъ насъ къ важнымъ истинамъ. Если въ Ассамблеѣ есть роялисты, мы это узнаемъ; я укажу на нихъ, какъ я указалъ на Робеспьера, когда онъ былъ всемогущъ. (Продолжительныя аплодисменты). И если, за это дѣло, я долженъ былъ бы пойти на эшафотъ, я, по крайней мѣрѣ, взшелъ бы на него съ той утѣшительной мыслью, которую вы (указывая на крайнюю лѣвую) никогда не будете имѣть, съ той мыслью, что первая кровь, которую я пролью, будетъ моею собственной.“ Возстаніе 12 жерминаля отвлекло вниманіе отъ этого несвоевременнаго вопроса, и дебаты, о которыхъ просилъ Луве, не состоялись, къ счастью, впрочемъ, для него и его партіи, такъ какъ теперь доказано, что Бюзо дѣйствительно написалъ то, что Лекуантръ и Бассаль ставили въ упрекъ Жирондѣ.

Луве еще неоднократно случалось защищать память своихъ коллегъ, нападая при этомъ на Гору. Но онъ отдѣлился отъ оставшихся жирондистовъ, когда онъ увидѣлъ, что тѣ склоняются къ роялизму. Почти единственный среди нихъ, онъ былъ, попрежнему, республиканцемъ и революціонеромъ. Это именно придавало его краснорѣчію оригинальность стиля и горячность, которая ставятъ его среди четырехъ или пяти ораторовъ, оживлявшихъ нѣсколько своимъ словомъ вялый и томительный конецъ термидорскаго Конвента. Такъ, 10 жерминаля III-го года онъ возсталъ противъ новыхъ выборовъ, которыхъ требовали роялисты. Конвентъ, — сказалъ онъ, — не кончилъ своего дѣла; если онъ разойдется теперь, то это будетъ равносильно декретированію похоронъ республики. „Нѣтъ, нѣтъ, роялизмъ, высчи-

тывающій уже, составляющій планы, надѣющійся, не добьется этого предвозвѣстника тѣхъ триумфовъ, которые онъ съ давнихъ поръ подготавливаетъ и нынѣ себѣ обѣщаетъ; не для него сыны отечества, цѣною своей крови, одержали столько побѣдъ; не для него и не въ ихъ отсутствіи выберутъ представителей. Онъ, конечно, надѣется; но скажите... націи, что интересы ея торговли, ея промышленности, ея благосостоянія нуждаются болѣе настоятельно чѣмъ когда-либо, въ республикѣ; скажите тому, кто купилъ національныя имущества: возстановленная монархія отниметъ ихъ у тебя цѣликомъ; тому, кто существуетъ своей торговлей: монархія разоритъ тебя, объявивъ себя банкротомъ; тому, кто живетъ трудомъ своихъ рукъ: монархія лишитъ тебя послѣдняго источника и къ тому же никогда не проститъ тебѣ духа свободы, которыми дышатъ твои рѣчи и проникнуты твои дѣла.“ Въ всякаго сомнѣнія, положеніе трудное; но долженъ ли изъ-за этого Конвентъ разойтись? „Если кто-либо имѣлъ право отказаться отъ этой тяжелой ноши, то это, быть можетъ, тѣ, которые, являясь жертвами первыхъ усилій тираніи, удостоены опасной чести исправить совершенное ею зло; но дѣло идетъ о спасеніи отечества: кто не готовъ жертвовать собою еще? Воодушевленные одинаковыми чувствами, будемъ работать для той же цѣли. Пусть исторія нашихъ возмущенныхъ современниковъ не сможетъ сказать: этотъ Конвентъ, одержавшій верхъ надъ всѣми королями, отступилъ передъ препятствіями, которыми его оплели его собственные тираны; на прощанье же онъ оставилъ финансы въ упадкѣ, правительство въ анархіи, народъ голодающимъ, преступленіе безнаказаннымъ.—Я прошу, чтобы Національный Конвентъ декретировалъ, что въ настоящее время вопросъ о созывѣ избирательныхъ ассамблей не подлежитъ обсужденію“. Предложеніе это было принято.

Въ флореалѣ Луве выступилъ противъ предложенія Тибодо, желавшаго сосредоточить все дѣло правленія въ рукахъ Комитета общественнаго спасенія. Его ужасаетъ деспотическая власть, которую желаютъ дать Комитету, и онъ опасается его анонимной тираніи. „Народные представители,—сказалъ онъ,—я хорошо знаю, что, когда тиранъ появится, вы будете съ нимъ бороться на жизнь и смерть и что вы лучше погибнете, чѣмъ позволите ему утвердиться; но отечеству важно не то, чтобы вы умѣли умирать на развалинахъ свободы, а то, чтобы вы умѣли жить для энергичной защиты его правъ. (Продолжительныя аплодисменты). Мужество противъ тирановъ! Но какую пользу принесло общественному дѣлу мужество моихъ несчаст-

ныхъ друзей? Оно толкнуло ихъ на эшафотъ; оно привело другихъ къ страданіямъ въ изгнаніи; оно бросило одну часть этой Ассамблеи въ тюрьмы, а другую, ежедневно угрожаемую мечомъ узурпатора, заставило выжидать съ великодушнымъ терпѣніемъ того момента, когда можно будетъ его свергнуть! А сколько несчастій перенесло отечество за эти восемнадцать мѣсяцевъ!.. Повѣрьте другу національнаго представительства и республики: куда легче, болѣе подходяще и, въ особенности, болѣе вѣрно не допускать учрежденій, благопріятныхъ тираніи, чѣмъ быть доведеннымъ до необходимости принимать резолюціи противъ тирановъ.“ (Апплодисменты). По его настоянію комиссіи одиннадцати было поручено представить въ слѣдующій тридцатый докладъ о средствахъ централизаціи правленія безъ того, чтобы отъ этого пострадала общественная свобода.

Читатель могъ убѣдиться, насколько выросла политическая роль Луве со времени его возвращенія. Это уже не страстный легкій ораторъ, вызывающій больше апплодисментовъ, чѣмъ вниманія. Онъ представляетъ теперь на трибунѣ термидорскій духъ, но не въ его заднихъ роялистскихъ мысляхъ, не въ его ханжествѣ, а въ томъ, что въ немъ было искренняго и честнаго. Луве прекрасно выражаетъ скорбь и стыдъ, вызванные у истинныхъ республиканцевъ терроромъ, крайности котораго обезсилили революцію. Но онъ упорно отказывается перейти въ роялизмъ, по примѣру другихъ республиканцевъ.

Такъ, 12 флореаля III-го года, онъ, вмѣстѣ съ комиссіей одиннадцати, настаиваетъ на томъ, что контръ-революціонерамъ не должна быть предоставлена абсолютная свобода рѣчи и печати. Хорошо, что терроризмъ побѣжденъ, но надо также побѣдить реакцію. „Представители народа, — говоритъ онъ, — ваши дѣйствительные враги, естественные, неумолимые враги республиканскаго, почти единодушно республиканскаго Конвента, враги, которые низвергнуть васъ, если вы не сдержите ихъ, это—роялисты“. Конвентъ постановилъ расклеить эту рѣчь Луве.

На слѣдующій день, 13 флореаля, онъ имѣлъ самый свой крупный ораторскій успѣхъ, выступивъ съ рѣчью по поводу возвращенія имуществъ осужденныхъ; Гора отвергала эту мѣру, видя въ ней отреченіе отъ революціи, друзья же Луве желали, чтобы она была принята только въ пользу жирондистовъ. Луве, въ этой своей рѣчи, относится, безъ сомнѣнія, несправедливо къ робеспьеристамъ, отрицая за ними всякій патріотизмъ; но онъ долженъ былъ бы стоять выше человѣческой природы для того,

чтобы восхвалять своих преслѣдователей. Онъ удивляетъ насъ или вызываетъ у насъ улыбку, когда онъ называетъ чудовищами всѣхъ побѣжденных въ термидоръ: по это официальный языкъ того времени. Послѣ ихъ паденія, жирондистовъ и даптолистовъ называли на трибунахъ чудовищами даже тѣ, которые въ глубинѣ души уважали и любили ихъ. А теперь Робеспьеръ, Сень-Жюсть и Кутонъ стали въ свою очередь чудовищами даже для пережившихъ ихъ монтаньяровъ. Эти лицемѣрные преувеличенія, которыми стремились примирить широкую публику съ убійствами столькихъ знаменитостей, были, въ сущности, лишь невольной почестью, оказывавшейся погибшимъ, убійство которыхъ можно было прикрасить лишь клеветою. Луве былъ, быть можетъ, единственнымъ, пылкое воображеніе котораго рисовало ему всѣхъ этихъ людей дѣйствительными чудовищами, и въ его устахъ эта фразеологія является искренней, хотя и не менѣе непріятной для безпристрастнаго читателя.

Но, за исключеніемъ этого, рѣчь его внушена высшими взглядами и дѣйствительнымъ политическимъ благородствомъ. Известно, насколько Жиронда ненавидѣла короля Даптона. Луве, тѣмъ не менѣе, требуетъ справедливости и жалости для жерминальскихъ жертвъ. Поднявшись выше своей партіи и своего времени, онъ какъ будто прозрѣваетъ на моментъ и видитъ истину, когда онъ посыпаетъ цвѣтами могилы Филиппо и Демулена и ставитъ ихъ имена рядомъ съ именемъ друга своего Валазе:

„Представители народа, откройте красныя книги такъ называемыхъ революціонныхъ трибуналовъ и на каждой изъ ихъ окровавленныхъ страницъ вы встрѣтите имена лучшихъ гражданъ, умершвенныхъ за мнимыя контръ-революціонныя преступленія. Я не стану вамъ перечислять всѣхъ почтенныхъ жертвъ, убитыхъ клеветою; я не приведу вамъ именъ всѣхъ уважаемыхъ вдовъ, для которыхъ постигшая ихъ нищета является наименьшимъ изъ ихъ несчастій; я не скажу вамъ, что вдова Филиппо будетъ всегда въ слезахъ и скоро окажется въ нуждѣ; что изъ глубины общей могилы, въ которой онъ почіетъ рядомъ со своей молодой и милой женой, Камилль Демуленъ взываетъ къ вамъ: „Моего убійцы больше нѣтъ; почему же эти учрежденія переживаютъ его?“ Что Катонъ нашихъ дней, тотъ, кто, оставаясь спокойнымъ передъ судьями-убійцами, но не желая отдаться живымъ въ руки ихъ палачей, съ безмятежнымъ лицомъ и улыбкой на устахъ пронзилъ свое невинное сердце; что Валазе (продолжительные аплодисменты) спрашиваетъ васъ, до

какихъ поръ оставите вы въ нуждѣ его жену и его дѣтей и многочисленныхъ родственниковъ, которыхъ онъ поддерживалъ своимъ трудомъ. Я не буду останавливаться на этихъ печальныхъ образахъ, мнѣ это не нужно для того, чтобы убѣдить васъ совершить актъ строгой и общей справедливости, справедливости, распространяющейся на всѣхъ“. И онъ возстаетъ противъ конфискаціи вообще, которую онъ объявляетъ возмутительной и неразумной, исключая случаевъ примѣненія ея къ эмигрантамъ, поставившимъ себя внѣ соціального договора. Она—наслѣдіе стараго порядка, суроваго феодальнаго времени, когда считалось, что „кто конфискуетъ тѣло, конфискуетъ и имущества“; но революція провозгласила другой принципъ — что преступленія являются личными, и, слѣдовательно, отвѣтственность можетъ быть только личной.

Дуве возражаютъ, что вернуть имущество всѣхъ вообще осужденныхъ значило бы реабилитировать тѣхъ, которые были дѣйствительно виновны. Онъ допускаетъ, что среди осужденныхъ были виновные. Но „имѣлись ли судьи?“. Ему говорятъ, что конфискація вытекаетъ изъ права войны: „Но какой войны, великіе боги? Войны мятежнаго, тиранизирующаго меньшинства противъ убиваемаго имъ невиннаго большинства. (Апплодисменты). Непрiятельская территория конфискуется, говорятъ, побѣдой. Чьей побѣдой? Кутона, Сень-Жюста, Робеспьера, Коммуны, Ганрію? А затѣмъ, какой побѣды? Убійства. Они были объявлены контръ-революціонерами. Кѣмъ? Людьюми, которые, въ сентябрѣ, убивали у тюремныхъ воротъ и которые затѣмъ, не мѣняя своей роли и перемѣнивъ лишь свое платье, осмѣлились занять мѣста на скамьяхъ трибунала и назвать себя судьями... Само преступленіе имѣло право отвергнуть судей-убійць (продолжительные апплодисменты). Никто не былъ судимъ ни трибуналами 22 преріаля, ни трибуналами 31 мая, никто: всѣ были убиты (апплодисменты возобновляются). Вы говорите, что были виновные. Что съ того? Они были наказаны, ихъ постигла смерть! Но ихъ жены, ихъ дѣти, ихъ наслѣдники существуютъ; они живутъ для республики, они живутъ невинными и несчастными. Виновные подверглись казни; верните же невинному принадлежащее ему наслѣдство“.

Конвентъ сохранилъ принципъ конфискаціи, но постановилъ вернуть имущество осужденныхъ, начиная съ 10 марта 1793 г., за исключеніемъ эмигрантовъ, Бурбоновъ, фальшивыхъ монетчиковъ и т. д.

Среди реакцій, разразившейся противъ якобинцевъ, Луве не побоялся выступить на защиту прэриальскихъ инсургентовъ. Ни разу, втеченіе этихъ кровавыхъ недѣль, онъ не поднялъ голоса заодно съ преслѣдователями. Наоборотъ, онъ пытался, хотя и не успѣвъ въ этомъ, помѣшать аресту члена Конвента, Форестье. Онъ возсталъ также противъ военной комиссіи, которая такъ же круто расправлялась съ якобинцами, какъ бывшій революціонный трибуналъ. 10 прэриалья Лесаажъ потребовалъ, чтобы комиссіи этой были подсудны лишь военныя дѣла и чтобы Роммъ и другіе арестованные члены Конвента были преданы уголовному парижскому трибуналу. Луве сдѣлалъ больше того: онъ предложилъ совершенно уничтожить комиссію *): „Подумайте немного, граждане, и вы согласитесь со мною, что трибуналъ, который судить въ два часа, который можетъ, если онъ желаетъ, не разбираться въ намѣреніяхъ подсудимыхъ, что такой трибуналъ, говорю я, долженъ быть уничтоженъ, какъ омрачающій свободу“. Ланжюинэ былъ тоже настолько великодушень, чтобы защитить предложеніе Лесаажа, противъ котораго возсталъ жирондистъ Анри Ларивьеръ и которое Конвентъ устранилъ „предварительнымъ вопросомъ“.

Безсильный остановить термидорскую реакцію, Луве, однако, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большій моральный авторитетъ. Такъ, ему поручили произнести рѣчь надъ гробомъ народнаго представителя Феро **), убитаго въ прэриальскомъ возстаніи, а 1 мессидора его избрали предсѣдателемъ Ассамблеи. Во время именно этого предсѣдательства Луве въ третій разъ воскресилъ свою *Sentinelles*. Но она не была больше фрондерской афишей, страстнымъ памфлетомъ, выражавшимъ чувства г-жи Голанъ. На сей разъ Луве проповѣдывалъ согласіе между республиканцами и призывалъ ихъ къ объединенію, чтобы защищать рес-

*) Характерно, что незадолго до этого, Конвентъ уничтожилъ военные суды въ Бретани. Теперь онъ предавалъ военному суду, „судьямъ-автоматамъ“, какъ выражается Мишле, такихъ дѣятелей, какъ Роммъ, Субрани, Гужонъ, Бурботтъ и др., которые, въ день прэриальскаго возстанія, успокаивали толпу и своимъ самоотверженнымъ поведеніемъ спасли, быть можетъ, саму Ассамблею. Вся ихъ вина состояла въ томъ, что они остались искренними республиканцами и не шли на уступки роялистамъ, которымъ надо было поэтому освободиться отъ нихъ, уничтожить послѣдніе остатки Горы.—*Прим. перев.*

***) Надо замѣтить, что Феро былъ убитъ по ошибкѣ: толпа его даже не знала, ничего лично противъ него не имѣла и приняла его за ненавистнаго ей реакціонера Фрерона.—*Прим. перев.*

публику и отъ анархіи и отъ роялизма. Противъ послѣдняго онъ еще неоднократно ополчался, и въ послѣдней рѣчи, произнесенной имъ въ Конвентѣ, онъ требовалъ ареста одного роялиста, Ровера, бывшаго преслѣдователя жирондистовъ, бывшаго террориста, обезчещеннаго интригана.

Избранный нѣсколькими департаментами въ Совѣтъ Пятисотъ, онъ тамъ боролся изо всѣхъ силъ противъ расхолодившейся реакціи, сопротивляясь, съ одной стороны, напору возвращавшихся эмигрантовъ и, съ другой стороны, защищая преслѣдуемыхъ патриотовъ. Онъ, между прочимъ, произнесъ удачную рѣчь въ пользу проекта амнистіи, представленнаго Камюсомъ и который былъ выгоденъ, главнымъ образомъ, для республиканцевъ. Наконецъ, частичными выборами V года онъ былъ исключенъ изъ Совѣта. Политическая карьера его кончилась. Скоро послѣ этого, 8 фрюктира V года (25 августа 1797 г.), онъ умеръ, почти уже забытый тѣми, которые были его коллегами. Одинъ лишь Марп-Жозефъ Шенъ присутствовалъ при его смерти. Жена его приняла опиумъ, но ее спасли, и она осталась жить для своего ребенка.

Въ общемъ можно сказать, что Луве—почти единственный ораторъ, который блисталъ и въ первый и въ послѣдній періодъ Національнаго Конвента, а затѣмъ и въ Совѣтъ Пятисотъ, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ.

До 31 мая онъ былъ рѣчистымъ ораторомъ, производившимъ впечатлѣніе, но лишеннымъ такта, безъ силы и безъ авторитета. По возвращеніи же своемъ онъ въ двухъ или трехъ случаяхъ игралъ благородную, важную, почти прекрасную роль, и слово его краснорѣчиво выражало наиболѣе великодушныя страсти революціи. Изгнаніе и невзгоды очистили его характеръ и его талантъ.

Барбару и Петіонъ.

I.

Барбару, отличавшійся замѣчательной, чисто пластической красотой, былъ однимъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ Конвента. Ему было только 25 лѣтъ, когда г. Марсель, откуда онъ былъ родомъ, избралъ его своимъ депутатомъ. Но онъ уже до этого пользовался значительной извѣстностью и успѣлъ выдѣлиться, какъ политическій дѣятель. Уже въ началѣ 1792 г. марсельская

коммуна послала его въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы онъ добился отъ Законодательнаго Собранія привлеченія къ отвѣтственности реакціонной директоріи департамента Устьевь Роны и разрѣшенія для Марселя пріобрѣсть 6000 ружей. Онъ выполнилъ свою миссію въ высшей степени удачно, проявивъ при этомъ большую ловкость и несомнѣнный тактъ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ познакомился съ главарями Жиронды, въ томъ числѣ и съ супругами Роланъ, и расположилъ ихъ въ свою пользу. Г-жа Роланъ ему очень понравилась, и она тоже была поражена его красотой и молодостью. Но она уже любила Бюзо, съ которымъ Барбару впослѣдствіи очень близко сошелся, ставъ однимъ изъ лучшихъ друзей этой замѣчательной женщины и проводя ея политику въ той же степени, какъ Бюзо.

На первомъ же совѣщаніи у Ролановъ, на которомъ присутствовалъ Барбару, обсуждали проектъ образованія южной республики, если дворъ побѣдитъ на сѣверѣ. Пока что, рѣшено было сдѣлать все возможное, чтобы спасти Парижъ и сѣверъ, и Барбару обѣщали вытребовать изъ Марселя батальонъ и двѣ пушки. „Мы не теряли ни минуты,—разсказываетъ онъ;—мы написали въ Марсель, прося прислать въ Парижъ шестьсотъ человѣкъ, которые умѣли бы умереть, и Марсель прислалъ ихъ“ *).

Онъ былъ очень раздраженъ тѣмъ холоднымъ пріемомъ, который парижане оказали его землякамъ. Сантеръ, обѣщавшій привести на встрѣчу имъ весь Фобургъ, привелъ только двухъ сотъ человѣкъ. Парижъ посмѣивался надъ бахвальствомъ этихъ шестисотъ марсельцевъ, пришедшихъ спасать Парижъ! По словамъ Барбару, они, однако, спасли его, и 10 августа было дѣломъ Марселя. Напрасно Барбару все совѣтовали своимъ землякамъ быть осторожными. Онъ самъ разсказываетъ, что убѣждалъ ихъ никогда не становиться въ первый рядъ, особенно въ опасныхъ мѣстахъ. И онъ далъ имъ примѣръ осторожности, оставшись 10 августа дома. Марсельцы, говоритъ онъ, вели себя, тѣмъ не менѣе, геройски, и это они взяли дворецъ. Ни одного слова, въ его папвномъ разсказѣ, о роли Дантона, которая, какъ извѣстно, была преобладающей. Ни одного слова также о парижанахъ, трупами которыхъ была, однако, усѣяна Карусельская площадь. Барбару лишь съ трудомъ соглашается, въ своихъ мемуарахъ, присоединить брестскихъ волонтеровъ къ славѣ марсельцевъ.

*) Dauban, Mémoires inédits de Pétion, стр. 339.

Честь августовской побѣды, принадлежащая Барбару лишь въ малой степени, была цѣликомъ признана за нимъ Провансомъ, который сдѣлалъ это безъ колебаній и повѣривъ ему на слово. Самъ Барбару былъ въ своемъ хвастовствѣ безусловно искреннимъ, и въ заблужденіе его ввела его природная самонадѣянность, которая имѣла не меньшее вліяніе на его политическую карьеру, чѣмъ его талантъ. Когда онъ вернулся въ Марсель, ему была устроена грандіозная овація, напоминавшая триумфъ Мирабо. Скоро послѣ этого, избирательная ассамблея департамента Устье въ Роны, собравшаяся въ Авиньонъ, избрала его своимъ предсѣдателемъ и, въ виду роялистскихъ возстаній въ Авиньонъ, представила ему, хотя это и было не очень законно, диктаторскую власть надъ всѣмъ департаментомъ. Онъ возстановилъ порядокъ и въ то же время подавилъ ультра-якобинское движеніе въ Марсель. Тогда уже онъ сталъ во враждебныя отношенія къ Горѣ и объявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ Робеспьера и Дантона. Чтобы обезпечить торжество своей политики, онъ безъ колебаній пользовался своей исключительной властью: онъ самъ признаетъ, что Ребеки и онъ „вліяли“ на выборы, чтобы устранить „презрѣнныхъ личностей“, т.-е., безъ сомнѣнія, его противниковъ робеспьеристовъ *).

Избранный въ депутаты почти единогласно, онъ съ полною вѣрой въ себя, проникнутый оптимизмомъ и преисполненный энтузіазма, отправился опять въ Парижъ. Въ Конвентѣ онъ дебютировалъ рѣчью противъ Робеспьера и Коммуны, обвинивъ ихъ въ диктаторскихъ стремленіяхъ. На чемъ основывалъ онъ выдвинутое имъ же противъ Робеспьера обвиненіе? На томъ, что Панисъ указалъ будто бы ему и Ребеки на Робеспьера, „какъ на добродѣтельнаго человѣка, который долженъ быть диктаторомъ Франціи“. Но Панису достаточно было опровергнуть эти слова, чтобы уничтожить обвиненіе. „Имѣете ли вы свидѣтелей?—спросилъ его Панисъ. — Я, — воскликнулъ Ребеки. — Я васъ устраняю, вы другъ Барбару“. Послѣдній ничего не могъ возразить, и своимъ обвиненіемъ онъ лишь доставилъ Робеспьеру и его друзьямъ возможность выступить передъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ честные патріоты, которыхъ стараются погубить клеветою.

Но это не отрезвило Барбару, и онъ не переставалъ нападать на Робеспьера, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ и

*) Mémoires, стр. 381.

неудобнымъ случаемъ. Онъ, конечно, возставалъ и противъ Коммуны, и противъ Дантона, и противъ Марата, но больше всего онъ мѣтилъ въ Робеспьера, никогда, впрочемъ, не задѣвая его серьезно. Страсть обвинять Робеспьера доводила его даже до такихъ выходовъ, которыя дѣлали его лишь смѣшнымъ и жалкимъ. Такъ, когда, въ отвѣтъ Луве, Робеспьеръ произнесъ свою оправдательную рѣчь, которую Конвентъ почти единогласно постановилъ напечатать, Барбару снова вызвался уличить Робеспьера. Но Ассамблея не хотѣла слушать его. Барбару настаивалъ, доказывая, что, такимъ образомъ, его объявляютъ клеветникомъ. Ему все же не давали говорить. Тогда онъ спустился къ рѣшеткѣ, какъ обвиняемый, и простоялъ тамъ нѣкоторое время, продолжая требовать себѣ слова. Ничто не помогло, и онъ, почувствовавъ, наконецъ, всю неловкость своего положенія, вернулся, пристыженный, на свое мѣсто.

Само собою разумѣется, что Барбару поддерживалъ Бюзо въ вопросахъ объ образованіи департаментской гвардіи и изгнаніи Филиппа - Равенство, въ которомъ онъ видѣлъ угрозу для республики. Онъ даже настаивалъ на томъ, чтобы Филиппа изгнали одновременно съ тѣмъ, какъ казнятъ Людовика XVI, и чтобы, такимъ образомъ, освободились въ „двадцать четыре часа“ и отъ того человѣка, кто былъ королемъ, и отъ того, кто постоянно стремился стать имъ.

Но его рѣзкая и систематическая оппозиція Горѣ, его постоянныя нападки на самыхъ популярныхъ монтаньяровъ вызвали противъ него непріязнь даже въ Марсельѣ, который былъ для него чуть ли не предметомъ культа и интересы котораго онъ неизмѣнно отстаивалъ передъ Ассамблеей. Марсельскіе якобинцы дошли до того, что объявили его измѣнникомъ. Онъ, было, хотѣлъ отказаться отъ своего мандата, но затѣмъ передумалъ и остался на своемъ посту. Однако, онъ нѣсколько примирѣлъ, сталъ рѣже нападать на монтаньяровъ, на „орлеанскихъ заговорщиковъ“, какъ онъ ихъ называлъ, и это отчасти потому, что послѣдніе перестали съ нимъ считаться и часто просто-напросто не позволяли ему говорить.

Въ общемъ онъ за короткій періодъ своего депутатства произнесъ не мало рѣчей. Но, каковы бы онѣ ни были по формѣ, удачныя или нѣтъ, онѣ почти всегда были ничтожными по существу. Въ нихъ нѣтъ ни общей идеи, ни глубокихъ мыслей, и на основаніи ихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго о политическихъ взглядахъ Барбару. Онъ былъ, несомнѣнно, револю-

ціонеромъ. Но о какой республикѣ мечталъ онъ? Что нужно дѣлать послѣ завтра, хотя бы завтра? Объ этомъ онъ не думалъ, стремясь лишь всегда удовлетворить ту страсть, которая волновала его въ данный моментъ. Онъ, безспорно, обладалъ извѣстнымъ ораторскимъ талантомъ, но умѣреннымъ, которому нужны были бы умѣренные успѣхи, а не триумфы, встрѣченные Барбару уже на первыхъ шагахъ его политической карьеры и скоро лишившіе его чувства мѣры и дѣйствительности.

Надо еще отмѣтить, поистинѣ, достойное поведеніе его въ послѣдній, самый критическій моментъ борьбы Жиронды съ Горой. Въ день 2-го іюня онъ не былъ вмѣстѣ съ другими у Мельяна. Онъ находится на своемъ посту, лицомъ къ лицу со смертью, и три раза беретъ слово. Въ первый разъ, чтобы защитить народный трибуналъ г. Марсея, который обвинили въ пристрастности по отношенію къ монтаньярамъ. Затѣмъ онъ гордо отказывается подать въ отставку. „Если бы,—говоритъ онъ,—кровь моя была нужна для утвержденія свободы, я просилъ бы, чтобы ее пролили; если бы для того же дѣла нужно было принести въ жертву свою честь, я сказалъ бы: берите ее у меня, потомство будетъ меня судить; наконецъ, если Конвентъ считаетъ необходимымъ лишить меня моихъ полномочій, я подчинюсь его декрету. Но какъ мнѣ самому отказаться отъ полномочій, которыя я получилъ отъ народа?.. Нѣтъ, не ожидайте отъ меня никакой отставки; я поклялся умереть на своемъ посту и я сдержу свою клятву“. Наконецъ, послѣ декрета объ арестъ, Барбару въ слѣдующихъ благородныхъ словахъ отвергаетъ предложеніе парижскихъ секцій представить столько же заложниковъ, сколько было арестовано депутатовъ: „Какъ я не нуждался въ штыкахъ, чтобы высказывать свои мужественныя мнѣнія, такъ я не нуждаюсь въ заложникахъ, чтобы обезпечить свою жизнь; мои заложниками являются чистота моей совѣсти и честность парижскаго народа, въ руки котораго я отдаюсь“.

Какъ извѣстно, ему удалось обмануть бдительность своихъ стражей и присоединиться къ своимъ друзьямъ въ Канъ, гдѣ онъ встрѣтилъ Шарлотту Корде. Это дало поводъ къ возникновенію легенды о томъ, будто онъ былъ любовникомъ Шарлотты Корде и далъ ей въ руку ножъ, которымъ она убила Марата. Но, какъ то самымъ неопровержимымъ образомъ доказалъ Ватель *), въ этихъ разказахъ нѣтъ ни капли истины.

*) Vatel, Charlotte Corday, стр. LXII.

Вмѣстѣ съ другими жирондистами, Барбару долго скитался, скрываясь отъ преслѣдованій и переживая всякія невзгоды. Наконецъ, онъ, Петіонъ и Бюзо рѣшили покончить съ собой. Но онъ только тяжело ранилъ себя, его нашли и казнили (7 мессидора II г.—25 іюня 1794 г.).

II.

Сотоварищъ Барбару по послѣднимъ страданіямъ, Петіонъ, политическая роль котораго стала столь крупной, остался, однако, однимъ изъ наилучшихъ ораторовъ Якобинскаго клуба и Конвента. Мы отмѣтили уже ничтожность его рѣчей въ Учредительномъ Собраніи, гдѣ онъ пользовался иногда кой-какимъ успѣхомъ лишь благодаря своимъ прямымъ намѣреніямъ, пріятному лицу и звонкому голосу *). Выдвинутый на первый планъ, мэръ г. Парижа, противникъ Робеспьера, идолъ народа, онъ, какъ ораторъ, ни разу не поднялся выше посредственности. Г-жа Роланъ, восхищающаяся имъ, какъ человѣкомъ, отказываетъ ему въ талантѣ и находитъ его „холоднымъ, какъ оратора, и вялымъ въ своемъ стилѣ, какъ писателя“ **). А Пагanel жестоко говоритъ: „Петіонъ любилъ трибуну. Но онъ всегда былъ на ней многословнымъ, бесплоднымъ, холоднымъ и монотоннымъ“ ***).

И дѣйствительно, пишетъ ли онъ рѣчь, составляетъ ли памфлетъ, вывѣшиваетъ ли прокламацію,—онъ всегда туманенъ, многословенъ, скученъ. Въ его сочиненіяхъ, которыя онъ, побуждаемый тщеславіемъ, издалъ въ 1793 г., нѣтъ ни одной удовлетворяющей страницы, ни одной, врѣзывающейся въ память, формулы, ни одного остраго слова. Другіе были болѣе напыщенными, болѣе педагогическими или болѣе некорректными; никто не былъ настолько безцвѣтнымъ, какъ добродѣтельный Петіонъ.

Духъ времени внушалъ иногда людямъ обыденнымъ, какъ Лежандръ, или нѣсколько смѣшнымъ, какъ Колло д'Эрбуа, или больнымъ, какъ Марагъ, краснорѣчивые порывы, крики возмущенія или гордости. Никогда этотъ красивый мужчина, всегда одѣтый по-праздничному, всегда довольный своей наружностью, не поднялся выше той средней риторики, которою онъ съ успѣ-

*) Ораторы революціи. Учредит. Собрание. стр. 321.

***) Portraits et anecdotes, стр. 512.

***) Paganel, т. II, стр. 241.

хомъ пользовался въ Шартрѣ, въ бытность свою адвокатомъ. Въ 1793 г. этотъ мудрецъ проникся злобой и гнѣвомъ г-жи Роланъ и сталъ неистовствовать на трибунѣ, особенно въ декламацияхъ, съ которыми онъ выступилъ противъ Горы 10 и 12 апрѣля и глупая напыщенность которыхъ опечалила его друзей.

Можно удивляться, какъ въ эпоху, когда слово играло такую выдающуюся роль, этотъ неспособный ораторъ могъ пользоваться популярностью. А вѣдь онъ былъ больше, чѣмъ популяренъ: его обожали, какъ Бога, публично сравнивали съ Христомъ и настолько превозносили, что довели до ярости зависть Робеспьера. Но если своими манерами и своимъ стилемъ онъ далеко не удовлетворялъ своихъ коллегъ, то у него были всѣ данныя, чтобы очаровывать честный и довѣрчивый мелкій людъ. Безупречно честный въ политическомъ смыслѣ, онъ въ своей частной жизни отличался чистотою нравовъ и дѣтской прямою. Онъ себя прекрасно чувствовалъ въ обществѣ ремесленниковъ, среди простого и бѣднаго люда; и его знаменитое путешествіе въ королевской каретѣ нисколько, какъ тогда выражались, не аристократизировало его. Кто лишь имѣлъ дѣло къ парижскому мѣру, возвращался отъ него очарованнымъ его пріятной наружностью, его изысканной вѣжливостью, его откровенностью. Нисколько не краснорѣчивый на трибунѣ, онъ умѣлъ говорить народу на улицѣ, въ мэрин, и именно какъ домашній ораторъ, онъ приобрѣлъ ту опьяняющую популярность, больше которой никто не пользовался.

Въ октябрѣ 1791 г. Робеспьеръ и онъ согласились взять на себя предложенную имъ Якобинскимъ клубомъ „благородную функцію: обучать дѣтей рабочихъ и знакомить ихъ съ катехизисомъ конституціи“. По прошествіи года эти два учителя народа были смертельными врагами. Робеспьеръ тайно подрывалъ популярность Петіона, а послѣдній, по поводу филиппики Луве, напечаталъ рѣчь, въ которой, заявляя себя безпристрастнымъ, далъ не очень лестный портретъ Робеспьера. Въ апрѣлѣ 1793 г. Петіонъ даетъ волю своему гнѣву и призываетъ къ убійству всѣхъ моптаньяровъ: „Нельзя,—говоритъ онъ,—терпѣть дольше всѣ эти мерзости... Да, я клянусь преслѣдовать измѣнниковъ; да, Робеспьеръ долженъ будетъ, наконецъ, быть заклеименъ, какъ когда-то клеветники... Да, народъ узнаетъ скоро тѣхъ, которые обманываютъ его, вводятъ въ заблужденіе, толкаютъ въ пропасть, и я буду доволенъ лишь тогда, когда эти люди, кото-

рые желают погубить и которые погубили бы свободу и республику, сложать свою голову на эшафотъ“.

Въ Канъ Петіонъ былъ наиболѣе злоамятнымъ, наиболѣе ослѣпленнымъ изъ жирондистовъ, доходя до публичнаго восхваленія акта Шарлотты Кордэ и до любви къ гражданской войнѣ. Онъ былъ, тѣмъ не менѣе, честнымъ человѣкомъ, но какъ раньше его осыпали успѣхъ, превзошедшій его достоинства, такъ затѣмъ его ошеломило внезапное паденіе.

Книга VII

Независимые жирондисты: Иснаръ, аббатъ Фоше, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Ланжюинэ и др.

Иснаръ.

Хотя въ Законодательномъ Собраніи и въ Конвентѣ было не мало южанъ, никто изъ нихъ не былъ менѣе устойчивымъ, менѣе постояннымъ, чѣмъ бурный Иснаръ *). Ему ничего не стоило заявить себя сегодня чуть ли не атеистомъ, а на слѣдующій день говорить съ пафосомъ о Провидѣніи, о Божьей волѣ. И это не только потому, что онъ придаетъ малое значеніе словамъ: сами мысли его мѣняются съ поразительной легкостью, и онъ совершенно искренно думаетъ сегодня совсѣмъ иначе, чѣмъ вчера.

Уступая быстро и легко новымъ впечатлѣніямъ и влеченіямъ, онъ смогъ втеченіе своей политической карьеры эволюировать отъ крайняго революціонизма до крайняго роялизма, не насладя при этомъ своихъ убѣжденій, не переживъ ни одного остраго идейнаго кризиса. Въ Законодательномъ Собраніи онъ былъ однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ преслѣдователей послушныхъ священниковъ и эмигрантовъ. Одинъ изъ немногихъ жирондистовъ, онъ голосовалъ за немедленную казнь короля. Онъ же выступилъ съ наибольшей яростью противъ монтаньяровъ, а затѣмъ, спасшись отъ смерти **) и вернувшись послѣ термидора, отличился своимъ рвеніемъ въ преслѣдованіи якобинцевъ, кото-

*) Онъ родился въ 1751 г. въ г. Грассѣ, департамента Морскихъ Альпъ.

**) Скрываясь, какъ говорятъ, въ Парижѣ, у одного своего друга, онъ обратился къ Конвенту съ мало достойнымъ письмомъ, гдѣ порицалъ анаэму, которой онъ предалъ Парижъ, и жалко унижался, между тѣмъ какъ Верньо и Жансонне держались съ такимъ достоинствомъ.

рыхъ онъ призывалъ убивать безъ пощады. Послѣ 18 брюмера, сойдя уже съ политическаго горизонта, онъ написалъ восторженную апологію имперскаго режима, въ которой, установивъ принципиально, что „Франція не можетъ обойтись безъ наслѣдственнаго монарха“, онъ претендовалъ, что и самъ онъ быть всегда монархистомъ. Въ X-мъ году онъ опубликовалъ Т р а к т а т ь о безирравственности души, направленный противъ безвѣрія и проникнутый ультра-католическимъ духомъ. Полная благонадежность его не подлежала больше никакому сомнѣнію, и реставрація, простивъ ему его царубійственное голосованіе, оставила его въ покоѣ и позволила ему пребывать во Франціи. Онъ умеръ, забытый и заброшенный, въ 1825 г., не сохранивъ на старости лѣтъ ни одной мысли, ни одного чувства, которыя руководили имъ въ періодъ Законодательнаго Собранія.

Какъ ораторъ, Иснаръ именно въ этотъ періодъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ и наибольшимъ успѣхомъ. Выражая съ силою и жаромъ волновавшія народъ чувства, краснорѣчіе его, проникнутое какою-то пророческою увѣренностью, увлекало, побѣждало, подчиняло себѣ. Когда онъ говорилъ, замѣчаетъ Мишле, то Ассамблея и трибуны наполнялись гнѣвнымъ омыаніемъ. И даже теперь, когда мы можемъ лишь читать ихъ, его дикія, необузданныя рѣчи часто увлекаютъ насъ.

Уже въ первый разъ (31 октября 1791 г.), когда онъ появился на трибунѣ Ассамблеи, онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Обсуждался вопросъ объ эмигрантахъ, и Иснаръ потребовалъ, чтобы къ нимъ были примѣнены строгія мѣры. Почему щадить ихъ, если они устраиваютъ заговоръ противъ свободы? Или не подумаетъ ли народъ, что ихъ не наказываютъ потому, что они дворяне, князья? „Народный гнѣвъ, какъ гнѣвъ Бога,—угрожающе воскликнулъ онъ, — часто ужаснымъ образомъ дополняетъ молчаніе законовъ. Если мы желаемъ жить свободными, то надо, чтобы законъ, одинъ законъ управлялъ нами, чтобы его громовой голосъ раздавался одинаково въ палатахъ баръ и въ хижины бѣдняка, чтобы неумолимый, какъ сама смерть, онъ не различалъ ни ранговъ, ни титуловъ“ *).

29 ноября 1791 г. онъ произнесъ новую рѣчь противъ эмигрантовъ: „Они хотятъ,—сказалъ онъ,—возстановить парламенты, которые продавали правосудіе; они хотятъ возстановить дворян-

*) Даже Маратъ остался очень доволенъ этой рѣчью, которую онъ нашелъ прекрасной, истинно патриотической.

ство, которое, въ своей наглои и дикои гордости, не признаеть гражданъ людьми. Они хотять возстановить дворянство! Но съ высоты этой трибуны мы воспламенимъ всѣхъ французовъ! Всѣ, бросая одной рукой свое золото и держа мечъ въ другой, будутъ бороться противъ этого кичливаго племени и заставять его терпѣть муку равенства". (Аплодисменты). Перейдя затѣмъ къ вопросу о войнѣ, онъ продолжаетъ: „Скажемъ Европѣ, что если министерства вовлекутъ королей въ войну противъ народовъ, то мы вызовемъ народы на войну противъ королей. (Аплодисменты). Скажемъ ей, что всѣ битвы, которыя произойдутъ между народами по приказу деспотовъ... (Аплодисменты продолжаются). Не аплодируйте, не аплодируйте, имѣйте уваженіе къ моему энтузіазму, внушенному свободой.— Скажемъ ей, что всѣ битвы, которыя происходятъ между народами по приказу деспотовъ, похожи на удары, которые два друга, возбужденные коварнымъ подстрекательствомъ, наносятъ другъ другу въ темнотѣ; стоитъ дневному свѣту показаться, и они бросаютъ оружіе, обнимаются и наказываютъ того, кто ихъ обманывалъ; точно такъ же, если въ моментъ, когда непріятельскія войска будутъ сражаться съ нашими, ихъ озаритъ свѣтъ философіи, народы обнимутся передъ лицомъ свергнутыхъ тирановъ умиротворенной земли и удовлетвореннаго неба. Скажемъ ей, наконецъ, что десять миллионовъ французовъ, охваченные пламенемъ свободы, вооруженные мечомъ разума, краспорѣчія, смогутъ сами, если ихъ разъярять, измѣнить лицо міра и заставить всѣхъ тирановъ дрожать на ихъ непрочныхъ тронахъ".

Мало дѣятелей революціи умѣли говорить въ такомъ пророческомъ тонѣ, и никто не восхищался настолько своей собственной рѣчью, какъ вдохновенной и божественной.

Въ томъ же тонѣ Иснаръ, 5 января 1792 г., призываетъ патриотовъ къ единенію: „Объединимся, господа, объединимся; время не терпитъ; свободная Франція собирается вступить въ борьбу съ рабскою Европой. Наступаетъ моментъ, въ который, быть можетъ, должна рѣшиться навсегда участь деспотовъ и націй. Небо избрало васъ, чтобы руководить этими великими событіями. Поднимитесь же до уровня своей судьбы. Вы ответственны передъ Франціей, передъ современными и будущими народами за людскую свободу. Если коализированные деспоты восторжествуютъ надъ ней въ этотъ моментъ, то пройдетъ еще десять вѣковъ прежде, чѣмъ она опять появится на землѣ... Ужасный декретъ, который вы издали противъ принцевъ, прими-

рить между собою всѣхъ нашихъ враговъ, среди которыхъ, безспорно, тоже существовало тайное соперничество; онъ долженъ имѣть то же вліяніе и на насъ. Заглушимъ расколъ, который проникъ въ религію патріотизма“.

20 января 1792 г., когда онъ появляется на трибунѣ, чтобы говорить о войнѣ, ему аплодируютъ еще раньше, чѣмъ онъ успѣваетъ открыть ротъ „Слишкомъ часто,—говоритъ онъ,—слово королей надежно только потому, что они недостаточно сильны, чтобы нарушить его“. И при одобреніяхъ трибунъ онъ слѣдующимъ образомъ льститъ и угрожаетъ Людовику XVI-ому: „Что касается короля, то онъ имѣетъ доброе сердце, и я убѣждаюсь въ томъ, что онъ исполнитъ свой долгъ. Онъ, конечно, больше всѣхъ заинтересованъ въ этомъ: онъ долженъ понимать, что нація, простившая ему двѣ ошибки, не проститъ трехъ. Наконецъ, пусть всякій знаетъ, что никакой гражданинъ, будь онъ священникъ, генералъ, министръ или король, не сможетъ обмануть насъ безнаказанно; жребій брошенъ: мы хотимъ равенства, даже если бы намъ пришлось найти его лишь въ могилѣ; но прежде, чѣмъ сойти въ нее, мы свергнемъ въ нее всѣхъ цѣмѣнниковъ. Свобода и равенство должны восторжествовать, и они восторжествуютъ вопреки аристократіи, теократіи и деспотизму, потому что таково твердое желаніе французскаго народа, который лишь Божью волю признаетъ выше своей собственной“.

Громадный успѣхъ имѣла также рѣчь, которую Иснаръ произнесъ 15 мая 1792 г. и въ которой онъ далъ слѣдующую блестящую характеристику общаго положенія Франціи:

„... Я согласенъ, что добро, которое Учредительное Собраніе имѣло мужество сдѣлать, во много превосходитъ зло, которое оно имѣло слабость причинить, и что оно навсегда заслужило признательность націи и всѣхъ народовъ міра; но лишь слишкомъ вѣрно, что эта знаменитая Ассамблея, расчищая землю, на которой росъ античный лѣсъ злоупотребленій, оставила въ ней, среди самихъ корней молодого дерева свободы, старые корни деспотизма и аристократіи; и что, вмѣсто того, чтобы предоставить намъ возможность вырвать ихъ, если они дадутъ новые ростки, она привязала насъ къ стволу конституціоннаго дерева, какъ безсильныхъ жертвъ, обреченныхъ на ярость враговъ, которыхъ она считала уничтоженными и которые далеко не были истреблены. Въ настоящемъ положеніи вещей я почти могъ бы сравнить законодательное учрежденіе съ Милономъ Кротонскимъ, видѣвшимъ, между тѣмъ, какъ руки его были защемлены въ

стволъ дерева, какъ къ нему приближается левъ, противъ котораго онъ ничего не могъ подвѣлать и котораго онъ легко побѣдилъ бы, если бы онъ былъ свободенъ. Учредительное Собраніе, расходясь, торжественно воскликнуло: „Французы, революція кончена, конституція выработана“. Тотчасъ же король, министры и дворяне, почувствовавшіе, что ничто не потеряно; много богатыхъ собственниковъ, являющихся больше эгоистами, чѣмъ гражданами, друзьями скорѣе патріціата, чѣмъ равенства; люди слабые, любящіе больше миръ, чѣмъ свободу; всѣ робкіе, несамостоятельные и легковѣрные люди повторили тѣ же слова; и если бы кто-либо не присоединилъ своего голоса къ этому общему хору, то на него смотрѣли бы, какъ на плохого гражданина. Что касается меня, то, далеко не раздѣляя этого энтузіазма, я былъ глубоко опечаленъ ошибкой, слабостью, апатіей толпы монаховъ согражданъ. Да, безъ сомнѣнія, революція кончена; но контрреволюціонныя усилія только начинаются, и это новое состояніе революціи... Недостаточно начертать въ книгѣ нѣсколько строкъ и громко требовать равенства, свободы, мира, чтобы, дѣйствительно, добиться ихъ; народъ долженъ предварительно обезоружить своихъ враговъ и, чтобы бороться противъ нихъ, не долженъ связывать себѣ рукъ“.

Въ видѣ заключенія, Иснаръ предложилъ послать королю угрожающій ультиматумъ. Большинство отступило, рѣшившись на это лишь гораздо позднѣе. Но популярность Иснара была утверждена такимъ республиканскимъ поведеніемъ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ жирондистовъ, пользовавшихся еще накупѣ 10 августа расположеніемъ публики трибунъ, инстинктамъ которой онъ польстилъ, когда, 9-го августа, онъ въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ отвѣтилъ депутатамъ правой, жаловавшимся на народныя насилія:

„Свобода народа всегда находится между двумя опасностями: съ одной стороны имѣется деспотизмъ, постоянно старающійся поработить ее, а съ другой стороны—анархія, пропасть которой всегда раскрыта, чтобы поглотить ее. (Рѣдкіе апплодисменты въ Ассамблеѣ и на трибунахъ). Въ революціонное время надо всегда держаться между этими двумя опасностями, и законодательное учрежденіе должно своей мудростью предохранить народъ отъ одной и другой. Если подняться до ихъ дѣйствительнаго источника, то можно было бы убѣдиться, что всѣ безпорядочныя движенія, въ какую бы сторону они ни были направлены, вызваны самой аристократіей. (Апплодис-

менты трибунъ возобновляются). Можно было бы убѣдиться, что такой то человекъ, снующій въ группахъ, чтобы убѣждать въ необходимости убить членовъ Законодательнаго Собранія, находится, быть можетъ, на жалованьи у принцевъ Конде и д'Артуа. Да, Франція погибнетъ, если она допуститъ разъединить себя подобными уловками, потому что, не будучи въ силахъ побѣдить насъ, когда мы боремся въ массѣ, враги наши смогутъ уничтожить насъ по одиночкѣ. (Продолжительные аплодисменты). Но, очистивъ, такимъ образомъ, свою совѣсть, я сказалъ также комисси: вотъ уже недѣля, какъ вы занимаетесь средствами для спасенія короля отъ народныхъ возстаній; вы прикрываете Тюльерійскій дворець пушками и штыками; оставьте эти возмутительныя и бесполезныя средства. Есть гораздо болѣе простое средство все успокоить, установите во всемъ порядокъ: это — спасти народъ отъ уловокъ короля, заняться, наконецъ, серьезно его благомъ. (Много численные аплодисменты). Пойдите, пусть замолчатъ. Я сказалъ комисси: народы, въ общемъ, спокойны и добры. Если злонамѣреннымъ лицамъ удастся возбудить ихъ противъ ихъ представителей, противъ королей, то это потому, что имъ приходилось страдать отъ какой-нибудь крупной несправедливости. Пусть тѣ, которые управляютъ ими, пороются тогда глубоко въ своемъ сознаніи: они найдутъ тамъ начальную причину тѣхъ волненій, которыя они хотятъ подавить.“

Въ Конвентѣ Иснаръ какъ будто отступилъ на задній планъ. Онъ предоставилъ Верньо и Гюаде вести борьбу противъ Горы, самъ вмѣшиваясь въ нее лишь рѣдко и то, большей частью, безъ блеска. Оказавшись, вмѣстѣ съ большинствомъ жирондистовъ, позади народнаго движенія, не выражая больше народныхъ стремленій и не встрѣчая горячей поддержки трибунъ, онъ не могъ продолжать въ томъ же возвышенномъ тонѣ, съ той же пылкостью, съ той же пророческой увѣренностью. Свой послѣдній успѣхъ онъ имѣлъ 23 февраля 1793 г., когда онъ предложилъ Конвенту проектъ обращенія къ народу, въ которомъ, указавъ на грозящія французамъ опасности и на величіе ихъ дѣла, онъ восклицалъ:

„...Раздави лучше всѣхъ тирановъ, нежели стать снова рабомъ. Рабомъ!.. Какъ! Новые короли будутъ жирѣть отъ твоего золота, твоего пота, твоей крови!.. Безжалостные парламенты будутъ располагать по своему усмотрѣнію твоимъ состояніемъ, твоей жизнью!.. Фанатичное духовенство будетъ снова отнимать

у тебя часть твоей жатвы!.. Наглое дворянство будетъ опять глумиться надъ тобою!.. Святое равенство, священная свобода, завоеванныя съ такимъ трудомъ, будутъ отняты у тебя!.. Прекрасная страна, наслѣдіе твоихъ предковъ, будетъ разорвана на куски! Какъ! Не будетъ больше отечества, не будетъ больше французовъ! И нашему поколѣнію придется перенести этотъ крайній позоръ!.. Нѣтъ, мы исчезнемъ съ лица земли или останемся независимыми французами. Пусть всѣ истинные республиканцы возлюбятъ другъ друга ради отечества“.

Конвентъ одобрилъ эту прокламацію, которая соотвѣтствовала состоянію душъ. Но вслѣдъ затѣмъ уже больше совершенно не интересовались тѣмъ ораторомъ, который, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, игралъ столь блестящую роль въ Законодательномъ Собраніи. Онъ, было, пытался возобновить эту роль, но безъ успѣха: онъ не волновалъ больше своихъ слушателей.

Крайне неудачной была и его попытка законодательствовать, выразившаяся въ представленномъ имъ (10 мая 1793 г.) странномъ проектѣ общественнаго договора, которому, изъ ненависти къ Горѣ, апплодировали роландисты, бывшіе, быть можетъ, и вдохновителями его:

„Чтобы слѣдовать естественному порядку общественной организаціи,—говорилъ Иснаръ,—надо, прежде чѣмъ издать какой бы то ни было конституціонный законъ, выработать общественный договоръ. Этотъ актъ долженъ занимать середину между деклараціей правъ, служащей ему базисомъ, и конституціей, границы которой онъ долженъ опредѣлить.“ И онъ ссылался на слѣдующее мѣсто изъ „Общественнаго договора“: „Каждый человѣкъ обладаетъ отъ природы правомъ принимать на себя обязательства по отношенію къ другимъ только съ своего согласія. — Между договаривающимися членами могутъ установиться лишь отношенія, основанныя на актѣ свободной воли каждаго. — Правильное общество не можетъ имѣть иного базиса, чѣмъ воля составляющихъ его членовъ.“ Затѣмъ онъ, отъ имени своихъ избирателей, заявлялъ, что онъ готовъ присоединиться къ остальнымъ французамъ, чтобы образовать единую и нераздѣльную республику, въ которой воля большинства явится общей волей. Но онъ ставилъ нѣкоторыя предварительныя условія: онъ хотѣлъ, чтобы общественный договоръ гарантировалъ ему его „естественныя права, равенство, свободу и, особенно, собственность.“ „Ты, видно, очень богатъ,—замѣтилъ ему Марать,—если ты безпрестанно говоришь о собственности.“ Нѣсколько не сму-

щенный, ораторъ далъ затѣмъ ловкое и вмѣстѣ съ тѣмъ ребяческое опредѣленіе права собственности. Самъ промышленникъ, онъ призналъ промышленную собственность наиболѣе священной. Взамѣнъ этой гарантіи онъ подписывалъ договоръ, первая статья котораго гласила: „Всѣ жители различныхъ мѣстностей, извѣстныхъ въ своей совокупности подъ именемъ Франціи, а также тѣхъ мѣстностей, присоединеніе которыхъ было рѣшено и одобрено Національнымъ Конвентомъ и которыя имѣютъ въ настоящее время представителей въ упомянутомъ Конвентѣ, составятъ въ будущемъ одну общую ассоціацію подъ именемъ Французскаго народа или Французской націи.“

Такимъ образомъ, въ маѣ 1793 г., въ моментъ, когда необходимо было наибольшее патріотическое напряженіе, этотъ жирондистъ предлагалъ сдѣлать изъ отечества *table rase*, чтобы заключить новый общественный договоръ. Тѣ, — говорилъ онъ, — которые захотятъ отдѣлиться, уйдутъ со своимъ имуществомъ, лишь бы это было не для того, чтобы вступить въ войну съ покинутымъ ими обществомъ. Тѣснимые непріателемъ, французы сложатъ оружіе и спросятъ себя, французы ли они? Они явятся ими лишь послѣ того, какъ выработаютъ въ коммерческомъ стилѣ договоръ объ образованіи общества, договоръ, заключающій разныя гарантіи, изложенныя и засвидѣтельствованныя въ установленномъ порядкѣ. Больше того: этотъ договоръ сохранитъ свою силу только въ теченіе тридцати лѣтъ. Отечество Иснара должно было быть принято только до 1823 г. По истеченіи этого срока не было бы больше Франціи; правда, контрактъ могъ быть возобновленъ.

И вліяніе идей Руссо, подъ покровительствомъ котораго выступалъ Иснаръ, измѣнявшій, однако, его ученію, было настолько велико, что чтеніе проекта Общественнаго договора вызвало вначалѣ только смущеніе и удивленіе. Опасность такихъ химеръ была очевидна; всѣ поняли значеніе, напр., 10-ой ст. проекта, лишившей Парижъ званія столицы; и подъ этими доктринальными фразами чувствовали провинціальный эгоизмъ и страхъ богатаго человѣка. Но что съ того? Развѣ Руссо не прославлялъ общественный договоръ? И развѣ проектъ Иснара не заключалъ самыхъ демократическихъ реформъ, какъ право на трудъ и подоходный налогъ? Въ видѣ законодательнаго опыта имѣлся, такимъ образомъ, софизмъ, который не знали какъ изобличить. Побуждаемый ненавистью къ Парижу, Бюзо уже шумно одобрялъ его. Но другой жирондистъ, честный Ласурь,

первый указалъ на то, что проектъ общественнаго договора являлся просто химерическимъ. Затѣмъ выступилъ съ протестомъ Ру. Никто, однако, не осмѣлился доказать всю абсурдность предложенія, боясь задѣть какую-нибудь идею Руссо. Дантонъ ограничился указаніемъ на то, что конституція явится настоящимъ договоромъ, и довольно туманнымъ образомъ далъ понять, что, совершивъ переворотъ 10-го августа, народъ проявилъ свою волю сохранить свое единство. Общественный договоръ существуетъ фактически, остается выработать конституцію — такова была аргументація Дантона. Марать рѣзко, но не безъ справедливости, сказалъ: „Предложеніе общественнаго договора стремится, въ дѣйствительности, лишь къ разрушенію республики, приводя насъ къ идеямъ федеративнаго устройства.“ Самъ Бюзо долженъ былъ отказаться отъ своего недавняго восхищенія и попросить, чтобы предложеніе Иснара было отложено *). Конвентъ перешелъ къ порядку дня.

Раздраженный, быть можетъ, все возраставшей немилостью къ нему, Иснаръ утрировалъ еще антипарижскую политику жирондистовъ. Никто не достигъ такой непопулярности, какъ этотъ бывший идолъ трибуны. Опъ, въ столь прекрасныхъ словахъ извинившій всѣ эксцессы народа, имѣлъ своей часъ печальной славы, когда, 25 мая 1793 г., онъ бросилъ на Парижъ свою несчастливую анаэму. Въ этотъ день ему удалось опять взволновать трибуны, но на этотъ разъ онъ возбудилъ только гнѣвъ и ненависть противъ себя. Извѣстно, что Коммуна отправила въ Конвентъ депутацію, уполномоченную требовать освобожденія Гебера. Предсѣдательствовавшій на этомъ засѣданіи Иснаръ далъ ей слѣдующій отвѣтъ:

„Конвентъ, составившій декларацію правъ человѣка, не потерпитъ, чтобы гражданинъ оставался въ заточеніи, если онъ не виновенъ: повѣрьте, что справедливость не замедлитъ восторжествовать; но выслушайте тѣ истины, которыя я вамъ скажу: Франція довѣрила Парижу національное представительство; Парижъ долженъ его уважать; установленныя парижскія власти должны употребить всю свою власть для того, чтобы обезпечить ему это уваженіе. Если Конвентъ будетъ когда-либо униженъ, если когда-либо, при одномъ изъ тѣхъ возстаній, которыя, со времени 10-го марта, безпрестанно возобновляются и о которыхъ правители города никогда не предупреждали Конвентъ... (На

*) Journal des Débats et des Décrets.

крайней лѣвой подымается рѣзкій шумъ ропота.— Слѣва аплодируютъ).

„Фабръ д'Эглантинъ: Я прошу слова противъ васъ, председатель.

„Председатель: Если при этихъ постоянно возобновляющихся возстаніяхъ случится, что нанесутъ оскорбленіе національному представительству, то я заявляю вамъ отъ имени всей Франціи... (На крайней лѣвой кричатъ: „нѣтъ, нѣтъ!“— Остальная часть Ассамблеи встаетъ одновременно. Всѣ члены кричатъ: „Да, скажите отъ имени Франціи“).

„Председатель: Я заявляю отъ имени всей Франціи, уничтоженный Парижъ... (Яростные крики, раздающиеся на крайней лѣвой, покрываютъ голосъ председателя. — Всѣ члены съ противоположной стороны восклицаютъ: „Да, вся Франція отомститъ достойнымъ образомъ за подобное покушеніе“).

„Марать: Сойдите съ кресла, председатель: вы играете роль труса... Вы безчестите Ассамблею... Вы покровительствуете государственнымъ людямъ... *)

„Председатель: Скоро будутъ искать на берегахъ Сены существовалъ ли Парижъ... (На лѣвой сторонѣ подымается ропотъ.— На противоположной сторонѣ аплодируютъ).

„Дантонъ, Дантцель, Друз, Фабръ д'Эглантинъ требуютъ слова.

„Председатель: Мечъ закона, съ котораго стекаютъ еще капли крови тирана, готовъ обрушиться на голову всякаго, кто осмѣлится стать выше національнаго представительства“ **).

Трудно описать волненіе, вызванное этими словами председателя, которыя, при критическихъ обстоятельствахъ конца мая 1793 г., казались призывомъ къ гражданской войнѣ. „Зала,—говоритъ одинъ современникъ,—болѣе напоминала арену гладиаторовъ, чѣмъ храмъ законовъ“.

Иснаръ дважды, въ упомянутомъ уже письмѣ отъ 3 октября 1793 г. и въ еще одномъ письмѣ отъ 20 фримера III года,

*) „Государственными людьми“ Марать называлъ всѣхъ дѣятелей революціи, которые, по его мнѣнію, были недостаточно преданы народу. Онъ употреблялъ это выраженіе въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы теперь говоримъ „политиканы“.

Прим. перев.

**) *Moniteur.*

отрекался отъ своихъ словъ, объясняя ихъ своимъ южнымъ пыломъ и необдуманностью. Но когда, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ былъ снова допущенъ въ Конвентъ (8 марта 1795 г.), онъ тѣ же слова поставилъ себѣ въ заслугу, гордясь ими и публично требуя себѣ отъ Парижа чуть ли не признательности за нихъ.

Въ послѣтермидорскій періодъ Иснару еще неоднократно случалось имѣть успѣхъ, но онъ не говорилъ больше съ прежнимъ талантомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть отклпкомъ или разжигателемъ народнаго энтузіазма, краснорѣчіе его понизилось. Риторика его, замѣтная уже въ его первыхъ рѣчахъ, но тогда удачная и пріятная, начинаетъ прибѣгать лишь къ грубымъ пріемамъ, кричащимъ или тривіальнымъ метафорамъ. Никогда не бывшее ни сдержаннымъ, ни тонкимъ, а лишь сильнымъ, искусство его превращается въ ремесло. Всегда все то же построеніе рѣчи, тѣ же перечисленія, тѣ же вопросы со множественномъ числѣ, тотъ же періодъ, составленный изъ предложеній одинаковаго размѣра и приводящихъ къ тому же заключительному восклицанію... Въ 1793 г. и особенно въ 1795 г. Иснаръ опускается, такимъ образомъ, до уровня самыхъ мелкихъ практиковъ слова, и весь дурной вкусъ того времени, вся тривіальность тѣхъ ничтожествъ, которыя всплываютъ послѣ термидора, вся академическая напыщенность, которая никогда не переставала быть модной во Франціи, водворяются въ грубыхъ чертахъ въ его ораторскихъ сочиненіяхъ, дышащихъ съ тѣхъ поръ коллежемъ и подготавливающихъ эру поэтической прозы, продолжавшейся до 1830 года.

Аббатъ Фоше.

Еще задолго до революціи, когда аббатъ Фоше былъ проповѣдникомъ короля, онъ отличался своимъ либерализмомъ и, въ присутствіи членовъ королевской семьи, осмѣливался говорить о народѣ, свободѣ, отечествѣ. Когда вспыхнула революція—ему тогда было сорокъ пять лѣтъ—онъ примкнулъ къ народу и былъ однимъ изъ его предводителей при взятіи Бастиліи. Онъ же произнесъ надгробную рѣчь надъ патріотами, убитыми въ великій день 14 іюля. Журналистъ и ораторъ, онъ былъ душою Общества друзей истины, издававшего мистическую газету *Vouche de fer* и ставшаго знаменитымъ и популярнымъ съ того дня, какъ оно основано ^{вало} Cercle Social, собранія ко-

тораго, всегда многолюдныя, часто происходили въ циркѣ Палэ-Рояля и гдѣ Фоше излагалъ свою теорію христіанскаго социализма, пытаясь примирить свободу съ религіею, находя въ Евангеліи зародышъ соціальной реформы и восхваляя Христа, какъ предвозвѣстника сапкулотовъ.

„Евангеліе, — проповѣдывалъ онъ, — является религіознымъ кодексомъ всемірной любви и побуждаетъ сердца отдаться ей всецѣло изъ самыхъ добрыхъ и самыхъ могущественныхъ побужденій“. На этой божественной основѣ любви, свободы, единенія теологи воздвигли отвратительное зданіе ненависти, рабства, раздора. Но, правильно понятое, Евангеліе „подобаетъ всемъ умамъ, такъ какъ оно все ихъ объединяетъ, приемлемо для всехъ сердець, такъ какъ оно все ихъ связываетъ и является воплѣнъ универсальной религіею, такъ какъ оно приобщаетъ весь родъ людской къ Богу, другу людей“. Ни одинъ человѣкъ не долженъ быть исключенъ изъ этой религіи и ни одинъ человѣкъ не долженъ приобрѣсть въ ней тиранической власти или хотя бы господствующаго положенія надъ своими братьями.

Въ своей проповѣди любви и равенства, аббатъ Фоше ссылался также на пользовавшагося тогда такимъ обаяніемъ Руссо: „Величественный Руссо! — восклицалъ онъ при апплодисментахъ своихъ слушателей; — чувствительная и правдивая душа! Ты одинъ изъ первыхъ понялъ вѣчный порядокъ справедливости. Да, каждый человѣкъ имѣетъ право на землю и долженъ имѣть на ней въ собственность то, чѣмъ онъ существуетъ; онъ приобрѣтаетъ это во владѣніе своимъ трудомъ, и часть каждаго должна быть ограничена правомъ его равныхъ. Все должны имѣть что нибудь и никто не долженъ имѣть ничего лишняго“...

Въ 1790 г. такія теоріи казались подозрительными, преждевременными. Руссо лишь едва намѣтилъ ихъ: наступилъ ли часъ для того, чтобы вывести заключенія изъ мысли учителя? И въ политическихъ кругахъ, среди лафаетистовъ, какъ и среди якобинцевъ, проповѣди Фоше далеко не встрѣчали сочувствія. Но онъ пользовался истиннымъ вліяніемъ на народную массу. Конечно, рабочіе, коммерсанты, мелкіе буржуа, толпившіеся въ циркѣ, были слишкомъ людьми своего времени, чтобы воспріять христіанскую благодать черезъ посредство аббата; вопреки стараніямъ послѣдняго, они оставались философами. Но эти слова любви и братства заставляли трепетать ихъ сердца: имъ казалось, что въ аббатѣ Фоше живетъ духъ 1789 г.

Его вліяніе, однако, уменьшалось мало-по-малу, по мѣрѣ того,

какъ въ народномъ ораторѣ все больше проглядывалъ священникъ, а также по мѣрѣ того, какъ духъ 1789 г. уступалъ въ народѣ мѣсто болѣе революціонному духу. Онъ, правда, былъ республиканцемъ и желалъ республики уже съ 21 іюня 1791 г.; но его скомпрометировало его наивное уваженіе къ Лафайету. Новое революціонное поколѣніе отстранилось отъ него, оставило его съ немоднымъ уже кружкомъ избирателей 1789 г., побѣдителей Бастиліи, бывшихъ членовъ перваго муниципалитета.

Въ апрѣлѣ 1791 г. избиратели Кальвадо избрали его епископомъ этого департамента, а затѣмъ, несмотря на проски реакціи, депутатомъ. Но ни въ Законодательномъ Собраніи, ни въ Конвентѣ, куда онъ былъ переизбранъ, онъ не игралъ весьма активной роли. Оставаясь долгое время изолированнымъ въ своемъ мистическомъ демократизмѣ, онъ только въ 1793 г. сблизился съ жирондистами и раздѣлилъ съ ними ихъ участь. Онъ не часто говорилъ: Ассамблея была слишкомъ малочисленной и слишкомъ мало популярной аудиторіей для оратора цирка, собора и улицы. Когда же онъ говорилъ, онъ проявлялъ такую же энергію и такое же презрѣніе къ условностямъ, какъ въ своихъ пастырскихъ рѣчахъ.

Какъ онъ ни былъ рѣзокъ, этотъ священникъ показалъ себя въ духовныхъ вопросахъ настолько же осторожнымъ, насколько рѣшительнымъ. 26 октября 1791 г. онъ предложилъ прекратить выдачу жалованья ослушнымъ священникамъ и этимъ ограничиться: „Никакихъ преслѣдованій, господа; фанатикъ жаждетъ ихъ, философія гнушается ихъ, истинная религія ихъ порицаетъ, и не въ Національномъ Собраніи ихъ возведутъ въ законъ. Ослушныхъ священниковъ не надо ни заключать въ тюрьмы, ни изгонять, ни даже перемѣщать; пусть они думаютъ, говорятъ и пишутъ все, что имъ угодно; мы ихъ идеямъ противопоставимъ наши, ихъ заблужденіямъ наши истины, ихъ навѣтамъ нашу добродѣтель, ихъ ненависти наше милосердіе... Но, по крайней мѣрѣ, не будемъ имъ платить за то, чтобы они раздирали отечество: къ этой единственной мѣрѣ я свою карательный законъ, который мы должны издать противъ нихъ“.

Ни въ одной своей рѣчи онъ не выразилъ съ такимъ простодушіемъ и съ такимъ жаромъ политику народа, какъ въ той, которую онъ произнесъ 20 января 1792 г. и въ которой онъ требовалъ уничтоженія дипломатіи и дипломатовъ:

„Я буду говорить,—сказалъ онъ,—языкомъ, чуждымъ политикѣ дворовъ, заявляя откровенно, что союзы, заключенные десно-

тами, не могутъ продолжать существовать въ царствованіе свободы. Мы теперь союзники всѣхъ свободныхъ націй, и чтобы заключать эти союзы намъ нѣтъ надобности отправлять посланниковъ: нѣтъ болѣе лживыхъ людей, чѣмъ они, и ничто такъ быстро не нарушается, какъ заключенные ими договоры. (Нѣкоторые члены Ассамблеи и трибуны аплодируютъ). Теперяшняя дипломатія ничто иное, какъ искусство раздѣлять тиранію. Въ свободной странѣ оно должно быть замѣнено наукой народа. Исчезнете вы, во мракѣ кующіе оковы: свобода васъ преслѣдуетъ, настигаетъ, ваши же глаза не могутъ переносить распространяемаго ею свѣта. Нашъ союзъ со свободными народами распространится на англичанъ, американцевъ, поляковъ, голландцевъ, швейцарцевъ. Если же другіе народы захотятъ войти съ нами въ союзъ, то имъ для этого надо будетъ лишь завоевать себѣ свободу. Пока же мы вполне сможемъ вести съ ними торговлю, какъ съ добрыми дикарями; если же они не пожелаютъ, то тѣмъ хуже для нихъ: они больше нуждаются въ нашемъ излѣчкѣ, чѣмъ мы въ ихнемъ. Французская нація, въ торжественномъ манифестѣ, скажетъ своимъ союзникамъ: васъ будутъ принимать въ нашихъ портахъ, какъ братьевъ; мы просимъ такого же благосклоннаго отношенія къ намъ; мы будемъ покупать у васъ, что найдемъ для себя подходящимъ, и будемъ уважать ваши обычаи, какъ вы будете уважать наши. Для этого не надо ни посланниковъ, ни консуловъ; они договариваются только для государей и никогда не для народовъ; они не защищаютъ націй, а продаютъ ихъ, мы же нуждаемся лишь въ покровительствѣ національнаго величества“... Эти великодушныя утопіи были встрѣчены аплодисментами трибунъ, но Ассамблея не обратила на нихъ вниманія: онѣ выходили за предѣлы программы Бриссо.

Это—моментъ наибольшей популярности Фоше. Онъ повредилъ ей, когда, 2 апрѣля, онъ заявилъ отъ имени военнаго комитета и комитета надзора, что Нарбоннъ не подлежитъ преслѣдованію. Этого чистосердечнаго моралиста обвинили въ томъ, что онъ ведетъ интриги съ г-жей де-Сталь, какъ раньше его обвиняли въ сообщничествѣ съ Лафайетомъ. Однако, 20 іюля 1792 г. онъ опредѣленно высказался противъ генерала, а 17 августа потребовалъ, чтобы его бывший другъ былъ объявленъ внѣ закона. Хотя его уже тревожили „успѣхи демагогій“, по онъ, какъ республиканецъ, указалъ, 23 іюля, на фактъ скопленія оружія въ Тюльери. Чувствуется, что его больше радуетъ паденіе коро-

левской власти, чѣмъ пугаютъ послѣдствія возстанія. И, когда, 4 сентября, Тюріо колебался принести республиканскую присягу, которую Гюаде предложилъ отъ имени Экстренной комиссіи, говоря, что не надо предупреждать рѣшенія Національнаго Конвента, то Фоше воскликнулъ: „Мы не какъ законодатели, а какъ граждане приносимъ эту присягу и, какъ таковые, если бы даже Конвентъ возстановилъ короля на тронѣ, мы все же имѣли бы право не подчиняться королевской власти и уйти изъ страны, которая бы согласилась жить подъ игомъ тирановъ“. (Раздаются единодушныя и продолжительныя аплодисменты) *).

Въ Конвентѣ, во время процесса короля, онъ произнесъ странную рѣчь, окончательно лишившую его популярности. Онъ предложилъ обречь короля на „муку болѣе ужасную, чѣмъ смерть“, на жизнь безъ власти, безъ почестей. „Французская республика существуетъ, — сказалъ онъ; — она торжествуетъ надъ своими врагами, и это является приговоромъ надъ бывшимъ королемъ. Онъ заслужилъ худшаго, чѣмъ смерть. Вѣчная справедливость осуждаетъ низвергнутаго тирана на долгую муку жизни среди свободнаго народа...“ Отрицая за собою право судить Людовика XVI, онъ, однако, голосовалъ за апелляцію къ народу, за тюремное заключеніе и за отсрочку. А 26 января 1793 г. онъ протестовалъ въ газетѣ *Le Journal des Amis de la Vérité* противъ казни короля, считая ее жестокимъ и позорнымъ актомъ, который долженъ самымъ печальнымъ образомъ отразиться на судьбахъ республики. Черезъ нѣкоторое время стало извѣстно, что онъ воспретилъ женатымъ священникамъ своего епископства продолжать выполнять свои функціи. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя ярость патріотовъ и онъ оказался въ числѣ тѣхъ 22-хъ жирондистовъ, изгнанія которыхъ требовали парижскія секціи.

2 іюня онъ добровольно отказался отъ депутатскихъ полномочій, но его отставка не была ни принята, ни отвергнута, и онъ поэтому продолжалъ засѣдать до 14 іюля, когда, совершенно, впрочемъ, напрасно, его обвинили въ соучастіи въ покушеніи Шарлотты Корде. Онъ былъ преданъ революціонному трибуналу, который вынесъ ему смертный приговоръ. Передъ казнью онъ исповѣдался у аббата Лотрингера и, по словамъ послѣдняго, „отрекся отъ всѣхъ своихъ заблужденій“.

*) Несмотря на это, онъ, 21 сентября 1792 г., былъ вычеркнутъ изъ списка членовъ Якобинскаго клуба за то, что онъ, будто бы, доставилъ паспортъ Нарбонну и посещалъ салонъ г-жи де-Сталь.

Рабо-Сентъ-Этьенъ, Ланжюинэ и др.

I.

Когда Учредительное Собрание разошлось *), Рабо остался въ Парижѣ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дѣятельной политики, сотрудничая въ *Feuille villageoise* и редактируя въ *Moniteur*'ѣ „Бюллетень Национальнаго Собранія“ отъ 1-го августа до конца ноября 1792 г.

Въ Конвентѣ, куда онъ былъ избранъ Обскимъ департаментомъ, онъ рѣдко говорилъ, но каждое его появленіе на трибунѣ производило довольно крупный эффектъ. Этотъ человекъ, который отличался оптимизмомъ, почти благодушіемъ, сталъ теперь меланхоличнымъ, разочарованнымъ. Какая то горечь оскорбленной добродѣтели характеризовала теперь его рѣчь, ставшую болѣе нервной, болѣе сжатой, чѣмъ въ Учредительномъ Собраніи. Но его искреннее горе трогало души.

Такъ, когда, 2 декабря 1792 г., Манюэль протестовалъ противъ наглости разносчиковъ, выкрикивавшихъ газеты Гебера и Марата у самаго входа въ Конвентъ, Рабо согласился съ Манюэлемъ, но выказалъ при этомъ отвращеніе къ федерализму и довѣріе къ парижской массѣ: „Я со скорбью долженъ, однако, сказать, — прибавилъ онъ, — что въ Парижѣ имѣются мѣста, гдѣ говорятъ, что еще не достаточно пролито крови, что коса равенства должна еще пройти по всѣмъ головамъ. Я предупреждаю гражданъ Парижа, что мы будемъ заботиться объ ихъ безопасности, что до тѣхъ поръ, пока Конвентъ будетъ находиться въ Парижѣ, Парижъ будетъ счастливъ, но что, если удастся вытѣснить ассамблею народныхъ представителей изъ центра республики, то вы скоро впадете въ анархію, которая приведетъ васъ къ игу деспотизма. Тогда не будетъ больше свободы; вы не сможете больше ни писать, ни говорить; вы не сможете больше свободно разговаривать другъ съ другомъ“. Послѣ этого замѣчательнаго пророчества, онъ требуетъ не того, чтобы печать перестала быть свободной, а того, чтобы она была подвержена общему праву и отвѣчала передъ судомъ за свои клеветническіе навѣты.

Рабо неоднократно подчеркивалъ свой республиканизмъ. Но

*) Ораторы революціи, т. I (Учредительное Собрание), стр. 262—266.

скорбь, которую въ немъ вызывалъ насильственный ходъ революціи, позволяла говорить его врагамъ, что онъ сожалѣеть о королевской власти. Въ дѣйствительности же, если онъ и журилъ Парижъ и якобинцевъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, выступилъ противъ Горы въ процессъ короля, то въ то же время онъ шелъ куда дальше большинства своихъ коллегъ въ своихъ социальныхъ требованіяхъ и былъ, можно сказать, однимъ изъ очень немногихъ предвозвѣстниковъ социализма *). („Когда политическое равенство устанавливается, — писалъ онъ въ *Chronique de Paris*, — то бѣдные скоро чувствуютъ, что оно ослабляется неравенствомъ имуществъ; а такъ какъ равенство это независимость, то они возмущаются и ожесточаются противъ тѣхъ людей, отъ кого они зависятъ въ своихъ потребностяхъ; они требуютъ имущественнаго равенства; но богатые рѣдко соглашаются на это по доброй волѣ. Остается, слѣдовательно, добиться его или силою или законами“. Путемъ насилія можно будетъ достигнуть не равенства, а иного неравенства. „Надо поэтому добиться его при помощи законовъ“, иначе говоря — издать такіе законы, которые установили бы возможно болѣе равный раздѣлъ имуществъ и предупредили бы возникновеніе имущественнаго неравенства въ будущемъ. Этого нельзя сдѣлать сразу, и надо предварительно развить эгалитарные нравы, любовь къ скромной умѣренной жизни и затѣмъ реформировать право собственности, установивъ извѣстный „maximum имущества, которымъ можетъ владѣть одинъ человѣкъ“. Дополняя свою мысль, онъ въ другой статьѣ писалъ: „... Общество можетъ оказывать свое покровительство лишь постольку, поскольку оно можетъ располагать силами и имуществами каждаго; эти силы и эти имущества находятся, слѣдовательно, въ распоряженіи общества“).

Однимъ изъ средствъ для установленія равенства въ нравахъ общества, Рабо считалъ гражданскіе праздники и, 21 декабря 1792 г., во время дебатовъ о народномъ образованіи, онъ изложилъ цѣлый планъ устройства такихъ праздниковъ. Замѣчательно то, что, будучи самъ служителемъ религіи, Рабо не отвелъ въ нихъ никакого мѣста религіознымъ идеямъ. Это почти культъ Разума, но разума благодушнаго, снисходительнаго. Намъ недостаетъ мѣста, чтобы цитировать его длинную рѣчь о гражд-

*) Мы позволяемъ себѣ здѣсь сдѣлать въ самомъ текстѣ дополненіе, пользуясь, впрочемъ, сочиненіемъ Олара же, въ которомъ онъ говоритъ о социалистическихъ тенденціяхъ Рабо (См. *Histoire politique*, стр. 449).

даскихъ праздникахъ, эту прелестную и неосуществимую мечту, отъ которой современники пришли въ восхищеніе и которая была какъ бы пріятной интермедіей въ процессъ короля. Быть можетъ, что при чтеніи этой красивой утопіи, нѣкоторые утонченные коллеги его поняли тайну его пессимизма, зародышъ котораго таился въ глубинѣ и ихъ сердце. Всѣ они были душевно оскорблены контрастомъ, существовавшимъ между дѣйствительностью и ихъ мечтами. Но наиболѣе сильные боролись еще, чтобы осуществить свой идеалъ; Рабо же, болѣе слабый, болѣе нервный, болѣе обезкураженный, рассыпался въ горькихъ жалобахъ противъ дѣйствительности.

Въ процессъ короля онъ поддерживалъ мнѣніе Салля *) и протестовалъ противъ того, что Конвентъ предоставлялъ себѣ судебную власть: „Не можетъ быть,—сказалъ онъ,—чтобы свободная и гордая нація забыла основной принципъ всѣхъ республикъ, а именно, что законодатель не долженъ быть судьей, а судья законодателемъ. Если вы судьи, то надѣньте судейскую мантию, составьте трибуналъ, вызовите подсудимыхъ, выслушайте свидѣтелей; судите, но не издавайте законовъ; если вы законодатели, то издавайте законы, но не судите“. И онъ прибавилъ слѣдующее признаніе, нашедшее тайный откликъ въ душѣ не одного изъ его слушателей и произведшее глубокое впечатлѣніе на всѣхъ: „Что касается меня, то я утомленъ своей долей деспотизма; меня мучитъ и терзаетъ та тиранія, которой я пользуюсь, и я мечтаю о томъ моментѣ, когда вы учредите національный трибуналъ, который лишитъ меня формъ и сущности тирана“ (**).

Онъ голосовалъ за апелляцію къ народу и за тюремное заключеніе, ссылаясь (почти какъ Фоше) на то, „что ничто не можетъ лучше обезпечить уничтоженіе королевской власти, чѣмъ оставить живымъ въ его ничтожествѣ Тарквинія, который былъ королемъ“.

21 мая 1793 г. онъ былъ избранъ членомъ комиссіи Двѣнадцати. 28-го эта жирондистская комиссія, уничтоженная наканунѣ, была восстановлена, и Рабо выступилъ ея докладчикомъ. Ошканный монтаньярами, онъ не могъ заставить выслушать себя. Онъ предложилъ свою отставку и, по словамъ *Moniteur'a*, сдѣлалъ то же отъ имени своихъ коллегъ.

*) Салль требовалъ, чтобы судьей короля былъ народъ и чтобы Конвентъ игралъ лишь роль присяжныхъ, устанавливающихъ фактъ вины или невинности.

Прил. перев.

***) 28 декабря 1792 г.

Утромъ 31 мая онъ со своими коллегами не безъ труда пробили себѣ дорогу въ Ассамблею. Враждебная толпа угрожала имъ. „Рабо-Сентъ-Этьенъ,—говорить Луве,—былъ настолько взволнованъ, что онъ не оказалъ бы значительнаго сопротивленія“. Но, достигнувъ своего поста, онъ былъ мужественнымъ и достойнымъ своего прошлаго. Втеченіе трехъ часовъ онъ боролся противъ тѣхъ, которые его прерывали, чтобы прочесть составленный имъ докладъ о томъ самомъ заговорѣ, жертвой котораго стала Жиронда. Уподобляясь Верньо въ своей патріотической самоотверженности, онъ предложилъ уничтожить комиссію двѣнадцати и посовѣтовалъ сдѣлать комитетъ общественнаго спасенія „единственнымъ центромъ“ правленія.

Декретированный подлежащимъ аресту, а затѣмъ объявленный внѣ закона, онъ скрывался въ Парижѣ, былъ обнаруженъ и гильотинированъ 15 фримера II года *).

II.

Какъ Рабо Сентъ-Этьенъ, Ланжюинэ тоже засѣдалъ раньше въ Учредительномъ Собраніи. Но, между тѣмъ, какъ Рабо игралъ въ послѣднемъ видную роль и числился однимъ изъ ораторовъ его, Ланжюинэ былъ однимъ изъ мало замѣтныхъ членовъ его, и ужъ никому, конечно, не пришло бы въ голову назвать его тогда ораторомъ. Наоборотъ, въ Конвентѣ онъ сумѣлъ выдвинуться въ первые ряды и вызвать восхищеніе и наиболѣе индифферентныхъ своимъ героическимъ поведеніемъ въ процессѣ короля и въ день 2 іюня: въ эти моменты онъ былъ ораторомъ.

Крайне независимый въ своихъ мнѣніяхъ и въ своихъ поступкахъ, чуждый кружку г-жи Роланъ и комитету Валазе, онъ, однако, поддерживалъ въ общемъ политику Жиронды и вмѣстѣ съ наиболѣе ярыми роландистами требовалъ, напр., изгнанія Орлеановъ.

Совершенно независимо, повинуюсь, какъ всегда, голосу своей совѣсти, онъ старался сохранить жизнь низверженному королю: онъ не допускалъ, чтобы члены Конвента, чтобы побѣдители 10 августа, могли стать судьями побѣжденнаго Людовика XVI-го. Онъ признавалъ за ними лишь право высказаться объ участи

*) Его братъ, Рабо-Шамье, тоже былъ депутатомъ Конвента. Онъ подписалъ такъ называемый протестъ семидесяти трехъ и былъ арестованъ одновременно съ Этьенюмъ. Но о немъ забыли, онъ остался въ тюрьмѣ и это спасло ему жизнь.

его изъ соображеній общественной безопасности. „Вы не можете,—сказалъ онъ въ рѣчи, произнесенной имъ 26 декабря,—быть судьями челоуѣка обезоруженнаго, имѣвшаго среди васъ личныхъ враговъ, которые подготовили нашествіе на его жилище и хвастались этимъ. (Чей то голосъ: „Вся нація низвергла его“). Вы не можете быть судьями, примѣнителями закона, обвинителями, присяжными обвиненія, присяжными приговора, между тѣмъ, какъ всѣ или почти всѣ вы высказали свое мнѣніе, сдѣлавъ это иногда съ возмутительной жестокостью. (Подымается рѣзкій ропотъ, на нѣкоторое время прерывающій оратора). Будемъ слѣдовать простому, естественному, непреложному позитивному закону, требующему, чтобы всякій подсудимый былъ судимъ при тѣхъ преимуществахъ, которыя ему обезпечиваетъ законъ его страны“.

Онъ голосовалъ за апелляцію къ народу и затѣмъ потребовалъ, чтобы приговоръ считался законнымъ лишь въ томъ случаѣ, если большинство будетъ состоять изъ трехъ четвертей голосовъ; наконецъ, заявивъ, что онъ, какъ челоуѣкъ, вотировалъ бы за казнь Людовика, но не признавая за собою, какъ за законодателемъ, права голосовать такимъ образомъ, онъ высказался „за тюремное заключеніе до мира и за дальнѣйшее изгнаніе подъ угрозой смерти въ случаѣ возвращенія во Францію“.

Наиболѣе блестящимъ моментомъ его политической карьеры является трагическій день 2 іюня, героемъ котораго онъ былъ. Въ самомъ началѣ засѣданія, когда революціонный комитетъ Епископства требовалъ допущенія своего въ Ассамблею и когда Конвентъ уже не былъ свободенъ, Ланжюинэ произнесъ поразительно смѣлую при тѣхъ обстоятельствахъ рѣчь: „До тѣхъ поръ,—сказалъ онъ,—пока можно будетъ возвысить здѣсь свой голосъ, я не позволю унижить въ своемъ лицѣ народнаго представителя. Я буду требовать его правъ и его свободы. Я скажу вамъ истины, но не тѣ, которыя убиваютъ саму истину, которыя убиваютъ свободу... (Ропотъ). Лишь слишкомъ очевидно, что вѣщеніе трехъ дней вы почти больше не совѣщаетесь, что на васъ оказываютъ давленіе и внутри и извнѣ; соперничающая власть приказываетъ вамъ; она окружаетъ васъ: внутри своими наемниками извнѣ—своими пушками“... И, прерываемый постоянно восклицаніями, насмѣшками, руганью, угрожаемый даже въ своей жизни *),

*) Угрожая ему дубиной, мясникъ Лежандръ крикнулъ ему: „Сойди

онъ все же продолжалъ, доказывая, что коммуна узурпировала власть и что, уступивъ требованіямъ инсургентовъ, Ассамблея унизила бы себя. Въ заключеніе онъ потребовалъ, чтобы всѣ парижскія революціонныя власти были отмѣнены и чтобы всѣ тѣ, которые присвоятъ себѣ противную закону власть, были объявлены внѣ закона.

Къ концу засѣданія онъ снова взялъ слово. Иснаръ, Лантена и Фоше отказались отъ своихъ функций и можно было думать, что вся Жиронда послѣдуетъ ихъ примѣру, когда Барбару поднялся и заявилъ, что онъ умретъ на своемъ посту, но не сложитъ съ себя депутатскихъ полномочій. Эти слова вызвали бурю, которая продолжалась еще, когда Ланжюнна появился на трибунѣ:

„Я полагаю,—сказалъ онъ,—что до настоящаго момента я проявилъ нѣкоторое мужество и нѣкоторую энергію: не ждите же отъ меня ни отставки, ни отрѣшенія“... Гора, между тѣмъ, все еще была обращена къ Барбару и оскорбляла его, во главѣ же оскорбителей находился Шабо. „Я обращаюсь къ священнику Шабо,—сказалъ тогда Ланжюнна:—въ древности жертвъ украшали цвѣтами и повязками; но священникъ, закалывавшій ихъ, не поносилъ ихъ. Говорятъ о томъ, чтобы я пожертвовалъ своими полномочіями. Жертвовать! Какое злоупотребленіе словами! Жертвы должны приноситься свободно, а вы не свободны. Конвентъ осажденъ; пушки направлены противъ этого дворца; ружья заряжены. Я заявляю поэтому, что въ данный моментъ не могу высказать никакого мнѣнія и замолкаю“.

Онъ былъ обвиненъ вмѣстѣ съ другими жирондистами и на слѣдующій день обратился къ Конвенту съ довольно краснорѣчивымъ письмомъ. Но, видя, что ему не добиться правосудія, онъ убѣжалъ, отправился въ Канъ, а затѣмъ въ родной его городъ Реннъ, гдѣ ему удалось скрываться до послѣ Термидора. Онъ вернулся въ Конвентъ, засѣдалъ затѣмъ въ Совѣтѣ старѣйшинъ, очень гордо держалъ себя по отношенію къ Наполеону, остался либераломъ и при Реставраціи и умеръ въ 1827 г.

Среди прочихъ ораторовъ Жиронды, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли свой моментъ успѣха, слѣдуетъ еще упомянуть Ласурса, бывшаго иногда застрѣльщикомъ своей партіи и весьма

или я убью тебя“.—„Декретируй раньше, что я быкъ, и затѣмъ ты убьешь меня“,—отвѣтилъ ему Ланжюнна, сразу охладивъ такимъ образомъ пылъ своего противника.

удачно формулировавшаго политику Жиронды, когда онъ заявилъ, что Парижу должна быть предоставлена лишь восемьдесят третья часть вліянія; прокурора парижской Коммуны, одного изъ дѣятелей 10 августа, Манюэля, искренность котораго доходила до того, что онъ писалъ Людовику XVI: „Государь, я не люблю королей“, и который, тѣмъ не менѣе, старался сохранить королю жизнь и отказался отъ званія депутата послѣ того, какъ его осудили на казнь: Дофриша Валазе, прозваннаго Каттономъ Жиронды, у котораго обыкновенно происходили собранія партій и который составилъ докладъ о „преступленіяхъ бывшаго короля“ и такъ трагично покончилъ съ собой, всадивъ себѣ ножъ въ сердце на виду трибунала, приговорившаго его къ смерти; Анри Ларивьера, вначалѣ экзальтированнаго революціонера, очень часто выступавшаго на трибунѣ, но не имѣвшаго ораторскаго дара и ставшаго послѣ Термидора рьянымъ роялистомъ; Салля, погибшаго вмѣстѣ съ Бюзо и извѣстнаго въ особенности по той роли, которую онъ игралъ, послѣ 2 іюня, въ Канѣ, этомъ первомъ этапѣ почти всѣхъ скрывшихся жирондистовъ; Жана де—Бри, Керсена и, наконецъ, Якоба Дюпона, атеистическая рѣчь *) котораго была своего рода событіемъ въ исторіи революціи и произвела глубокое впечатлѣніе не только въ Конвентѣ, но и далеко за предѣлами его **).

Поправка: На стр. 20-й, вмѣсто „Общія черты парламентскаго краснорѣчія“ напечатано: „Общій характер“...

*) См. эту рѣчь въ примѣчаніи на стр. 103.

Прим. перев.

**) Все, что извѣстно о Дюпонѣ, собрано нами въ статьѣ, напечатанной въ *Revue de la Révolution française* за 1885 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ Д. ГОМА.

Предисловіе автора.	Стр. 3
-----------------------------	--------

Книга I.

Текстъ рѣчей.	7
Общія черты парламентскаго краснорѣчія отъ 1791 до 1795 г.	20
Парламентскіе нравы.	35

Книга II.

Конституціонные роялисты и независимые.

Политика группы.	56
Рамонъ.	59
Станиславъ де Жирандеиъ.	66
Вобланъ, Матьё Дюма и др.	76
Центръ или независимые.	79

Книга III.

Жирондисты.

Внутренняя организація Жиронды.	83
Ораторское вдохновеніе жирондистовъ. I. Ихъ религіозныя идеи.	93
Ораторское вдохновеніе жирондистовъ. II. Ихъ политическія идеи.	111

Книга IV.

Теоретики партій.

Бриссо.	133
Кондорсе.	167

Книга V.

Верньо и жирондисты въ собственномъ смыслѣ слова.

Молодость и характеръ Верньо.	190
Ораторское воспитаніе Верньо.	198
Политика Верньо.	202
Рѣчи Верньо до 10-го августа.	207

Отъ 10-го августа до 2-го июня.	218
Политическія письма Верньо во время его заключенія и его защита передъ революціоннымъ трибуналомъ.	243
Ораторскій методъ Верньо.	251
Гюаде.	262
Жансонне.	282
Дюко и Буае-Фонфредъ. Гранжневъ	201

Книга VI.

Друзья г-жи Роланъ: Бюзо, Луве, Барбару
и Петіонъ.

Бюзо.	308
Луве.	327
Барбару и Петіонъ.	346

Книга VII.

Независимые жирондисты: Иснаръ, аббатъ Фоше,
Рабо-Сентъ-Этьенъ, Ланжюинэ и др.

Иснаръ.	354
Аббатъ Фоше.	364
Рабо-Сентъ-Этьенъ, Ланжюинэ и др.	369

Изданія Д. П. ЕФИМОВА.

- Альбовъ.** Вавилонская башня. Юмерист. ром. Ц. 2 р.
- Альтенбергъ, П.** Эскизы. Ц. 50 к.
- Амфитеатровъ, А.** Бабы и дамы. 1 р.—Современники. 1 р.—Издали. 1 р.—Красивыя сказки. 1 р.
- Анзимирова.** Правда о мужчинахъ. Ц. 25 к.
- Апраксинъ.** Большое мѣсто. Ром. Ц. 1 р.
- Арсений, Г.** Карьера. Повесть. Ц. 1 р.
- Аузбахъ, Б.** Дача на Рейнѣ. Ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р.—Три единственныя дочери. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
- Ачкасовъ, А. Н.** Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Изд. 2-е, доп. Ц. 75 к.—Образцы взаимной русской рѣчи. Сборникъ. Ц. 1 р.—«Повѣило весной». Сборникъ. Изд. 2-е, дополненное. Ц. 1 р.
- Бабель.** Крестьянскія войны въ Германіи. Ц. 1 р. 25 к.
- Бейерлейнъ, Фр. А.** Гена или Седанъ? Романъ. Ц. 2 р.
- Беллами, Э.** Черезъ столѣть. Социал. ром. Ц. 75 к.
- Бильзе, Лейтен.** Изъ жизни одного маленькаго гарнизона. Ц. 1 р.
- Боккаччо, Д.** Декамеронъ, 2 т., съ рис. Ц. 3 р.
- Борхардъ, Б.** Въ началѣ столѣтія. Ц. 40 к.
- Браунъ, Лили.** Женскій вопросъ. Ц. 2 р.
- Бурже, П.** Трагическая идиллія. Ц. 1 р. 50 к.—Изъ-за любви. Ц. 50 к.—Дѣловой человекъ. Ц. 75 к.—Призракъ. Ц. 1 р.—Возрастъ любви. Ц. 25 к.—Этапъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Буровилъ.** За буровъ. Ц. 50 к.
- Бьернсонъ.** Слыше нашей славы. Ц. 50 к.
- Вейль, Ж.** Исторія социального движенія во Франціи. Ц. 2 р.
- Вербицкая, А.** Горе ушедшимъ. Ц. 1 р.
- Вернеръ, Э.** Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Ц. 1 р.—У алтара. Германъ. Ц. 1 р. 50 к.—Пѣтлѣкъ счастья. Вѣсти весны. Ц. 1 р. 50 к.—Дорогой дѣвой. Ц. 1 р. 25 к.—У орлиной скалы. Ц. 1 р. 50 к.—Сила воли. Ц. 1 р. 50 к.—Въ добрый часъ. Ц. 1 р.—Горная фея. Ц. 1 р. 25 к.—Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к.—Герой пера. Голоса родины. Ц. 1 р. 25 к.—Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к.—Орлиный полетъ. Ц. 50 к.—Судь Божій. Ц. 1 р.—Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к.—Эгоистъ. Высшая точка эрѣвни. Ц. 1 р.—Смѣлымъ Богъ владѣеть. Ц. 1 р.—Заколдованное золото. Ц. 1 р.—Взбуждающіе огни. Ц. 1 р. 25 к.
- Цѣна за 10 т. собр. соч. Э. Вернеръ.** (1-я сер.)—10 р., съ пер. 11 р., за 8 т. (2-я сер.)—6 р., съ пер. 7 р., за 18 т. (1-я и 2-я сер.)—15 р., съ пер. 17 р.
- Виндельбандъ, В.** О свободѣ воли. Ц. 80 к.
- Виндельбандъ, В. и Риль, А.** Иммануилъ Кантъ. Ц. 30 к.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности. Вып. 1-й. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.—Новый взглядъ на природу любви и брака. Ц. 30 к.
- Вогюэ, М.** Голоса мертвыхъ. Ром. Ц. 1 р.—Антонъ Чеховъ. Крит. этюдъ. Ц. 20 к.—Максимъ Горькій, какъ писатель и человекъ. Крит. этюдъ. Ц. 30 к.
- Воротниковъ, А.** Анна Ярославля, королева Франціи (1051—1060). Ц. 1 р.
- Вѣра.** Одна за многихъ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
- Гартманъ, Э.** Современная психологія. Критическ. истор. нѣмецк. психологіи за вторую половину XIX в. Перев. Г. А. Котляра, подъ ред. М. М. Филиппова. Ц. 2 р. 25 к.
- Гауптманъ, Г.** Роза Бэридь. Ц. 40 к.—Вѣдннй Генрихъ. Пер. въ стих. Т. Л. Щенкиной-Куперникъ. Ц. 75 к.
- Генкель.** Мировыя загадки. Ц. 1 р. 50 к.—Борьба за идею развитія. Ц. 60 к.
- Герцъ.** Аграрные вопросы въ связи съ социализмомъ. Ц. 1 р.
- Геоффдингъ, Г.** Философскія проблемы. Пер. съ нѣмецк. Г. А. Котляра. Ц. 50 к.
- Гола, А.** На сколькомъ пути. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
- Денисюкъ, Н.** Краткій повторит. курсъ политической экономіи примѣнительно къ университетскому курсу. Ц. 75 к.
- Джеромъ, К. Джеромъ.** Павелъ Кельверъ. Ц. 1 р. 50 к.—Замѣтки романиста. Ц. 1 р. 25 к.—На лодкѣ. (Три человека въ лодкѣ

и съ ними собака). Ц. 1 р.—Объ умѣии обращаться съ женщинами. Ц. 1 р.—Трое на двухъ велосипедахъ. Ц. 1 р.—Очаровательная женщина. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—Праздныя мысли дѣтля. Ц. 1 р.—Миръ снени. Ц. 1 р.—Дневникъ путешественника. Ц. 1 р.

Цѣна за 8 т. (безъ романа „Павель Кельверъ“) собр. соч. Джеромъ, К. Джеромъ а—5 р., съ пер. 6 р

Диль. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Ц. 80 к.

Додэ. А. Первое путешествие—первая ложка. Ц. 30 к.

Записки Горона. Отъ нашествия до «анархинъ». Среди преступлений. Ц. 1 р.—Мощеники высшей школы и воровскія шайки. Полиція будущего. Ц. 80 к.

Золя. Э. Госпожа Нежонъ. Ц. 50 к.—Нана. Ром. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—Издородіе. Ром. Ц. 1 р. 50 к.—Трудъ Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Зомбартъ, В. Соціализмъ и социальное движеніе въ XIX ст.—А все-таки! Ц. 1 р.

Зудерманъ, Г. Да здравствуетъ жизнь! Ц. 60 к.

Императоръ Павель Первый. По Шильдеру в воспомин. современниковъ. Ц. 60 к.

Ирвингъ. Жизнь Магомета. Ц. 1 р.

Тесне Хоинскій. Заходящее свѣтло. Романъ изъ времянь Марка-Аврелія. Ц. 1 р. 50 к.

Юнай, М. Мечты и жизнь. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Квитно. Основьяненко. Панъ Халыевскій. Ц. 50 к.

Климковъ, В. И. (корресп. газ. „Русь“). Расправы и разстрѣлы. Ц. 1 р. 25 к.

Кей, Эленъ. Вѣкъ ребенка. Ц. 1 р. 25 к.

Серія I.

Конанъ Дойль, А. Красное по бѣлому. Изд. 2-е. Ц. 60 к.—Знакъ четырехъ. Изд. 2-е. Ц. 60 к.—Приключенія Шерлока Гольмса. Изд. 2-е. Ц. 70 к.—Баскервильская собака. Изд. 2-е. Ц. 75 к.—Разказы о Шерлокѣ Гольмсѣ. Изд. 2-е. Ц. 70 к.—Новыя похождения Шерлока Гольмса. Изд. 2-е. Ц. 60 к.—Воспоминанія о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 60 к.—Возвращеніе Шерлока Гольмса. Изд. 2-е. Ц. 60 к.—Женщина съ револьверомъ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.—Шесть Наполеоновъ. Ц. 60 к.

Цѣна за 10 т. собр. соч. Конанъ-Дойля (1-й сер.)—4 р., съ перес. 5 руб.

Серія II.

Конанъ-Дойль, А. Изгнанники. Историч. ром. 3-е изд. Ц. 1 р.—Новые разказы. Изд. 2-е. Ц. 60 к.—Торговый домъ „Гердьястонъ и К^о“. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.—Тѣль великаго человѣка —За городомъ. 2-е изд.

Ц. 1 р.—Подвиги морского разбойника. Ц. 50 к.—Сундукъ-убійца. Ц. 50 к.—Тайна капитана Креджи. Ц. 1 р.—Подвиги бригадира Жерара. Ц. 1 р.

Цѣна за 8 т. собр. соч. Конанъ-Дойля (2-я сер.)—5 руб., съ перес. 6 руб.

Серія III.

Конанъ-Дойль, А. Приключенія бригадира Жерара. Ц. 1 р.—Борьба за вѣру и свободу. Ц. 1 р. 50 к.—Бѣлая рота. Ц. 1 р. 25 к.—Трагедія въ Короско. Печ.

Коппе, Ф. Вся молодость. Ц. 75 к.—Двѣ женщины. Ц. 60 к.

Корнелиусъ, Г. Введеніе въ философію. Переводъ подъ редакціей и съ предисл. проф. Ланге. Ц. 2 р

Котляревскій. Собраніе сочиненій. Ц. 1 р.

Крестовская, М. В Артыстка. Ром. Ц. 2 р.—Исповѣдь Мытищева. Вольф.

Ц. 1 р.—Сынъ и др. разказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—Ревность и др. разказы. Изд. 2-е.

Ц. 1 р.—Внѣ жизни и др. разказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.—Раннія грозы. Испытаніе. Изд. 3-е. Ц. 1 р.—Къ солнцу!—Тѣни. Ц. 1 р.

Кротъ и Н. Д.—къ. Путеводитель по Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Кругловъ, А. Не герои. Очерки и разказы. Изд. 7-е. Ц. 1 р.—На чужомъ полѣ. Очерки и разказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Пер. подъ ред. проф. Ланге. Ц. 80 к.

Лаасъ. Идеализмъ и позитивизмъ. Ц. 1 р.

Лагерфельдъ, С. Сѣверныя легенды и разказы. Ц. 1 р.

Левенфельдъ, Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произвед. и міросозерцаніе. Съ порт. гр. Л. Н. и С. А. Толстыхъ и съ примѣч. гр. С. А. Толстой. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Леманнъ, Р. Учебникъ философской предельтики. Ц. 1 р.

Ли, Юнасъ. Дочери командора. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

Лухменова, Н. А. Двадцать лѣтъ назадъ. Ц. 1 р. 25 к.—Избранные разказы.

Ц. 1 р.—Нистгутка. Ром. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.—Вопросы и запросы жизни. Ц. 1 р.—

Недочеты жизни современ. женщины. Вліяніе нов. литературы на современную молодежь. Ц. 50 к.

Любичъ-Ножуровъ, I. А. Братъ челоѣчества. Ц. 75 к.—Боевалъ жизнь. Пять разказовъ изъ русско японской войны. Ц. 30 к.—Въ Портъ-Артурѣ. Сб. разказовъ. Ц. 60 к.

Манкій. Анархисты. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Уральскіе разказы, т. I, изд. 4-е. Ц. 1 р.—Уральскіе разказы, т. II, изд. 4-е. Ц. 1 р.—Уральскіе разказы, т. III, изд. 4-е. Ц. 1 р.—Ураль-

ские рассказы, т. IV, изд. 4-е. Ц. 1 р. — Пневники. Ц. 1 р. — Преступники. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — Повести Ц. 1 р. — Вь дорогах. Очерки. Ц. 1 р. — Безъ названия. Ц. 1 р. 25 к. — Золото. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Приваловские миллоны. Изд. 2-е. Ц. 2 р. — Золотая мука и др. рассказы. Ц. 1 р. — Человѣкъ съ прошлымъ. Ц. 1 р. — Вкругъ рактова куста и др. рассказы. Ц. 1 р. — Миллионъ и др. рассказы. Ц. 1 р. — Сибирские рассказы, т. II. Ц. 1 р. — Сибирские рассказы, т. III. Ц. 1 р. — Сибирские рассказы, т. IV. Ц. 1 р.

Марлигъ, Е. Тайна старой хѣвы. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. — Имперская графиня Гизелла. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Вь домъ коммерціи совѣтника. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Вь домъ Шиллинга. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Вторая жена. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — Элиза. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Стенная принцесса. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Свиный домъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. — Женщина съ рубинами. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к. — Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣна за 10 т. собр. соч. Е. Марлигъ — 10 р., съ перес. 11 р.

Мартинъ, Р. Будущность Россіи. Ц. 1 р.

Чемуары принцессы (дневникъ принцессы саксонской). Ц. 1 р.

Метерлинкъ, М. Собраніе сочиненій. Всѣ пьесы въ одномъ томѣ. (Принцесса Малапа, Неирошанна, Сѣвды, Пеллеасъ и Мелизанда, Алладина и Паломидъ, Вь домъ, Смерть Тентажили, Аглавена и Селизетта, Ариана и Синяя борода, Сестра Беатриса Семь принцессъ, Монна Ванна, Жуазель). Ц. 1 р. 50 к. — Монна-Джованна, Чер. Т. А. Шейкыно-Кулерникъ. Ц. 60 к.

Мирбо, О. Дневникъ горничной. Ц. 1 р. 25 к. — Садъ мученій Ц. 1 р. — Аббатъ Жюль. Ц. 1 р. — Путешествіе на автомобилѣ. Ц. 1 р. 25 к. — Деревенскіе рассказы. Дурные пастыри. Ц. 1 р.

Молассанъ, Г. Воскресные дни парижскаго буржуа. Ц. 1 р.

Мура. Миллионеры. Романъ. Ц. 1 р.

Мюнстербергъ, Г. Американцы, т. I. Ц. 2 р. — Американцы, т. II. Ц. 2 р.

Мясницкій, И. И. Ихъ степенства. Юмористическіе очерки, сценки и картинки. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к. — Невозможно смѣху. Ц. 1 р. 25 к. — Милыя дамы. Юмористическіе рассказы. Изд. 4-е. Ц. 1 р. — Смѣшная публика. Юмористическіе рассказы набр. и картинки. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. — Приключенія Жоржа Балтикова. Ц. 1 р. — Безъ языка. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — Житѣйскія комедіи. Юмористическій сборн. разск. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — Забавныя приключенія Черноболотливцевъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. — Проказники, Юмор. очерки, сценки, картинки и фотогр. снимки съ

натуры добродушнаго юмориста. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к. — 24 рассказы. Ц. 1 р. — Струйки смѣха. Юмор. сборн. рассказовъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — Господа коммерсанты. Юмористическій сборникъ рассказовъ. Ц. 1 р. — Мужья и жены. Юмористическій сборникъ рассказовъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — Влестки юмора. Ц. 1 р. — Юмористическія шалости. Ц. 1 р. — Мануфактуръ-совѣтникъ. Романъ. Ц. 2 р. — Наши ближніе. Ц. 1 р. — Свадьба и другіе рассказы. Ц. 1 р. — Бѣсъ-дѣвка. Ц. 1 р. — „Омсквичица“. Ц. 25 к. — Старообрядка. Романъ. Ц. 2 р. — Безъ претензій. Юмористическій сборникъ. Ц. 1 р. — I смѣхъ и грѣхъ. Юмористическій сборникъ. Ц. 1 р. — Отрѣзанный палецъ. Ц. 1 р. — Кому смѣхъ — кому слезы. Ц. 1 р. — Вь царствѣ ситца. Романъ. Ц. 2 р.

Наживинъ, И. Дешевые люди. Ц. 1 р.

Невѣжинъ, П. М. Ненюкорные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Негри, Ада. Борьба и любовь. Ц. 50 к.

Недолинъ. Искры. Сборникъ рассказовъ. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Семья богатырей. Ц. 1 р. 50 к. — Двѣ ночи. Ц. 1 р. — Городской голова. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. — Царца Тамара, и. 1 р. — Вольный Шамхалъ, и. 1 р. 25 к. — Гроза. Изд. 8-е, и. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Влад. И. Губернаторская ревизія. Повѣсть. Изд. 2-е, и. 1 р. — Сны, и. 1 р. — Вь степи, и. 1 р. 25 к.

Ненашевъ, А. П. Словарь военныхъ извѣстій. Справочная книга къ русско-японской войнѣ, и. 50 к. — Путеводитель по Западной Европѣ. Изд. 2-е, и. 2 р. — Русско-французскіе разговоры, и. 40 к. — Русско-нѣмецкіе разговоры, и. 40 к.

Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. Критическія статьи, и. 2 р.

Ниманъ, А. Всемирная война, и. 1 р.

Ницше, Фр. Такъ говорилъ Заратустра. Первый полный переводъ, и. 1 р. 50 к. — По ту сторону добра и зла. Изд. 3-е, и. 1 р. — Сумерки кумироловъ. Изд. 2-е, и. 1 р. — Происхожденіе трагедіи. Отрывки изъ книги объ антихриствѣ. Рѣчи, аллегоріи и картинны, и. 1 р. 25 к. — Человѣческое сличиломъ человѣческое, и. 1 р. 25 к. — Человѣкъ, какъ онъ есть, и. 1 р. 25 к. — Страстицы и его тѣль, и. 1 р. — Утренняя заря, и. 1 р. 25 к. — Веселая наука, и. 1 р. 50 к. — Несвоевременныя размышленія, и. 1 р. 25 к.

Новинъ, И. Д. Современная конституція, и. 2 р.

Нордау, М. Комедія чувства, и. 1 р. — Болѣзнь вѣка, и. 1 р. 50 к. — Современные французы. Очерки изъ исторіи литературы, и. 1 р. 25 к.

Овидій. Пѣсни любви, и. 1 р.

- Оларь, А.** Ораторы революции. Т. I. Учредительное собрание, ч. 1 р. 50 к. Т. II, ч. 1 р. 50 к.
- Ольденбергъ.** Будда, его жизнь, учение и община, ч. 1 р. 25 к.
- Орнешко, Э.** Аргонавты, ч. 1 р. 25 к.—Дымъ. Пидалія, ч. 30 к.—Открытое письмо къ немецкимъ женщинамъ и французамъ о польбѣ, ч. 40 к.—Анастасія, ч. 60 к.
- Оствальдъ.** Натура-философія. Перев. Г. А. Котляра, подъ ред. М. М. Филиппова, ч. 2 р.
- Отцы и дѣти.** Сборникъ рассказовъ разныхъ авторовъ, ч. 1 р.
- Пелисье.** Критическіе этюды современной литературы, ч. 1 р.
- Перельгинъ, Н. И.** Около любви, ч. 75 к.—Несовременный герой, ч. 60 к.
- Фонъ-Поленецъ.** Крестьянинъ. Ром. съ предсл. гр. Л. Н. Толстого, ч. 1 р. 20 к.
- Превю, М.** Полудбвы. Ром., ч. 1 р.—Мелкіе рассказы. Изд. 2-е, ч. 60 к.—Послѣдніи письма женщ. Изд. 2-е, ч. 60 к.—Письма Франсуазы, ч. 1 р.—Счастлиное суружество, ч. 60 к.—Желтое домино, ч. 50 к.—Книгина Дермидъ. Ром., ч. 1 р.—Господинъ и госпожа Молохъ, ч. 1 р.
- Радищевъ, А. Н.** Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, ч. 80 к.
- Рамо.** Явѣ, ч. 60 к.
- Ренанъ, Э.** Жизнь Исуса, ч. 60 к.—Апостоль Павелъ, ч. 1 р. 25 к.—Антихристъ, ч. 1 р. 25 к.
- Ресслеръ.** Электродвигатели переменнаго и трехфазнаго тока. Переводъ подъ ред. преподавателя въ Техническомъ училищѣ Б. П. Угрюмова, ч. 1 р. 50 к.
- Риль, А.** Введеніе въ современную философію. Перев. Г. А. Котляра, ч. 1 р.
- Ростанъ, Эд.** Принцесса Греза. Перев. въ стих. Т. Л. Щенкиной-Куперникъ, ч. 1 р.—Романтики. Перев. въ стих. Т. Л. Щенкиной-Куперникъ, ч. 60 к.
- Сайсъ.** Хеттея, или исторія забытаго царства, ч. 60 к.
- Саловъ.** Мелочи жизни, ч. 1 р. 25 к.—Три рассказа, ч. 75 к.—Несобравшии дрожжи, ч. 60 к.—Босопожка, ч. 40 к.
- Сенневичъ, Г.** Крестоносцы. Романъ, ч. 2 р. 50 к.—Камо грѣдеша? Романъ, ч. 1 р. 50 к.—Потопись. Романъ въ 2-хъ книгахъ, ч. 3 р.—Паизъ Володьевскій, ч. 1 р. 50 к.
- Сергѣенко.** Безъ якоря. Пов. и рассказы. Изд. 2-е, ч. 1 руб.
- Сильвио Пеллино.** Мои темницы, ч. 1 р.
- Снопинъ, В. И.** Средняя Азія и Индія.—ч. 25 к.—Изъ падеію Порты-Артура, ч. 25 к.
- Смирновъ (Полишинель).** Рѣзны невинаго свойства, ч. 1 р.
- Тагъевъ, Бор.** По Афганистану. Дневникъ русскаго путешественника, ч. 50 к.
- Тепловъ, К.** Случайная жертва. Ром., ч. 1 р. 25 к.—Тучки. Сборникъ рассказовъ, ч. 60 к.
- Толстой, гр. Л. Н.** Воскресеніе, ч. 75 к.—Власть тьмы, ч. 20 к.—Плоды просвѣщенія, ч. 30 к.—Дорого стоитъ и др. рассказы, ч. 60 к.—Первыя воспоминанія и др. рассказы, ч. 60 к.—Мысли мудрыхъ людей, ч. 60 к.—Ассирійскій царь Ассархадонъ. Три вопроса. Нѣсколько словъ по поводу кн. „Война и Миръ“. Трудами нашихъ рукъ, ч. 30 к.—Хозяинъ и работникъ, ч. 15 к.—Два старика. Плоды просвѣщенія, ч. 40 к.—Бракъ и молодая любовь. Изд. 2-е, 40 к.—Въ чемъ моя вѣра? ч. 50 к.—О жизни, ч. 40 к.—Христіанское учение, ч. 25 к.—Исповѣдь, ч. 20 к.—Великій грѣхъ, ч. 5 к.—За что? и др. рассказы, ч. 30 к.—Для чего мы живемъ? Первая ступень, ч. 30 к.—Такъ что-жь намъ дѣлать, ч. 80 к.—Крейцеровъ Соната, ч. 1 р. 25 к.—Крейцеровъ Соната, ч. 10 к.
- Тургеневъ, И. С.** Незданныя письма къ г-жѣ Влардо, Густаву Флоберу, г-жѣ Жоржъ-Зандъ и др. Ч. 2 р.
- Тэри.** Денежное обращеніе и эмиссіонные банкн. Вексельные курсы и учетъ. Ч. 40 к.
- Уваровъ, П. С.** Типы и нравы Сахалина. т. I., ч. 1 р. 25 к.—Типы и нравы Сахалина, т. II, ч. 80 к.
- Уйда.** Массарини. Романъ, ч. 2 р.
- Ульсъ, Г.** Первое путешествіе на луну, ч. 1 р.
- Флери, М.** Физическое и нравственное воспитаніе ребенка, ч. 75 к.
- Франсъ, А.** Подъ старымъ визомъ, ч. 1 р.—Рассказы, ч. 1 р.—Книга прошлаго, ч. 60 к.—Красная дилія. Печ.—(ежебныя невзгоды проф. Бержеро. Печ.—На блѣзомъ камнѣ. Печ.
- Фулье.** Исторія философіи. Изд. 2-е, ч. 2 р. 50 к.
- Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ женской жизни. По поводу „Крейцеровой Сонаты“. Изд. 3-е, ч. 40 к.
- Шахновскій, И. К.** Желтая туча (дневникъ корресп. съ театра русск.-японской войны), ч. 1 р.
- Шницлеръ, А.** Трилогия: „Парацельсъ“, „Подруга жизни“, „Зеленый полукай“, ч. 50 к.—Тетралогія: „Живыи мгновенія“, „Женщина съ кинжаломъ“, „Послѣдніи маскн“, „Литература“, ч. 75 к.—Хороводъ, ч. 70 к.
- Шопенгауэръ, А.** Миръ, какъ воля и представленіе. Пер. подъ ред. Айхенвальда, ч. 3 р.—То же, 2-й томъ, ч. 3 р.—О четвероногомъ кораблѣ досточагого основанія. Пер. подъ ред. Айхенвальда, ч. 75 к.—Собраніе сочиненій въ 16 вып., цѣна 8 р., съ пер. 10 р. Вышло въ свѣтъ 14 вып. Подписна продолжается.

Шпильгагенъ, А. Жертва. Романъ, ч. 1 р. 50 к.

Штрауссъ, Э. Жизнь Иисуса, т. 1, ч. 1 р. 50 к.—Жизнь Иисуса, т. II ч. 1 р. 50 к.

Щепкина-Куперникъ, Т. Л. Незамѣтные люди. Изд. 3-е, ч. 1 р.—Ничтожнѣе міра сего. Изд. 3-е, ч. 1 р.—Мои стихи. Изд. 2-е, ч. 1 р.—Письма издалека, ч. 1 р.—Около кулисъ, ч. 1 р.—Труждающіеся и обремененные, ч. 1 р.—Страницы жизни, ч. 1 р.—Счастье. Изд. 2-е, ч. 1 р.—Изъ женскихъ писемъ. Изд. 2-е, ч. 1 р.—На солищѣ и въ тѣни, ч. 1 р.—Неотправленные письма, ч. 1 р.—Нѣкто (Сб. раз.). Печ., ч. 1 р.

Эллготъ, Д. Братъ и сестра. Изд. 2-е, ч. 1 р.

Эльцбахеръ, А. Анархизмъ, ч. 70 к.
Эрвье, Тэруан де-Мерикуръ. Переводъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, ч. 1 р.

Японія, Корея и Маньчжурія. Справ. книга, ч. 30 к.

Книгоиздательство „Трудъ и Воля“.

Балиций, Г. Гражданская свобода и производительность труда. Ц. 10 к.—Россія при Николаѣ I. Ц. 8 к.—Фабричное законодательство въ Россіи. Ц. 15 к.—Какая должна быть фабричная инспекція. Ц. 8 к.

Бѣлевскій-Бѣлоруссовъ, А. Бабы. Ц. 3 к.
В. О. Государственное обложеніе въ Россіи. Ц. 10 к.

В. У. Какіе нужны порядки. Ц. 5 к.
Вальянъ, Э. Соціальное страхованіе. Ц. 8 к.

Васильевъ. Рабочіе въ Японіи. Ц. 6 к.

Возстаніе венгровъ 1848 — 1849 г. Ц. 6 к.

Волькенштейнъ, Ф. А. Право и произволъ. Ц. 8 к.

Волькенштейнъ, Ольга. Страда раченства и свободы. Ц. 10 к.—Вехика смута землей русской. Ц. 6 к.

Гинзбургъ, Л. Евреи въ Россіи. Ц. 12 к.
Гремячскій, Д. Какъ составляются законы. Ц. 8 к.

Дживелоговъ, А. К. Права и обязанности гражданъ. Ц. 8 к.—О конституціи и конституціонномъ порядкѣ. Ц. 6 к.—Арианы въ Россіи. Ц. 10 к.—Бисмаркъ и Лассаль. Ц. 8 к.—Хрестіянскіе движенія на Западѣ. Ц. 6 к.—Голодовки въ среднѣе вѣка. Ц. 6 к.

Дурново, д-ръ. Приказный строй и народное хозяйство. Ц. 6 к.

Дѣва, Л. Великая крестьянская война. Ц. 6 к.

Житновъ, А. О налогахъ. Ц. 6 к.

Захъ, Г. Смертная казнь. Ц. 10 к.—Лассаль и его время. Ц. 8 к.

Зомбартъ, В. Очерки изъ исторіи развитія сѣв.-амер. пролетаріата. Ц. 30 к.

Зотова, Е. Винные откупа и монополія. Ц. 6 к.

Ивановъ, Н. Что такое политическая партія. Ц. 3 к.—Свобода собраній и народное представительство. Ц. 6 к.

Іе, Рауль. Камеры заключения во Франціи. Ц. 3 к.

Каутскій, К. Этика и материалистическое пониманіе исторіи. Ц. 35 к.—Карлъ Марксъ. Ц. 6 к.

Катшеръ, А. Участіе въ приближѣхъ. Ц. 10 к.

Кудрявъ, Н. Е. Какъ организовать выборы? Ц. 3 к.

Лосевъ, А. Профессиональные союзы. Ц. 6 к.—Торговые служащіе. Ц. 8 к.

Лозинскій, С. Учредительное собраніе 1789 г. во Франціи. Ц. 8 к.

Луи, Поль. Безработные. Ц. 3 к.

Львовъ-Рогачевскій, В. Печать и цензура. Ц. 20 к.

Маноцковъ, В. О сельско-хоз. обществахъ. Ц. 8 к.—О мелкомъ кредитѣ. Ц. 8 к.—Потребительныя общества. Ц. 10 к.

Мельгуновъ, С. Старообрядчество и освободительное движеніе. Ц. 6 к.

Михайловскій, А. Какъ лучше устроить городскую жизнь. Ц. 6 к.—Какъ живуть наши сѣверные сосѣди. Ц. 6 к.

Н. П. Всеобщее избирательное право. Ц. 6 коп.

Николаевъ, А. Для чего нужно всеобщее обученіе. Ц. 10 к.—Интеллигенція и народъ. Ц. 10 к.

Обуховъ, А. М. Что нужно для выборовъ. Ц. 6 к.—Почему всякій долженъ интересоваться политикой. Ц. 10 к.

О 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ,—докладъ Фабианскаго О-ва. Ц. 6 к.

Пайеръ, О. В. Прибавочный трудъ и прибавочная дѣльность. Ц. 6 к.

Сибирякъ, Н. Рабочій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 8 к.

Терешковичъ, Н. Польша и поляки. Ц. 10 к.

Туганъ-Барановскій, М. И. Проводники націонализаціи земли. Ц. 6 к.

Фишеръ, Ф. Мультипаризмъ. Ц. 3 к.

Флеровъ. Земледѣльческіе рабочіе. Ц. 10 коп.

Хвостовъ, В. М., проф. Права и значеніе народнаго представительства. Ц. 8 к.

Что намъ нужно? Ц. 10 к.

Шерглинь, д-ръ. Понеченіе о безработныхъ. Ц. 6 к.

Шираевъ, проф. О судѣ. Ц. 8 к.

Штамлеръ, Р. Теорія анархизма. Ц. 20 к.
Штернъ, І. Государство будущаго. Ц. 15 к.

Классики общественной мысли.

Руссо, Ж. Ж. Общественный договор (пер. подъ ред. и съ предисл. А. К. Джигалова). Ц. 40 к.

Кондорсе. Успѣхи человеческого ума. (Печатается).

Религіозно-общественная библиотечка.

„Вопросы религіи“. № 1. Сборникъ. Ц. 1 р. 50 к.—№ 2. Печатается. Ц. 1 р. 25 к.
Свенцицкій, В., и Эрнъ, В. „Взыскующимъ града“ № 1. Ц. 15 к.

Серія I (для интеллигенціи).

Эрнъ, Вл. Христіанское отношеніе къ собственности. Ц. 15 к.

Волжскій, Ф. М. Достоевскій. (Жизнь и проповѣдь). Ц. 25 к.

Волжскій, Гаршинъ, какъ религіозный типъ. Ц. 15 к.

Булгановъ, С. Н., проф. Краткій очеркъ политической экономіи. Вып. 1. Основн. черты современ. хозяйствен. строя. Ц. 60 к.

Серія II (для народа).

Ельчаниновъ, А. В. Житіе св. Франциска Ассизскаго. Ц. 8 к.

Рябининъ, Дм. Зачѣмъ нужны рабочимъ союзы? Ц. 3 к.

Рябининъ, Дм. Восьмичасовой рабочей день. Ц. 3 к.

Свенцицкій, Вал. Что нужно крестьянину? Изд. 2-е. Ц. 3 к.

Эрнъ, Вл. Семь свободъ. Ц. 3 к.—Какъ нужно жить христіанамъ? Ц. 3 к.

Серія III (переводная).

Брентано, А., проф. Христіанско-соціальное движеніе въ Англіи (съ пред. проф. С. П. Будгакова). Ц. 40 к.

Буассье. Катакомбы. Ц. 30 к.

Гарнанъ. Сущность христіанства. Ц. 65 к.

Разныхъ издателей.

Бѣме, М. Исторія жизни Дяди Писенъ. Заключение къ „Дневнику вѣдшей женщины“. Ц. 1 р. 25 к.

Бурже, П. Женское сердце. Ц. 1 р.

Бушменъ. Шесть разсказовъ. Ц. 50 к.—
Въ деревнѣ. Ц. 40 к.—Смѣшные люди. Ц. 70 к.—Смѣшная деревня. Ц. 60 к.—Смѣшные дашники. Ц. 40 к.—Смѣшная провинція. Ц. 50 к.—Московскія трушобы. Ц. 40 к.
Владиміровъ. Карательная экспедиція лѣтв. Семеновскаго полка. Ц. 1 р.

Вербицкая, А. А. Сны жизни. Ц. 1 р.—
Перлы ласточки Ц. 80 к.—Вавочка Ц. 1 р.—Освободилась. Ц. 1 р.—Исторія одной жизни. Ц. 1 р.—По новому. Ц. 1 р.—Злая роса. Ц. 1 р.—Чья вина? Ц. 1 р.—Счастье. Ц. 1 р.—Мотыльки. Ц. 1 р.—Безплодные жертвы. Ц. 80 к.—Свѣтаеть. Ц. 60 к.—Преступленіе Маріи Ивановны. Ц. 1 р.

Герценъ. Собр. соч. 7 т. Ц. 7 р.

Денисюкъ, Н. Смута общественной совѣсти (По пов. произв. Л. Андреева). Ц. 35 к.

Дрейфусъ, Ф. Мировая и социальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.

Жевайкинъ. Вездѣ жланъ. Ц. 60 к.

Каутскій, К. Социализмъ и сельское хозяйство (пер. подъ ред. Ленскаго, съ предисл. П. И. Маслова). Ц. 25 к.

Кулчнскій, Ф. Портъ-Артурскіе „герои“. Ц. 1 руб.

Освальдъ, Фр. Легкая собака. Полное руководство къ разведенію, содержанію, леченію и дрессировкѣ собакъ по нов. спос. безъ лоб. Пер. съ нѣм. А. Вестерникъ. Изд. 4-е. Ц. 2 р. 50 к.

Пазухинъ, А. Шутки пера. Ц. 1 р.

Позняковъ, Н. И. Дневникъ Магдалиники. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Разинъ. Бракъ по господств. способу произв. или Кандидъ и Панглось женатые. Ц. 25 к.

Риббингъ. Какъ слѣдуетъ выбирать мужа и жену. Ц. 30 к.—Половая гигиена. Ц. 75 к.

Терешъ, М. С. На Дальній Востокъ. Ц. 70 к.

Шахновскій, И. К. Финансовые гени. Ц. 60 коп.

Остатки изданій К. Т. Солдатенкова, купленные магазиномъ.

Каронинъ. Собр. соч. 2 т. Ц. 3 р.

Нефедовъ, Ф. Д. Собр. соч. 1-й и 2-й тт. Ц. по 1 р. 50 к.